

26,39
3-13

Витязь Саввавич

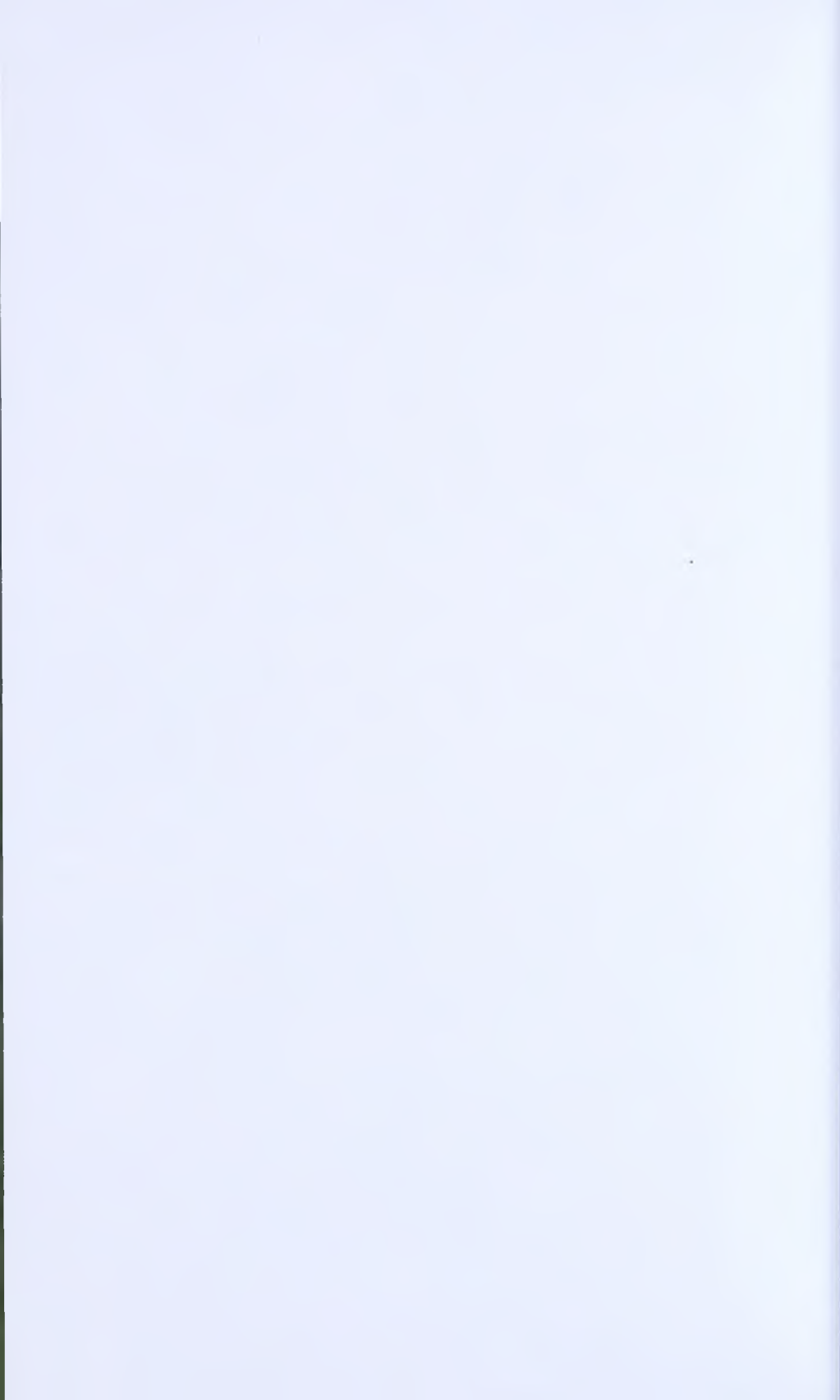
Описание
Западной Сибири

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

Югорский репринт

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

О П И С А Н І Е
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Цѣна 70 коп.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1862.

104
172

26.89 (2Рос - 253,3)

3-13

Утпорит Завалишин

Описание
Западной Сибири

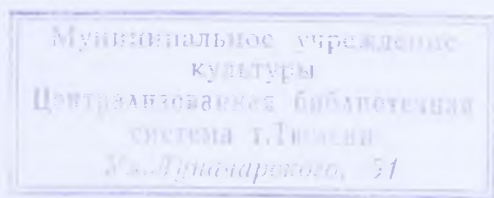
— 77319-1
ЭК

Мандр и Ка
Тюмень
2005

ББК 26.89

З 13

- З 13 ЗАВАЛИШИН Ипполит Ириархович**
Описание Западной Сибири / Предисл. Ю.Л.
Мандрики. — Тюмень: Мандр и Ка, 2005. —
512 с.

- © Мандрика Ю.Л. (предисловие), 2005.
© Кухтерин А.С. (обложка), 2005.
© Государственная библиотека Югры (издание), 2005.
© Мандр и Ка (оформление, издание), 2005.

ISBN 5-93020-348-2

«...он ознакомит Россию с Сибирью...»

**Ипполит Завалишин — историк, публицист
и большой мастер эпистолярного жанра**

Это имя, казалось, не надо представлять сегодняшнему читателю. Брат декабриста Дмитрия Завалишина... Провокатор в камере осужденных членов польских тайных обществ... Редактор-издатель «Русской старины» М.И. Семевский писал в письме Л.Н. Толстому «о жертвах доноса» некоего Ипполита Завалишина в Оренбурге 1827 г.»... Приговоренный к смертной казни через колесование, которая была заменена военным губернатором П.К. Эссенем каторгой навечно... Известный литературовед Ю. Лотман отмечал требование авантюриста, веровавшего в свое избранничество, занести в особые приметы «на груди родимое пятно в виде короны, а на плечах в виде скипетра». В молодости — переводчик Д. Байрона и А. Ламартина; в 60-е годы — автор многих мелодраматических рассказов, написанных на сибирском материале. Уже после революции 1917 г. некий С.Я. Штрайх в популярной библиотечке «Огонька» писал о Ипполите Завалишине: «Книги его, преимущественно исторические, печатались в 60-х годах, в годы наибольшей свободы русской печати при царизме, но тон их — угоднический, лакейский, исполнены они неумеренной похвалы великому милосердию царя и его жандармских генералов»¹.

Все это об одном человеке, прожившем длинную (1808–1883) и нелегкую жизнь. Но если сегодня поискать его имя на свалке мировой паутины, то можно встретить и другие определения: «известный русский исследователь Ипполит Завалишин», «научное значение имело опубликованное в 1862–1867 гг. “Описание Западной Сибири”» и т.д.

¹ Штрайх С.Я. Провокатор Завалишин. М., 1929. С. 8.

Указанное выше сочинение было опубликовано в трех томах, один из них — помещен в данной книге. О том, как она создавалась, кто были ее первые читатели и их мнение о труде, который, по мнению создателя, «...ознакомит Россию с Сибирью...» — все это, читатель, Вы найдете в документах, которые публикуются ниже.

Автор этих строк будет стараться как можно реже прерывать нить повествования И.И. Завалишина, отдавшего большую часть своей жизни эпистолярному жанру, основная часть которого была адресована вышестоящему начальству. И он расскажет все. И о себе. И о времени.

Как модно нынче говорить, но у этих документов сегодня иной дискурс. Они — черта той эпохи, в которую жил автор «Описания Западной Сибири». И нужно благодарить работников Государственного архива Омской области за сохранность документов, которые впервые ложатся на страницы книги...

* * *

Ваше превосходительство, милостивый государь!²

С величайшим удивлением прочел я в предписании Вашем, мне объявленном, отзыв управляющего Иркутской губернией, «что по предмету права жены моей на разъезды по Сибири», права, коим она пользовалась четыре года с разрешения и ведома правительства, «в делах Иркутского общего губернского управления никакой переписки не оказалось»!

Сделанный с таким легкомыслием отзыв сей тройне извинителен! Во-первых, [текст утрачен] доказывает совершенное невнимание к отношению, Вами сделанному, ибо факты, на кои Вы указывать изволили, возведенные в такое высшее официальное значение посредничеством Вашим, требовали самой точной справки; во-вторых, он выставил меня «лжецом» и мог за сие подвергнуть очень неприятному выговору, а в-третьих, он доказывает тоже отсутствие самого простого размышления, ибо можно ли было допустить, чтобы я решился обмануть кого же? Начальника губернии, сославшись ему на небывалые распоряжения правительства!

² Адресат неизвестен. В это время тобольским гражданским губернатором был Карл Федорович Энгельке. — *Здесь и далее прим. Ю.М.*

После подобного неосмотрительного отзыва я бы мог, конечно, и по праву допустить жену мою обратиться немедленно с жалобой к господину шефу жандармов, но мысль, что жалоба сия, впрочем, столь справедливая, повредила бы и чиновнику, который так легкомысленно дал подписать управляющему губернией сей отзыв, не основанный, как ниже сего видно, ни на какой справке, да и могла бы кончиться неприятным замечанием самому управляющему, а этого я бы хотел избежать, решила меня обратиться домашним образом к вашему превосходительству и покорнейше просить Вас отнестись к иркутскому гражданскому губернатору, чтобы он приказал навести справку получше, ибо нижеследующие указания — суть ясное и неопровержимое доказательство, что справки никакой не сделано!

1) Предписание иркутского гражданского губернатора от 20 мая 1844 года, данное на имя верхнеудинского окружного начальника (что ныне иркутский губернский прокурор) коллежского советника Шапошникова о немедленной выдаче жене моей паспорта для разъездов по краю, хранится доселе, подшитое к секретным делам 1844 года в общем переплетенном оных столбце, в самой камере присутствия окружного совета, в шкафу, по левую руку секретарского места!

и 2) Предписание верхнеудинского окружного начальника, Верхнеудинской же городской управы от 4 июня 1844 года о постоянной выдаче жене моей при первом ее востребовании законного вида для разъездов по краю; подписка, ею собственноручно данная городской управе о выслушании предписания иркутского гражданского губернатора и о получении первого паспорта; все паспорта: за 1844, 5, 6, 7 и 8 года, которые обыкновенно при сдаче их по истечении срока всегда подшивались как документы к секретным делам управы, с полицейскими на них явками Иркутска, Кяхты, Троицка-Саянска, Петровска, доказывающими, что жена моя беспрепятственно и неоспоримо пользовалась своим правом, наконец, последний вид, данный ей 25 сентября 1848 года, когда я уже был переведен в Курган, и предписание самого нынешнего иркутского гражданского губернатора, коим жене моей предоставлялось, если сего пожелает, остаться в Иркутском краю как женщине, которая по предоставленному ей праву могла всегда соединиться со мной потом и в Тобольске, — все сие хранится доселе подшитое и переплетенное по годам в при-

сутственной камере Верхнеудинской городской управы в шкафу, в углу, по правую руку входной двери!

После такой точной справки, ваше превосходительство, усмотреть изволите, что и в делах Иркутского общего губернского управления есть по сему предмету переписка. А посему как муж и как лично оскорбленный таким легкомысленным отзывом, проволочившим жену мою целый год в ее законном требовании, я обязан был просить защиты Вашей, и сделал бы это тремя неделями ранее, тотчас по получении здесь предписания Вашего от 19 декабря истекшего года, если б не нездоровье.

Обращаясь теперь опять от имени жены моей к вашему превосходительству, я убедительнейше прошу Вас, милостивый государь, благоволить истребовать в скорейшем времени от действительного статского советника Зорина удостоверение, основанное на точной справке, и по получении оного предписать местной полиции о выдаче жене моей законенного вида, ибо здоровье и личные дела ее давно бы требовали поездок в Тюмень и Тобольск, таким непос-
тижимым ходом дела опять остановленных!

С глубочайшим почтением имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольская губерния,
город Курган
13 января 1850 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 22–23 об.

* * *

Сиятельнейший князь, милостивый государь!³

В течение почти двух лет ваше сиятельство постоянно мне благодетельствуете! Назначив мне лучшее в краю ситительство, Вы увеличили вдвое казенное пособие, мною получаемое, и, наконец, оказали мне ту милость, которая для меня всего дороже: уверенность в покровительстве Вашем. Могу ли не быть от полноты сердца благодарным?

Но сиятельнейший князь! Обстоятельства заставляют меня предстательствовать о себе еще ныне пред Вами. Благоволите дозволить мне изложить прежде вкратце весь ход дела, на коем основана моя нынешняя просьба, прежде нежели осмелюсь ходатайствовать ей Ваше высокое покровительство и Ваше всеисильное слово.

³ Адресовано генерал-губернатору Западной Сибири князю Петру Дмитриевичу Горчакову.

1701 статьей XIV тома Свода законов, издания 1842 года и высочайше утвержденным в 1845 году положением Комитета гг. министров выезд из места водворения воспрещен исключительно лишь государственным преступникам, верховным уголовным судом сужденным. Но как преступник политический, сужденный в 1827 году обыкновенной Комиссией военного суда в Оренбурге и никогда ни к каким разрядам государственных преступников не принадлежавший, я, еще бывши в Петровском заводе, пользовался полной свободой выезда и занятий у частных лиц. По издании же Правил, высочайше в 1845 году утвержденных, я обратился тотчас с просьбой к тогдашнему генерал-губернатору Восточной Сибири, ходатайствуя об утверждении за мной права выезда и занятий у частных лиц. Просьба моя была тем более основательна, что сам генерал Рупперт разрешал мне частно и неоднократно выезд за несколько сот верст от места моего водворения уже после издания Свода законов 1842 года, и что с его же согласия я служил по коммиссионерству откупа гвардии капитана П.П. Энгельгардта, с коим ездил по краю, а потом по золотопромышленным делам у графини А.А. Толстой и у князя М.А. Дондукова-Корсакова. Оставалось утвердить за мной окончательно перечисление вновь в разряд политических преступников, в коим я состоял до февраля 1829 года, живши на свободе в Нерчинских заводах. Если же меня и всех других, в то время в заводах живших, и причислили на десять лет (до июля 1839 года) к каземату государственных преступников в Петровске, то это была общая временная мера предосторожности, что доказывается тем, что когда I высший разряд декабристов был освобожден и каземат уничтожен, нас, простых политических, перенесли опять в горное ведомство, в коем снова мы пользовались полной свободой выезда. Следовательно, положение 1845 года ко мне вовсе не применялось, и право разъезда и службы [у] частных лиц не могло быть у меня отнято без явной несправедливости. Однако это послужило поводом к нескончаемой переписке. Попавши со своей просьбой в самый разгар ревизии, последствием этого было то, что генерал Рупперт оставил ее без движения. Я обратился лично к ревизовавшему сенатору. И.Н. Толстой приказал местному окружному начальнику Шапошникову (что ныне иркутский губернский прокурор) непременно и немедленно предоставить в Иркутск о выдаче мне вида на разъезды, но ответ опять затянулся, а когда я чрез сестру мою в Москве и чрез сенатора М.Н. Муравьева просил в Петербурге непосредственно,

мне ответили, что моя просьба не встретит препятствий, но что для этого необходимо представление генерал-губернатора. Между тем генерал Рупперт уехал, я был переведен сюда, и вся эта четырехлетняя переписка не привела до сих пор ни к какому результату.

Когда же я имел счастье лично принести вашему сиятельству мою благодарность за первую милость, Вами мне оказанную, я не мог утруждать Вас никакой просьбой. Милостивое покровительство Ваше — есть награда высшая, даруемая известности постоянного неукоризненного пребывания в краю, известности благонадежного образа мыслей и поступков. Посему и о казенном пособии утруждать Вас непосредственно ранее года я не решился и о представлении мне права выезда и занятий у частных лиц на основании изложенного мною хода всего этого дела я не решился тоже доселе. Теперь же, прожив здесь неукоризненно полтора года, имея здесь свой собственный дом⁴, семейство, полное хозяйственное обзаведение, неукоризненный в своем образе мыслей, а что всего выше — уже выказанный милостивым вниманием и покровительством Вашими, я могу повергнуть теперь на милостивое воззрение вашего сиятельства эту просьбу. Разрешение ее представило мне теперь настоятельную необходимость. Оглохши с 1846 года вследствие нервической горячки, я по обстоятельствам моего переезда с края на край Сибири и забот, с этим сопряженных, не имел возможности правильно лечиться, хотя в первые года излечение еще возможно. Ныне сделавши консультацию в Москве, я вижу из нее, что здесь нет никаких средств лечиться. Мне необходимо или ехать лечиться в Тюмень, где есть хорошая вольная аптека и искусный медик, или в Тобольск к Вольфу, а в случае необходимости сделать мне операцию прободения слухового тамбура я должен буду съездить в Омск, потому что лишь в Омске могу найти высшие медицинские пособия и советы. Итак, получение права выезда мне дорого как и в отношении моей тяжкой болезни, так и потому, что, получивши облегчение, я могу опять с пользой для себя и своего семейства заняться у частных лиц, что уже и было мне предложено в прошлом месяце по акцизно-откупной части с местом ревизора по округу.

Изложив весь ход сего дела и причины, заставляющие меня ныне повергнуть его на милостивое воззрение вашего

⁴ Покупка деревянного одноэтажного дома у крестьянина Бурцова за 150 руб. серебром была оформлена 19 мая 1850 г.

сиятельства, я прошу, сиятельнейший князь, Вашего покровительства. Довершите Ваши благодеяния! При покровительстве Вашем и при одном всеильном слове Вашем я могу положительно надеяться! Смею думать, что Вы не оставите меня Вашей милостью, и в сем столь надежном для меня случае, как Вы уже дали мне мирный уголок, довольство, спокойствие душевное, неоцененные блага, которыми я Вам, сиятельнейший князь, обязан, Вашему великодушному слову, все оживляющему, и для частного блага, как Вы уже столько лет живете все, и в общности, благодетельствуя этому обширному и счастливому управлению Вашим краем!

С глубочайшим почтением имею честь быть, сиятельнейший князь!

Вашего сиятельства покорный и благодарный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольская губерния,

город Курган,

7 апреля 1850 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 2-6 об.

* * *

Подписка

Вследствие предписания господина тобольского гражданского губернатора от 4 июля 1850 года за № 731 честь имею объяснить следующее.

Подверженный с 1846 года такой болезни, которая может кончиться совершенной глухотой, и принимая в соображение ограниченность моих средств, равно как безызвестность исхода и самой продолжительности предстоящего мне лечения, я ходатайствовал у князя генерал-губернатора о разрешении мне выехать сперва в г. Тюмень по той причине, что он мне сподручен и что в нем есть хорошая вольная аптека и искусный медик. Если же бы не получил в Тюмени желаемого облегчения, то предполагал съездить из Тюмени в Тобольск для совещания с тамошними врачами. Но если и это было бы безуспешно, то думал обратиться в случае признанной необходимости в производстве операции слухового канала в Омск к тамошним медикам, так как в Омске сосредоточены ныне высшие медицинские пособия Западной Сибири. Таковое постепенное лечение было сообразно с ограниченностью моих средств и моим семейным и домохозяйственным положением, не допускающих слишком продолжительной отлучки из Кургана.

А посему я желаю «отправиться сперва в г. Тюмень с тем, чтобы оттуда предпринять поездку в г. Тобольск; в сложности же с пребыванием моим в Тюмени примерно **от четырех до шести недель сроком**⁵. Если же по возвращении моем из поездки в Тюмень и Тобольск я признаю потом необходимым, по неуспешности лечения и по совету врачей, искать высших медицинских пособий в Омске, то думаю ехать в Омск примерно **на три или четыре недели сроком**, судя по тому, предпринята ли будет там операция или нет; и так как вообще исхода лечения определить теперь в точности, ни при поездке в Тюмень и Тобольск, ни при поездке в Омск, решительно невозможно, ибо все зависит от успеха действия врачебных и хирургических средств, на сущность болезни, еще правильным лечением, доселе с самого 1846 года не испытанной».

О таковых моих желании и намерении я, согласно предписанию господина тобольского гражданского губернатора, на имя господина курганского городничего последовавшему, дал ему сию подписку.

Ипполит Завалишин.

Тобольская губерния,
город Курган.

21 июля 1850 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 17–18 об.

* * *

Ваше превосходительство, милостивый государь!⁶

С удивлением вижу я, что, невзирая на благосклонное содействие Ваше, Тобольская казенная палата опять пропустила и второе лето, не отведя мне покосных и пахотных земель! В прошлом, 1849 г. ей было предложено Вами 10 июня, стало быть за полтора месяца до начала покоса, и она уже и тогда была виновата в том, что не исполнила вовремя того, на что было и Ваше распоряжение, и постановление Совета Главного управления (состоявшееся еще в апреле 1849 г.). В нынешнем году я писал к Вам 7 апреля. Здешний городничий Тарасевич входил к Вам о сем с представлением 19 мая. И то и другое почти за два-три месяца до начала покоса. В землях здесь затруднения быть не может, они размежеваны и положены на план; отвод — одна формальность, которую за неимением в наличности в То-

⁵ Подчеркнутые в письме слова выделены полужирным шрифтом.

⁶ Адресовано тобольскому гражданскому губернатору К.Ф. Энгельке.

больские землемера для командировки сюда мог бы исполнить здешний земский суд; наконец, строгая точность Ваша известна, и я убежден, что Вы сделали с Вашей стороны все законные понуждения... отчего же, ваше превосходительство, казенная палата не сделала должного? И по какому праву она лишает меня два года того, на что есть воля царя, воля князя, ко мне столь милостивого, и который, конечно, не допустит разорить меня и мое начинающееся маленькое хозяйство такими ничем не извинительными проволочками и невниманием?

Купивши на последние деньги травы, купивши ее и в прошлом году, я прошу ваше превосходительство оказать зависящее от Вас содействие взысканием мне с виновного, по крайней мере, хоть 30 сер. за двухлетнюю сложность — 15 десятин в год, что далеко еще не покрывает моих убытков, потому что хорошие земли дороги, и не далее, как на прошлой неделе, цены на покосы при торгах в хозяйственном управлении возвысились значительно против того, что я полагаю, и при травах, очень скудных по случаю засухи. Иначе я буду вынужден продать дом, бросить все хозяйство и просить его сиятельство довести до сведения правительства о причинах, меня к сему побудивших, дабы не быть обвинену понапрасну в неодобрительном смысле, чем, конечно, я дорожить должен при милостивом внимании ко мне князя. А воля Ваша, без сена и хлеба из казенных 400 асс. поддерживать мне дом, больному и семейному, невозможно!

Заключая сие письмо, считаю долгом обратить тоже полное внимание Ваше на то, что и жена моя два года просит тщетно о выезде, когда имеет на это законное право и когда с лишком уже полгода тому назад (13 генваря) указал я иркутскому начальству даже камеру присутствия, шкаф и столбец, где хранится переписка, существование которой оно так странно отвергало! Она хочет обратиться к г. шефу жандармов, и я теперь уже не вправе отказать ей в оном.

Благоволите, милостивый государь Карл Федорович, почтить меня на все это скорым ответом по случаю моего отъезда для лечения болезни и принять уверение в том искреннем почтении, с коим имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольская губерния,
город Курган.
21 июля 1850 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 24—25 об.

Сиятельнейший князь, милостивый государь!⁷

Беспредельная доброта вашего сиятельства и все благодеяния, Вами мне в течение двух уже лет оказываемые, побудили меня решиться утрудить Вас еще раз, повергнув на милостивое воззрение Ваше: результаты моей поездки в Тюмень, причины, кои заставили меня отказаться от счастья лично принести Вам в Омске мою глубочайшую благодарность за все Вами для меня сделанное и, наконец, то, о чем я осмеливаюсь ходатайствовать у Вас ныне.

Поездка моя в Тюмень принесла мне ту несомненную пользу, что обнаружила вполне истинное свойство моей болезни. По консультации, произведенной под руководством управляющего Тюменским военным госпиталем штаб-лекаря Черемшанского и выданной им мне письменно 22 сентября, оказывается, «что болезнь моя состоит в органическом повреждении наружных покровов внутри слухового органа с повреждением и самой надкостной плевы, что болезнь сия образовалась вследствие жестоких болей в голове, что по долговременности этого страдания и излечение его очень затруднительно, что лишь постоянное лечение, в течение целого года непрерывно продолжаемое, может подать надежду на исцеление, что опасность грозит теперь не одному уже органу слуха, но и оказывает разрушительное действие на самый орган зрения, и что, словом, лучше не предпринимать ничего, нежели, предприняв, усилить ход недуга, который может повлечь за собой не одну уже потерю слуха, но и самую потерю зрения».

Подобная добросовестная и отчетистая консультация, частью письменно, частью в устных беседах и в строгом исследовании и опытах произведенная в течение почти двух недель, убедила меня в бесполезности дальнейших поездок, столь мне тягостных по моим ограниченным средствам, равно как и в бесполезности, или, точнее сказать, вреде начала какого-либо лечения заглазно, без опытного руководителя и средств медицинских при болезни своенравной и опасной, гнездящейся в голове, и которая при малейшем раздражении ее рукой не искусной может пасть всею тяжестью скопившейся материи не только уже на слух или глаза, но, по отзыву врачей, может повредить мозг и привести к самой потере рассудка!

Сиятельнейший князь, таковы причины, заставившие меня возвратиться прямо в Курган, чтобы отселе поверг-

⁷ Генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков.

нуть весь ход сего затруднительного дела на милостивое воззрение Ваше. Из всего выше изложенного, ваше сиятельство, усмотреть изволите, что и шесть недель, кои я считал в поданном мною гражданскому губернатору отзыве 21 июля достаточными, не принесли бы никакой пользы в такой органической и многосложной болезни, и что надо искать другого исхода грозящему мне несчастью при милостивом покровительстве Вашем.

В Кургане, как вашему сиятельству известно, нет ни руководителя, ни средств для болезней органических, требующих особого опыта и долговременного лечения. Сравнивая страшную участь, меня ожидающую, с усилиями и трудами моими в течение двух уже лет на прочное хозяйственное обзаведение мое здесь, я нахожу и смею думать, что Вы сами изволите с сим согласиться, что денежные утраты, кои я мог бы понести от перемены жительства, не могут, конечно, идти в параллель с участью, мне грозящей. Это решило меня, возвратившись сюда, немедленно и убедительнейше просить ваше сиятельство принять в человеколюбивое внимание мое безысходное положение и благоволить оказать мне Ваше всеильное покровительство в деле перехода из Кургана в Тюмень уже на постоянное жительство⁸. Причины так законны, положение мое ныне так тяжко и шатко и может привести меня к таким ужасным последствиям, что человеколюбие Ваше, сиятельнейший князь, не отринет моей просьбы и подаст мне и в этом Вашу всеильную руку помощи. Если же я по примеру многих, уже переведенных в Тобольск по болезни, не прошусь в сей город, где тоже есть все пособия врачебные, причина сему та, что по единогласному отзыву врачей климат тобольский убийственен для органических болезней головы, сгущая материю всюю тяжестью сырой и холодной атмосферы. В Омск бы очень желал и жить на виду у вашего сиятельства

⁸ Еще 8 августа гражданский губернатор К.Ф. Энгельке писал на имя генерал-губернатора Западной Сибири: «Ныне Завалишин вновь обратился ко мне с письмом по сему же предмету и в таком же тоне, как писано первое... Курганская городская полиция... аттестовала Завалишина "наклонен к пьянству и в этаким виде неспокойного характера". ...чтобы он был умереннее и о присутственных местах и о должностных, а особенно начальствующих лицах отзывался с большим уважением» (ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 20–21 об.)

Новая просьба завершилась отказом: «Не нахожу удобным ходатайствовать о переводе его на жительство в г. Омск или Тюмень» (ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 37).

почел бы за счастье, да не думаю, чтобы сие было возможно, и проситься туда не смею. В других уездных городах губернии (кроме Тюмени) то же, что и в Кургане. В Тюмени лишь соединяются для меня теперь все условия. Близость перехода, сухой и здоровый климат, одна из лучших аптек в Сибири, врачи опытные и добросовестные, та же дешевизна припасов, как и в Кургане, и, наконец, самая дешевизна построек, подающая мне надежду обзавестись и там хорошо и хозяйственно по времени.

Повергая все это на милостивое воззрение вашего сиятельства, я повергаю вместе с сим, как видеть изволите, и самую участь мою в будущем с полной на Вас надеждой! Заслуживши столько раз высокое внимание Ваше, я смею уверить Вас, сиятельнейший князь, что не употреблю во зло и этой Вашей милости, если Вы мне ее даруете, что буду тшиться оправдать ее тою же неукоризненностью мыслей и поступков, как и доселе, и что свято выполню то, что я обещал Вам, ходатайствуя о себе не однажды: «жить мирно, понимать свое положение и свои обязанности и помнить, что каждая милость Ваша есть краеугольный камень не только моего настоящего, но и моего будущего»!

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть, сиятельнейший князь! Вашего сиятельства покорный и благодарный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольская губерния,
город Курган,
5 октября 1850 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 33–36.

* * *

Копия

Ваше высокопревосходительство Николай Николаевич⁹. Находясь свыше 22 лет в Сибири, я по разным случаям моей скитальческой в ней жизни имел возможность узнать и испытать весьма многое. Я бывал в близких соотношениях, а часто и в приязни со всеми почти замечатель-

⁹ Член Государственного Совета, ревизующий по высочайшему повелению Западную Сибирь генерал-адъютант Н.Н. Анненков. Копия этого письма поступила на имя тобольского гражданского губернатора К.Ф. Энгельке. В сопроводительном письме Н.Н. Анненков сообщал, что к нему поступили «письмо и тетрадь под названием «Обозрение нынешнего устройства Сибири»», и задавал вопрос: «Может ли быть полезен Завалишин в гражданской службе?»

ными людьми в течение этой четверти века или правившими Сибирью, или трудившимися над изысканиями о ней или ее будущем: с генерал-губернаторами А.С. Лавинским и С.Б. Броневским, из коих один был старым другом моего отца, а другой его боевым офицером на Кавказе; с губернаторами: историком Д.Н. Бантыш-Каменским, статистиком А.П. Степановым и геологом С.П. Татариновым; с синологом о. архимандритом Петром, ныне главным миссионером за Байкалом, и ревизовавшим Сибирь по части государственных имуществ генералом Н.Л. Черкасовым; с ботаником А.П. Турчаниновым и знаменитым святостью жизни о. игуменом Варлаамом, просветителем дебрей чикойских, я принимал наблюдательное участие в делах откупных, компании А.К. Галлера и П.П. Энгельгардта (дружбой коего и доньне поддерживаем) и в делах золотопромышленных графини А.А. Толстой и князя Дондукова-Корсакова; я пользовался особенным расположением людей, влиявших и влияющих доселе на Сибирь — Н.Ф. Мясникова и Н.Д. Асташова (и доньне мне благодетельствующего); я видел вблизи две ревизии обеих частей Сибири в 1828 и 1844 годах, посещал берега Амура, беседовал с китайскими купцами в Маймачене; еще нет и трех лет, как в конце 1848 года проехал я все громадное пространство от границ Монголии до границ Урала, проехал, с отстоем мысли все наблюдая, поверяя лично все мною слышимое; посетил Иркутск и Красноярск, Томск и Омск, Тобольск и Тюмень, и от кабинетов генерал-губернаторов обеих частей Сибири до хижины ссыльного или юрты бурята в снежных пустынях сибирских я соприкасался всюду с сердцем любящим и с мыслью живой и теплой по всем видоизменениям здешней жизни, и ни одно проявление ее не проходило мимо меня незамеченным.

Этому счастливому стечению обстоятельств, столь благоприятствующих уму наблюдательному и точному, обязан я самыми разнообразными сведениями о Сибири, стране, еще так мало известной, но достойной всего внимания правительства. По настоятельному убеждению людей, которых я люблю и уважаю, решился я ныне представить вашему высокопревосходительству свод, если можно так выразиться, всего, что только я знаю о Сибирском крае, в надежде на просвещенное воззрение Ваше. Улучшения административные, хозяйственные и моральные, устройство градских и земских полиций, судебной, духовной и учебной частей, соединение Оби с Карской губой, а Енисея с Обью,

новые пути торговли с Китаем и Индией, водворение шелководства в Нерчинске, Минусе и Кузнецке, улучшение овцеводства в степях Киргизских и соединение Усть-Кяхты с Архангельском, а Амура с Россией; возобновление алвазинских селений и вызов китайцев для водворения в пустынях сибирских улучшенного земледелия; шелководства и мануфактурности, предположения об устройстве откупов, рыболовства и горных заводов; исследования состояния крестьян и инородцев, поселенцев и каторжных, столь близкие к сердцу каждого человека, согретою христианской любовью к ближнему; и, наконец, обширный проект лучшего устройства золотых приисков и развитие горнокаменной золотопромышленности, обещающей огромные выгоды казне и частным лицам, все сие, надеюсь, заслужит одобрительного взгляда Вашего, ибо я не имел, не мог иметь иной цели, кроме общей пользы и блага!

Представляя Вам сию книгу, названную мною «Обозрение нынешнего устройства Сибири», покорнейше прошу извинить меня в том, что она переписана мною рукой больной и дрожащей, потерявшей с приближением старости твердость и чистоту почерка. К переписке сей вынужден был я и тем, что крайняя еще запутанность географических имен сибирских заставила бы невежественных писцов здешних впадать в непрестанные ошибки и продлила бы бесполезно время, а и тем тоже, что в задушевных мыслях моих хотел я сохранить исключительное ведение Ваше.

Изложив вашему высокопревосходительству цель, сущность и исполнение моей книги¹⁰, я должен перейти теперь к моему личному положению и к тому, чего оно ныне от меня требует. Одержимый хронической болезнью, я не мог искать боевого поприща на Кавказе, где некогда доблестный отец мой был сподвижником и другом незабвенного Цицианова, но желая еще быть полезным, я просил с начала нынешнего года чрез сестру мою Катерину Иринархов-

¹⁰ В мае 1851 г. в квартире И. Завалишина курганский городничий произвел обыск и изъял рукописи. В письме управляющему общим губернским управлением Тарасевич спрашивает, что делать с рукописями? При этом городничий «нашел предосудительно то, что Завалишин называет себя в них поэтом, творческим гением и сочинение свое — славою России, за что ему должна быть благодарна Россия и воздвигнут памятник».

На это письмо курганскому городничему Тарасевичу было указано: «Не позволять себе стеснять без всякой основательной причины и пользы своим надзором Завалишина» (ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 42 об.).

ну, с давних лет постоянно в Москве живущую, и чрез принимающего во мне участие г. члена Государственного совета Михаила Николаевича Муравьева, друга нашего семейства, о разрешении мне вступить по Западной Сибири в службу гражданскую, так как я чувствую, что по моему точному знанию края, людей и обстоятельств я могу еще и должен быть полезен. С этой же самой просьбой обращаюсь я прямодушно и к Вам, и если, по усмотрению Вашему, добросовестный труд мой и я сам заслужим просвещенное одобрение Ваше, я буду считать себя вполне награжденным и потшусь на новом поприще, мне предстоящем, заслужить всегда милостивое внимание Ваше.

Благоволите, ваше высокопревосходительство, располагать мною везде и всюду, по воле и усмотрению Вашему. Несмотря на мои немощи, дух мой еще бодр, сила воли на добро и пользу велика, и много усердия могу я принести в благодарную дань Вам, если Вы подадите мне руку помощи, ибо я желаю одного: загладить ошибки моей юности службой строгой, службой бескорыстной, клонящейся к пользе престола и к благу Отечества.

С глубочайшим почтением имею честь быть вашего высокопревосходительства.

Подписал: покорный слуга Ипполит Завалишин.

Верно: надворный советник Латыпин.

Тобольская губерния,
город Курган,
29 марта 1851 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 40–41 об.

* * *

Его высокоблагородию господину курганскому городничему водворенного на жительство в городе Кургане государственного преступника Ипполита Завалишина

Прошение.

Вчерашнего числа возвращался я с базара (так как это был день субботний) в два часа пополудни. Едва лишь поравнялся я с домом здешнего 2-й гильдии купца Федора Шишкина, как Шишкин¹¹ выскочил за ворота свои в тулупе, подпоясанный и подбоченившись. Прямо подбежал ко мне и, загородив мне дорогу, начал говорить скороговор-

¹¹ Ф. Шишкин активно сотрудничал с «Ирбитским ярмарочным листком» и «Тобольскими губернскими ведомостями».

кой, что я ему должен 8 руб. серебром, что если я не отдам ему тотчас этих денег, то он меня вышлет, засадит и что ему только стоит сказать слово, и меня сошлют... Дальше я не стал слушать.

В ответ на эту новую и столь же дерзкую и глупую выходку, как та, которую он сделал 4 ноября¹², покусившись одурачить нас всех своей мнимой пропажей у него денег, я отвечал ему [...], что лавочного долгу не просят, ухватив за глотку на улице, и что, видно, он плохо раскаивается в своих прежних поступках, когда лезет добровольно в новые ответы, и, повернувшись к нему спиной, пошел дальше по улице.

Но так как Федор Шишкин, видно, еще худо знает, что такое я и с кем он имеет дело, то покорнейше прошу ваше высокоблагородие благоволить приказать господину дежурному по градской полиции квартальному надзирателю, призвав Федора Шишкина в присутствие оной, внушить ему однажды и навсегда следующее:

1) что я государственный преступник, то есть лицо политическое, а не кабацкий поселщик, с каковыми он, Шишкин, бывши здесь целовальником в питейном доме, имел некогда дело за застойкой; 2) что я состою под покровительством III отделения собственной его императорского величества канцелярии, генерал-губернатора и гражданского губернатора края, и что выслать меня не может не только какой-нибудь мужик, но и чиновник, в прямом ко мне отношении по службе состоящий; 3) что засадить следует не меня, а его, Федора Шишкина, за ложное обвинение, 4 ноября учиненное, и вчерашний буйный поступок на улице; 4) что если он еще раз осмелится когда-либо остановить меня подобным образом на улице, то я прежде, нежели дойти до градской полиции, поступлю уже с ним,

¹² История эта сохранилась в архивном деле. Вот что произошло, судя по донесению курганского городничего Тарасевича, 4 ноября.

Федор Шишкин заметил выходявшего из его дома государственного преступника Ипполита Завалишина, который, ничуть не смутившись, объяснил, что взял газеты, которые сразу после прочтения обязательно возвратит. Пройдя в свой кабинет, купец обнаружил пропажу со стола конверта с деньгами. Вызвали городничего, чтобы обыскать предполагаемого воришку. Место обыска несколько раз меняли: кабинет, горница и т.д. После очередного выбора помещения И. Завалишин возмутился, что его подозревают в неприличном поступке. И это тогда, когда конверт с деньгами лежит у Ф. Шишкина на столе. Вернулись в кабинет, посмотрели на стол, а там и в самом деле лежит конверт с деньгами.

Шишкиным, как поступают с пьяным мужиком, лезущим публично в глаза к прохожему.

Если же я Федору Шишкину и должен по его мелочной лавочной торговле, то он обязан был прислать ко мне приказчика на дом с подписанным или им, или его приказчиком счетом; и я никогда от долга своего не отпорен, а плачу оный по мере средств и возможности. Так поступает купец, себя уважающий, который хочет, чтобы и его уважали. Но ни в каком коммерческом уставе нет, чтобы за 8 руб. серебром, сумму, ничтожную и в глазах порядочного мещанина и не основанную ни на чем, кроме честного слова, истинный купец хватал потребителя за глотку, с сжатыми кулаками и грозя его выслать. Это показывает, что Федор Шишкин вполне мужик, неуч и будь у него действительно хоть миллион денег, неизвестно, какими темными путями им в дальней Сибири нажитых (ибо он здесь не на давних годах в виду целого города сидел в кабаке дом. подносчиком), он все-таки в глазах моих и всякого благомыслящего человека остается после всего им сделанного разлившейся кабацкой грязью, не больше!

Покорнейше прошу ваше высокоблагородие представить сие мое прошение в подлиннике господину начальнику губернии, ибо я с отходящей почтой представлю оное в копии его превосходительству с тем, чтобы прошение сие было повернуто на благоусмотрение господина генерал-губернатора Западной Сибири.

На подлинном написано: государственный преступник Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Курган. Ноября 25 дня 1851 г.

С подлинным верно: [...] городничего Тарасевич.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 72–73 об.

* * *

Ваше высокоблагородие Александр Николаевич!

Вслед за поездкой сюда капитана корпуса жандармов г. Смолькова¹³ писал я 13 сентября господину генерал-губернатору и изложил подробно причины, почему поездка сия не могла привести ни к какому полезному результату.

¹³ Очевидно, И. Завалишин не простил Тарасевичу обыск в квартире, донесение начальству о пропаже конверта с деньгами со стола Ф. Шишкина и написал телегу вышестоящему начальству, что городничий не явился на какой-то важный молебен... Началась проверка поведения в быту Тарасевича...

18 октября, когда Тарасевич вздумал оподозреть меня в за-
жигательстве, писал я опять к Густаву Христиановичу.

Дошли ли оба письма сии, я что-то плохо верю, ибо
господин генерал-губернатор на первое письмо мое к нему
от 14 июня сам непосредственно благоволил отвечать мне
через здешнего исправника от 6 августа из Омска за № 97. А
первая моя жалоба заключала в себе обстоятельства, уже
давно известные из дела бывшего учителя Лыткина¹⁴. Воз-
можно ли после этого, чтобы его высокопревосходитель-
ство умолчал на письма мои от 13 сентября и 18 октября,
заключавшие в себе такие важные проступки, как покуше-
ние отравить меня и оподозреть меня в зажигательстве?

Наконец, 4 ноября, меня сделали уже вором! Прежде
сего я писал тоже и к г. Энгельке 18 октября. Потом писал
ему 8 ноября. А теперь пишу в третий раз и к вашему высо-
кородию, прилагая копию с нового прошения, мною 25
ноября в градскую полицию поданного. Не пора ли поло-
жить этому всему предел и удовлетворить меня во имя прав-
ды, закона и совести?¹⁵

Все это, милостивый государь Александр Николаевич,
очень-очень худо. Здесь такие чудеса делаются, что, право,
стоило бы разобрать их хорошенько и обратить строгое вни-
мание на действия местного начальства. Кажется, доволь-
но было писано, оставалось лишь проверить совестливо. И
тем более, что писал все это не мужик и не крючкотворный
ябедник, а я, которому можно было дать поболее вероятия,
ибо вся жизнь моя есть служение слову истины.

Не знаю, дойдет ли и это письмо мое до Вас. Но, во
всяком случае, я предупреждаю, что подожду ровно три не-
дели, а потом отправлю дубликат сего письма моего к г.
начальнику 8 округа корпуса жандармов, как только можно
будет вернее и прямее для доклада его высокопревосходи-
тельству Густаву Христиановичу. Нет других средств рас-
крыть правду. А те чудеса, которые здесь со мной делают,
достаточно извинят меня пред правительством, если я и
поступлю не по букве закона. Ибо и в этом последнем деле
купца Шишкина не он виноват в сущности. Он мужик, из
кабака вышедший, и думает, что все возможно. А виноват

¹⁴ Именно с его подачи был произведен обыск на квартире И. Завали-
шина.

¹⁵ В начале лета тобольский губернатор писал на имя Н.Н. Анненкова,
что И. Завалишин аттестуется «нетрезвого поведения и беспокой-
ного характера». Но при этом на гражданскую службу «мог бы быть
принят... не иначе как канцелярским служителем» (ГУ ГАОмскО.
Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 45 об.—46).

Тарасевич, подавший пример своеволия и забвения своих обязанностей. Это все его штуки.

Я же нахожу, что пора все это кончить. Это отвлекает меня от занятий полезных, утруждает главное. Начальство края тоже решительно без всякой пользы для службы вовлекает в переписку совершенно пустую, а часто и смешную, и все из-за того, что личность Тарасевича тут должна пострадать за свои же глупости. Ну стоит ли он всего этого, и если он не умеет вести себя, как следует начальнику города, стоит ли он тоже, чтоб из конца в конец губернии возбуждал толки, смех, пересуды и злоречие, набрасывать этим самым как бы тень и на начальника губернии, который будто унять его не в силах? Я этому не верю. И скорей полагаю, что истина до Вас не доходит, а может, и самые мои письма. Иначе его бы давно убрали.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь Александр Николаевич!

Вашего высокородия покорный слуга Ипполит Завалишин.

г. Курган,
29 ноября 1851 года, к № 31.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 70—71 об.

* * *

*Получено в отделении от г. чиновника особых поручений
Почекунина 27 июля*

Ваше высокопревосходительство Густав Христианович!¹⁶

Хроническая болезнь, кою я издавна подвержен — геморроидальные приливы крови и повременная сильная глухота, вынудила меня в мае 1850 года просить бывшего генерал-губернатора князя Горчакова об увольнении моем в города Тюмень, Тобольск и Омск сроком на 2 недели для совещаний с опытными врачами и закупки необходимых мне лекарств, к чему здесь ни людей, ни способов нет.

Медицинского свидетельства я не представлял, и князь от меня оно не требовал, ибо в бытность мою в г. Омске

¹⁶ Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт. — В июле на его имя тобольский гражданский губернатор писал об И. Завалишине как о «не выказывающем в поведении и образе мыслей особенно вредного, но имеющем характер беспокойный и склонность к излишнему употреблению спиртных напитков... Все письма Завалишина, которые я читал, равно свидетельствуют о дурном, заносчивом характере» (ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18298. Л. 49).

в ноябре 1848 года лично удостоверился в моем болезненном положении. По сношении с графом Алексеем Федоровичем Орловым я получил в сентябре испрашиваемое мною разрешение и на 2 недели, но по причине позднего времени года и продолжительных ненастий должен был ограничить поездку свою Тюменью, где и прожил сии 2 недели под руководством штаб-лекаря Черемшанского и запаса лекарствами из тамошней вольной аптеки.

Ныне, по истечении почти четырех лет, и пристрадав целую зиму, я нуждаюсь опять в совете опытных врачей и в новом запасе лекарства.

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство или благоволить уволить меня ныне же в город Омск сроком на две недели, или, если Вы сего сами сделать не можете, снестись ныне же с господином шефом жандармов, дабы я мог еще в конце августа предпринять сию поездку в теплое время года.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь Густав Христианович!

Вашего высокопревосходительства покорный слуга
Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии

город Курган,

июля 4 дня 1854 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18330. Л. 5—6.

* * *

Записка о популярном и иллюстрированном описании Западной Сибири

I. Для ознакомления и сближения Европы и России с Западной Сибирью предпринимается под просвещенным покровительством господина генерал-губернатора края «Популярное и иллюстрированное описание» онога в двух текстах — французском и русском — для одновременного издания их в Париже и в Петербурге.

II. «Популярное и иллюстрированное описание Западной Сибири» состоит из трех томов: I том изображает Тобольскую губернию, II том — Томскую губернию и III том — области: Семипалатинскую и сибирских киргизов.

III. Каждый том состоит из XV глав текста в 2 колонны в осьмушку большого формата, из 50 политипажных рисунков в самом тексте, из популярной карты, описанной в томе местности и из десяти таблиц статистических.

IV. Текст пишется языком популярным, чуждым ученого педантизма, общенародно понятным; старался собрать воедино все сведения о крае, его житье, нравах, обычаях, средствах к быту торговому, ремесленному и земледельческому, о путях сообщения, богатстве всех царств природы, об истории, памятниках, древностях и великих деятелях на пути просвещения и развития народного.

V. Рисунки изображают все губернские, областные, окружные и заштатные города, замечательнейшие по торговле слободы и села, монастыри, соборы, церкви, часовни, св. иконы и утварь, и надгробные памятники, одежду и вооружение войск Отдельного Сибирского корпуса, типы рас русских и инородческих, одежду и вооружение кочующих, игры, обычаи, сцены домашней жизни; виды живописных местностей, виды горных заводов и приисков с наглядным показанием копки и таски металлов и разработки золотосодержащих песков и, наконец, портреты лиц, управлявших краем и почему-либо приобретших популярную известность.

VI. Популярная карта изображает все пути сообщения: речные, почтовые и торговые, пристани, ярмарки, заводы, фабрики, прииски, пункты промышленной деятельности, как-то: солеломки, рыболовства, звероловства, сбора кедровых орехов и вообще все, что может дать ясное понятие о торговле, промышленности и быте края.

VII. Статистические таблицы заключают в себе списки фабрик, заводов, приисков, пристаней, перевозов, аптек, банков, учебных и богоугодных заведений, почтовых трактов и путей торговых, имена врачей, аптекарей, повивальных бабок, купцов всех трех гильдий, крестьян, торгующих по свидетельствам, лучших ремесленников в городах, художников; ведомости о числе жителей по десятой ревизии — по губерниям, округам, волостям, инородческим управам, по сословиям и числительную силу войск.

VIII. По изготовлении французского и русского текстов, рисунков, карты и таблицы первого тома оный отправляется установленным порядком в цензуру, а потом предлагается книгопродавцам-издателям петербургским и парижским.

IX. Доски политипажей парижского издания могут быть по соглашению с французским «editour» переданы изданию петербургскому. Равным образом можно будет войти в сношение и с издателями германскими для одновременного издания I тома в Берлине на немецком языке для Германии.

X. II и III тома «Популярного и иллюстрированного описания Западной Сибири» будут изданы на тех же правилах, как и том I.

XI. Все издание должно быть кончено в два года, т.е. в 1860 году, и

XII. Отказываюсь от сумм, которые по праву авторскому могут быть мне выплачены в Петербурге, Париже и Берлине, на учреждение городского банка и популярной публичной библиотеки в Кургане, дистанционную больницу в Пелыме, усиление средств Тобольской Мариинской школы и женского отделения тюремного комитета и, наконец, на сооружение в Пелыме часовни в память находившегося здесь в заточении боярина Михаила Никитыча Романова, меньшого брата патриарха Филарета и дяди царя Михаила.

И. Завалишин.

Пелым¹⁷, 1 мая 1858 года.

Приложения

Западная Сибирь.
1858—1859

Описание популярное и иллюстрированное, составленное
И.И. Завалишиным
Том I
Тобольска губерния
С.-Петербург
1859

Оглавление первого тома

Вступление. Обзорение Западной Сибири. Состав и границы сего края. Равнины, тундры и болота. Горы и долины. Степи. Реки и озера. Судходство. Климат. Минералы. Растения. Животные. Пространство и число жителей. Очерк истории края. Администрация: военная, гражданская, духовная, почтовая и таможенная. Города. Ярмарки. Пристанни. Промышленность. Торговля. Просвещение. Племена, населяющие Западную Сибирь. Русское племя. Сословия. Духовенство. Дворянство. Чиновники. Купцы. Мещане. Крестьяне. Ссылные. Казачьи войска. Оседлые народы. Кочующие народы. Сопредельные азиатские страны. Будущность Западной Сибири. Заключение.

¹⁷ «За «ябедничество» и «подстрекательство других к несправедливым жалобам» Завалишина подвергают суду и заключают в острог», после чего он был выслан в Пелым. — См.: Русские писатели (1800—1917). М., 1992. Т. 2: Г—К. С. 300—301.

Глава I. Обзорение Тобольской губернии. Общий топографический вид ее. Административные деления. Омск. Генерал-губернатор Западной Сибири и командир Отдельного Сибирского корпуса Г.Х. Гасфорт. Его военное и гражданское поприще. Главное управление Западной Сибири. Штаб Отдельного Сибирского корпуса. Общий вид Омска. Его летопись. Крепость. Собор. Нынешний и будущий дома генерал-губернатора. Форштаты. Сибирский кадетский корпус. Его влияние на край и войска. Правление Сибирского линейного казачьего войска. Суконная войсковая фабрика. Мечеть. Дом Главного управления Западной Сибири. Зала Совета. Публичный сад. Благородное собрание. Таможня и меновой двор. Городская тюрьма. Крепостная работа. Внешний вид города. Площади, улицы, мосты, церкви и общественные здания. Частные здания. Военный госпиталь. Гражданская больница. Фабрики и заводы. Торговля и промышленность. Общественная жизнь.

Глава II. Приготовления к отъезду. Первые путевые впечатления. Почтовые дороги Западной Сибири. Вид Омского округа. Зажиточность крестьян. Город Ишим. Никольская ишимская ярмарка. Ишимский округ. Развитие хлебопашества и скотоводства. Салотопенные и кожевенные заводы. Торговля скотом и в особенности салом и маслом. Река Ишим. Город Петропавловск. Его значение в Средней Азии и в торговле. Меновой двор. Разнообразие азиатских костюмов. Торговые караваны. Ташкент и Бухара. Кульджа и Чучугак. Россия, Англия и Китай в Азии. «То be, or not to be» Макбета. Будущность торговли с Китаем. Преимущество здешних торговых путей пред Кяхтой. Бухарцы, ташкентцы, татары, киргизы. Степные удовольствия. Конина и кумыс. Абатская слобода. Ее ярмарки.

Глава III. Линия. Быт прилинейных казаков. Обычаи и увеселения. Казачьи песни. Бахчи. Необыкновенное плодородие южных округов Тобольской губернии. Изумительная дешевизна хлеба. Недостаток сбыта местных произведений Западной Сибири. Необходимость Казанско-Сибирской железной дороги. Устройство ее по Северо-Американской системе. Выгон скота из Киргизской степи. Североамериканские лесопильные мельницы в применении к Сибири. Истребление лесов в южных округах. Соль и соленые озера. Курганский округ. Развитие салотопенного и свиного производства. Торговля домашней птицей и дичью. Коровье масло. Кожевенные заводы. Пшеница. Крупчатные мельницы. Богатство крестьян. Сравнение быта крестьян

сибирских с бытом крестьян внутренних губерний. Сельская торговля. Ярмарки и торжки. Город Курган. Древняя насыпь на берегу Тобола. Раки. Возможность судоходства по Тоболу. Оживленный вид местностей. Ялуторовский округ. Идиллические берега Исети. Город Ялуторовск. Фабрикация шерстяных изделий.

Глава IV. Тюменский округ. Торговый дух жителей. Ямщина. Ковровая и кожевенная промышленность. Город Тюмень. Кучум. Живописный вид Тюмени. Первая церковь в Сибири. Свято-Троицкий монастырь. Могила схимника Феодора (митрополита Филарета Лещинского). Ремесленность городских жителей. Хлебосольство. Богачи. Тюменская ярмарка. Причины ее медленного развития. Необходимость перевода Ирбитской ярмарки в Тюмень. Тюменское купечество. Старообрядцы. Общественная жизнь в Тюмени. Публичный сад. Катер государя императора в Тюмени. Тура. Пароходство. Успенский винокуренный завод. Каторжная работа.

Глава V. Дорога из Тюмени в Туринск. Начало лесной половины Тобольской губернии. Урманы. Тайги. Туринский округ. Звероловство. Кедровые орехи. Город Туринск. Туринский женский монастырь. Школа для др. лиц. Игуменя Асинодора. Туринская школа живописи. Золотошвейное искусство. Железные изделия. Туринский архив старых дел. Возвышение и упадок Туринска. Табаринский волок. Пейзажи Салватора-*[неразборчиво]*. Плавание вверх по Тавде. Венецианские ночи. Пелым. Воспоминания о боярине Михаиле Никитиче Романове, герцоге Курляндском и генерал-фельдмаршале графе Минихе. Следы пребывания графа Миниха в Пельме. Часовня. Предания. Конда. Соболиный промысел. Вогулы и их образ жизни. Зажиточность жителей. Сходство Тавды с Чикоем и Хилоком в Забайкальской области. Охота на медведя. Необходимость тщательного исследования местности. Тавдинское пароходство.

Глава VI. Плавание вниз по Тавде. Воды Туры и Тобола. Необходимость казенных пароходов. Иртыш. Тобольский округ. Картинный вид города Тобольска с реки Иртыша. Кремль. Святая София. Угличский ссыльный колокол. Митрополит Иоанн Максимович. Шведские ворота. Шведская школа. Предания о наместничестве. Генерал Чичерин. Романическая жизнь губернатора Сойманова. Прежние ссылки. Граф Мусин-Пушкин. Кабинет-секретарь Эйхлер. Графиня Головкина. Наружный вид Тобольска. Наводнения. Исторические пожары. Гимназия. Семинария. Необходи-

мость публичных библиотек в Сибири. Мариинская девичья школа. Дом губернского управления. Губернские ведомости. Тюрьма и арестантская рота. Памятник Ермаку. Публичный сад. Воспоминания о пребывании государя императора в 1837 году в Тобольске. Общественная жизнь. Чиновники и купечество. Мещане. Татары.

Глава VII. Окрестности Тобольска. Искер. Предания о Ермаке. Иоанновский монастырь. Абалакский монастырь. Повесть о явлении чудотворной иконы Абалакской Божьей Матери. Летняя ночь на Иртыше. Рыбная ловля и рыболовные пески. Торговля и промышленность Тобольска. Причины его упадка. Соединение Иртыша с Печорой. Тобольско-сибирский Ливерпуль в будущем.

Глава VIII. Плавание в Березов. Разлив Оби. Преддверие Ледовитого океана. Березовский округ. Занятия жителей. Звероловство. Рыболовство. Город Березов. Могила князя Меншикова. Граф Остерман. Князя Долгоруковы. Драматическая жизнь графини Натальи Шереметевой. Жизнь в Березове. Летняя ночь и незаходимое солнце. Морозы. Северные сияния. Библиотека уездного училища. Военно-окружное управление.

Глава IX. Березовская ярмарка. Остяки. Остяцкие князья Тайшин и Артанзиев. Быт остяков. Рождения. Свадьбы. Похороны. Медицина. Ученики лекарские из остяков. Охота. Оленьи стада. Шаманы. Суеверия. Зимняя езда в нарте. Остяцкие песни. Самоеды. Их нравы и увеселения. Игры. Оружие. Самоедские песни. Характер обоих племен.

Глава X. Кондинский монастырь. Остяцкая школа. Архимандрит Арсений. Обдорск. Крещенская ярмарка. Защищенный город Сургут. Необходимость развития рыбопромышленности. Соединение Оби с Печорой. Обская губа. Ледовитый океан. Предания самоедов о «зеленеющих островах». Заполярная Атлантида.

Глава XI. Сургутские тайги. Урманы. Зимний путь в Тару. Езда на оленях. Тарский округ. Благополучие жителей. Хлебопашество и скотоводство. Озера и рыбные ловли. Васьюганские тундры. Ночь в тайге прииртышской. Сотворение мира. Город Тара. Кожевенное производство. Бухарцы и татары. Купечество. Древние купеческие роды в Тобольской губернии. Екатерининский винокуренный завод.

Глава XII. Викулова слобода. Такмыцкая слобода. Ярмарки. Особенности сельской жизни в Тарском округе. Возможность пчеловодства. Сельская промышленность. Заимки. Сибирский почтовый тракт. Обозы. Нравы и обычаи

обозных ямщиков. Постоялые двory. Гигантская хлеб-соль. Крестины, свадьбы и похороны у крестьян. Крестьянские песни.

Глава XIII. Причины частых скотских падежей в Сибири. Сибирская язва. Лечение скота и лошадей. Воспоминания о холере 1853 и 1848 годов. Знахари. Порча. Сельская медицина. Талисманы. Ссылнопоселенцы. Челоклеймение. Кнут, плети, палки и розги. Кандалы ручные, ножные и шейные. Необходимость нового уголовного кодекса. Ложные понятия о Сибири в Европе и о ссыльных в России.

Глава XIV. Соляная промышленность в Тобольской губернии. Коряковское озеро. Пристань. Добыча и развозка соли. Солеломщики. Солевозчики. Вольные озера. Цены соли казенной и вольной. Неумение солить впрок рыбу. Обские сельды.

И глава XV. Прииртышская линия. Крепости и станицы. Форпосты. Линейная жизнь. Походы в степь. Хлебопашество и скотоводство. Возвращение в Омск. Обзор путешествия по Тобольской губернии. Будущность ее в торговом, промышленном и хозяйственном отношениях. Видимый ход улучшений. Заключение.

К сему первому тому приложена популярная карта Тобольской губернии.

Список рисунков при первом томе

1. Портрет Г.Х. Гасфорта, генерал-губернатора Западной Сибири и командира Отдельного Сибирского корпуса.
2. Вид города Омска из-за реки Иртыша.
3. Внутренность Омской крепости.
4. Церковный парад в Омске.
5. Офицеры и нижние чины линейных батальонов, казаки и артиллеристы.
6. Вид Сибирского кадетского корпуса с площади.
7. Воспитанники Сибирского кадетского корпуса в полной строгой форме.
8. Зала Совета Главного управления Западной Сибири.
9. Крепостные арестанты на работе в Омске.
10. Меновый двор в Омске.
11. Новый дом генерал-губернатора Западной Сибири.
12. Толкучий рынок в Омске.
13. Вид города Ишима.
14. Ярмарка в Абатской слободе Ишимского округа.
15. Вид города Петропавловска.

16. Внутренность менового двора в Петропавловске.
17. Приход азиатского каравана на меновой двор.
18. Ташкентец и бухарец в народной одежде.
19. Казачья станица на линии.
20. Вид города Кургана.
21. Вид города Ялуторовска.
22. Вид города Тюмени.
23. Катер государя императора в Тюмени.
24. Вид татарской деревни в Тюменском округе.
25. Ссылнокаторжные на работе в Успенском заводе.
26. Вид города Туринска.
27. Протестантская часовня фельдмаршала графа Минаха в Пелыме.
28. Вогоул на охоте.
29. Вид города Тобольска от реки Иртыша.
30. Угличский ссыльный колокол в Тобольске.
31. Памятник Ермаку в Тобольске.
32. Св. икона Абалакской Божьей Матери.
33. Внутренность новой тюрьмы в Тобольске.
34. Вид города Березова.
35. Могила князя Меншикова в Березове.
36. Вид Обдорска.
37. Самоеды и остяки в национальном костюме.
38. Вид Сургута.
39. Внутренность остяцкого чума.
40. Шаман на заклинании духа.
41. Зимняя езда на оленях.
42. Устье Оби при Ледовитом море.
43. Вид Тарских урманов ночью.
44. Город Тара.
45. Знахарь, лечащий крестьянина.
46. Сельский праздник в Тарском округе.
47. Форпост на Иртышской линии.
48. Ломка соли на Коряковском озере.
49. Казачья сходка в станице на Иртышской линии.
50. Рыбная ловля на Иртыше ночью.

Список статистических таблиц при первом томе

- I. Список фабрик и заводов казенных и частных.
- II. Список приисков по алфавиту хозяев.
- III. Список учебных и богоугодных заведений — казенных и частных.
- IV. Список трактов почтовых и торговых, пристаней, перевозов, постоянных дворов, гостиниц, ярмарок и торжков.

V. Список банков, аптек, общественных касс и торговых контор.

VI. Список купцов всех трех гильдий по капиталам и по алфавиту.

VII. Список врачей, аптекарей, повивальных бабок, ремесленников и художников по округам и месту жительства.

VIII. Список торгующих крестьян по округам и месту жительства.

IX. Десятая ревизия по губернии, округам, волостям и инородческим управам.

X. Десятая ревизия по сословию.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18345. Л. 11–24 об.

* * *

Ваше высокопревосходительство Густав Христианович!

С чувством беспредельной благодарности усмотрел я из предписания господина управляющего Тобольской губернией от 27 апреля за № 154, что Вы благоволили обратиться Ваше милостивое внимание на мое положение, обратиться, по примеру того, как сие сделано Вами в январе 1858 года, когда такая быстрая помощь была мне по воле Вашей и так кстати оказана.

Положение это Вам ныне хорошо известно. Но, забывая, по выражению первого письма моего из г. Пельмы от 15 ноября 1857 года, великодушно прошедшее; следуя влечению Вашего благородного сердца и Ваших возвышенных чувств, проницая светлым и беспристрастным взглядом в то, что было тогда неизбежным последствием стечения обстоятельств и случайностей; отделяя прошедшее от настоящего, как они уже отделены целой Россией во всем, что воочию ныне свершается, ваше высокопревосходительство, можете еще многое для меня сделать. Не одни материальные нужды мои требуют великодушного обеспечения в будущем, сего требуют и нужды невещественные, выходом из нынешнего тяжкого и бесплодного положения... и тут обширное поприще Вашим влечениям к добру, всему, что есть прекрасного в душе Вашей, когда люди, желавшие из всего извлечь свою личную пользу, а не благо общее, не будут становиться преградой между Вами и мною, как сие было!

Еще раз, как высказал я в письме мысль к Вам от 1 мая прошлого года, доверчиво вручаю Вашему сердцу и Вашим чувствам мою будущность. Дайте мне возможность быть

полезну, и что всего мне дороже, возможность «лично» изъяснить Вам, сколь много я ценил и ценю Ваше доброе расположение. Этого я вправе ожидать от Вас, ибо никогда не искал и не ищу доселе ничего, как пользы общей, служения истине, прямодушного стремления к тому, что ныне стало жизненной потребностью России!

Благородный генерал! Года уходят невозвратно, а ошибаться или несвоевременно действовать свойственно человеку. Вы имеете теперь возможность сделать добро и поступить по влечению Вашего прекрасного сердца. Действуйте по его указаниям! Это будет Вас достойно.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь Густав Христианович!

Вашего высокопревосходительства

покорный и благодарный слуга

Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии Пелым,

мая 15 дня 1959 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18345. Л. 7–8 об.

* * *

Ваше высокопревосходительство Густав Христианович!

Я имел счастье получить чрез господина управляющего Тобольской губернией от 8 июня сего года за № 229 милостивый ответ Ваш с разрешением представить Вам по начальству первый том «Описания Западной Сибири», ныне мною изготовляющийся.

Все, что только от меня собственно зависит, будет, конечно, добросовестно употреблено мною, чтобы сделать сию книгу вполне достойной просвещенного одобрения Вашего. Невозможности же, истекающие из моего личного положения здесь, будут представлены при сей книге (в виде записки «Предположений, как это удобнее устранить») на милостивое усмотрение Ваше, а именно: 1) о популярных картах, 2) о статистических таблицах, 3) о росписях, сведений необходимых или полезных каждому в ежедневном быту и 4) о политипажах, предназначенных для размещения в самом тексте книги. Все это, конечно, могло бы быть вполне устранено моим личным приездом в Омск, но сам приезд сей «покуда» не от Вашей доброй воли зависит, то все-таки, ваше высокопревосходительство, изволите найти в записке «Предположений», которую я буду иметь честь Вам представить, возможность при местном содействии Вашем

победить материальные препятствия. А это теперь главное. Потом — Бог даст! — мы все-таки в Омске увидимся.

Заклячая это письмо, мне остается (и я просто не знаю, как это выразить словами) благодарить Вас, возлюбленный генерал, за то, что Вы приняли на себя обо мне там, в Петербурге, ходатайствовать. Это уже важный, очень важный шаг к будущей развязке, к полному великодушному забвению прошедшего! Действия Ваши в сим случае достойны Вашего благородного сердца, Ваших высоких чувств, и когда я доверчиво взывал к Вам в прошлом году, последствия доказывают мне нынче, что я поступил с полным знанием Вашего сердца!

Первый том «Описания Западной Сибири», изображающий Тобольскую губернию со всеми к оному «Приложениями», будет представлен Вам, лишь только проверенный и исправленный ныне по указаниям опыта изготовится надлежащим образом к отправке и, как я полагаю, не позднее октября месяца.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милости-вашей государь Густав Христианович!

Вашего высокопревосходительства покорный и благодарный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии Пелым,
1 июля 1859 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18345. Л. 27–28 об.

* * *

Ваше высокопревосходительство Густав Христианович!

22 ноября по распоряжению господина тобольского гражданского губернатора выдано мне в казенное пособие за майскую треть сего года 38 р. сер. по размеру 114 р. сер. в год, которые я получал до 1855 года. Сие новое доказательство Вашего доброго расположения ко мне, столь для меня драгоценного, было принято мною с живейшей признательностью. Дай Бог, чтобы сгладилось, таким образом, и сие это прошедшее... и привело меня к осуществлению моего давнего желания: «лично в Омске благодарить Вас и высказать Вам все, что чувствую».

Я не мог, ваше высокопревосходительство, выполнить то, к чему обязался в последнем письме моем к Вам от 15 августа. Первый том «Популярного и иллюстрированного описания Западной Сибири» совсем готов. Он состоит из обширного «общего вступления», в коем изображена вся

Западная Сибирь во всех проявлениях ее многосторонней жизни и из «Описания Тобольской губернии», всего 350 страниц в лист большого формата со статистическими таблицами и ведомостями. Но усиленные кабинетные труды истекшего двухлетия едва не довели меня до потери зрения, и приливы крови к голове сделались так часты и так жестоки, что я вынужден был приостановить все работы месяца на два, чтобы дать отдых глазам. Оставалось переписать в последний раз всю рукопись, а Вы изволите знать, что для любой переписки недостаточно красивого почерка, нужны и знания. Такие копысты и в Омске редки. Вот почему я прошу, ваше высокопревосходительство, извинить меня в невольном замедлении предоставления Вам первого тома. Но получивши теперь некоторое облегчение, примусь за окончательную переписку и надеюсь представить рукопись в январе. Искренне желаю, чтобы сей добросовестный, точный и по возможности полный труд заслужил просвещенное одобрение Ваше.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь Густав Христианович!

Вашего высокопревосходительства покорный и благодарный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии Пелым,
1 декабря 1859 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18345. Л. 31–33.

* * *

*Представить шефу жандармов об исходатайствовании
Вашего разрешения Завалишину [...] в Туринск по причине
болезни его.*

Письмо сие возвратить в [...] канцелярию.

Ваше высокопревосходительство Густав Христианович!

С чувством живейшей благодарности усмотрел я из предписания господина тобольского гражданского губернатора от 11 февраля за № 83, что Вам угодно было разрешить мне выезд в город Туринск¹⁸.

¹⁸ Екатерина Завалишина 31 декабря 1859 г. обратилась к Г.Х. Гасфорту с просьбой перевести ее брата, государственного преступника, в Туринск. За то время, что Ипполит Завалишин томится в Пелыме, здоровье его «расстроено сырым пелымским климатом». Генерал-губернатор не возражал против перевода, но лишь на три месяца, под секретное наблюдение. По его мнению, для переезда на постоянное место жительства в Туринск, где он будет «иметь возмож-

Не нахожу возможным от сего отказываться. Но, отправляясь отсюда 19 марта, признаю необходимым повергнуть на милостивое усмотрение Ваше то, что о сей поездке думаю. Вы, конечно, сами признать изволите справедливость всего, что мною изложено будет.

Я одержим издавна двумя жестокими болезнями: выпадающей грыжей и геморроем, то и другое обычные последствия ученой кабинетной жизни. Сии болезни, как Вы сами знать изволите, хронические, не поддающиеся временным лечением. Они требуют местности удобной, медицинских пособий постоянных, так сказать ежедневной поддержки жизни. Этого ничего нет в Пелыме. Много уже лет нет здесь врача, нет ни аптеки, ни больницы, и самая жизнь лишена всех удобств, ибо даже местные припасы достают за 300 верст из Туринска. Здесь базара нет и продавать сюда ничего не привозят, потому что покупать некому. Здесь ныне только 21 полуразвалившийся дом и 73 души о. п. жителей, все люди заезжие и служащие. Пахотных земель почти нет, а покосы в 25 верстах. Хозяйничать здесь нельзя. Пелым был стратегическим пунктом. Прошла надобность в этом пункте, и Пелым буквально исчез, церковь за церковью и дом за домом. Все деревни Пелымского края очень хорошо обстроены, и крестьяне живут достаточно, ибо звероловы и рыболовы. Один Пелым развалился и для жизни никуда не годен.

Повергая все это на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, осмелюсь ходатайствовать о разрешении мне остаться в Туринске на временное жительство. Денежные средства мои очень ограничены. К тому же я женат, да и вдобавок жена моя давно больна аневризмом. Посудите сами, как временные поездки были бы разорительны и тяжелы! А отказаться от того, что я почитаю драгоценным доказательством Вашего доброго ко мне расположения, не смею и не должен.

Благоволите уважить мою просьбу! Это будет и великодушно, и справедливо.

ность пользоваться медицинским пособием и поправит» здоровье, необходимо особое представление об образе жизни в Пелыме.

Несколькими страницами дальше в письме шефу корпуса жандармов сообщается, что И.И. Завалишину «прежде отказано было в издании периодического журнала «Сибирь». Еще одна неизвестная строка в жизни государственного преступника (ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18384. Л. 15 об.).

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь Густав Христианович!

Вашего высокопревосходительства покорный и благодарный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии Пелым,
1 марта 1860 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18384. Л. 5-6.

* * *

Ваше высокопревосходительство Густав Христианович!

С душевной радостью прочел я рескрипт государя, на имя Ваше 30 августа данный. Это правдивый голос всего Отечества за всю пользу, которую Вы принесли государственной будущности России в далекой Западной Сибири в течение Вашего десятилетнего многотрудного управления здешним краем. Благоволите принять и мои поздравления. Они истекают из тех же чувств душевного уважения, коими преисполнен весь край, Вами управляемый.

Но, ваше высокопревосходительство! Дошли до меня почти в то же самое время и слухи, что Вы уезжаете в Петербург с намерением сложить с себя заботы многолетнего управления Западной Сибирию, коей принесли Вы столько личных благородных жертв Вашими трудами, многими беспокойствами и самой тратой здоровья. Если это правда, то позвольте мне обратиться к Вам прямодушно и откровенно, ибо год кончается, а кто знает, сегодняшнее письмо может быть и последним, написанным мною к Вам в Омск.

Обращаюсь прежде всего к моему личному и так сказать домашнему положению.

Шестинедельная необыкновенная засуха, поразившая нашу Казанскую губернию в числе прочих, убила ныне все надежды, возбужденные весенними всходами хлебов. Из последнего письма сестры моей Екатерины Иринарховны из Москвы от 27 августа с прискорбием вижу я, что урожай нынешнего года вышел у нас очень плох. Между тем на имении лежит большой казенный долг в Московский опекунский совет, и по уплате процентов с частью капитала (чтоб не подвергнуться описи и продаже) средства наши на 1861 год очень стеснены, чтоб не сказать хуже! Между тем неизлечимая болезнь жены моей, мои хронические немощи, большие расходы при стольких переездах в нынешнем году и все еще продолжающаяся и здесь дороговизна от истощения запасов прежних лет очень стеснили и меня.

Нынешнего казенного пособия и того, что присылает сестра, уже мало, чтобы покрыть долги и расходы совершенно невольные, из крайних обстоятельств, выше приведенных, истекшие. Это, по моему мнению, могло бы облегчиться одним: «если бы мне возвратили в виде милости удержанное у меня за пять лет половинное казенное пособие, а именно: за 1854, 1855, 1856, 1857 и 1858 года, по 57 р. сер. в год, всего 285 р. сер., что, присоединяя тоже удержанные за январскую треть прошлого года 19 р. сер., составило бы 304 руб. сер. Деньги очень для меня теперь значительные в моей нынешней нужде». О сем осмеливаюсь ходатайствовать я ныне пред вашим высокопревосходительством, если только сие сделать будет возможно.

Перехожу теперь к моему общественному положению. Посильные труды мои уже заслужили одобрение Ваше и удостоены, как сие мне объявлено предписанием господина тобольского гражданского губернатора от 7 марта сего года за № 107, представления в Сибирский комитет. Вместе с сим Вам угодно было тоже лично удостоить меня и временной денежной награды, от Вас собственно дарованной. Ныне сестра моя Екатерина Иринарховна в предпоследнем письме своем из Москвы же от 10 марта уведомляет меня, «что для возвращения мне потомственного дворянства на правах, дарованных моим товарищам 26 августа 1856 года, необходимы добрая аттестация и ходатайство Ваше»¹⁹. Значит, и в этом великодушию Вашему многое возможно.

Я изложил прямодушно и откровенно вашему высокопревосходительству все, о чем осмеливаюсь просить Вас ныне. Надеюсь, что Вы во внимание к моему домашнему и общественному столь тяжелому положению (насколько сие Вам будет возможно) облагодетельствуете меня вдвойне, покрывая, таким образом, самым благородным и достойным Вашего доброго сердца зыбвением все ошибки прошедшего!

¹⁹ В 1860 г. И. Завалишин начинает ходатайствовать о возвращении ему прав потомственного дворянина. Тобольский гражданский губернатор А.В. Виноградский писал в Главное управление Западной Сибири: «Принимая во внимание преклонные уже лета Завалишина, недостаточное и болезненное его состояние, я признаю заслуживающим ходатайства вашего высокопревосходительства о даровании испрашиваемых им милостей» (ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18384. Л. 25). Однако «соизволения на это не последовало». Царская милость обернулась единовременным пособием в 100 руб. серебром.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь Густав Христианович!

Вашего высокопревосходительства покорный и благодарный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Туринск,
октября 7 дня 1860 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18384. Л. 21—22 об.

* * *

Ваше высокопревосходительство Густав Христианович!

Имею счастье принести Вам мои усердные поздравления с наступившим новым годом. Да сохранит Вас Господь на многие и многие лета для пользы вверенного Вам обширного края, коему Вы уже сделали так много добра и который так жизненно двинули вперед путем преуспевания вещественного и нравственного! III отделение собственной его императорского величества канцелярии отношением к сестре моей Екатерине Ириарховне от 8 ноября прошлого года за № 1882 дало ей знать, «что мне разрешено печатать свои сочинения».

Таким образом, упрощается вопрос об издании тома «Популярного описания Сибири» и остается надеяться, что великодушное личное представительство Ваше в Сибирском комитете и у государя даст мне возможность окончить сей обширный труд к полному удовольствию Вашему.

Если, ваше высокопревосходительство, признаете для себя неотяготительным, невзирая на огромные труды, уже Вами понесенные, осчастливить еще Западную Сибирь несколькими годами управления Вашего, я, признаюсь откровенно, очень бы желал иметь разрешение приехать в Омск ко времени Вашего возвращения и получить право на сие заблаговременно, чтобы по расчету числа успеть застать Вас в Омске прежде, нежели Вы отправитесь для обозрения степи, как это и делается всегда Вами летом. Если же мне будет возвращено ныне дворянство на общих с моими товарищами условиях, я бы не отказался и не отказываюсь от мысли: после личного моего свидания с Вами объехать самому Западную Сибирь без всяких на сие пособий казны. Ибо гг. редакторы русских журналов и гг. книгопродавцы делают уже мне теперь столько выгодных предложений, что я предполагаю отделить достаточный капитал на все издержки личного обозрения края.

Все мои предположения о достойном внимании и поддержке вашего высокопревосходительства описанию Сибири зависят ныне, конечно, и вполне от личной и великодушной инициативы Вашей в Петербурге. Да осуществится же сие не столько для меня собственно, сколько для того, чтобы я моими посильными трудами мог достойно отблагодарить Вас за доброе расположение Ваше!

Благоволите, милостивый государь Густав Христианович, принять уверение в том глубочайшем почтении и в той душевной преданности, с которыми имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный и благодарный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Туринск,
1 января 1861 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18409. Л. 5–6 об.

* * *

Ваше превосходительство Александр Васильевич!²⁰

Господин генерал-губернатор Западной Сибири предписанием своим от 28 июня за № 43 дал сюда знать, что мне разрешено предпринять путешествие с ученой целью по Тобольской губернии сроком на 2¹/₂ месяца. Предполагая выехать отсюда около 1 сентября, я обращаюсь к вашему превосходительству с моей покорнейшей просьбой: не благоугодно ли Вам будет оказать мне Ваше просвещенное содействие к успешному выполнению предположенной мною цели: пополнения предпринятого мною «Описания Сибири» личным обозрением края и собранием на местах вернейших сведений статистических, этнографических и иных.

Посему мне очень бы полезно было иметь открытое предписание Ваше, чтобы в путешествии моем по разным местностям вверенной Вам губернии начальство и учреждения не отказывали мне в необходимых для меня сведениях, чтобы мне дозволено было посещать тюрьмы, больницы, учебные заведения, и чтобы вообще я мог собрать наиполнейшие данные о таком крае, описание коего прочтут, конечно, с живейшим любопытством и Россия, и даже Европа.

Благоволите, милостивый государь Александр Васильевич, принять уверение в том глубочайшем почтении, с коим

²⁰ Адресат — тобольский гражданский губернатор А.В. Виноградский.

имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга
Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Туринск,
14 июля 1861 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18413. Л. 7–8.

* * *

Ваше высокопревосходительство Александр Осипович!²¹

На нынешней неделе получено здесь предписание Ваше от 28 июня за № 43. Сим предписанием «разрешено мне предпринять путешествие с ученой целью по Тобольской губернии сроком на 2¹/₂ месяца, с 15 июня по 1 сентября, в то самое время, которое означено мною в письме от 7 апреля к Александру Егоровичу Тимашеву²², и в предположении, что разрешение получится здесь не позже первых чисел июня.

Полученное в половине июля разрешение сие затрудняет туринского городничего и меня. Его, потому что он не знает, выдать ли мне узаконенный вид на 2¹/₂ месяца или на полтора. Меня же потому, что невозможно объехать такое обширное пространство в пять недель (если бы я и собрался в путь около 20 числа). Тем более что в Омске и в Тобольске, центрах главного управления и исторического развития всего края, мне, вероятно, придется прожить недели по две.

Сверх сего, имею честь объяснить, что по стечению независящих от меня обстоятельств я не могу отлучиться отсюда даже и с половины августа. Теперь приступаю к печатанию в Москве моих «Песен тысячелетия» (том I) и «Сибирских воспоминаний». Также идут переговоры с известной книгопродажеской компанией Щепкина и Солдатенкова о печатании первого тома «Описания Сибири». Наконец, я обязался доставить издателям «Песен тысячелетия», II и III тома оных (уже изготовляемые теперь мною к отправке в Москву же), непременно в августе²³. Все сие потребует еще несколько недель и задержит меня здесь, чтобы своевременно давать ответы на вопросы по делам столь многосложным, и по коим издатели, затрачивающие большие капиталы, ждать не могут.

²¹ Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель.

²² Министр внутренних дел.

²³ Они так и не были изданы.

Представляя это на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, я бы покорнейше просил разрешить турунскому городничему выдать мне узаконенный вид на 2¹/₂ месяца, считая срок сей со дня выдачи оногo. Если я выеду отсюда даже и 1 сентября, то это не будет препятствовать выполнению предположенной мною программы занятий, ибо работы, мне предстоящие, преимущественно кабинетные. Их можно выполнить удовлетворительно и в осенние месяца, хотя, конечно, летняя поездка была бы для меня удобней и приятнее.

Благоволите, милостивый государь Александр Осипович, принять уверение в том глубочайшем почтении, с коим имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Туринск,
14 июля 1861 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18413. Л. 10–11 об.

* * *

Секретно

Главное управление Западной Сибири
Отделение 1
Стол 2

Августа 4 дня 1861 года, № 84, г. Омск

Господину шефу корпуса жандармов.

В дополнение к отношению моему от 30 июня 1861 г. за № 60 имею честь сообщить вашему сиятельству, что находящийся на поселении в г. Туринске Ипполит Завалишин по встреченным им затруднениям выезд свой из г. Туринска для разъездов по городам Тобольской губернии принужден был отложить до более удобного времени, почему, дозволив ныне Завалишину начать свой путь с 1 сентября сего года и окончить непременно в течение 2¹/₂ месяца, т.е. в течение того же самого срока, который ему разрешен вашим сиятельством в сообщении ко мне от 13 минув. мая за № 768, я приказал предварить Завалишина, что если он сроком сим не воспользуется, то новый уже дан мною быть не может.

Причем долгом считаю довести до сведения вашего сиятельства, что Завалишин в письме своем к г. тобольскому гражданскому губернатору от 14 июля сего года просил снабдить его открытым предписанием о сообщении ему, Завалишину, местными начальствами сведений, необхо-

димых для дополнения составленного им «Описания Сибири», и о дозволении посещать тюрьмы, больницы и учебные заведения. В разрешение какого ходатайства, представленного г. начальником губернии на мое усмотрение, я вместе с сим уведомил г. действительного статского советника Виноградского, что снабжать Завалишина открытым предписанием я не признаю с своей стороны за нужное, так как собрание сих сведений Завалишиным производится не по поручению начальства, а по собственному его желанию, отчего он и может за получением сих сведений обращаться с своими просьбами к кому пожелает, и от усмотрения подобных лиц уже будет зависеть выполнить или нет желания Завалишина. Что же касается до испрашиваемого Завалишиным разрешения посещать при разъездах своих тюрьмы, больницы и учебные заведения, то к удовлетворению сей просьбы я не встречаю затруднений, так как во время поездки Завалишина по губернии он не освобождается от секретного надзора, почему за всеми его поступками и должно быть наблюдение местных градских и земских полиций, которые во время посещений Завалишиным разных заведений должны отряжать для надзора за его действиями одного из своих членов или ошого чиновника.

Генерал-губернатор.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18413. Л. 14–15.

* * *

Ваше высокопревосходительство Александр Осипович! Я выехал из Туринска 23 августа и в истекшие три недели осмотрел все пространство от сего города до границы Ялutorовского округа. В особенности старался я изучить и понять Тюмень, как узел всех торговых, водных и транзитных путей целой Сибири.

Признаюсь откровенно, что между так называемыми «печатными источниками» и тем, что вижу и слышу ежедневно, я нашел и нахожу огромную разницу. И никогда русская поговорка «не всему печатному верь» не являлась столь неопровержимо справедливой!

Нельзя не пожалеть, что Сибирь еще так мало известна даже самим постоянным ее жителям. Не описывать ее с печатного должно б было (как и я в числе других это сделал в моем первом томе «Описания Сибири»), а как предполагал сие Анатолий Николаевич Демидов, несколь-

ко лет тому назад. Здесь что шаг, то новые и неожиданные данные для наблюдателя, а часто и сушие находки. Так, на границе Туринского и Тюменского округов, в дремучих тайгах притуринских нашел я древнейшую деревянную церковь с целой картинной галереей самого древнего пошиба, ранее даже строгановской школы, а Иоанна Богослова, видимо, итальянской работы. Так, например, тоже возможность легкого и удобного сообщения рекой Ниццей между Тюменью и Ирбитью (что бы дало толчок здешней мелкой промышленности) явилась совершенно новым вопросом, вовсе еще не разработанным. Так, наконец, громкая и столь много хваленая Тюмень показалась мне, напротив сего, в большом застое умственном и даже материальном, ибо достаток богачей не составляет еще материал общего благосостояния, а масса населения видимо беднее, и беднее даже туринской!

Редакция «Русского мира»²⁴, петербургского журнала, коего я сотрудник с конца прошлого года, просит меня написать для нее ряд статей о моем нынешнем путешествии по Тобольской губернии. Я уже составил две обширных статьи, но не могу и не желаю отправлять их в Петербург без предварительного воззрения и разрешения вашего высокопревосходительства. И вот почему. Писать «по-печатному», как писали доселе даже официальные журналы (местные «Губернские ведомости», журнал Министерства внутренних дел), по совести нельзя, это будет чистейшая ложь! Писать же правду — могут обидеться... я предпочитаю представлять предварительно сии статьи Вам, и если Вам угодно будет разрешить мне послать их в том самом виде, в каком они написаны, я это сделаю. Обе первые статьи: 1) От Туринска до Тюмени и 2) Тюмень — по изготовлении их в надлежащем виде я буду иметь честь представить Вам из г. Ялу-

²⁴ Опубликовал несколько рассказов под псевдонимом Ипполит Прикамский. Среди них «Сибирские воспоминания» (1860. №97. С. 597–604; 1862. №1. С. 9–23), «Затуманская красавица» (1861. №84. С. 1401–1407), в которой есть несколько строк об исследователях инородцев Регули и Альквисте, «Братья Горкины: Из воспоминаний сибиряка» (1862. №43. С. 783–786) и др. Рассказы страдают обилием сентенций типа: «В Сибири живут люди солидные, интересные (пожалуй, скажут, что я отпускаю остроты!), обиденные; не гуманисты и не прогрессисты, а так себе — “чиновники”». Или: «Ссылные в сибирском царстве приносят пользу правительству только одним тем, что постоянно разминают ноги этапных солдат, разводящих их из Тобольска в Иркутск».

торовска²⁵, ибо на будущей неделе намерен переехать в этот округ.

В заключение моего письма я должен сознаться столь же откровенно, что много ошибся, предлагая сам Александру Егоровичу Тимашеву 2¹/₂-месячный срок на такую огромную программу. От Пелыма до Омска, от Васюгана до угла Оренбургской линии — целый мир, резко противоположных местностями, обычаями, племенами. Проверить то, что я уже говорил обо всем этом в первом томе моего «Описания Сибири», решительно в такое короткое время невозможно! Но я сделаю, что могу, и осмелюсь только уверить Вас, что, подобно даровитому рассказчику об Амуре, известному литератору Максиму, сделаю это добросовестно.

Благоволите, милостивый государь Александр Осипович, принять уверение в том глубочайшем почтении, с коим имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Тюмень,
14 сентября 1861 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18413. Л. 20–21 об.

* * *

Ваше высокопревосходительство Александр Осипович!

Спешу принести Вам мое извинение в том, что согласно с письмом моим от 14 сентября не могу представить описания моего путешествия от г. Туринска до г. Ялуторовска. Ни в Тюмени, ни здесь не мог я найти благонадежного человека для переписки, а рука моя так дурна, что своих подлинников представлять не смею. Но ваше высокопревосходительство! Вы, надеюсь, останетесь мною вполне довольны. Такого ясного, точного, правдивого и беспристрастного изложения всего, что я вижу и слышу, не даст Вам, ручаюсь, ни одна ревизия. Из моего путешествия истекает для Тобольской губернии то добро, что Вы будете знать ее вполне и будете тоже в возможности принять ныне же такие меры, какие Вам внушат Ваша опытность и Ваше благоразумие.

Я еду медленно — это правда. В 38 дней я успел осмотреть лишь города Тюмень и Ялуторовск да части округов:

²⁵ «Путевые заметки (Тобольская губерния)» И. Завалишина были опубликованы в «Тобольских губернских ведомостях» (1863. №41–47). Они имели три подзаголовка «От Туринска до Тюмени», «Тюмень. Успенский завод» и «От Тюмени до Ялуторовска». Полностью опубликованы в журнале: Лукич. 2000. №1. С. 58–93.

Туринского, Тюменского и Ялуторовского. Но ввиду большой пользы, которую мои личные наблюдения могут принести краю, время ничего не значит. Притом же дороги непроезжаемы, снег сменяет дождь ежедневно, и надо много самоотверженности, много силы души и воли, чтобы, забывая себя, думать лишь о пользе общей! Я буду продолжать излагать подробно мое путешествие в виде отдельных статей по мере переезда из города в город, из округа в округ и представлю Вам лично все в Омске. В среду, 4 октября, перейду я в Курганский округ, а оттуда намерен приняться за Ишимский. Но Курган, гнездо всяческого зла, мне издавна знакомое, и следует взглянуть на него повнимательнее.

Благоволите, милостивый государь Александр Осипович, принять уверение в том глубочайшем почтении, с коим имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Ялуторовск,
сентября 30 дня 1861 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18384. Л. 40–41.

* * *

Господину ялуторовскому городничему государственно-го преступника Ипполита Завалишина

Объявление

По полученным мною сегодня сведениям из города Кургана и из Курганского округа, распутица такова от непрерывно перемежающихся дождей и снегов, оттепелей и морозов, что нет никакой возможности проехать сим округом на Омскую линию, чтобы подняться ею до города Петропавловска.

Принимая в соображение, что если я отправлюсь отсель до города Ишима, а оттуда в Омск, то оставлю в правой руке самую интересную и самую людную часть Тобольской губернии: от Сибирского редута на границе Оренбургской губернии чрез Курганский, Ишимский и Омский округа до Омска и, не выполнив там утвержденной программы, буду все-таки в необходимости объехать потом сии местности, ибо пускаться из Омска в Тару и Тобольск значило бы совершенно отделиться от тех пунктов; принимая в соображение то же, что нынешнее путешествие мое по Тобольской губернии с ученой целью предпринято мною по собственному моему желанию и без всяких пособий от казны, а на мои личные денежные средства, я признаю неблагогра-

зумным и для пользы науки совершенно бесполезным рисковать потерей здоровья и истощать денежные средства на достижение цели, которая в удобное время года и без огромных повторяемых взад и вперед разъездов может быть достигнута с полным успехом. По зрелом обсуждении всего вышеизложенного я решился возвратиться в город Туринск, создать там удобства путеисследования, а потом с согласия господина шефа корпуса жандармов и господина генерал-губернатора Западной Сибири продолжать опять с г. Ялуторовска дальнейшее ученое путешествие мое по Тобольской губернии согласно с утвержденной программой.

Объявляя о сем вашему высокоблагородию, честь имею присовокупить, что я выезжаю сегодня, в 12 часов утра, обратно в город Тюмень, а оттуда в город Туринск, о чем Вы и не оставите донести немедленно господину тобольскому гражданскому губернатору с представлением его превосходительству сего моего объявления в подлиннике. Вместе с сим покорнейше прошу Вас благоволить выдать мне с сего моего объявления засвидетельствованную копию для предъявления оной господину тюменскому городничему и для передачи потом господину туринскому городничему для приобщения к делам Туринской градской полиции.

Государственный преступник Ипполит Завалишин.
Тобольской губернии город Ялуторовск,
октября 2 дня 1861 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18413. Л. 24–25.

* * *

Ваше высокопревосходительство Александр Осипович!

К величайшему сожалению моему, я вынужден был возвратиться в Туринск.

2 октября получил я из разных местностей Курганского округа сведения, что нет никакой возможности проехать сим округом на Омскую линию, что дороги размыло, перевозы снесло и что, одним словом, по этому направлению пускаться небезопасно... Между тем и с Ишимского тракта сибирская почта привезла известия, не лучше курганских. Таким образом, программа моя не только существенно изменилась, но эти препятствия вовлекли меня в лишние против сметы издержки, могли дать мне коренную утрату здоровья, и для чего? Когда цель моего путешествия может быть достигнута несколькими месяцами позже с полным успехом.

В зимнюю пору здешние жестокие холода, степные бураны прилинейские будут тоже немаловажной мне помехой. Приходится обратиться к первоначальному плану — путешествия исключительно в весеннюю и летнюю пору. Я бы предполагал отправиться из Туринска прямо в Курганский округ (ибо Тюменский и Ялуторовский уже обследованы, и материалы по оным, привезенные сюда, будут сведены в одно целое в течение зимы) и покорнейше просил бы, ваше превосходительство, по предварительному соглашению о сем с князем Василием Андреевичем разрешить мне сие путешествие с 1 мая по 1 сентября. Ибо опыт нынешней, так сказать пробной, поездки показал, что нет возможности обозреть добросовестно и обстоятельно такого огромного пространства, каковы Прилинейный край, округа Курганский, Ишимский, Омский, Тарский и Тобольский с портовым городом Петропавловском с центром управления Омском и с историческим Тобольском, в краткий срок 2½ месяца.

Полное и отчетливо-правдивое описание Тюменского и Ялуторовского округов я буду иметь честь представить по переписке его уже здесь. Оно, надеюсь, не бесполезно и науке, и правительству. Излагал прямодушно все, что видел и слышал, возбуждал новые вопросы о благосостоянии края, новые воззрения на администрацию и общество. Ибо лишь подобными исследованиями может власть узнать не официальную, а «живую» правду!

Благоволите, милостивый государь Александр Осипович, принять уверение в том глубочайшем почтении, с коим имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Туринск,
12 октября 1861 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18413. Л. 27–28 об.

* * *

Секретно

23 января 1862 г.

Господину генерал-губернатору Западной Сибири.

При даровании в 1856 году политическим преступникам помилования на основании манифеста, последовавшего в день священного коронавания их императорских величеств, не была облегчена участь находящегося на поселении в Тобольской губернии Ипполита **Завалишина** по

тем соображениям, что тогдашнее его поведение, подвергнутое ему суду, не давало ему права на всемилостивейшее прощение.

После того неоднократно поступали ко мне ходатайства о нем, и в начале прошедшего года обращался ко мне сам Завалишин, испрашивая дарования ему прежних прав потомственного дворянства.

Ныне ходатайствует об облегчении его участи проживающая в Москве сестра его, дочь генерал-майора, девица Екатерина Завалишина.

Имея с своей стороны в виду, что в последнее время в поведении Завалишина ничего предосудительного не замечено, считаю долгом покорнейше просить ваше высокопревосходительство почтить меня уведомлением, изволите ли Вы, милостивый государь, признавать возможным, как по тем сведениям, которые имеются в вверенном Вам управлении, о настоящей нравственности Завалишина, так и по соображению прежних его проступков, повергнуть участь его на всемилостивейшее воззрение его величества.

Не угодно ли Вам будет присовокупить к тому, какая милость могла бы, по Вашему мнению, быть ему испрошена, и принять во внимание, что он, во всяком случае, должен будет оставаться на жительстве в Сибири.

Генерал-адъютант князь Долгоруков.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 1-2.

* * *

Секретно

22 марта 1862 г.

Его высокопревосходительству господину генерал-губернатору Западной Сибири.

Главное управление Западной Сибири от 24 февраля за № 11 препроводило ко мне в копии отношение г. главноуправляющего III отделением собственной его императорского величества канцелярии от 4 января за № 3 для доставления вашему высокопревосходительству моих соображений относительно возможности повергнуть на всемилостивейшее воззрение его величества участь находящегося на поселении в Тобольской губернии Исполнителя **Завалишина**.

Из дел Тобольского общего губернского управления видно, что Завалишин в 1844 году по высочайшему повелению

освобожден от каторжной работы и поселен в Верхнеудинск, где в 1847 году по приговору тамошнего окружного суда за дерзкие поступки наказан розгами — 45 ударами, потом, 16 декабря 1848 г., водворен на жительство в г. Курган. Здесь Завалишин судился за сочинение ябеднических просьб и доносов и вследствие этого по высочайшей воле в 1857 году переведен в Пелымское отделение Туринского округа, а потом, в 1860 году, согласно ходатайству бывшего генерал-губернатора Западной Сибири последовало высочайшее его императорского величества соизволение на перемещение Завалишина из Пелыми в г. Туринск.

Донося о сем вашему высокопревосходительству, долгом считаю доложить, что ныне Завалишин, как видно из получаемых мною отзывов местного начальства, ведет жизнь скромную, и в образах мыслей его ничего преступного не замечается, почему и, принимая во внимание преклонные уже лета его, я полагал бы возможным повергнуть на всемилостивейшее воззрение его величества участь Завалишина.

Гражданский губернатор Виноградский.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 4–5.

* * *

Ваше высокопревосходительство Александр Осипович!

Согласно с письмами моими от 14 и 30 сентября прошлого года имею честь представить на предварительное воззрение Ваше I отдел рукописи «По сибирским дорогам», изготовленный ныне к печати. Состоящее под августейшим покровительством государыни императрицы «Московское общество распространения полезных книг» печатает ныне в Москве на своем иждивении I том моего «Описания Сибири». Но между этим сочинением и рядом статей «По сибирским дорогам», сегодня Вам представляемым, очень большая разница!

«Описание Сибири» есть систематический свод всех **печатных** сведений о сибирском крае, **документально** на основании официальных сведений составленный. Статьи же «По сибирским дорогам» суть результат моих **личных** наблюдений, в глубь сибирской жизни проникающих. «Je tranche dans le vif»²⁶ по французской поговорке... и в очень многом.

²⁶ Резать по живому, т.е., действовать решительно, применяя крутые меры (*франц.*).

Вот почему я признался еще в бытность мою в Тюмени осенью прошлого года (письмо от 14 сентября), что было бы неделикатно печатать ряд этих статей без предварительного воззрения и одобрения Вашего. Я бы покорнейше просил, ваше высокопревосходительство: если сия рукопись удостоится одобрения Вашего, обратить мне оную для отсылки в петербургскую цензуру.

Благоволите, милостивый государь Александр Осипович, принять уверение в том глубочайшем почтении, с коим имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Туринск,
13 апреля 1862 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18443. Л. 2-3.

* * *

Секретно

21 июня 1862 г.

Господину генерал-губернатору Западной Сибири.

Разжалованный в 1826 году за предосудительные поступки из юнкеров артиллерийского училища в рядовые с исключением на службу в Отдельный Оренбургский корпус дворянин Ипполит **Завалишин** сужден был потом за политическое преступление и следствием того по лишении дворянства сослан был в 1827 году в каторжную работу, из которой в 1844 г. обращен на поселение и ныне находится в Тобольской губернии.

В день священного коронования государя императора не могло быть даровано Завалишину помилования по неodobрительному поведению его, ныне же по всеподданнейшему докладу ходатайства об облегчении его участи высочайше разрешено дозволить Ипполиту Завалишину приписаться к одному из податных сословий, по его избранию, иметь беспрепятственное пребывание в губерниях Западной Сибири с оставлением его под секретным надзором.

О таковой высочайшей воле, сообщенной главным начальником III отделения собственной его императорского величества канцелярии, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство для зависящих распоряжений.

За министра внутренних дел товарищ министра [*подпись неразборчива*].

За директора [*подпись неразборчива*].

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 10-10 об.

Ваше высокопревосходительство Александр Осипович!

Имею честь представить экземпляр I тома «Описания Сибири», вышедший ныне из печати. Смею надеяться, что этот добросовестный и посильный труд мой заслужит высокое одобрение Ваше.

Комитет состоящего под августейшим покровительством государыни императрицы «Московского общества распространения полезных книг» заявил мне и печатно (как Вы сие усмотреть сами изволите из «Заметки», ею приложенной к I тому), и письменно, чрез посредство сестры моей Екатерины Иринарховны, о своем желании издавать постепенно и следующие тома этого обширного сочинения. Но прежде, нежели приступлю нынешней осенью к составлению II тома, который по программе, изложенной в «Общем вступлении», объемлет описание Томской губернии и областей Семипалатинской и сибирских киргизов, мне необходимо обратиться к покровительству и просвещенному содействию вашего высокопревосходительства в ниже следующем.

Я нуждаюсь в экземпляре «Томских губернских ведомостей» (часть неофициальная) с самого их основания, т.е. с апреля месяца 1857 года по настоящее время, ибо в них могу найти много драгоценных данных для пополнения изготовляемого мною описания Томской губернии. За деньги же их теперь, по прошествии пяти лет, уже не достанешь в Томской губернской типографии, и домогательство оных вовлекло бы меня, вероятно, в бесплодную переписку с явной тратой времени. Нуждаюсь тоже: 1) в извлечении из отчета г. томского губернатора за 1861 год; 2) в подобных же извлечениях из отчетов гг. военных губернаторов: семипалатинского и сибирских киргизов; 3) в извлечении из отчета г. горного начальника Алтайских заводов и 4) в новейшей, какая может иметься в корпусном штабе, карте «от руки» всей Западной Сибири. Сие последнее потому, что а) новых границ Сибирско-киргизской степи еще ни на одной гравированной карте нет и б) карта всей Сибири, издаваемая ныне Зуевым, начата им отдельными выпусками с Усть-Амура, и, бог знает, когда еще сии выпуски дойдут до Киргизской степи. Наконец, новейшую карту «от руки», исправленную по самым свежим данным в штабе, можно будет приложить ко II тому гравированною (конечно, в сокращенном виде), ибо сим томом кончится «Описание Западной Сибири».

Сочувствие, встреченное мною в высшем кругу обеих столиц, и самая столь очевидная польза популярного труда, мною предпринятого, потому что он ознакомит Россию с Сибирью, ей доселе вовсе не известной, заставляет меня надеяться, что и ваше высокопревосходительство как главный начальник здешнего края не откажете мне в вышеизложенной просьбе, которая, будучи осуществлена, даст мне возможность составить II том «Описания Сибири» не только столь же успешно, как и I, но и, может быть, еще лучше.

Благоволите, милостивый государь Александр Осипович, принять уверение в том глубочайшем почтении, с коим имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Туринск,
29 июня 1862 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18443. Л. 9—10 об.

* * *

8 августа 1862 г.

Секретно.

Господину главноначальствующему III отделением собственной его императорского величества канцелярии.

Министерство внутренних дел от 21 июня 1862 г. за № 284 сообщило мне, что государь император высочайше разрешил дозволить Ипполиту **Завалишину** приписаться к одному из податных сословий по его избранию и иметь беспрепятственное пребывание в губерниях Западной Сибири с оставлением его под секретным надзором.

Так как, несмотря на разрешение приписаться к разряду податных сословий по избранию, Завалишину воспрещен выезд из Сибири, то я полагал бы преждевременным исключать его из числа лиц, получающих пособие от казны, тем более что он не избавлен от секретного надзора, этим самым не вполне выходит из разряда политических преступников, но, оставаясь в недоразумении, как поступить в отношении переписки Завалишина с частными лицами, т.е. должна ли таковая быть отправляема при посредстве начальников губерний подобно тому, как об этом постановлено для лиц, состоящих вообще под надзором, или же от Завалишина может быть прямо принимаема на почту корреспонденция, так как он состоит под надзором

секретным и, следовательно, таким, который ему не должен быть известен.

Я имею честь покорнейше просить почтить меня по сему обстоятельству разрешением; причем не изволите ли признать необходимым войти в [*неразборчиво*] сношение и с г. главноначальствующим над почтовым департаментом для указаний и по почтовому ведомству Западной Сибири.

Генерал-губернатор.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 11–12.

* * *

Ваше высокопревосходительство Александр Осипович!

Я имел честь получить уведомление Ваше от 24 августа за № 2086 и приношу Вам мою душевную благодарность за это новое доказательство просвещенной готовности Вашей содействовать возможному выполнению обширного сочинения, мною предпринятого. Сведения по Томской губернии, степным областям и Алтайским заводам желаемы мною чисто статистические и единственно для того, чтобы не впасть в невольную ошибку, как сие сознаюсь, и часто было при редактировке I тома. Посему, если вашему высокопревосходительству благоугодно будет приказать мне оные доставить, мне бы это было очень полезно.

После письма моего от 29 июня многое, как Вам уже известно, изменилось к лучшему в моем личном положении. Посему, если меня не задержат обстоятельства издания нынешней осенью моих беллетристических сочинений, то и располагаю быть непременно в Омске и тогда буду иметь честь лично представить Вам мои предположения об успешном составлении II тома, который и будет представлен мною в свое время на просвещенное воззрение Ваше.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь Александр Осипович. Вашего высокопревосходительства покорный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Туринск,

14 сентября 1862 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18443. Л. 13–14.

1 декабря 1862 г.

Ваше высокопревосходительство Александр Осипович!

Я имел честь получить уже здесь присланные в Туринск при предписании 1 отделения Главного управления Западной Сибири от 20 октября сего года за № 1068 «извлечения из отчетов за 1861 год». Да позволено мне будет принести Вам мою глубочайшую благодарность за сие благосклонное внимание Ваше. В отзыве, данном мною 24 августа Туринской градской полиции и представленном ею господину тобольскому гражданскому губернатору, изъявил я желание причислиться к ялutorовскому градскому обществу, а в письме моем от 13 октября из Тюмени к господину председателю Тобольской казенной палаты просил я разрешения выйти 1 января 1863 года в ялutorовские же купцы 3-й гильдии. Посему для ознакомления со здешним градским обществом и сождения здесь распоряжений губернского начальства прибыл я сюда 16 октября. Ялutorовск же избран мною по причине многочисленности здешнего общества (что не отягощает граждан большими обязанностями) и как пункт центральный на перекрестке всех почтовых трактов губернии. По прибытии моем сюда получил я пересланное мне из Туринской градской полиции предписание господина тобольского гражданского губернатора от 4 октября сего года за № 322, коим дается мне знать, что господин шеф жандармов разрешил продолжать выдачу мне казенного пособия.

Между тем ни о причислении моем в ялutorовские мещане, ни о разрешении мне выйти на 1863 год в здешние купцы 3-й гильдии, ни о выдаче мне казенного пособия за майскую еще треть нынешнего года не могу сождать я до сих пор никаких распоряжений. Это все много затрудняет меня в моем хозяйственном устройстве здесь.

Посему я поставлен в необходимость обратиться к вашему высокопревосходительству с моей всепокорнейшей просьбой: благоволить приказать ускорить разрешением всего вышеизложенного, тем более что даже в отношении выдачи мне паспорта не указано губернским начальством ничего положительного, и временный вид, данный мне туринским городничим по 1 января 1863 года, вовсе не соответствует праву, предоставленному мне жить по Западной Сибири, где пожелаю, да и не означает кто я таков, ибо никуда не причислен, что ставит меня в непрерывные затруднения.

Благоволите, милостивый государь Александр Осипович, принять уверение в том глубочайшем почтении, с коим имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга Ипполит Завалишин.

Тобольской губернии город Ялуторовск,
22 ноября 1862 года.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 16–17 об.

* * *

Главное управление Западной Сибири
15 января 1862 г.
г. Омск

Господину младшему чиновнику особых поручений
Гл. упр. Зап. Сиб. кол. ас. Тыжнову²⁷

Проживающий в Туринске Ипполит Завалишин представил г. генерал-губернатору Западной Сибири рукописную статью под заглавием «По сибирским дорогам». Его высокопревосходительство, имея в виду отношение к бывшему генерал-губернатору Западной Сибири г. члена Сибирского комитета, управляющего его делами от 8 января 1861 г. за № 8, в котором он, возвращая одобренную цензурю рукопись Завалишина под заглавием «Описание Сибири», составляющую первый том предпринятого им сочинения в 4-х томах, просил генерала Гасфорда в случае, если Завалишин представит ему и остальные три тома «Описания Сибири», доставить оные к нему, сообщив на усмотрение статс-секретаря Буткова и новый труд Завалишина.

Но ныне г. статс-секретарь Бутков сообщает, что объясненная его просьба относилась к сочинению Завалишина, составляющему собственно статистическое описание Сибири; между тем последняя статья его «По сибирским дорогам»²⁸ есть не продолжение этого описания, а совершен-

²⁷ Тыжнов Федор Матвеевич (1835–1892), сотрудничал в «Тобольских губернских ведомостях», позже — в «Сибирской газете».

²⁸ Опубликовано в журнале «Якорь» (1864. №8. С. 118–121; №9. С. 133–141; №10. С. 148–151). Запевом статьи традиционно стала журналистская сентенция, претендующая на истину в последней инстанции: «...правды не жаловали и бедная гласность была в полном заgone... Теперь наступили времена иные, времена хорошие, право! Рухнуло крепостное право, откупа умерли, бить перестали, города заботятся об улучшениях, суды делаются публичными, прессы мужает и на честную гласность есть поход. Значит — можно и по “дорогам” пошляться, и “господним человеком” быть, не опасаясь, что сочтут ябедником, беспокойным субъектом».

но отдельное сочинение. По существу своему это сочинение может быть рассматриваемо или как произведение, предназначенное к печати, или же как донос на несовершенство и отчасти беспорядки в управлении тех местностей, которые посещены автором.

Принимая во внимание, что в первом случае рукопись Завалишина подлежит предварительному рассмотрению общеустановленной цензуры в том порядке, как цензируются вообще предназначаемые к печати сочинения Ипполита Завалишина, а во втором — принятие его рукописи как доноса, зависит от усмотрения его высокопревосходительства Александра Иосифовича, тем более что устранение всех описываемых им злоупотреблений совершенно зависит от местной власти, г. статс-секретарь Бутков рукопись эту возвратил в Главное управление Западной Сибири.

Прилагая ее при сем на усмотрение вашего высококордия, имею честь покорнейше просить, приняв надлежащие меры к устранению описываемых Завалишиным беспорядков, объявить о сем автору, а равно и о тех неверностях, какие найдены в его статье, и затем предоставить ему, по надлежащем исправлении, дабы она не имела вида неосновательного доноса, повергнуть свой труд на рассмотрение общеустановленной цензуры в том порядке, как цензируются вообще предназначаемые к печати сочинения его, Завалишина.

Верно: столоначальник [подпись неразборчива].

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18443. Л. 19–20 об.

Тема гласности в начале 60-х гг. XIX в. была в моде. В 1858 г. в Совете Министров был поставлен вопрос о государственной политике в газетно-журнальном деле. Министр народного просвещения Е.П. Ковалевский написал специальную записку «О гласности в печати», которая легла в основу циркуляра от 3 апреля 1859 г., согласно которому власть признавала свою заинтересованность в освещении повременными изданиями различных злоупотреблений, допускаемых представителями власти, а также беспорядков²⁹. Циркуляр, брошенный в массы, тут же всплыл и в провинциальных изданиях, но уже в качестве лозунга текущего дня.

Гласность под пером И. Завалишина изначально не отличалась ясным голосом, даже без предварительных консультаций с губернскими чиновниками.

²⁹ См. подробнее: *Коновченко С.В., А.Г. Киселев.* Информационная политика в России. М., 2004. С. 346. — Авторы отмечают: при этом в циркуляре было сказано, что «печать должна проводить идеи “неприкосновенности самодержавия и его аппарата” и отказаться от обсуждения преимуществ других форм государственного устройства».

19 января 1863 г.

Его превосходительству господину председательствующему в Совете Главного управления Западной Сибири
Чиновника особых поручений, коллежского асессора
Тыжнова

Рапорт.

Ваше превосходительство предписанием от 15 настоящего января за № 130 поручил мне составить перечень беспорядков в управлении Тобольской губернии, которые замечены г. Завалишиным в статье его «По сибирским дорогам», и вместе с тем собрать по тем обстоятельствам, по которым это будет признано возможным, и данные, **опровергающие** справедливость замечок г. Завалишина.

Прочитав статью г. Завалишина, я должен сказать, что в ней, даже и мимоходом, не задет ни один сколько-нибудь крупный факт из группы беспорядков по управлению, не затронут ни один общественный вопрос, разумное разрешение которого было бы принято краем с благодарностью. Вся, довольно объемная статья его, наполнена почти исключительно горькими иеремиадами на злоупотребления чиновничества вообще, составляющими вариации на давно уже весьма известную тему, да сожалениями об отсутствии «жизненной жизни» в общественном и частном быту Тюмени. Но несмотря и на эти наружные признаки современного направления, которыми, видимо, желал щегольнуть автор, говоря на каждой странице о прогрессе и гуманности, нельзя не заметить в нем ретроградства и отсталости по высказываемым им мыслям о необходимости смертной казни для убийц и пользе розог для нищих городских. Что же касается до беспорядков и нелепостей, замеченных им в разных слоях общественного быта, то все эти явления в такой степени общи всему русскому государству и так известны всем и каждому и через посредство обличительной литературы и с помощью собственного опыта, что простое описание их не составляет в настоящее время никакой заслуги, и каких-нибудь средств к их устранению г. Завалишин в статье своей не предлагает.

Все замеченные г. Завалишиным беспорядки можно разделить на два вида: на относящиеся к внешнему благоустройству края и касающиеся внутренней его жизни и управления.

К первым принадлежат:

1. Дурное устройство дорог, в особенности по главному Сибирскому почтовому тракту от Тюмени до Ялуторовска.

Едва ли кто будет хвалить сибирские дороги в весеннюю, летнюю и осеннюю пору, но едва ли также кто решится обвинять в дурном состоянии их местное начальство: нужно положительно не знать свойство грунта местности и недостатка материалов, необходимых для утрамбования дорог, чтобы решиться на такой подвиг.

2. Большие расстояния между некоторыми станциями (до 30 верст), что при дурной дороге чрезвычайно изнуряет лошадей.

С замечанием этим нельзя не согласиться.

3. Дурное устройство зданий для волостных правлений, и в особенности чижовен.

Обвинение это совершенно справедливо: в очень немногих волостях Тобольской губернии построены для волостных правлений новые здания, по нормативному плану, остальные же помещения нисколько не соответствуют своему назначению и по грязи, вони и нечистоте скорее могут быть признаны за свинной хлев, чем за место занятия представителей целого общества. Точно так же справедливо замечание о жалком состоянии сельских пожарных инструментов, т.е. бочек и ведер. Всякому проезжающему случалось, без сомнения, любоваться навесом, под которым красуются рассыхнувшиеся бочки.

4. Небрежность и неряшество в содержании кладбищ как сельских, так и городских, по которым свободно разгуливает скот.

Действительно, не говоря уже о сельских кладбищах, предоставленных полному произволу коров и лошадей, и городские, даже в губернских городах, представляют жалкую картину запущенности и неряшества; одни только омские кладбища составляют в этом отношении блестящее исключение.

5. Жалкое состояние наружной обстановки Тюмени: непроходимая грязь, отсутствие мостовых и сносных тротуаров, обвалившаяся набережная, фонари с сальными огарками, ничего не освещающие, помещение полиции и частных управ в тесных маисных домах и т.д.

Вся эта картина, снятая автором с природы фотографически, заставляет желать скорейшего развития в тюменском обществе сознания, что все это действительно дурно и не может быть терпимо в богатом торговом городе, но едва ли кто будет обвинять во всех этих недостатках начальство.

6. Устройство кожевенных заводов, заражающих воздух вредными миазмами, среди самого города, что строго запрещается законом.

В дополнение по этой заметке нелишним считаю прибавить с своей стороны, что в прошлом году тюменский мещанин Вахрушев подавал г. генерал-губернатору жалобу на то, что купец 1-й гильдии Шешуков самовольно вымачивает кожи в принадлежащем Вахрушеву пруду, отчего издохла в этом пруду вся рыба.

7. Курганский тюремный замок построен так дурно, что в нем лопаются своды, и обстоятельство это было скрыто от генерал-губернатора Гасфорда, и заметка эта требует фактического подтверждения.

8. В Ялуторовске среди деревянного гостиного двора построена для сторожей изба с худой печью, от топки которой легко может сделаться пожар.

Заметки эти требуют фактического подтверждения.

К замечаниям, касающимся внутренней жизни и управления, принадлежат следующие:

1. Для волостных правлений обязательна выписка «Земледельческой газеты», которую никто не читает, и которая валяется по доставлении неразрезанная.

Факт этот действительно существует, но вот вопрос: кого обвинять в том, что газету никто не читает, — неразвитость ли сельских обществ или начальство, не принимающее в соображение эту неразвитость?

2. Жалкое состояние училищ в Тюмени, в доказательство чего приводится следующий факт: в приходском училище 10-летняя девочка не могла сказать, кто такой был Адам.

Не опровергаю автора насчет дурного преподавания в тюменских училищах, но, однако ж, не могу не заметить ему, что приведенный сей факт не есть еще неотразимое доказательство его мнения: пусть вспомнит он, что был в училище в 20-х числах августа, т.е. в самом начале курса, и, может быть, незнание девочкою Адама не будет казаться ему таким ужасным преступлением со стороны преподавателей.

3. Одинаковые штаты окружных судов как в густонаселенных, так и в малолюдных округах.

Замечание это вполне справедливо.

4. Неравномерное распределение квартирной повинности, падающей преимущественно на бедных жителей, тогда как богатые купцы находят средства избегать ее.

Неудобства натуральной постоянной повинности признаны уже самим правительством, почему в настоящее время и принимаются предварительные меры к замене ее денежной.

5. Крайне дурное устройство Пелымского края, который никто не ревизует, и куда не заглядывал ни один губернатор.

Для ознакомления главного начальства с этим краем действительно необходима добросовестная ревизия.

Кроме изложенных мною заметок и разных беспорядков, встреченных автором в поездку его из Туринска в Ялуторовск, статья его «По сибирским дорогам» включает в себе рассказ о путевых впечатлениях, не представляющий почти никакого интереса не только вообще в литературном значении, но и, в частности, для местных жителей. Избитые, почти казенные выражения, сделавшиеся уже риторическим общим мнением и подкрепленные фразами о гуманности и прогрессе, не могут в настоящее время никого удивить.

При этом имею честь возвратить подлинную рукопись г. Завалишина.

Коллежский ассессор Тыжнов.
1863 г. 17 января. № 8.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18443. Л. 24–29.

* * *

9 марта 1863 г.

Милостивый государь Александр Иванович³⁰.

Проживающий в г. Туринске Ипполит Завалишин (происходивший из государственных преступников) в минувшем году представил на предварительное рассмотрение г. генерал-губернатора Западной Сибири предположенную им к печати рукописную статью «По сибирским дорогам». Рукопись эта его высокопревосходительством сообщается была на усмотрение управляющего делами Сибирского комитета согласно тому порядку, какой принят был в отношении разрешения к печати прежнего сочинения Завалишина «Статистическое описание Сибири».

Между тем статс-секретарь Бутков не признал необходимым руководствоваться при разрешении к печати этого последнего сочинения Завалишина прежде установленным

³⁰ Письмо из Главного управления Западной Сибири на имя тобольского гражданского губернатора А.И. Деспот-Зеновича.

порядком, так как оно составляет совершенно отдельное сочинение от прежде предпринятого труда его «Статистическое описание Сибири» и может быть рассматриваемо или как сочинение исключительно литературное, или как донос на беспорядки в управлении описываемых им местностей, а потому <далее зачеркнуто>³¹.

Между тем по рассмотрении сочинения Завалишина оказывается, что оно, не составляя труда, в коем бы систематически изложен был хотя один замечательный факт из группы найденных им беспорядков и методически указаны были меры устранения этих беспорядков, заключает лишь только общий поверхностный взгляд на существующий порядок, отчасти проникнутый сожалениями на неразвитость общества, недостаток сословного образования и отсутствие сознательного убеждения обязанностей каждого члена общества, и, таким образом, рукопись Завалишина, не составляя капитального сочинения в отношении разработки какого-нибудь местного вопроса, могущего быть полезным для края, заключает мысли на давно уже известную тему и указание на беспорядки, ускользающие от внимания местной администрации или вследствие незначительности приводимых им фактов, или несовершенной возможности исправления встречаемых недостатков, тесно связанных с коренным преобразованием той среды, в коей таковые недостатки существуют.

В этом последнем отношении, не имея полного основания заключить о сочинении г. Завалишина как о совершенном доносе, я, впрочем, не считаю себя вправе предоставить Завалишину печатание его рукописи без личного об оной мнения вашего превосходительства, а потому и имею честь препроводить таковую при сем на Ваше, милостивый государь, распоряжение как непосредственного начальника губернии [*неразборчиво*]. При этом считаю необходимым покорнейше просить, обратив внимание на указываемые Завалишиным беспорядки при проезде его от Туринска до Ялуторовска³², в том случае, если по сделанному

³¹ На полях письма вписано: «по-первому, принимая во внимание, что в первом случае рукопись Завалишина подвергнуть предварительному рассмотрению обще<текст утрачен>венной цензуры в том порядке, как цензуются вообще предназначенные в печать сочинения Ипполита Завалишина, а во-вторых, принятию его рукописи как донос <неразборчиво>, возвратив в Главное управление Западной Сибири».

³² Некоторые исследователи считают (см.: Русские писатели (1800–1917). М., 1992. Т. 2: Г–К. С. 301), что фрагменты «Описания Западной

Вами, милостивый государь, удостоверению действительно окажутся те из существующих беспорядков необходимыми к устранению, то не оставьте принять возможно зависящие от Вас в этом отношении меры.

О распоряжениях же Ваших по настоящему обстоятельству не оставьте меня уведомлением.

Примите уверение в истинном почтении и преданности.

Верно: [подпись неразборчива].

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18433. Л. 30—31 об.

* * *

3 мая 1863 г.

Милостивый государь Александр Иосифович³³.

Господин председательствовавший в Совете препроводил ко мне от 9 марта за № 704 статью Ипполита Завалишина под заглавием «По сибирским дорогам», требовал моего заключения относительно напечатания этой статьи; при сем присовокупил, что если указываемые Завалишиным беспорядки, замеченные им в проезд от Туринска до Ялуторовска, действительно присутствуют, то чтобы я принял надлежащие меры к их устранению.

Прочитав предисловие, в котором г. Завалишин говорит о своем 34-летнем пребывании в Сибири, странствований от берегов Амура до предгорий Урала, близком знакомстве не только со всем, что «творилось» в ней с 1828 по 62-й год, но и с самими ее деятелями, я думал, что статья его есть плод серьезного изучения местных условий и самой жизни, сложившейся в тот исключительный общественный строй, которым Сибирь так резко отделяется от остальной России. К сожалению, этот план — многолетний итог наблюдений, при всей претенциознейшей форме не имеет научного значения и представляет какие-то летучие заметки туриста, не отвечающие ни на один из заданных им самим вопросов, и потому далеко не «плодотворные последствиями». Следя за обличительною литературой, наделавшей недавно еще столько шуму, легко усвоить симптомы той общей болезни, которой страдает общественная жизнь России на всем обширном своем пространстве. Признаки эти

Сибири» печатались в «Тобольских губернских ведомостях» и «Якоре». Если и печатались фрагменты, то весьма крошечные.

³³ Очевидно, письмо адресовано генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю. А.И. Деспот-Зенович вместо Осипович употребляет просторечную форму Иосифович.

при кажущейся тождественности, в различных местностях представляют разнообразие, неуловимое для поверхностного наблюдателя, но происходящие от разнообразных условий самой жизни. Того-то именно и недостает в статье г. Завалишина, несмотря на все его притязания «на светлый взгляд и жизненное слово». Если бы переменить названия городов, прибавив описание местности любой из русских губерний, то все его нападки на пьянство, грубость и пороки турина или жителя Ялutorовска, при всей их правдивости, одинаково применимы и всей остальной России. Г. Завалишин принадлежит к числу ревнителей общественного блага, общее же благо — дело очень мудреное. Во всяком случае это самое терпеливое животное (особенно в России), на которое можно все навьючить. Всякий из них считает себя обязанным действовать на пользу общую, и едва ли бы не было общему благу лучше, если бы ревнители его менее о нем заботились, и занимались добросовестно своим делом, сколько оно не было скромно.

Подобного рода статьи, по-моему, следовало бы печатать с целью сорвать с них кажущееся значение, придаваемое всякому запрещенному плоду и разъяснить самообольщение автора, признающего за одним собою «светлый неказенный взгляд и жизненное слово»³⁴. Признать статью

³⁴ Н.М. Ядринцев в статье «Сибирь перед судом русской литературы» писал: «Последним панегириком Сибири служит книга, наверное, известная сибирякам, это «Описание Западной Сибири» Ипполита Завалишина. Она носит один общий колорит со всеми панегириками Сибири, сведенными только в один свод. Мы обратим на нее внимание, потому что в ней панегирик дошел до верха комического. Страна в ней описывается эдемом, над которым плавают оссианов шит вместо луны. Поля покрыты шелковисто-мягкими, влажно-бархатистыми и густо-сочными травами, реки и леса населены наядами и дриадами. Описание сибирских лесов очень часто пародирует американскую природу, с тою только разницей, что на место львов, тигров и барсов являются на сцену медведи, зайцы и белки, на место какаду и попугаев — наши перепелки и глухари, на место крокодилов и аллигаторов — скромные ящерицы, впрочем, разевающие пасти и обнюхивающие путешественников. Часто этому туристу представляются такие страсти, пред которыми должно падать ниц, как действительно и пал автор на реке Туе при виде лесного пожара.

По словам панегиристов, страна цветет и благоухает, люди там какие-то аркадские пастушки, все чиновники — гениальные администраторы и даже наши исторические лица им представляются испанскими гидальго, как романтическим уездным барышням. Несмотря на все свои высокопарности, эти панегирики носят тот же характер, как губер-

Завалишина доносом — нет никакого основания. Действительно, в ней есть много нападков на тюменское общество, укорять которое невежеством несправедливо, не разобрав причин, мешавших его развитию. Подобный анализ убедил бы г. Завалишина, что постоянная опека, отеческая заботливость администрации, желание вести все и всех на помочах, особенно в прославляемое им управление генерала Гасфорта, были главною причиною той апатии и отсутствия подготовки для разумного понимания всех тенденций нынешнего правительства. Вот отчего такая ныне [линия] общества на самоуправление, самообразование и самоохранение, правительство если и видит осуществление некоторых своих требований, то они принимаются обществом без сознания в их пользе, на одной лишь бумаге.

Было бы благоразумнее со стороны автора, если бы он согласился сгладить несколько грубых намеков, задевающих, хотя, может, и отсталых городских жителей, но не менее того главных пока органов нашей муниципальной жизни. В противном случае статья эта вызовет протест³⁵, который, по всей вероятности, разоблачит многое из прошедшего г. Завалишина. Без полемики дело не обойдется, а она при отсутствии действительной гласности, может быть очень щекотливою для высших правительственных органов. Что касается меня лично, то я не только не препятствовал бы, а, напротив, открыл бы для этой статьи столбцы «Тобольских ведомостей»; но личное мое мнение в этом вопросе, который рассматривался в Сибирском ко-

ские ведомости Гоголя, которые описывали красу садика, насажденного мудрым начальником, под тенью которого отдыхают мирные граждане» (Томские губернские ведомости. 1865. №9).

³⁵ Публикация «Путевых заметок» в «Тобольских губернских ведомостях» действительно вызвали резонанс на тех же столбцах. Автор, подписавший статью «Туземец г. Тюмени» (Н.М. Чукмадин), писал: «...некоторые из нападков г. Завалишина совершенно справедливы в своих основаниях, некоторые замечания до такой степени верны, что нельзя не признать в авторе, говоря вообще, необыкновенной способности и умения подмечать на лету слабую струну и дурную сторону субъекта». Перечислив допущенные ошибки в статье из-за незнания местного материала, Туземец делает вывод, что И. Завалишин вмещает «в себе все данные, необходимые для того, чтобы быть бытописателем какой-либо страны...». При этом тюмонец обращается к автору «Путевых заметок»: «...если Вы вздумаете еще когда-нибудь что-нибудь поведать России о нас, грешных, то окажите такую милость — не пишите ничего лишнего...» (Тобольские губернские ведомости. 1864. №1-2).

митете, не может без согласия вашего высокопревосходительства быть окончательным решением. Впрочем, Тобольская губерния ничего не потеряет, если по каким-либо соображениям статья г. Завалишина останется принадлежностью архива.

Беспорядки, замеченные г. Завалишиным в проезде его от Туринска до Ялutorовска и относящиеся до городского и сельского хозяйства, действительно существуют, но что они существуют не только в Тобольской губернии и всей Сибири, но и во всей России, это также неподвержено никакому сомнению. Заметить их очень легко — для этого не нужно тридцатичетырехлетнего пребывания в Сибири. Из отчета, который я буду иметь честь представить Вам после обозрения губернии, Вы изволите усмотреть состояние всех округов и какие были приняты меры к устранению беспорядков и насколько они отвечают требованиям жизни.

Автору может быть простительно предполагать, что достаточно напечатать обличительную статью, чтобы произвести «благотворные последствия». Я же напротив думаю, что не только обнаружение зла, но даже указание мер к его излечению не всегда направляет жизнь к лучшему.

Действительно, пока условия экономического быта не изменятся — русский человек не чувствует тех высоких нравственных потребностей, в недостатках которых укоряет его г. Завалишин. Уровень же материальных потребностей не поднимется скоро, даже при весьма выгодных условиях экономического быта. Нужно, чтобы целое поколение привыкло жить иначе и воспиталось в новых условиях гражданского и экономического положения. Индивидуальные усилия поэтому, не говоря уже о противодействии бюрократии и централизации, встречают непреодолимые препятствия в самом складе общественной жизни, окрепшем исторически. Если вообще легче дать инициативу, чем осуществить ее, легче указать зло, чем его исправить, легче быть публицистом, чем администратором, то тем более у нас, где администраторы, обремененные механическим трудом, бесцельною бумажною фабрикациею, изнашивают под ее гнетом не только умственные, но и физические силы.

Там, где нужда народа, проходя бесчисленный ряд иерархических ступеней, теряет в мертвящей бумажной форме всю свою жизненность и удовлетворяется тогда уже, когда она миновалась, — там ведь единичные стремления на унич-

тожение зла, из каких бы глубоких нравственных побуждений они ни исходили, оставаясь лишь стремлениями, не имеют жизненного значения.

Повторюсь — для этого нужно изменить весь строй самой жизни — что недоступно единичным усилиям — и что может быть последствием сознания если не всех, то по крайней мере большинства людей, составляющих самое общество.

С глубоким уважением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства

[Подпись неразборчива].

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18443. Л. 32—33.

* * *

5 июля 1863 г.

Г. исправ. обязанности тобольского гражданского губернатора

На письмо вашего превосходительства от 3-го сего мая за № 2655 имею честь уведомить, что я, с своей стороны, разделяю мнение Ваше относительно достоинств труда г. Завалишина «По сибирским дорогам».

Хотя это сочинение, по своему содержанию не заслуживая серьезной оценки в отношении разработки каких-либо местных вопросов края, не имеет также достоинств литературных, но, во всяком случае, как частная собственность должно принадлежать распоряжению автора. Если г. Завалишин придает своему сочинению значение труда, заслуживающего внимания, то, очевидно, что самая верная оценка его впоследствии будет зависеть от мнения общественного.

По сим основаниям я полагал бы, с своей стороны, согласно мнению вашего превосходительства, предложить г. Завалишину печатание его труда в губернских ведомостях и с изменением, по возможности, тех резких намеков его на некоторые общественные недостатки, которые по своей цели, не принеся никаких полезных результатов, могут породить продолжительную полемику, не имеющую никакого значения. При этом было бы удобно в особых примечаниях указывать на то, что последующими распоряжениями исправлено и приведено в лучшее положение. В том же случае, если автор пожелает печатать без изменений принадлежащий ему труд в одном из журналов столичных или других, тому подобных у нас изданиях, то не оставьте пре-

доставить ему поступить с рукописью по правилам цензурного устава.

Примите уверение в истинном почтении и преданности.
Верно: [подпись неразборчива].

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18443. Л. 34–35 об.

* * *

Секретно

7 ноября 1863.

Господину генерал-губернатору Западной Сибири.

Приписанный к мещанскому обществу гор. Ялуторовска Ипполит **Завалишин**, представляя недостаточность своих средств к существованию и объясняя, что ему представляется возможность получить некоторые частные занятия в качестве комиссионера промышленных предприятий, но занятия эти требуют разездов по Пермской губернии, — просит об исходатайствовании ему разрешения выезжать беспрепятственно в сию губернию подобно тому, как ему дозволено пребывание в губерниях Западной Сибири.

Вместе с тем получено письмо проживающей в Москве сестры его, дочери генерал-майора, девицы Екатерины Завалишиной, которая, объясняя, что она по болезненному своему положению и стесненным обстоятельствам не может предпринять поездку для свидания с братом, просит о разрешении ему хотя временного приезда в Москву, объясняя при этом, что приезд его туда устранил бы некоторые, встречаемые ими ныне, затруднения в устройстве их домашних дел.

Предварительно доклада о сем имею честь за отсутствием г. генерал-адъютанта князя Долгорукова покорнейше просить ваше высокопревосходительство о сообщении Вашего, милостивый государь, заключения как по означенной просьбе Завалишина, так и по ходатайству сестры его.

Свиты его величества генерал-майор Потапов.

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 34–34 об.

* * *

8 ноября 1863 г.

Господину тобольскому гражданскому губернатору.

Управляющий III отделением собственной его императорского величества канцелярии ныне уведомил меня, что приписанный к мещанскому обществу гор. Ялуторовска

Ипполит **Завалишин**, представляя недостаточность своих средств к существованию и объясняя, что ему представляется возможность получить некоторые частные занятия в качестве комиссионера промышленных предприятий, но занятия эти требуют разъездов по Пермской губернии, просит об исходатайствовании ему разрешения выезжать беспрепятственно в сию губернию подобно тому, как ему дозволено пребывать в губерниях Западной Сибири.

Вместе с тем получено было письмо проживающей в Москве сестры, дочери генерал-майора, девицы Екатерины Завалишиной, которая, объясняя, что она по болезненному своему положению и стесненным обстоятельствам не может предпринять поездку для свидания с братом, просит о разрешении ему хотя временного приезда в Москву, объясняя при этом, что приезд его туда устранил бы некоторые, встречаемые ими ныне, затруднения в устройстве их домашних дел.

Сообщая вышеизложенное вашему превосходительству, я, согласно отношению ко мне по настоящему предмету свиты его величества генерал-майора Потапова, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о сообщении Вашего, милостивый государь, заключения как по означенной просьбе Завалишина, так и по ходатайству сестры его.

Генерал-губернатор [подпись неразборчива].

Управляющий отделением [подпись неразборчива].

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 36–36 об.

* * *

28 ноября 1863 г.

Господину генерал-губернатору Западной Сибири.

На предложение вашего высокопревосходительства от 8 ноября за № 3045 относительно дозволения приписанному к мещанскому обществу г. Ялуторовска Ипполиту **Завалишину** беспрепятственного выезда в Пермскую губернию и временного приезда в Москву для приведения в порядок домашних дел, имею честь донести, что в последние годы пребывания своего в Сибири Завалишин вел и ныне ведет себя безукоризненно, занимаясь учеными и литературными трудами, и на старости лет, оставшись один из всех своих товарищей лишенным права на возвращение в Россию, заслуживает особенного, по бедственному положению своему, внимания.

А посему я полагаю бы в уважение к долголетнему пребыванию Завалишина в Сибири и совершенному его

исправлению попросить ему высочайшее соизволение на возвращение в Россию, о чем и имею честь представить на усмотрение вашего высокопревосходительства, покорнейше прося ходатайства Вашего по этому предмету.

Губернатор [подпись неразборчива].

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 37.

* * *

10 августа 1864 г.

Господину министру внутренних дел.

Отношением от 4 января сего года за № 45 ваше высокопревосходительство изволили сообщить мне, что государь император согласно с положением Сибирского комитета в 28 день декабря прошлого года высочайше повелеть соизволил дозволить бывшему политическому преступнику Ипполиту Завалишину перечислиться в одну из купеческих гильдий, но с ограничением пребывания в губерниях Западной Сибири с оставлением его под секретным надзором.

Начальник Tobольской губернии имея в виду, что в последние годы состояния под надзором в Tobольской губернии Завалишин вел себя вполне одобрительно, занимаясь различными учеными и литературными трудами, почему есть основание полагать, что он совершенно исправился в образе мыслей и поведении и, принимая во внимание его преклонные лета и слабость здоровья, ходатайствует о дозволении **Завалишину** возвратиться на родину, дабы тем предоставить ему случай увидеться со своей сестрой.

Признавая с своей стороны Завалишина достойным испрашиваемой ему милости, имею честь обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою: не изволите ли признать возможным в уважение объясненных обстоятельств исходатайствовать Завалишину дозволение возвратиться на родину.

[Подпись неразборчива].

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 25–25 об.

* * *

Секретно

14 октября 1865 г.

Господину генерал-губернатору Западной Сибири.

Государь император по всеподданнейшем докладе ходатайства временно проживающего в Москве с высочай-

шего разрешения, сообщенного вашему высокопревосходительству от 5 марта за № 361 туринаского 2-й гильдии купца (из политических преступников) Ипполита Завалишина, всемилостивейше соизволил повелеть разрешить Завалишину перечислиться с будущего 1866 года в купечество г. Лашиева, место родины просителя, и проживать там постоянно с тем, чтобы за ним был продолжаем секретный надзор.

О таком высочайшем повелении имею честь уведомить ваше высокопревосходительство в дополнение к отношению за № 361 для зависящих распоряжений к исполнению, не оставив о последующем почтить меня уведомлением.

К сему имею честь присовокупить, что о сей высочайшей воле мною вместе с сим сообщено московскому генерал-губернатору и начальнику Казанской губернии.

Министр внутренних дел статс-секретарь [подпись неразборчива].

Директор [подпись неразборчива].

ГУ ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 30–30 об.

* * *

Владимирская губерния, город Муром,
5 января 1870 года

Милостивый государь Михаил Матвеевич!³⁶

Отец мой, полковник Фанагорийского гренадерского полка, сподвижник и любимец Суворова, автор эпопеи «Сувороида» (описание Прагского штурма), напечатанной в Петербурге в 1795 году, был впоследствии генерал-инспектором путей сообщения при принце Георге Ольденбургском, а после Голландской экспедиции (уже генералом) стоял с вверенными ему войсками в Англии. Женат был вторым браком на двоюродной сестре графа Остермана-Толстого (Кульмского) и родной племяннице литовского генерал-губернатора Римского-Корсакова.

Эта карьера внутри и вне России, эти фамильные связи ставили его в соприкосновение почти со всеми замечательными деятелями той эпохи. В Твери и Петербурге дом его был открыт людям государственным, иностранцам и литераторам. В этом обществе родился и вырос я.

³⁶ Последние три письма, опубликованные в данной подборке, хранятся в рукописном отделе Пушкинского дома. Адресованы они редактору «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичу.

Ясные и точные представления мои самому себе о тогдашней России и высшем обществе начинаются сознательно и положительно с 1819 года. Четыре года спустя (в 1823 году) я уже начинал под руководством М.П. Погодина (тогдашнего моего домашнего учителя) свои первые литературные опыты. В 1825 году перевел «Meditations postigues» Ламартина, в 1826 году — «Корсара» Байрона (для Войскова) и «Антижского пустынного» Жуи (отрывками), а приготовил с Шемиотом для Гмирдина альманах «Луч Севера». События 14 декабря и последующие прервали надолго это направление.

Но с 1860 года я снова принялся за литературу. Сперва печатал небольшие рассказы: «Сибирские воспоминания» в «Русском мире», «Якоре», «Санкт-Петербургском вестнике»; статистические и этнографические статьи о Сибири в разных газетах и губернских ведомостях; потом напечатал в Москве «Описание Западной Сибири» (3 тома, 1862—1867 гг.) и «Эпопею тысячелетия» (1 том, 1866 г.), а теперь пишу одновременно два больших романа — «Похождения старого волка в царство правды» и «Жизнь, подвиги и страдания целкового» и продолжаю «Описание Восточной Сибири» (IV том «Енисейская губерния» уже изготовлен).

С 1829 года, то есть с Читинских государственных казематов, приступил я к составлению своих «Мемуаров» 40 лет, невзирая ни на какие случайности, вел их аккуратно и довел теперь до 1 января 1870 года. Книга 1-я объемлет период с 1819 по 1 января 1831 года (уже в Петровских государственных казематах). Из сей-то книги главы VI и VII предлагаю Вам, как составляющие отдельное целое под названием «Нерчинская каторга», проверенные вполне и изготовленные к печати для помещения в февральской и мартовской книжках «Вестника Европы».

В прошлом году я намеревался начать печатание «начала» целым томом, но теперь признаю это несвоевременным. И действительно! С 1819 по 1828 год я касаюсь в тогдашней России эпохи самой шекотливой. Многие, игравшие впоследствии большую роль, еще живы, дети многих, хотя и умерших, неохотно помирятся с правдивой характеристикой их отцов. Что напечатал за границей приятель мой барон Розен (сидевший со мной в Петербургской крепости, а потом в сибирских казематах) о декабристах, не знаю, но что печатают ныне многие «*par om-dige*» по сплетням и преданиям, почти всегда вздор и вранье. Греч, например (в «Русском вестнике 1868 г.), говорит: «В. Кюхель-

бекер не был сослан в Сибирь», а я его видел за Байкалом, когда его везли в Курган, и он лежит на тобольском кладбище! Так и С. Максимов напутал много в статьях «Отечественных записок» 1869 г. Он ездил на Амур в 1861 г. (я тогда был в Тюмени), когда декабристы уже были в Петровском предании (уехали в 1839 г.), дело Сухинова перепутал (весь архив «по государственным преступлениям» увезен из Сибири еще в 1839 г. в III отдел. собст. канц., где, можно быть уверена, Максимова не допускали хозяйничать!). Да и что за «ореолы мученичества» у него выставлены, уставы, конституции, комитеты, и где же — в каземате! Все это «вранье историческое», подобно «историям» М. Семовского, ибо $\frac{3}{4}$ декабристов были люди очень недалекие, именно «пешки», как их называл князь А. Баратынский. Пешками и из Сибири воротились.

Мемуары мои представляют теперь **целое полу столетие** России в громадной, исторически верной и разнообразной картине виленских студентов 1821 года, которых я застал в рудниках сибирских, до каракозовцев, которых послали в Сибирь в 1867 г. (я был тогда в Сибири, приехавши из Москвы для составления «Описания Енисейской губернии»), я всех и все знаю. Притом жил в Москве 1823—1926 гг. и Москве 1865—1866 гг. Какой громадный контраст! От Зимнего дворца до нерчинской шахты, от кабинета императора Николая до избышки ссыльного в самой глуши Сибири, я проникал всюду, я соприкасался ко всему сердцем теплым и мыслью далекопронзающей, и ни одно проявление жизни общественной не проходило мимо меня незамеченным!

Побуждения и политические ошибки наши рано еще обсуживать хладнокровно. Для нас еще не настало потомство. Но мы, покуда живы, обязаны пред Россией и совестью «исповедать» многое гласно, если нельзя «всего» теперь. Так я и делаю.

С открытием навигации я уеду отсюда читать публичные лекции о «Сибирской и Среднеазиатской железных дорогах» по нижневолжским городам, а потом, вероятно, загляну и опять в Сибирь. Посему мое неперемное условие, чтобы статья «Нерчинская каторга» была напечатана в февральской и мартовской книжках и расчет со мной сделан и кончен великим постом. В октябрьской книжке я Вам обещаю другой эпизод — «Читу», пожалуй, и «Петровские казематы»; вообще, что можно будет «огласить печатью» из моих мемуаров, я обязуюсь печатать «исключительно в Вашем журнале». Согласны ли Вы на это?

Если согласны, то для выигрыша времени телеграфируйте мне по получении этого письма. Адрес прост: «потомствен. дворянину Ипполиту Иринарховичу Завалишину». Меня здесь все знают. По получении Вашей депеши я немедленно вышлю Вам рукопись. Что касается денег, то я вполне полагаюсь на Вашу добросовестность. Получивши рукописи и принявши мои условия, вы мне напишите и расчет сделайте. Помните, что после 40-летней почти ссылки (я, например, воротился в Россию только в 1865 году после 39-летнего выезда из Москвы!) мы не нашли, почти все, и крох прежнего имущества и «живем не на розах».

Примите, милостивый государь Михаил Матвеевич, уверение в том душевном уважении, с коим имею честь быть Вашим покорным слугою.

Ипп. Завалишин.

ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 578. Л. 1—2 об.

* * *

Владимирская губерния,
город Муром, 1 февраля 1870 г.

Милостивый государь Михаил Матвеевич!

Я имел честь получить почтеннейшее письмо Ваше от 15 января и прошу извинения, что по причине нездоровья не отвечал тотчас же. Завтра высылаю рукопись «Мемуары истекшего тысячелетия» 1819—1869 гг. То, что на первый раз Вам высылается, а именно главы VII и VIII книги первой, составляет совершенно отдельное целое, а с главами IX и X (если Вам угодно будет принять их потом) составит то, что можно назвать полным отдельным эпизодом, ибо в сих главах: VII. Приезд в Сибирь и путешествие по оной; VIII. Пребывание в Нерчинской каторге; IX. Заключение в Читинском государственном каземате и X. Заключение же в Петровских государственных казематах по день освобождения. Период с 1 января 1828 года по 27 июля 1839-го — самый замечательный в ссылочной жизни декабристов.

Что же касается того, когда начнется печатание этого отдельного эпизода из «Мемуаров», то я должен откровенно объяснить Вам следующее: «Главное управление по делам печати разрешило мне читать публичные лекции «О Сибирской железной дороге» (Вам известно, что я автор «Описания Западной Сибири», на которое ссылается как на авторитет наше Географическое общество в своем «Словаре», и что на меня ссылался Богданович в своих брошю-

рах по вопросу о Саранпаульско-Тюменской линии как на специалиста по точному знанию Сибирского края), разрешило еще в прошлом году, но разрешение сие пришло так поздно, что я не успел осуществить его до закрытия навигации. Между тем, чтобы прочесть сии лекции с самой ранней весны, надо приготовиться к сему благовременно **материально**, ибо у меня на руках больная жена, которую следует обеспечить в моем отсутствии. Вероятно, чтение сих лекций в Казани, Симбирске, Самаре, Саратове, Перми, Омске и Томске покроет издержки такого большого путешествия; но, повторяю, и приготовиться к нему требует средств, а все мы, «выходцы с того свету», после 1856 г., я уже говорил Вам в первом письме моем, «живем не на розах». Вот почему мне и дорого бы было помещение начала этого эпизода в марте. Но если сего нельзя абсолютно, то ведь апрельская книжка (которая выйдет 1 апреля) будет печататься в марте, следовательно, Вы уже будете знать, что приблизительно можно для меня сделать (ибо я вполне полагаюсь в этом на Вашу добросовестность), и можете выслать мне денег к Пасхе. Остальное постепенно, а к осени я Вам изготворю и главы IX и X, Читую и Петровск.

К рукописи «Мемуаров» я приложил на всякий случай три статьи новых «Сибирских воспоминаний» (первые XII напечатаны были в петербургских журналах 1860–1864 гг.), XIII «Жертвоприношение» и XV «Белкинский рудник» очень интересны и драматичны, ибо основаны на действительно случившемся. Может быть, Вы найдете возможность поместить их в числе тех рассказов, которые иногда печатаются в «Вестнике Европы». XIV «Иннокентий Васильевич» — местный очерк и может не понравиться, а XVI о декабристе Видковском был начат в прошлом году, да за разъездами так и не написан.

Посему представляю все это на Ваше доброе расположение и в полное распоряжение, надеюсь, что Вы не осудите меня за мою откровенность. Наша судьбина обща всем нам. Воротились мы в Россию как тот монах легенды, который проспал 1000 лет под пенью райской птички. Не «одних уж нет, а те далече», как сказал некогда поэт, а просто камня на камне не осталось! Люди чужие, а что всего хуже: все было разорено, размотано, прожито! Нет и десяти исключений тех, которым уберегли верный кусок хлеба. Значит, надо было начинать «жить» с 50 лет. А жизнь теперь легко не дается!

Примите, милостивый государь Михаил Матвеевич, уведомление в том душевном почтении и совершенной преданности, с коими имею честь быть Вашим покорным слугою.
Ипп. Завалишин.

ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 578. Л. 3—4.

* * *

Милостивый государь Михаил Матвеевич!

Я имел честь получить почтеннейшее письмо Ваше от 25 апреля 1870 года в ответ на мое «страховое» (квит. Муромской почт. конт. 17 апреля того же года № 173). В сим письме Вы известили меня, «что отправленные к Вам 2 февраля (квитанц. № 1) рукописи «Мемуары истекшего пятидесятилетия 1819—1869 гг.», главы VII и VIII, и «Сибирские воспоминания», рассказы XII, XIII и XIV, не могут, по рассмотрении оных, быть напечатаны в издаваемом Вами журнале «Вестник Европы». Вместе с сим Вы просили меня уведомить Вас: «указать книжный магазин или лицо, которому Вы могли бы сдать рукопись по моему указанию».

К сожалению, так именно и случилось, как я писал Вам 17 апреля 1870 года (о необходимости для меня получить ответ Ваш до 1 мая по случаю моего отъезда в разные губернии по железнодорожным делам). Письмо Ваше (ответное на мое) от 25 апреля уже не застало меня в Муроме. Долго спустя (более года) мне привелось быть проездом в этом городе, где у знакомого мне почтмейстера нашлось, однако, в целости между корреспонденцией, на мое имя им полученной, и письмо Ваше. Но, уезжая в тот же день на Урал и в Сибирь, я не мог назначить Вам, «куда именно направить мои рукописи», ибо о передаче их какому-либо книжному магазину или лицу в Петербурге не могло быть и речи: «Мемуары» и «Сибирск. воспоминания» суть отрывки из большого целого, которого нет мне ни времени, ни охоты печатать, да и докончить теперь. Да и входить в переписку с издателями тоже некогда.

Пользуясь настоящим временем невольного житья здесь до открытия навигации, я бы покорнейше просил Вас, милостивый государь Михаил Матвеевич, сделать мне одолжение: выслать немедленно рукописи «Мемуаров» и «Сибирск. воспоминаний» сюда. Из квитанции Муром. почт. конт. вижу, что пересылка оных стоила «весовых 40 к. с страхов. 25 и за расписку 5, всего 70 коп. сер.», расход пустячный и который Вас не обременит. А мне рукописи по-

тому необходимы, что ни «Мемуаров», ни «Сибирских воспоминаний» не нахожу черновых в моих портфелях, и где их потерял, не помню. Но убедительнейше прошу и на сей раз выслать рукописи немедленно, ибо опять-таки после 1 мая меня здесь, вероятно, не будет, и по пословице «чем враг не шутит» я перекинусь на Амур, откуда через Китай, Японию и Сев. Америк. Штаты ворочусь в Европу, и вселюбнейшую Россию не ранее двух лет. А рукопись и ответное письмо Ваше, вероятно, не пойдут искать меня в «Новом свете».

Еще в бытность мою в Москве в 1865 и 1866 гг. я, занимаясь в «Чертковской библиотеке», задумал написать трагедию «Мирович». Там нашел много для сего материалов. В истекшие 6 лет, невзирая на мои перекочевки (ибо в 1868 г. опять уезжал в Сибирь), я, однако, окончил вполне и отделал «Историческую записку» о деле Мировича (вместо «Вступления» в трагедию) и первые два акта (I и II). Посему если Вы хотите поместить эту трагедию в Вашем журнале, то пошлите мне для скорости сюда телеграмму. Я вам тотчас вышлю рукопись. Прочитать ее — дело 3—4 дней, и Вы успеете покончить с этим делом до 1 мая (может, по случаю разлива рек, всегда позднего в Сибири, я останусь здесь до 15 мая), III, IV и V акты набросаны вчерне и не отделаны. Можно выслать, что будет отделано и в окончательном редакционном виде, пожалуй, с Амура либо через нашего консула в Японии *que sais-je?* Но я трагедии этой не попускаю и понемногу, сцена за сценой, отделяю. А так как я вижу из мартов. книги Вашего журнала, что у Вас помещаются и отрывки трагедий даже с иностранного, то своей русской и притом с таким интересным сюжетом можно поместить первые два акта и отдельно от последующих.

В заключение прошу Вас сделать одолжение: поторопиться все-таки высылкой рукописей и ответным письмом Вашим, которое прошу тоже не поскучать послать «**заказным**» для «**выдачи по повестке**», простое может затеряться.

С душевным уважением имею честь быть Вашим покорным слугою.

Ипп. Завалишин.

Адрес: «Потомственному дворянину Ипполиту Иринарховичу **Завалишину** в губернском городе **Самаре** (близ губерн. почт. конторы, **дом купц. Горина**)».

ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 578. Л. 5—6.

Документы, опубликованные выше, это, скорее всего, вершина айсберга, каким был Ипполит Завалишин. И, судя по ссылкам, даже только писем у плодовитого публициста и большого мастера эпистолярного жанра может оказаться гораздо больше. Просто компьютерная база помогла разыскать лишь те дела, в названиях которых фигурировала фамилия нашего злополучного героя.

«Суд, принимая во внимание вредное влияние Завалишина на жителей Кургана, признал невозможным оставлять его на жительство в этом городе»³⁷, — писал С.Я. Штрайх. За прошедшие после его смерти практически сто с четвертью лет о нем благополучно забыли исследователи, зная его репутацию путаника, авантюриста, ябедника.

Но по-прежнему его повествования привлекают этнографов, изучающих быт того времени: «Тюмень страшно хвастлива! Покуда она еще не сделалась сухопутным Ливерпулем между Европой и Россией с одной стороны, а Сибирью и крайним востоком (срединой Азией, Китаем, Японией, может, и Индией) с другой; покуда не убила своей ненавистной ей соперницы Ирбити; покуда не сделалась центральным торжищем и лучшим пунктом размена между обоими полушариями, до тех пор... как только подъедешь к ней, с какой хочешь стороны: от Екатеринбурга, Туринска, Тобольска и Ялуторовска (она всесторонняя, без каламбуров), дорога на ее городской земле дрянь, способная убить всякую фантазию! Поэзия ее всемирности разбивается в дребезги (вместе с осями и колесами) об ее дурные мосты, наигадчайшие гати, немислимые пни, торчащие посреди разгона для сокрушения голов и мозгов проезжего! Даже верстовые столбы ее пахнут мервечиной Миниха и Бирона, когда их везли 120 лет тому назад по туринской дороге в глухой Пелым! Издали, когда поднимаешься на угорь за селом Троицким, город порядочно эффектен, еще эффективнее с Ялуторовского тракту и с Тобольского из-за Туры. Много церквей, монастырей, каменные дома, огромный тюремный замок с церковью, роци и сади-

³⁷ Штрайх С.Я. Провокатор Завалишин. М., 1929. С. 48.

ки. Внешность скрадывает внутренность. Зато, щедро наделенный пинками и толчками, подзатыльниками адских душегубок, называемых почтовыми кибитками с их низенькими накладушками, настроенный не на идиллический, а на просмешливо-ругательный лад — как только подъедешь к въезду в улицы (у Тюмени ни застав, ни приличных въездов нет, а триумфальных арок некому здесь ставить — все ямской народ — не герои!), ахнешь и опустишь руки! Гоголю да Федотову тут только расхаживать, да курам с петухами рыться в навозных кучах, опоясывающих щедро город непривлекательным ожерельем!»³⁸.

Прочитаешь вот такое, и вся оставшаяся жизнь пропадет в поисках утраченного города. Ибо никак в толк не возьмешь, что в написанном — факт, а что — не более, чем впечатление, ассоциативно запутанное. И может, единственно верное для публициста. Но для этнографа? Вряд ли...

После всего сказанного резонно встает вопрос: «А зачем?» Ибо все, что накопилось у читателя при жизни И. Завалишина, он не постеснялся выплеснуть еще тогда. В докладных записках, в статьях, в воспоминаниях. Наверное, и в личных беседах...³⁹

Я думаю, что каждое последующее поколение, бросившее свои жизни на очередное освоение Сибири, должно помнить уроки публицистики И. Завалишина. Увы, великому замыслу было суждено стать лишь набором газетных сведений тех лет, да путевыми заметками о некоторых городах Западной Сибири, — по меткому выражению Туземца из Тюмени, — «обревизованных им (Завалишиным. — Ю.М.) осенью 1861 г.».

Как-то историк церкви, сибирский просветитель Александр Иванович Сулоцкий заметил: «Птицы не са-

³⁸ *Завалишин И.* По сибирским дорогам // Якорь. 1864. № 9. С. 136.

³⁹ В октябре 1864 г. в адрес Туринской полиции пришло письмо из Главного управления Западной Сибири. Генерал-губернатор предписывал объявить государственному преступнику Завалишину, что «сочинение его под заглавием “История второго тысячелетия Русского государства”... Я не нахожу возможным представить сочинение от своего имени его императорскому величеству» (ГУ ГА-ОмскО. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 18432. Л. 40).

довники, а ветры не пахари, а иногда те и другие сеют семена, и не только хлебные и травяные, но и древесные, — и посеянное ими не всегда погибает, напротив, произрастает и дает плоды»⁴⁰.

Посеянное Ипполитом Завалишиным на нашей ниве не должно вырасти чертополохом. Читатель должен отличать зерна от плевел. Просто в библиотеки вернулся еще один памятник, которому до сих пор одни — поклоняются, другие — ставят под сомнение все написанное, третьи — ищут источник, с которого цифры и факты перекочевали в «Описание Западной Сибири». Четвертые — оправдывают его компилятивный метод, признавая необходимость его в то время и в том месте, где находился государственный преступник. Эти последние в качестве довода правоты автора повторяют: «Не он первый, не он последний»⁴¹.

Ю. Мандрика

⁴⁰ Сулоцкий А.И. Киргиз-паломник // Томские губернские ведомости. 1859. №4. С. 30.

⁴¹ Еще одну версию жизни Ипполита Завалишина можно прочесть в конце книги, где в приложении помещено несколько писем его брата, Д.И. Завалишина.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

О П И С А Н І Е

ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ИПОЛИТА ЗАВАЛИШЕНА.

Цена 70 коп.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С -Петербургъ, 30 Нолбря 1860 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Сибирь неизвѣстна Европѣ и мало извѣстна Россіи. Отдаленность этого края, превратныя о немъ понятія, отсутствіе популярныхъ описаній, доступныхъ большинству читающихъ, были всегда этому причиной.

Между тѣмъ ходъ историческихъ событій на Западѣ, новое направленіе, данное международнымъ отношеніямъ европейскихъ державъ, прогрессъ идей и сближеніе нынѣ цивилизаціи Европы съ крайнимъ Востокомъ, наконецъ самая неожиданность вопросовъ, возникшихъ теперь въ Индіи и Китаѣ, внезапно раскрыли Европѣ и Россіи всю политическую и стратегическую важность Сибири. Соприкасаясь Китаю и Индіи берегами Или и Амуре, Сибирь должна неминуемо сдѣлаться въ недалекия времена ареной, на которой столкнутся неизбежно Европа и Россія, русскія стремленія съ стремленіями западными, чтобы изъ этой борьбы двухъ совершенно противоположныхъ началъ вывести новыя судьбы міра и новую исторію человѣчества!

Внесеніе христіанства въ Китай, оцивилизованіе его посредствомъ Европы, прививка къ нему идей западныхъ, искусства воинскаго, современныхъ успѣховъ наукъ и техники, не должны оставлять Россію равнодушной зрительницей того, что будетъ происходить на крайнемъ Востоку. Исторія человѣчества есть вѣчный циклъ возвышенія и паденія народовъ, передвиженія политическаго могущества и преобладанія изъ страны въ страну. Опытъ историческій долженъ заставить предугадывать будущее; а гдѣ это будущее ясное, какъ не въ огромной Китайской имперіи, съ сотнями милліоновъ

ея жителей, умныхъ и переимчивыхъ, склонныхъ къ переселеніямъ, умѣренныхъ не въ одномъ только образѣ жизни, но и въ привычкахъ? Что будетъ съ Россіей и даже съ Европой при цивилизованіи Китая, при усвоеніи имъ нашего воинскаго искусства, нашихъ наукъ и открытій, при правительствѣ твердомъ, просвѣщенномъ, честолюбивомъ и деспотическомъ? Англо-индійское возстаніе доказало нынѣ на опытъ, что сипай, вооруженные и обученные по европейски, могутъ бороться съ войсками Европы, даже при отсутствіи единства власти и направленія. Чего же не предприметъ монархія, предъ которой всѣ европейскія государства матеріально такъ слабы, всѣ наши силы военныя такъ нумерически ничтожны, если тактика наша коснется наконецъ Китая и дастъ ему ясное пониманіе его силы?

Индія, въ отношеніи къ Сибири, представляетъ тоже огромное политическое значеніе. Рано или поздно, такъ или иначе, Россія и Англія сойдутся на берегахъ Индуса и Ганга разрѣшать вѣчный вопросъ Гамлета: «to be, or not to be?» силой оружія; ибо «*быть или не быть*» равно жизненные вопросы ихъ историческаго развитія. Россія и Англія, одна на сушь, другая на морь равно проникнуты тѣмъ же духомъ расширенія, потому что духъ этотъ истекаетъ изъ ихъ исторіи, составляетъ для нихъ историческую неизбѣжность. Россія, чтобы быть первостепенной державой на сушь, должна распространять свои предѣлы на Востокъ и на Западъ православіемъ и славянизмомъ, — это ея точки опоры въ будущемъ. Англія, чтобы быть первостепенной державой на морь, должна сохранять и расширять во что бы то ни стало свои колоніи, — это ея сердце, ея кровообращеніе въ будущемъ. Сошлись они на валахъ Севастополя помѣрять сперва свои силы, но не могли еще разрѣшить жизненнаго вопроса своего призванія. Сойдутся онѣ неизбѣжно и на берегахъ Индуса и Ганга—и дадутъ тогда новый видъ землѣ, начнутъ новую исторію міра!

Такимъ образомъ Сибирь, соприкасаясь Амуромъ и Или крайнему Востоку, передовой станъ Россіи у воротъ Индіи и Китая, должна сдѣлаться предметомъ живѣйшаго современнаго интереса для Европы и Россіи, предметомъ заботливаго изученія для послѣдней въ особенности. Кромѣ этого Россія много теряетъ отъ незнанія Сибири и въ отношеніи матеріальномъ. Сибирь—золотое дно труда. Умъ, капиталы, руки,—все здѣсь настоятельно необходимо нынѣ, все найдетъ себѣ пищу, употребленіе, работу. Для переполненныхъ народомъ и уже малоземельныхъ внутреннихъ русскихъ губерній Сибирь представляетъ несравненно болѣе удобствъ къ переселенію нежели другія мѣстности имперіи. Для фабрикъ и заводовъ сырые матеріалы сибирскіе представляютъ тоже нестоимый кладъ и вѣрный сбытъ на огромные рынки Китая и всей центральной Азіи, гдѣ Европѣ нѣтъ возможности съ ними соперничать. Для торговли транзитной Сибирь можетъ сдѣлаться ближайшимъ путемъ изъ Европы и Россіи въ Китай и Индію, когда разовьются наши сѣти желѣзныхъ дорогъ, что и послѣдуетъ въ недалекомъ, конечно, будущемъ. Наконецъ для ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, даже для путешественниковъ Сибирь еще неразработанная сокровищница думъ, изученій, вдохновеній, картишъ и всѣхъ эстетическихъ наслажденій ума и сердца. Это именно первозданный міръ, какимъ онъ вышелъ нѣкогда изъ рукъ Божіихъ, со всѣми чудесами первобытной природы, со всѣми красотами творенія! Внутреннія моря Балхашъ и Байкаль, гигантскія рѣки Обь, Енисей, Лена и Амуръ, безпредѣльные степи киргизскія и манжурскія, заоблачныя горы Небеснаго хребта, Алтай, Саяна и Хамарь-Дабана, дремучіе лѣса отъ Урала до Камчатки, въ которыхъ мѣстами не бывала нога человѣческая, бытъ разнообразный, всюду оригинальный отъ роскошныхъ палатъ томскаго и иркутскаго богача, до чума самоѣда и юрты бурята, отъ занесеннаго снѣгомъ Березова, до Алмать, гдѣ вьется виноградная лоза, гдѣ растутъ въ бальзамиче-

скихъ лѣсахъ нѣжные плоды юга; отъ шумной и торговой Тюмени, до возникающаго изъ волиъ Восточнаго океана Николаевска, этого будущаго Севастополя для крайняго Востока! А притомъ хлѣбъ, скоть, рыба, лѣса, богатѣйшіе луга, тучнѣйшія земли въ изумительномъ обиліи, при климатѣ всюду благопріятномъ для хлѣбопашества и скотоводства отъ Кургана до Амура; золото, серебро, мѣдь, желѣзо, каменный уголь, драгоценные камни, дорогой пушной звѣрь, все, что есть лучшаго и драгоценнѣйшаго, необходимѣйшаго и пріохотливаго, всѣ данныя для богатства, развитія, прогресса и матеріальнаго благосостоянія, — такова эта Сибирь, которой еще вовсе не знаютъ ни Европа, ни даже Россія, а которую такъ необходимо имъ узнать, изучить, оцѣнить—политически, коммерчески и литературно!

Задача наша не легка. Трудно въ краю малоизслѣдованномъ, а практически и вовсе не разработанномъ собрать въ одно стройное цѣлое всѣ данныя, составить рассказъ популярный, доступный уму и понятіямъ большинства. Но мы сдѣлали что могли и даже болѣе, нежели могли..... Да найдетъ же, этотъ скромный опытъ простаго и безыскусственнаго описанія Сибири, безъ претензій на ученость, безъ лишнихъ спеціальныхъ подробностей, живое сочувствіе читающихъ! Это наша цѣль и къ этому мы будемъ неуклонно стремиться.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.

ЗАМѢТКА ОТЪ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА.

Предлагаемый трудъ полученъ обществомъ отъ автора живущаго въ Сибири, при посредствѣ М. П. Погодина и Н. В. Сушкова. Выпускаемая нынѣ книга заключаетъ въ себѣ, по плану, излагаемому авторомъ, первый томъ предпринятаго имъ полнаго описанія этой обширной и столь еще мало извѣстной у насъ страны. Надѣемся со временемъ предложить публикѣ и остальные части труда г. Завалишина, отличающагося живостью изложенія, основательностью и оригинальностью взгляда. Рукопись мы напечатали безъ перемѣнъ, не имѣя на то полномочія автора, хотя съ нѣкоторыми отдѣльными мыслями и пріемами изложенія мы, можетъ быть, и не совсѣмъ согласны; при томъ мы желали передать во всей полнотѣ личныя его воззрѣнія, всегда заслуживающія полнаго вниманія.

ОБЩЕЕ ВСТУПЛЕНИЕ.

Западная Сибирь простирается между 44° и 72° сѣверной широты и между 79° и 108° восточной долготы и граничитъ: на западъ съ губерніями: Архангельской, Вологодской, Пермской, Оренбургской и Малой Киргизской Ордой; на югъ—съ Какандомъ и Западнымъ Китаемъ; на востокъ—съ Енисейской губерніей, а на сѣверъ—съ Ледовитымъ океаномъ. Она состоитъ изъ двухъ губерній—Тобольской и Томской и изъ двухъ областей—Семипалатинской и Сибирскихъ Киргизовъ. Приблизительно же вычисляется въ 2,951,757 квадр. верстъ съ населеніемъ въ 2,141,808 душъ обоого пола, а именно:

Въ губерніяхъ:

Тобольской	1,163,930	кв. вер.	и	1,013,438	жителей.
Томской	732,027	„	„	687,631	„

Въ областяхъ:

Семипалатинской . .	324,514	„	„	179,252	„
Сибирск.Киргизовъ	731,286	„	„	261,487	„

А всего . . . 2,951,757 „ „ „ 2,141,808 „ „

Вся Сибирь, отъ предгорій Урала, Алтая, Саяна, Хамаръ-Дабана и до Витимско-Ленскихъ отроговъ Яблоноваго хребта, составляетъ огромную равнину слегка наклоненную къ Сѣверному океану, а во времена доисторическія, по всѣмъ геологическимъ вѣроятіямъ. покрытую его водами. Грунтъ земли—суглинистый песокъ и хрящъ, наносный черноземъ и иль въ южной и средней части края; тундры и болотистыя кочки въ сѣвер-

ной. Это доказывается ложемъ всѣхъ сибирскихъ большихъ рѣкъ и озеръ. Почти всюду дно ихъ глинистое, иловатое, съ малою частью песку и кремнезему. Подобная формація почвы образовала назъ Сибири три рѣзко противоположные уступа, отъ предгорій до океана. У предгорій раскинулись сухія и жаркія степи, въ центрѣ страны мокрыя и лѣсистыя пространства, съ ихъ могучей растительностью; за 62° сѣвер. шир., на крайнемъ сѣверѣ, вдоль всего побережья Ледовитаго моря, болота, кочки и тундры. Тихое теченіе Оби, Енисея и Лены, съ многочисленными ихъ притоками, по русламъ необыкновенно глубокимъ, а потомъ стремительное ихъ теченіе при приближеніи къ океану,—образующіеся при берегахъ большихъ рѣкъ протоки, заливы и обширныя озера, „старицами“ въ Сибири называемыя, и которыя, сообщаясь съ главнымъ русломъ, не имѣютъ однако теченія,—скопленіе на сѣверѣ огромныхъ водохранилищъ безъ сообщенія съ рѣками, т. е. озеръ и болотъ, которыя подобно Васьюгану въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи раскинуты на нѣсколько сотъ верстъ и необыкновенная сырость почвы во всей средней полосѣ Сибири, такъ что вода выступаетъ и сочится при малѣйшемъ нажатіи; (между тѣмъ какъ на югѣ, у предгорій, колодцы даютъ воду лишь на значительной глубинѣ),—быстрая и немовѣрно сильная растительность лѣсовъ и травъ,—глубокіе снѣга, выпадающіе въ средней полосѣ, иногда до двухъ саженей толщины, тогда какъ въ южныхъ степяхъ скотъ, а на тундрѣ олени ходятъ всю зиму на подножномъ кормѣ,—все это доказываетъ, что Сибирь до предгорій была нѣкогда дномъ океана. Можно сказать, что она уподобляется чашѣ, въ которую стекаютъ всѣ воды съ Урала, Алтая, Саяна, Хамарь-Дибана и Яблоноваго хребта, чтобы скатиться главными ея рѣками въ Сѣверный океанъ.

Ознакомимся теперь съ тремя уступами котловины Западной Сибири. Отъ предгорій Урала и Алтая, свѣтвляющихся съ горными хребтами центральной Азіи и Восточной Сибири, идетъ сперва первый уступъ, степной,—это степи Киргизская, Ишимская, Барабинская и Кулундинская, разстилающіяся между малымъ и большимъ Алтаемъ, верховьями Оби, Иртыша, Тобола и Ишима. Онѣ занимаютъ всю площадь внѣшнихъ округовъ обихъ степныхъ областей края, части внутреннихъ округовъ Маріинскаго, Барнаульскаго, Бійскаго, въ Томской губерніи, а Омскаго, Ишимскаго, Курганскаго, въ Тобольской, т. е. отъ Западнаго Китая и Коканда до границъ Оренбургской и Пермской губерній, раздвигаясь влѣво до Минусинскихъ степей въ Енисейской губерніи, а вправо до степей Приуральскихъ и Приволжскихъ. Все это огромное пространство не одинаково, впрочемъ, по почвѣ и растительности. Въ Киргизскихъ степяхъ сѣверная часть ихъ представляетъ сплошную равнину со множествомъ озеръ, въ южныхъ мѣстахъ покрытую березовыми перелѣсками; средняя—гориста, но между горами много сухихъ, бесплодныхъ и безводныхъ солончаковыхъ долинъ; южная же—богата растительностью и всѣми дарами щедрой природы. Это Семирѣчинскій и Приилійскій края, — обѣтованная земля Западной Сибири. Въ Ишимской, Кулундинской и Барабинской степяхъ, природа хотя однообразна, но почва здѣсь тучный черноземъ, а луга богатые. Здѣсь тоже множество озеръ, изъ которыхъ одни замѣчательны величиной и рыболовствомъ, а другія обиліемъ самосадочной соли. Здѣсь же центральная точка Обьской котловины и это разъясняетъ, почему пріемля въ себя столько проточныхъ водъ и столько наплывныхъ осадковъ, вся эта мѣстность, такъ называемыхъ южныхъ округовъ Западной Сибири, — неистощимая житница и пастбище цѣлаго края. Хлѣбопашество въ громадныхъ

размѣрахъ, богатѣйшее скотоводство, обильнѣйшія рыбныя ловли, неистощимые запасы поваренной соли, всюду сподручныя, дѣлають это благословенное пространство кореннымъ жилищемъ русскаго племени, опорной и исходной точкой всего, что только когда либо Россія захочетъ предпринять въ Средней Азіи,—это округи: Курганскій, Ишимскій и Омскій въ Тобольской губерніи, Каинскій, Маріинскій и части Бійскаго, Барнаульскаго и Кузнецкаго—въ Томской. Рожь, пшеница, сало, масло, кожи, мясо всѣхъ породъ скота, шетина, медъ, воскъ, разнообразныя крупы, рыба красная и простая и всюду обиліе лучшей поваренной соли, предлагаютъ здѣсь пропитаніе и занятіе милліонамъ трудолюбивыхъ рукъ, и надо замѣтить, что трудъ, предпріимчивость и капиталы, въ сравненіи съ этимъ золотымъ дномъ земледѣлія, скотоводства, рыболовства, промышленности и торговли,—еще здѣсь на самой низшей степени развитія. Не то явится въ будущемъ, съ желѣзными дорогами и просвѣщеніемъ, и когда рубли крестьянъ будутъ въ возможности быстро и удобно передвигаться изъ переполненныхъ народомъ и уже малоземельныхъ внутреннихъ русскихъ губерній въ богатую, просторную и еще безлюдную Сибирь, куда призовутъ ихъ предпріимчивость, капиталъ, наука и образованіе.

За этимъ первымъ уступомъ, послѣ неизмѣримыхъ степей, идетъ столь же неизмѣримый второй уступъ лѣсовъ, разительно, конечно, отъ него отличный, но не менѣе продуктивный и богатый. Отъ Тюмени въ прямомъ направленіи чрезъ Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ до Амура и Берингова пролива и до 62° сѣверной широты, дремучими, вѣковыми, непроходимыми и сплошными лѣсами покрыта вся эта площадь Сибири, а въ Западной—часть Ялutorовскаго, Тюменьскій, Туринскій, Березовскій, Тобольскій и Тарскій округи Тобольской губерніи; весь Томскій, части Маріинскаго, Каинскаго.

Барнаульскаго, Бійскаго и Кузнецкаго округовъ Томской губерніи, упираясь въ предгорія Алтайскаго хребта и его отроговъ въ степи Киргизской. Здѣсь хлѣбопашество и скотоводство уже не преобладающія занятія жителей. Хотя во всѣхъ этихъ округахъ обѣихъ губерній (исключая Березовскаго), хлѣбъ хорошо родится и сѣютъ его достаточно, скота держатъ тоже съ избыткомъ, но другіе промыслы тутъ болѣе важны. Цѣнная пышнина: бобръ, соболь, песецъ, горностаи, лисица и бѣлка, древесная промышленность во всѣхъ ея видахъ, огромное рыболовство, сборъ кедровыхъ орѣховъ, ягодъ, грибовъ, дичь и пухъ,—тоже другая неистощимая сокровищница края. Желѣзныя дороги дадутъ всему этому со временемъ выгоднѣйшій сбытъ и важное денежное значеніе.

Наконецъ, вотъ и третій уступъ, уже на крайнемъ сѣверѣ—уступъ тундръ. Приближаясь къ 62° сѣвер. шир., могучая растительность Сибири постепенно рѣдѣетъ и исчезаетъ. Сплошные урманы и тайги (такъ называютъ здѣсь дремучіе, непроходимые лѣса) огромныхъ сосенъ, кедровъ, лиственницъ, ели и пихты, это неистощимая кладовая края, занимающая площадь въ нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ отъ Урала до Камчатки. Далѣе береза, ольха, осина, тальникъ и прочія мелкія породы, подъ вліяніемъ всемертвящаго холода исчезаютъ, замѣняются уродливыми, искривленными, какъ бы ползущими по тундрѣ и кочкамъ, елками и березками. Далѣе и этого нѣтъ, а лишь едва выбиваются изъ холодной почвы вустики осинника. За Обдорскомъ (въ Березовскомъ округѣ) и это исчезаетъ. Только грубая и бѣлѣсоватая травка кое-гдѣ просѣкается свозъ необъятныя глазу вѣчно-ледяныя кочки;—ни одной чливающейся птички, ни одного благоухающаго цвѣтка. Въ этихъ широтахъ Обь вскрывается не ранѣ іюня; въ августѣ уже выпадаетъ снѣгъ. Ясное и безоблачное

небо—рѣдкое явленіе; если солнце и свѣтитъ, то тускло, и не согрѣваетъ. Около мыса Хе, 400 верстъ ниже Обдорска, всякая растительность кромѣ грубаго мха, совершенно исчезла. Здѣсь Обь впадаетъ въ Обьскую губу двумя главнымъ и огромными рукавами—Хаманевскимъ и Нарымскимъ. Здѣсь Сѣверный океанъ, грань міра, жизни и творенія! Смерть, вѣчный холодъ и вѣчное молчаніе — вотъ принадлежности этого Дантоваго „Ада!“ По неизмѣримымъ пространствамъ этихъ безжизненныхъ тундръ бродятъ жалкія гиперборейскія племена—самодѣи и тунгусы. Но, хотя все побережье Ледовитаго океана поражено повидимому вѣчнымъ проклятіемъ, оно, подобно уступамъ Сибири степному и лѣсному—третья неисощаема сокровищница края. Въ степномъ пространствѣ—хлѣбъ и скотъ; въ лѣсномъ—пушной звѣрь и орѣхи, въ тундровомъ—богатѣйшія въ мірѣ рыбныя ловли, которыхъ Россія и даже Сибирь еще цѣны не знаютъ, которыя разрабатываются еще вполне невѣжественно, безъ всякихъ повѣстій о европейскихъ пріемахъ, но которыя могли бы однако снабжать не только Сибирь и Россію, но и Сѣверную Европу драгоценнѣйшими породами красной рыбы, икрой и сельдями. Но для этого нужны желѣзныя дороги, наука и умнѣе браться за дѣло. Этого покуда ничего здѣсь нѣтъ...

Изъ очерка этихъ трехъ уступовъ ясно теперь видно, что всѣ воды наклонной въ океану и углубленной въ видѣ чаши плоскости Сибири стекаются въ ея три станovyя жилы—Обь, Енисей и Лену. Въ Западной Сибири главная и всепоглощающая рѣка Обь. Она складается изъ соединенія двухъ большихъ рѣкъ Бія и Катуня, въ 9 верстахъ отъ окружнаго города Бійска, въ Томской губерніи. Бія, принимающій справа Лебедь и Неню, а слѣва Кокшу, вытекаетъ изъ сѣверной оконечности Телецкаго озера, или, точнѣе сказать, пересѣкаетъ

его; ибо съ южной оконечности рѣки Чулышманъ и Башкаусъ надо принимать за вершины Бія. Катунь, принимающая справа Аругъ и Чую, а слѣва Коксу и Урусулъ, вытекаетъ изъ-подъ горы Бѣлухи, въ маломъ Алтайѣ. Отъ Бійска до устья Чарыша Обь идетъ на западъ, далѣе до Барнаула на сѣверъ, отсюда уклоняется опять на западъ; у деревни Крутихи, поворачивается на сѣверовостокъ, а отъ устья Томи на сѣверозападъ. Ниже Иртыша, за селомъ Самаровскимъ, въ Тобольскомъ округѣ, разбившись на нѣсколько рукавовъ идетъ прямо на сѣверъ, сближаясь съ Уральскимъ хребтомъ у Обдорска. За Обдорскомъ же склоняется на востокъ и впадаетъ въ Обьскую губу двумя главными рукавами Хаманевскимъ и Нарымскимъ. Все теченіе этой великой рѣки простирается до 4500 верстъ. Уже при сліяніи Бія съ Катуней она широка на версту. При впаденіи въ нее Иртыша—на полторы, подъ Березовымъ, съ островами—на 40; ниже Обдорска, въ общемъ руслѣ—на 50; при раздѣлѣ на два главные рукава у Обской губы—на 60; а при сліяніи съ Ледовитымъ океаномъ—на 100 верстъ! До Томска эта чудовищная масса водъ, течетъ по открытому и степному пространству, только мѣстами осѣняемая березовыми и сосновыми рощами. За Томскомъ вступаетъ она въ царство дремучихъ лѣсовъ сибирскихъ и тянется по обширной луговой и мокрой равнинѣ. За Березовымъ лѣса рѣдѣютъ, ниже Обдорска исчезаютъ, и тогда до впаденія своего въ Ледовитый океанъ, Обь течетъ уже по безжизненной тундрѣ.

Енисей и Лена двѣ большія рѣки, конечно, а Лена и болѣе Оби; но онѣ не имѣли и не будутъ имѣть никогда благотѣльнаго вліянія на края, ими орошаемые. Обь въ Западной Сибири, Амуръ въ Восточной, — рѣки цивилизациі и прогресса. Природа, какъ бы умышленно дала Оби Иртышъ въ необходимое ей дополненіе и

именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще можно жить и дѣйствовать, т. е., въ Тобольскомъ округѣ. Иртышъ—артерія Оби, связующая югъ и сѣверъ, лѣсную умеренную часть Западной Сибири съ богатой и теплой степной. Иртышъ беретъ начало въ китайскихъ владѣніяхъ, изъ горы Карадыкъ въ Большомъ или Китайскомъ Алтаѣ. Онъ идетъ сперва на западъ до озера Норъ-Зайсана, подъ именемъ Чернаго, или Верхняго Иртыша. По выходѣ изъ этого озера, направляется на сѣверъ до устья рѣки Нарыма, откуда поворачиваетъ на сѣверо-западъ, ниже Омска, опять на сѣверъ; въ Тарскомъ округѣ—на западъ; а въ Тобольскѣ, отъ устья Тобола, еще разъ на сѣверъ и близъ села Самаровскаго, въ 560 верстахъ ниже Тобольска, вливается въ Обь. Все теченіе Иртыша составляетъ 2500 верстъ, изъ которыхъ на долю Чернаго или Верхняго приходится 300 верстъ. Отъ истока своего изъ озера Норъ-Зайсана до рѣки Нарыма, Иртышъ составляетъ естественную границу Киргизской степи съ китайскими владѣніями. Отъ устья Нарыма до Омска, отдѣляетъ эту степь отъ Томской и Тобольской губерній, а отъ Омска поворачиваетъ въ Тобольскую губернію, по которой и течетъ до впаденія въ Обь. Проходи отъ Усть-Каменогорска до Нарыма горами, онъ имѣетъ тутъ стремительное теченіе и нѣсколько не опасныхъ пороговъ. До Тары же орошаетъ степное пространство и только правая его сторона кое-гдѣ осѣняется березовыми рощами. Отъ Тары до самаго устья течетъ уже среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ. На всемъ своемъ протяженіи Иртышъ богатъ луговыми долинами. Онъ истинный проводникъ всего благосостоянія края. Всѣ почти города Западной Сибири, или выстроены у его водъ, или сообщаются съ нимъ судоходно. На немъ стоятъ Усть-Каменогорскъ, Бухтарминскъ и Семипалатинскъ, въ Семипалатинской области; Омскъ, Тара и Тобольскъ,

въ Тобольской губерніи. Съ нимъ сообщаются: Обью—Бійскъ, Барнаулъ и Колывань въ Томской губерніи; Обдорекъ и Березовъ въ Тобольской; Тоболомъ, въ него впадающимъ:—Курганъ и Ялutorовскъ; а Ишимомъ тоже въ него впадающимъ—Ишимъ и Петропавловскъ: притоками Тобола: Турой — Верхотурье въ Пермской губерніи, а Туринскъ и Тюмень въ Тобольской, Тавдой—Уральскіе заводы и Пелымскій край; Томью и Чулымомъ, впадающими въ Обь — Томскъ и Ачинскъ, а Кетью — Енисейскій округъ. Кромѣ того безчисленное множество рѣкъ и рѣчекъ, изъ коихъ замѣчательнѣйшія: Песчаная, Чумышъ, Иня, Берда, Томь, Чулымъ, Кеть, Тымъ, Вахъ, Аганъ, Пимъ, Ляминъ, Казымъ и Полуи впадаютъ съ правой стороны; а Ануй, Чарымъ, Алей, Барнаулка, Шагарка, Чай, Параболь, Васьюганъ, Юганъ, Салымъ, Иртышъ, Сосва, Сыни и Соба впадаютъ съ лѣвой стороны въ Обь; между тѣмъ какъ Бухтарма, Ульба, Уба, Омь съ Тартасомъ, Тара, Уй, Шишъ, Туй, Тартасъ и Демьянъ впадаютъ съ правой стороны; а Ишимъ, Вагай, Тоболъ и Конда съ лѣвой стороны въ Иртышъ; будучи всѣ сплавы и отчасти судоходны, образуютъ общую великолѣпную Обьско-Иртышскую водную систему, покрывающую всю Западную Сибирь какъ сътью, и при развитіи судоходства и пароходства общающую неисчислимыя выгоды. Въ Киргизской же степи въ особенности замѣчательно пространство между озеромъ Балхашемъ, рѣками Лепсою и Илею, и снѣжнымъ хребтомъ Алатау, служащимъ естественною границею съ Западнымъ Китаемъ и извѣстное подъ именемъ Семирѣчинскаго края, по киргизски „Докату-Су“—Семирѣчье, и названное такъ по семи главнымъ рѣкамъ его орошающимъ. Изъ нихъ двѣ, Караталъ и Иля, достигаютъ озера Балхаша и впадаютъ въ него, а остальные пять теряются въ пескахъ, прилежающихъ къ юговосточной сторонѣ этого озера. Иля, общающая нынѣ такія же

драгоценныя выгоды для Россіи, какъ и Амуръ, вытекаеть изъ хребта Тянь-Шань въ китайскихъ владѣніяхъ. орошая богатѣйшую мѣстность во всей Сибири по мягкости климата, плодородію, щедротамъ земли, произрастающей виноградъ и всѣ нѣжные плоды юга; по блестящей будущности здѣшней торговли съ Китаемъ и по стратегической важности здѣшней мѣстности, ибо на Илѣ стоитъ Кульджа, столица Западнаго Китая. Караталъ вытекаетъ изъ хребта Алатау, и принимая въ себя Коксу, тоже впадаетъ въ Балхашъ. Обѣ эти рѣки замѣчательны своей грозной быстротой. Изъ этого же хребта вытекаетъ Лепса, а изъ сѣверозападнаго конца хребта Тарбагатайскаго выходитъ Алаузь и обѣ тоже впадаютъ въ Балхашъ. Рѣка Чу, составляющая государственную границу нашу съ Кокандомъ, выходитъ однимъ истокомъ изъ горъ Кашкааръ-Доканъ, а другимъ изъ живописнаго горнаго озера Иссыкъ-Куль и впадаетъ въ озеро Телекуль-Тата. Кромѣ того, въ Киргизской степи много мелкихъ рѣчекъ, не представляющихъ особой важности.

Средняя полоса Западной Сибири и Киргизская степь щедронадѣлены тоже огромными водохранилищами озеръ. изъ коихъ одни— неисчерпаемые запасы рыбы и соли. другія же— пути просвѣтительныя и военныя. Изъ озеръ этихъ, изъ которыхъ многія замѣчательны своей обширностью, Чаны, между Омскимъ, Каинскимъ и Маріинскимъ округами, обильно простыми породами рыбы: Убинское въ Каинскомъ округѣ—тоже, а Телецкое или Алтайское—Алтынъ-Куль—Золотое озеро въ 80 верстъ длины и до 8 ширины и глубины чрезвычайной, въ Бійскомъ округѣ, богато тайменемъ, нельмой, стерлядью и сельдями. Громадное озеро Норъ-Зайсанъ, чрезъ которое, какъ Ангара чрезъ Байкаль въ Иркутскѣ, проходитъ Иртышъ, — хотя и находится въ китайскихъ владѣніяхъ, но доступъ къ нему свободенъ для погра-

ничныхъ русскихъ жителей; оно имѣеть до 120 верстъ длины и до 80 ширины съ богатыми рыбными ловлями. Стратегическое озеро Балхашъ со впадающею въ него рѣкою Илею, оцѣнкой котораго Россія обязана бывшему генералъ-губернатору Западной Сибири, генералу Гасфорду, принимаетъ въ себя судоходную рѣку Илю, на которой стоитъ Кульджа, столица Западнаго Китая, имѣеть до 600 верстъ въ длину и до 70 въ ширину и дѣлается нынѣ важнымъ операционнымъ базисомъ, при наступательномъ движеніи русскаго владычества въ сердце Азіи. Иля же, имѣя до 150 сажень ширины и до 7 аршинъ глубины въ фарватерѣ, будучи судоходна съ марта по декабрь, пріобрѣтаетъ огромную политическую важность, при развитіи пароходства, торговли, при устройствѣ прекраснаго Заилійскаго края, этой Италіи Западной Сибири. Большіе средне-азійскіе торговые города Ташкентъ, Кашгаръ и Кульджа, находятся отсюда только въ 300 верстахъ. Здѣсь растутъ абрикосы, яблоки, груши, съ успѣхомъ разводятся теперь виноградъ отъ высланныхъ сюда въ 1857 году европейскихъ виноградныхъ лозъ; здѣсь уже дѣлаютъ опыты разведенія индиго, гаванскаго табаку, сахарнаго сарго. Это новое пріобрѣтеніе Россіи, неизвѣстное донынѣ Европѣ и прошедшее незамѣченнымъ даже въ нашемъ отечествѣ, общааетъ въ недалекомъ будущемъ великіе результаты для имперіи. Горное озеро Иссыкъ-Куль лежитъ на югъ отъ Балхаша, въ землѣ Дикокаменныхъ Киргизовъ или Бурутовъ, недавно подавшихъ Россіи. Оно возвышается на 4000 фут. надъ уровнемъ океана, выпускаетъ съ западной стороны одинъ изъ истоковъ рѣки Чу и имѣеть до 150 верстъ длины и до 60 ширины. Здѣсь трехглавая вершина Небснаго хребта Ханъ-Тенгеры на 20,000 фут. высоты и вѣчно покрытая снѣгомъ, а въ долинахъ около озера—растительность и климатъ Италіи. На сѣверной сторонѣ этого озера, у

подошвы величественной гряды снѣжныхъ исполиновъ Кунги-Тау, находится укрѣпленіе Вѣрное, или городъ Алматы, самое крайнее покуда русское поселеніе въ центральной Азіи. Оно находится въ 300 верстахъ отъ окружнаго города Капала, Семипалатинской области. Озеро Ала-Куль, на востокъ отъ Балхаша, круглое и съ горькосоленой водой; на лежащемъ среди его островѣ Араль-Тюбе есть потухшій вулканъ. Озеро Денгизъ, между Омскомъ и Акмолами, въ степи, тоже горькосоленое. Но по обилію отличной поваренной соли, лучшее изъ озеръ, есть знаменитое Коряковское, въ юго-восточной части Омскаго округа, почти со временъ завоеванія Сибири уже извѣстное русскимъ и донинѣ правильно разрабатываемое. Оно даетъ до полмилліона пудовъ соли. Озера Карасукскія и озеро Ямышевское, въ юговосточной же части Омскаго округа; Боровыя и Алеусскія въ Барнаульскомъ и Бійскомъ округахъ, Бурлинское въ Маріинскомъ, Яхши-Теръ въ 8 верстахъ отъ озера Ала-Куля, Карабашъ, Комиръ-Тузъ, Калкаманъ-Соръ, Яхши-Тузъ, Теке, неподалеку отъ Иртыша, между Семипалатинскомъ и Омскомъ; Кичи-Карой, Кашбекъ, Таймасъ, за правымъ флангомъ линіи въ степи, и множество другихъ, какъ за Омской линіей, такъ и въ южныхъ округахъ обѣихъ губерній, и которыхъ насчитываютъ до 90, показываютъ удивительное богатство и этимъ необходимымъ для жизни продуктомъ. Добываемая изъ этихъ озеръ казаками и брестьянами соль продается ими по вольнымъ цѣнамъ на торжкахъ всего края, съ примѣсью конечно и неизбѣжной контрабанды. Но по крѣпости засола въ прокъ рыбы, мяса и овощей, лучшая въ Западной Сибири соль—казенная, Коряковская. На сѣверѣ края замѣчательнѣйшія озера суть Васьюганъ, точнѣе сказать громадная съть озеръ, связанныхъ другъ съ другомъ проливами между водораздѣлами Оби и Енисея, до 600 верстъ въ длину и до 200

въ ширину, неистощимый запасъ не только рыбы, но и звѣря, ягодъ, грибовъ въ лѣсахъ и рощахъ, покрывающихъ берега его. Васьюганъ можно назвать первозданнымъ міромъ, и изъ всѣхъ чудесъ Сибири онъ самое оригинальное, самое поэтическое чудо; ибо по богатству растительности и будучи совершенно необитаемъ, онъ лѣгомъ представляетъ на нѣсколько сотъ верстъ настоящій дикій эдемъ, въ которомъ звѣри, птицы, гады, насѣкомыя, рыбы,—все живетъ и наслаждается жизнью, мѣстами не видавъ человѣка съ перваго дня сотворенія міра.

Не взирая навсѣ удобства воднаго сообщенія великолѣпной сѣтью рѣчной системы Западной Сибири, она находится еще далеко не на той степени, какую указала ей самая природа, изрѣзавъ всю страну и по всѣмъ направленіямъ огромными водостоками и давая такимъ образомъ до устройства здѣсь желѣзныхъ дорогъ лучшее и сподручнѣйшее средство для сообщеній и сближенія разныхъ мѣстностей, для оживленія сбыта и обновленія цѣнъ, однимъ словомъ—для матеріальнаго прогресса народа. Рѣки Тоболъ и Ишимъ, обѣ выходящія изъ Киргизской степи и впадающія въ Иртышъ, протекающія по богатѣйшимъ округамъ Тобольской губерніи Ишимскому, Курганскому и Ялуторовскому съ населеніемъ въ 629,858 д. о. п. (по 10-й народной переписи) и гдѣ хлѣбонашество, скотоводство, торговля, промышленность и ремесленность развиты въ сравненія съ многими губерніями русскими, гдѣ масса народа составляетъ почти $\frac{2}{3}$ жителей всей губерніи, эти двѣ рѣки были нѣкогда не только сплавыными, но и судоходными. Еще лѣтъ 20 тому назадъ по нимъ ходили барки съ хлѣбомъ на сѣверъ до Тобольска, а съ сѣвера гнали на югъ плоты строеваго лѣсу и дровъ. Нынѣ же допущеніемъ сооруженія огромныхъ крупчатныхъ мельницъ, съ глухими плотинами, ненаблюденіемъ за прірѣчными жите-

лями, заваливающими эти рѣки навозомъ, дно ихъ возвысилось, свободы плаванія по нимъ нѣтъ, и свыше полмилліона лучшаго и трудолюбивѣйшаго населенія въ цѣлой Сибири не имѣетъ удобнаго сбыта своего хлѣба на сѣверъ и сплава ему строеваго лѣсу и дровъ, столь настоятельно тутъ необходимыхъ, по совершенному теперь недостатку въ этихъ мѣстахъ лѣсныхъ пространствъ. Полезно бы было изслѣдовать теченіе Ишима и Тобола, для возвращенія этимъ естественнымъ путямъ большинства жителей Тобольской губерніи, сплава и судожденія, столь имъ нынѣ нужныхъ.

Климатъ въ Западной Сибири вообще здоровый, за исключеніемъ прибрежья Ледовитаго океана и нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстностей между Тарскимъ и Кайнскимъ округами и въ степи Барабинской. На сѣверѣ отъ жестокаго холода свирѣпствуетъ цынга; въ Тарѣ и на Барабѣ, гдѣ много стоячихъ водъ при лѣсной или сырой мѣстности, — поносы, лихорадки и сибирская язва. Но всѣ остальные части всего края, не представляютъ нигдѣ особенно вредныхъ вліяній на среднюю продолжительность жизни. На 40 жителей приходится только одинъ смертный случай; на 27—одно рожденіе. Средняя данная жизни 50 лѣтъ. Глубокая и крѣпкая старость очень обыкновенна. Вообще сибиряки народъ рослый, коренастый, полный, правильно сложенный и крѣпкій. Но климатъ однако весьма разнообразенъ, что очень естественно въ странѣ, простирающейся отъ Ледовитаго океана до Западнаго Китая. Отъ Тобольска къ Березову и далѣе къ крайнему сѣверу за 62° сѣв. шир. холодъ зимой бываетъ такъ жестокъ, что толстые древесные стволы раздираются съ оглушающимъ громомъ, земля даетъ глубокія трещины, ртуть сгущается въ термометрѣ, птицы падаютъ на лету мертвыми, слюна замерзаетъ, стоградусный спиртъ густѣетъ... А на другой оконечности края, у предгорій

Небеснаго хребта, въ долинахъ Иссыкъ-Куля—климатъ Флоренція. Вотъ таблица среднихъ чиселъ вскрытія и замерзанія нѣкоторыхъ рѣкъ Западной Сибири, въ разныхъ мѣстностяхъ:

Названіе рѣкъ.	Среднее число.		Среднее число дней по вскрытія рѣки льдомъ.
	Вскрытія.	Замерзанія.	
1. Сосва въ Березовѣ.....	Мая 14.	Октября 19.	207
2. Иртышъ въ Тобольскѣ.	Апрѣля 20.	Октября 24.	178
3. Тоболь въ Курганѣ....	Апрѣля 15.	Октября 26.	171
4. Обь въ Барнауль.....	Апрѣля 15.	Октября 30.	167
5. Тура въ Тюмени.....	Апрѣля 20.	Октября 21.	176

Жестокость или мягкость климата и воздушныя явленія въ отношеніи жизненности растений, вліянія на людей и животныхъ, имѣютъ въ Западной Сибири столь же большія разности. Вотъ еще таблица средней температуры, количества дождя и снѣга, и числа дождливыхъ дней въ разныхъ мѣстностяхъ края:

Сѣв. шир.	Восточ. д. отъ 1 мер.	Высота надъ уровнемъ моря, въ фут.	Назван. мѣстност.	Средн. температура по Реом.					Колич. дождя и снѣга въ дюйм.	Число дожд. дней.				
				Года.	Зимы.	Весны.	Лѣта.	Осени.						
63°, 56'	82°, 43'	88	Березовѣ.....	3,	4	17,	15,	1	11,	6	2,	9	"	"
58, 12	85, 84	355	Тобольскѣ...0,	2	13,	5	0,	1	14,	0	0,	2	20,	8
56, 54	92, 2	440	Тара.....0,	2	15,	9	0,	1	16,	5	0,	0	"	"
56, 6	87, 5	781	Ишимѣ.....0,	5	13,	5	0,	2	14,	0	1,	1	"	"
56, 30	102, 35	300	Томскѣ.....0,	8	13,	8	1,	3	13,	2	1,	1	"	"
55, 27	95, 57	565	Каинскѣ.....0,	5	14,	5	0,	9	14,	6	0,	4	"	"
53, 20	101, 29	400	Барнауль....0,	0	13,	9	0,	1	14,	0	0,	1	11,	7
													107,	1

На сѣверѣ снѣга глубоки, вѣтры рѣжутъ лицо, дожди и туманы отъ лѣсистой и сырой мѣстности очень часты. Красное лѣто, какъ его понимаютъ на югѣ, почти неизвѣстно Тобольску, и вовсе неизвѣстно Березову. На югѣ же снѣга мелки, скотъ ходитъ всю зиму въ поля, сильныя оттепели въ декабрѣ и январѣ нерѣдки. Въ мартѣ земля обнажается. Въ апрѣлѣ все зеленѣеть. Крупныя и вкусныя арбузы и дыни родятся на бахчахъ по всей Омской линіи и въ округахъ Омскомъ, Ишимскомъ и Курганскомъ, въ Бійскѣ и Барнаулѣ, въ степи Киргизской. Вишня въ Ишимѣ и Курганѣ сладостью подходитъ къ грунтовой. Въ южной части Семипалатинской области растутъ виноградъ, черешня, абрикосы, груши и яблоки, въ Бійскѣ персики. Флора Алтая и Заилійскаго края, великолѣпнѣе и разнообразнѣе цвѣтовъ, равняется флорѣ Крыма и Кавказа. Медъ есть въ обиліи въ Бійскѣ и въ Тарѣ. Табакъ мариандскій и виргинскій разводятъ успѣшно въ долинахъ Иртыша и Бія, а въ богатомъ Заилійскомъ краѣ, не только высшіе сорта табаку, но и цѣльныя красильныя и лекарственныя растенія. Вотъ какаѣ рѣзкая противоположность между здѣшнимъ сѣверомъ и югомъ! Вообще Западная Сибирь щедро одарена природою и остается пожелать ей развитія ея полезной дѣятельности, что, конечно, при просвѣщенномъ направленіи здѣшней высшей администраціи, нынѣ не замедлитъ.

По разнообразію климата разнообразны и физическія явленія. Первенство въ этихъ явленіяхъ, принадлежитъ сѣвернымъ сіяніямъ, которыя во всемъ крайнемъ сѣверѣ великолѣпны и обычны. Сѣверныя сіянія еще не разрѣшенная задача физической географіи, тѣмъ болѣе, что они замѣчены не исключительно у сѣвернаго полюса, но и у южнаго. Эти сіянія находятся въ очевидной связи съ земнымъ магнетизмомъ, даже съ электричествомъ. Во время сѣвернаго сіянія, магнитная стрѣлка начинается

колебаться, а известно, что электрический токъ можетъ уклонять стрѣлку отъ магнитнаго меридіана. Женевскій физикъ Деларивъ, при пособіи электромагнитнаго снаряда Румкорфа, доказалъ это недавно рядомъ очень интересныхъ опытовъ. Сѣверное сіяніе происходитъ на разныхъ высотахъ. По наблюденіямъ Гуда и Ричардсона оно бываетъ на высотѣ двухъ миль, а Ліэ, Браве и Лоттенъ даютъ ему отъ 40 до 100 тысячъ метровъ высоты. Вотъ какъ оно обыкновенно здѣсь является, въ особенности отъ Березова къ побережью Сѣвернаго океана: на сѣверной сторонѣ горизонта образуется сперва родъ тумана, достигающаго отъ 8° до 10° въ высъ неба; направленіе этого тумана совпадаетъ съ направленіемъ магнитнаго склоненія. Сквозь темный сегментъ (часть круга), цвѣтъ котораго переходитъ отъ бураго къ фіолетовому, видны звѣзды. Сверху сегментъ бываетъ окруженъ свѣтлой каймой сначала бѣлаго, а потомъ желтаго цвѣта. Иногда части свѣтлой дуги находятся въ непрерывномъ движеніи и постоянно измѣняютъ свою форму до тѣхъ поръ пока отъ нея начинаютъ подниматься свѣтлые столбы, достигающіе самаго зенита. Чѣмъ испусканіе свѣтлыхъ столбовъ происходитъ съ бѣльшею силой, тѣмъ и свѣтъ ихъ становится напряженнѣе, переходя отъ фіолетоваго и синяго цвѣта до зеленаго и красно-багрянистаго. Свѣтлые столбы то непосредственно исходятъ отъ дуги, окаймляющей темный сегментъ и перемѣшаны бываютъ со столбами темными на подобіе дыма, то поднимаются съ разныхъ точекъ горизонта и образуютъ огненное море, великолѣпіе котораго нельзя передать словомъ; ибо каждое мгновеніе столбы принимаютъ различную форму и разные цвѣта. Въ точкѣ же небснаго свода, соотвѣтствующей направленію стрѣлки наклоненія, столбы по-видимому сходятся и образуютъ такъ называемый вѣнецъ сѣвернаго сіянія. Впрочемъ вѣнецъ образуется довольно рѣдко и служитъ признакомъ окончанія самаго

явленія; свѣтлые лучи теряютъ свой блескъ, становятся короче и цвѣтъ ихъ дѣлается менѣ замѣтнымъ. Скоро по всему небесному своду виднѣются только однѣ отдѣльныя неподвижныя пятна сѣраго цвѣта. Эти пятна исчезаютъ, тогда какъ темный сегментъ на сѣверномъ концѣ горизонта, служившій началомъ явленія, продолжаетъ еще нѣкоторое время виднѣться. Подъ конецъ замѣтны однѣ лишь нѣжныя, перистыя облака, въ видѣ отдѣльныхъ кучекъ, расположенныхъ въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Замѣчательно, что сѣверное сіяніе видимо вліяетъ на электромагнитныя телеграфы. Такъ 17 ноября 1848 года якорь электромагнита на телеграфической станціи между Флоренціей и Пизой присталъ къ своей подковѣ, хотя токъ долженствовавшій намагнитить подкову не былъ сомкнутъ. Что же могло возбудить магнетизмъ въ мягкомъ желѣзѣ? Сильное сѣверное сіяніе, въ тотъ день случившееся. Съ прекращеніемъ сіянія мягкое желѣзо потеряло магнитность, якорь оторвался отъ подковы, и передача денешъ съ одной станціи на другую возобновилась съ прежнею правильностію. Въ тотъ же самый день на телеграфическихъ станціяхъ въ Англіи магнитныя стрѣлки такъ сильно колебались, что цѣлые три часа нельзя было передать ни одного сигнала посредствомъ Витстонова прибора, основаннаго какъ извѣстно на отклоненіи магнитной стрѣлки посредствомъ тока. Астрономъ Секка въ Римѣ доказалъ многолѣтними наблюденіями, что колебанія стрѣлки начинаются тогда, когда по небу стелются малыя облака обладающія слабой фосфорностью и представляющія ночью подобіе легкаго сѣвернаго сіянія. Наблюденія произведенныя на Парижской обсерваторіи доказали тоже, что сѣверному сіянію предшествуютъ всегда снѣгъ или дождь и круги около луны. Вѣтры имѣютъ тоже тѣсную связь съ сѣвернымъ сіяніемъ. Наконецъ, рядъ наблюденій произведенныхъ

Гантстеномъ надъ сѣвернымъ сіяніемъ въ Норвегіи, гдѣ оно также обыкновенно, какъ и на сѣверѣ Сибири, показалъ изъ вывода пятнадцати лѣтъ съ 1837 по 1853 годъ, что оно чаще всего случается во время обоеихъ равноденствій, въ мартѣ и сентябрѣ.

Въ Березовскомъ краѣ и на всемъ поморьѣ Ледовитаго океана, въ зимнее, время солнечныя и лунныя отраженія являютъ круги розоваго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ. Падающія звѣзды, огненные шары и блуждающіе огни,—тоже принадлежность этихъ печальныхъ приполюсныхъ странъ. Еще Россъ и Парри замѣтили, что падающія звѣзды несравненно многочисленнѣе въ этихъ широтахъ, нежели въ умѣренныхъ, и что вообще періодическое паденіе ихъ совпадаетъ и начинается здѣсь ранѣе, нежели въ Европѣ. Наблюденія же Парижскаго астронома Бюляра показываютъ, что обильнѣйшее паденіе ихъ бываетъ въ Европѣ между 11—12 числами августа; а наблюденія Гантстена въ Христіаніи (въ Норвегіи),—между 17—18 числами іюля. Огненные метеоры принимаютъ огромные размѣры у поморья, падая въ видѣ шаровъ. Миражи бываютъ тоже часто въ Березовѣ. Тогда чудятся на дальнемъ небосклонѣ какъ бы поднятые на воздухѣ дремучіе лѣса, рѣки, слегка волнующіяся и исчезающія.

А вотъ на противоположной окраинѣ Западной Сибири физическія явленія неистощимой въ своей дѣятельности матери природы, принимаютъ иной видъ, уже грозный для человѣка и мѣсть имъ обитаемыхъ это землетрясенія. Онѣ не только очень обыкновенны въ Семипалатинскѣ и въ Киргизской степи, но и достигаютъ иногда полосы южныхъ округовъ Тобольской губерніи. Такъ 17 января 1849 г. было землетрясеніе въ Ишимѣ. Въ городскомъ соборѣ, при совершавшемся тогда богослуженіи, свѣчи попадали, паникадила закачались, своды трещали. 31 октября 1856 года было въ

городъ Копалъ (Семипалатинской области) землетрясеніе, продолжавшееся около 5 минутъ. Оно шло по направленію съ сѣвера на югъ. 12 декабря 1857 года было опять въ разныхъ мѣстахъ Семипалатинской же области землетрясеніе, шедшее на этотъ разъ полосою съ юговостока на сѣверозападъ. Въ Кокбектахъ трещали стѣны домовъ, а въ Семипалатинскѣ все колебалось. Къ востоку отъ озера Иссыкъ-Кули, въ землѣ Дикокаменныхъ киргизовъ или Бурутовъ, вулканъ Агіе извергаетъ пламя и лаву. Лава эта остывши и окръивувъ, покрывается соляными частицами и напатыремъ. На Илѣ, у крайнихъ аванпостовъ нашихъ, на границѣ Джунгаріи, есть горы вулканической формаціи. На островѣ Араль-Тюбе, среди озера Ала-Кули (на востокъ отъ Балхаша) есть потухшій вулканъ.

Пыльные туманы—явленіе тоже очень замѣчательное въ Западной Сибири и тѣмъ болѣе, что они нигдѣ въ Европѣ съ точностью не изслѣдованы. Такъ 16, 17 и 18 февраля 1856 года падалъ въ Семипалатинскѣ сѣроватожелтый туманъ, въ видѣ сухой мельчайшей пыли, при желтоватомъ и непрозрачномъ небѣ и такъ плотно, что въ 50 саженьяхъ нельзя было различать предметовъ. Термометръ показывалъ 16 числа въ 6 часовъ утра 8,0; въ 2 час. пополуд. 2,5; а въ 10 час. вечера 3,0. Густота же, тяжесть и давленіе воздуха постепенно увеличивались и производили явное колебаніе барометра, котораго крайними точками высоты колонны, и въ тѣ же часы, были: 579°,34, 580°,23, и 580°,98. Въ слѣдующемъ году, 11 и 12 іюня, выпалъ въ Тобольскѣ мелкій желтоватый порошокъ и въ такомъ огромномъ количествѣ, что мѣстами образовалъ слой болѣе одного дюйма толщины. Химическое разложеніе въ казенной запасной аптекѣ показало, что эта пыль вещество растительное, вспыхивающее на огнѣ подобно плауну. Барометръ при облачномъ и покрытомъ не-

бѣ показывалъ и здѣсь, 11 іюня, во время сильнѣйшаго выпаденія въ 7 часовъ утра, $590^{\circ},26$, въ три часа по полудни $590^{\circ},06$; а въ 11 часовъ вечера $598^{\circ},38$, что даетъ для средняго вывода этого дня $589^{\circ},90$. Сближеніе очень замѣчательное, если принять въ соображеніе громадную разницу климатическихъ и атмосферическихъ условій мѣстностей Семипалатинска и Тобольска!

Кометы—явленіе давно знакомое Западной Сибири и извѣстный „Сибирскій лѣтописецъ“, который былъ веденъ, какъ должно полагать, монахами Тобольскаго архіерейскаго дома, возводитъ описаніе кометъ до 1656 года. Такъ въ семь году, по простодушному разсказу лѣтописца: „явился въ градѣ Тобольскѣ звѣзда погонна. „Стояла она на полуднѣ, вскочила съ своего мѣста, побѣжала по небу, а того ея бѣгу съ полудня черезъ „западъ было шесть разъ и послѣ того потухла.“ Столь же наивно отмѣчаетъ „Лѣтописецъ“ и послѣдовавшія въ разные годы появленія кометъ: въ 1677, 1680, 1682, 1683, 1696, 1701—1704, 1706, наконецъ въ 1732 году. Эти разсказы интересны для насъ потому, что показываютъ, какъ въ этихъ далекихъ сѣверныхъ широтахъ кометы часто появлялись. Многія изъ нихъ по наивному описанію лѣтописца были „двухвосты“, или „съ хоботомъ свивающимся и развивающимся, или будто рыба и на землю упала!“ Во второй половинѣ XVIII столѣтія и въ первой нынѣшняго, великолѣпныя кометы 1744, 1807, знаменитая комета народной войны 1811—1812, кометы 1823, 1843, 1853 годовъ и наконецъ комета флорентинскаго астронома Донати въ 1858 году, оставили по себѣ и здѣсь живое воспоминаніе, въ особенности нынѣшняя прекрасная комета Донати, которая по вычисленіямъ Вабинѣ уже не появится до 3960 года. Солнечныя и лунныя затмѣнія тоже здѣсь памятны. Величественное солнечное затмѣніе 1842 года, такъ краснорѣчиво описанное знаменитымъ Араго, наблюдав-

шимъ его въ Перпиньянѣ, было тоже лично наблюдаемо нами за Байкаломъ. Но теперь, по вычисленіямъ Парижскаго астронома Бюллера, Сибирь уже не увидитъ подобнаго солнечнаго затмѣнія до $\frac{28 \text{ іюля}}{9 \text{ августа}}$ 1896 года, стало быть 37 лѣтъ. За то это солнечное затмѣніе будетъ подобно затмѣнію 1842 года и видимо исключительно во всей Сибири, въ Лапландіи и Гренландіи. Нынѣшнее частное затмѣніе солнца 17—18 іюля 1859 года было видимо въ сѣверозападной части Сибири. Лунное затмѣніе наблюдали въ послѣдній разъ, 12 августа 1858 года въ Семипалатинскѣ.

Смерчи, или водяные тифоны, нерѣдко поднимаются съ громаднаго воднаго раздолья Оби. Такъ 8 іюня 1858 года, противъ самаго села Кондинскаго (въ 750 верстахъ ниже Тобольска), поднялся съ Оби тифонъ въ 2 сажени діаметра, свѣтлосиняго цвѣта съ темными по бокамъ полосами. Вершина его была въ нависшихъ облакахъ, а основаніе на поверхности Оби, изъ которой вода съ ревомъ втягивалась по столбу къ облакамъ. Шель онъ съ сѣверозапада къ востоку, въ теченіи получаса, а потомъ съ громовымъ трескомъ лопнулъ. Бураны, или снѣжныя бури и ураганы, или песочныя бури, одинаково свирѣпствуютъ и въ сѣверной и въ южной полосѣ Западной Сибири. Бураны въ особенности гибельны зимой въ южныхъ округахъ Тобольской и Томской губерній и въ степи Киргизской. Эти снѣжные вихри бываютъ иногда такъ сильны, что заносятъ не только цѣлыя деревни, но и города. Жители съ неимовѣрными усиліями откапываютъ снѣгъ отъ домовъ и улицъ, а если скотъ или бараны застигнуты въ степи или въ полѣ, то погибаютъ цѣлыми стадами. Песчаные ураганы—особая принадлежность песчано-зыбучихъ пространствъ Киргизской степи. Тогда атмосфера накаляется тамъ до 60° жару въ тѣни, пески взды-

маются столбами, заслѣпляютъ глаза, жаръ захватываетъ дыханіе, все тѣло разслабляется, и горе путнику достигнутаго въ этихъ безпредѣльныхъ пустыняхъ, какъ трижды горе ему, если его захватитъ леденѣющей буранъ снѣжныхъ пустынь сибирскихъ!

Въ Россіи и въ Сибири минеральные источники еще не вошли въ такое общее употребленіе какъ за границей. Во Франціи считается нынѣ до 200 заведеній минеральныхъ водъ и морскихъ купальнь и ежегодно открываются новыя безъ всякаго содѣйствія правительства, а лишь усиліями частныхъ лицъ, устраиваются превосходно и привлекаютъ множество посѣтителей. Разительный примѣръ этому морскія купальни въ Трувилѣ (Trouville sur mer) близъ Гавра, на берегу Атлантическаго океана. Трувилъ выросъ буквально изъ морскаго песку, менѣе нежели въ 5 лѣтъ. У насъ же, не смотря на неистощимыя сокровищницы Кавказа и Сибири, Чернаго, Каспійскаго и Балтійскаго морей, цѣлебныхъ соляныхъ озеръ и грязей и превосходнаго леченія кумысомъ, по послѣднимъ обнародованнымъ свѣдѣніямъ за 1857 годъ, всѣхъ заведеній естественныхъ минеральныхъ водъ въ имперіи было только 13, искусственныхъ 14, морскихъ ваннъ и цѣлебныхъ грязей 7 и одно кумысное заведеніе (доктора Постникова, близъ Самары). Всѣхъ посѣтителей было только 14,665 лицъ; тогда какъ въ одномъ едва возникшемъ Трувилѣ было ихъ въ 1858 году до 20,000 Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Сибири, въ вулканическихъ формаціяхъ Байкальскихъ, Саянскихъ и Алтайскихъ горъ, таится еще много Божьихъ даровъ здоровья въ минеральныхъ источникахъ разнаго рода. Но покуда на пространствѣ всей Сибири устроено только три *термальныхъ* заведенія — Тункинскія сѣрно-горячія воды, близъ крѣпости Тунки, на китайской границѣ, въ Иркутской губерніи; — Туркиевскія, тоже сѣрно-горячія, близъ Байкала, въ Забайкаль-

ской области и Арасанскія сѣрно-горячія и холодныя, въ 20 верстахъ отъ города Копала, въ Семипалатинской области. Есть еще Пограленнскія кислыя воды, между Верхнеудинскомъ и Читой, за Байкаломъ; Чикойскія сѣрно-горячія и кислыя, въ Чикойскихъ горахъ, тамъ же: Рахмановскія сѣрныя же, у китайской границы, въ Бійскомъ округѣ Томской губерніи, въ странѣ дикой и пустынной; есть еще въ Киргизской степи разныя „арасаны“, что значитъ по джунгарски „священная вода“. — но все это не устроено и не посѣщается больными. Однако изъ этого видно, что и Сибирь богата минеральными водами. Прекрасныя Арасанскіе ключи обязаны своимъ устройствомъ бывшему генералъ-губернатору Западной Сибири. Они находятся прямо на югъ, въ 399 верстахъ отъ Семипалатинска, на самой дорогѣ, не доѣзжая 20 верстъ до города Копала и протекаютъ при подошвѣ одной изъ отраслей Алатаусскихъ горъ. Здѣсь Алатаусскій хребетъ поднимается на 11,000 фут. надъ уровнемъ океана и величественно является съ вершинами вѣчно покрытыми снѣгомъ. Минеральныя воды доставляются двумя ключами: теплымъ и холоднымъ. Первый въ $28\frac{1}{2}^{\circ}$, а второй $16\frac{1}{2}^{\circ}$, по Реомюру. Запахъ воды сѣрнистый, вкусъ ея щелочный и сѣрный. Въ болѣзняхъ худосочія, завалахъ, ранахъ и язвахъ она очень полезна. Въ 1837 году, по распоряженію генерала Гасфорда, выслано сюда нѣсколько семействъ Копальскихъ казаковъ, устроено красивое селеніице, часовня, купальни, домъ для посѣтителей и разведенъ прекрасный садъ, въ которомъ растутъ на открытомъ воздухѣ виноградъ, абрикосы, персики и груши. Климатъ тутъ умѣренный, жары смягчаются холодомъ съ снѣжныхъ вершинъ Алатау. Нѣтъ сомнѣній, что Сибирь таитъ еще много подобныхъ цѣлебныхъ сокровищъ въ нѣдрахъ своихъ горъ, но пройдетъ еще много времени, пока цивилизація и удобство сообщеній придвинутъ этотъ

врай къ Россіи и дадутъ сибирскимъ минеральнымъ водамъ общезвѣстность и доступность.

Мы разсмотрѣли бассейнъ Западной Сибири, относительно его геологической формациі, климата и физическихъ явленій, объяснили величественную возную систему его покрывающую, ознакомились со всеми рѣзкими противоположностями трехъ поясовъ: степей, лѣсовъ и тундръ, отъ Западнаго Китая до Ледовитаго океана. Взглянемъ же теперь столь же практически и удобопонятно и на начальную причину всего нами разсмотрѣннаго: земли и воды, климата и физическихъ явленій,—на горы—этотъ „спинной хребетъ“ нашего земнаго жилища, ибо онѣ истинное начало, проводникъ, причина, сила внутренне дѣйствующая и непрерывно напорающая во всѣхъ видоизмѣненіяхъ природы. Высочайшія горы въ цѣлой Сибири, и единственныя въ западной ея части (ибо другихъ горъ здѣсь нѣтъ) Алтайскія, т. е. Малый или русскій Алтай, такъ называемый для отличія отъ Большаго или китайскаго. Онѣ находится въ южной части Бійскаго округа Томской губерніи. Горы эти составляютъ съ Вольшимъ или китайскимъ Алтаемъ одно цѣлое, раздѣляемое только долиною Бухтармы. Высшая точка всего Алтая есть гора Бѣлуха, находящаяся въ верховьяхъ рѣки Катуні (составляющей съ Бѣмъ Обь) и возвышающаяся на 12,000 фут. надъ уровнемъ океана. Пикъ Алакту, или Іакту, высочайшая точка Чуйскихъ „бѣлковъ“, (бѣлками и голцами, называютъ въ Сибири вѣчно льдистые зубцы снѣговыхъ горъ) возвышается на 9000 фут. Тѣнинскій бѣлокъ—высшая точка хребта Холзунскаго,—на 7000 фут. Отъ горы Бѣлухи, какъ отъ центральной точки всего Алтайскаго хребта съ его отрогами, многочисленные отроги горъ раскинулись подобно радіусамъ по округамъ: Бійскому, Кузнецкому и Томскому. На западъ тянутся хребты Холзунскій, Коксинскій, Убинскій, Ивановскій и Тигирскій.

Они раздѣляютъ притоки Оби и Иртыша и исчезаютъ на степныхъ равнинахъ Семипалатинскихъ, минуя вершины Аля. На востокъ идутъ бѣлки Чуйскіе, соединяющіеся съ плоскимъ хребтомъ Сайлюгемскимъ, слѣдующимъ по китайской границѣ до вершины рѣки Чулышмана. Эта отрасль Алтая соединяется тутъ съ Саянскими горами, тянущимися по той же границѣ, по направленію къ сѣверовостоку, уже въ Восточной Сибири, между вершинами рѣкъ Абагана и Енисея. На сѣверъ отъ Катунскихъ бѣлковъ, по лѣвую сторону рѣки Катунн раскинулись бѣлкі Теректинскіе, Чарымскіе, Урусуйскіе и Ануйскіе. Они не переходятъ за широту Бійска и оканчиваются обрывистыми скатами, или сливаются незамѣтными склонами съ Чарымской плоскостью, между меридіанами Барнаула и Бійска. По правую же сторону Катунн, между Катунью, Телецкимъ озеромъ и верховьями Бія, отрасли Сайлюгемскаго хребта идутъ тоже на сѣверъ подъ названіемъ Курайскихъ, Айгулаескихъ и Телецкихъ. Все это составляетъ собственно русскій или Малый Алтай. Здѣсь замѣчательнѣйшія по высотѣ: Катунскія, Чуйскія, Холзунскія, Теректинскія, Ивановскія и Телецкія горы; а въ связи съ ними Саянскія (въ Енисейской губерніи, Восточной Сибири) и продолжающіяся по китайской границѣ: Хамарь-Дабанскія (въ Иркутской губерніи), Чикойскія и Хисокскія, Яблоновыя и Нерчинскія, (въ Забайкальской области); сливаются за Амуромъ съ степями Манжурскими. Алтайскія горы покрыты на гольцахъ своихъ вѣчными льдами и снѣгами, испещрены многочисленными озерами, водопадами и художественно-картинными долинами. Это Швейцарія Западной Сибири. Ледники, теряющіеся коническими вершинами въ облакахъ, шумные водопады съ страшной высоты низвергающіеся и образующіе рѣчки, съ ревомъ и пѣной пробивающіяся между утесовъ въ долины, роскошь Алтайской флоры

ярко пестряющей, какъ пышный коверъ восхитительнѣйшихъ цвѣтовъ, зелень и шелковитость травъ, живописныя рощицы, зеркальная гладь маленькихъ горныхъ озеръ, кристальнаго жилища сибирскихъ ундиновъ, зубчатая скалы, которымъ не достааетъ только Альпійскихъ хижинъ и развалинъ феодальныхъ замковъ, чтобы напомнить Рейнъ и Альпы; все это невольно чаруетъ путника здѣсь, гдѣ мѣстами не бывала можетъ быть отъ сотворенія міра нога человѣческая. Тутъ вѣчно курится, какъ сопка, дымная юрта дикаго калмыка, а самые проходы между этими снѣжными великанами, по страшнымъ и опаснымъ тропинкамъ, висящимъ надъ бездною, дѣлаютъ проникновеніе въ нихъ и изслѣдованіе ихъ соврѣвищъ почти невозможнымъ. Таковы и въ Восточной Сибири очаровательныя ущелья Хамаръ-Дабана (по кругобайкальскому тракту) и переходъ съ Хилка на Чикой, между Верхнеудинскомъ, Кяхтой и китайской границей. Среднія высоты Алтая, скаты ихъ и долины частью покрыты богатыми лѣсами и служатъ превосходными кочевьями для туземцевъ, частью покрыты плодородными долинами, ждущими еще сохи и осѣдлости. Лишь въ сѣверной части Алтая живетъ небольшое число русскихъ крестьянъ. А между тѣмъ долины эти напоминаютъ живописныя долины альпійскія и долины горъ забайкальскихъ, въ особенности такъ называемую „Братскую степь“ между Верхнеудинскомъ и Читой. Тамъ по обѣ стороны рѣки Чу растиается на 70 верстъ въ длину и на 30 въ ширину прекрасная Чуйская долина, тоже здѣсь называемая „степью“ какъ Братская въ Забайкальи и Сагайская въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи. И на этой долинь, какъ по Братской Буряты, кочуютъ калмыки „двоеданцы“, т. е. платящіе два ясака—Кятаю и Россіи, потому что переходятъ съ своими стадами на земли то того государства, то другаго. Ниже ея, по той же рѣкѣ, стелется

долина Курайская, столь же живописная и покрытая роскошной растительностью. По долинамъ Абайской и Уймаяской, на рѣкѣ Катунѣ, пасутся многочисленныя стада лошадей и рогатаго скота, сгоняемая сюда калмыками даже изъ дальнихъ ушей Алтай. Долина Бухтарминская, которую русскій Алтай отдѣляется отъ китайскаго, кромѣ роскошной растительности, замѣчательна еще и тѣмъ, что здѣсь, по рѣкѣ Бухтармѣ, идетъ государственная граница Россіи съ Китаемъ. Китайское правительство содержитъ тутъ, какъ и у предгорій Саянскихъ, въ Енисейской губерніи, и по Иркутско-Забайкальской границѣ, нѣсколько слабо укрѣпленныхъ карауловъ, изъ природныхъ монголовъ, отъ 15 до 70 человекъ, смѣняемыхъ чрезъ каждые два года. Начальникъ этой военной линіи называется Укуръ-Аябанъ. У русскихъ же нѣтъ здѣсь ни кордоновъ, ни укрѣпленій. Долина Бухтармы представляетъ огромныя выгоды для остьдлой жизни и конечно обратитъ на себя вниманіе правительства при постоянномъ и постепенномъ заселеніи этого прекраснаго края.

Китайскій или Большой Алтай входитъ въ Киргизскую степь подъ именемъ хребта Тарбагатайскаго, по направленію съ востока на западъ. Эта отрасль Больше-Алтайскаго хребта, хотя значительно высока, но не широка, камениста, совершенно открыта, обрывиста и имѣетъ три караванные прохода, впрочемъ мало удобныя. Отроги ея, развѣтвляясь по Киргизской степи, сперва раздѣляютъ притоки Иртыша отъ притоковъ Балхаша и Чу, а потомъ вступаютъ въ Киргизскую степь Оренбургскаго вѣдомства, гдѣ и заканчиваются, слившись съ песчаными Каракумскими буграми. На сѣверъ отъ центральнаго Тарбагатая идутъ горы Калбинскія. Ихъ сѣверныя покатости, упираясь въ Иртышъ, образуютъ его лѣвый утесистый и живописный берегъ. Горы Чингизъ, не высокія, каменистыя и тоже обрывистыя,

стелятся между границами Каркаралинскаго и Аяузскаго округовъ. Далѣе идетъ кряжъ Аркатъ, совершенно голый и лишенный всякой растительности. Подобныхъ, чисто каменныхъ массъ, раскинуто по Киргизской степи очень много. На западъ отъ Тарбагатая тянутся горы Каркаралинскія и Баянъ-Аульскія, покрытыя сосновыми лѣсами. Здѣсь, въ отрогѣ Джусалинскомъ, открыты сѣрно-горячія минеральныя воды. Отсюда же распырскиваются многочисленныя кряжи горъ Конуръ-Кульджа, Конуръ-Тюбе, Биръ-Кара, Казыль-Тау, Акъ-Уйрскъ, Бишъ-Чеку, Мона-Тау, Оръ-Тау, Якъ-Тау. На сѣверозападъ идутъ кряжи Ніягъ, Еремонъ-Тау, Кокче-Тау, Зеренда, Сандыкъ-Тау, Аиръ-Тау, Якши-Янгагъ-Тау, — тоже покрытыя лѣсомъ. Здѣсь лучшія въ Киргизской степи мѣста для водворенія русской осѣдлости, лучшія хлѣбопахатныя и сѣнокосныя угодья. Западной части степи—главная высота есть хребетъ Улутау. Къ югу отъ него тянется отрогъ Идыге, а на сѣверъ—хребетъ Арганаты; всѣ они проходятъ по границѣ, или вблизи границы Оренбургской степи. Такимъ образомъ, эти многочисленныя отрасли горъ, покрывающія собою всю степь, занимаемую кочевьями Средней Орды, составляютъ первую горную цѣпь Большаго или китайскаго Алтая.

Вторая горная цѣпь есть хребетъ Алатау, отрасль Тянь-Шаня, въ Западномъ Китаѣ. Она тянется по юго-восточной границѣ его съ степью. Хребетъ этотъ высокъ и главный кряжъ его покрытъ снѣгомъ. Отрасли его занимаютъ часть Семирѣчинскаго края и, не достигая озера Балхаша верстъ на 80, сливаются съ песчанобугристой степью, раскинувшейся на юго-восточной сторонѣ этого огромнаго водохранилища. Алатау каменистъ, обрывистъ и затрудняетъ сообщенія съ китайскими городами провинціи Илійской, имѣя всего три прохода, изъ коихъ замѣчательнѣйшій Югенъ-Тасъ, идущій чрезъ каменистую длинную тѣснину, между снѣжными пиками

Алтынъ-Имель и Копырле. Но учрежденіе пароходства по Балхашу и Иль, время и могущество науки, властны, конечно, побѣдить все препятствія и открыть здѣсь Россіи свободный доступъ въ сердце Китая. Алатау не такъ богатъ растительностію, какъ русскій Алтай, однако долина рѣки Каратала, долины Джюнке, Копырле и Ой-Джыйлгу по рѣкѣ Лепсѣ — плодородны, удобны для хлѣбопашества, изрѣзаны многочисленными канавами, „арыки“ здѣсь называемыми, служащими для поливки луговъ и полей и составляющими издревле употребляемую въ Азіи ирригацію, которая донинѣ въ общемъ употребленіи и у бурятъ Забайкальскихъ.

Третья горная цѣпь идетъ по границѣ земли Дикокаменныхъ киргизовъ или Бурутовъ, подѣ названіемъ Алатавскихъ горъ. Эта отрасль, раскинувшаяся по южной границѣ Киргизской степи, служитъ ей и естественнымъ оплотомъ отъ вторженій дикихъ сосѣдей (Кокандцевъ и подвластныхъ имъ отчасти Бурутовъ), имѣя во всемъ своемъ протяженіи только нѣсколько трудныхъ проходовъ. Кунгей и Киргизинъ-Алатавъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Здѣсь гора Талгаръ поднимается на 10,000 фут. надъ уровнемъ океана. Скаты этихъ горъ обрывисты, ущелья и подошвы поросли прекрасными хвойными лѣсами и черешней, персиками, абрикосами, виноградомъ. Заключивъ, такъ сказать, въ свои объятія горное озеро Иссыкъ-Куль, поднимающееся на 4000 фут. высоты, онѣ образуютъ около него роскошныя долины Кунгей и Терской. Между сѣвернымъ обрывомъ края Кунгей-Алатавъ и рѣкою Илей стелется тоже живописная долина, слегка наклоненная къ рѣкѣ, холмистая и орошаемая множествомъ рѣкъ и ручьевъ, стекающихъ съ горъ къ Иль. Отсюда края эти, разбиваясь на множество отроговъ, тянутся на западъ и вступаютъ въ Кокандъ; сѣверная же часть ихъ, пролегая по правому берегу рѣки Чу, идетъ мимо южнаго конца озера Балхаша и на го-

лодной степи сливается съ группами первой отрасли Большаго Алтая, очерчивая какъ бы огромную круглую сѣтку, наброшенную на Киргизскую степь между Кобаномъ, Западнымъ Китаемъ, Оренбургскимъ краемъ, Омской линіей и малымъ Алтаемъ, въ южной части Томской губерніи.

Минеральныя богатства Западной Сибири неистощимы и разнообразны. Русскій Алтай изобилуетъ золотомъ, серебромъ, свинцомъ, мѣдью, малахитомъ, яшмой, прекраснѣйшимъ порфиромъ, аквамариномъ и многими другими цвѣтными камнями, желѣзомъ и каменнымъ углемъ. Золотоносными россыпями богатъ хребетъ Алатау. Онъ составляетъ отрасль Малаго Алтая и соединяетъ его въ вершинахъ Чулышмана съ горами Саянскими и Абаканскими, въ Восточной Сибири. Золотоносныя россыпи находятся по рѣкѣ Кундустуголу, притоку Кундата, который самъ течетъ въ Кію, на которой стоитъ богатая Кійская слобода, нынѣ окружный городъ Мариинскъ, — центръ найма рабочихъ на всѣ золотыя пріиски Томской губерніи. Есть тоже богатыя золотыя россыпи по рѣчкѣ Кожуху, текущей въ Яю, въ южной части Томскаго округа, на отьлонахъ Алатау. Въ Кузнецкомъ округѣ богатыя россыпи есть по рѣкѣ Тойдону и его верхнимъ притокамъ, по притокамъ Мрасы и по рѣкѣ Кондомъ. Часть добываемаго здѣсь золота принадлежитъ казнѣ. Киргизская степь еще мало изслѣдована, но въ горахъ Калбинскихъ, на югъ отъ Усть-Каменогорска, въ горахъ Кокчетавскихъ, на югъ отъ Петропавловска, золотыя россыпи уже разрабатываются. Горы Чингизъ, Мурджакъ, Джусалинъ, Ичкеульмесъ, Бурлу, тоже богаты россыпнымъ золотомъ. Наконецъ въ Тобольской губерніи найдены золотыя россыпи въ Березовскомъ округѣ и нѣтъ сомнѣнія, что и въ Туринскомъ округѣ, въ Пелымскомъ краю, по Лозвѣ и Сосвѣ, при тщательныхъ развѣдкахъ, будутъ тоже найдены богатыя роз-

сыши, ибо всѣ рѣки крайняго сѣвера, влѣво отъ Оби, текутъ съ Урала.

Серебро вотъ уже болѣе столѣтїя добывается и плавится въ Колыванскихъ (Алтайскихъ) заводахъ, находящихся въ русскомъ или Маломъ Алтайѣ, на югъ Томской губерніи. Добыча эта простирается ежегодно до 1000 пуд. серебра и до 70 пуд. отдѣляемаго отъ него золота. Но и Киргизская степь изумительно богата серебромъ. Наслѣдники коммерціи—совѣтница Федота Попова добыли одни въ ней (не говоря о другихъ) въ 1855—1856 годахъ до 500 пудовъ серебра. Въ горахъ Бишъ-Кара, Бишъ-Чеку, при рѣкѣ Кайракты, притокѣ Сары-Су, при рѣкѣ Кондыкты-Кара, при озерѣ Челкаръ, добывается уже нынѣ серебро. Въ хребтѣ Калканъ, въ 80 верстахъ ниже Илійскаго укрѣпленія, въ горахъ Алатавскихъ, открыта серебристо-свинцовая руда богатѣйшаго содержанія. Мѣдь добывается на Алтайскихъ заводахъ. А въ Киргизской степи богатые мѣдные рудники находятся въ горахъ Чингизъ, Мурджакъ, Муръ-Темирчи, при Сопокъ, Конекъ-Кара, въ кряжѣ Бійрюмъ—Ташъ, Чакганъ, на сѣверной сторонѣ озера Кара Соръ. Чугунъ добывается въ Кузнецкомъ округѣ, изъ рудниковъ Томскаго и Гавриловскаго, принадлежащихъ казнѣ и изъ него выдѣлывается доброкачественное желѣзо. Каменный уголь, этотъ могучій двигатель современнаго просвѣщенія и прогресса, есть въ Кузнецкомъ же округѣ, по рѣкѣ Томи, по рѣкѣ Грязнухъ, притоку Оми; а въ Киргизской степи—въ Баянъ-Аульскомъ округѣ,—при озерѣ Яманъ-Тузъ; въ Акмодлинскомъ округѣ—въ вершинѣ рѣчки Сокуръ, притока Нуры и къ югу отъ горъ Улутау, на рѣкѣ Джызды-Кингиръ, притокѣ Сары-Су. Онъ хорошаго качества въ изломѣ и горѣніи и идетъ нынѣ въ дѣло не только на Алтайскихъ казенныхъ заводахъ, но и въ Киргизской степи на сереброплавильныхъ печахъ наслѣдниковъ Попова. Торфъ находится тоже въ изобиліи во всей средней полосѣ Сибири.

Соль—одно изъ неистощимыхъ богатствъ Западной Сибири. Знаменитое озеро Коряковское, озера Ямышевское, Боровыя, Алеусскія, Карасунскія; озера Калкаманское, Теке, Якши-Тузь, Камбекъ,—въ Тобольской и Томской губерніяхъ и въ степи Киргизской и до 90 мелкихъ самосадочныхъ озеръ въ южныхъ округахъ всего края, представляютъ обиліе, несоразмѣрное даже съ нуждами этого малонаселеннаго края. Цвѣтныхъ камней много въ Алтаѣ и въ Киргизской степи, въ горахъ Кокчетавскихъ, Джусалпневскихъ, въ крижѣ Куу, также и въ крайнихъ отрогахъ Саянскихъ горъ, близъ границы Енисейской губерніи. Недавно открытъ богатый пластъ графита (карандашной руды), близъ города Аяза, въ Киргизской степи, въ 330 верстахъ отъ Семипалатинска, близъ Иртыша. Графитъ этотъ превосходнаго качества и порождаетъ новую здѣсь отрасль полезной промышленности, которая можетъ быть не уступитъ карандашамъ Брокмана и Фабера.

Сила растительная, отъ вліятельныхъ причинъ мѣстности, климата, почвы, слѣдуетъ въ Западной Сибири систематическому дѣленію ея на три пояса: тундры, лѣса и степи. У сѣвернаго полюса, — его безжизненные тундры, едва протаивающія лѣтомъ на $\frac{1}{4}$ аршина, покрыты только мхами и уродливымъ кустарникомъ, до 62° сѣв. широт. Брусника, клюква, морошка, княжевика, — все антискорбутныя средства, уготованныя предусмотрительной природой бѣднымъ обитателямъ этихъ полярныхъ странъ, — достигаютъ тутъ такой величины и нѣжности вкуса, какихъ онѣ не пріобрѣтаютъ въ полосахъ болѣе умѣренныхъ. Кондинская брусника и клюква (въ Кондѣ и Пелымѣ) развозится въ зимнее время на всѣ ярмарки Тобольской, Оренбургской и Пермской губерній. За 62° сѣв. шир., приближаясь къ Березову, пихта, ель, кедръ, сосна, береза, лиственница, осина, тополь, липа, осокорь, ива, тальникъ, рябина, черемуха,

калина, смородина, малина и разный мелкій кустарникъ. — чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ становятся рослѣй, крѣпче, жизненнѣй. Кедръ, лиственница и сосна достигаютъ въ тайгахъ и урманахъ Туринскихъ, Тобольскихъ, Тарскихъ и Томскихъ 30 саж. высоты и двухъ, а иногда и болѣе саженей въ обхватъ! Но замѣчательно, что въ теплыхъ мѣстностяхъ Западной Сибири, схожихъ климатомъ не только съ Малороссіей, Вольныю и Подоліей, но даже съ Крымомъ, Кавказомъ и сѣверной Италіей, т. е. отъ Усть-Каменогорска и Бухтармы къ югу до Или и Небснаго хребта, по границѣ Западнаго Китая,—дубъ, кленъ, букъ и орѣшникъ, столь обыкновенные и въ Россіи, и въ Европѣ, не находятся вовсе. Въ цѣлой Сибири дубъ начинается только на Амурѣ. Липа растеть только въ Тарскомъ и смежнымъ съ нимъ Томскомъ округахъ сплошными лѣсами на нѣсколько десятковъ верстъ. Наконецъ, приближаясь къ Омской линіи, лѣса видимо рѣдѣють, какъ и вблизи тундры, и нынѣ округи Курганскій, Ишимскій, Омскій, часть Маріинскаго, Каинскаго, Барнаульскаго и Бійскаго и Киргизской степи—почти безлѣсны. Но, отказывая югу въ лѣсахъ, природа дала ему хлѣбопашество и скотоводство. Отъ Ялutorовска и Тары до Омской линіи, отъ Каинска до Кузнецка и Киргизскихъ степей, хлѣбъ родится всюду въ изумительномъ обиліи. Рожь, пшеница, ячмень, просо, горохъ, и гречиха, ленъ, картофель, огурцы, дыни и арбузы, всякія огородныя овощи — всего этого—просто благодать въ этихъ мѣстностяхъ! Пшеница и рожь рождаются даже въ дикомъ состояніи въ Семирѣчинскомъ краѣ, при слияніи Коксу съ Караталомъ, а въ Нарымѣ, Томскаго округа, есть крапива, изъ которой Остяки дѣлають крѣпкія сѣти, бичевки, нитки. При тщательнѣйшей обработкѣ волоконъ, изъ нихъ можно бы было даже ткать и холстъ.

Плодовые деревья есть всюду на югъ Семипалатин-

ской области, но яблонь могла бы разводиться съ успехомъ въ южныхъ округахъ Тобольской и Томской губерній. Вообще желательно бы было видѣть въ Западной Сибири центральную учебную ферму, среди трудолюбивыхъ южныхъ округовъ. Улучшенные приемы хлѣбопашества и скотоводства, конководства, овцеводства, лучшій уходъ за скотомъ, садоводство, пчеловодство и огородничество, даже центральная земская конюшня,—какъ бы все это было полезно! Здѣшніе крестьяне все бы переняли съ свойственной имъ смысленностью. На склонахъ Алатавскаго хребта, въ прекрасномъ Приидійскомъ краѣ, растетъ яблонь, черешня, абрикось, виноградъ, персики — въ Бійскѣ и около Бухтармы; по южнымъ склонамъ Тарбагатая—барбарисъ и сирень. Въ южной же части Киргизской степи растетъ дерево иргай, съ виду похожее на пальму и эчень крѣпкое. Яблонь есть тоже и въ Семирѣчинскомъ краѣ; а вишня въ Кокчетавѣ, Ишимѣ и Курганѣ. Известно богатство и разнообразіе алтайской флоры. Профессоръ Ледебуръ далъ о ней понятіе ученой Европѣ. Великолѣпныя желтозолотистыя и бѣлыя Сибирскія лиліи, курчавая сарана пурпуроваго цвѣта, огромные силіе колокольчики и незабудки, нѣжно-розовый богульникъ, вьющійся около вѣковыхъ лѣсныхъ исполиновъ,—какое дивное разнообразіе формъ, цвѣтовъ и запаховъ! Жаль, что популярныхъ изображеній этой чудной сибирской растительности нѣтъ въ рукахъ всей Россіи. Это была бы самая милая, самая поэтическая книга, особенно если бы соединить изображенія цвѣтовъ съ пейзажами прекрасной алтайской природы.

Какъ неистощимыя богатства минеральныя составляютъ особенность всей Сибири въ царствѣ ископаемомъ, такъ неистощимыя же богатства пушнаго звѣря составляютъ ея особенность въ царствѣ животномъ. Строевыми лѣсами, роскошной растительностію, нѣжны-

ми плодами юга и пышными коврами цвѣтовъ, богаты многіе другіе края нашей обширной Россіи; но нигдѣ въ ней нѣтъ такого обилія золота, серебра, драгоценныхъ камней, соболя, бобра, чернобурой лисицы,—всего, что составляетъ высшую цѣнность въ наше время. До вывоза лѣсовъ изъ Сибири пройдутъ еще столѣтія; до акклиматизаціи южныхъ плодовъ и цвѣтовъ очень далеко; цѣнныя породы рыбы есть во многихъ мѣстностяхъ Россіи и превосходятъ рыбу сибирскую вкусомъ и умѣняемъ готовить въ-прокъ;—но ни дубъ заповѣдныхъ лѣсовъ русскихъ, ни помона и флора Крыма и Кавказа, ни рыбныя сокровища Волги и Каспія не замѣнятъ Россіи сибирскаго золота, серебра, драгоценныхъ камней и дорогихъ мѣховъ здѣшняго края. Начнемъ же въ царствѣ животномъ разсмотрѣніемъ сперва здѣшней цѣнной пышныя. Домашнія животныя и польза отъ нихъ получаемая стоятъ покуда во всей Сибири на заднемъ планѣ. Иначе и быть не можетъ. Міръ еще новъ и мало разработанъ. Человѣкъ ухватывается въ немъ сперва за то, что по цѣниѣ. Придетъ потомъ очередь и честь сохъ и косъ, скотоводству и коноводству.

Въ Западной Сибири бобръ и выдра встрѣчаются только въ немногихъ рѣкахъ глубокаго сѣвера, въ Большой и Малой Кондѣ (земль Загуловъ, въ Пелымскомъ краю), въ Березовѣ по Сосвѣ и въ, Приобской тайгѣ, отъ Обдорска до Нарыма. Безпощадное и неразсчетливое истребленіе и трудность ихъ выслѣживать въ этихъ дремучихъ и перепутанныхъ тайгахъ, дѣлаютъ уловъ ихъ годъ отъ году незначительнѣе. Къ тому же здѣшній бобръ рыжъ и не стоитъ камчатскаго и сѣвероамериканскаго. Но соболь водится всюду въ тайгахъ отъ Урала до Алтая. Впрочемъ соболь какъ и бобръ, началъ нынѣ удаляться въ глубь сѣвера, въ его непроходимые лѣса и урманы. Напрасно воображаютъ, что пушной звѣрь уменьшился въ Сибири. Нѣтъ! Онъ толь-

ко отбѣжалъ отъ русскихъ заселеній и даже отъ лѣтнихъ и зимнихъ кочевокъ дикаря; но все пространство отъ Сургута въ прямомъ направленіи до рѣки Таза въ старой Мангазеѣ (Туруханскаго края, Енисейской губерніи), гдѣ вообще отъ густоты тайги и днемъ въ немъ бываетъ также темно какъ, ночью, куда можетъ быть никогда еще не проникали огонь и топоръ и не бывала нога человѣческая, — еще наполнено драгоценными породами пушнаго звѣря. Подобное этому явленіе произошло теперь на Амурѣ. По возвращеніи сюда русскихъ, они нашли въ лѣсахъ приамурскихъ (лѣваго берега) нетронутый родникъ всякаго звѣря, расплодившагося почти въ теченіи двухъ столѣтій съ паденія Албазина. Такъ было вѣроятно и здѣсь, до развитія русскихъ заселеній на сѣверѣ.

Бѣлые и голубые песцы водятся по тундрамъ прибрежья Ледовитаго океана; бѣлый медвѣдь — на островахъ и пловучихъ льдахъ, а медвѣдь сѣрый и черный — въ лѣсахъ и горахъ всего края. Горностаи, лисица, рысь, росомаха, колонокъ, тоже есть всюду, а желтой лисицы особенно много въ горахъ Киргизской степи. Но чернобурая лисица — рѣдкость даже въ Шельмѣ и въ Березовѣ. Лучшая бѣлка, алтайская, потомъ кетская, васьюганская, пелымская; но якутская бѣлка, въ Восточной Сибири всѣхъ цѣннѣе. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что бобръ, соболь, лисица, горностаи, песецъ и бѣлка, т. е. лучшія породы пушнаго звѣря, — чѣмъ далѣе углубляемся въ Сибирь, тѣмъ цѣннѣе по шерсти, отливу, пышности, оси и цвѣту. Драгоценнѣйшая чернобурая лисица, за которую иногда платятъ на мѣсть баснословныя цѣны, отъ 200 до 300 руб. сер. за шкурку, и которой ось сыплеть въ темнотѣ электрическія искры, добывается только въ низовьяхъ Лены и очень рѣдко въ Баргузинскомъ краѣ за Байкаломъ. Наконецъ волкъ, заяць, корсакъ, сурокъ — водятся всюду въ изобиліи; но

сибирскій волкъ хуже русскаго. По болотамъ и тайгамъ Западной Сибири бродятъ дикій олень и лось, дикій козелъ и мараль. Дикій баранъ (арбаръ) и кабарга водятся преимущественно въ Алтай, Саянѣ и въ степи Киргизской. Въ степи же пасутся многочисленныя стада дикихъ козъ или сайгъ и табуны кулановъ (дикихъ лошадей). Кабаны есть въ Алтай и въ степи, по камышамъ и кустарникамъ. Барсы и тигры—въ южной части степи, въ камышахъ рѣки Чу и озера Балхаша. Нерѣдко случается, что тигры забѣгаютъ изъ средней Азии и въ русскій Алтай. Замѣтимъ, что тигры, барсы и пантеры пробираются иногда тоже изъ глубины Монголіи въ Забайкальѣ.

Перейдемъ теперь къ домашнимъ животнымъ всѣхъ степеней цивилизаціи, отъ цѣнной лошади до не менѣе пѣнной почтовой собаки. Лошади, верблюды, рогатый скотъ и овцы, преимущественно разводятся въ Киргизской степи, которую можно назвать богатѣйшею золотой россыпью скотоводства для всего края. Отсюда, какъ изъ неисчерпаемой сокровищницы, выводятъ ежегодно то неизмѣрное количество лошадей, рогатого скота и барановъ, которое въ букввальномъ смыслѣ слова наводняетъ всѣ ярмарки Западной Сибири въ видѣ сала, кожъ, конскаго волоса, въ товарѣ идущемъ на милліоны рублей сер. къ Петербургскому порту; даже скотъ киргизскій прогоняется теперь на убой въ столицы. Вотъ таблица оборотовъ по пригону скота, въ одинъ только Петропавловскъ, изъ Киргизской степи въ 1858 году:

Рогатаго скота 100,000 головъ, по 13 р. с. кругомъ . . .	1,300,000 р. с.
Барановъ 450,000 головъ, по 2 р. 50 к. с. круг . . .	1,125,000 — —
Вытоплено сала 1,000,000 пудовъ, по 3 р. 60 к. с. круг . . .	3,600,000 — —
Бараньяго мяса, по 17 к. с. за пудъ, за 450,000 пуд. . .	76,500 — —
Скотскаго мяса, по 40 к. с. за пудъ, за 1 мил. пуд. по 10 к. . .	400,000 — —
450,000 бараньихъ кожъ, по 43 к. с. каждая, на	193,500 — —
100,000 скотскихъ кожъ, по 3 р. с. каждая, на	300,000 — —
<hr/>	
А всего оборота на	6,995,000 р. сер.

Сверхъ того выгоняють скоть къ Омску, Пресновскому реду, частно вымѣнивается его много линейными казаками на хлѣбъ и обыденный товаръ. Что же касается до киргизскихъ лошадей, то ихъ начали выводить нынѣ много и во внутреннія русскія губерніи; сверхъ того они покупаются и на золотые пріиски Западной и Восточной Сибири. Киргизскій скоть крунѣе русскаго, мясо его сочнѣе и нѣжнѣе. Вообще киргизскій быкъ доставляетъ 10 пуд. мяса, а русскій только 5. Киргизское мясо нынѣ продается до 1 р. 50 к. и 80 коп. сер. за пудъ; а баранина 70 и 80 к. с. за пудъ. Лошадь киргизская выше и красивѣе лошади сибирской породы, сильна и неутомима на бѣгу. На призовыхъ скачкахъ, бывающихъ ежегодно въ степи, выдаются иногда бѣгуны, которые могутъ проскакать 10 верстъ въ 18 минутъ. Киргизскія лошади пасутся лѣтомъ въ открытыхъ степяхъ, а зимой близъ дѣсовъ и камышей—на подножномъ корму, который составляетъ во всякое время преимущественно небольшая трава, называемая кипецъ и растущая на солончакахъ. Хотя киргизская порода лошадей и привыкаетъ къ домашней работѣ, но вообще болѣе способна къ верховой ѣздѣ и перевозкѣ вьючныхъ тяжестей въ мѣстахъ малонаселенныхъ и гористыхъ. Это общее у нея свойство съ забайкальской лошадыю у бурятъ. Верблюды же (двугорбый) — исключительная принадлежность Киргизской степи. Въ другихъ мѣстностяхъ Западной Сибири его нѣтъ. Трудно впрочемъ опредѣлить достовѣрно количество скотоводства въ степи Киргизской. Кочевая жизнь, отвращеніе и недоверіе ко всякаго рода исчисленіямъ,—это общее свойство всѣхъ азіатцевъ, — всегда будутъ составлять неодолимые преграды всякаго рода вѣрнымъ, статистическимъ выкладкамъ. Приблизительно число лошадей можно положить до 1 милліона головъ, а число рогатаго скота и барановъ до 4 милліоновъ; и это не

покажется невѣроятнымъ при взглядѣ на выгонъ 350,000 головъ ежегодно къ одному только Петропавловскому, такъ называемому базару, т. е. къ району, кругомъ Петропавловска верстѣ на 200, и куда стогнаются лошади и скотъ съ цѣлой стени до глубины Или, Западнаго Калтая и Коканда.

Но и губерніи Тобольская и Томская очень богаты скотоводствомъ. Лошади, рогатый скотъ, овцы, даже свиньи, разводятся нынѣ въ обширныхъ размѣрахъ въ округахъ Омскомъ, Ишимскомъ, Курганскомъ, частію Тарскомъ; въ Маріинскомъ, Капнскомъ, Барнаульскомъ, Бійскомъ и Кузнецкомъ. По послѣднимъ обнародованнымъ свѣдѣніямъ, лошадей считалось въ Тобольской губерніи до 700,000, а въ Томской до 500,000 головъ. Рогатаго скота въ Тобольской до 600,000, въ Томской до 400,000 головъ. Овецъ и барановъ—въ Тобольской до 800,000, а въ Томской до 300,000 головъ. Наконецъ свиней,—почти исключительно въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи, для отпуска свиного сала чрезъ Петербургскій портъ за границу, до 200,000 штукъ. Кроме того есть большіе табуны лошадей и стада овецъ у калмыковъ двоedanцевъ, въ Алтаѣ. Томская обозная лошадь, славится въ цѣлой Сибири ростомъ, силой и неутомимостью. Сибирскія лошади, въ степныхъ округахъ края, живутъ жизнью лошадей киргизскихъ. За исключеніемъ потребныхъ для домашняго хозяйства, онѣ круглый годъ пасутся въ степяхъ на подножномъ корму;—весь надзоръ не простирается далѣе наблюденія за цѣлостію табуновъ и за перегономъ ихъ съ истощенныхъ мѣстъ на невытравленные. Лошади настоящей сибирской породы имѣютъ тѣ хорошія качества, что не требуютъ улучшеннаго корма и помѣщенія, а въ работѣ и перевозкѣ тяжестей терпѣливы; но вообще ихъ недостатокъ—малорослость и несовершенство склада. Были попытки улучшить породу выводомъ изъ Россіи

заводскихъ жеребцовъ и матокъ, но инициатива въ этомъ должна быть со стороны правительства, и нельзя не пожелать, чтобы оно обратило на это свое просвѣщенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что тутъ его личная польза, польза государства. Сибирь и въ отношеніи коноводства можетъ сдѣлаться запасной кладовой Россіи; слѣдуетъ только дать ей возможность развить и улучшить это коноводство, къ которому при томъ сибиряки очень расположены. Центральная земская конюшня, даже и двѣ для обонхъ губерній, были бы благодѣніемъ всему населенію края. Кузнецкія лошади славятся тоже по ихъ хорошему складу, нарымскія—по крѣпости и способности переносить труды и недостатокъ въ кормѣ; Тюменскія—по способности къ ямской гоньбѣ и въ обозѣ.

Въ средней полосѣ Западной Сибири скотоводство и коноводство,—только какъ средство для поддержанія сельскаго хозяйства, и сѣвернѣе Тобольскаго и Томскаго обрруговъ ихъ уже нѣтъ. За то тамъ появляются олени и собаки. Оленей насчитывается на сѣверѣ всего края до 200,000 головъ. Вообще всѣ сѣверныя племена, отъ Архангельска до Якутска, имѣютъ многочисленныя стада оленей и бродятъ съ ними по тундрамъ и болотамъ, обильнымъ мохомъ, составляющимъ единственную пищу оленя. Собаки—столь же необходимая принадлежность этихъ приполюсныхъ пустынь. Отъ Архангельска и до Камчатки собаки употребляются тоже не только бродячими инородцами разныхъ наименованій, отъ самоѣдовъ до юкагировъ, но и осѣдлыми русскими, для ѣзды и перевозки клади. Въ Восточной Сибири, по Ленѣ и далѣе, къ Берингову проливу до Петропавловска, онѣ даже стоятъ на почтовыхъ станціяхъ и отправляютъ гоньбу. Эти собаки рослы, сильны, неутомимы на бѣгу, легки на ногу и питаются исключительно рыбой. Въ Западной же Сибири ихъ не употребляютъ въ почтовую гоньбу, но сѣверные инородцы ѣздятъ на нихъ

иногда на недалекия разстоянія и перевозятъ небольшія тяжести. Ихъ запрягаютъ гусемъ по три и по четыре, въ легкую *парту* (родъ лубочнаго короба на дровняхъ), которая скользитъ какъ стрѣла по снѣжнымъ пустынямъ.

Птицеводство домашнее еще мало развито у жителей Западной Сибири. Гуси, утки, куры, индѣйки обыкновенныхъ породъ, есть всюду. Однако индѣйки въ хлѣбныхъ южныхъ округахъ стали съ недавняго времени предметомъ сбыта чрезъ оптовыхъ скупщиковъ, на зимнихъ ярмаркахъ и торжкахъ, въ обѣ столицы. Ихъ закупаютъ преимущественно въ Курганскомъ округѣ, какъ ближайшемъ къ Россіи. Но дичь (кромѣ рябчиковъ, которые тоже скупаются зимой и отправляются въ Казань)—еще не разработанное богатство здѣшняго края. Сибиряки мало ее цѣнятъ. Въ сѣверныхъ округахъ, отъ Тюмени до Березова и оттуда до водораздѣла Оби съ Енисеемъ,—рябчики, глухари, тетерева, куропатки въ лѣсахъ, мириады лебедей, гагаръ, гусей и утокъ по рѣкамъ, озерамъ и болотамъ всюду водятся, всюду сподручны;—а крестьянинъ, не говоря уже о инородцахъ, равнодушно смотритъ на это драгоценное подспорье въ ежедневной пищѣ, на перо и пухъ, которымъ сбытъ всегда выгодный и вѣрный. Кулики многочисленныхъ породъ и перепела водятся тоже въ южной части всей Западной Сибири, а драхвы и фазаны въ Киргизской степи.

Орель, ястребъ, беркутъ и соколы водятся преимущественно въ Алтаѣ и въ степи. Простыя породы пѣвчихъ птицъ—жаворонки, малиновки, кукушки, канарейки, скворцы—есть всюду, но соловей рѣдко залетаетъ далѣе южныхъ округовъ и Васьюганскихъ роць южной части Тарскаго округа. Онъ водится преимущественно на югѣ Семипалатинской области. Многочисленные породы голубей въ хлѣбныхъ округахъ отличаются необыкновенно нѣжнымъ вкусомъ.

Рыба, какъ золото, серебро и драгоценныя камни,

какъ бобръ, соболь и чернобурая лисица, — могла бы быть истинной сокровищницей пѣлой Сибири, но надо сознаться, что отъ Иртыша до Амура это покуда сокровищница не тронутая и доселѣ безъ всякаго умѣнья разрабатываемая. Сибирская соленая рыба и икра не выдерживаютъ соперничества съ волжской и уральской. Въ Западной Сибири, въ Оби и въ Иртышѣ, водятся въ изумительномъ множествѣ бѣлуга, осетръ, стерлядь, нельма, таймень, муксуень, сырокъ, налимъ, щука, хайрюзь, ясь, карась, окунь, ершь и прочія мелкія породы. Сельдь заходитъ въ Обь несчетными рунами. Дельфиновъ, моржей и тюленей въ Обьской губѣ и на близлежащихъ островахъ тоже множество. Въ 1858 году огромный дельфинъ поднялся по Оби даже до села Самаровскаго, въ 360 верстахъ отъ Тобольска. Онъ имѣлъ 2 сажени длины и изъ него вытоплено 12 пудовъ жиру. А между тѣмъ, при такихъ водныхъ богатствахъ, здѣшняя рыбопромышленность находится еще въ сущемъ младенчествѣ. Лишь въ 1857 году учредилось въ Екатеринбургѣ товарищество Рязанова и К^о, съ капиталомъ въ 250,000 р. сер., для рыболовства и пароходства по Оби. Ему выдана въ 1858 году привилегія на 10 лѣтъ. Остается пожелать, чтобы эта компанія не руководствовалась тѣсными разсчетами мѣстныхъ рыбопромышленниковъ, а повела дѣло по европейски, т. е. съ сильными пароходами, хорошими машинами, рыболовными заведеніями на заграничную руку и съ иностранными мастерами для соленья рыбы, икры и въ особенности сельдей. Это будетъ конечно по дорожѣ, но результаты выйдутъ дальновиднѣе и прочиѣ.

Западная Сибирь и кромѣ Обьско-Иртышской системы, всюду непомѣрно богата рыбой. Многочисленные ея озера доставляютъ пзумительные уловы. Озера Телецкое и Норъ-Зайсакъ, Васьюганъ, Конда въ Пелымѣ — кишать, такъ сказать, рыбой. Остяки говорятъ о Васъ-

юганъ, что въ немъ болѣе рыбы, нежели звѣздъ на небѣ. Въ рѣкахъ Киргизской степи водятся сомы, сазаны, лещи и маринка; въ Ишимѣ и Тоболѣ акклиматизировались раки, лѣтъ 20 тому назадъ пересаженные изъ рѣкъ зауральскихъ. Особенность Оби — муксунъ; его нигдѣ нѣтъ въ водахъ другихъ рѣкъ сибирскихъ. Тоже особенность Селенги и Байкала—омуль. И муксунъ и омуль похожи въ засолѣ на сельдь, но крупнѣе ея, крупче и нѣжнѣе вкусомъ.

Въ царствѣ насѣкомыхъ пчела, по ея практической пользѣ, занимаетъ первое мѣсто. Пчеловодство сильно развито на всемъ югѣ Томской губерніи, а преимущественно въ Бійскомъ округѣ, и начинается развиваться нынѣ и въ Тобольской, по рѣкѣ Тартасу, въ Тарскомъ округѣ, гдѣ есть богатые липовые лѣса. Полезно бы было поощрить пчеловодство и въ южныхъ округахъ—Курганскомъ, Омскомъ, Ишимскомъ и Семипалатинской области, гдѣ столько благоприятныхъ данныхъ для пчель. Шелководства здѣсь нигдѣ еще куда нѣтъ; а между тѣмъ на югѣ Семипалатинской области, въ сосѣдствѣ Западнаго Китая, оно бы могло приняться съ очевиднымъ успѣхомъ. Просвѣщенная заботливость генералъ-губернатора, конечно, не оставитъ безъ вниманія попытокъ къ шелководству въ богатомъ Приилійскомъ краѣ, куда и коконы могутъ быть легко доставляемы изъ Китая. Саранча появляется иногда въ южной части Западной Сибіри, но въ маломъ количествѣ; истинный же бичъ здѣшнихъ лѣсистыхъ и болотистыхъ пространствъ,—это комаръ, паукъ и микроскопическая мошка, въ буквальномъ смыслѣ слова потемняющіе воздухъ, — мученіе людей и животныхъ, которое великій Данте напрасно не придумалъ въ своемъ „Адѣ“, для казни грѣшниковъ. На всемъ пространствѣ отъ Тары до Ачинска (въ Енисейской губерніи), безъ гурева изъ навса и безъ накомарника (сѣтки въ видѣ калпака, закрываю-

шей все лицо, и прочитанной дегтемъ) есть возможности быть на открытомъ воздухѣ! Въ особенности Барабинская степь, т. е., часть Каинскаго и Маринскаго округовъ въ Томской губерніи и часть Тарскаго округа въ Тобольской,—нестерпимы лѣтомъ. Удивляешься, какъ это могутъ жить люди въ такой непрерывной пылкѣ? Другой бичъ Западной Сибири, это лѣсной червь. Онъ подтачиваетъ корни деревь, дѣйствуя какъ и саранча нашествіемъ цѣлыми полосами, и тогда громадные пространства дремучей зеленой тайги, вдругъ, какъ бы силой небеснаго проклятiя, псыхаютъ на корни, обнажаются, представляютъ образецъ смерти и могильной тишины. Звѣрь, птица, пресмыкающіеся, насекомыя—все удаляется. Змѣи водятся всюду, но не достигаютъ большаго объѣма. Въ южной части Киргизской степи есть ядовитыя фаланги, скорпионы и тарантулы. Наконецъ бабочки и вся семья жесткокрылыхъ имѣютъ въ Западной Сибири тѣсную связь съ разными мѣстностями. Въ лѣспетой и степной части, гдѣ вообще флора очень бѣдна, — бабочки, жучки, стрекозы и проч. не восхищаютъ яркостью и разнообразіемъ красокъ. Но въ Алтѣ и на югѣ Семипалатинской области, гдѣ также роскошь въ пѣвтахъ, какъ и въ Забайкальи, всѣ жесткокрылыя соперничаютъ съ лиліей и богульникомъ блескомъ своей одежды, которой по поэтическому выраженію евангельскому не имѣлъ и царь Соломонъ во дни своей славы.

Мы разсмотрѣли Западную Сибирь во всѣхъ видоизмѣненіяхъ ея природы, какъ ее создалъ Богъ..... Посмотримъ теперь, столь же общепонятно и наглядно, какъ воспользовались и распорядились ею люди. Западная Сибирь дѣлится нынѣ на двѣ губерніи—Тобольскую и Томскую и на двѣ области—Семипалатинскую и Сибирскихъ Киргизовъ. Въ Тобольской губерніи 9 округовъ: Омскій, Ишимскій, Курганскій, Ялуторовскій, Тюменскій,

Тобольскій, Тарскій, Туринскій и военный округ Березовскій. Въ Томской 6 округовъ: Каинскій, Маринскій, Томскій, Кузнецкій, Бійскій и горный округ Барнаульскій (Алтайскіе горныя заводы въ вѣдѣніи Кабинета Его Величества). Въ Семипалатинской области 5 округовъ: внутренній Семипалатинскій и степные Киргизскіе: Кокбектинскій, Аяузскій и два военныхъ округа: Копальскій (Семирѣчинскій край) и Алатавскій (Припайскій край). Наконецъ, въ области Сибирскихъ Киргизовъ 5 округовъ, всѣ въ Киргизской степи, за Омской линіей: Кокчетавскій, Каркаралинскій, Акмолинскій, Баянъ-Аульскій и Атбасарскій. Въ Тобольской губерніи губернскій городъ Тобольскъ, мѣстопробываніе Тобольскаго гражданскаго губернатора и всѣхъ губернскихъ учреждений. Въ Томской губерніи—губернскій городъ Томскъ—мѣстопробываніе Томскаго гражданскаго губернатора и всѣхъ губернскихъ учреждений; но такъ какъ этотъ губернаторъ вмѣстѣ съ тѣмъ главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ и живетъ большею частію въ горномъ городѣ Барнауль, то губерніей управляетъ предсѣдатель губернскаго правленія. Въ Семипалатинской области областной городъ Семипалатинскъ, на Омской линіи,—мѣстопробываніе Семипалатинскаго военнаго губернатора и всѣхъ областныхъ учреждений. Область же Сибирскихъ Киргизовъ не имѣетъ покуда своего областного города внутри степи. Мѣстопробываніе ея военнаго губернатора и областного правленія, донинѣ въ Омскѣ.

Губерніи Тобольская и Томская управляются доселѣ такъ называемымъ Сибирскимъ Учрежденіемъ, проектированнымъ въ 1819 году знаменитымъ графомъ Сперанскимъ (составителемъ нашего Свода Законовъ) и утвержденнымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ 22 іюля 1822 года. По сему Учрежденію іерархическая лѣстница сибирской администраціи со-

стоятъ: изъ сельскаго начальства въ деревняхъ и волостнаго въ волостяхъ. Всѣ эти начальства избираются „міромъ“, т. е. сходкой всѣхъ крестьянъ. Нынѣ въ Западной Сибири всѣхъ волостей 352. Сельскій старшина и волостной голова завѣдуютъ у всего сельскаго населенія, на мѣстѣ его жительства, полицией, судомъ и хозяйствомъ въ дѣлахъ обыденныхъ. Сельскій писарь и волостной писарь управляютъ письмоводствомъ. Надъ всѣмъ этимъ стоятъ Земскіе Суды, завѣдующіе всѣми сельскими управленіями въ округѣ. Градскія полиціи управляютъ городами въ полицейско-наружномъ и слѣдственномъ отношеніяхъ; но хозяйство въ рукахъ Думъ, Ратушъ, Хозяйственныхъ Управленій, избираемыхъ самими горожанами. Судъ по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ, принадлежитъ Окружному Суду. Въ Сибири помѣстнаго дворянства и дворянскихъ выборовъ нѣтъ; всѣ мѣста служебныя замѣщаются правительствомъ.

Надъ этимъ градскимъ и сельскимъ управленіемъ, стоитъ управленіе губернское: Гражданскій губернаторъ съ Губернскимъ совѣтомъ (составленнымъ изъ председателей губернскихъ мѣстъ и прокурора), Губернское Правленіе (по полиціи), Казенная Палата (по хозяйству; Палаты государственныхъ имуществъ въ Сибири еще нѣтъ, а при Казенныхъ Палатахъ открыты нынѣ особыя отдѣленія по государственнымъ имуществамъ, какъ учрежденіе переходное) и Губернскій Судъ (по судной части; въ Сибири русскія Уголовная и Гражданская Палаты соединены въ одно учрежденіе). Наконецъ надъ всѣмъ краемъ—Генералъ-губернаторъ и Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири,—часть министерства, дѣйствующая на мѣстѣ, куда вносятся на соображеніе, обсужденіе и положеніе дѣла важнѣйшія.

Таково Сибирское Учрежденіе, созданіе генія Сперанскаго, одного изъ умнѣйшихъ государственныхъ

людей XIX столѣтія, принесшее много пользы Сибири, ея устройству, благосостоянію и развитію. Но съ улучшеніемъ администраціи, съ распространеніемъ просвѣщенія въ массахъ, при большомъ удобствѣ путей сообщенія и при смягченіи правовъ, съ постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ Свода Законовъ, съ учрежденіемъ нынѣ Сибирскаго Комитета въ Петербургѣ, изъ министровъ и другихъ государственныхъ сановниковъ, для направленія дѣйствій обоихъ Генераль Губернаторовъ Сибирскаго края, Учрежденіе Сперанскаго, какъ и всякое дѣло ума человѣческаго, требуетъ уже несомнѣнно пересмотра и коренныхъ измѣненій...

Разсмотримъ и прочія сибирскія установленія, на сколько они отличаются отъ русскихъ. Такъ какъ не только въ Европѣ, но и въ Россіи, имѣютъ донинѣ самое темное и поверхностное понятіе о Сибири, то полезно будетъ заглянуть и во все пружины многосложнаго механизма сибирской жизни. Судная часть въ Сибири идетъ какъ и въ Россіи инстанціонно, начиная съ сельскихъ разбирательствъ въ волостяхъ, проходя Земскими и Окружными Судами, а въ городахъ Градскими Полиціями и Городовыми Судами и кончая Губернскимъ Судомъ. Но тутъ сходство съ Россіей кончается. Иныя дѣла поступаютъ, какъ и въ Россіи, въ Правительствующій Сенатъ, но не въ такомъ количествѣ, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, ибо въ Сибири у ссыльныхъ свой кодексъ, у инородцевъ свой, у горной части свой. Области Семипалатинская и Сибирскихъ Киргизовъ, имѣютъ для своихъ степняковъ особыя учрежденія; да и самыя Областные Правленія во многомъ отличны отъ нормальныхъ губернскихъ учреждений. Наконецъ, множество дѣлъ судныхъ рѣшается здѣсь безъ права аппелляціи гражданскими и военными губернаторами, генераль-губернаторомъ, губернскими совѣтами и Совѣтомъ Главнаго Управленія. Конечно, скажемъ

простодушно, въ столь многосложномъ механизмѣ, скорость рѣшеній терпитъ, дѣла залеживаются, письменность не сокращается, столкновений между инстанціями много бываетъ...., но Сибирь новый міръ, который чрезвычайно трудно подвести подъ мѣрку нашихъ европейскихъ понятій, и тутъ не только геній Сперанскаго, но и законодательный административный геній Наполеона, которымъ вотъ уже полвѣка живетъ и развивается Франція, право-бы призадумался.

Еще особенность сибирскаго управленія—это окружные начальники, — чиновники облеченные высшимъ мѣстнымъ надзоромъ, которыхъ руководству и вліянію прямо подчинены градскія и земскія полиціи, т. е. города и обруги. При нихъ состоитъ, какъ и при гражданскихъ губернаторахъ и при генераль-губернаторѣ Совѣтъ, съ особой канцеляріей. Нынѣ такія общія окружныя управленія есть по Тобольской губерніи: въ Тюмени, Тарѣ, Ишимѣ и Омскѣ; а по Томской въ Каинскѣ. Но съ улучшеніемъ сибирской администраціи и эта вѣрушка, дѣлается теперь излишнею. Замѣтимъ, что гдѣ нѣтъ окружныхъ начальниковъ, тамъ все-таки есть частныя Окружныя Управленія, при градскихъ полиціяхъ и подъ предсѣдательствомъ городничаго. Окружные Совѣты (какъ общіе, такъ и частные, гдѣ нѣтъ окружныхъ начальниковъ), состояются изъ мѣстныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей: городничаго, судьи, исправника, казначея и стряпчаго, т. е. также точно какъ Совѣты Губернскіе—изъ Губернатора, предсѣдателей: Губернскаго Правленія, Казенной Палаты, Губернскаго Суда и Губернскаго прокурора. Но составъ Совѣта Главнаго Управленія, не таковъ. Въ немъ начальники отдѣленія Главнаго Управленія (замѣняющаго для генераль-губернатора особую канцелярію, какъ общее Губернское Управленіе замѣняетъ ее для губернатора, а Общее Окружное Управленіе, для окружнаго начальника) вмѣстѣ

и члены Совѣта. Кромѣ нихъ сидятъ еще въ Совѣтъ делегаты—совѣтники отъ министерствъ: юстиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, а съ 1859 года и главный инспекторъ училищъ Западной Сибири, по дѣламъ учебнымъ. Наконецъ въ отдаленномъ Березовѣ (Тобольской губерніи) есть военно-окружное управление и военно-окружный начальникъ изъ военныхъ штабъ-офицеровъ, въ лицѣ котораго соединена вся гражданская и военная исполнительная власть въ этомъ гиперборейскомъ краѣ. Этимъ учрежденіемъ бѣдные Березовскіе инородцы (Остяки и Самоѣды), обязаны попечительности и предусмотрительности генерала Гасфорда, хотѣвшаго положить крѣпкою властью военнаго начальника конецъ самоволію и безпорядкамъ—въ такой далекой мѣстности, которая до сихъ поръ ускользала отъ всякаго контроля и надзора. Въ степныхъ же областяхъ областныя правленія съ военными губернаторами сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ нормальныя сибирскія губернскія учрежденія, окружные Приказы, все сибирское окружное управление; а Киргизы дѣлятся на волости и управляются своими родовичами, т. е. султанами и бѣями, разбираясь въ ежедневномъ быту своими степными обычаями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наиримѣръ—баранты, измѣны, бунта, убійства и проч. русскими уголовными законами. Въ Копалѣ есть военно-окружный начальникъ и военно-окружное управление въ Приилійскомъ краѣ. Вообще устройство въ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства очень хорошо и предусмотрительно. Въ этомъ бывший генераль-губернаторъ Западной Сибири оказалъ важную услугу отечеству, ибо подобное органическое образованіе даетъ возможность упрочить владычество наше въ центральной Азіи и свободу дѣйствій въ случаѣ наступательныхъ движеній впередъ. А мы уже разъяснили, почему это не замедлить.....

У сибирскихъ крестьянъ нѣтъ такого устройства ад-

министративнаго, какъ въ Россіи. Однако и къ этому уже приступлено учрежденіемъ IV отдѣленія по управленію государственными имуществами, при Главномъ Управленіи Западной Сибири, хозяйственныхъ отдѣленій по тому же предмету, при Тобольской и Томской Казенныхъ Палатахъ, и такъ называемыхъ образцовыхъ волостей, по нѣскольку въ каждомъ округѣ, чтобы примѣнить къ нимъ на практикѣ русское устройство. Конечно и здѣсь, какъ и въ Россіи, живо чувствуется теперь недостатокъ въ благонадежныхъ чиновникахъ, но энергія правительства, развитіе просвѣщенія въ массахъ и неминуемый прогрессъ идей, устранять съ Божьею помощію все безпорядки. Это дѣло времени и оно конечно окажетъ и здѣсь свое благотѣльное вліяніе.

Прочія части сибирскаго управленія, почти тѣ же какъ и въ Россіи. По духовной есть здѣсь духовныя правленія въ округахъ, духовныя консисторіи въ Тобольскѣ и Томскѣ и преосвященные въ этихъ городахъ (по Томской епископъ завѣдуетъ еще и Енисейской губерніей въ Восточной Сибири). По почтовой та разница, что по упраздненіи почтовыхъ округовъ въ Имперіи, учрежденъ въ Западной Сибири почтовый округъ, начальнику котораго назначенъ нынѣ постояннымъ мѣстопробываніемъ городъ Томскъ. Въ составъ этого округа входятъ лишь Западная Сибирь исключительно. Вся Сибирь составляетъ нынѣ особый Сибирскій таможенный округъ. Начальникъ этого округа живетъ въ Петропавловскѣ, на Омской линіи. Учебная часть не имѣетъ здѣсь особаго округа, потому что здѣсь покуда нѣтъ университета; но въ 1859 году учреждено для Западной Сибири званіе главнаго инспектора училищъ. Это полезное нововведеніе, есть какъ бы переходъ къ открытію сибирскаго учебнаго округа и сибирскаго университета, въ чемъ такъ настоятельно нуждается этотъ отдаленный край. Богоугодная и врачебная части,

устроены на тѣхъ же основаціяхъ, какъ и въ Россіи, но горная часть имѣетъ здѣсь свою особенность. Томскій гражданскій губернаторъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ. Это было необходимо въ такой губерніи, гдѣ почти половина сельскаго населенія принадлежитъ Алтайскимъ заводамъ. Наконецъ исключительная особенность Сибири, чего нѣтъ ни въ Россіи, ни въ Европѣ, это учрежденіе, называемое Приказъ о Ссылныхъ. Оно принимаетъ, распредѣляетъ и наблюдаетъ за всѣми ссылными, изъ всей Имперіи въ Сибирь поступающими, кромѣ политическихъ, которые состоятъ въ непосредственномъ завѣдываніи шефа корпуса жандармовъ.

Иностранцы, т. е. племена не русскаго происхожденія, древніе обитатели Западной Сибири, управляются особымъ „Иностранческимъ Уставомъ“. У Киргизовъ домашній распорядокъ основанъ на ихъ степныхъ обычаяхъ; Самоѣды, Остяки и Вогузы разбираются своими князьями и старшинами, иностранцами управами и земскими судами; Татары, Бухарцы и Ташкентцы имѣютъ свои иностранческія волости; а Калмыки двоеданцы и бродячіи Алтайскіе кочевники, независимы отъ русскаго вліянія. Военная часть сосредоточена въ рукахъ генералъ-губернатора Западной Сибири, который вмѣстѣ и командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса. Войска, разбросанныя на громадномъ пространствѣ Западной Сибири, состоятъ нынѣ изъ 12 сибирскихъ линейныхъ батальоновъ, изъ нихъ три въ Тобольскѣ, Томскѣ и Барнаулѣ, несутъ внутреннюю гарнизонную службу, а остальные 9 расположены по линіи и въ Киргизской степи; изъ пивалидныхъ командъ въ окружныхъ городахъ (кромѣ Березова) Тобольской и Томской губерній, несущихъ тоже внутреннюю гарнизонную службу, изъ подвижныхъ пивалидныхъ ротъ, при казенныхъ винокуренныхъ заводахъ: Успенскомъ, Екатерининскомъ и Кереевскомъ,

— работы на этихъ заводахъ исправляются ссыльными, — изъ этапныхъ инвалидовъ командъ, отъ границы Пермской до границы Енисейской губерній, по главному сибирскому тракту, для препровожденія ссыльно-арестантскихъ партій, и изъ Тобольскаго пѣшаго казачьяго баталіона, поселеннаго осѣдло станицами и несущаго службу какъ при земскихъ судахъ, такъ и въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи: Березовѣ, Обдорскѣ, Сургутѣ и Пелымѣ. Кавалерію отдѣльнаго сибирскаго корпуса составляютъ: сибирское линейное казачье войско въ 3 бригадахъ и 10 полкахъ, расположенныхъ по Омской линіи и въ Киргизской степи, татарскій конный полкъ въ Тобольскѣ и конно-казачій городовоі полкъ въ Томскѣ. Они несутъ конно-развѣздную службу при градскихъ полиціяхъ, на этапахъ и винокуренныхъ заводахъ, на лѣтнихъ кордонахъ для поимки бѣглыхъ и живутъ тоже осѣдло, какъ и сибирскіе линейные казаки и казаки Тобольскаго пѣшаго баталіона. Артиллерія состоитъ изъ бригады конно-казачей артиллеріи, изъ крѣпостной артиллеріи сибирскаго округа и пѣшей батарейной батарей, которыя расположены частію на Омской линіи, а частію въ киргизско-степныхъ укрѣпленіяхъ. Инженерная часть состоитъ въ вѣдѣніи особаго начальника инженеровъ отдѣльнаго сибирскаго корпуса. Сверхъ того, къ военной части въ Западной Сибири можно отнести: 8-й округъ корпуса жандармовъ, окружный генераль котораго живетъ въ Омскѣ, Сибирскій кадетскій корпусъ, въ Омскѣ же, для приготовленія офицеровъ во все войска края, и училища военнаго вѣдомства, въ Омскѣ, Тобольскѣ и Томскѣ, куда принимаютъ дѣтей солдатскихъ и прочихъ свободныхъ состояній, для приготовленія изъ нихъ писарей, топографовъ, чертежниковъ и проч. въ военное вѣдомство. Корпусный командиръ и корпусный штабъ всего корпуса, наказный атаманъ и войсковое прав-

леніе сибирскаго линейнаго казачьяго войска, начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ сибирскаго округа и начальникъ инженеровъ, находятся постоянно въ Омскѣ, гдѣ и корпусная квартира. Начальникъ 24-й пѣхотной дивизіи, дивизионный штабъ и дивизионная квартира, находятся постоянно въ Тобольскѣ; командиръ 1-й бригады этой дивизіи въ Омскѣ, а 2-й въ Семипалатинскѣ. Число всѣхъ войскъ, можно положить въ 30,000 человекъ, что, конечно, очень мало сравнительно съ потребностями одной Киргизской степи, потому что большая часть этихъ войскъ: 3 линейныхъ баталіона, всѣ инвалидныя и этапныя команды, Тобольскій и Томскій конно-казачьи полки и казачій пѣший баталіонъ, остаются для хозяйствованія; линейные казаки неподвижны и въ случаѣ развитія средне-азійскихъ и битайскихъ замѣшательствъ.—того, что можно двинуть здѣсь впередъ, очень и очень мало...

Но нельзя не отдать здѣсь полной справедливости русскому правительству, которое и въ этомъ отношеніи еще такъ худо оцѣнено не только Европой, но даже и Россіей. Его кротости, вѣротерпимости, умному политическому расчету (среди нихъ столь отдаленныхъ отъ центра власти странъ) Сибирь обязана удивительнымъ спокойствіемъ, мирнымъ развитіемъ своего благосостоянія, безъ тревогъ Кавказа, Индіи и Алжира. Съ горстью войскъ (потому что въ Восточной Сибири число ихъ не превышаетъ 20,000 человекъ, а подвижныхъ нѣтъ и третьей доли), разбросанныхъ на страшномъ пространствѣ отъ Урала до Восточнаго океана, т. е. слишкомъ 7000 верстъ (отъ Петербурга до Николаевска на устьѣ Амура, исчислено нынѣ, всюду уже учрежденными станціями 10,161 $\frac{1}{2}$ версты), оно держитъ въ тишинѣ и повиновеніи племена нѣкогда воинственныя, страшныя нѣкогда и Западной Европѣ, вопновъ Чингисъ-Хана и Тамерлана. Умнымъ управле-

немъ генералъ-губернаторовъ обвихъ частей сибирскаго края,—между тѣмъ какъ Европа лила кровь свою подъ Севастополемъ, за несбыточную мечту политическаго равновѣсія, на Востокъ, — оно никѣмъ незнаемо, вдругъ вдвинуло Россію въ сердце этого Востока и положило руку на будущность Англій, а на берегахъ Амура и Или разрѣшило задачу этого мнимаго равновѣсія, такой ролей для Имперіи въ будущемъ, какой не могъ провидѣть даже геній Петра Великаго!

Продовольственная часть въ Западной Сибири изображается не только съ государственными видами обезпеченія отъ неурожаевъ—складочными запасами хлѣба, снабженія всюду потребнымъ количествомъ поваренной соли и горячаго хлѣбнаго вина (кромѣ пространства обитаемаго Вогулами, Остяками и Самоѣдами, гдѣ продажа и самый ввозъ вина строго запрещены), но и съ самыми занятіями жителей въ такомъ краѣ, гдѣ столько рѣзкихъ противоположностей въ образѣ жизни крестьянъ и даже инородцевъ. Хлѣбные центральные магазины есть во всѣхъ губернскихъ и окружныхъ городахъ, а сельскіе запасные магазины во всѣхъ волостяхъ края и сверхъ того въ центрахъ жительство инородцевъ. Оптовые соляные магазины для раздробительной продажи и соляныя стойки есть то же при соляныхъ казенныхъ озерахъ, въ губернскихъ и окружныхъ городахъ и въ такихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, откуда по трудности путей сообщенія было бы неудобно жителямъ ѣздить въ городскіе магазины. Раздробительная продажа хлѣбнаго горячаго вина и выдѣлываемыхъ изъ него наливокъ и водокъ, состоя на нынѣшнее четырехлѣтіе съ 1859 по 1863 годъ, на откупѣ у Петербургской компаніи Рюмина, Базилевскаго и Бернардаки, по всей Западной Сибири производится изъ ведерныхъ, шифонныхъ и питейныхъ домовъ по городамъ губернскимъ и окружнымъ и по деревнямъ, по цѣнѣ, утвержденной на торгахъ

правительствомъ; а вино, выбираемое откупомъ изъ подваловъ, готовится на казенныхъ винокуренныхъ заводахъ края. Наконецъ, по особенностямъ нѣкоторыхъ мѣстностей, гдѣ, какъ напримѣръ, въ Туринскомъ, Тюменскомъ, Тобольскомъ, Березовскомъ Тарскомъ Томскомъ округахъ, и у предгорій Алтая крестьяне и инородцы занимаются звѣропромышленностью, а эти послѣдніе обложены ясакомъ въ натурѣ, т. е. соболями, лисцей и бѣлкой, какъ то: Вогулы, Остяки, Самоѣды— правительство отпускаетъ имъ по казенной цѣнѣ порохъ и свинецъ, съ самой ничтожной надбавкой процента за провозъ, доставляя имъ то и другое на мѣста ихъ жительства. А такъ какъ Вогулы Пелымскаго края живутъ охотой деревнями, всѣ крещены и не занимаются хлѣбопашествомъ, потому что мѣстность болотиста, но упражняются исключительно въ звѣроловствѣ и рыболовствѣ, то для нихъ учрежденъ особо отъ другихъ инородцевъ обширный центральный хлѣбный магазинъ, изъ котораго они берутъ хлѣбъ мукой (ржаной), по казенной цѣнѣ на все свое годовое продовольствіе. Тоже, съ нѣкоторыми измѣненіями (по непривычкѣ къ постоянно охотной жизни и къ ежедневному употребленію хлѣба) дѣлается и для Остяковъ и Самоѣдовъ въ Березовскомъ округѣ.

Расходы на государственныя, губернскія и волостныя повинности, для всей Западной Сибири составляли, по Высочайше утвержденному въ 27-й день декабря 1857 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, на трехлѣтіе съ 1857 по 1859 годъ включительно, всего въ сложности, 2,601,784 р. 78¹/₄ к. сер., а именно:

1) На государственныя повинности, постоянныя и временныя:

Въ годъ	} По Тобольской губерніи .	186,102 р. 24 ³ / ₄ к. с.
		} По Томской губерніи
	Итого	391,671 р. 20 ³ / ₄ к.
	А въ 3 года	1,175,013 р. 62 ¹ / ₄ в.

II) На губернскаѣ повинности, постоянныя и временныя:

Въ годъ	} По Тобольской губерніи	88,236 р. 7 ³ / ₄ к. с.
		} По Томской губерніи
Итого		
А въ 3 года		466,358 р. 40 ¹ / ₄

и III) На частныя волостныя повинности государственныхъ крестьянъ и инородцевъ, постоянныя и временныя:

По всей Западной Сибири въ годъ	160,070 р. 91 ³ / ₄ к.
А въ 3 года	480,212 р. 73 ³ / ₄

Что и составляетъ всего 2,601,784 р. 78¹/₄ к. с.

Расходъ этотъ покрывался: а) раскладкой съ торговцевъ, по свидѣтельствамъ гильдейскимъ и инымъ; б) раскладкой съ податныхъ лицъ городскихъ и сельскихъ; и в) особой раскладкой съ государственныхъ крестьянъ и инородцевъ, на ихъ частныя потребности, постоянныя и временныя. Сюда вошли и обѣ степныя области Семипалатинская и Сибирскія Киргизовъ, по ихъ городамъ и сельскимъ населеніямъ, кромѣ, разумѣется, Киргизовъ, потому что они не несутъ никакихъ земельныхъ повинностей, за исключеніемъ податной натуральной, т. е. подводъ, и то лишь для развѣздовъ подводственныхъ Окружнымъ Приказамъ лицъ по дѣламъ службы. Платящаго городского и сельскаго населенія въ Западной Сибири—купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ казенныхъ и горно-заводскихъ, инородцевъ и окладныхъ поселенцевъ изъ селынныхъ, считалось по этой росписи 725,366 ревиз. душъ, т. е. городского въ 25 городахъ 146,344 д., а сельскаго 578,822 души. Съ каждой ревизской души сходитъ въ Западной Сибири: подушной 3 р. 13 к. с., а на государственныя, губернскаѣ и волостныя повинности, постоянныя и временныя 1 р. 11¹/₂ к. с., всего 4 р. 26¹/₂ к. сер.,—цифра очень умеренная, если сравнимъ ее съ тягостями громаднхъ бюджетовъ Англїи и Франціи.

Мы уже сказали, что Сибирь донынѣ край новый, почти пустынный. Всѣхъ городовъ въ ней только 48, всѣхъ сельскихъ населеній (сель, деревень, погостовъ и проч.) только 11,564. Въ громадной Западной Сибири всего 23 городовъ, съ общимъ въ нихъ населеніемъ 146,544 ревиз. душъ. Значительнѣйшій изъ этихъ городовъ, красивѣйшій и богатѣйшій—это Томскъ съ 20,234 жителей. Второе мѣсто по населенію принадлежитъ Омску съ 18,729 ж. но по степени просвѣщенія въ массѣ жителей, по благоустройству, духу порядка и благочинія, онъ первый городъ въ Западной Сибири и даже въ цѣлой Сибири, лучше въ этомъ отношеніи и Иркутска. Тобольскъ имѣетъ 16,270 ж., но онъ нынѣ совсѣмъ упалъ, поводненія его раззорили; а торговля, промышленность, административная жизнь, даже почтовые сообщения, нашли себѣ другіе центры. Тюмень, съ 13,186 жит., идетъ прогрессивно въ торговлѣ, промышленности, заселеніи и устройствѣ; это городъ „живучій“, котораго будущность многообѣщающая. Барнаулъ, горный городъ и центръ главнаго управленія Алтайскими горными заводами съ 11,633 ж., тоже растетъ и устраивается прогрессивно; это впрочемъ общая доля для всѣхъ горныхъ городовъ и заводовъ казенныхъ: тутъ обиліе матеріаловъ и мастеровыхъ обязательная работа и строгая исполнительность, творятъ чудеса. Семипалатинскъ съ 7,628 ж. и Петропавловскъ съ 6,801 ж. — города портовые, т. е. прилинейные, и благодаря средне-азійской торговлѣ, богатѣютъ и обстраиваются замѣтно быстро. Изъ остальныхъ 18 городковъ только Ишимъ, при сильно развивающейся въ немъ его ярмаркѣ, имѣетъ прочную будущность и всѣ данныя прогресса. Остальные или центры административные или отжившіе свое время.

Нельзя требовать отъ городовъ Западной Сибири, еще столь мало развитыхъ при скудности населенія въ

край, больших городских доходов. Городское хозяйство развивается здѣсь очень медленно. Иначе и быть не можетъ. По послѣднимъ обнародованнымъ свѣдѣніямъ всѣхъ городскихъ доходовъ, во всѣхъ городахъ Западной Сибири, было въ 1857 году, всего 104,014 р. 64¹/₄ к. сер. а расходовъ 91,024 р. 74¹/₄ к. сер. и хотя запасный капиталъ ихъ простирался до 261,989 р. 48¹/₂ к. сер., за то недоимокъ числилось на нихъ 104,093 р. 20¹/₂ к. сер. По доходамъ и расходамъ первое мѣсто, (какъ по населенію и богатству) принадлежитъ опять Томску. Доходовъ по его росписи значилось 28,893 р. 49³/₄ к. сер., а расходовъ 23,969 р. 79¹/₄ к. сер., за то недоимокъ 18,624 р. 13 коп. сер. Какъ могла накопиться въ такомъ богатомъ и торговомъ городѣ, центрѣ жизненнаго движенія всей Сибири, какая либо недоимка? За то запаснаго капитала у него 127,173 р. 10 к. сер. Тобольскъ имѣлъ въ 1858 году: доходу 28,459 р. 82¹/₄ к. сер., а расхода 27,241 р. 49 к., за то недоимокъ было на немъ до 49,731 р. 30¹/₄ к. сер. при скудномъ запасномъ капиталѣ въ 11,649 р. 49¹/₄ к. сер. А тутъ пришло губельное наводненіе 1859 года, потопило, разрушило и смыло до 1500 домовъ, исковеркало мосты, мостовыя, тротуары, дороги, заметало канавы, насытило водой болота..... Можно себѣ вообразить, какъ это отзывается теперь на его хозяйствѣ! Тюмень въ прогрессѣ. Со времени послѣдне-обнародованнаго отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 годъ, она съ 10,023 р. 61³/₄ к. сер. дохода, достигла въ 1859 году, цифры 16,316 р. 47¹/₄ к. сер. доходу, недоимки ея ничтожны (8,000 р. с.) и хотя запасный капиталъ очень малъ (17,000 р. с.), но Тюменское градское общество богато, и на полезныя учрежденія всегда находитъ деньги. Всѣ остальные города имѣютъ скудные доходы, ниже цифръ нами приведенныхъ и только одно слѣдуетъ замѣтить: запасный капиталъ маленькаго Ишима 27,956 р. 78 к.

сер. при 2,342 жит. обоого пола. Это благодѣтельный результатъ его возникающей ярмарки.

Судоходство по Оби и Иртышу еще такъ мало развито, пристаней (въ настоящемъ значеніи этого слова) еще такъ мало, что это не долго остановитъ на себѣ вниманіе наблюдателя. На Иртышѣ есть пристани: въ Семипалатинскѣ, въ Коряковѣ (для солиной операціи) въ Омскѣ, Тарѣ, Тобольскѣ и въ селѣ Самаровскомѣ (самая важная изъ всѣхъ, центръ найма рабочихъ на рыбные промыслы, складочныхъ магазиновъ и проч.). На Оби нѣтъ ни одной порядочно оживленной пристани и все это ограничивается плаваніемъ рыболовныхъ судовъ, крытыхъ лодокъ, гонкой плотовъ и нѣсколькимъ парходами. Нельзя однако сказать, чтобы береговые жители Оби и Иртыша не имѣли охоты къ судоходству и даже судостроенію. Сибиряки вообще въ этому способны и любятъ водную стихію, но потребности еще такъ мало развиты, прогресса въ умѣхъ еще такъ мало, что ничто не принуждаетъ къ улучшеніямъ. Разительный этому примѣръ—сибирское пароходство. Сибирь изрѣзана всею огромными рѣками, имѣющими общее теченіе съ юга на сѣверъ; пространства огромны, потребности къ жизни и цѣны на припасы рѣзко различны, пути сообщенія сухопутные трудны и далеки,—чего бы казалось лучше и сподручнѣе пароходства? Сѣверо-Американцы, обладая Сибирью, давно бы покрыли ее сѣтью желѣзныхъ дорогъ, сотнями параходовъ на всѣхъ рѣкахъ и озерахъ, которыя подобно Байкалу,—огромныя внутреннія моря, естественные проводники торговли и прибрежныхъ сношеній,—а сибирское пароходство, послѣднія 18 лѣтъ, т. е. съ 1842 года, когда коммерціантъ—совѣтникъ Мясниковъ первый возымѣлъ мысль учредить по сибирскимъ рѣкамъ и Байкалу пароходство и получилъ на это привиллегію,—когда Европа и Сѣверная Америка, ушли въ этомъ на 100 лѣтъ впередъ Россіи, и до 1860 года еще доволь-

ствуется десяткомъ, много двумя десятками пароходовъ и частныхъ и казенныхъ, считая тутъ и пароходную Амурскую флотилію. А между тѣмъ на одномъ краю одной и той же губерніи хлѣбъ нищемъ и не знаютъ куда его сбыть, а на другомъ дорогъ и не знаютъ откуда достать. Доказательство малоразвитости понятій здѣшнихъ капиталистовъ! На Обьско-Иртышской системѣ, въ Западной Сибири, дѣйствуютъ донинѣ лишь 4 товарищества: Поклевскаго и К^о—для перевозки чаевъ, товаровъ и другихъ тяжестей между Тюменью и Томскомъ, по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, съ 4 пароходами не свыше 100 силъ каждый;—Рѣшетникова и К^о—для перевозки же хлѣба, камня, извести и проч., между Тюменью и сѣверно-уральскими заводами по Турѣ, Тоболу, Тавдѣ, Лозвѣ и Сосвѣ, съ 1 пароходомъ въ 80 силъ, но рейсы его еще не начались;—Рязанова и К^о для рыболовства и пароходства по Оби, съ однимъ пароходомъ въ 35 силъ, да и этотъ еще не ходитъ;—и Кузнецова и К^о—для плаванія по Балхашу и Илтѣ. Есть еще частный пароходъ на Томи и — все! Пароходству и судоходству нужны развитіе идей, предпримчивость, потребность передвиженія. Это—ихъ біеніе сердца. Не будетъ ровно и крѣпко биться это сердце акклиматизаціей пароходства, судоходства, рыболовства, искусственно основанныхъ на личныхъ выгодахъ, а не на сочувствіи массъ,—ничего не сдѣлаешь! Взглянемъ же на торговлю Западной Сибири и прежде всего на ея ярмарки.

Ярмарки въ Западной Сибири представляютъ то любопытное явленіе для наблюдателя, что они развиваются не по видамъ правительства, а на условіяхъ, надъ которыми безсильны руководство и указаніе власти. По заботамъ о ней,—первой ярмаркой во всемъ краю слѣдовало бы быть Тюменской. Мѣстность торговая, почтовая, пароходная, судоходная, обозная, даже промыш-

ленная и ремесленная; предприимчивость и торговый духъ жителей,—все этому, кажется, способствовало. Но Тюменская ярмарка, открытая 15 января 1843 года съ надеждой затмить Ирбитскую, какъ говорится по простонародному „не пошла.“ На первый разъ привезено было товара на значительную цифру 3,860,000 р. сер., продано на 1,030,000 руб. сер.,—данныя очень хорошия, но черезъ 13 лѣтъ въ 1858 году, эти цифры спустились на 199,300 р. привозу и лишь 74,300 продажи. Отчего такое паденіе? Оттого,—что ярмарки искусственно не создаются, а суть выводъ изъ дознанныхъ потребностей, направленія, основаннаго на опытѣ. Доказательство—громадный прогрессъ Ишимской ярмарки. Много было говорено тоже и о закрытіи Ирбитской ярмарки, о перенесеніи ея въ Тюмень. Это было бы необходимо для благосостоянія Россіи и Сибири, для развитія транзитной торговли между Европой и крайнимъ Востокомъ черезъ Сибирь. Какъ ни центральна Тюмень, какъ ни въ сторонѣ Ирбить,—купечество упрямо стоитъ на своемъ! Ирбить очевидно неудобна, въ сторонѣ отъ всего; а купцы не перестаютъ туда ѣздить! Но однако свобода торговли и избираемыхъ ею путей,—не должна-жь быть безусловна и вмѣшаться въ это дѣло когда-нибудь да придется-жь!

Примѣръ Ишима—разительное доказательство вышесказанному. Ишимъ—маленькій окружный городокъ Тобольской губерніи. Въ немъ въ настоящее время всего 499 домовъ, 2342 жит. и никогда не имѣлъ онъ никакого значенія. Но онъ стоитъ въ центрѣ хлѣбопашенныхъ и скотоводныхъ южныхъ округовъ, вблизи Киргизской степи и пограничнаго Петропавловска, откуда, какъ мы видѣли, выгоняется ежегодно рогатаго скота и барановъ внутрь края на милліоны;—онъ средоточіе многочисленныхъ салотопень и скотобоень; въ мѣстности его почти $\frac{2}{3}$ жителей всей губерніи (648,171 жит. въ

Омскомъ, Ишимскомъ, Курганскомъ и Ялуторовскомъ округахъ, по 10-й народной переписи) и ярмарка его (Никольская, 6 декабря, двухнедѣльная) поднялась въ 1858 году на 2,661,063 р. с. привозу, съ 2,417,780 р. с. продажи, т. е. продано почти все безъ остатка, и на эту ярмарку съѣхались не только изъ столицъ и внутреннихъ губерній, но и изъ Таганрога и Одессы! Тѣсно, неудобно, товары лежатъ горами не только на дворахъ, но и на улицахъ; прѣвзжіе тѣсняется не только въ домахъ, но и въ избахъ, даже въ баняхъ, а прѣвздъ растеть,—значить потребность есть настоящая, не спрашивающаяся у власти и закона; и сало, масло, кожи, щетина, поднимуть конечно Ишимскую ярмарку, разовьютъ ее въ широкихъ размѣрахъ, потому что тутъ центръ закупки жирнаго товара, который привлечетъ и сбытъ фабричныхъ издѣлій.

Западная Сибирь вообще очень богата мелкими ярмарками и торжками. Въ этомъ она превосходитъ лучшія и просвѣщеннѣйшія губерніи внутренней Россіи. На населеніе въ 2,116,138 жит. приходится здѣсь 118 ярмарокъ, изъ которыхъ въ Тобольской губерніи въ 1 губернскомъ городѣ,—7 окружныхъ и 1 заштатномъ, да въ 33 селеніяхъ,—всего въ 42 мѣстностяхъ 75 ярмарокъ. Въ 1858 году привезено было на нихъ товара на огромную сумму 7,332,688 р. сер., т. е. $\frac{1}{2}$ оборота всей Ирбитской ярмарки, а продано на 4,399,902 р. сер.,—цифры изумительныя, если вспомнимъ, что онѣ относятся къ почти пустынной губерніи сибирской, съ населеніемъ въ 1 миллионъ жителей, включая и бродячія племена, а съ пространствомъ, въ которомъ умѣстятся просторно двѣ Австрійскія имперіи! Сверхъ того на еженедѣльныхъ зпмнихъ субботнихъ торжкахъ въ городахъ и людныхъ торговыхъ слободахъ и селахъ, бываетъ иногда до 5000 человекъ и болѣе съѣзда, съ цифрой привоза и закупки на десятки тысячъ руб. сереб., въ

особенности сала, масла, кожъ, холста, мяса, рыбы и проч. Въ Томской губерніи 38 ярмарокъ, а въ степныхъ областяхъ 3, но онѣ уступаютъ ярмаркамъ Тобольскимъ. Въ Маріинскѣ, Томскѣ, Нарымѣ, Бійскѣ, Кузнецкѣ торгуютъ хорошо красной рыбой, орѣхами, медомъ, воскомъ, пыщипной. Наконецъ, около Петропавловска, на районѣ 200 верстъ издавна установленъ обычаемъ гигантскій скотопригонный базаръ, куда сгоняютъ рогатый скотъ, барановъ и лошадей, не только со всей Киргизской степи, но изъ глубины Средней Азіи.

Отъ ярмарокъ естественъ переходъ къ торговлѣ, какъ отъ части къ цѣлому. По свѣдѣніямъ за 1858 годъ число купеческихъ капиталовъ простиралось во всей Западной Сибіри до 989, торгующихъ по крестьянскимъ свидѣтельствамъ было 873 человека, прикащичьихъ свидѣтельствъ выдано 3814. Всего торгующаго сословія было 3676 чел. Изъ нихъ по 1-й гильдіи числилось 26 (въ Тобольской губерніи 19, въ Томской — 7); по 2-й гильдіи 82 (въ Тобольской 34, Томской 36, Семипалатинской области 12); по 3 гильдіи 881 (въ Тобольской 406, Томской 363, въ обоихъ степныхъ областяхъ 113). Въ массѣ капиталы эти далеко не могутъ равняться съ капиталами въ Восточной Сибири, гдѣ, напримѣръ, въ одной Иркутской губерніи 37 купцовъ 1-й гильдіи — домовъ старинныхъ, каковы Трапезниковы, Медвѣдниковы, которые могутъ купить и выкупить всѣхъ торговцевъ здѣшнихъ, нѣтъ; но маленькіе капиталы многочисленнѣе въ Западной Сибири, нежели въ Восточной, да и число ихъ годъ отъ году быстро возрастаетъ. Толчекъ, данный салотопленіемъ южнымъ округамъ Тобольской губерніи, породилъ здѣсь новую отрасль торговли, на которой зиждятся непрерывно порядочные капиталы; и теперь много крестьянъ выходятъ не только въ 3-ю гильдію, но и прямо во 2-ю. Что же касается линейной пограничной торговли съ Китаемъ и средней Азіи-

ей, то и она въ прогрессѣ. Въ 1837 году привезено на 6,047,347 р. сереб., отпущено на 3,838,867 р. с. Главныя статьи привоза—чай и хлопокъ.

Банки и сберегательныя кассы еще туго прививаются къ Сибири, хотя нигдѣ бы они ни были полезнѣе и настоятельно необходимѣе. До сихъ поръ, въ цѣлой Сибири, только два общественныхъ банка: Сибирскій въ Томскѣ и Медвѣдниковой въ Иркутскѣ. Оборотный капиталъ Томскаго банка простирается до 303,868 р. сер., въ Иркутскомъ банкѣ 86,000 р. серебр. Польза учрежденія городскихъ банковъ очевидна, особенно въ Сибири, столь отдаленной отъ правительственныхъ кредитныхъ установленій; между тѣмъ съ удивленіемъ видимъ, что богатая Тюмень, Енисейскъ, Красноярскъ, Петропавловскъ, Кяхта не имѣютъ городскихъ банковъ. Сберегательная касса открыта въ 1837 году и при Иркутскомъ Приказѣ общественнаго призрѣнія, но ни въ Восточной, ни въ Западной Сибири это еще вовсе не входитъ въ нравы народа. Чтобы показать на осязательномъ опытѣ, какия еще отсталыя понятія имѣютъ здѣсь о своей даже личной выгодѣ, въ кредитныхъ операціяхъ, приведемъ то, что случилось въ Tobольскѣ съ 3% билетами. Въ Tobольскомъ Приказѣ общественнаго призрѣнія состояло 1-го ноября 1839 года капиталовъ, внесенныхъ на извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, всего 328,300 р. 84³/₄ к. с. отъ 433 вкладчиковъ. Кажется, что лучше взять—3% или 2%,—это ясно, какъ дважды два—четыре, а между тѣмъ только 20 человекъ изъ 433 явилось желающихъ перемѣнить свои билеты на сумму 24,000 р. сер. При такой неподвижности, когда тутъ дождешься не только сберегательныхъ кассъ для крестьянъ, но и городскихъ банковъ, для мелкихъ купцовъ и мѣщанъ? А вспомогательныя кассы для крестьянъ не менѣе для нихъ необходимы, какъ и приученіе ихъ къ сбереженію. А страхованіе отъ пожара, отъ

града, отъ скотскихъ падежей,— этого бича Сибири,— объ этомъ еще здѣсь и понятія не имѣютъ! Тобольскъ, Томскъ, Тюмень горятъ, а домовладѣльцы апатически на это смотрятъ, имѣя агентовъ страховыхъ отъ огня обществъ у себя дома. Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ акціонерныхъ компаніяхъ. До сихъ поръ въ цѣлой Сибири только 2 акціонерныхъ компаніи: знаменитая Россійско-Американская компанія, основанная въ 1799 году, съ капиталомъ въ 1,122,000 р. сер., число акцій которой простирается нынѣ до 7,484, въ номинальную цѣну 150 р. сер. давшихъ по 18 р. сер. дивиденду, т. е. 12 процентовъ. Она владѣтъ островами и частью прибрежья оконечности Сѣверной Америки, промышленяеть ловлей пушнаго звѣря и торговлей съ Китаемъ. Это старѣйшая компанія въ имперіи и самая прочная. Второе акціонерное общество въ Сибири,—это тоже много общающаяся Амурская торговля компанія, основанная въ 1858 году, съ капиталомъ въ 3,000,000 р. сер., число акцій которой простирается нынѣ до 8000, въ номинальную цѣну 250 р. сер. И такъ — вотъ и все! А между тѣмъ сколько предметовъ вызываютъ здѣсь духъ предпріимчивости. Горно-заводское дѣло въ странѣ, гдѣ мѣдъ, желѣзо, свинецъ такъ нужны, а его вовсе почти нѣтъ, тогда какъ Алтай и Киргизская степь,—мы это видѣли,—кишатъ рудами; рыбопромышленность на Оби и въ особенности сельденая, которая могла бы наводнить всѣ русскіе рынки;—обработка животныхъ веществъ въ неистощимой сокровищницѣ всѣхъ южныхъ округовъ, какъ-то: заводы кожевенные, стеариновые, мыловарные, что все пойдетъ на милліоны въ Сибирь, а между тѣмъ берется въ три-дорога въ Ирбиги и Тюмени, самаго низкаго качества;—широкое пароходство, даже желѣзная дорога между Нижнимъ и Тюменью, все бы это могло осуществиться..... Но что дѣлать съ Екатеринбургомъ, Тюменью, даже Казанью, гдѣ есть милліоны, а нѣтъ

прогресса въ мысляхъ?... Обратимся къ сибирской промышленности.

Торговля и мануфактурно-заводская дѣятельность двигаются, конечно, огромными капиталами; но кормилица ихъ, не только у насъ, но и въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы,—скромная промышленность—неутомимая работница, день и ночь безъ усталы трудящаяся! Гляди на промышленность въ Западной Сибири, нельзя не порадоваться душевно. Она искупаетъ всѣ тяжкія думы, возбужденныя апатіей и застоємъ капиталистовъ! Что только повуда можно, безъ науки и техники, безъ искусства и капиталовъ, извлекать изъ богатыхъ источниковъ мѣстныхъ,—извлекается простымъ народомъ умно и разчетливо. Тюмень тчетъ простые ковры, выдѣлываетъ кожи, занимается гончарнымъ производствомъ; Ялуторовскъ славится шерстяными, льняными и древесными издѣліями; Курганъ—салотопеннымъ, свѣчнымъ, мыловареннымъ, картофельно-паточнымъ и крупчатнымъ производствомъ; Ишимъ и Петропавловскъ—ярмарочною и погранично-мѣнною торговлей; Каинскъ—торговлей коробочной; Томскъ—обозничествомъ; Туринскъ—иконописаніемъ и слесарными издѣліями; Пелымъ, Березовъ, Обдорскъ, Сургутъ и Нарымъ—звѣринымъ и рыбнымъ промыслами; Тара, Кузнецкъ и Бійскъ—пчеловодствомъ; Семипалатинскъ—чайно-китайской торговлей;—однимъ словомъ, сельское и городское населеніе Западной Сибири много трудится; а если въ помощь къ этому прекрасному трудолюбію не являются еще, чтобы просвѣтить его и направить, капиталъ и наука,—то это, конечно, при нынѣшнемъ движеніи впередъ и самой Россіи, и здѣсь не замедлитъ.

Значительныхъ по обороту и по качествамъ издѣлій фабрикъ и заводовъ частныхъ въ Западной Сибири вовсе нѣтъ. Алтайскіе заводы принадлежатъ Кабинету Его Величества и высоко-художественныя произведе-

нія ихъ гранильной фабрики не могутъ быть достояніемъ общимъ. Лишь на Алтайскихъ горныхъ заводахъ наука и техника дружно идутъ рука объ руку впередъ съ производствомъ металлическимъ и гранильнымъ, принимая всѣ усовершенствованія по своей части, какими такъ богата современная Европа. Это просвѣщенное, прогрессивное управленіе—свѣтлая точка въ общей тьмѣ здѣшнихъ фабрикъ и заводовъ. Была казачья суконная фабрика въ Омскѣ (нынѣ упразднена), для выдѣлки простыхъ суконъ на войсковыя потребности, но она нынѣ закрыта. Есть писчебумажныя фабрики въ Тобольскѣ и Туринскѣ, стеклянный заводъ въ Ялуторовскѣ, свеклосахарный—около Зыбиногорска; табачная фабрика въ Омскѣ; до 95 кожевенныхъ заводовъ въ Тюмени, центръ кожевеннаго производства всей Западной Сибири; и наконецъ салотопни, мыловарни, свѣчные заводы, картофельно-паточное и проч.,—но все это ограничивается самой незатѣливой выдѣлкой и собственно для мѣстныхъ потребностей. Лишь кожи идутъ въ Среднюю Азію, а сало къ Петербургскому порту. Въ 1836 году Тобольская губернія выработала однако всякаго рода издѣлій на 1,150,180 р. сер., Томская (включая и Семипалатинскъ)—на 199,472 р. сер., всего на 1,349, 652 р. с. Конечно, $\frac{3}{4}$ этой производительности приходится на долю салотопень и кожевень, но все-таки охота къ труду есть, прогрессъ ясно видѣнъ, а итогъ превышаетъ даже производительность 25 русскихъ губерній.

Пути сообщенія сдѣлались нынѣ настоятельно необходимою въ государствѣ, и великое начало этой необходимости уже положено въ 1837 году Главнымъ Обществомъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, а въ 1838—1839 годахъ—линіями: Волжско-Донской, Рижско-Динабургской, Ярославско-Московской и Саратовско-Московской. Сибирь покуда не причастна этому благодѣтельному пробужденію Россіи; въ ней даже и государственнаго

шоссе еще нѣтъ; но почтовые ея дороги содержатся лучше русскихъ, гоньба на нихъ быстрой и аккуратней, нежели во внутреннихъ губерніяхъ. Конечно, можно бы пожелать большаго, хотя бы обращенія праздныхъ рукъ съсыльно — поселенцевъ на дорожныя работы Сибирскаго края;—устройства, хотя постепеннаго конечно, и безъ дорогъ сооруженій техническихъ, Сибирскаго шоссе отъ Тюмени въглубь Сибири; но страна огромна, разстоянія страшно велики; и невозможностей тутъ до времени болѣе, нежели возможностей. Времени устроить, конечно, и въ этомъ отношеніи богатый край Сибирскій.

И просвѣщеніе еще въ началѣ въ Сибири. Во всѣхъ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ состояло до 1 января 1859 года, по вѣдомству народнаго просвѣщенія, только 3 гимназій, 21 уѣздное училище, 54 приходскихъ и 3 частныхъ пансіона,—всего 81 заведеніе съ 256 учащими и 4,177 учащимися. Конечно, сюда не вошли духовныя, военныя и горныя учебныя заведенія, почтовое въ Тобольскѣ, институтъ, высшая женская школа (Маріинская въ Тобольскѣ), училища для дѣвочекъ и дѣтскіе пріюты;—но ихъ еще очень мало, и общій итогъ все-таки крайне ничтоженъ. Въ Тобольской губерніи, на примѣръ, на 1,013,418 ж. о. п. (по 10-й народной переписи) было къ 1-му января 1859 года всѣхъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, только 164 съ 4,885 учащимися. Но справедливо замѣтить, что Сибирь не отстала и въ этомъ отношеніи отъ Россіи. Въ 31 русской губерніи процентъ учащихся одинаковъ съ Тобольскимъ. Нынѣ предполагено открыть гимназію въ Омскѣ и институтъ благородныхъ дѣвицъ (Сибирскій-Маріинскій, — на капиталъ, пожертвованный незабвеннымъ патріотомъ-негоціантомъ Федотомъ Поповымъ) въ Томскѣ. Приходскихъ училищъ въ Западной Сибири еще очень мало. Въ Тобольской губерніи 14, въ Томской 8. Но есть однако и русскія губерніи, въ которыхъ цифра

эта не многимъ болѣе. Замѣчательно, что въ сосѣдствѣ съ Сибирью, въ Казанской губерніи. 482 приходскихъ училища, а въ Вятской 126. Эти любопытныя сближенія показываютъ, какъ еще не равномерно развивается у насъ грамотность.

Университетъ — настоятельная потребность Сибири. Здѣсь постоянный недостатокъ въ лекаряхъ, учителяхъ, юристахъ, аптекаряхъ, ветеринарахъ, повивальныхъ бабкахъ. Часто цѣлыя округа ждутъ помногу лѣтъ штатнаго врача. Вольныхъ аптекъ почти нѣтъ. Въ огромной Западной Сибири, на 23 ея городовъ, ихъ всего 5,—въ Тобольской губерніи 4, въ Томской 1. Университетъ могъ бы пособить всему этому и дать умственный толчекъ краю; а чрезъ умственный толчекъ — и ходъ предприимчивости торговой, фабричной и заводской, на началахъ наукъ коммерческихъ и техническихъ, на началахъ истиннаго и мѣстно-примѣнимаго просвѣщенія. Сибирскому университету можно бы было дать особое устройство, т. е. факультеты медицинскій, юридическій, филологическій и коммерческо-техническій. Тьеровъ и Гизо ему еще пока не нужно. Въ Западной Сибири нѣтъ ни одной книжной лавки и ни одной вольной типографіи. Въ цѣлой Сибири одна только книжная лавка въ Иркутскѣ. Во всемъ краю одна только, и то съ 1838 года открытая, публичная библіотека (въ Тобольскѣ), а между тѣмъ, Томскъ и Тюмень — обширные и богатые города; пора бы и имъ заготовить публичными библіотеками. Периодическая литература ограничивается во всей Сибири губернскими вѣдомостями въ Тобольскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ и Иркутскѣ, впрочемъ хорошо редактируемыми и наполненными драгоценными свѣдѣніями о столь малоизвѣстномъ Сибирскомъ краѣ. Губернскія вѣдомости (еженелѣльная тетрадь въ 4 д. листа) начали издаваться въ Сибири только съ 1857 года; до того времени Сибирь не имѣла даже и этого,

столь необходимаго для администраціи и для частныхъ лицъ органа. Между тѣмъ, охота къ чтенію видимо развивается и въ здѣшнемъ краѣ среди массъ, нисходи даже въ округи мѣщанскій и грамотно-крестьянскій. Въ Сибири всѣ мѣщане грамотны, за очень малыми исключениями, и то старыхъ людей. Много есть грамотныхъ и между крестьянами, изъ которыхъ достаточные отдають дѣтей своихъ, какъ выражаются они „въ науку“, иногда церковно-служителямъ, но большею частью ссыльно-поселенцамъ. Купцы всѣ грамотны. Нынѣшнія поколѣнія, въ городахъ гдѣ есть уѣздныя и приходскія училища— почти всѣ уже переходить чрезъ уѣздный курсъ; малое число ограничивается приходскимъ курсомъ; многіе поступаютъ даже своекоштными пансіонерами въ гимназіи и отправляются на свой счетъ и въ университеты. Для дѣвочекъ (кромѣ института въ Иркутскѣ), собственно въ Западной Сибири, есть уже нѣсколько вновь открытыхъ школъ въ разныхъ окружныхъ городахъ края и Маріинская Тобольская школа, хорошо содержимая и хорошо управляемая. Дай Богъ и далекой Сибири того же благодатнаго умственнаго пробужденія, которое нынѣ снизошло на Россію! Новыя начала эти принесуть и сюда любовь къ умственнымъ занятіямъ, единую истинно благородную, истинно полезную, никогда не надѣдающую, добрую спутницу человѣка во всѣхъ невзгодахъ и случайностяхъ земной жизни.

Богоугодныхъ заведеній Приказовъ общественнаго призрѣнія (Тобольскаго и Томскаго) довольно много, соображая ихъ скудные средства. Въ Тобольской губерніи есть воспитательный домъ и больница Приказа, домъ умалишенныхъ и богадѣльня,— все это въ самомъ Тобольскѣ; градскія больницы:—въ Березовѣ, Ишимѣ, Курганѣ, Омскѣ, Сургутѣ, Тарѣ, Туринскѣ, Тюмени; всего 14 заведеній, въ которыхъ призрѣвалось 1867 лицъ об. п. Въ Томской есть отдѣленіе воспитательнаго

дома, больница, домъ умалишенныхъ и богадѣльня,—все это въ самомъ Томскѣ; градскія больницы—въ Каинскѣ и Нарымѣ. Алтайскіе горные заводы имѣютъ свои заводскіе госпитали. Итого въ Томской губерніи 6 заведеній, съ 225 призрѣвавшимися обоюга пола. Всѣхъ оборотныхъ суммъ было: въ Тобольскомъ Приказѣ 1,964,460 р. 51 к. сер., а въ Томскомъ 1,279,553 р. 84 к. сер. Скоропостижно умершихъ исчислено: по Тобольской губерніи 319, по Томской 215. Оспа привита была: въ Тобольской губерніи 19,384 младенцамъ—250 оспопрививателями, въ Томской—22,936 младенцамъ—108 оспопрививателями; въ областяхъ: Сибирскихъ Киргизовъ 848, а въ Семипалатинской 2,408, всего 43,576 мл. (Алтайскіе заводы и подвѣдомственные имъ крестьяне имѣютъ своихъ оспопрививателей). Недавно предположено учредить въ окружныхъ городахъ нѣчто въ родѣ вольныхъ аптекъ, изъ центральныхъ казенныхъ запасовъ и подъ наблюдениемъ городского врача, съ цѣлью доставленія и бѣднымъ людямъ средствъ покупать лекарства за сходную цѣну. Мысль похвальная, человеколюбивая и просвѣщенная. Желательно бы было, чтобы и мысль учрежденія центральныхъ домовъ для умалишенныхъ, на началахъ современной врачебной науки въ Европѣ, была примѣнена и къ Сибири, учреждениемъ одного центрального заведенія для всего края, въ Томскѣ, особливо, если въ немъ будетъ со временемъ сибирскій университетъ. Градскія больницы, какъ и вообще всѣ богоугодныя заведенія сибирскія, еще далеки отъ прогресса, конечно, но содержатся опрятно и въ порядкѣ; большаго, по скудности средствъ Приказовъ, нельзя отъ нихъ и требовать. Да и слѣдуетъ сказать, что и необходимости въ подобныхъ заведеніяхъ (кроме центрального дома умалишенныхъ) еще въ Сибири не чувствуется настоятельно. Сибирскій климатъ вообще здоровъ, эпидеміи здѣсь явленіе чрезвычайно рѣдкое. Cholera не-

прерывно съ 1831 года опустошающая Россію, была здѣсь только 2 раза—въ 1848 и 1853 годахъ, да и то не распространилась далѣе Оби, съ малою притомъ смертною (кромя Тобольска, гдѣ въ 1848 году умерло до 1000 человекъ, т. е. $\frac{1}{12}$ тогдашняго населенія). Обычныя же здѣсь болѣзни: горячки простуднаго свойства, кровавый поносъ отъ холоднаго питья въ лѣтніе жары, тифъ; даже самая сибирская язва, дѣйствуетъ въ очень слабой степени. Въ 1857 году всѣхъ заболѣвшихъ эпидемически было въ Тобольской губерніи 92, въ Томской 21; изъ нихъ умерло въ 1-й—9, а во второй—6. Цыфры совершенно ничтожныя. Цынга, оспа и сифилисъ свирѣпствуютъ, это правда на крайнемъ сѣверѣ, въ Березовскомъ и Томскомъ округахъ, между остяками, самоѣдами и тунгусами, но тутъ мѣстныя причины: болота, тундры, жестокіе холода, невозможность по громадности разстояній подачи медицинскаго пособія, самый кочевой образъ жизни этихъ гиперборейскихъ дикарей. Ниже же 62° сѣв. шир., даже въ Березовѣ,—населеніе крѣпкое, здоровое, долговѣчное. Сибирь—край сытый, тепло обутый и одѣтый, удобно-обстроенный; сибиряки имѣютъ много сходства съ сѣверо-американцами,—народъ неутомимо-дѣятельный, трудолюбивый, воздержный (хоть иногда и поневолѣ, ибо разстоянія между винопродажами велики); и въ суммѣ здоровье народное неизмѣримо удовлетворительнѣе здѣсь, нежели въ Россіи.

Преступленія въ Сибири невыходили бы изъ общей нормы преступленій во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ (ибо нравственность простаго народа и здѣсь, благодаря Бога, еще не испорчена), но они здѣсь многочисленнѣе отъ мѣстныхъ причинъ. Сибирь—страна ссылки! Каторжные и поселенцы широко разносятъ идеи и стремленія порочныя, бродяжничаютъ постоянно какъ приливъ и отливъ океана; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сибирскихъ, по особенностямъ ихъ географическаго положенія, за-

раждаются еще и туземные источники зла, которые уже проистекаютъ отъ коренныхъ жителей края. Такъ въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи конокрадство принимаетъ годъ отъ году обширнѣйшіе размѣры; ибо сосѣдство степи, Оренбургской и Пермской губерній, Тюмени и Ирбита, представляютъ этому преступленію самые благопріятные случаи. Въ сѣверныхъ округахъ обѣихъ губерній развито корчемство, потому что сидка хлѣбнаго вина въ дремучихъ тайгахъ и болотахъ, непроходимыхъ для немѣстнаго жителя, очень удобна. На Омской линіи усилилось корчемство солью, изъ вѣшнихъ и внутреннихъ соляныхъ озеръ, которыхъ насчитывается до 90. Но число содержащихся подъ стражей въ 15 тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства (2 губернскихъ, 1 областной и 120 окружныхъ) въ крѣпостяхъ, гауптвахтахъ, арестантскихъ ротахъ, въ 3 винокуренныхъ заводахъ, не превосходитъ 8000 л. об. п. Конечно, это было бы много на 2,000,000 жителей; но лѣтомъ сюда сходятся бродяги съ цѣлой Сибири и тюрьмы до того бываютъ набиты, что въ одной Тобольской (гдѣ притомъ сходятся и партіи ссыльныхъ съ цѣлой имперіей) бываетъ иногда свыше 2000 л. о. п. Тюрьмы въ Западной Сибири очень хороши, въ особенности обширная Тобольская, съ церковью, больницей и дѣтскимъ приютомъ. Къ тому же заботливость генерала Гасфорда, обратилась, въ его девятилѣтнее управленіе, и на этотъ важный предметъ. При немъ воздвигнуты постепенно во всѣхъ городахъ каменные, трехъ-этажныя, крытыя желѣзомъ и обнесенныя каменной же стѣной тюрьмы, по нормальному однообразному плану, удобному и достаточному для мѣстныхъ потребностей. Вообще тюремная часть здѣсь въ явномъ прогрессѣ, и попечительные комитеты съ ихъ отдѣленіями, — тоже. Въ этомъ они далеко опередили русскія учрежденія этого рода, которыя, какъ видно изъ отчета за 1838 годъ, все еще въ очень неудовлетворительномъ положеніи.

Завоеватели,—съ Ермака, а послѣ нихъ переселенцы, водворяясь шагъ за шагомъ въ Сибири, съ оружіемъ и гражданственностью рука объ руку, и все вглубь края подвигаясь, раздвинувъ нынѣшнія границы Западной Сибири отъ предгорій Урала до Енисея, Западнаго Китая и Средней Азіи,—всюду оставили и оставляютъ донынѣ осадокъ своего племени—русскаго кореннаго, большею частью выходцевъ изъ срединной Россіи. Отъ Тюмени, у предгорій Урала до Алматъ, у предгорій Небеснаго хребта, русское племя вездѣ подавило нынѣ племена туземныя и придаетъ всему краю фізіономію чисто русскую, въ такой странѣ, гдѣ туземнаго историческаго давно и слѣдовъ не осталось! Однако сословія, составляющія это племя, во многомъ разнствуютъ нынѣ отъ сословіи внутренней Россіи и придаютъ жизни сибирской много отличія отъ жизни русской. Въ Сибири помѣстнаго дворянства нѣтъ, дворянскихъ выборовъ нѣтъ, господскихъ крестьянъ нѣтъ, господскихъ заводовъ и фабрикъ нѣтъ, фабричныхъ населеній нѣтъ (ибо Алтай и Нерчинскъ на горно-военномъ положеніи, и въ сравненіе идти не могутъ). Купцы и мѣщане сибирскіе, въ образѣ жизни и понятіяхъ не отличаются отъ чиновниковъ и вовсе не похожи на русскихъ купцовъ и мѣщанъ. Наконецъ городское и сельское духовенство сибирское во многомъ разнствуетъ отъ духовенства русскаго. Начать съ того, что монастырей въ Сибири, очень мало: мужскихъ 14, женскихъ 2. Въ Западной Сибири—мужскихъ 3, женскихъ 1; а, такъ называемыхъ въ Россіи, женскихъ общинъ во всемъ краю нѣтъ. Въ цѣлой Сибири церковей насчитывается только 3187. Въ самой многочисленной губерніи Тобольской, въ центрѣ торговаго и промышленнаго движенія всего края—всего 63 церкви на 12 городовъ, да 470 церковей на 9 округовъ, съ 1 слѣшкомъ милліономъ богатаго населенія. Сибиряки въ податныхъ сословіяхъ,—народъ чисто прак-

тичeskій, гоняющійся непременно за житейскимъ. Въ монастыри поступаютъ очень рѣдко и особенной набожности въ нихъ незамѣтно. Въ теченіи 278 лѣтъ съ покоренія Сибири, она дала только четырехъ архипастырей святительскимъ кафедрамъ цѣлой имперіи: Іоаннія Павлуцкаго (изъ сибирскаго дворянскаго дома Павлуцкихъ), родившагося въ Тобольскѣ въ 1699 году, а въ 1761 назначеннаго епископомъ Воронежскимъ и скончавшагося въ 1763 году, Михаила II (въ мѣръ священника Матвѣя Бурдукова), архіепископа Иркутскаго, — съ 1814 по 1830 годъ; нынѣшнихъ: Иннокентія (въ мѣръ протоіерея Іоанна Веніамінова) архіепископа Камчатскаго и Іону, бывшаго епископа Екатеринбургскаго, викарія Пермской епархіи. Изъ архіереевъ сибирскихъ канонизированъ донинѣ только св. Иннокентій, епископъ и чудотворецъ Иркутскій; а ублажаются за святость жизни митрополиты: Филофей Лещинскій (въ схимѣ Теодоръ), апостоль сѣвера Сибири, и Іоаннъ Максимовичъ. Всѣ трое были современны Петру Великому.

Сибирское бѣлое духовенство несравненно социальнѣе, образованнѣе и развязнѣе духовенства русскихъ губерній. Причины тому слѣдующія. Что ни говорятъ въ настоящее время о сближеніи духовенства съ дворянствомъ въ Россіи, о его настоятельной необходимости для дружныхъ и совокупныхъ дѣйствій на развитіе крестьянъ, этого сближенія никогда не было, и вѣроятно еще на цѣлое столѣтіе впередъ, не будетъ. Хотя помѣщичьи крестьяне перестанутъ отнынѣ быть крѣпкими землѣ, но дворянство все-таки останется высшей поземельной властью въ государствѣ, и привычки его, взглядъ на людей и отношенія свои къ прочимъ сословіямъ, еще долго не измѣнятся. Не почеркомъ пера передѣлаешь на популярный ладъ такое исторически—могущественное сословіе; и долго, долго еще чисто русскій помѣщикъ и русскій священникъ не станутъ на ту ин-

тимную ногу, полную взаимной доверенности и равенства, на которой стоятъ теперь землевладелецъ католическій съ своимъ аббатомъ, и протестантскій съ своимъ пасторомъ, не только въ Европѣ, но и у насъ, въ польскихъ и остзейскихъ губерніяхъ. Католицизмъ и протестантизмъ, изъ него исшедшій, имѣютъ въ своей основѣ классическую древность, воспитаніе социальное и гуманное, не чуждое никакихъ сторонъ политическаго быта народовъ воспитаніе одинаковое и для герцога и для приходскаго священника. Отъ того и идеи ихъ тождественны, обмѣнъ идей этихъ для нихъ легокъ и въ обществѣ они не тяготеютъ другъ другомъ. Не то видимъ донинѣ въ Россіи. Наше семинарское образованіе (ибо изъ духовныхъ академій мало идутъ въ священники) во первыхъ, далеко не удовлетворяетъ условіямъ европейскаго просвѣщенія, а во вторыхъ, рѣзкая отчужденность, существуя между отцами, отражается и на дѣтяхъ. Съ самыхъ игръ дѣтскихъ, съ самаго, такъ сказать, первоначальнаго воспитанія душа, поповичъ и дворяничекъ уже чужды другъ другу, времени и забавъ не дѣлятъ вмѣстѣ. И если баринъ живетъ самъ въ помѣстьѣ, онъ и его семейство знаютъ священника лишь по требамъ церковнымъ, никогда далѣе. Въ русскихъ городахъ тоже самое. Въ Сибири же помѣстнаго дворянства вовсе нѣтъ. Здѣсь бѣлое духовенство—священникъ и дьяконъ съ ихъ семействами,—какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, всегда и при каждомъ случаѣ находятся въ высшемъ кругу общества; въ городѣ—съ мѣстнымъ начальствомъ и купечествомъ, въ деревнѣ—съ земскими и заѣзжими чиновниками. Отъ того они и развязнѣе, и удобнѣе принимаютъ обмѣнъ идей, и желаніе знакомиться съ тѣмъ, что дѣлается „въ свѣтѣ“, у нихъ живѣе. Наконецъ, къ чести сибирскаго духовенства слѣдуетъ добавить, что оно и въ городѣ, и въ селѣ, живетъ всегда прилично, и дома, и за порогомъ дома, одѣвается

какъ слѣдуетъ и занимается своими прямыми обязанностями. Даже церковнослужители сибирскіе образованнѣе русскихъ.

Въ Сибири нѣтъ помѣстнаго дворянства. Въ ея 4 губерніяхъ и 6 областяхъ, всего только 153 помѣщика, владѣющихъ крѣпостными людьми безъ земли (дворовыми) и съ землею (крестьянами). Изъ этого, едва замѣтнаго, или, точнѣе сказать, вовсе незамѣтнаго въ столь обширномъ краѣ дворянскаго сословія, на Западную Сибирь приходится: въ Тобольской губерніи 91 лицо, въ Томской 44, въ Семипалатинской области 2. Эти сибирскіе помѣщики—потомки выѣхавшихъ въ разныя времена въ Сибирь на службу дворянъ русскихъ, которые вывели съ собою и своихъ крестьянъ. Жалованныхъ помѣстій въ Сибири нѣтъ; но жалованныя встарину земли есть, однако въ очень маломъ количествѣ. Самыя значительныя по количеству десятинъ жалованныя земли, въ цѣлой Сибири, принадлежатъ нынѣ только двумъ дворянскимъ родамъ—Туринскаго воеводы Панаева, въ Тобольской губерніи, и Албагинскаго воеводы Бейтона, въ Забайкальской области. Общее число крѣпостныхъ людей въ Западной Сибири простирается нынѣ: въ Тобольской губерніи—дворовыхъ 122, крестьянъ 1092. Это высшая цифра помѣщичества въ цѣлой Сибири. Въ Томской—дворовыхъ 68, крестьянъ 170. Въ Семипалатинской области—дворовыхъ 32. Всего же безъ земли и съ землею 1484 души ревизскихъ. Сверхъ того въ Тобольской губерніи приписано къ двумъ писчебумажнымъ фабрикамъ 55 душъ. Изъ числа этихъ 1484 душъ довольно значительныхъ помѣщиковъ отъ 100 до 500 душъ—только 3, съ 623 крестьянами;—остальные помѣщики очень мелки. Высочайшимъ повелѣніемъ 15 іюля 1858 года уже предоставлено генераль-губернаторамъ обѣихъ частей Сибири составить правила улучшенія быта и здѣшнихъ крѣпостныхъ людей, примѣни-

тельно, сколько это можно, къ началамъ, принятымъ для Россіи. Горсть этихъ людей всюду въ Сибири въ жалкомъ положеніи, особенно дворовые... Какъ наблюсти за такимъ малымъ числомъ на страшныхъ пространствахъ сибирскихъ, да и будетъ ли у „наблюдателей“ достаточно безпристрастія, когда и въ Россіи дѣло надзора и разбора взаимныхъ жалобъ такъ трудно? Это говоримъ не мы, а личный опытъ, человѣколюбіе и справедливость!

Переходимъ къ чиновникамъ... Много было говорено о злоупотребленіяхъ служебныхъ, о взяточничествѣ, о средствахъ искоренить это постыдное зло, въ которомъ не напрасно упрекаетъ насъ Европа. Что „людей благонадежныхъ“ мало,—всякій это видитъ и ежедневно, по какимъ мѣрами создать „людей благонадежныхъ“,—это видѣть не всякій! Говорятъ,—мѣрами законодательными. Правда,—однимъ почеркомъ пера можно дать въ мигъ другое устройство Россіи... Но пересоздадимъ ли мы души, идеи, привычки, самый образъ жизни чиновниковъ? Гдѣ та честность, которая течетъ не съ языка, а таится въ истинно благородномъ взглядѣ на жизнь? Гдѣ та золотая умѣренность, которая не стыдится жить по карману, не гоняется за другими, не лѣзетъ изъ кожи, чтобы „казаться?“ Гдѣ наконецъ та святая независимость отъ мнѣнія большинства, которая ходитъ пѣшкомъ, высоко поднявши голову, и не стыдится, съ золотымъ шитьемъ на мундирѣ, своей убогой домашней жизни? Къ сожалѣнію ея нѣтъ и въ Россіи и въ Сибири; а покуда этого не будетъ, законы безсильны, богатые оклады—только ошибочная трата, злоупотребленія будутъ существовать по прежнему. Устройство градскихъ и земскихъ полицій, этого камня преткновенія русскаго управленія, принесетъ ли желаемые плоды? Мы этого не думаемъ. Двадцать уже лѣтъ (1839—1859) возмемся мы, какъ Донъ-Кихоть, и съ тою же добросовѣст-

ностию, какъ онъ, съ вѣтранными мельницами взяточничества и, нападая на личности, всегда ратуемъ съ призраками. Ибо, принимая за цѣль нашихъ нападокъ людей, мы упускаемъ изъ виду души! И на устьѣ Амура и у предгорій Урала продолжаютъ брать такъ же точно, какъ и въ Петербургъ — негласно, конечно, но взятка не базарная торговля! Узднѣй исправникъ — владыка города и узда, облеченный большою властью — переродится ли онъ не только съ 1500 руб. сер. годоваго оклада, но даже съ 15,000? Нѣтъ — только кругъ его желаній расширится! Судебная же часть — безъ „безусловнои независимости“. Прокуроры, стряпчѣе, судьи — безъ „обезпеченія отъ прихотливаго отрѣшенія“ — призракъ — не болѣе! Стачка будетъ дѣлать свое дѣло, не заботясь о новыхъ законахъ и угрожающей нынѣ „большой отвѣтственности“.

Нельзя сказать, чтобы генералъ Гасфордъ потакалъ, когда управлялъ Западной Сибирью, чиновникамъ, узнавши о какомъ либо злоупотребленіи служебномъ. Это было не въ его характеръ! Но централизація, доведенная донельзя, все поглощающая, довела нынѣ не только генералъ-губернаторовъ, но и губернаторовъ до того, что и Наполеона посади управлять теперь губерніей, онъ бы сталъ въ туникъ со всѣмъ его дивнымъ административнымъ гениемъ! Нѣтъ человѣческой возможности, при такомъ громадномъ, ежеминутномъ писаніи всюду, усмотрѣть еще за людьми, оцѣнить ихъ, не ошибиться, когда мы видимъ, что и въ Петербургъ ошибаются! Въ Сибири же управлять еще труднѣе, нежели въ Россіи. Люди съ вѣсомъ, съ независимостью мнѣній и дѣйствій, съ родословнымъ состояніемъ служить въ Сибирь не вдутъ. И графъ Муравьевъ и генералъ Гасфордъ отрѣшались отъ должностей; — но прогонять, бывало, одного, другой является еще хуже, да и голодный торопится нажиться....

Что мы говорили о бѣломъ духовенствѣ въ Сибири, то можемъ примѣнить съ полной справедливостью къ купцамъ и мѣщанамъ сибирскимъ. Мы видѣли, что въ 25 городахъ Западной Сибири (губернскихъ, областныхъ, окружныхъ и заштатныхъ) число всего городского населенія простирается нынѣ до 146,544 д. о. п. Въ этомъ числѣ считается: купцовъ 1-й гильдіи 26, второй 82, а третьей 881; мѣщанъ же 21,960 ревиз. душъ. Въ Тобольской губерніи 11,920 ревиз. душъ, а въ Томской 8,406. Въ Тобольской самое людное мѣщанское общество—Тюменское съ 3127 душъ., а самое маленькое—Сургутское съ 87 р. д. Въ Томской самое людное Томское, гдѣ мѣщанъ 4,893 р. д., а самое маленькое—Нарымское, гдѣ ихъ 127 душъ. Въ степныхъ областяхъ одно только людное мѣщанское общество—Семипалатинское съ 1591 душъ. Изъ всей Западной Сибири цѣловыхъ ремесленниковъ всего больше въ Тюмени—1418 д. Иначе и быть не могло. Тюмень—городъ по преимуществу ремесленный. Купечество здѣшняго края распредѣляется слѣдующимъ образомъ: по 1-й гильдіи торгуютъ въ Тюмени 11 человекъ,—это высшая цифра во всѣхъ городахъ;—въ Тарѣ 4, въ Томскѣ 3, въ Петропавловскѣ 3, въ остальныхъ по 1; по 2-й гильдіи—въ Томскѣ 16, Усть-Каменогорскѣ 2, Семипалатинскѣ 10, въ Тюмени 10, въ Курганѣ 9, въ Петропавловскѣ 6, въ прочихъ цифра понижается до 1, въ Нарымѣ 2; по 3-й гильдіи—въ Семипалатинскѣ 77, Петропавловскѣ 83, Тюмени 97, Томскѣ 99, Омскѣ 35, Каинскѣ 29, въ Нарымѣ 34—далѣе цифры мельчаютъ. Все это распредѣленіе капиталовъ вызывается мѣстными потребностями торговли. Тюмень—городъ большихъ оборотовъ торговыхъ; въ немъ 11 капиталовъ 1-й гильдіи и 10 капиталовъ 2-й гильдіи. Томскъ—городъ золотопромышленный; въ немъ преимуществуетъ 2-я гильдія. Семипалатинскъ ведетъ обширную мелочную торговлю; въ немъ 77 капиталовъ по 3-й гильдіи. Каинскъ—„Іеру-

салимъ“ Евреевъ. Нигдѣ въ цѣлой Сибири нѣтъ ихъ столько, какъ въ этомъ городѣ, и вотъ является 29 капиталовъ по 3-й гильдіи, все, разумѣется, мелкихъ торговцевъ. Старинныхъ купеческихъ домовъ нынѣ въ Западной Сибири мало. Самый знаменитый домъ былъ коммерціи-совѣтника Федота Попова въ Томскѣ, „продоначальника“ сибирской золотопромышленности, которой онъ первый положилъ основу еще въ 1819 году. Нынешнее же купечество здѣшняго края болѣе выходцы изъ Россіи, изъ владимірцовъ, много и изъ волостныхъ писарей, питейныхъ служителей, ямщиковъ обозныхъ и крестьянъ. Салотопленіе, кожевенное производство, обозная ямщина, средне-азійская торговля,—вотъ что подняло много купеческихъ домовъ здѣсь, и продолжаетъ поднимать ихъ донинѣ. Здѣшнее купечество гораздо образованнѣе русскаго, болѣе податливо на общепольныя дѣла, и находясь всегда въ кругу чиновниковъ, социальнѣе и развязнѣе, нежели въ городахъ русскихъ. Неграмотныхъ уже мало, а образъ жизни, даже у старообрядцевъ, одежда, тонъ, манеры, за малыми исключеніями, тѣ же, что и у чиновничества. Что же касается сибирскихъ мѣщанъ, то это бойкое, умное, понятливое и расторопное племя. Почти всѣ тоже грамотные. Большая часть служить по откупамъ, по писарству въ волостяхъ и въ администраціи, на золотыхъ приискахъ. Многіе осѣдло занимаются ремеслами и мелочной торговлей, въ особенности тюменцы и томцы, но праздныхъ мало, и вообще бобыльство и тунеядство не въ характерѣ рациональнаго сибирскаго мѣщанства.

Казенныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій находится нынѣ въ Западной Сибири 593,785 рев. душъ. Изъ этого числа государственныхъ 437,949, и горнозаводскихъ (приписанныхъ къ алтайскимъ заводамъ) 145,787 рев. д. Помѣщичьихъ же, какъ мы видѣли 1484 душъ, что и составляетъ всего сельскаго населенія (кромѣ ссыльныхъ),

обложеннаго податями 585,220 рев. д. Крестьяне въ Западной Сибири, какъ и вообще въ цѣлой Сибири, стоятъ тоже, какъ и мѣщане, на неизмѣримо высшей точкѣ образованія, учтивости и социальности, нежели крестьяне всѣхъ русскихъ губерній, кромѣ, разумѣется, при-московско-фабричныхъ. Между мужикомъ сибирскимъ и между русскимъ, отъ Камы до Нѣмана,— та же разница, какъ между Гумбольдтомъ и приходскимъ учителемъ,— просто поражаетъ каждаго заѣзжаго изъ Россіи въ Сибирь. Здѣсь строятся чисто, крыши всюду тесовыя или изъ драницъ, одѣваются и обуваются опрятно (всѣ въ сапогахъ), живутъ опрятно, ѣдятъ хорошо и сытно. Если не отъ хлѣба и скота, такъ отъ звѣря, рыбы, орѣховъ и ягодъ, сибирскій крестьянинъ всегда съ избыткомъ. Подати платятъ здѣсь легче, недоимокъ менѣе. Коренные сибиряки—потомки древнихъ Новгородцевъ, съ Волхова, Двины, Вычегды, Юга, Сухони, изъ поморскихъ городовъ и изъ Устюга, толпами выселившихся, или бѣжавшихъ въ Сибирь, послѣ разгрома Новгорода Иоанномъ Грознымъ и въ смуты междоцарствій, а изъ краевъ при-московскихъ, послѣ укрѣпленія крестьянъ за помѣщиками. Но во всей этой массѣ, изъ которой выработался народъ сибирскій, преимущество осталось за выходцами съ сѣвера, т. е., изъ древней Новгородской области и поморскихъ ея пятинъ. Языкъ новгородско-устюжскій сохранился и донынѣ въ чистотѣ его, отъ Тюмени до Амура и Якутска, и нигдѣ грубыя ударенія, свойственныя мужикамъ русскихъ губерній, не поражаютъ слуха. Можно сказать, что Сибирь говоритъ— какъ мы пишемъ, „литературно“. Мужикъ сибирскій чисто и правильно объясняется по русски, и, что замѣчательно, учтивъ всегда и со всѣми. Даже между собой крестьяне позажиточнѣе употребляютъ выраженіе „вы“; съ высшими же сословіями постоянно. Расколъ еще довольно силенъ въ Сибири,—въ Тю-

мени и въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи, Тарѣ, Томскѣ, за Байкаломъ (цѣлыми волостями). Раскольники—выходцы Дона и Волги. За Байкаломъ простой народъ называетъ ихъ „сѣмейскими“, потому что они выселены вглубь Сибири, въ концѣ XVIII столѣтія, цѣлыми семьями. Изъ указа 1686 года видно, что страсть къ переселенію въ Сибирь была такъ велика, что изъ поморскихъ городовъ, изъ числа тогдашнихъ 71,000, „описныхъ дворовъ“, болѣе $\frac{2}{3}$ бѣжало въ Сибирь. Сибирь, можно сказать, открыта, добыта, населена, обстроена, образована,—все устюжанами и ихъ сосѣдями. Устюжане дали Сибири земледѣльцевъ, ямщиковъ, посадскихъ, соорудили въ ней храмы, завели ярмарки, установили праздники устюжскихъ чудотворцевъ. И точно, донынѣ св. Прокопій, устюжскій чудотворецъ, имѣеть много часовень по Сибири и день его памяти (8 іюля) чествуется особенно народомъ,—варятъ пиво, поднимаютъ св. иконы, не работаютъ, а гуляютъ. Что же касается переселеній въ Сибирь, то они и теперь продолжаютъ изъ переполненныхъ русскихъ губерній. Въ послѣдніе года (1849 — 1859), въ южные округа Западной Сибири выселилось много крестьянъ государственныхъ изъ губерній Воронежской, Тамбовской, въ особенности Псковской, изъ которой приходятъ сюда всѣ они въ самомъ жалкомъ видѣ,—худые, оборванные, голодные, въ лаптяхъ... Правительство щедро даетъ имъ всякаго рода льготы и пособія, а попавши „въ рай“, какъ они сами выражаются о югѣ Сибири, вознаграждаемый трудъ и довольство, перерождаютъ ихъ радикально. Нѣтъ тупаго изподлобья взгляда русскаго мужика, его неопрятности, неряшества въ хозяйствѣ..... Это ирландцы, переселенные на тучную и дѣвственную почву сѣверо-американскихъ пустынь, и ихъ эта почва переродила!

Инородцы Западной Сибири осѣдлые, кочующіе и бродячіе, живутъ сообразно съ такими подраздѣленіями:

или въ постоянныхъ жлащахъ въ городахъ и селахъ, или въ кибиткахъ, юртахъ и чумахъ на неопредѣленномъ пространствѣ, или вѣчно бродятъ по пустынямъ приполюснымъ. Первое мѣсто по развитости, грамотности и общительности принадлежитъ Бухарцамъ и Ташкенцамъ, которые вышли цѣлыми семьями изъ своихъ странъ въ Западную Сибирь, еще въ началѣ XVII столѣтія и поселились здѣсь для торговли. Нынѣ потомки ихъ и послѣдовавшіе за ними новые выходцы-соотчичи живутъ подъ общимъ названіемъ Бухарцевъ: въ Тарь, Тобольскѣ, Петропавловскѣ, Томскѣ, Бійскѣ, Кузнецкѣ и Семипалатинскѣ, въ числѣ 5617 ревиз. душъ. Всѣ они разсѣяны по городамъ и деревнямъ, занимаются хлѣбопашествомъ, мелкой промышленностью и торговлей, исповѣдаютъ исламизмъ и строго его держатся, смиренны и послушны властямъ, однимъ словомъ, самое лучшее инородческое племя въ цѣлой Сибири. За ними слѣдуютъ инородцы, тоже вполне осѣдлые—Татары и Вогулы. Татары потомки сибирскихъ Татаръ, разсѣяны нынѣ отъ Тюмени и Тобольска до Томска и Кузнецка. Всѣхъ Татаръ въ Западной Сибири: по Тобольской губерніи: 37,580 д. о. п., съ 101 мечетью и 122 духовными лицами, а по Томской 16,936 д. о. п. съ 35 мечетями и 33 духовными лицами. Родъ хана Кучума, вывезенный въ Москву и крещеный, назывался прежде царевичами сибирскими, а нынѣ составляетъ русскій дворянскій домъ князей сибирскихъ. Онъ не имѣетъ уже никакой поземельной собственности въ Сибири. Бухарцы, Ташкенцы и Татары носятъ общую восточную одежду: чалму или тебитейку, халать, чигизъ съ туфлями. Вогулы, финское племя, оттѣсенное на крайній сѣверъ татарами-завоевателями, живутъ нынѣ въ числѣ 3,217 д. о. п., исключительно на сѣверѣ Тобольской губерніи, въ Пелымѣ и Кондѣ Туринскаго округа. Они всѣ крещены, совершенно обрусѣли и ничѣмъ, кромѣ племеннаго

типа, не отличаются отъ крестьянъ, живутъ деревнями, по-вогульски „пауль“, въ хорошихъ избахъ, а у богатыхъ и съ горницами и имѣютъ двѣ приходскихъ церкви. Татары хлѣбопашцы, но Вогулы по причинѣ общей болотистой мѣстности ихъ земли, не сѣютъ хлѣба, а исключительное занятіе ихъ—звѣроловство и рыболовство, сборъ кедровыхъ орѣховъ и ягодъ. Пушинымъ звѣремъ, соболемъ и лисицей, платятъ они ясакъ. Хлѣбъ (ржаную муку), порохъ и свинецъ доставляетъ имъ казна по умѣренной цѣнѣ. Ясака платятъ они до 2000 р. сер. На пушнину, рыбу, орѣхи и ягоды, вымѣниваютъ они у русскихъ хлѣбъ, одежду, обувь, домашнія издѣлія, т. е. все, что имъ нужно въ крестьянскомъ быту, ибо Вогулки не прядутъ и не ткутъ. Скота держатъ мало, но лошадей довольно и сѣна накашиваютъ обильно. Лѣтомъ доступъ въ ихъ землю почти не возможенъ, но зимой связывается къ нимъ много купцовъ и торговцев.

Въ разрядѣ инородцевъ кочующихъ, Киргизы обихъ степныхъ областей, стоятъ на несравненно высшей степени, нежели другія племена сибирскія. Этому развитію способствуетъ исламизмъ, который всѣ они исповѣдуютъ, и непрерывныя связи ихъ съ русскими. Киргизовъ считается нынѣ въ сибирскомъ вѣдомствѣ 527,716 д. о. п. Исключительное занятіе ихъ—обширное скотоводство. Хлѣбопашествомъ же они вовсе не занимаются. Кожы, сало, овчины, армяки верблюжьи, кошмы и т. п. вымѣниваются ими на красный товаръ, желѣзные и кожевенныя издѣлія, а частью и на хлѣбъ. Скота, барановъ и лошадей, продаютъ они тоже очень много. Жилыхъ домовъ у нихъ еще очень мало, но примѣръ русскихъ заселеній въ степи уже начинаетъ дѣйствовать на нихъ благотворно. Кромѣ Киргизовъ считаются кочевыми инородцами, такъ называемые „Захребетные татары“, обложенные ясакомъ вмѣсто подушной подати и Калмыки въ Томской губерніи; Дзюнгары, монгольское

племя, кочующее въ юговосточной части этой же губерніи у предгорій Алтай, и Буруты или Дикокаменные Киргизы, живущіе въ предгоріяхъ Небеснаго хребта, на южной границѣ Семипалатинской области, и часть которыхъ вступила недавно въ подданство Россіи. Число кочевыхъ Татаръ и Калмыковъ полагается въ 9909 душ. муж. пола. Они кочуютъ по лѣсамъ и степямъ, хлѣба не сѣютъ, но держатъ много скота особенно Калмыки.

Бродячіе инородцы въ Западной Сибири—Остяки и Самоѣды. Ихъ считается нынѣ 11,814 мужчинъ и 10,341 женщина. До 6,000 д. о. п. остяцкаго народа уже крещены, остальные же и всѣ Самоѣды доселѣ идолопоклонники. Остяки слѣдуютъ шаманскому ученію, а Самоѣды благоговѣютъ солнцу, горы, огромныя деревья и бѣлаго медвѣдя. Бродятъ они по тундрамъ, побережьямъ Ледовитаго океана, Остяки, срубая деревянныя юрты, съ чуваломъ и нарами, что они переняли у Татаръ, а Самоѣды, обитая въ „чумахъ“—шалашахъ изъ оленьихъ шкуръ, натянутыхъ на деревянный переплетъ. Стада оленей—единственное средство ихъ существованія;—съ ними бродятъ они по пустынямъ крайняго сѣвера, занимаясь звѣроловствомъ, рыболовствомъ, сборомъ пуха и проч. Управляются родовыми князьями и старшинами и находятся исключительно на крайнемъ сѣверѣ между предгоріями Урала и притоками Енисея.

Мы съ намѣреніемъ начинаемъ говорить о ссыльныхъ, послѣ инородцевъ всѣхъ наименованій и послѣ разсмотрѣнія всѣхъ русскихъ сословій сибирскаго края, ибо ссыльные не составляютъ ни сословія, ни племени. Они по прекрасному выраженію Пушкина „смѣсь одеждъ и лицъ, племень, нарѣчій, состояній, изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ“ собранные сюда всепоглощающимъ водоворотомъ Сибири, этого Дантова „Ада“, надъ которымъ та же надпись и для столь многихъ: «lasciate ogni speranza, voi ch'ontate!» Да, по слову великаго пѣвца „бо-

жественной комедіи“ точно, почти всё они должны оставлять надежду, переступая за роковую грань Сибири. Но страшный призракъ ссылки, облеченный въ такія ложныя о немъ понятія и въ Россіи и въ Европѣ, не носитъ на себѣ печати того строгаго безпристрастія, которымъ мыслители и публицисты добросовѣстные обязаны и въ отношеніи русскаго правительства и въ отношеніи русскаго общества. Начать съ того, что ссылка въ Сибирь—наказаніе не сплошь да рядомъ прилагаемое, какъ это обыкновенно представляютъ за границей. Изъ официальныхъ свѣдѣній, обнародованныхъ 31 мая 1858 года, управлявшимъ „Приказомъ о Ссылныхъ“, который спеціально завѣдуетъ ссылкой и ссылнымицѣлой Сибири (кромѣ лицъ политическихъ, которымъ однако ведется общій учетъ со всѣми), мимо рукъ котораго не можетъ никто пройти въ ссылку и коего исключительная служебная обязанность вести самый тщательный „ежедневный учетъ“ всѣмъ ссылнымъ со всего государства въ Сибирь поступающимъ. Число всѣхъ лицъ, сосланныхъ въ Сибирь, съ 1 января 1823 года (т. е. со времени введенія въ дѣйствіе Сибирскаго учрежденія, которое положило прочныя начала строгому порядку и отчетности по этой важной части администраціи въ Сибирскомъ краѣ) и по 1-е января 1858 года, въ теченіи полныхъ 35 лѣтъ (продолжительность времени очень значительная), простирается только до 238,489 мужчинъ и 42,844 женщины. Съ ними пришло въ Сибирь по доброй волѣ на основаніи предоставленнаго на это, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, закономъ права, мужей, женъ и дѣтей обоюго пола 23,285. Стало быть всѣхъ лицъ и сосланныхъ, и пришедшихъ съ ними по доброй волѣ въ Сибирь, было только въ общемъ итогѣ 304,618, что раздѣливъ на 35 лѣтъ, даетъ ежегодную ссылку и добровольный приходъ за ссылными въ Сибирь только въ количествѣ 8,703 д. о. п. То есть

на населеніе всей имперіи, Польши и Финляндіи (ибо Поляковъ и Финновъ тоже ссылаютъ въ Сибирь) со включеніемъ арміи и флотовъ (изъ конхъ иногда поступаютъ въ ссылку), простирающееся нынѣ до 73,000,000, приходится только 1 на 9000 д. о. п. Но и эта цифра, какъ она не учетлива, еще не настоящая абсолютно, потому что въ прежнія времена, когда не было установлено клеймить бродягъ, они бѣгали толпами въ Россію и возвращались въ ссылку подъ другими именами, когда въ сущности это было одни и тѣ же люди; да и нынѣ бродяжничаютъ много изъ привилегированныхъ сословій, т. е. изъ такихъ ссыльныхъ, которые не бывъ наказаны тѣлесно при первой подсудности, пользуются этимъ, чтобы бѣжать и по поимкѣ называются произвольно, какъ хотятъ. Такъ что изъ итога 304,618 д. о. п. исключивъ добровольно прошедшихъ 23,285 д. о. п., которые и въ Сибирь пользуются полной свободой дѣйствій и всѣми правами своего состоянія, и равнымъ образомъ исключивъ вѣрныхъ 100,000 человекъ въ теченіи 33 лѣтъ бѣгавшихъ и снова возвращаемыхъ въ Сибирь за бродяжество (что составитъ менѣе 3000 въ годъ, цифра очень малая если сообразить огромные побѣги съ рудниковъ, заводовъ, съ поселеній), то останется приблизительно вѣрный итогъ 181,333 д. о. п., что раздѣливъ на 33 лѣтъ, дастъ по 5180 д. о. п. въ годъ, или по 1 ссыльному на 13,847 жит. о. п. населенія всего государства, полагая его приблизительно нынѣ 73 милліона.

Что мы говорили сейчасъ о всѣхъ ссыльныхъ вообще (никакого и ни по какимъ дѣламъ не исключая), то съ тѣмъ же чувствомъ добросовѣстности и правдивости, слѣдуетъ раскрыть Европѣ и Россіи и о ссылкѣ политической, о которой такъ много кричитъ Европа и толкуетъ про себя Россія. Предъ священнѣйшимъ коронованіемъ государя императора Александра Николаевича, то есть въ 26 августа 1856 года всѣхъ лицъ, состоявшихъ подъ

надзоромъ государственной и простой полицій, на пространствѣ всего государства, а именно не только находившихся въ ссылкѣ въ Сибири, но и размѣщенныхъ на жительство внутри Россіи, было только 11,142 человѣка.—Въ началѣ 1856 года говоритъ Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отчетѣ своемъ за 1856 годъ, подъ надзоромъ полиціи находилось 10839 человѣкъ (дворянъ и чиновниковъ 2,939; купцовъ, мѣщанъ и другихъ званий 7,529; кавказскихъ горцевъ 371), изъ которыхъ не болѣе 900 были по судебнымъ приговорамъ лишены всѣхъ, или нѣкоторыхъ правъ состоянія. Большая часть изъ нихъ состояла подъ надзоромъ долгое время и постоянно одобрялась въ поведеніи. Въ день священнаго коронованія Государя императора, 3927 лицъ освобождены изъ-подъ надзора полиціи. Освобоженіе 3032 лицъ, отданныхъ подъ надзоръ по судебнымъ приговорамъ, предоставлено губернскимъ начальствамъ. За тѣмъ къ 1-му января 1857 года, осталось состоящихъ подъ надзоромъ 1,878 лицъ. Независимо отъ сего по Высочайшимъ повелѣніямъ, отмѣненъ надзоръ за отставными оберъ-офицерами, поселившимися въ Западномъ краѣ и за бывшими воспитанниками Виленской медико-хирургической академіи. Офицеровъ избавлено было отъ надзора 224, медиковъ 79.“

И такъ на пространствѣ всего государства состояло подъ надзоромъ Полиціи по разнымъ политическимъ и гражданско-суднымъ послѣдствіямъ, всего только 11,142 человѣка, на населеніе въ 73 милліона, т. е. 1 изъ 6500 д. о. п. Пропорція конечно ничтожная, если сообразимъ, что изъ этого числа 11,142 человѣкъ, состояло подъ надзоромъ полиціи только 900 человѣкъ, лишенныхъ или всѣхъ правъ, или части правъ и преимуществъ состоянія, и что по русскимъ законамъ потеря правъ состоянія съ отдачей подъ надзоръ полиціи, можетъ быть назначаема и не по однимъ дѣламъ полити-

ческимъ и не всегда съ непремѣнной ссылкой въ Сибирь. И такъ, строгая истина заставляетъ сознаться, что и понятія о русской политической ссылкѣ были преувеличены, тоже безъ всякаго основанія и безъ всякой справедливости.

Политическіе ссыльные пользовались прежде, пользуются и донинѣ всѣми возможными облегченіями. Имъ только не даютъ права разъѣзда внѣ мѣста ихъ жительства; но эта предосторожность, вызванная силою обстоятельствъ, всюду въ дѣйствиіи и за границей. Въ Сибири нѣтъ Шпильберга, Ламбессы, Майоты, Ботани-Бей. Политическіе ссыльные, числящіеся въ каторжной работѣ, нигдѣ не употребляются для этой работы и живутъ на свободѣ. Числящіеся же на поселеніи получаютъ ежегодно отъ правительства пособіе денежное, до 114 р. сер. въ годъ и по 15 десятинъ на душу пахатной земли и покосовъ, если хотятъ заниматься хозяйствомъ. Съ 1826 года, когда по мятежу 14 декабря 1825 года, были сосланы въ Сибирь лица сужденныя верховнымъ уголовнымъ судомъ, и по настоящее время (1860 годъ) всѣ политическіе ссыльные, отъ трехъ, послѣдовательно бывшихъ въ теченіи этихъ 34 лѣтъ шевовъ жандармовъ,—графа Бенкендорфа, князя Орлова и князя Долгорукова, пользовались и пользуются донинѣ самымъ благороднымъ, самымъ великодушнымъ вниманіемъ, и все, что только могли они дѣлать для ихъ облегченія, дѣлалось и дѣлается доселѣ. Вотъ строгая правда. И что можетъ быть достойнѣе правительства просвѣщеннаго, скажите?

Ссыльные въ Сибири дѣлятся на каторжныхъ, поселенцевъ, водворенныхъ рабочихъ и ссылаемыхъ на житье. Каторжной работы нынѣ три вида: крѣпостная (самая тяжкая, потому что она соединена съ тюрьмой и военной дисциплиной), рудничная (исключительно въ Нерчинскихъ рудникахъ, за Байкаломъ), и заводская (на казен-

ныхъ винокуренныхъ и солотоваренныхъ заводахъ), Поселенцы или приписываются къ деревнямъ старожиловъ, или составляютъ новыя селенія. При хорошемъ поведеніи они могутъ выходить чрезъ 10 лѣтъ въ крестьяне и мѣщане. Оба разряда, каторжные и поселенцы (до перехода этихъ послѣднихъ въ свободное состояніе, городское или сельское) „умираютъ политически“, при самой ссылкѣ, т. е. теряютъ все права состоянія и семейныя. Водворенные рабочіе (видъ поселенія безъ потери правъ) послѣ 3½ лѣтъ добропорядочнаго житія могутъ перечисляться въ мѣщане и крестьяне, и даже выѣзжать въ Россію, кромѣ жительства въ той губерніи изъ которой сосланы. Наконецъ ссылаются на жительство временнымъ заключеніемъ, или безъ онаго, лица разныхъ званій и по разнороднымъ легкимъ наказаніямъ, удаляются помѣщиками и обществами за дурное поведеніе, правительствомъ и административнымъ порядкомъ, судебными приговорами. Безсрочная каторжная работа налагается только за тягчайшія уголовныя преступленія и замѣняетъ въ Россіи смертную казнь. Высшій же срокъ каторжной работы, по преступленіямъ уголовнымъ, вообще 20 лѣтъ въ крѣпостяхъ или рудникахъ. Въ гражданской каторжной работѣ въ рудникахъ и на заводахъ каторжные сперва „испытываются“, потомъ, по удостовѣреніи въ ихъ добромъ поведеніи, пользуются свободой и правомъ домообзаведенія. Въ Нерчинскихъ рудникахъ и на сибирскихъ винокуренныхъ и солотоваренныхъ заводахъ, есть много каторжныхъ торгующихъ и съ порядочными капиталами. Дѣти ихъ пользуются уже всеми правами свободнаго состоянія и есть примѣры, что они не только выходили по коронной службѣ въ чиновники, но торгуя и записавшись въ купцы, дѣлались милліонерами. Таковъ забайкальскій торговый домъ Кандинскихъ родоначальникъ котораго Петръ Кандинскій былъ сосланъ изъ русскихъ крестьянъ въ каторжную работу въ Нерчинскіе рудники, женился

тамъ, принялся торговать сперва коробочно, а дѣти его, Хрисанъ и Алексѣй, сдѣлались коммерціи—совѣтниками, почетными гражданами и имѣютъ теперь до 7 милліоновъ оборотнаго капитала. Въ заключеніе замѣтимъ еще, что ни одно великое событіе въ государствѣ, въ теченіи этихъ 34 лѣтъ, съ 1825 по 1860 годъ, не прошло, чтобы и простые ссыльные не воспользовались милостями Государей, прощеніемъ и смягченіемъ участи, даже возвращеніемъ на родину, не говоря уже о многочисленныхъ милостяхъ, оказанныхъ ссыльнымъ политическимъ. Въ 182 б году восшествіе на престолъ императора Николая Павловича и его коронованіе (манифесты 1 января и 22 августа); въ 1837 году—путешествіе въ Сибирь, въ 1841 году—восшествіе на престолъ, а въ 1856 году—коронованіе нынѣ царствующаго Государя Императора (высочайшій указъ 22 іюля 1837 года, манифесты 17 апрѣля 1841 года, 27 марта 1855 года и 26 августа 1856 года)—были ознаменованы тоже для Сибири и ея ссыльныхъ разнаго рода льготами, милосердіемъ и забвеніемъ прошедшаго для многихъ! Скажемъ опять, что же можетъ быть достойнѣе? И это ли та страшная Сибирь, которую европейскіе публицисты и самая Россія представляютъ до сихъ поръ „міромъ тѣней“, обителью скорби и плача, какимъ то пустыннымъ краемъ, созданнымъ только для вѣчныхъ мученій ссылки?

Сибирь была издревле извѣстна русскому народу. Еще первый русскій лѣтописецъ, преподобный Несторъ, (иннокъ знаменитой Кіево-Печерской лавры, жившій во второй половинѣ XI столѣтія) въ своей „повѣсти временныхъ лѣтъ“ передавалъ своимъ современникамъ темныя преданія старины и о далекой Сибири. „Се же хочу сказати, говоритъ онъ, — „яже прежде сихъ лѣтъ четырехъ сказа ми Гуро Тогоровичъ Новогородецъ, послалъ отрока своего въ Печеру, людіе же суть дань дающе Новугороду, и пришедъ отрокъ мой къ нимъ,

оттуда иде въ Югру; Югра же суть языкъ нѣмъ и со-сѣдять съ самоедью, на полуночныхъ странахъ⁴. Первый походъ Новгородцевъ въ Югру, подъ предводительствомъ Умбата, относится къ 1030 году. Въ 1093 году, Зыряне, по словамъ лѣтописца, „прорубили оконце“ въ Сибирь, т. е. прорубили просѣку лѣсомъ чрезъ Уральскій хребетъ до Оби и проложили себѣ путь отъ рѣки Вогулки до рѣки Сосвы. Съ развитіемъ вольности и могущества великаго Новгорода, а именно въ XIII столѣтіи, толны отважныхъ Новгородцевъ устремились въ Біармію (нынѣ Пермскую губернію) искать добычи: драгоценныхъ мѣховъ и закамскаго серебра. Вятка была населена выходцами Новгородскими. Тайна могущества, богатства и торговли Новгорода никогда не была понята и оцѣнена нашими историками, даже Карамзинымъ. Новгородъ былъ посредникомъ между Сибирью и Европой. Изъ Приуралья и Зауралья онъ доставалъ пушнину, серебро, золото, мѣдь и съ огромными выгодами сбывалъ это тогдашней Европѣ, еще невѣжественной и бѣдной. Лишь сѣверная торговля подняла и Новгородъ и Ганзу. Съ открытіемъ Америки торговля нашла мѣха, серебро, золото въ болѣе доступныхъ ей странахъ и сѣверный край упалъ, обѣднѣлъ и обезлюдѣлъ. Іоаннъ III, безсмертный собиратель земли русской, четыреста лѣтъ тому назадъ (въ 1462 году) свыше дарованный Россіи, чтобы указать ей пути величія и наступательнаго движенія впередъ: и къ берегамъ Дуная и въ пустыни Сибирскія,—въ 1465 году (стало быть лишь чрезъ 3 года послѣ своего воцаренія) уже обратилъ прозорливый взглядъ свой на Приуральскія страны и послалъ устюжанина Василія Скробу, съ охочими людьми, воевать Югорскую землю. Въ 1483 году рать великокняжеская, подъ предводительствомъ князя Феодора Курбскаго и Ивана Тропина, двинулась 9 мая изъ Устюга на Пермь, въ землю Вогуловъ, дошла до устья

рѣки Пелыма, впадающей въ Тавду (гдѣ нынѣ историческій Пелымъ, мѣсто заточенія герцога Бирона и фельдмаршала Миниха) и Тавдой, а потомъ Тоболомъ, проникла въ Иртышъ и Обь и разгромила всѣ племена, населявшія тогда эти пустыни. Доказательство, что уже въ концѣ XV столѣтія, Западная Сибирь была извѣстна Москвѣ, еще за 100 лѣтъ до Ермака. Въ числѣ покоренныхъ тогда племенъ находимъ Вогуловъ, Татаръ, Остяковъ и Самоѣдовъ, доселѣ, чрезъ 400 лѣтъ, на тѣхъ же мѣстахъ обитающихъ. Вогулы, Остяки и Самоѣды— племена финскія, оттѣсненные на крайній сѣверъ, при наступательномъ движеніи Монголовъ изъ глубины средне-азійскихъ пустынь въ Россію и Европу,—были тогда уже данниками Татаръ, но и Татары, нѣкогда поработившіе Россію и угрожавшіе Европѣ, были тогда уже только тѣнью воиновъ Тамерлана и Чингизъ—Хана. Еще существовали татарскія царства въ Астрахани, въ Казани, даже въ Сибири, куда ханы Казанскіе простерли постепенно свои завоеванія и гдѣ создались ханство Туранское и Сибирское; но это уже была тѣнь нѣкогда грозныхъ ордъ Батая. Въ 1499 году Іоаннъ III предпринялъ опять походъ на Сибирь. Рать его, подъ предводительствомъ князя Семена Ѳедоровича Курбскаго и князя Петра Ушатого, двинулась тоже изъ Устюга 21 ноября; 17 дней переходила „каменный понезъ“, т. е. Уральскія горы, достигла Ляпина, остяцкаго городка, (нынѣ село Ляпинское, въ Кондинскомъ отдѣленіи Березовскаго округа) и завоевала всю землю Югорскую и Обдорскую. Съ того времени внесены въ царскій титулъ названія князя Югорскаго, Обдорскаго и Кондійскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что настойчивый Іоаннъ III, покорившій Новгородъ и Псковъ, не отсталъ бы и отъ покоренія Сибири, но со смертію его великая государственная мысль эта пріостановилась. Разгромъ Новгорода при Іоаннѣ IV, смуты междуцарствія и укрѣпленіе

крестьянъ за помѣщиками, способствовали быстрому заселенію Приуралья, гдѣ „пменитые люди“ Строгановы уже во времена Іоанна IV завели соляныя варницы по Камѣ и Чусовой, строили укрѣпленные городки, торговали, а иногда и воевали съ дикими сосѣдями, но русскіе все-таки не проникали еще за хребетъ Уральскій, чтобы за нимъ селиться. Игра случая развила и привела въ исполненіе великую государственную мысль Іоанна III. Въ 1581 году, стало быть ровно 100 лѣтъ спустя послѣ похода князя Ѳедора Курбскаго, производшіе разбой по Волгѣ, донскіе бѣглецы, вытѣсненные изъ приволжскихъ странъ царскими воеводами, бросились вверхъ по Камѣ къ предѣламъ Пермскимъ и, вспоможествуемые дальновидными Строгановыми, пустились воевать Сибирь. Атаманъ этихъ удалцовъ, Василій Тимоѣевъ, по прозвищу Ермакъ, (что означало у волжскихъ разбойниковъ и у запорожцевъ днѣпровскихъ „кашеварный котель“, братскую связь артели) поднялся по рѣкамъ Чусовой и Тагилю въ рѣку Туру, покорилъ окрестныхъ Вогуловъ и Татаръ, разбилъ 26 октября 1581 года сибирскаго хана Кучума и взялъ его городъ Искеръ въ 19 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. Подобно Кортесу и Пизарро, онъ понялъ необходимость опереться на свое отечество, воззвалъ къ царю, и Іоаннъ IV поспѣшилъ подтвердить отважнаго витязя дружиной стрѣльцовъ московскихъ, подъ предводительствомъ воеводы князя Болховскаго. Ермакъ погибъ въ ночной битвѣ съ Татарами 5 августа 1584 года, но русскіе не покинули уже Сибирь, какъ во времена двукратныхъ походовъ при Іоаннѣ III. Москва поняла, что пришло время, и по теченію рѣвъ, шагъ за шагомъ, русскіе пришлецы (какъ иѣкогда предки ихъ Норманны) начали углубляться въ Сибирь и покорять всѣ окрестныя племена, строя, гдѣ того требовали военныя соображенія, укрѣпленные рубленные деревянные городки или острож-

би, собирая ясакъ, или дань пушнымъ звѣремъ, и съ оружіемъ въ рукахъ, чрезъ мѣну и куплю, знакомясь все болѣе и болѣе съ туземцами и пріобрѣтая полезныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ путяхъ своихъ. Не то ли же самое видимъ мы и нынѣ, чрезъ 300 лѣтъ, на берегахъ Ила и Амура?

И какъ древніе Норманны оставались въ Европѣ, а потомъ остались и въ Россіи, входя на морскихъ ладьяхъ въ устья рѣкъ, поднимаясь по нимъ, укрѣпляя стратегическіе пункты и уирочивая въ нихъ осѣдлостью осадки своего племени,—такъ и русскіе, не только въ тѣ отдаленныя времена, но и донынѣ продолжаютъ, шагъ за шагомъ, свое наступательное движеніе въ глубину этой дряхлой Азіи, ждущей животворящаго духа христіанства и цивилизаціи, чтобы достигнуть можетъ быть такого развитія, какого никогда не достигала и не достигнетъ Европа. Чрезвычайно любопытно это постепенное завоеваніе Сибири. Первое русское заселеніе въ Сибири—это нынѣшняя богатая и торговая Тюмень, основанная въ 1585 году, вскорѣ послѣ смерти доблестнаго Ермака, погибшаго въ ночной битвѣ съ Татарами 3 августа 1584 года. Основателями ея были царскіе воеводы Василій Суккинъ и Иванъ Мясной. Они соорудили въ Тюмени и первую въ Сибири церковь, во имя Рождества Богородицы. Въ 1587 году основанъ Тобольскъ письменнымъ головой Данилой Чулковымъ; въ 1592 году—Пелымъ, въ землѣ Вогуловъ, воеводой княземъ Петромъ Горчаковымъ; въ 1593 году—Березовъ и Обдорскъ, воеводой Никифоромъ Траханіотовымъ, и Сургутъ, княземъ Ѳедоромъ Барятинскимъ; въ 1594 году—Тара, воеводой княземъ Андреемъ Елецкимъ; въ 1595 году—Нарымъ, уже въ предѣлахъ нынѣшней Томской губерніи; въ 1600 году—Туринскъ, воеводой Иваномъ Лихаревымъ; въ 1611 году—Томскъ; въ 1618 году—Енисейскъ; въ 1626 году—Красно-

ярскъ; въ 1635 году—Иркутскъ; въ 1656 году—Нерчинскъ и Албазинъ на Амуръ, воеводой Аванасіемъ Пашковымъ. Такимъ образомъ, въ 71 годъ русскіе завоевали всю нынѣшнюю Сибирь, отъ предгорій Уральскихъ до Амура, укрѣпились въ ней, дали ей русскую вѣру, русскій языкъ, русскіе законы, русскіе обычаи, создали ее на страшномъ пространствѣ 7000 верстъ именно такую, какою мы ее и доншѣ видимъ. Явленіе безпримѣрное въ исторіи человечества, доказывающее зависящее отъ провидѣнія, мировое назначеніе Россіи въ странахъ азійскихъ!

На югъ поступательное движеніе русскаго племени выполняетъ другую задачу—обладаніе Средней Азіей. Въ 1618 году основанъ Кузнецкъ, уже у предгорій Алтая, т. е. 7 лѣтъ спустя основанія Томска. Въ 1653 году послѣ многолѣтней и трудной борьбы съ воинственными ордами калмыцкими и киргизскими — Курганъ; въ 1659 году—Ялуторовскъ; въ 1670 году—Ишимъ, куда переносится немедленно и военная линія изъ Кургана и съ рѣки Тобола на рѣку Ишимъ; въ 1709 году—Бійскъ, у окраины Киргизской степи; въ 1713 году—Колывань, для упроченія Барабы; въ 1716 году—Омскъ, нынѣшній стратегическій и административный центръ всей Западной Сибири; въ 1730 году—Петропавловскъ, куда опять переносится военная линія изъ Ишима на самую окраину Киргизской степи и проводится граница отъ Сибирскаго редута (у нынѣшней Оренбургской губерніи) до Омска на пространствѣ 337 верстъ; въ 1737 году—Семипалатинскъ, у уклоненія Иртыша, въ Киргизскую степь; въ 1789 году—Усть-Каменогорскъ; въ 1791 году—Бухтарминскъ, и такимъ образомъ Ишимско-Иртышская линія охватываетъ все пространство отъ предгорій Урала до Западнаго Китая. Въ 1799 году русскіе переходятъ чрезъ Беринговъ проливъ, ступаютъ на материкъ Америки и учреждаютъ Россійско-Американскую Компанію. Между тѣмъ Сибирь населяется, Нерчинскіе

и Алтайскіе заводы даютъ обильно серебро; въ Киргизской степи линия углубляется къ югу, строятся казачьи станицы и степныя укрѣпленія, учреждается въ Омскѣ Пограничная Коммиссія, для управленія Киргизскими ордами, русскіе орлы уже появляются въ виду Западнаго Китая, Коканда, Хивы и Бухаріи. Въ 1834 году отърываются въ самой степи Сибирскихъ Киргизовъ двѣ области: Семипалатинская и Сибирскихъ Киргизовъ, а центры окружныхъ приказовъ переименовываются въ города. Копаль,—дотолъ станица сибирскаго линейнаго казачьяго войска, благодаря политической дальновидности бывшаго генераль-губернатора Западной Сибири, дѣлается значительнымъ военнымъ и торговымъ городомъ, будущимъ центромъ стратегическо-поступательнаго движенія русскаго племени въ самую глубь средней Азіи. 13 мая 1857 года открывается въ Копаль окружный Приказъ Военно-копальскаго округа, 619 верстъ южнѣ Семипалатинска, въ Семирѣчинскомъ краѣ. Въ 1859 году открывается еще южнѣ военный округъ Алатавскій, въ богатомъ Заилійскомъ краѣ,—этой Италіи Западной Сибири, у самыхъ воротъ въглубь Китая. Здѣсь городъ Алматы, или укрѣпленіе Вѣрное, уже 300 верстъ еще южнѣ Копала; значитъ поступательное движеніе Россіи въглубину Средней Азіи уже ушло на 1000 почти верстъ отъ Семипалатинска. А между тѣмъ на другой оконечности Сибири, графъ Муравьевъ Амурскій тоже заселяетъ берега Амура отъ Нерчинскаго завода до Восточнаго океана; открываются и тамъ двѣ новыхъ области Амурская и Приморская, воздвигаются города Благовѣщенскъ, Софійскъ, Николаевскъ (всѣ по теченію Амура, а послѣдній при впаденіи его въ Восточный океанъ); и наконецъ, трактатомъ, заключеннымъ съ Китаемъ въ Тянь-Цзань 1 іюня 1858 года,—православію, русской цивилизаціи и торговлѣ, открыта эта громадная и уже распадающаяся имперія,

съ 175,000,000 избѣженныхъ ея жителей,—добыча вѣрная, предназначенная совершить всемірный переворотъ въ политикѣ и выдвинуть на арену международныхъ соперничествъ и бореній такой Римъ, какого не достигалъ древній и не чаяла донинѣ Европа.

И благодаря великимъ государственнымъ дѣятелямъ, съ геніальнаго прозрѣнія въ даль Іоанна III, до геніальнаго прозрѣнія въ даль Государя Императора Александра Николаевича, благодаря усиліямъ умныхъ правителей Сибири, войска и народа русскаго, благодаря терпѣливому, но настойчивому духу Россіи, ибо подобнымъ лишь духомъ созидаются великіе народы и великіе люди—она пришла теперь къ разрѣшенію трехсотъ лѣтней задачи: „какую пользу можетъ принести ей далекая Сибирь?“ Флагъ съ Андреевскимъ крестомъ уже развѣвается въ гаваняхъ ея на Восточномъ океанѣ; изъ Николаевска—еще съ терпѣніемъ, еще съ настойчивостью, можно будетъ сдѣлать Севастополь для Индіи, Китая и всего крайняго Востока, можно будетъ имѣть и морскія колоніи, сдѣлаться, какъ Англія и Франція, первостепенной морской державой! А двуглавый русскій орелъ на знаменахъ Россіи уже расправляетъ свои широкія крылья на берегахъ Или, въ виду Средней Азіи и англійскихъ аванпостовъ въ Индостанѣ... Пусть Европа прочтетъ эти строки! Она еще не знала, что дѣлаютъ русскіе въ этой далекой и страшной Сибири; она еще не понимала, что ей готовится на этомъ громадномъ полѣ битвъ... Узнаетъ и... призадумается!

Управленіе Сибирью шло тоже рука объ руку съ этимъ просвѣщающимъ и просвѣщаемымъ движеніемъ впередъ. Съ Іоанна IV до Петра Великаго развивавшіеся постепенно города сибирскіе были ввѣряемы воеводамъ и здѣсь къ чести государственнаго ума и прозорливости нашихъ древнихъ царей, слѣдуетъ замѣтить, — воеводамъ, изъ знатнѣйшихъ родовъ. Нѣтъ въ Россіи

почти ни одного княжескаго или извѣстнаго дворянскаго дома, который бы не далъ Сибири не только главныхъ воеводъ, правителей края, сидѣвшихъ въ Тобольскѣ, тогдашнемъ центрѣ военномъ, гражданскомъ, духовномъ и политическомъ, но и воеводъ въ самые маленькіе городки отъ Тюмени до Амура. Мы привели нѣсколько именъ завоевателей еще до Ермака; а потомъ и строителей городовъ, пѣстуновъ раждавшейся гражданственности сибирской. Уже въ тѣ начальныя времена сибирской исторіи встрѣчаемъ мы здѣсь князей Курбскихъ (Федора и Семена), Болховскаго, Елецкаго, Бяргинскаго, Горчакова; дворянъ Траханиотова, Сукина, Мяснаго, Лихарева. Въ 1590 году, стало быть только 3 лѣтъ послѣ основанія перваго города въ Сибири, Тюмени, и на третій годъ по основаніи Тобольска, царь Федоръ Іоанновичъ, уже назначаетъ перваго главнаго воеводу Сибирскаго края, боярина князя Владиміра Васильевича Кольцова-Мосальскаго. Съ этого времени и до начала XVIII столѣтія Сибирь управляется исключительно древними княжескими и дворянскими родами. Приведемъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ правителей, которымъ сибирскій лѣтописецъ отдастъ преимущество и хвалу за ихъ „боярское сердце.“ Въ этой прекрасной и выразительной хвалѣ заключалось тогда все: щедрость, великодушіе, просвѣщеніе, сила души и воли! И для потомства, — вспомнивъ тѣ трудныя времена, когда точно были надобны и умъ государственный, и большая дѣятельность, чтобы создать изъ Сибири подобіе Россіи; дать ей города, соборы, крѣпости, войско, законы, общежитіе, обители въ подражаніе славнымъ обителямъ русскимъ, даже кремли и св. Софіи, чтобы связать душу и мысль Сибири съ Кремлемъ московскимъ, св. Софіями Новгорода, Кіева, Византіи, — для потомства должно воскресить имена этихъ главныхъ дѣтелей, представителей родословнаго русскаго дворянства, ко-

торое создало и продолжаетъ созидать Россію умомъ, мечемъ, крестомъ, закономъ, даже самоотверженными жертвами, когда онѣ необходимы; которое дало Россіи Казань, Астрахань, Сибирь, Крымъ, Кавказъ, Литву, Польшу, Финляндію, добровольно отказалось нынѣ отъ вѣковыхъ правъ; которое было всегда впереди, въ челѣ прогресса и новыхъ идей для націи и есть донинѣ благороднѣйшее достояніе Россіи и ея судьбъ историческихъ!

- 1587 годъ. Бояринъ, князь Владиміръ Алексѣевичъ
Кольцовъ-Мосальскій
- 1592 — Князь Иванъ Петровичъ Лобановъ-Ростовскій.
- 1594 — Князь Меркурій Александровичъ Щербатовъ.
Князь Александръ Александровичъ Волконскій.
- 1598 — Иванъ Ивановичъ Внучковъ.
- 1606 — Князь Романъ Ѳедоровичъ Троекуровъ.
- 1609 — Князь Иванъ Михайловичъ Кафтыревъ-Ростовскій.
- 1622 — Бояринъ Матвѣй Михайловичъ Годуновъ.
- 1624 — Князь Юрій Яншѣвичъ Сулешевъ-Черкасскій.
- 1636 — Стольникъ, князь Мпхалъ Михайловичъ Темпигъ-Ростовскій.
Андрей Васильевичъ Волынский.
- 1639 — Князь Петръ Ивановичъ Пронскій.
- 1646 — Князь Григорій Семеновичъ Куракинъ.
Князь Михаилъ Семеновичъ Гагаринъ.
- 1648 — Бояринъ Иванъ Ивановичъ Салтыковъ.
- 1650 — Стольникъ Василій Борисовичъ Шереметевъ.
- 1652 — Стольникъ князь Василій Ивановичъ Хлпковъ.

- Ефимъ Федоровичъ Болтинъ.
- 1665 годъ. Князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ.
Григорій Федоровичъ Бутурлинъ.
- 1667 — Бояринъ, князь Петръ Семеновичъ Прозоровскій.
Стольникъ, князь Борисъ Александровичъ Солнцева-Засткинъ.
- 1668 — Стольникъ Петръ Ивановичъ Годуновъ.
- 1672 — Бояринъ, князь Иванъ Борисовичъ Рѣпинъ.
- 1676 — Бояринъ, Петръ Михайловичъ Салтыковъ.
Стольникъ Петръ Петровичъ Салтыковъ.
Иванъ Федоровичъ Пушкинъ.
- 1679 — Бояринъ Петръ Васильевичъ Меньшой—Шереметевъ.
Стольникъ Иванъ Ивановичъ Глѣбовъ.
- 1680 — Бояринъ Алексѣй Петровичъ Головинъ.
Стольникъ Богданъ Дмитріевичъ Глѣбовъ.
- 1681 — Стольникъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ.
Стольникъ Михаилъ Васильевичъ Приклонскій.
- 1689 — Бояринъ, князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ.
- 1702 — Бояринъ, князь Михаилъ Яковлевичъ Черкасскій.
Стольникъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій.
- и 1711 — Стольникъ Иванъ Ѳомичъ Бибииковъ.

Это лишь „главные воеводы“ съ „товарищи“, сплѣвшіе въ „царствующемъ градѣ Тобольскѣ“, какъ онъ названъ въ надписи на посохѣ, врученномъ 8 сентября 1621 года, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ, первому архіепископу сибирскому Кипріану при хиротонисаніи его въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Но и во всей Сибири до начала же XVIII столѣтія, отъ Тюмени, гдѣ воеводой Григорі-

емъ Баратынскимъ построена въ началѣ XVI столѣтія крѣпость для отраженія хищныхъ Ногайцевъ и Калмыковъ, до Албазина, гдѣ въ 1683 году геройски защищался отъ многочисленной китайской арміи воевода Василій Телбухинъ,—знаменитые княжескіе и дворянскіе роды вмѣняли себѣ въ честь и въ славу идти служить въ далекую Сибирь, часто подвергаясь лишеніямъ голода, холода и даже смерти среди этихъ снѣжныхъ пустынь и дремучихъ урмановъ! Но любовь къ отечеству, желаніе упрочить ему страну богатую, полную государственной будущности, руководили ими. Они не ошиблись!

Главные воеводы всего Сибирскаго края, уже отъ Тюмени до Албазина на Амурѣ, сидѣвшіе въ столицѣ Сибири, или какъ ее называли въ Москвѣ, „въ царствующемъ градѣ Тобольскѣ“, соединяли въ лицѣ своемъ власть обширную, или точяѣе сказать безграничную—военную, гражданскую и даже политическую. Они могли воевать сопредѣльные азійскія страны, посылать пословъ къ ихъ владѣльцамъ и сами принимать отъ нихъ посольства. Судъ и расправа были въ ихъ рукахъ безотчетно. Мы видѣли, что они принадлежали все къ знаменитѣйшимъ родамъ княжескимъ и дворянскимъ и хотя зависѣли отъ Сибирскаго Приказа въ Москвѣ, который поставленъ былъ надъ ними наблюдателемъ, руководителемъ и унимателемъ, по дворскія и семейныя связи ихъ находили всегда защиту и голосъ, а часто и содѣйствіе къ утайкѣ отъ царя ихъ дѣлъ и продѣлокъ! При нихъ въ Тобольскѣ находился Приказъ, въ которомъ засѣдали ихъ товарищи, съ дьяками и тучей подьячихъ. Въ другихъ городахъ края сидѣли тоже воеводы, въ зависимости отъ Тобольска, у которыхъ съ 1599 года была „Съѣзжая Изба“, а въ Забайкальи и „Шатровое управленіе“, вѣроятно остатокъ времени завоеванія, что по нынѣшнему можно перевести выра-

женіемъ „Шшабъ“, съ 1670 года „Приказная Изба“, а съ 1709 „Воеводская канцелярія“. Съ начала XVIII столѣтія появляются въ Сибири коменданты и комендантскія канцеляріи, завѣдывавшія не только военной, но и гражданской частью. Такъ мы видимъ комендантовъ не исключительно на Омской военной линіи, а въ Березовѣ, Енисейскѣ и даже за Байкаломъ. Земская часть была сперва въ рукахъ „прикащиковъ“, а потомъ „комиссаровъ“ до преобразованія всего государственнаго управленія въ началѣ XIX столѣтія и до введенія въ Сибирь „Сибирскаго учрежденія“ 1822 года.

Главное воеводство Сибирскаго края продолжалось до 1711 года и послѣднимъ главнымъ воеводой сибирскимъ, сидѣвшимъ „въ царствующемъ градѣ Тобольскѣ“, былъ стольникъ Иванъ Ѳомичъ Бибииковъ. Но въ промежутокъ между 1587 и 1711 годами, въ теченіи 124 лѣтъ, подъ высшимъ управленіемъ главныхъ воеводъ сибирскихъ, появляются уже и отдѣльныя „области“. Въ 1626 году—Томская, въ 1663—Иркутская, въ 1671—Якутская. Эти три области управляются старшими воеводами, въ зависимости однако отъ Тобольскаго правителя и дѣлятся на „уѣзды“, ввѣренныя подчиненнымъ имъ меньшимъ воеводамъ. Указомъ Петра Великаго, 18 декабря 1708 года, все государство раздѣлено на 8 губерній, и главные воеводы всей Сибири переименованы въ „сибирскіе губернаторы“. Въ составъ „сибирской губерніи“ вошли тогда не только вся Сибирь отъ Тюмени до Аргуна (Амуръ былъ уже возвращенъ Китаю), но и часть нынѣшнихъ: Вологодской, Витеской, Пермской и Оренбургской губерній, т. е. все огромное пространство, отъ города Яренска (нынѣ въ Вологодской губерніи, въ 1161 верстѣ отъ Москвы) до Камчатки. Правителемъ сего истиннаго „царства въ царствѣ“ сдѣланъ сибирскій губернаторъ, оставшійся по прежнему въ Тобольскѣ, и котораго можно сказать „са-

модержавная воля⁴ благоговѣнно исполнялась отъ Вологды до Берингова пролива. Дѣлопроизводство сосредоточивалось въ „Сибирской губернской канцеляріи“, въ которой все, что мы видимъ нынѣ—полиція, судъ, хозяйство, дѣла богоугодныя, военныя и даже дипломатическія, имѣли мѣсто и кругъ дѣйствій имъ присвоенный. По этому учрежденію сибирскій губернаторъ дѣлался именованно „вице-царемъ“, какъ испанскіе вице-короли въ Мехикѣ и въ Перу... Но первому „вице-царю“ сибирскому, хотѣвшему приложить къ здѣшнему краю безграничную власть вице-королей новаго свѣта, не посчастливилось, ибо тогда царствовалъ Петръ Великій.

Первымъ безотчетнымъ властителемъ этого новосозданнаго государства былъ знаменитый вельможа, бояринъ князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, славный и громкій, гордый и величавый, у коего по преданію „лошади были подкованы серебряными подковами на золотые шиши, а колеса кареты обтянуты коваными серебряными шинами.“ Сильный при Дворѣ, въ связи со всею аристократіей того времени, онъ и думать не хотѣлъ о Петрѣ Великомъ, и вступивъ въ управленіе Сибирью въ 1709 году, семь лѣтъ сряду грабилъ ее, что называется, не на животъ, а на смерть, продавалъ должности служебныя, казилъ и миловалъ за деньги, жаловалъ и разжаловалъ, кого и какъ хотѣлъ. Не будемъ этому удивляться. До управленія Сибирью Дениса Ивановича Чичерина (1763—1781 г.) въ теченіи 18 лѣтъ нещадно преслѣдовавшаго злоупотребленія власти, Сибирь по наивному выраженію Соликамскаго лѣтописца: „была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, т. е. воеводами, комиссарами, приставами, для коихъ украсть, ограбить, даже убить человѣка изъ-за денегъ, продать душу за алтынъ, считалось дѣломъ обыкновеннымъ. А это было уже почти въ концѣ XVIII столѣтія. „Матушка!“ говорилъ великій Суво-

ровъ императрицѣ Екатеринѣ II, „не наказывай мною ни одной губерніи!“ Императоръ Александръ Павловичъ, будучи еще великимъ княземъ, писалъ 10 мая 1796 года къ Виктору Павловичу Кочубею (въ послѣдствіи князь и предсѣдатель государственнаго совѣта) одному изъ любезнѣйшихъ друзей своихъ и тогдашнему посланнику нашему въ Константинополь: «nos affaires sont dans un désordre incroyable, on pille de tous cotés, tous les départemens sont mal administrés, l'ordre semble être banni de partout». Если лицо, поставленное уже на высшей ступени трона, предназначенное уже Провидѣніемъ чрезъ пять лѣтъ царствовать и такъ славно царствовать, могло отзываться подобнымъ образомъ о конечномъ результатѣ „вѣка Екатерины“, то можно вообразить себѣ какова была русская администрація въ началѣ XVIII столѣтія, когда энергіи Петра Великаго часто не хватало, чтобы подавить зло.

Но Петръ Великій былъ на то Петромъ Великимъ, чтобы быть во всемъ „единственнымъ“, даже и въ карѣ за взяточничество. Когда вопли изъ Сибири дошли наконецъ до него, онъ носылалъ сперва нѣсколько разъ расспрашивать и развѣдывать изъ-подъ руки все въ Сибири происходившее. Но боязнь ли силы князя Гагарина, стачка ли съ нимъ (ибо извѣстно, что Екатерина I и князь Меншиковъ крѣпко поддерживали Гагарина) дѣлали всегда то, что истину скрывали отъ государя. „А ты государь“, писалъ ему изъ Екатеринбургa прямодушный бригадиръ Геннингъ, — пожалуйста не слушай, что тебѣ говорятъ о Сибири. Всѣ они тамъ мошенники и взяточники, повѣрь, такъ! Съ чего мнѣ тебя обманывать?“ Наконецъ государь, вышедши изъ терпѣнія, послалъ своего „деньщика“ объявить словесно, вездѣ, по городамъ сибирскимъ, „что Гагаринъ-де воръ и не добрый человекъ и губернаторомъ въ Сибири не будетъ.“ Въсѣтъ съ сямъ (1717 г.), князь Гагаринъ былъ вы-

ванъ въ Петербургъ. Эта оригинальная манера возбуждать настоящую ревизию устами самого народа подѣйствовала. По волю Петра Великаго Гагаринъ былъ преданъ суду, два года (съ 1719 г.) содержался въ тюрьмѣ при Главномъ адмиралтействѣ, уличенъ и приговоренъ къ смертной казни. Поставили висѣлицу предъ Сенатомъ, вывели его на площадь въ рубахѣ, портахъ и колпакѣ и... повѣсили, какъ сказано: „за его неслыханное воровство.“ Это было 16 марта 1721 года. Тѣло его (по увѣренію современниковъ), висѣло до 21 апрѣля. Сибирь же вздохнула свободно.

Второй сибирскій губернаторъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій (бывшій уже въ званіи стольника „товарщемъ“ своего отца, боярина князя Михаила Яковлевича, на главномъ воеводствѣ въ Tobольскѣ, въ 1702 году), прибылъ въ томъ же 1721 году въ Tobольскъ и по данной ему на это Петромъ Великимъ власти, раздѣлилъ Сибирскую губернію на „провинціи“, а провинціи на „дистрикты.“ Провинцій этихъ было 5: Tobольская, Енисейская, Иркутская въ Сибири, Вятская и Соликамская, по ту сторону Урала. Въмѣстѣ съ тѣмъ учреждены сибирскіе полевые полки: Сибирскій гренадерскій, Tobольскій, Томскій, Колыванскій, Селенгинскій и Якутскій мушкетерскіе, да два драгунскихъ, Сибирскій и Иркутскій. До уничтоженія стрѣлцаго войска въ 1699 году, московскіе стрѣльцы были главной военной силой въ Сибири. Имъ вспомоществовали, въ видѣ легкой кавалеріи, сибирскіе казаки, образовавшіеся съ самаго завоеванія Сибири Ермакомъ изъ остатковъ его дружины, изъ бѣглецовъ Дона и Яика (Урала) и изъ (охочихъ) людей, которые тогда стремились толпами въ новооткрытую страну. Съ уничтоженіемъ стрѣльцовъ, ихъ стали замѣнять всюду регулярными полками, но казаки остались въ Сибири, какъ на Дону и на Уралѣ, образовали славное и молодецкое племя во всемъ краю, и присоеди-

неніемъ разнаго рода пришлецовъ въ прежнія времена: Татарь, Литовцевъ, Поляковъ, бѣглецовъ русскихъ, солдатъ, а въ нынѣшнее время государственныхъ крестьянъ въ Тобольской губерніи и горно-заводскихъ за Байкаломъ -- составили теперь поселенныя казачьи войска: Сибирское линейное (на Омской линіи и въ Киргизской степи), Забайкальское (за Байкаломъ), Амурское (на Амурѣ), Городовое конное и пѣшее (въ Тобольскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и Якутскѣ); даже конные полки изъ мусульманъ и язычниковъ: Татарскій въ (Тобольскѣ), Бурятскіе и Тунгусскіе (за Байкаломъ).

Съ 1708 по 1764 годъ, въ теченіи 56 лѣтъ, всей Сибирью управляли сибирскіе губернаторы, жившіе въ Тобольскѣ. Въ тогдашнія времена судьба многихъ изъ нихъ очень любопытна и ярко характеризуетъ людей и духъ времени. Мы уже рассказали о казни князя Гагарина. Другой сибирскій губернаторъ, Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, совсѣмъ наоборотъ, съ лобнаго мѣста и изъ-подъ кнута палача вошелъ на сибирское губернаторство и умеръ впоследствии въ Москвѣ сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ, кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Любимецъ Петра Великаго (которому онъ спасъ однажды жизнь), Соймоновъ былъ уже при императрицѣ Аннѣ генералъ-кретсъ-коммиссаромъ. Запутанный въ дѣло знаменитаго патріота кабинеть — министра Волинскаго, онъ испилъ всю чашу злобы Бирона. Его „выбили кнутомъ“ и, „вырвавши ему ноздри“, сослали въ каторжную работу, въ Охотскій портъ. 14 марта 1742 года императрица Елисавета возвратила его изъ Сибири, а въ 1757 году, онъ былъ назначенъ съ чиномъ тайнаго совѣтника, сибирскимъ губернаторомъ, вмѣсто генералъ-поручика Мятлева. Соймоновъ оказался правителемъ заботливымъ и просвѣщеннымъ. Онъ положилъ начало устройству главнаго сибирскаго почтоваго тракта, поселивъ на Ба-

рабинской степи ямщиковъ; былъ правосуденъ, добръ и безкорыстенъ. Преданіе говоритъ, что искусный хирургъ, вырѣзавши у него изъ руки кусокъ мяса, заросилъ имъ вырванныя ноздри. При немъ въ 1759 году Омская линія устроена генераломъ - поручикомъ Веймарномъ и бригадиромъ Фрауэндорфомъ. Въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII, первоначальная линія шла еще, какъ мы видѣли, по рѣкѣ Тоболу и нынѣшній окруженный городъ Курганъ (въ Тобольской губерніи) съ башнями, надолбами, рогатками и глубокимъ ровомъ, былъ центромъ военно-пограничнаго управленія всей южной части Западной Сибири. Тутъ стоялъ сильный гарнизонъ и изъ граматы Петра Великаго, отъ 11 декабря 1711 года, данной на имя полковника сибирскаго драгунскаго полка Леонтія Парфентьева, видно; что Курганъ считался тогда важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Но Киргизы производили непрерывныя набѣги на эту линію, разоряли слободы, уводили жителей въ плѣнъ съ пашней и покосовъ, набрасывая имъ на шею арканъ (какъ нынѣшніе горскіе хищники) и продавали потомъ въ Хиву и Бухарію. Однакомъ съ усиленіемъ русскихъ поселеній и съ умноженіемъ регулярнаго войска въ Сибири, пограничная черта отодвинута въ 1737 году на рѣку Ишимъ, гдѣ учреждена Ишимская военная линія. Съ устройствомъ этой линіи набѣги Киргизовъ сдѣлались рѣже, а съ укрѣпленіемъ Омской линіи въ 1759 году (стало быть 100 лѣтъ тому назадъ) южные округа всего края могли развиваться свободно. Въ 1763 году Соймоновъ сдѣланъ сенаторомъ, а на его мѣсто назначенъ сибирскимъ губернаторомъ, генераль-поручикъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, котораго простой народъ называлъ просто: „батюшка Денисъ!“

Чичерину Сибирь обязана гражданскимъ благоустройствомъ, какого еще не знала до него. Онъ первый началъ круто обуздывать страсть къ взяточничеству въ

сибирскихъ чиновникахъ, и, что ярко характеризуетъ время и нравы, частенько (какъ говорить преданіе) зазавши виновнаго въ свои палаты, „секретно отдирывалъ его на тѣлѣ“, да такъ „родительски“, что любителя „покормиться“, уносили на рукахъ. При немъ сибирская линія получила окончательное устройство, назначеніемъ на оную въ 1769 году „начальника Омской линіи“; завѣдываніе всеми войсками этой линіи, поручено тогда генераль-поручику Шпрингеру. 19 октября 1764 года, Сибирь раздѣлена на двѣ губерніи. — Тобольскую и Иркутскую, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилось управленіе всею Сибирью, чрезъ сибирскаго губернатора. Чичеринъ остался „Тобольскимъ губернаторомъ“. Въ Иркутскѣ назначенъ генераль-поручикъ Якобій, замѣчательный той странной игрой случайности судебъ чловѣческихъ, что онъ былъ потомокъ Стюартовъ, отъ побочнаго сына короля Іакова II. Десять лѣтъ спустя, по учрежденію 7 ноября 1775 года, повелѣно открыть два „намѣстничества“ въ Сибири: Тобольское и Иркутское, а увазомъ 18 іюля 1781 года при новомъ раздѣленіи имперіи на 40 губерній, въ Сибиря назначено быть уже тремъ намѣстничествамъ: Тобольскому, Кольванскому и Иркутскому. Наконецъ, на основаніи указа 19 января 1783 года, Тобольское намѣстничество открыто 30 августа 1783 года.

Оно заключало въ себѣ всю нынѣшнюю Западную Сибирь, съ двумя областями: Тобольской и Томской. Въ Тобольской области было 10 уѣздовъ: Тобольскій, Туринскій, Тарскій, Омскій, Ишимскій, Курганскій, Ялуторовскій, Тюменскій, Березовскій и Сургутскій. Значить за исключеніемъ Сургутскаго уѣзда (нынѣ упраздненнаго), это вся нынѣшняя Тобольская губернія, въ ея полномъ составѣ 9 округовъ. Въ Томской области было 6 уѣздовъ: Томскій, Ачинскій, Енисейскій, Туруханскій, Нарымскій и Каинскій. Здѣсь только два нынѣшнихъ

округа Томской губерніи: Томскій и Каинскій. Ачинскъ, Енисейскъ и Туруханскъ, отошли въ 1823 году, къ вновь открытой тогда Енисейской губерніи. Нарымъ, нынѣ за штатомъ, въ Томскомъ округѣ. Омскъ и Семипалатинскъ возведены въ 1728 году на степень городовъ, но въ Омскѣ, уже съ 1759 года, сосредоточивалось военное управленіе Сибирской линіи.

Первымъ намѣстникомъ Тобольскимъ былъ генераль-поручикъ Евгений Петровичъ Кашкинъ, которому поручена была вмѣстѣ съ тѣмъ и Пермская губернія. Намѣстничалъ онъ съ 1782 по 1788 годъ, жилъ не въ Тобольскѣ, а въ Перми. 26 іюня 1789 года прибылъ въ Тобольскъ второй намѣстникъ Тобольскій, генераль-поручикъ Алексѣй Андреевичъ Волковъ. Въ 1796 году, идучи чрезъ мостъ въ Тюмени, онъ внезапно умеръ отъ апоплексическаго удара. „Намѣстникъ Волковъ“, говоритъ Соликамскій лѣтописецъ, „жилъ какъ вельможа и чуждъ былъ корысти“,—похвала, которую сохранило потомство. Въ залѣ намѣстническаго дворца (нынѣ губернскаго присутственнаго мѣста въ Тобольскѣ) стоялъ императорскій тронъ. Въ высокаторжественные дни намѣстникъ всходилъ на ступени трона и, стоя близь онаго, принималъ поздравленія. Въ 1797 году Колыванское намѣстничество упразднено, а въ 1799 Тобольская и Иркутская губерніи возстановлены въ ихъ прежнемъ видѣ. Тронъ отправленъ въ Петербургъ. Наконецъ, въ 1802 году, вся Сибирь соединена въ одно цѣлое, подъ названіемъ Сибирскаго генераль-губернаторства.

Оно дѣлилось на три губерніи: Тобольскую, Томскую и Иркутскую; ими управляли, какъ и теперь, гражданскіе губернаторы. На Омской линіи командовалъ инспекторъ, такъ называемой „Сибирской инспекціи“. Предъ началомъ отечественной войны 1812 года, армейскіе полки были выведены изъ Сибири на западныя границы Имперіи, а въ Сибири остались гарнизонные полки (въ Ом-

скѣ и Иркутскѣ), гарнизонные баталіоны (въ Tobольскѣ и Томскѣ), горные баталіоны (въ Алтайскихъ и Нерчинскихъ заводахъ), гарнизонные же баталіоны по крѣпостямъ Омской линіи, инвалиды и казаки. Послѣ войны 1815 года при преобразованіи военнаго вѣдомства, всѣ сибирскія войска вошли въ составъ 23 пѣхотной дивизіи, что нынѣ 24-я. Сибирскій генераль-губернаторъ, тайный совѣтникъ Пестель, большею частью жилъ въ Петербургѣ. Между тѣмъ обширность края, отсутствіе генераль-губернатора, раздвоеніе власти гражданской и военной въ такомъ краѣ, гдѣ сліяніе этихъ властей государственно необходимо, дурные законы и дурныя учрежденія (осадокъ 238 лѣтъ), — все это породило вопіющія злоупотребленія, а мѣстами напомнило даже „Гагаринское время.“ Десятилѣтнія громадныя войны съ Наполеономъ (1805—1815), отвлекшія императора Александра Павловича отъ реформъ, имѣ съ такимъ юношескимъ жаромъ при воцареніи своемъ предпринятыхъ, не давали возможности обратить вниманіе на далекую Сибирь. Но въ 1819 году, Государь призвалъ къ этому трудному дѣлу именно того самаго человѣка, который былъ на это одинъ лишь вполне способенъ. Тайный совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій былъ назначенъ Сибирскимъ генераль-губернаторомъ и облеченъ полною властью для ревизіи Сибирскаго края и начертанія ему новаго устройства.

Извѣстно, какія услуги Сибири и Россіи оказали умъ и государственная проницательность Сперанскаго. Сибирь живетъ и теперь еще его „учрежденіемъ“. Россія развивается до настоящаго времени его „сводомъ законовъ“. На десяти лишь годахъ разстоянія между издачіемъ этихъ двухъ его великихъ трудовъ (1822—1832 г.) онъ двинулъ отечество въ законодательствѣ и въ государственномъ благоустройствѣ на полвѣка впередъ, и Сибирь въ особенности никогда не забудетъ въ немъ

не только правителя просвѣщеннаго, но что еще выше,—
честнѣйшаго человѣка. Изъ краткаго управленія сво-
его Сибирью (1819—1822) Сперанскій вынесъ цѣлый
кодексъ для этой огромной страны. Правительство услы-
шало чрезъ проницательнаго и примодушнаго посред-
ника важныя истины, и 22 іюля 1822 года, Высочайше
утверждено извѣстное „Сибирское учрежденіе“, донинѣ
въ Сибири дѣйствующее. Этимъ учрежденіемъ Сибирь,
какъ мы видѣли, раздѣлена на Западную и Восточную.
Границы и столкновенія властей опредѣлены съ точ-
ностью. Особенности въ положеніи (ссылка, инородче-
скія племена, казаки, горная часть, пограничныя дѣла и
проч.) выяснены и приведены въ стройную систему.
Будущность развитія и улучшеній указана. Съ 1822
по 1859 годъ, въ теченіи 37 лѣтъ, направленіе, дан-
ное геніемъ Сперанскаго, идетъ прогрессивно впередъ.
Въ 1823 году открыта губернія Енисейская, области
Якутская, Охотская и Камчатская; въ 1824 году — Ом-
ская; въ 1851 году — Забайкальская и Кяхтинское градо-
начальство; въ 1854 году—Семипалатинская и Сибир-
скихъ Киргизовъ; въ 1856 году—Приморская, на бере-
гахъ Восточнаго океана; въ 1858 году—Амурская, въ
центрѣ теченія Амура. Такимъ образомъ, Сибирь, отъ
предгорій Уральскихъ до предгорій Небеснаго хребта и
до береговъ Восточнаго океана, окончательно устрои-
лась. Остается развивать, допознать и усовершенство-
вать устроенное.

Первымъ генераль-губернаторомъ Западной Сибири
и вмѣстѣ съ тѣмъ командиромъ Отдѣльнаго сибирскаго
корпуса, по сибирскому учрежденію 1822 года, былъ
генераль-лейтенантъ Петръ Михайловичъ Капцевичъ,
человѣкъ суровый, но примодушный и безкорыстный.
Онъ развилъ гражданское и военное устройство толь-
ко что преобразованнаго края; держалъ въ страхѣ чи-
новниковъ, самъ лично входилъ во все и во время сво-

вхъ развѣдочъ, не довѣря поверхностнымъ ревизіямъ (всегда заблаговременно уже изготовленнымъ въ лучшемъ внѣшнемъ видѣ), призывалъ къ себѣ крестьянъ, запросто съ ними бесѣдовалъ и умѣлъ заставить ихъ раскрывать свои мысли и души. При сосредоточеніи въ рукахъ его и военной части, Отдѣльный сибирскій корпусъ получилъ тоже окончательное устройство. Въ 1828 году изъ гарнизонныхъ полковъ и батальоновъ, расположенныхъ во всей Сибири, сформировано 15 сибирскихъ линейныхъ батальоновъ, которые съ инвалидными подвижными ротами и командами, эстапами, казаками и проч., были растянуты отъ Урала до Нерчинскаго завода. 24-ю пѣхотную дивизію составили 3 бригады; квартира 1-го бригаднаго штаба назначена въ Омскѣ, 2-го въ Томскѣ, 3-го въ Иркутскѣ. Въ 1834 году, при соединеніи и въ Восточной Сибири, въ лицѣ тамошняго генераль-губернатора, власти военной и гражданской, всѣ войска въ томъ краю расположенныя отошли въ его непосредственное командованіе по званію Командующаго войсками, въ Восточной Сибири расположенными, но все-таки состояли въ Сибирскомъ корпусѣ, считаясь въ откомандировкѣ. Наконецъ, въ 1858 году, всѣ войска того края окончательно отчислены отъ этого корпуса и переданы графу Муравьеву-Амурскому, съ принятіемъ №№ отъ 1-го. Затѣмъ въ Сибирскомъ отдѣльномъ корпусѣ остались въ настоящее время: 24-я пѣхотная дивизія, въ составѣ уже 2 бригадъ (въ Омскѣ и Семипалатинскѣ) съ 12-ю линейными батальонами, инвалидными и этапными командами, казачьи войска и прочія части.

Послѣ генерала отъ артиллеріи Капцевича были послѣдовательно генераль-губернаторами Западной Сибири и командирами Отдѣльнаго сибирскаго корпуса: генераль-лейтенантъ Вельяминовъ, генераль-лейтенантъ Сулима и генераль отъ инфантеріи князь Горчаковъ. Въ 1851 году начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи, генераль-

лейтенантъ Густавъ Христіановичъ Гасфордъ, назначенъ исправляющимъ должность генераль-губернатора Западной Сибири и командующимъ Отдѣльнымъ сибирскимъ корпусомъ, въ 1853 году, утвержденъ въ этихъ должностяхъ, съ производствомъ въ генералы отъ инфантеріи; а 13 января 1861 года, назначенъ генераль-губернаторомъ Западной Сибири и командиромъ Отдѣльнаго сибирскаго корпуса, сенаторъ, генераль-лейтенантъ Александръ Осиповичъ Дюгамель. Въ Восточной же Сибири по учрежденію 1822 года, были постепенно: первымъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири—тайный совѣтникъ Ловинскій. Въ 1834 году, по соединеніи власти гражданской съ властью военной—генераль-лейтенантъ Сулима, съ назначеніемъ и Командующимъ войсками, въ Восточной Сибири расположенными. Въ 1836 году—генераль-лейтенантъ Броневскій. Въ 1838 году—генераль-лейтенантъ Рушпертъ. Съ 1847 году—генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи, графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій; а съ 19 февраля 1861 года, назначенъ исправляющимъ должность генераль-губернатора Восточной Сибири и Командующаго войсками въ оной расположенными, бывший дотолѣ помощникомъ графа Муравьева, свиты Его величества генераль-майоръ Михайлъ Семеновичъ Корсаковъ.

Какъ же развивалась, рядомъ съ гражданскимъ и воинскимъ устройствомъ, сибирская Церковь? Завоеватель Ермакъ, въ походъ свой въ Сибирь (1580—1581), имѣлъ при своей дружинѣ подвижную часовню. Изъ часовни его хранился въ Тобольской архіерейской ризницѣ образъ св. Николая Чудотворца, съ серебрянымъ позолоченнымъ вѣнцомъ. Эта историческая святыня увезена въ 1826 году, архіепископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ Евгеніемъ, въ Москву и поднесена имъ императору Николаю Павловичу. За казаками Ермака пришли въ Сибирь стрѣльцы Московскіе. Они съ мечемъ

въ рукѣ внесенъ и крестъ. Съ завоеваніемъ шла шагъ за шагомъ и евангельская проповѣдь. Первыми церквами въ Сибири были Тюменскія:—Рождество—Богородицы—лѣтняя и св. Николая, съ предѣломъ Θεодора Стратилата,—зимняя, обѣ деревянныя и воздвигнутыя въ 1586 году. Въ 1587 г., при основаніи Тобольска, построена и въ немъ первая церковь св. Троицы, на мысѣ Алтынъ-Аргинакъ. Въ 1595 г. воевода князь Петръ Горчаковъ воздвигаетъ первыя церкви въ Целымскомъ краѣ: въ Табарахъ и Целымъ, обѣ во имя Рождества Богородицы. Въ 1600 г. построена въ Обдорскѣ первая церковь во имя св. Василия. Въ 1601 г. въ Туринскѣ (Епанчинъ городкѣ)—первая церковь св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Въ 1602 году, въ Кодскомъ городѣ (Кондійскѣ на Оби)—первая церковь, во имя св. Савватія и Зосимы, Соловецкихъ Чудотворцевъ. Въ 1605 г.—въ Березовѣ, первая церковь, во имя Воскресенія Христова. Въ 1608 г. въ городкѣ Мангазѣ (уже въ Туруханскомъ краѣ, нынѣшней Енисейской губерніи) — первая церковь, во имя св. Николая Чудотворца. Такъ, въ 22 года проникло уже далеко духовное просвѣщеніе вглубь Сибири. Вмѣстѣ съ построеніемъ первыхъ церквей основываются всюду и первые монастыри, эти проводники цивилизаціи и молитвы. За дружинами царя земнаго идутъ дружины Царя небеснаго, водружая крестъ, сооружая святыя обители, научая дикія племена исламическія и языческія не только догматамъ Вѣры Христовой, но и труду сельскому, разчищая лѣса, вспахивая нови, распространяя просвѣщеніе и гражданственность. Уже въ 1601 году, т. е. спустя лишь 20 лѣтъ по завоеваніи Сибири, основывается въ Тобольскѣ, у стараго устья рѣки Тобола, мужескій монастырь, во имя св. Савватія и Зосимы Соловецкихъ Чудотворцевъ; въ 1604 г.,—въ Туринскѣ Покровскій мужескій же; а въ 1661 г. въ Тюмени—Преображенскій тоже мужескій, пришедшимъ изъ Казани

монахомъ Ипфонтѣмъ. По устройству, это нынѣ лучшая обитель въ Западной Сибири.

Такимъ образомъ, до учрежденія архіерейской каѳедры для Сибирскаго края, — съмена Вѣры и гражданственности быстро развивались по этимъ необозримымъ пустынямъ, отъ предгорій Урала даже до Енисея. Благочестіе древнихъ царей Руси не замедлило этимъ учрежденіемъ. Едва лишь смуты междуцарствія минули и Домъ Романовыхъ восшелъ на престолъ Русскій, — 8 сентября 1621 года уже хиротонисанъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ (родителемъ царя Михаила), первый архіепископъ Тобольскій и Сибирскій Кипріанъ, изъ архимандритовъ древняго Хутынскаго монастыря, близъ Новгорода, гдѣ нынѣ почилъ великій „цѣвѣць .Бога“ Державинъ. Еще до этого хиротонисанія перваго архіерея сибирскаго, цари, съ Феодора Іоанновича, уже присылали новосозидаемымъ церквамъ далекой Сибири книги, ризы, иконы и утварь церковную. Даже въ 1593 году, лишь 12 лѣтъ послѣ завоеванія Сибири, явился въ Сибирь „вѣчный ссыльный“, знаменитый набатный колоколь угличскій, возвѣстившій народу убіеніе послѣдней отрасли Дома Рюрикова, св. царевича Димитрія, Угличскаго Чудотворца (15 мая 1591 года). Этотъ колоколь заслужилъ „опалу“, т. е. опаленъ былъ гнѣвомъ самодержца, „битъ кнутомъ, съ усвѣченіемъ уха“ по народному преданію. Святитель Кипріанъ, и послѣ него четыре архіепископа: Макарій (1625 г.), Нектарій (1636 г.), Герасимъ (1640 г.) и Симеонъ (1651 г.) — постепенно распространили христіанство до Байкала и Лены. 25 мая 1668 года — шестой архіепископъ Корнилій, хиротонисанный въ 1664 г., возведенъ на степень митрополита Тобольскаго и Сибирскаго. Ему даны при томъ бѣлый клобукъ, трикирія для освѣненія и саксосъ съ омофоромъ и предоставлено право носить митру съ крестомъ на

верху. Право это осталось у преосвященныхъ Тобольскихъ до настоящаго времени. Вместе съ тѣмъ Сибирская митрополія въ іерархическомъ отношеніи получила четвертое мѣсто послѣ Новгородской, Казанской и Астраханской. Въ 1707 году учрежденъ викаріатъ сибирской митрополіи въ Иркутскѣ, гдѣ первымъ епископомъ Иркутскимъ былъ преосвященный Варлаамъ. Съ учрежденіемъ 25 января 1721 года Святѣйшаго Правительствующаго Синода, значеніе митрополитовъ (какъ это было при патріаршествѣ) во многомъ измѣнилось; а въ 1769 году, по смерти Сибирскаго митрополита Павла II, былъ уже назначенъ въ Тобольскъ только епископъ (Варлаамъ). Нынѣ Тобольскіе архіереи именуются архіепископами или епископами Тобольскими и Сибирскими, смотря потому, въ какомъ санѣ пріѣзжаютъ въ Тобольскъ. Такъ нынѣшній епископъ Θεогностъ не имѣетъ еще архіепископскаго сана и именуется епископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ. Въ іерархическомъ порядкѣ епархій—Тобольская занимаетъ нынѣ седьмое мѣсто послѣ митрополій Новгородской, Киевской, Московской и Санктпетербургской, архіепископствъ Казанскаго и Астраханскаго и состоитъ во второмъ классѣ. Но учрежденіемъ Тобольской архіерейской кафедры и ея Иркутскаго викаріата не ограничилось поступательное движеніе православія вслѣдъ за поступательнымъ движеніемъ войска и народа. Въ 1843 году открыта Томская епархія, заключающая въ себѣ нынѣ губерніи Томскую и Енисейскую, и первымъ епископомъ ея былъ преосвященный Афанасій, нынѣ архіепископъ Казанскій и Свіяжскій. Въ 1848 году—епархія Камчатская, въ 1858 году—викаріатъ Якутскій, а въ 1859 году—викаріатъ Новоархангельскій. Обители шли тоже рука объ руку съ просвѣщающе-духовнымъ движеніемъ впередъ. Въ 1658 году основанъ Троицкій Енисейскій мужескій монастырь. Въ 1679 г.—знаменитый

Вознесенскій Иркутскій (гдѣ почиють мощи св. Иннокентія, епископа и Чудотворца Иркутскаго). Въ 1690 Якутскій мужескій-же, котораго первый архимандритъ Илларионъ Ламайскій былъ и первымъ начальникомъ Пекинской духовной миссіи въ 1715 году. Въ 1721 Троицкій Посольскій, за Байкаломъ, на крутомъ берегу моря, близъ посольской пристани и на мѣстѣ, гдѣ въ 1681 г. убиты русскіе послы Заболоцкій съ товарищами Монголами, при слѣдованіи ихъ въ Китай. Въ 1738 г.—Троицкій Кабанскій, близъ Верхнеудинска. Въ 1740 г.—Нерчинскій, гдѣ долго находился въ заточеніи митрополитъ Ростовскій Арсеній, краснорѣчивый витія второй половины XVIII столѣтія, а наконецъ въ 1834 году—Чикойскій Свято-Духовскій, основанный духовнымъ другомъ и утѣшителемъ нашимъ, нынѣ почившимъ схимо-отшельникомъ игуменомъ Варлаамомъ, въ дикихъ и живописныхъ ущельяхъ горъ Чикойскихъ.

Два митрополита сибирскихъ прославили себя святостью жизни и трудами апостольскими. Знаменитый Іоаннъ (въ мѣрѣ Максимовичъ), правившій сибирской паствой до 1715 года, и котораго могила въ Тобольскомъ Успенскомъ Соборѣ, донинѣ привлекаетъ теплыя мольбы народа, и блаженный схимникъ Θεодоръ, бывший митрополитъ Филофей (въ мѣрѣ Лещинскій), апостольскій прибрежья Ледовитаго океана, обратившій въ православіе до 40,000 Вогуловъ, Остяковъ, Татаръ и Тунгусовъ, соорудившій до 37 церквей въ этихъ пустыняхъ приполюсныхъ. Онъ скончался въ 1727 году и поκειται нынѣ въ оградѣ Тюменскаго Свято-Троицкаго монастыря. Этимъ двумъ великимъ іерархамъ, равно какъ и предшественникамъ ихъ, съ самаго Кипріана (перваго архіепископа сибирскаго), Сибирь обязана также и своимъ просвѣщеніемъ гражданскимъ, шедшимъ объ руку съ просвѣщеніемъ духовнымъ. Уже съ учрежденія святительской кафедры въ Тобольскѣ (1621 г.) началось

при Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ обученіе кліриковъ, для приготовленія изъ мѣстныхъ жителей священниковъ и дьяконовъ. Впослѣдствіи ученые монахи, большею частью малороссіяне и воспитанники знаменитой тогда Кіевской школы, вызванные преосвященными сибирскими, тоже большею частью малороссіянами, и поставляемые ими въ архимандриты, игумены, строители, даже миссіонеры, въ самые отдаленные края Сибири, разносили всюду съ свѣточью просвѣщенія вѣрой, свѣточъ наукъ и просвѣщенія гражданскаго. Въ 1701 году, митрополитъ Филофей Лещинскій (тоже малороссіянинъ) учредилъ въ Сибири первую школу, нашедши живое къ ней сочувствіе Петра Великаго, а вскорѣ за тѣмъ друкарню, т. е., типографію для печатанія книгъ, разумѣется духовныхъ и на славянскомъ языкѣ; гражданская печать, тогда еще не существовала. Школа митрополита Филофея преобразована въ 1743 году другимъ малороссіяниномъ, митрополитомъ же Тобольскимъ и Сибирскимъ Антоніемъ Нарожницкимъ въ школу латинскаго языка, а въ 1788 году въ нынѣшнюю семинарію. Изъ этой школы, впослѣдствіи семинаріи, выходили и выходятъ и теперь, не однѣ лишь исключительно духовныя лица. Въ ней за дальностію русскихъ университетовъ и невозможностію получать въ Сибири высшее гражданское образованіе и при маломъ числѣ казенныхъ вакансій въ Тобольской и Томской гимназіяхъ, образуются и въ настоящее время сибирскіе чиновники, достаточно приготовленные для ихъ служебнаго поприща. То же самое вліяніе на развитіе мѣстнаго образованія оказываетъ на другой оконечности Сибири и Иркутская семинарія. Учрежденіе сибирскаго университета въ Томскѣ, какъ центръ края, пополнить, конечно, эти скудныя средства къ просвѣщенію Сибири.

И не только для укрѣпленія русскаго племени въ вѣрѣ, созиданія храмовъ и обителей, учрежденія школъ, но

и для просвѣщенія свѣтомъ евангельскимъ и гражданственностію самыхъ отдаленнѣйшихъ исламическихъ и языческихъ племенъ неизмѣримой Сибири, — преосвященные Тобольскіе, вспомошествоваемые сперва древними царями, а потомъ Святѣйшимъ Синодомъ, ревностно и успѣшно подвизались, и нынѣ подвизаются совокупно съ преосвященными другихъ епархій сибирскихъ. Мы уже видѣли апостольскіе труды блаженнаго схимника Θεодора. И послѣ него иноки и священники, часто претерпѣвая страшную нужду, голодъ и холодъ, шли съ крестомъ въ рукѣ по снѣговымъ пустынямъ приобьскимъ и Приенисейскимъ, по дремучимъ тайгамъ Якутскимъ и Камчатскимъ. Духовныя миссіи, съ походными церквами, существуютъ донинѣ въ Березовскомъ краѣ, въ дикихъ ущельяхъ Алтая, въ степяхъ Забайкальскихъ, въ глухомъ Якутскѣ. Въ 1715 году отправлена изъ Тобольска въ Китай, первая „духовная миссія, построенная въ 1726 году въ Пекинѣ Срѣтенскій монастырь и удержавшая въ православіи злополучныхъ Албазинскихъ плѣнниковъ, начинавшихъ забывать вѣру и языкъ отцевъ своихъ. Первымъ архимандритомъ Пекинской Духовной Миссіи, былъ экономъ Тобольскаго архіерейскаго дома Иларіонъ Ламайскій, посвященный тогда же въ санъ архимандрита Якутскаго монастыря, и которому Петръ Великій пожаловалъ митру. Пекинская Духовная Миссія принесла много пользы и оказала много важныхъ услугъ, даже политически, своему отечеству. Трудями извѣстныхъ синологовъ: монаха Іакинфа Бичурина, архимандрита Петра Каменскаго, Тимбовскаго, Ладыженскаго, Ковалевскаго, — Китай нынѣ вполне извѣстенъ Россіи. Студенты Пекинской Духовной Миссіи — основательно изучая языкъ, нравы, обычаи, религію, исторію Китая, становятся самыми полезными дѣятелями для намѣреній правительства въ будущемъ, и, конечно, ни одно государство въ Европѣ не можетъ

сказать, чтобы оно имѣло столько подручныхъ средствъ для внесенія цивилизаціи и христіанства, для религіознаго, нравственнаго и политическаго завоеванія Китая, какъ Россія. „Китайское правительство“, говоритъ статья 8-я трактата, заключеннаго графомъ Путитинымъ въ Тянь-Цзань 1 іюня 1858 года, ратификованнаго Государемъ Императоромъ 29 августа того же года и размѣненнаго въ ратификаціяхъ 12 апрѣля 1859 года, „признавая, что христіанское ученіе способствуетъ къ водворенію порядка и согласія между людьми, обязуется не только не преслѣдовать своихъ подданныхъ за неположеніе обязанностей христіанской вѣры, но и покровительствовать имъ наравнѣ съ тѣми, которые слѣдуютъ другимъ допущеннымъ въ государствѣ вѣрованіямъ. Считая христіанскихъ миссіонеровъ за добрыхъ людей, не ищущихъ собственныхъ выгодъ, китайское правительство дозволяетъ имъ распространять христіанство между своими подданными и не будетъ препятствовать имъ проникать изъ всѣхъ открытыхъ мѣстъ внутрь имперіи, для чего определенное число миссіонеровъ, будетъ снабжено свидѣтельствами отъ русскихъ консуловъ, или пограничныхъ властей.“ Такимъ образомъ то, что мы говорили о зависящемъ отъ Провидѣнія міровомъ назначеніи Россіи на берегахъ Или и Амура 3—нынѣ дѣйствительно совершается! Дай Богъ, чтобы она дожила до того великаго дня, когда богатый, просвѣщенный, огромный Китай, съ 175,000,000 его жителей, придетъ подать ей братски руку и скажетъ: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!*

Сфрагистика и геральдика Сибири слѣдовали тоже прогрессивному развитію здѣшней гражданственности. Известно, что въ самой глубокой древности русскіе уже употребляли печати. Въ мирномъ договорѣ Игоря съ Греками (945 г.) послы великаго князя Руссовъ „ношаху печати златы, а гости сребряны“ говоритъ лѣтопи-

сецъ Несторъ. Договоръ Святослава съ Греками былъ тоже утвержденъ печатями. Въ Сибири древнія татарскія племена уже употребляли, еще со времени Чингизъ-Хана, „тамги“. Ханъ Кучумъ, давая „шертную“, т. е. клятвенную запись въ вѣрности, еще въ 1571 году, стало быть за 10 лѣтъ до завоеванія Сибири Ермакомъ (1581 г.), утверждалъ эту запись своей тамгою. Гербъ нынѣшняго дворянскаго дома „князей Сибирскихъ“, потомковъ Хана-Кучума, имѣеть два соболя на заднихъ лапахъ стоящіе, держащіе лукъ съ перекрещенными на немъ стрѣлами: На этомъ княжеская шанка. Уже въ 1607 году даны печати Тобольску и Березову. Печати эти изображали двухъ соболей, стоящихъ на заднихъ лапахъ и держащихъ передними лапами корону Царства Сибирскаго; между ними шить, на которомъ надпись: „печать Царства Сибирскаго.“ Въ 1625 году даны всѣмъ сибирскимъ городамъ новыя печати. Печати хранили воеводы въ Приказной Избѣ, подъ замкомъ за своей печатью, и не могли носить къ себѣ на домъ. Въ 1696 году велѣно сдѣлать въ Сибирскій Приказъ особую великаго государя „сибирскую печать.“ Въ 1729 году утверждены гербы: Тобольскій, Томскій, Енисейскій и Якутскій, а наконецъ, при раздѣленіи Россіи на 40 губерній въ 1781 году, даны и сибирскимъ губерніямъ гербы донныя въ нихъ существующіе. Въ Западной Сибири, гербъ Тобольской губерніи:—золотая пирамида съ воинскими арматурами, знамена и бараны красные, поле лазуревое, а гербъ Томской губерніи—человѣкъ, стоящій въ рудоконнѣ, въ рукахъ рудокопныя инструменты, поле желтое.“ Въ 1837 году, надъ гербами всѣхъ губерній повелѣно имѣть императорскую корону. Гербы эти употребляются на пуговицахъ форменной одежды гражданскихъ чиновниковъ и на каскахъ чиновъ наружной полиціи во всѣхъ городахъ. Печати же, употребляемыя теперь присут-

ственными мѣстами сибирскими, суть общія со всеми русскими: государственный гербъ, или гербъ своей губерніи съ надписью, означающую мѣсто или лицо, которому печать дана для законнаго приложенія. Древняя корона Царства Сибирскаго опущена сободемъ и имѣетъ видъ Мономаховой шапки, съ крестомъ на вершинѣ. Что же касается сибирской монеты, известной въ Россіи подъ именемъ „сибирскаго соболя“, то она чеканилась на Сузунскомъ монетномъ дворѣ, въ Алтайскихъ заводахъ, въ Томской губерніи и высоко цѣнилась не только въ Сибири, но и за границей по высокому качеству ея серебрястой мѣди. Ея шло множество въ Китай и въ Среднюю Азію. Эту монету начали бить въ Сибири, по указу 3-го декабря 1763 года въ Барнаулѣ, въ 10, 5, 2, 1, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ копейки на мѣдь, считая въ тогдашнемъ мѣдномъ рублѣ 100 копѣекъ. На этой чистой, звонкой и очень отчетливо вычеканенной монетѣ, изображали на лицевой сторонѣ вензель императрицы Еватерины II, подъ императорской короной, а на контрфасѣ, два соболя, поддерживающіе щитъ съ надписью: „сибирская монета“ и съ означеніемъ цѣнности. Тогда же (въ 1764 г.) устроенъ для этого и Сузунскій монетный дворъ на Алтаѣ. Но указомъ 1 іюля 1781 года, эту монету воспрещено чеканить съ сибирскимъ гербомъ, а по общему для всей монеты въ государствѣ образцу. Въ 1850 году она вовсе изъята изъ обращенія.

Изложивъ наглядно исторію Западной Сибири, въ связи ея съ исторіей всей Сибири, коснемся и сенаторскихъ ревизій, въ ней въ нынѣшнемъ столѣтіи произведенныхъ. Онѣ отчасти послужили къ развитію и устроению края. Еще въ 1804 году ревизовали всю Сибирь, сенаторы и тайные совѣтники Репищевъ и Левашевъ. Но войны съ Наполеономъ (1805—1815 г.), отвлекая вниманіе Государя отъ дѣлъ внутреннихъ, оставили эту ревизию безъ всякихъ видимыхъ результатовъ. Въ 1819

году поручено было тайному совѣтнику Сперанскому обрѣзывать всю Сибирь снова, съ званіемъ сибирскаго генераль-губернатора. Результатомъ этой ревизіи было извѣстное „сибирское учрежденіе“, плодъ высокихъ думъ, государственной проницательности, духа преобразовательнаго по преимуществу. Въ 1827—1828 годахъ, ревизовали Западную Сибирь сенаторы и тайные совѣтники: князь Куракинъ и Безрадный, но турецкая война 1828—1829 годовъ, а вслѣдъ за ней мятежь Польскій 1830—1831 годовъ, опять оставили эту ревизию безъ видимыхъ результатовъ. Съ 1843 по 1846 г. ревизовалъ Восточную Сибирь сенаторъ и тайный совѣтникъ Толстой. Послѣдствіями этой ревизіи были нынѣшнія огромныя преобразованія въ томъ отдаленномъ краѣ, достигшія постепенно до возвращенія Амура Россіи. Въ 1851 году ревизовалъ Западную Сибирь членъ государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ Анненковъ (нынѣ государственный контролеръ). Послѣдствіями и этой ревизіи были учрежденіе Сибирскаго комитета и рядъ столь же обширныхъ преобразованій и въ здѣшнемъ краѣ, давшія новый видъ Киргизской степи, придвинувшія новую границу къ воротамъ Средней Азии, развивавшія девять лѣтъ (1851—1860 гг.), подъ просвѣщеннымъ руководствомъ генерала Гасфорда начала цивилизаціи, гражданственности и торговли, отъ предгорій Урала до Небеснаго хребта и водораздѣла Енисея.

Сибирскія ученныя экспедиціи содѣйствуютъ тоже, въ наше время, этому просвѣтительному движенію впередъ всего Сибирскаго края. Въ 1843 году финскій ученый, магистръ Кастренъ изслѣдовалъ въ Западной Сибири нарѣчія финскихъ племенъ. То же и съ тѣмъ же усиліемъ повторили въ здѣшней же мѣстности въ 1845 году, венгерскій ученый Регули, а въ 1858 году родичъ Кастрена, магистръ Альквистъ. Въ 1847 и 1848 годахъ уральско-сѣверная экспедиція, подъ началь-

ствомъ генерала Гофмана, изслѣдовала все сѣверное приуралье отъ водораздѣла Печоры до Оби, и принесла много пользы астрономіи, географіи и естествознанію этихъ малоизвѣстныхъ странъ. Русское Географическое Общество, Министръ государственныхъ имуществъ, оба Генераль-губернатора Сибири, принимаютъ тоже самое живое участіе въ ученыхъ изслѣдованіяхъ этой отдаленной, но столь интересной страны. Въ 1855 году Иркутскій Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества снарядилъ экспедицію для обозрѣнія пространства между бассейнами Лены и Амура, и съ тѣхъ поръ эта экспедиція уже описала часть Забайкалья, систему рѣкъ Витима и Вилюя и все теченіе Амура отъ стрѣлки до Восточнаго океана. Между тѣмъ графъ Муравьевъ, въ стратегическо-ученой экспедиціи своей въ 1856 году по Амуру, генераль Гасфордъ, въ своихъ ежегодныхъ изслѣдованіяхъ стратегическихъ и торговыхъ путей въ Западный Китай и Среднюю Азію, ученые изслѣдованія члена Русскаго Географическаго Общества Семенова въ южной части Семипалатинской области и въ предгоріяхъ Небеснаго хребта, этого горнаго узла центральной Азіи, въ 1858 году предпринятія, а Маака въ при-Амурскомъ краѣ, —учено-межевая экспедиція, снаряженная въ 1858 же году, на счетъ Кабинета Его Величества, для астрономическихъ, геодезическихъ и топографическихъ работъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ, а что всего важнѣе и существеннѣе для Сибири, —личная, просвѣщенная дѣятельность ея генераль-губернаторовъ, дружно стремящихся на берегахъ Амура и Или къ упроченію русскаго владычества мечемъ, крестомъ и наукой, все это, много содѣйствуя видамъ правительства, развиваешь въ то же время болѣе и болѣе здравыя, точныя и ясныя понятія о Сибирскомъ краѣ. И вотъ тоже благородныя причины того живаго участія, которое нашли и мы лично, когда рѣшились уяснить эти понятія большинству,

разсказать Европѣ и Россіи объ этой далекой и для столь многихъ страшной Сибири просто и по возможности наглядно...

Идея наша именно, очень проста. Въ подлежащемъ *первомъ томѣ* послѣ этого общаго вступленія, изображающаго всю Западную Сибирь во всѣхъ проявленіяхъ ея многосторонней жизни, мы проходимъ, такъ сказать шагъ за шагомъ всю Тобольскую губернію. Изъ Омска, нынѣшняго средоточія военнаго и гражданскаго управленія всей Западной Сибирью, идемъ мы въ Ишимъ, пріобрѣвшій уже громкую извѣстность своей такъ сильно годъ отъ году развивающейся ярмаркой, а изъ Ишима—въ пограничный Петропавловскъ, тоже важнѣйшій теперь пунктъ нашей торговли съ Западнымъ Китаемъ и всей Средней Азіей, не только на Сибирской линіи, но и на Оренбургской. Изъ Петропавловска сворачиваемъ мы въ Курганскій округъ, посѣщаемъ Курганъ и Ялуторовскъ: одинъ изъ нихъ—житница Тобольской губерніи, а другой славится своими многочисленными сельскими ярмарками и промышленнымъ духомъ его жителей и достигаемъ шумной, торговой и богатой Тюмени, съ ея многочисленными кожевенными заводами, развивающимися пароходствомъ, оборотливостью и дѣятельностью городскаго сословія, самаго замѣчательнаго въ цѣлой Сибири. Изъ Тюмени вступаемъ мы въ полосу мрачныхъ лѣсовъ Сибирскихъ и чрезъ Туринскъ, поднявшись по дикой Тавдѣ, достигаемъ пустыннаго Пелыма, гдѣ нѣкогда погибъ мученически Василій Никитичъ Романовъ (дяди царя Михаила), жертва Годунова, и заточены были герцогъ Биронъ Курляндскій и фельдмаршалъ графъ Минихъ. Изъ Пелыма проходимъ мы землей Вогуловъ въ драматическій Березовъ, гдѣ отжилъ жизнь свой знаменитый любимецъ Петра Великаго, генералиссимусъ князь Меншиковъ, гдѣ страдали двѣ обрученныя невѣсты импера-

тора Петра II, князя Долгоруковы, графъ Остерманъ... Внизъ по теченію Оби, достигаемъ мы Съвернаго океана. Здѣсь грань міра и творенія. Землей Самоѣдовъ и Остяковъ сперва, а потомъ поднимаясь теченіемъ Иртыша, достигаемъ мы Тобольска, съ его Кремлемъ, св. Софіей, Шведскими воротами, обелискомъ Ермаку, съ его ссыльнымъ Угличскимъ колоколомъ, со всей его исторіей, которая тоже и исторія постепеннаго развитія нынѣшней Сибири. Изъ Тобольска проходимъ мы въ Тару заглянуть въ „дикій Эдемъ“, знаменитыя Васьюганскія болота, на 600 верстъ волшебныхъ садовъ, озеръ, луговъ раскинутыя, и посѣтивъ Коряковское озеро, славящееся неистощимымъ запасомъ лучшей въ Сибири поваренной соли, возвращаемся Омской линіей въ Омскъ. Мы совершили кругъ по всей Тобольской губерніи.

Во *второмъ томѣ*, мы направляемся опять изъ Омска. Зеленыя Барабинскія степи, съ ихъ идиллическими пейзажами, приводятъ насъ въ суетливый Каинскъ, этотъ „Иерусалимъ“ сибирскихъ Евреевъ, въ крошечный Колывань на широкой Оби, въ богатый, торговый и шумный Томскъ. Полюбовавшись этимъ оживленнымъ Томскомъ, нынѣшнимъ истиннымъ центромъ всей Сибири и заглянувъ въ пустынный Нарымъ съ его Обьскимъ раздольемъ и дремучими тайгами, мы изъ Томска идемъ сперва въ золотопромышленный Маріинскъ на Кіѣ (бывшая Кійская слобода), гдѣ нанимаютъ рабочихъ на золотые приски всей Томской системы. Дошедши до Чулыма, сворачиваемъ въ Кузнецкъ, съ его дремучей „чернью“, напоминающей Шварцвальдъ и Богемію и вступаемъ въ горный округъ Алтайскій. Вотъ и Барнаулъ—тоже похожій на Саксонскій Фрейбергъ, городъ цивилизаціи и прогресса, съ художественными издѣліями его гранильной фабрики, съ сплавомъ всего сибирскаго золота, съ глубокими шахтами и всѣми чудесами подземнаго царства

гномовъ. Изъ богатаго Бйска, славящагося медомъ, проходимъ мы въ Семипалатинъ-къ, и заглянувъ въ романтическія мѣстности Усть-Каменогорска и Бухтармы, проникаемъ въ Семирѣчинскій край,—это преддверіе „обътованной земли“ Западной Сибири. Изъ Копала, вступаемъ въ очаровательныя долины Или, гдѣ заоблачныя горы вѣчно покрыты снѣгомъ, а у предгорій климатъ и растительность Италіи. Здѣсь мы у воротъ Западнаго Китая, въ сердцѣ Средней Азіи. Отсюда чрезъ богатые рудными мѣстороженіями округи Каркарадинскій и Баянъ—Аульскій, возвращаемся мы опять въ Омскъ, совершивъ тоже кругъ и по всей Томской губерніи, съ областями Семипалатинской и Сибирскихъ Киргизовъ.

Въ *третьемъ томѣ* начинаемъ мы описаніемъ Восточной Сибири. Послѣ подобнаго нынѣшнему общаго же вступленія, изображающаго и всю Восточную Сибирь, какъ мы изобразили теперь Западную, т. е. во всѣхъ же проявленіяхъ ея многосторонней жизни,—мы направляемся отъ поэтическихъ береговъ извилистаго Чулыма, и чрезъ Ачинскій округъ проникаемъ въ Минусинскій край, къ предгоріямъ Саяна. Здѣсь обширный Енисей мчитъ какъ стрѣла среди огромныхъ утесовъ, покрытыхъ таинственными „рунами“—неизвѣданными іероглифами давно исчезнувшихъ народовъ; здѣсь бальзамическая Сагайская степь, съ оригинальною жизнью ея Татаръ-пастуховъ; отсюда, внизъ по Енисею, посѣщаемъ мы Красноярскъ, котораго, не могли поднять золото и роскошь его богачей, древній Енисейскъ, который, напротивъ, подняла его золотопромышленность, пустынный Туруханскъ, зарытый, какъ и Березовъ, въ глубокихъ снѣгахъ гиперборейскихъ и чрезъ богатые золотые пріиски Енисейской и Бирюсинской системъ (Канскъ и Нижнеудинскъ),—выходимъ къ величайшей изъ сибирскихъ рѣкъ, Ленѣ. Спустившись съ Качужской пристани въ за-

глохшіи Якутскъ, мы вновь поднимаемся до нея Леной. Отсюда направляется вся судоходная торговля приленскаго края. Отсюда тоже шагъ до Иркутска, горящаго нынѣ своимъ Амуромъ, оживленнаго нынѣ своей торговлей съ крайнимъ Востокомъ. Здѣсь, какъ въ Тобольскѣ,—историческій центръ всего прошлаго Восточной Сибири: древніе соборы, обитель, гдѣ почиваютъ мощи св. епископа Иннокентія. И здѣсь обанчиваемъ мы рассказъ нашъ о Енисейской и Иркутской губерніяхъ и объ области Якутской.

Въ *четвертомъ и последнемъ томѣ*, отправляемся мы изъ Иркутска къ картиннымъ берегамъ Байкала, этого внутренняго моря Восточной Сибири. За Байкаломъ, сворачиваемъ, чрезъ пустынный Селенгинскъ, въ шумную и богатую Кяхту, гдѣ толпятся представители купечества всей имперіи, и посѣщаемъ китайскій городъ Маймачинъ, этотъ сухопутный Кантонъ русской чайной торговли. Отсюда, чрезъ живописныя Чикойскія и Хилокскія горы, приходимъ въ Петровскій заводъ; а чрезъ торговый Верхнеудинскъ и Бурятскую степь достигаемъ Читы, областного города Забайкальской области и передоваго стана Россіи у преддверія Амура. Здѣсь лишь шагъ до Нерчинскихъ рудниковъ, съ ихъ подземельными работами и страшной для Россіи каторгой. Шагъ тоже и до Аргуни, которая, соединяясь съ Шилкой (у Стрѣлчяго караула), образуетъ Амуръ. Теченіемъ Амура, мимо возникающаго снова Албазина, мимо Благовѣщенска, Софійска, сель и станицъ (уже возстающихъ надъ широкимъ Амуромъ), достигаемъ мы Николаевска. Это — Севастополь Восточнаго океана. Здѣсь должны развиваться жизнь и дѣятельность, города, флотъ, торговля. Это — новый русскій міръ, встающій тутъ въ виду дряхлаго міра,—Индіи и Китая. Совершивъ отсюда на пароходѣ поѣздку въ Петропавловскъ, ге-

ройски отстоянный нашими моряками и въ Новоархангельскъ, эту Американскую колонію Россіи,—мы заключаемъ наше полное описаніе Сибири радостнымъ прозрѣніемъ на ея великую будущность! Да благословить Богъ посильные труды наши...

Начинаемъ съ Тобольской губерніи.

ТОБОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

ГЛАВА I.

ВСТУПЛЕНІЕ. ОМСКЪ.

Тобольская губернія простирается между 68° и 54° сѣв. шир. и между 83° и 91° восточ. дол. и граничитъ: на западѣ — съ губерніями Архангельской, Вологодской, Пермской и Оренбургской; на югѣ — съ областями сибирскихъ Киргизовъ и Семипалатинской, на востокѣ — съ губерніями Томской и Енисейской; на сѣверѣ — съ Ледовитымъ океаномъ. Она состоитъ изъ 9 округовъ: Омскаго, Ишимскаго, Курганскаго, Ялуторовскаго, Тюменьскаго, Тарскаго, Тобольскаго, Туринскаго и Березовскаго. Приблизительно же вычисляется въ 1,364,767 квад. верстъ съ населеніемъ въ 1,013,418 жит. об. пол., а именно:

1) Южные округи:	Омскій	93,534	к. вер.	118,313	ж. о. п.
	Ишимскій	35,667	192,006
	Курганскій	20,420	178,261

Итого въ южн. округахъ — 149,621 к. вер. 488,580 ж. о. п.

2) Средніе округи:	Ялуторовскій	18,353	к. вер.	159,726	ж. о. п.
	Тюменьскій	16,230	106,606
	Тарскій	83,592	84,216

Итого въ сред. округ. 118,175 к. вер. 350,548 ж. о. п.

и 3) Сѣверн. округи: Тобольскій	93,534 кв. вер.	97,258 ж. о. п.
Туриискій.	70,787	50,256
Березовскій	932,650	26,211

Итого въ сѣвер. округахъ 1,096,971 кв. вер. 173,725 ж. о. п. А всего въ губерніи 1,364,767 кв. верст. 1,012,853 ж. об. пол. Изъ этого исчисленія видно; что населеніе Тобольской губерніи распредѣлено въ ней совершенно сообразно съ климатическими условіями ея природы и съ нуждами ея жителей. Въ южныхъ округахъ, гдѣ изстари житница всего края, населеніе велико и цифра 488,580 ж. о. п. представляетъ почти половину народонаселенія всей губерніи. Въ среднихъ округахъ, гдѣ уже начинается лѣсная и болотная страна, но за то сильно развиты торговля, промышленность и ремесленность, цифра 350,548 ж. о. п. еще очень удовлетворительна, люднѣе всей Архангельской губерніи. Наконецъ въ сѣверныхъ округахъ населеніе скучивается только около Тобольска и Туринска; далѣе же разбросано по громадному пространству всего 1,096,971 кв. в., т. е. свыше $\frac{2}{3}$ всей губерніи, и съ ничтожной цифрой лишь 173,725 ж. о. п., что не представляетъ населенія и одного Курганскаго округа. По пространству, эта губернія занимаетъ третье мѣсто въ числѣ губерній и областей всего государства. Обширнѣе ея только Якутская область и Енисейская губернія. Площадь ея вычислена до настоящаго времени только на 109,279 $\frac{3}{5}$ квад. верстѣ, что доказываетъ неимовѣрныя трудности, предстоящія для точнаго вычисленія Сибири. Здѣсь вѣрнаго въ статистикѣ ничего нѣтъ, и все, что мы представляемъ относительно цифръ и итоговъ, основано на шаткихъ данныхъ, сознаваемыхъ самими губернскими статистическими комитетами края и должно всегда и вездѣ приниматься приблизительно, не болѣе.

Тобольская губернія представляетъ совершенную равнину, слегка наклоненную къ Ледовитому Океану. На

югъ она степнаго свойства, со множествомъ озеръ, камышей, болотъ и березовыхъ перелѣсковъ,—это округи—Омскій, Ишимскій и Курганскій. Въ средней ея полосѣ хвойные лѣса занимаютъ съ болотами огромныя пространства,—это округи—Ялуторовскій, Тюменскій и Тарскій. На сѣверѣ лѣса, болота и тундры уже преобладаютъ,—это округи Тобольскій, Туринскій и Березовскій. Обь и Иртышъ составляютъ становую жилу Тобольской губерніи. Обь входитъ въ нее въ Березовскомъ округѣ. Иртышъ—въ Омскомъ. Принимая въ себя Омь, Тоболь и Ишимъ (соединенныя звѣнья южныхъ округовъ съ средними и сѣверными), Туру и Тавду (связь Урала съ средними округами), они вмѣстѣ съ тѣмъ неисчерпаемыя сокровищницы рыболовства. Самые богатые рыбой округи: сперва Березовскій, за нимъ Тарскій и Тобольскій, наконецъ Туринскій. Озеръ рыболовныхъ и солесадочныхъ много. Богатѣйшее рыбой озеро—болото, или точнѣе сказать, сѣтъ озеръ, это Васьюганъ, имѣющее до 600 верстъ длины, между Обью, Иртышемъ и Енисеемъ. Оно начинается въ Тарскомъ округѣ и удлиняется до водораздѣла Енисея. Замѣчательны тоже озера Уватское и Андреевское, въ Тобольскомъ округѣ, Синтуръ—въ Туринскомъ, Салтасарайское—въ Курганскомъ, Щучье и Таволожское—въ Ишимскомъ и Чаны въ Омскомъ. Соляныхъ озеръ насчитывается до 90, но главнѣйшее—Коряковское, въ Омскомъ округѣ, дающее до 500,000 пуд. отличной поваренной соли ежегодно.

Скотоводство въ Тобольской губерніи очень обширно. Лошадей считается въ ней 576,375, т. е. на 100 жителей приходится 57 лошадей. Процентъ этотъ, кромѣ Оренбургской губерніи (гдѣ на 100 жителей приходится 77 лош.) выше всѣхъ губерній имперіи. Рогатаго скота имѣется 541,657 головъ, т. е. на 100 жит. 54 гол. Только въ 9 русскихъ губерніяхъ процентъ этотъ выше. Овецъ 670,223 штукъ, т. е. на 100 жителей

по 87 шт. Только 22 русскихъ губерніи имѣютъ въ этомъ перевѣсѣ противу здѣшней. Свиной 233,695 шт., т. е. на 100 жит. по 23 шт., хотя въ 31 русской губерніи процентъ этотъ значительнѣе, но свиноводство еще недавно начало развиваться въ южныхъ округахъ, по случаю большаго требованія свиного сала къ Петербургскому порту, и оно начинаетъ быть въ сильномъ прогрессѣ. Наконецъ, особенности Тобольской губерніи—олений, насчитывается 175,700 головъ. Это очень понятно. Олени единственное достояніе бродячихъ племенъ крайняго сѣвера—Остяковъ и Самоѣдовъ, а ихъ числится въ губерніи, 22,155 д. о. п.

Звѣроловство, какъ хлѣбопашество, скотоводство и рыболовство, составляетъ тоже источникъ неисчерпаемаго богатства для жителей Тобольской губерніи. Въ этомъ она уступаетъ только своимъ родичамъ сибирскимъ губерніямъ и областямъ и то не во всѣхъ мѣстностяхъ Сибирскаго края, а по протяженію сѣвера отъ Тары до Якутска и до раздѣла водъ Амурскихъ, т. е. до Яблоноваго хребта, и ниже, спускаясь къ Ледовитому океану и Берингову проливу до Охотска и Камчатки. Въ дремучихъ тайгахъ Туринскихъ, Березовскихъ, Тобольскихъ и Тарскихъ есть все лучшія и цѣннѣйшія породы звѣря: бобръ, соболь, лисица, песецъ, горностай, бѣлка, пушистые медвѣди (и бѣлый на Ледовитомъ океанѣ) и волки. Кромѣ этого, большія выгоды доставляетъ жителямъ сборъ кедровыхъ орѣховъ и ягодъ: клюквы и брусники въ Туринскомъ и Березовскомъ округахъ, малины—на Васьюганѣ, въ Тарскомъ. Наконецъ дичь, драгоценный гагачій и лебяжій пухъ, разведеніе въ южныхъ округахъ домашнихъ гусей, утокъ и индѣекъ, что все имиѣ скупается зимой и для столицъ, воровочають тоже большими капиталами, доставляютъ большую массу благосостоянія жителямъ среднихъ и сѣверныхъ округовъ. Можно безъ преувеличенія на-

звать Тобольскую губернію богатѣйшею изъ неметаллоносныхъ во всемъ государствѣ, да и то рудныя богатства ея неизслѣдованы. Недавно найдены золотыя прииски въ Березовскомъ округѣ и по всемъ вѣроятіямъ есть богатые золотыя россыпи въ Пелымскомъ краѣ, по Тавдѣ, Лозвѣ, Сосвѣ, Кондѣ, въ землѣ Вогуловъ, гдѣ система рѣкъ и рѣчекъ, беретъ все свои начала въ золотоносномъ и еще малоизслѣдованномъ сосѣднемъ сѣверномъ хребтѣ Уральскихъ горъ.

Климатъ въ Тобольской губерніи всюду здоровый (исключая побережья Ледовитаго океана, гдѣ цынга, сифлисъ, оспа и лихорадки обыкновенны между инородцами). Сибирская же язва, появляющаяся иногда на лошадахъ и рогатомъ скотѣ, рѣдко сообщается людямъ. Смертность, при общемъ недостаткѣ врачей и аптекъ, суровости температуры и общемъ тоже небреженіи о здоровьѣ среди простаго народа, очень невелика. Изъ населенія въ 1,012,853 д. о. п. (504,632 муж. и 508,221 женщ.) на 1000 д. о. п. приходится обыкновенно среднимъ числомъ 44 умершихъ. Родившихся бываетъ на 1000 д. о. п. 63; число дѣвочекъ превышаетъ число мальчиковъ во всехъ округахъ, кромѣ Березовскаго. Въ 1857 году родилось 57,834 д. о. п., умерло 35,557. Изъ числа умершихъ было: отъ 70 до 120 лѣтъ 2748 д. о. п., а отъ рожденія до 5 лѣтъ 27,266,—значитъ и глубокая старость не рѣдкость, и небреженіе о дѣтяхъ очевидно. Браковъ было 11,612, т. е. на 1000 д. о. п. приходится ихъ 14. Въ 164 учебныхъ заведеніяхъ всехъ вѣдомствъ, считалось къ 1 января 1859 года 4883 учащихся. При населеніи въ 1 млн. жителей о. п., конечно, это очень мало, но въ 31 губерніи русской и эта цифра еще меньше. Въ числѣ этихъ учебныхъ заведеній только 14 приходскихъ сельскихъ училищъ. На фабрикахъ и заводахъ губерніи выработано на 1,150,186 руб. сер., но это не представляетъ и $\frac{1}{10}$ доли цѣнности всего продуктивна-

го итога, получаемаго мѣстными жителями отъ скотоводства, рыболовства и звѣрловства, не говоря уже о хлѣбопашествѣ, ибо здѣсь сбытъ хлѣба малъ. Купеческихъ капиталовъ было 530; а ярмарокъ 75 въ 42 мѣстностяхъ. Въ 12 городахъ (1 губернскомъ, 8 окружныхъ и 3 заштатныхъ) считалось по 10-й народной переписи только 11,433 рев. душ. мѣщанъ. Только три города: Омскъ, Тобольскъ и Тюмень имѣли свыше 10,000 жит. Самое большое мѣщанское общество Тюменское, гдѣ ихъ считалось 3127 рев. душъ. Всѣхъ городскихъ доходовъ исчислялось только 59,983 р. с. съ высшей цифрой 18,894 р. 51¹/₄ к. сер. въ Тобольскѣ. Стало быть и городской сословія и городское богатство еще очень мало развиты. Въ этомъ отношеніи, первый городъ въ губерніи,—Тюмень. Вотъ, впрочемъ, въ какомъ положеніи находятся нынѣ города Тобольской губерніи къ 1 января 1860 года.

НАЗВАНІЕ ГОРОДОВЪ	Годъ основаніи.	Число домовъ.	Число жит. о. п.	Число ремесленниковъ.	Фабр. и завод.	Церкви.	Учебн. завед.	Разстоян. отъ губернскаго города.	Сѣвер. шир.	Восточ. долг.
1. Тобольскъ губерни....	1587	2,428	17,056	594	24	21	9	"	58° 12'	85° 54'
2. Омскъ окруж.....	1716	2,073	17,773	554	23	6	7	602	54,59	91,3
3. Тюмень окруж.....	1586	2,350	13,996	1,418	95	13	4	259	57,10	83,11
4. Ялуторовскъ окруж.	1659	557	2,240	189	4	2	3	341	56,39	83,59
5. Кургань окруж.....	1670	664	3,552	135	17	2	3	531	55,26	83,4
6. Нишимъ окруж.....	1670	499	2,342	274	14	2	3	405	56,6	87,5
7. Тара окруж.....	1594	978	5,298	231	14	6	3	575	56,54	92,2
8. Туринскъ окруж....	1600	682	4,029	312	15	6	3	424	58,3	81,24
9. Березовъ окруж....	1593	170	1,335	55	"	2	2	1,066	63,56	82,43
10. Петропавловскъ зашт	1753	1,148	6,761	628	30	3	1	564	54,53	86,50

Занятія жителей Тобольской губерніи можно раздѣлить на три рода. Южные округа занимаются исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, съ отраслями хозяйства къ нимъ принадлежащими — салотопленіемъ, мыловареніемъ, картофельно-паточнымъ производствомъ, литьемъ свѣчъ, выдѣлкой крупчатки и проч.,—это округа: Омскій, Ишимскій и Курганскій. Въ среднихъ округахъ развита торговля ярмарочная, лавочная и развѣздная, фабричное и заводское производство кожъ, суконъ, холстовъ, ковровъ, кожанаго товара и проч.,—это Ялуторовскій, Тюменскій и Тарскій округа. Сѣверные имѣютъ на свою долю звѣроловство и рыболовство, дичь, ягоды, орѣхи,—это округа Тобольскій, Туринскій и Березовскій. Итакъ на югѣ дешевы хлѣбъ и мясо, въ срединѣ шерстяныя, льняныя, кожевсныя и древесныя издѣлія, а на сѣверѣ звѣрь, рыба, орѣхи, ягоды и дичь. Югъ нестоимъ хлѣбомъ, середина строевыми лѣсами, сѣверъ пушнымъ звѣремъ и рыбой. На югѣ нѣтъ инородцевъ и крестьяне не отлучаются изъ дома для заработковъ; у нихъ и дома много дѣла. Въ срединѣ—народъ ходитъ на заработки, въ ямщину, въ лѣсъ, на рыбныя ловли, занимается промышленностью и рукодѣльемъ. Тутъ есть и небольшая часть инородцевъ. На сѣверѣ, наоборотъ,—много инородцевъ, а мало русскихъ, но тѣ и другіе исключительно звѣроловы и рыболовы.

Крестьянскій бытъ сытенъ, селенія хорошо обстроены, дома и надворныя постройки вездѣ крыты или тесомъ, или драницами. Чистота и порядокъ—коренныя добродѣтели русскихъ жителей. Бѣдность неизвѣстна, потому что тѣмъ или другимъ каждый можетъ добыть себѣ кусокъ хлѣба. Земель на душу приходится вездѣ свыше узаконенной пропорціи. Есть много крестьянъ, которые имѣютъ отъ 70 до 100 десятинъ запашки, а менѣе 5 рѣдкій имѣетъ. Цѣны на жизненные припасы поднимаются только случайно, какъ это и было въ 1860 году,

отъ продолжительныхъ весеннихъ засухъ, а потомъ проливныхъ осеннихъ дождей. Вообще же среднія цѣны на ржаную муку не восходятъ выше 15—20 к. сер. за пудъ, пшеничной 20—25, мяса 80 к. до 1 руб., рыбы красной 3—4 р., сер. простой 70—90 к. сер. Дороги и почты хорошо устроены, возятъ быстро, ямщики ловки и расторопны, лошади крѣпки и гонки. Важнѣйшая ярмарка въ губерніи—Ишимская Никольская (6 декабря), съ привозомъ отъ 2 до 3 милліон. руб. сер.; за нею—Бѣлозерская (въ Курганскомъ округѣ, 28 октября), съ привозомъ до 1/2 мил. руб. сер. Мокроусовская (въ Ялуторовскомъ)—на ту же сумму. Тюменская же нынѣ въ полномъ упадкѣ.

Криминальная статистика Тобольской губерніи представляетъ крайне любопытные выводы. По обнародованнымъ 27 іюля 1859 года свѣдѣніямъ за истекшее тогда трехлѣтіе (1856—1858 г.) о всѣхъ подвергшихся суду въ здѣшной губерніи, видно слѣдующее:

	1856 г.	1857 г.	1858 г.
Подвергшихся суду	2914.	2879.	3386.
I. Изъ сего числа подсудимыхъ обвинялось:			
въ смертоубійствѣ	182	225	305
зажигательствѣ	70	35	47
грабежѣ и разбоѣ	46	105	97
воровствѣ — кражѣ	1033	856	1492
воровствѣ — мошенничествѣ . .	56	73	41
въ нарушеніи уставовъ: монет., питейн. и созяныхъ . .	687	722	355
преступленій и проступкахъ по службѣ государственной и общественной	139	140	157
посягательствѣ на собственную жизнь	„	40	15
нанесеніи ранъ, увѣчья и другихъ поврежденій	„	241	206

отступленіи отъ вѣры и постанов. церкви	"	"	85
бродяжествѣ, укрывательствѣ бѣг- лыхъ и нарушеніи паспортныхъ правилъ	"	"	111
возбужденіи къ ссорамъ и буйству и нарушеніи благочинія въ пуб- личныхъ мѣстахъ	"	"	104
въ преступленіяхъ противу чести и цѣломудрія женщинъ	"	"	39
Всѣхъ обвиняемыхъ	2213	2437	3054
II. Изъ сего числа подсудимыхъ было:			
дворянъ	64	72	32
духовныхъ	8	8	9
горожанъ	162	156	156
крестьянъ государст. и помѣщ. . .	2416	2151	2716
евреевъ и инородцевъ	"	240	243
нижнихъ воинскихъ чиновъ и разно- чинцевъ	"	77	76
ссылно-каторжныхъ	"	4	6
ссылно-поселенцевъ	264	162	141
утаившихъ свое происхожденіе . . .	"	9	7
Всѣхъ подсудимыхъ	2914	2879	3386
III. Изъ сего числа подсудимыхъ открыто виновныхъ:			
по убійству	62	40	7
воровству—мошен. и кражѣ	171	155	339
по конокрадству	236	48	30
корчемству	"	22	6
дѣланію и переводу фальшивыхъ де- негъ	"	14	22
грабежу	"	"	14
нанесенію ранъ и увѣчья	"	"	48
Всего открыто виновныхъ	469	279	466

IV. Изъ сего числа подсудимыхъ, по приговорамъ обществъ, было сослано на поселеніе въ другія Сибирскія губерніи и области:

крестьянъ	31	36	31
ссылно-поселенцевъ	4	4	8
горожанъ	5	1	1

Всего сослано по приговорамъ обществъ 40 41 40

V. На основаніи положенія 1854 года удалено далѣе въ Сибирь, по подозрѣнію въ конокрадствѣ и неодобренныхъ въ поведеніи:

крестьянъ и горожанъ	77	55	63
и VI. Найдено подкидышей	27	40	32
Было незаконнорожденныхъ	816	571	„

Прежде всего ярко бросается въ глаза неимоვნно малое число открытыхъ виновныхъ 1214 лицъ, на огромное число обвиненныхъ 7704. Это подтверждаетъ справедливость факта, приведеннаго Министромъ внутреннихъ дѣлъ въ отчетѣ за 1857 годъ, о явно дурномъ устройствѣ нашихъ полицейскихъ учреждений въ слѣдственной части. Конокрадовъ и воровъ много, но иначе быть не могло въ губерніи, гдѣ столько ссыльно-поселенцевъ и вотъ одна изъ причинъ, почему настоятельно и необходимо принять радикальныя мѣры къ устройству этихъ людей и къ обращенію ихъ на казенныя работы, съ развитіемъ и окончательнымъ приложеніемъ началъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 15 іюля 1859 года. Цифра убійствъ очень значительна, а открыто виновныхъ очень мало—109, только $\frac{1}{7}$. Зажигательствъ 152—много; а разбоевъ 248 и очень много. Если же бродягъ такъ мало, то это происходитъ отъ того, что ихъ много пробирается въ Россію и крестьяне очень не охотно ихъ ловятъ, во избѣжаніе придиорокъ и взяточничества чиновниковъ. Прочія цифры не имѣютъ особаго значенія.

Замѣтимъ только, что незаконнорожденные за 1856 и 1857 г.—1387 д. о. п., не говорятъ въ пользу нравственности Тобольской губерніи. Число родившихся было въ 1857 году 52,834 д. о. п., а незаконнорожденныхъ 571, стало быть 1 изъ 92. Для такого исключительно сельскаго земледѣльческаго населенія, безъ центровъ фабричныхъ и заводскихъ (гдѣ и въ Европѣ замѣчена большая порча нравовъ), это очень и очень много! Прибавимъ, наконецъ, что всѣхъ мѣстъ заключенія было: 182 гражданскаго вѣдомства (изъ коихъ тюремъ 10) и 11 военнаго, всего 193. Число арестантовъ простиралось до 8000 д. о. п., но въ Тобольскую губернію сходятся ссылаемые съ цѣлаго государства и случается въ Тобольскомъ губернскомъ замкѣ иногда свыше 2000 д. о. пола заключенныхъ. Гражданскія тюрьмы въ Тобольской губерніи хороши, почти всѣ новыя, каменные, по удобнымъ нормальнымъ планамъ выстроенныя, но арестантскія, при городскихъ полиціяхъ, земскихъ судахъ и волостныхъ правленіяхъ, очень дурны, тѣсны, душны, грязны... А между тѣмъ, при первоначальномъ обслѣдованіи вины, или просто по полицейскимъ мѣрамъ взысканія, обвиненные или наказываемые содержатся тутъ иногда по долгу! Это стоитъ вниманія и кореннаго преобразованія...

Въ 9 округахъ Тобольской губерніи 153 волости русскихъ государственныхъ крестьянъ, 55 волостей инородныхъ и 7 инородческихъ управъ. Кроме того, въ Березовскомъ округѣ 4 русскихъ общества и 15 родовъ Самоѣдовъ.

Мы уже говорили въ общемъ вступленіи объ управленіи сибирскомъ, дѣйствующемъ нынѣ на основаніи учрежденія 1822 года. Обратимся же теперь къ выполненію задачи нами себѣ къ разрѣшенію предложенной... Время намъ въ путь. Трудъ обширенъ, мы это знаемъ, данныхъ для выполненія его еще очень мало и въ наукѣ, и въ литературѣ—мы это тоже знаемъ. На-

конецъ знаемъ по опыту, что путешествія по Европѣ и путешествія у насъ, двѣ вещи громаднo различныя. У насъ путешественникъ долженъ бороться не съ одними лишь матеріальными препятствіями природы, — это бы все ничего, — проникаютъ же люди въ центральную Африку! Но труднѣе бороться съ препятствіями нравственными, съ невѣжествомъ массъ, неразвитостію, пугливостію, недоброжелательствомъ, съ отсутствіемъ критически разработанныхъ фактовъ, сбивчивостію всякаго рода административныхъ свѣдѣній, недостаткомъ гласности во всемъ и обо всемъ... Но мы вмѣнили себѣ въ непремѣнную обязанность выполнить задуманный нами трудъ, какъ онъ ни обширенъ, ибо убѣждены, что окажемъ истинную услугу Европѣ и Россіи. Не скоро еще онъ дождется полныхъ описаній Сибири, ученых и систематически составленныхъ. Да и кто нынѣ читаетъ ученые фоліанты, годные только для кабинета академика и для мертвой буквы библіотекъ... И хотя предлагаемое популярное описаніе Сибири во многомъ несовершенно, конечно, но мы однако убѣждены, что его прочтутъ съ любопытствомъ и съ пользой. Нынѣ требуютъ свѣта — и мы, съ сердечнымъ стремленіемъ къ добру и пользѣ, приходимъ бросить „лучъ свѣта“ на эту далекую и еще незнаемую Сибирь...

Омскъ прекрасный городъ, — первый въ Тобольской губерніи по населенію, постройкѣ, мѣстности, климату, порядку, благоустройству, образованности и удобствамъ жизни, лучшій въ цѣлой Сибири во многихъ отношеніяхъ. Мѣстность его ровная и сухая, — вотъ уже громадная разница между нимъ и болотистымъ Тобольскомъ, гористымъ Томскомъ и засыпаемымъ пескомъ Красноярскомъ. Населеніе его почти все состоитъ изъ служа-

щихъ, или имѣющихъ прикосновеніе къ служащимъ, — вотъ опять громадная разнида между нимъ и всѣми прочими губернскими городами сибирскими, страшно переполненными ссыльными. Климатъ его лучше, мягче, здоровѣе и ровнѣе прочихъ губернскихъ городовъ. Онъ не вышелъ изъ исторіи, какъ Тобольскъ и Иркутскъ, поэтому мѣстность и недавность позволяютъ устраивать его хорошо. Мясо, хлѣбъ и рыба у него всегда подъ бокомъ и всегда въ изобиліи, а въ прочихъ городахъ Сибири, чѣмъ глубже въ нее, тѣмъ нынѣ дороже. Наконецъ, онъ близко отъ Россіи и есть центръ главной администраціи. И общество въ немъ, отъ непрерывнаго сообщенія съ столицами, просвѣщеннѣе и социальнѣе.

Да и какъ не быть ему такимъ, когда въ немъ единственный теперь разсадникъ юныхъ поколѣній для всей Сибири, кадетскій корпусъ, изъ котораго, какъ изъ свѣтоноснаго центра, исходятъ живительные лучи на все сибирское общество. Да и какъ не быть ему такимъ, когда о немъ столько лѣтъ горячо заботился бывшій его генераль-губернаторъ, человекъ высоко-образованный, явившій образецъ воинскаго ума и тактической распорядительности въ венгерскую войну 1849 года; любитель прогресса умственнаго и матеріальнаго, наукъ и художествъ. Дѣйствія генерала Гасфорда въ Трансильваніи уже оцѣнены военной исторіей и Европой, но и гражданское поприще его въ Западной Сибири съ 1851 по 1861 годъ, хотя менѣе извѣстное (ибо центръ его девятилѣтней дѣятельности далекъ отъ Европы и почти неизвѣстенъ Россіи), было столь-же достойно и полезно для отечества. Подобно графу Муравьеву-Амурскому, онъ незамѣтно для Европы и даже незамѣтно для самой Россіи, (ибо многіе ли это у насъ знаютъ и цѣнятъ) занялъ силой ума и распорядительности личной огромное и плодородное пространство, изъ котораго, какъ изъ долины Амура, можно создать цѣлое цвѣтущее царство,

съ милліонами трудолюбиваго населенія; сплотилъ Россію съ центромъ Азіи устройствомъ двухъ областей въ Киргизской степи сибирскаго вѣдомства и упрочилъ степь, улучшилъ ее, открылъ ее широко для цивилизаціи, далъ ей города, русскій бытъ, русскую осѣдлость,—однимъ словомъ ввелъ въ нее коренную реформу къ прямой пользѣ Сибири и къ пользѣ государства. Въ другихъ двухъ губерніяхъ края, ему ввѣреннаго:—Тобольской и Томской, сдѣлалъ тоже все, что только могли умъ и воля одного. Въ тундрахъ побережья Ледовитаго океана жалкія племена Остяковъ и Самовдовъ были издавна подвержены хищничеству торговцевъ. Эти грабители, пользуясь потворствомъ мѣстныхъ чиновниковъ, простотой и невѣжествомъ дикарей, обирали ихъ до-чиста. Онъ исходатайствовалъ этому отдаленному краю управленіе военное, строгое, вѣрно взявшее въ руки мѣстную администрацію и положившее предѣлъ самоуправству торгашей, своеволію и злоупотребленіямъ служащихъ. Города Западной Сибири были до него въ жалкомъ положеніи. Даже губернскіе—Тобольскъ и Томскъ вовсе не соответствовали условіямъ чистоты строительныхъ правилъ. Города же окружные были ни на что не похожи. Онъ обратилъ просвѣщенное вниманіе и на это зло: улучшилъ всѣ города, указалъ имъ возможныя для того средства въ отношеніи благоустройства, порядка и гигиеническихъ условій жизни. Наконецъ, безпорядки и злоупотребленія служебныя требовали строгаго надзора и неумолимаго преслѣдованія, къ чему и было приступлено.

Конечно, генералу Гасфорду, какъ и графу Муравьеву, въ многолѣтнее ихъ управленіе Западной и Восточной Сибири, предстояло всегда разрѣшать много задачъ по трудному дѣлу развитія и устройства таковаго громаднаго края, каковъ Сибирскій (и гдѣ еще такъ мало просвѣщенія истиннаго),—предстояло всегда много тяж-

вой и часто бесплодной борьбы съ злоупотребленіями и безпорядками служебными.... Но гдѣ этого нѣтъ и въ другихъ краяхъ нашей огромной и еще мало развитой Россіи?.... Просвѣщеніе, облагороженіе души и мысли занятіями умственными, умѣренность въ привычкахъ ежедневнаго быта, любовь къ драгоценнѣйшему достоинію человѣка, независимости отъ прихотей и излишествъ, — вотъ что, несомнѣнно само собою, все исправить и направить и въ Сибири, и въ Россіи на путь чести, безкорыстія служебнаго и истинной пользы отечества.

Омскъ — окружный городъ Тобольской губерніи и крѣпость, мѣстопробываніе генераль-губернатора Западной Сибири и командира Отдѣльнаго сибирскаго корпуса, Главнаго управленія, Областнаго правленія области Сибирскихъ Киргизовъ и корпуснаго штаба, — находится подъ 54° и 59' сѣв. шир. и подъ 91° и 3' восточ. долгот. отъ Феррскаго меридіана. Онъ построенъ по обѣ стороны рѣки Оми, на правомъ берегу Иртыша, при самомъ ея устьи. Мѣстоположеніе его ровное и немного приподнятое надъ уровнемъ его рѣкъ, почва песчаная и сухая, видъ очень эффектенъ среди этой громадной массы водъ и далеко зеленѣющей степи. Въ этомъ онъ имѣетъ много сходства съ Оренбургомъ. Онъ какъ и Оренбургъ состоитъ изъ старинной крѣпости и шести форштатовъ. Климатъ въ немъ умѣренный, воздухъ чистый и здоровый. Зимой бываютъ здѣсь снѣжные бураны — неизбѣжная принадлежность Киргизскихъ степей, на окраинѣ которыхъ Омскъ былъ построенъ, какъ и Оренбургъ, оплотомъ отъ набѣговъ Киргизовъ; но холода не продолжительны и средняя цифра зимней температуры не превышаетъ 13,2. Въ февралѣ уже вѣетъ тепло, въ мартѣ обнажается степь, въ апрѣлѣ все начинается зеленѣть. Иртышъ и Омь вскрываются здѣсь въ половинѣ апрѣля, замерзаютъ въ началѣ ноября. Петербургъ

отъ Омска въ 3387 верстахъ, Москва въ 2664, а губернской городъ его Тобольскъ въ 602. Нынѣ въ немъ уже 18,729 ж. о. п., въ томъ числѣ окладныхъ мѣщанъ 1338 д., ремесленниковъ 554 д., 6 церквей и 1 мечеть, домовъ 2073, заводовъ и фабрикъ 35, 7 учебныхъ заведеній: сибирскій кадетскій корпусъ, духовное и гражданское уѣздныя училища, приходское, училище военного вѣдомства. дѣтскій пріютъ и магометанская школа при мечети. Черезъ Омскъ идетъ изъ Тюмени (черезъ Ялуторовскъ, Ишимъ и Тюкалинскъ) главный сибирскій почтовый трактъ далѣе въ Сибирь, до самаго Николаевска у устья Амура на Восточномъ океанѣ. Отъ Петербурга, на громадномъ пространствѣ 10,161½ вер., все уже нынѣ заселено, всюду русскій азыкъ, русскій бытъ, русская вѣра, русскіе города, русскія села. Изъ этого видно, что Омскъ одинъ изъ соединительныхъ почтовыхъ, административныхъ и торговыхъ звѣзъевъ этой главной артеріи всего государства, на которой какъ бы пунктами роздыха служатъ нынѣ отъ Петербурга до Восточнаго океана: Москва, Нижній Новгородъ, Казань, Омскъ, Томскъ и Иркутскъ.

Омскъ основанъ въ 1716 году, при постепенномъ передвиженіи военной линіи съ Тобола на Ишимъ, а съ Ишима на Иртышъ. Въ 1782 году, при открытіи Тобольскаго намѣстничества, онъ сдѣланъ городомъ; а въ 1804 году къ нему приписанъ округъ. Въ 1824 году въ немъ открыта Омская область, но въ 1838 году упразднена и Омскъ назначенъ центромъ военного и гражданского управленія всѣмъ краемъ, мѣстопробываніемъ генералъ-губернатора и командира Отдѣльнаго сибирскаго корпуса, Главнаго управленія и корпуснаго штаба, оставаясь по прежнему окружнымъ городомъ Тобольской губерніи. Въ 1854 году въ немъ открыто областное Правленіе области Сибирскихъ Киргизовъ, а 17 января 1857 года Высочайше утвержденъ проэктъ новаго дома для

генераль-губернатора, на что ассигновано на постройку 53,081 р. 54³/₄ к. сер., а на меблировку 12,000 р. сер., всего 65,081 р. 53³/₄ к. сер. Такимъ образомъ рѣшенъ Государемъ Императоромъ вопросъ, съ учрежденія 1822 года часто возникавшій: „гдѣ жить генераль-губернатору, въ Tobольскѣ или въ Омскѣ?“, бывшій поводомъ къ перемѣщенію Главнаго Управленія въ Tobольскъ, а потомъ опять въ Омскъ и получившій нынѣ окончательное и скажемъ, самое рациональное разрѣшеніе, ибо при наступательномъ движеніи русскаго племени въглубь средней Азіи, генераль-губернаторъ дѣлается необходимъ на окраинѣ степи. Потребность времени годъ отъ году превращаетъ его болѣе и болѣе изъ гражданскаго администратора въ чловѣка стратегически и дипломатически нужнаго въ центрѣ Киргизской степи, а Tobольскъ внутри края, къ сѣверу, совершенно въ сторонѣ отъ стратегическихъ, административныхъ, почтовыхъ и пограничныхъ путей Западной Сибири. Онъ уже отжилъ свое время.

Омская крѣпость построена въ 1759 году инженернымъ генераль-маіоромъ Людвигомъ. Она отзывается тогдашними понятіями о наукѣ, когда Вобанъ составлялъ непреложный авторитетъ въ фортификаціи. Но въ тѣ времена, этихъ укрѣпленій было не только достаточно для отраженія хищниковъ киргизскихъ, но и для сопротивленія искуснѣйшему, нежели дикіе степняки, врагу. Такъ Оренбургская крѣпость, почти современница Омска, выдержала успѣшно продолжительную осаду пугачевскихъ шаекъ, хотя и у Пугачева была сильная артиллерія. Изъ-подъ массивной арки, входимъ въ эту уже отжившую свое время крѣпость, памятникъ воинственной эпохи сибирской исторіи. Пора ей снять съ ржавыхъ петель свои столѣтніе затворы и преобразить валы свои, какъ это сдѣлалъ Оренбургъ, въ тѣнистыя бульвары. Среди крѣпости находится старинный Воскре-

сенскій соборъ, домъ генералъ губернатора, корпусный штабъ, казармы линейныхъ батальоновъ, военное училище, лютеранская церковь, крѣпостные казематы и главная гауптвахта. Все это массивно, тѣсно, неудобно; видно, что оно слагалось столѣтнемъ историческаго существованія Омска.

Главное Управленіе Западной Сибири находится въ крѣпости и весьма замѣчательно по стилю, обширности, эффектному виду. Тутъ сверхъ Главнаго управленія помѣщаются: Областное правленіе Сибирскихъ Киргизовъ и казначейство. Невольно вспомнимъ здѣсь опять, съ чувствомъ душевной благодарности, незабвеннаго графа Сперанскаго. Исполненное живыхъ началъ, глубокаго знанія мѣстности и предусмотрительности, представляющее превосходную систему изложенія, точность и опредѣленность выраженій, а также изображающее картину современнаго состоянія Сибири во многихъ отношеніяхъ, — его „Сибирское учрежденіе“ задумано, подготовлено и представлено имъ, лишь послѣ двухлѣтняго управленія Сибирью, въ которой онъ долѣе никогда не бывалъ. Значитъ, въ два года онъ изучилъ край, постигъ его нужды до мельчайшихъ потребностей и далъ ему такіе законы, которыми онъ живетъ и развивается и теперь. И не забудемъ при этомъ, что онъ былъ генералъ-губернаторомъ всей Сибири, отъ Тюмени до Камчатки. Человѣкъ истинно гениальный, рожденный въ ничтожествѣ (сынъ священника и воспитанникъ Петербургской Духовной Академіи), онъ достигъ почестей государственныхъ самъ, пробился, такъ сказать, грудью сквозь толпы царедворцевъ до кабинета императора Александра Павловича и, не взирая на всѣ превратности судьбы, бросившей его изъ дворцовъ въ ссылку, а изъ ссылки опять во дворецъ, достигъ-таки цѣли своихъ благородныхъ стремленій и умирая, смѣло завѣщалъ свое славное имя признательности потомства.

Любуясь этимъ прекраснымъ, оживленнымъ Омскомъ, вопиющимъ станомъ передовой Руси у обѣтованной земли солнца, мы вышли на Никольскую площадь и сотворивъ крестное знаменіе предъ храмомъ защитника русскаго царства, святителя Николая, окинули взглядомъ пространство, нашему кругозору представившееся, и все, что уже говорили въ этомъ популярномъ описаніи края о будущности нашей славной Россіи, въ связи съ нею далекой Сибири, явилось намъ тутъ доказательно и осязательно. На этой обширной площади—Сибирскій кадетскій корпусъ, разсадникъ просвѣщенія и патриотизма для всей Сибири... Войдемъ... Онъ основанъ въ 1813 году, подъ названіемъ „Училища сибирскаго линейнаго казачьяго войска“ и обязанъ своимъ первоначальнымъ устройствомъ и постепеннымъ развитіемъ незабвенному генералу Броневскому. Служба Семена Богдановича Броневскаго доказываетъ, какъ и служба графа Сперанскаго, что свѣтлый умъ, дарованія и настойчивая воля могутъ всегда замѣнить протекцію. Юный и неизвѣстный Броневскій пріѣхалъ въ Омскъ въ 1808 году, 22 лѣтъ, подпоручикомъ и адъютантомъ генералъ-лейтенанта фонъ-Глазенапа; 29 лѣтъ прослужилъ онъ въ Сибири, посвятивъ ей лучшую пору своей жизни и своей деятельности и уѣхалъ изъ нея въ 1837 году, уже сенаторомъ и генералъ-лейтенантомъ. Сперанскій, ревизуя Сибирь, лично узналъ Броневскаго и тотчасъ оцѣнилъ его съ свойственною такому уму проницательностью, потому что нашелъ въ немъ человека въ уровень съ высокими цѣлями императора Александра Павловича, касательно преобразованія и развитія Сибирскаго края. Въ 1824 году Броневскій былъ уже полковникомъ и Омскимъ областнымъ начальникомъ. Императоръ Николай Павловичъ, узнавъ тоже лично Броневскаго (тогда уже генералъ-майора и начальника штаба Отдѣльнаго сибирскаго корпуса), назначилъ его въ 1835 году, не взи-

рая на его чинъ, исправляющимъ должность генераль-губернатора Восточной Сибири и командующаго въ оной войсками,—рѣдкое изъятіе изъ нашего служебнаго правила постепенности мѣстъ, сообразно съ чинами, и которое въ теченіи 35 лѣтъ, со времени введенія въ дѣйствіе сибирскаго учрежденія 1822 года, повторилось лишь два раза: въ 1847 году—для графа Муравьева Амурскаго; а въ 1861 году—для генераль-маіора Кюраскова. Броневскій былъ основателемъ русскихъ заселеній въ степи, образовалъ военныя силы въ Восточной Сибири, правилъ этимъ отдаленнымъ краемъ, хотя недолго, но прямодушно и безкорыстно, все дѣлалъ самъ и никому не довѣрялъ, даже самымъ приближеннымъ людямъ, когда могъ что узнать и повѣрить на опытъ лично. Въ 1837 году онъ былъ вынужденъ, по крайнему истощенію даже душевныхъ силъ, просить увольненія, и въ чинѣ генералъ лейтенанта, пожалованъ сенаторомъ; умеръ въ Петербургѣ 14 февраля 1838 года, 72 лѣтъ, оставивъ прекраснымъ по себѣ памятникомъ нынѣшній Сибирскій кадетскій корпусъ, имъ, можно сказать, основанный, взлелѣянный, упроченный, развитой на столько, на сколько это дозволяли тогдашнія скудныя средства края. Первоначальная цѣль основанія Сибирскаго казачьяго училища была — доставить возможное, по тогдашнему времени и по отдаленности Сибири, образованіе сыновьямъ казачьихъ офицеровъ. Но когда великая мысль императора Николая Павловича вызвала губернскіе кадетскіе корпуса, чтобы на разныхъ пунктахъ имперіи развить по одному указанію и по одной цѣли просвѣщенія и дать высшему сословію воспитаніе на мѣстѣ, въ одномъ духѣ и на однѣхъ началахъ,—то и Сибирь, въ 1846 году, увидала свой кадетскій корпусъ, въ который могли уже поступать не исключительно казачья дѣти, какъ прежде, а и дѣти стороннихъ лицъ: дворянъ и чиновниковъ, даже почетныхъ киргизовъ.

Заботливость благодѣтеля военно-учебныхъ заведеній, великаго князя Михаила Павловича, которая проникла, какъ лучъ животворящаго свѣтила дня, во мракъ всѣхъ закоулковъ государства, нашла и отдаленный Сибирскій кадетскій корпусъ, быстро двинула его впередъ, и нынѣ, по отличному устройству, превосходному образованію, выправкѣ воинской, этотъ корпусъ не уступаетъ ни одному изъ своихъ сверстниковъ, корпусовъ кадетскихъ. Въ немъ теперь 23 учащихся и 270 учащихся, въ эскадронѣ и ротѣ, для приготовленія воспитанниковъ въ офицеры линейныхъ батальоновъ, казачьяго войска и его конной артиллеріи и другихъ частей войскъ.

Но истинъ сибирскій кадетскій корпусъ, благородно оправдалъ и оправдываетъ на дѣлѣ заботливость о немъ двухъ государей и тѣ благодѣянія, которыя оказывалъ ему великій князь Михаилъ Павловичъ. Многіе изъ его воспитанниковъ, уже доказали свою любовь къ Царю отличными дѣлами на боевомъ поприщѣ и почетными ранами. Имена ихъ уже встрѣчаются среди геройскихъ защитниковъ Севастополя, среди покорителей Карса, среди витязей береговъ Восточнаго океана и граней Западнаго Китая. На черно-мраморной доскѣ, въ корпусной церкви, начертано имя хорунжаго Алексѣя Рытова, который находясь въ голодной степи, съ отрядомъ изъ казаковъ, встрѣтилъ 5 декабря 1837 года толпу мятежныхъ киргизовъ до 1000 человекъ, выдержалъ трехдневный ихъ натискъ и 7 числа, бросившись на штурмъ ихъ укрѣпленія, первый палъ подъ ударами ятагановъ, открывъ своему отряду путь къ овладѣнію укрѣпленіемъ.

Заглядишься невольно, вступивъ въ залу Сибирскаго кадетскаго корпуса; заглядишься — и удивишься, вспоминая въ этихъ цвѣтушихъ юношахъ, будущихъ благородныхъ защитниковъ отечества. Да и какъ имъ самимъ забыть, хотя на одно мгновеніе, высокій долгъ

свой, когда въ этой самой залѣ имъ всегда соприсутствуетъ голосъ изъ другаго надзвѣднаго міра, голосъ ихъ державнаго друга и благодѣтели, прощаніе съ ними великаго князя Михаила Павловича. Мы сами имѣли счастье нѣкогда получить образованіе въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, въ Петербургѣ, мы сами имѣли счастье нѣкогда лично пользоваться благоволеніемъ великаго князя — и со слезами душевной благодарности передаемъ здѣсь его прощаніе! Вотъ оно, это прощаніе одного изъ благороднѣйшихъ дѣятелей государственной исторіи Россіи, въ истекшее пятидесятилѣтіе:

—Дѣти, говорилъ Великій князь въ этомъ трогательномъ прощаніи, которое вмѣстѣ съ этимъ теперь и его умилительное, духовное завѣщаніе потомству, — отпуская васъ на службу, я обращаюсь къ вамъ не такъ какъ вашъ начальникъ, но такъ какъ вашъ отецъ, душевно васъ любящій, который слѣдилъ за вами съ малыхъ вашихъ лѣтъ, который радовался вашимъ успѣхамъ, вашему постепенному развитію жизни! Теперь вы выходите на поприще жизни военной. Прощаюсь съ вами! Внемлите моему совѣту: не забывайте никогда Бога, родителей вашихъ, которымъ вы обязаны вашимъ существованіемъ, помните, что вы обязаны нравственнымъ своимъ существованіемъ Государю императору, Его постояннымъ къ вамъ милостямъ. Онъ съ младенчества васъ призрѣлъ и наконецъ снабдилъ васъ нужнымъ для новаго вашего поприща. Какъ можете вы иначе заслужить столь великія къ вамъ милости, какъ не щадя себя никогда для его службы? Не забывайте, что въ Россіи, въ нашей славной Россіи, священныя имена Государя и отечества нераздѣльны; эта нераздѣльность наша сила, предъ которою непріятеля всегда сокрушаются и крамолѣ не будетъ мѣста. Военная служба, эта благороднѣйшая служба; сколько она представляетъ вамъ въ будущности славы!.. Слава на полѣ битвы, для бла-

городной души, сколько имѣть отрады! И если кому суждено пасть на немъ, то остается память окружающая поверженнаго.

—Но это ли одна слава военнаго? Ежечасное самоотверженіе, постоянство и твердость въ трудахъ, безъ ропота, безъ усталы,—какъ онѣ почтенны! Достойный офицеръ обязанъ прежде всего умѣть повиноваться начальникамъ и наблюдать неуклонно за точнымъ исполненіемъ ихъ приказаній. Повиновеніе это должно быть искренне безусловно. Помните всегда, что настоящая честь военнаго челоуѣка состоитъ въ благородномъ повиновеніи и не забывайте словъ Самого Спасителя: *не сведи насъ во искушеніе*. Примите дѣти эти наставленія друга; будьте увѣрены, что вблизи и издали, онъ всегда будетъ слѣдить за вами, во всѣхъ вашихъ нуждахъ; пли, если вамъ нуженъ будетъ добрый совѣтъ, обращайтесь всегда къ нему, какъ къ вѣрному пристанищу. Прощайте! Да благословитъ васъ Господь Богъ и да подкрѣпитъ на дѣла великія! За Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадаютъ!

Какой благодатной, живительной теплотой сердца согрѣто каждое слово этого прощанія. Сколько христіанской любви и истинно отеческой попечительности о судьбѣ молодыхъ людей высказывается въ его содержаніи. И кто бы усомнился въ достоинствѣ истины, такъ просто и такъ благородно въ немъ выраженной. Это писалъ тотъ, кто былъ самъ примѣрнымъ братомъ и вполнѣ примѣрнымъ начальникомъ. Прощаніе великаго князя Михаила Павловича читается ежегодно воспитанникамъ военноучебныхъ заведеній, при выпускѣ ихъ на царскую службу.

Сибирскій кадетскій корпусъ оказываетъ, вотъ уже около полустолѣтія (1813 — 1861 г.), могущественное и благодѣтельное вліяніе не только на войска, входящія въ составъ Отдѣльнаго сибирскаго корпуса, но и на

высшую сферу сибирскаго общества. Офицеры изъ него выходящіе, получивъ прекрасное образованіе, разливаютъ всюду свѣтъ просвѣщенныхъ понятій, ловкихъ приемовъ, умѣнья жить и держать себя, что есть отличительная принадлежность воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, и тѣмъ сильно вліяютъ на все ихъ окружающее. И если (какъ это теперь предполагается) откроется Сибирскій Мариинскій институтъ въ Томскѣ, если Богъ дастъ, откроется и Сибирскій университетъ, конечно, въ Томскѣ же, какъ центръ края, то этотъ сводъ образованныхъ дѣтей обоюга пола внесетъ въ семейный кругъ чиновниковъ и купцовъ богатныя понятія о чести, общежитіи, необходимости самовоспитанія. Учиться никогда не поздно, а нынѣшнее время требуетъ непременно идти впередъ въ уровень съ Европой и ея общественной жизнью и со всеми потребностями прогресса; какъ это всѣ въ настоящее время ясно сознаютъ и чувствуютъ...

На Никольской же площади воздвигнута обширная мечеть и это придаетъ городу восточный колоритъ и напоминаетъ Оренбургъ; своимъ расположеніемъ и мѣстностью Омскъ имѣетъ такъ много сходства съ нимъ. Публичный садъ могъ бы развиваться здѣсь, а по мягкости климата, удобно бы было попробовать акклиматизировать многія русскія плодовые деревья и кустарники. Вообще въ Омскѣ мало зелени, а это въ такой степной мѣстности гигиенически необходимо. Корпусный госпиталь на 10 офицерскихъ и 600 солдатскихъ кроватей прекрасно содержится. 30 августа 1858 года открыто въ Омскѣ уѣздное училище и предположена гимназія. Здѣсь есть тоже дѣтскій пріютъ, но публичной библіотеки нѣтъ, а это очень удивительно: здѣсь множество образованныхъ служащихъ, военныхъ и гражданскихъ. Впрочемъ на громадномъ пространствѣ отъ Казани до Амура, только двѣ книжныя лавки: въ Перми и въ Иркутскѣ. Развѣ по-

требности въ чтеніи, въ этой пищѣ ума, не чувствуется въ Сибири? Замѣтимъ однако, какъ отрадное нововведеніе, что въ зиму съ 1858 на 1859 годъ читались въ Омскѣ, въ залѣ кадетскаго корпуса, публичные лекціи физики, и что посѣтителей было много. Если въ омскомъ обществѣ есть уже стремленіе къ подобнымъ благороднымъ упражненіямъ ума, то полезно бы было дать ему и популярныя лекціи исторіи, въ особенности русской и иностранной литературы. Это развиваетъ политическія понятія и изощряетъ вкусъ. Театра нѣтъ въ Омскѣ, да и во всей Сибири одинъ только постоянный театръ—въ Томскѣ. Но театръ давно извѣстенъ здѣшнему краю и не есть привокъ вышшаго просвѣщенія. Театру, какъ и всему смягчающему и образуящему будничную жизнь челоувѣческую, было положено начало, еще съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія, высшимъ сибирскимъ духовенствомъ. Въ 1703 году Ѣилоеѣй Лещинскій (впослѣдствіи знаменитый схимникъ Ѣеодоръ, апостолъ сибирскаго сѣвера), митрополитъ сибирскій, современникъ Семена Полоцкаго, св. Дмитрія Ростовскаго и Ѣеофана Прокоповича, заставлялъ учениковъ славяно-русской школы представлять комедіи, трагедіи и драмы, вѣроятно имъ изъ тогдашняго расадника просвѣщенія (Кіевскихъ школъ), вывезенныя. Онъ былъ экономомъ Кіево-Печерской лавры. „Митрополитъ Ѣилоеѣй“, говоритъ сибирскій лѣтописецъ (рукопись Тобольской архіерейской ризницы, доведенная до 1760 года и составленная вѣроятно учеными монахами архіерейскаго дома, тоже болъшею частью малороссіянами), „славныя и богатыя комедіи дѣлалъ и когда должно было на комедіи собираться, тогда онъ, владыко, въ соборные колокола благовѣсть на соборъ производилъ; а театръ между Соборной и Сергіевской церквями, куда народъ собирался.“ Какъ понимали это современники, можно видѣть изъ

дальнѣйшихъ наивныхъ разсказовъ того же лѣтописца. 7 мая 1708 года сильная буря сорвала крестъ съ главы соборнаго алтаря, во время представленія комедій, и лѣтописецъ набожно отмѣчаетъ: „презднаменоваль Господь Богъ гнѣвъ свой на творящіе игрища комедіанскіа!“ Однако это были вовсе не комедіи, по нынѣшнимъ понятіямъ, а, напротивъ того, очень душеспасительныя мистеріи, именно: *Навуходоносоръ и три отрока въ печи*—Семеона Полоцкаго, *Эсфирь*—свят. Димитрія Ростовскаго, *св. Владиміръ*—Феофана Прокоповича, и тому подобное. Впослѣдствіи, при митрополитѣ Антоніѣ Стаховскомъ, учителя и ученики Тобольской славяно-латинской школы ходили даже играть комедіи по домамъ. Въ 1743 году семинаристы (уже тогда открытой Тобольской семинаріи) играли и нерелигіозныя мистеріи, а *Калифа на часъ*, и другіе современные фарсы. Даже еще лѣтъ 40 тому назадъ труппа любителей изъ мѣщанъ играла комедіи въ Тобольскѣ. Шведскіе плѣнные не чужды были этому эстетическому настроенію Сибири XVIII столѣтія. Путешественникъ Белль, посѣтившій Тобольскъ въ 1719 году, говоритъ: „Шведы Карла XII распространили въ Сибири понятія о наукахъ и художествахъ.“ Такъ шведскій капитанъ фонъ—Вендрихъ основалъ и до Нпштадскаго міра содержалъ въ Тобольскѣ шведскую „школу“. Въ Омскѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія составила даже труппа любителей сценическаго искусства, и въ одной афишѣ 1809 года встрѣчается въ числѣ актеровъ имя Семена Броневскаго, впослѣдствіи генераль-губернатора Восточной Сибири. Изъ этого видно, что еще ровно за полвѣка назадъ, театръ уже привился къ тогдашнему омскому обществу.

При въѣздѣ въ городъ есть таможенная застава. Впрочемъ, торговля съ азіятцами здѣсь мало развита. До сихъ поръ главные пункты привоза изъ Коканда,

Бухаріи и Западнаго Китая,—Семипалатинскъ и Петропавловскъ, въ особенности послѣдній, который въ этомъ отношеніи начинаетъ затмѣвать Троицкъ и Оренбургъ. Въ Омскѣ же мѣна происходитъ большею частью съ Киргизами, которые сюда пригоняютъ преимущественно рогатый скотъ и барановъ для салотопень города и округа. Однако будущность общааетъ Омску видное мѣсто на торжищѣ Западной Сибири, когда она сдѣлается посредницей между Россіей и Западнымъ Китаемъ. Уже и теперь, благодаря просвѣщеннымъ указаніямъ и личному содѣйствію бывшаго генераль-губернатора Гасфорда, вотъ уже болѣе семи лѣтъ заведены наши торговыя факторіи въ китайскихъ городахъ Кульджѣ и Чугучакѣ; есть тамъ наши консулы и мѣстное купечество; казаки торговаго общества также находятъ тамъ выгодный сбытъ для нашей мануфактурной производительности. Устройство правильного пароходства по озеру Балхашу и рѣкѣ Иртышу до Кульджи, устройство проѣзжей колесной дороги отъ Омска въ богатый Заилійскій край (о чемъ тоже много заботился лично бывшій генераль-губернаторъ), развитіе русскихъ поселеній въ Киргизской степи и годъ отъ году усиливающаяся добыча металловъ въ обихъ степныхъ областяхъ,—сильно разовьютъ, конечно, торговлю и въ Омскѣ; а, если Богъ дастъ, желѣзная дорога соединитъ наконецъ Сибирь съ Нижнимъ-Новгородомъ, а слѣдственно и съ Европой, то покажутся такіа чудеса богатства и преуспѣнія въ Западной Сибири, какихъ и не ожидаютъ политико-экономисты въ Россіи и даже въ Европѣ.

Но пора начать намъ наши странствія по Сибири... Мы еще возвратимся (во второмъ томѣ этого описанія Сибири) въ прекрасный Омскъ, гдѣ патріотическая мысль наша: „раскрыть Европѣ и Россіи эту далекую Сибирь, сблизить ее съ понятіями большинства, пока-

затѣ въ ней не „Дантовъ Адъ“ ссылки, а богатую и полную будущности страну, полезную дѣятельницу въ прогрессивномъ ходѣ человѣчества, гдѣ эта мысль нашла себѣ такое живое сочувствіе и такую благородную поддержку. И между тѣмъ, какъ полная луна, подобно Осіанову шиту, ватится по темно-голубому майскому небу и серебромъ широкихъ лучей своихъ придаетъ матовый блескъ уснувшимъ водамъ Иртыша—зеркальную ширинку, изъ-за коей выдвигается такъ эффектно давно уже мирно спящій Омскъ его мрачная крѣпость, его старинный соборъ, его бѣлыя церкви, группы его чистенькихъ домиковъ, а кое-гдѣ полуночный огонекъ запоздалаго рыбака бросаетъ красно-трепетный блескъ на неподвижно стелящіяся рѣки;—между тѣмъ вотъ мы, собрались уже въ дальній путь, собрались начать его съ Тобольской губерніи. Съ Богомъ! Край такъ интересенъ, объ немъ можно сказать такъ много, неслыханнаго еще въ Европѣ и въ Россіи.. И прочтеть все это мыслитель, и призадумается быть можетъ надъ многимъ, а—все-таки, спасибо скажетъ!

Въ началѣ мая отправился мы изъ Омска.

ГЛАВА II.

ИШИМЪ. ПЕТРОПАВЛОВСКЪ.

Омскій округъ граничитъ на сѣверъ съ Тарскимъ, а на западѣ съ Ишимскимъ округами своей губернии, на югъ съ Киргизской степью, а на востокъ съ Бійскимъ, Маріинскимъ и Каннскимъ округами Томской губерніи. На пространствѣ 93,534 квад. верст. онъ населенъ 118,313 жител. по 10-й народной переписи. Юго-восточная часть его представляетъ безводную и безлѣсную равнину, съ небольшими кое-гдѣ разбросанными солончаками. Но сѣверо-западная часть покрыта множествомъ озеръ, камышей и болотъ, а березовыя рощи, чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ болѣе занимаютъ пространства. Иртышъ, составляя сперва границу этого округа съ Киргизскою степью (отъ Коряковской пристани до Омска) поворачиваетъ изъ Омска внутрь Тобольской губерніи, принимая въ себя въ самомъ Омскѣ, рѣку Омь. Въ Омскомъ же округѣ, въ 20 верстахъ отъ Коряковской пристани, находится знаменитое соляное озеро Коряковское, имѣющее 10 верстъ длины и до 2 ширины. Здѣсь добывается лучшая во всей Сибири поваренная соль, снабжающая съ обиліемъ соляныя магазины и стойки всего края. Добыча ея, производимая казною, простирается ежегодно до полумилліона пудовъ и болѣе. Кромѣ того, соль получается здѣсь и изъ озеръ

Карасукскихъ, лежащихъ на сѣверъ отъ озера Коряковскаго. Коряковская станица, по предположенію генерала Гасфорда, предназначена быть окружнымъ городомъ. Омскій округъ, — исключительно хлѣбопахатный и скотоводный Тучныйя. земли и обильныя солончаками пастбища способствуютъ здѣсь быстрому развитію сельскаго хозяйства, которое вообще въ очень удовлетворительномъ положеніи. Крестьяне живутъ въ довольствѣ, а еслибѣ цѣны на всѣ жизненные продукты не были такъ низки, то и сбытъ былъ бы по шире, они жили бы еще лучше. Ржаная мука была тутъ въ нашу бытность по 30 к. с. пудъ, пшеничная 50 к., мясо 1 р. 20 к., горохъ 60 к., гречневая крупа 90 к., баранина 1 р. 10 к., 100 яицъ 40 к. Однимъ словомъ, все нипочемъ, а это „нипочемъ“, считается однако здѣсь дороговизной и слышны жалобы на турія времена. И точно, въ Ишимѣ и Курганѣ ржаная мука бываетъ нерѣдко 8 к. с. пудъ. Здѣсь начало южной части Тобольской губерніи (Омскій, Ишимскій и Курганскій округи), лучшей въ цѣлой Сибири по изумительному ея плодородію и которой сосѣдство съ Россіей, при ускореніи путей сообщенія, готовитъ блестящую будущность.

Всѣхъ волостей въ Омскомъ округѣ 18, съ 38,899 ревизскими душами государственныхъ крестьянъ, обложенныхъ податями по 10-й народной переписи. Иностранцевъ же здѣсь нѣтъ вовсе. Производительность крестьянъ очень, какъ мы видѣли, велика, благосостояніе ихъ тоже очень развито, однако они уже жестоко страдаютъ отъ безлѣся. Сосѣдство съ Иртышемъ и Омью еще даетъ нѣкоторымъ волостямъ возможность добывать хотя сплавомъ лѣсъ; но и то уже за довольно высокую цѣну:—Баженовской, Колжаковской, Кобырдатской, Пановской и Юдинской (всѣ 5 на сѣверъ, близъ Тарскаго округа); а южная часть совершенно безлѣсна и чѣмъ далѣе къ Ишиму, тѣмъ цѣны не только на строевой

лѣсъ, но и на дрова, уже возвышаются непомерно тяжело. Сажень простыхъ сосновыхъ дровъ доходитъ до 2 р. сер. Можно себя вообразить, при необходимости продолжительной зимней топки, во что она обходится бѣднымъ людямъ. Вотъ отчего настоятельно необходимо снять всѣ преграды по теченію Ишима и Тобола, улучшить ихъ форватеръ хотя бы умѣреннымъ сборомъ съ земства, и возратить имъ утраченное ими не только судоходство уже давно прекратившееся, но хоть лѣсоплавленіе...

Сельскихъ ярмарокъ (и это очень замѣчательно) нѣтъ въ Омскомъ округѣ ни одной. Есть, правда, въ Омскѣ двѣ ярмарки съ сложнымъ привозомъ на 74,200 р. с. (1838), но это собственно для мѣстныхъ потребностей городскихъ жителей. Есть тоже въ упраздненномъ нынѣ городѣ Тюкалинскѣ съ 1457 жит., во 138 верстахъ отъ Омска, по дорогѣ въ Ишимъ, и чрезъ который мы проѣхали, направляясь въ этотъ городъ,—двѣ же ярмарки, съ общимъ привозомъ тоже не свыше 86,323 р. сер., но и тутъ онѣ вызваны потребностями же сельскаго населенія, не болѣе. Понятно, отчего нѣтъ въ Омскомъ округѣ ярмарокъ: Ишимская—съ 2½ мил. сер. оборота, Абатская и Усть-Ламинская—съ 300,000 р. с. въ Абатской слободѣ и селѣ Усть-Ламинскомъ (обѣ въ Ишимскомъ округѣ), Курганскія и Ялуторсовскія съ 4 мил. р. сер. продажи и привоза, отвлекаютъ всю торговую дѣятельность Омскаго округа къ этимъ богатымъ центрамъ заводской и ремесленной производительности. Взглянемъ же теперь на Ишимъ и его знаменитую Никольскую ярмарку 6 декабря. Этотъ городъ всего въ 200 верстахъ отъ Тюкалы и въ 328 отъ Омска.

Ишимъ, окружный городъ Ишимскаго округа, первый на главномъ сибирскомъ трактѣ отъ Омска къ Тюмени и русской границѣ (т. е. Пермско-Казанской дорогѣ),—расположенъ на песчано-глинистомъ полуостровѣ, кото-

рый окруженъ съ трехъ сторонъ рѣкой Ишимомъ, выходящей изъ хребта Ніязь, изъ Киргизской степи и впадающей въ р. Иртышъ. Онъ основанъ въ 1670 году, названъ городомъ и Ишимомъ, по рѣкѣ, почти его опоясывающей. Отъ своего губернскаго города отстоитъ онъ на 405 верстъ. Въ немъ пынь 3 каменныхъ церкви, 499 домовъ, изъ которыхъ 5 каменныхъ, 24 лавки въ гостинномъ дворѣ, богадѣльня и градская больница, увѣздное и приходское училища, женская школа, 3 хлѣбныхъ и 1 соляной магазинъ и новая каменная окружная тюрьма. Жителей по 10-й народной переписи 2342 д. о. п., изъ коихъ окладныхъ мѣщанъ 379 ревиз. душъ, а ремесленниковъ 274. Салотопенныхъ заводовъ на городской землѣ 14. Климатъ въ немъ умѣренный, жизнь дешевая и привольная, но постройки и дрова дороги. Здѣсь кстати замѣтить еще малую развитость сибирскаго населенія, даже и высшаго круга, т. е. купцовъ и чиновниковъ. Всѣ почти они имѣютъ въ окружныхъ городкахъ свои собственные дома, строятъ ихъ въ три-дорога, никогда не страхуютъ; входятъ, стало быть, добровольно въ большія траты капитала и подвергаются всѣмъ случайностямъ пожарныхъ бѣдствій, а между тѣмъ глины отличнаго качества всюду бездна, рабочихъ рукъ тѣма, харчи нипочемъ, известъ съ Уральскихъ заводовъ подъ бокомъ; наконецъ желѣзо и чугуны, на многочисленныхъ ярмаркахъ губерніи, привозится тоже съ Урала и продается просто нипочемъ. Однако каменныхъ домовъ почти нѣтъ, тогда какъ не дома, а даже домики, флигельки—мѣщанамъ-разночинцамъ, малокапитальнымъ людямъ, во сто разъ было бы выгоднѣе строить изъ кирпича. Но сама казна которой бы слѣдовало подавать въ этомъ благой примѣръ, доселѣ производитъ много, построекъ: волостныхъ правленій, магазиновъ, больницъ и проч.—деревянныхъ же, тогда какъ у нея цѣлыя орды ссыльно-поселенцевъ, которыхъ можно бы было

употреблять на работу кирпича, на городскія и сельскія казенныя постройки, и они, обращенные въ городскія военно-работія роты были бы гораздо полезнѣе, нежели теперь: они бродяжничаютъ по цѣлому краю и производятъ грабежи.

Ишимъ въ сущности можно назвать большимъ торговымъ селомъ, какъ Курганъ и Ялуторовскъ; фязіономія и бытъ ихъ одинаковы. Но ярмаркой своей онъ первенствуетъ въ цѣлой Сибири и годъ отъ году число ея посѣтителей и сумма ея оборотовъ увеличивается въ замѣчательной прогрессіи, такъ что теперь начали пріѣзжать сюда и оптовые скупщики, не только столичныя, но и изъ Одессы и Таганрога. Въ ярмарку 6 декабря 1858 г. было привезено сюда всѣхъ товаровъ уже на сумму 2,661,060 р. сер. гласныхъ, т. е. официально извѣстныхъ; а съ крестьянской возовой продажей, которую усчитать нѣтъ человѣческой возможности, потому что тутъ тысячи возовъ, какъ морскіе приливы пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, конечно вдвое болѣе. Наши градскія полиціи довольно извѣстны... Статистика — наука для нихъ „сухая“. И если онѣ даже свои города, въ которыхъ съ давнихъ временъ сами дѣйствуютъ, описать съ точностью и добросовѣстью не могутъ, то всякій легко пойметъ, на сколько можно вѣрить ихъ статистическимъ ярмарочнымъ выводамъ. Торговцы — люди тоже большею частью невѣжественныя, да притомъ и не охотно поддаются распросамъ о ихъ оборотахъ, и вотъ почему (кромя главныхъ русскихъ ярмарокъ, гдѣ отчетность приведена уже въ наукообразную систему) здѣшнимъ ярмарочнымъ итогам довѣрять нельзя. Но что Ишимская ярмарка въ большомъ, поражающемъ прогрессѣ, это очевидно. И 2½ мил. сер. привоза, — цифра очень замѣчательная, если вспомнимъ, что Ишимская ярмарка еще въ начиніи и даже помѣщается теперь не только въ балаганахъ, но и на улицахъ, во дворахъ, въ домахъ,

даже въ баняхъ,—вездѣ, гдѣ только можно примкнуть. Но сильное ея развитіе въ истекшее трехлѣтіе, изумившее Тюмень и Ирбитъ и даже получившее отголосокъ въ Россіи, подало нынѣ мысль устроить и здѣсь настоящее обширное ярмарочное помѣщеніе изъ 6 каменныхъ корпусовъ гостиннаго двора и особаго табора для складки жирнаго товара. На эти постройки исчислено по смѣтѣ 43,554 р. 98 к. сер. и избрано для нихъ, на сѣверо-восточной сторонѣ города, незаселенное мѣсто, совершенно открытое, на которомъ, вѣроятно, въ недалніе годы возникнетъ другой Ишимъ, болѣе соответствующій требованіямъ торговли. Впрочемъ, да не подумаютъ, чтобы Ишимская ярмарка была обязана своими неожиданными блестящими результатами мануфактурно-производительнымъ силамъ Россіи. Совсѣмъ нѣтъ. Она сдѣлалась и годъ отъ году дѣлается все болѣе и болѣе огромнымъ центромъ склада и сбыта жирнаго товара, обработаннаго и въ натурѣ. Такъ на ярмаркѣ 1858—1859 г. было изъ общаго итога официальныхъ 2¹/₂ мил. сер.: мѣховъ на 120,000 р., кожъ и кожаныхъ издѣлій на 330,000, масла коровьяго на 350,000, сала сырца и топленаго на 700,000, свѣчь на 72,000, воску на 36,000, щетины на 40,000, лошадей на 28,000. Въ сложности—на 1,676,000 р. сер., и замѣтимъ, что все это продано безъ остатка. Остальной милліонъ представляли русскія мануфактурныя издѣлія, и проч. Но желательно бы было, чтобы жирный товаръ, т. е. сало и масло, совершенствовался въ вытопкѣ, а пуще всего, чтобы въ немъ не было постыдной подмѣси стороннихъ веществъ, какъ это и теперь нерѣдко случается, напримѣръ: воды извести, муки, даже песку. Прогрессъ въ торговлѣ долженъ идти объ руку съ благородными и разумными стремленіями нашего времени, требующаго свѣта и гласности во всемъ... Пусть заводчики и производители это крѣпко помнятъ! Въ Европѣ заклемили

бы позоромъ подобныхъ обманщиковъ; а здѣсь, на ярмаркѣ 1858—1859 г., нашлись даже оптовые продавцы, пускавшіеся на подобныя низости! Желательно бы было, чтобъ правительство обратило на это свое просвѣщенное вниманіе. Примѣрное наказаніе подобныхъ людей воздержало бы и другихъ; а что на мелкихъ блюстителей, присяжныхъ въ этомъ случаѣ полагаться нельзя, это давно извѣстно и въ Россіи. Для нихъ все то хорошо, что приноситъ имъ „карманныя выгоды“.

Жирный товаръ покупается теперь на Ишимской ярмаркѣ большею частью оптовыми торговыми домами, изъ коихъ значительнѣйшіе—Плѣшанова и Пичугина (Ростовскихъ), Крестовникова (Московского), Нурова и Фадѣева (Екатеринбургскихъ), Губкина (Кунгурскаго), Черепанова (Шадринскаго). Пріѣзжали также коммиссіонеры Таганрогскіе и Одесскіе, преимущественно Армяне. Покупка сала мелкими торговцами производится почти всегда на наличныя деньги, но главные продавцы и покупатели заключаютъ условія по торговымъ записямъ, съ отсрочкой платежа до ярмарокъ Ирбитской, Шадринской (29 іюня), или даже до продажи сала въ Петербургъ. За это берется обыкновенно $\frac{1}{2}\%$ на рубль серебромъ въ мѣсяцъ. Сдѣлокъ по векселямъ не бываетъ, такъ какъ оптовые дома имѣютъ достаточное довѣріе другъ къ другу. Что же касается Одесскихъ и Таганрогскихъ скупщиковъ сала и масла, то эта попытка ихъ, если будетъ успѣшна, откроетъ путь южнымъ округамъ Тобольской губерніи и на рынки портовъ Черноморскихъ, особливо при развитіи Камско-Волжскаго пароходства и открытіи желѣзныхъ дорогъ: Нижегородско-Московской и Московско-Ѳеодосійской, съ вѣтвью къ Одессѣ, не говоря уже о томъ, если Нижній-Новгородъ будетъ со временемъ связанъ съ Тюменью желѣзной дорогой.

Такое внезапное развитіе Ишимской ярмарки, значеніе,

которое она такъ быстро приобрѣла въ торговомъ мѣрѣ, имѣло благотвѣтельное вліяніе и быстро двинуло впередъ не только благосостояніе мѣстныхъ купцовъ и крестьянъ, но и приохотило ихъ къ закупкѣ скота и барановъ и къ умноженію салотопень. Омскіе, Ишимскіе, Курганскіе и Ялуторовскіе купцы и крестьяне, въ особенности купцы Петропавловскіе, стали заниматься салотопленіемъ въ огромныхъ размѣрахъ, строить обширные заводы, улучшать годъ отъ году вытопку сала, и теперь, какъ мы это видѣли въ общемъ вступленіи, къ одному Петропавловску сгоняется ежегодно до 550,000 головъ крупнаго и мелкаго скота на огромную цифру 2,425,000 р. сер., т. е. только изъ одной Киргизской степи, не говоря уже о внутреннихъ закупкахъ въ скотоводныхъ южныхъ округахъ губерній. Громадное пространство, на 200 верстъ отъ Петропавловска, вглубь степи, обратилось теперь въ настоящій базаръ, на который сгоняются ежегодно къ іюлю мѣсяцу огромныя стада не только Киргизами, но и Ташкенцами и Бухарцами. Вымѣнъ скота на красный товаръ производится русскими приказчиками, которые изъ Петропавловска нерѣдко углубляются въ степь на 1000 верстъ и болѣе, скупая рогатый скотъ и барановъ въ Семипалатинской области, около Балхаша, по рѣкѣ Чу и даже въ Ташкентѣ. Часть быковъ гонится отсюда въ Москву, отбавляясь по дорогѣ. Но большинство закупки остается у здѣшнихъ заводчиковъ, которые кормятъ сами рогатый скотъ и барановъ до конца октября, сперва на подножномъ корму, а потомъ овсомъ и сѣномъ, вблизи своихъ салотопень. Курганскіе скупщики откармливаютъ свой скотъ преимущественно на убой, но Ялуторовскіе и Петропавловскіе держатъ его до весны и тогда сбываютъ выгодно Муромскимъ и Казанскимъ купцамъ, прогоняющимъ свои гурты въ столицы. Наконецъ, замѣчательно, что даже Киргизы принялись сами топить

сало, уже въ очень обширныхъ размѣрахъ. Въ 1838 году они вывезли въ Петропавловскъ изъ степи до 45,000 пудъ. Можно вообразить, какую массу благосостоянія и довольства разливаютъ подобные обороты, не только въ Тобольской губерніи, но и въ степи Киргизской!

Ишимскій округъ, богатѣйшій, хлѣбородивѣйшій и многолюднѣйшій изъ всѣхъ округовъ цѣлой Сибири, граничитъ съ Тобольскимъ, Тарскимъ, Омскимъ, Курганскимъ и Ялуторовскимъ округами, а на югѣ съ Киргизской степью. На пространствѣ 35,677 кв. вер., онъ уже имѣетъ нынѣ по 10-й народной переписи 192,006 жителей. Всѣхъ волостей въ немъ 28, тоже какъ и въ Омскомъ округѣ, исключительно русскихъ государственныхъ крестьянъ, которыхъ числится обложенныхъ податями и повинностями 68,886 ревиз. душъ.

Значительнѣйшія рѣки Ишимскаго округа—Ишимъ и Вагай, но судоходства по нимъ нѣтъ, хотя гонка по Ишиму лѣснаго товара была бы возможна, потому что Ишимъ впадаетъ въ Иртышъ, а строеваго лѣса въ округѣ уже нѣтъ. Перевозка его производится нынѣ зимнимъ гужевымъ путемъ, частью изъ Ялуторовска, а большею частью изъ Тарскаго и Тобольскаго округовъ; понятно, что онъ почти равносильнъ золоту. Однако еще въ недавніе годы, по рѣкѣ Ишиму, который выходитъ изъ Киргизской степи (изъ горъ Мугоджарскихъ), сплавляли лѣсъ розсыпью изъ сѣверныхъ округовъ Тобольской губерніи, даже до Петропавловска и далѣе по линіи. Но засореніе русла этой рѣки (какъ и Тобола) отъ небреженія прибрежныхъ жителей и постройки крупчатныхъ мельницъ, уничтожили совершенно этотъ полезный промыселъ, служившій некогда важнымъ звѣномъ обмена на хлѣбъ, кожу и сало прилинейныя. Въ Ишимскомъ округѣ много озеръ обильныхъ рыбою, много и съ самоосадочной солью (впрочемъ неразработываемыхъ газ-

ною), но главное занятіе жителей—хлѣбопашество и скотоводство, на, такъ называемой, Ишимской степи. Эта степь находится между Иртышемъ и Тоболомъ и, въ тѣсномъ смыслѣ слова, ничто иное, какъ обширная равнина. Березовые перелѣски, или холки, безчисленныя озера, камыши и займища, обиліе мелкаго лѣса, воды и всѣхъ удобствъ къ осѣдлой жизни—дѣлають здѣсь жизнь вполне привольною. Вотъ причины изумительнаго развитія хлѣбопашества у Ишимскихъ крестьянъ. Почва здѣсь состоитъ изъ самаго тучнаго чернозема и только кое-гдѣ встрѣчаются песчанныя полосы. Хлѣбопашецъ не имѣеть нужды прибѣгать съ искусственному удобренію. Самый бѣдный, одинокій крестьянинъ, живущій своимъ хозяйствомъ, беретъ подъ пашню не менѣе 5 десятинъ, а между достаточными есть такіе, которые распахиваютъ отъ 70 до 100 дес. Намъ показывали въ Абатской слободѣ нѣсколько такихъ сибирскихъ фермеровъ. Всѣ работы исправляютъ они наймомъ годовыхъ работниковъ, которыхъ держатъ иногда до 20 и болѣе. Обувь, харчи и одежда лѣтняя и зимняя хозяйскія. Плата отъ 1 до 2½ р. сер. въ мѣсяць, т. е. отъ 12 до 30 р. сер. въ годъ. Жнутъ же бабы и дѣвки посуточно, или подесятинно. Въ сутки 15 к. с., харчи хозяйскія; подесятинно и до 2½ р. сер., если хлѣбъ густъ и его много. Пшеницу и ярицу сѣютъ почти въ каждомъ хозяйствѣ поровну, но богатые Абатскіе крестьяне сѣютъ преимущественно пшеницу и овесъ. Пшеница идетъ на крупчатки, овесъ—купеческимъ обозомъ съ чаями и товаромъ изъ Кяхты и въ Кяхту. Озимой ржи здѣсь вообще сѣютъ мало. Это же замѣчается и въ другихъ хлѣбныхъ округахъ: Омскомъ, Курганскомъ, частью Тарскомъ и Ялуторовскомъ, гдѣ еще хлѣбопашество обширно. Подъ озимъ чаще употребляютъ новъ, т. е. вновь поднятую землю, хотя на такой землѣ хорошо родится и ярица. По снятіи хлѣба, одинъ годъ даютъ

земль отдыхать, вспахивая ее однакожь весною и около Успенія. На слѣдующую весну взбораниваютъ и засѣваютъ. 10 лѣтъ сряду 3 съемовъ хлѣба бываютъ очень хорошіе. Даже овесъ сѣютъ иногда на земль, не пользовавшейся отдыхомъ и онъ родится хорошо; такъ здѣсь богата почва. При избыткѣ земли Ишимскіе крестьяне имѣютъ всегда возможность находить для пашень удобныя мѣста. Хлѣбъ, засѣваемый на низинахъ, вообще бываетъ легче зерномъ и чернѣе мукой, притомъ онъ болѣе терпитъ отъ ранняго инея. На мѣстахъ же возвышенныхъ хлѣбъ родится нерѣдко самъ 16. Какова благодать? Въ Ишимскомъ округѣ ржаная мука была при насъ 30—35 к. сер. пудъ, пшеничная—не свыше 40 к., четверть овса 1 р. с., крупчатка тоже 1 р. с. пудъ. А еще жаловались на дороговизну! Въ Ишимскомъ округѣ закупаютъ ржаную муку на казенные винокуренные заводы: Успенскій и Екатерининскій (оба въ здѣшней губерніи), на Березовскій край (рыбпромышленники), на войска; но все это ничтожно, сравнительно съ массой жатвъ, и хлѣба все-таки сбыть некуда. Соль въ вольной продажѣ здѣсь: казенная коряковская—30 коп., степная, оплаченная таможенной пошлиной—40 к. сер. (эта послѣдняя хуже въ засолѣ) за пудъ. Крестьяне Омскаго округа, Драгунской и Лузинской волостей, издавна занимаются солепромышленностью. Въ южныхъ округахъ считается нынѣ до 90 самосадныхъ мелкихъ озеръ. Какъ тутъ усмотрѣть казнѣ за солекорчемствомъ? Въ Тобольской губерніи нынѣ 1,013,418 ж. о. п. (мы это видѣли въ началѣ общаго вступленія), а по таблицамъ Казенной Палаты, обнародованнымъ 13 августа 1859 года, видно, что изъ 3 соляныхъ оптовыхъ магазиновъ: Курганскаго, Ишимскаго, Петропавловскаго, Ялуторовскаго и Омскаго (гдѣ населеніе 4-хъ округовъ составляетъ нынѣ по 10-й народной переписи 648,171 ж. об. п., т. е. почти $\frac{2}{3}$ всего числа жителей губерніи),

продано въ 1858 году соли только 142,214 пудъ... Гдѣ же жители берутъ соль, нужную имъ на посоль мяса, рыбы, овощей, на кормъ скоту и на собственное употребленіе? Но солью корчемничаютъ все—Линейные казаки, крестьяне, Киргизы, даже сосѣди (Челябинцы Оренбургской губерніи); корчемничаютъ однимъ словомъ все и за одно съ чиновниками кордонной стражи, волостными начальствами. Полезно бы было пересмотрѣть законоположенія о соли, потому что онѣ явно не достигаютъ своей цѣли расширить право вольной торговли; соль, какъ справедливо замѣтилъ знаменитый химикъ Либихъ „въ степени ея употребленія показываетъ и степень процвѣтанія сельскаго хозяйства.“ Достаточно того, что и въ Сибири, какъ и въ Россіи, вино необыкновенно дурно и продается въ полугарѣ по 7 р. сер. за ведро. Соль, вино, хлѣбъ, должны быть продаваемы безпрепятственно. Въ нынѣшнее время это бы было однимъ зломъ менѣе...

Но проѣзжая Омскимъ и Ишимскимъ округами, любясь ихъ цвѣтущими селами, безпредѣльными полями, зеленѣющими уже всходами будущей жатвы, мы изъ Ишима своротили въ Петропавловскъ, чтобы лично ознакомиться съ этимъ нынѣшнимъ центромъ сибирской линейной заграничной торговли. Замѣчательный не менѣе Ишима своимъ быстрымъ развитіемъ городъ Петропавловскъ стоитъ на правомъ горномъ берегу рѣки Ишима, на границѣ Киргизской степи, въ 364 верстахъ отъ своего губернскаго города Тобольска. Онъ основанъ въ 1752 году, при окончательномъ устройствѣ нынѣшней военной линіи. Крѣпость его уже упразднена и онъ считается заштатнымъ городомъ Ишимскаго округа. Въ немъ центръ таможеннаго управленія Сибирской таможенной границы и мѣстопребываніе начальника Сибирскаго таможеннаго округа. Домовъ—1,148, церковей 3, и 1 мечеть, жителей 6,761; изъ нихъ окладныхъ мѣщанъ

672 (въ томъ числѣ еврей 1 и магометанъ 84), ремесленниковъ 628, салотопенныхъ заводовъ 30 и приходское училище. Изъ этого видно, что въ ряду городовъ Западной Сибири онъ занимаетъ видное мѣсто и постоянно въ прогрессѣ. И точно. Съ самаго основанія Петропавловска, началась уже въ немъ мѣновая торговля съ Западнымъ Китаемъ, Кокандомъ и Бухаріей. Торговые караваны приходятъ обыкновенно два раза въ годъ, весной и осенью, преимущественно изъ Ташкента (Кокандскаго ханства) и частью изъ Бухаріи, чрезъ Ташкентъ. Но торговля Петропавловска важнѣе торговли Семипалатинска и Троицка съ Оренбургомъ на Оренбургской линіи. Правительство допускаетъ здѣсь азіатцевъ приходитъ съ караванами на пограничныя наши торговые пункты безъ паспортовъ, чтобы не стѣснить торговли. Азіатцамъ дозволяется закупать русскія издѣлія на неограниченныя суммы, безъ записи въ гильдіи; пошлины наши умѣренны и всѣ эти благопріятныя данныя годъ отъ году умножаютъ число прибывающихъ сюда азіатскихъ торговцевъ. Въ 1858 году пріѣхало въ Петропавловскъ азіатскихъ купцовъ съ караванами 346 человекъ. Изъ Ташкента и Бухаріи привезено товаровъ на 602,319 р. сер., а отпущено русскихъ товаровъ на 485,300 р. сер. и монеты на 43,451 р. Статьи азіатскаго привоза суть: хлопчатая бумага, марена, сухіе фрукты, изюмъ, кишмишъ, урюкъ, цитварное сѣмя, мерлушка, мягкая рухлядь, бумажныя, полупелюшныя ткани очень дешевыя, носкія и вѣднющія. Они во множествѣ раскупаются даже крестьянами. Отсюда идутъ въ Среднюю Азію: полуситцы, плисъ, нанка, миткаль юфть, тюменскія кожаныя издѣлія, сукна, мѣдныя и желѣзныя вещи, посуда, сундуки и проч.; фабричныя издѣлія идутъ отсюда большею частью московскихъ и владимірскихъ фабрикъ: Посылина, Тушнина, Миодовскаго, Кононова и другихъ; но и здѣсь, какъ въ

Ишимъ, съ саломъ повторяются тѣ же жалобы. Сверхъ того, много выпускаютъ ситцевъ и суконъ гнилыхъ и тѣмъ подрываютъ довѣріе азіятцевъ. Но средне-азійская торговля, какъ она здѣсь ни быстро развивается, блѣднѣетъ однако, какъ мы видѣли, предъ громадными оборотами скототорговлей. Тутъ истинный корень благосостоянія Петропавловска и желѣзныя дороги еще сильнѣе разовьютъ закупку скота, потому что сало такой товаръ, который всегда будетъ въ спросъ въ Петербургъ для отпуска въ Европу. Кромѣ того, чай, который теперь преимущественно вывозятъ въ Семипалатинскъ изъ Западнаго Китая, предназначенъ, при улучшеніи путей сообщенія между Омскомъ и Кульджой чрезъ Заилійскій край, играть важную и чуть ли не первостепенную роль въ торговомъ движеніи всей Сибирской линіи. Такъ какъ не только въ Европѣ, но и въ Россіи, немногіе еще знаютъ какъ воздѣлывается, откуда и какимъ образомъ доставляется въ Россію чай, то мы изложимъ это съ надлежащею подробностью, на основаніи самыхъ новѣйшихъ данныхъ, личнхъ наблюденій нашихъ въ Кяхтѣ и Маймаченѣ, и многочисленныхъ показаній нашихъ торговцевъ.

Чайное деревцо (*thea*, Линнея) составляетъ одинъ общій видъ и нигдѣ не акклиматизировалось еще вполне, кромѣ Китая и Японіи. Въ торговлѣ чай дѣлится на 5 сортовъ: 1) байховый или черный (со включеніемъ цветочнаго); 2) желтый; 3) зеленый; 4) кирпичный и 5) Пуэръ-ча, называемый въ Сибири „пурча.“ Китайцы называютъ чайное деревцо „Ча“, листь его „Ча-ф.“ Изъ этого слова, пограничные Маньчжурь сдѣлали „чаф“ и передали его русскимъ. Въ Китаѣ чай распространенъ съ глубокой древности. Уже въ концѣ VIII вѣка по Р. Х., при династіи Тянь, говорится о немъ въ китайскихъ лѣтописяхъ. Въ Европу чай вывезенъ англичанами и голландцами въ началѣ XVII столѣтія и продавался

сперва въ аптекахъ, какъ лекарство. Почти въ то же время, а именно въ 1638 году, чай вывезенъ въ первый разъ и въ Москву русскимъ посольствомъ, бывшимъ у Алтынъ-Хана. Чайное дерево разводится въ Китаѣ на огромномъ пространствѣ между 23° и 31° сѣв. шир. отъ Шань-Си до Куан-Тонга и до Юнь-Няня включительно, т. е. почти отъ южнаго океана до Тибета. Оно любитъ черныя земли, не очень жирныя, смѣшанныя съ каменистою осыпью горъ. Чайныя плантаціи разводятъ преимущественно сѣмянами, на южныхъ скатахъ горъ; на сѣверѣ и въ долинахъ чай растетъ хуже. На четвертый годъ начинаютъ собирать листья, а на 10 и 12 году дерево чахнетъ и погибаетъ. Чайныя листочки ошипываютъ (собираютъ) на утренней зарѣ и вечеромъ. Эта операція требуетъ тщательной чистоты и сноровки, потому что чайный листъ очень нѣженъ и воспримчивъ къ малѣйшей порчѣ и запаху. Цвѣту на чайномъ деревѣ вовсе нѣтъ (это пустое повѣрье, до сихъ поръ укоренившееся въ Россіи), а то, что называется нами цвѣткомъ, ничто иное, какъ молодыя листовыя почки, подернутыя пухомъ. Снятый чайный листикъ слегка поджариваютъ на желѣзныхъ листахъ въ вольной печи. Онъ высыхаетъ, свертывается и тогда окончательно сортируется. Чай байховый, желтый и зеленый — это сборы лучшихъ листьевъ, кирпичный и пурча—осенніе опадки съ дерева, прессируемые въ плитки и комки. Въ этомъ видѣ идутъ они на потребленіе нищихъ рязрядовъ покупателей. Байховый чай употребляется преимущественно въ Россіи, желтый въ Китаѣ, зеленый въ Америкѣ и въ Англій, откуда онъ расходится по Европѣ, кирпичный же въ общемъ употребленіи по всей Восточной Сибири между русскими и инородцами, а въ Россіи между башкирами, калмыками и частью татарами. Въ Западной Сибири кирпичный чай почти вовсе не употребляется. Пурча расходится между бѣднѣйшими влас-

сами въ Китаѣ, въ Сибирь же и Россію его не вывозятъ. Три первые сорта чая въ листкахъ: байховый, желтый и зеленый, продаются въ фунтахъ и за границей и у насъ, но кирпичный имѣетъ всегда опредѣленную длину, толщину и вѣсъ отъ 1½ до 3 русскихъ фунтовъ, въ видѣ плитки. Пурча же имѣетъ форму комка и вѣсъ не свыше нашего фунта. Кирпичный чай привозятъ иногда въ Петербургъ и Москву, но жаль, что онъ не пользуется среди людей недостаточныхъ той извѣстностью, какой въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ. Во первыхъ онъ прессуется на мѣстѣ, внутри Китая, среди чайныхъ плантацій и какъ малоцѣнный, ничѣмъ не подмѣшивается. Въ Россіи же его подмѣшивать, въ прессированномъ видѣ однажды ему давномъ, тоже, само собою разумѣется, нельзя. А хотя это и низкій сортъ чайнаго листика, но онъ очень хорошъ на вкусъ, настаивается крѣпко и весьма питателенъ. Этотъ чай варятъ русскіе жители въ Восточной Сибири слѣдующимъ образомъ: отломивши кусочикъ кирпича (точнѣе сказать отрубивши, потому что онъ толстъ и крѣпокъ), толкутъ его сперва въ порошокъ въ чугунной ступкѣ. Источенный сыпаютъ въ широкую глиняную латку. Это глиняный горшокъ въ видѣ колокола съ усѣченнымъ дномъ, нарочно для питья чая дѣлающійся въ Сибири. Потомъ наливаютъ кипяткомъ изъ чугунки, уже заблаговременно поставленной на огонь и принимаются сливать (техническое сибирское выраженіе), т. е. мѣшать чистымъ деревяннымъ ковшомъ. Сибиряки знаютъ свойство чая принимать въ себя всѣ запахи, а потому чайныя принадлежности: чугунку, латку, ковшъ и лакированныя деревянныя китайскія чашки для разливанія, держатъ во всегдашней чистотѣ и ни на что другое не употребляютъ. Черезъ нѣсколько минутъ чай готовъ. Знатоки пьютъ этотъ чай всегда черный, т. е. безъ всякой примѣси; такъ пьютъ высшіе сорта чая сами китайцы; но наши

крестьяне и буряты кладутъ въ латку нѣсколько ложекъ варенаго молока съ пѣнками, ложку скоромнаго масла и нѣсколько ложекъ поджареной на сковородѣ пшеничной, или ржаной муки. Эта смѣсь, перешедшая къ русскимъ отъ монголовъ и буряты, называется „затуранъ“. Затуранъ очень питателенъ и выпивши его нѣсколько чашекъ съ ржанымъ хлѣбомъ, крестьянинъ въ Восточной Сибири смѣло пускается въ лютый морозъ, на весь день въ лѣсъ, или за сѣномъ—однимъ словомъ въ дальнюю повѣзку, зная, что не продрогнетъ и не проголодается. Въ Восточной Сибири, гдѣ хлѣбъ нерѣдко очень дорогъ, а мясо еще дороже и вовсе не доступно бѣднымъ людямъ, кирпичный чай почти единственная ихъ пища.

Чтобы понять, какъ велики обороты по чайной торговлѣ, достаточно указать на Кяхту. Эта именно „созданная на песокъ“, неудобная, но богатая слобода,—выросла, развилась и обогатилась чаемъ. Перейди чайная торговля чрезъ Западный Китай и Кульджу на Омскую линію,—Кяхты чрезъ 10 лѣтъ и въ поминѣ не будетъ. Въ 1857 году вымѣнено въ Маймаченѣ (Кяхтѣ) у китайцевъ чая байховаго 163,202¹/₂ мѣста, а кирпичнаго 43,599 мѣстъ. Всѣхъ товаровъ промѣнено китайцамъ (со включеніемъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій) на 6,024,931 р. с. Сверхъ того вывезено чрезъ Кяхту въ Китай золотой русской монеты и серебряной иностраннаго чекана на 1,453,612 р. с., стало быть масса всего вывоза простиралась до 7,478,543 р. с., т. е. на ¹/₄ всего оборота Ирбитской ярмарки. И это только промѣнь гласный, таможенно-официальный. Обширная контрабанда, усмотрѣть за которой нѣтъ человѣческой возможности, (ибо она простирается отъ Сибирскаго редута, на границѣ Оренбургской губерніи, до Николаевска на Амурѣ, на берегу Восточнаго Океана, на протяженіи Ишимской линіи, Омской линіи, Алтайскаго хребта, Саянскаго хребта,

Хамарь-Дабанско-круго-Байкальскаго хребта, Чикойскаго хребта, Шилки, Аргуни и Амура, вѣрныхъ на 10,000 верстѣ, если не болѣе, изгибами границы) производить, сверхъ промѣна гласнаго, свой ежеминутный и неутомимый промѣнъ негласный, вездѣ и всюду, какъ въ Западной, такъ и въ Восточной Сибири;—здѣсь съ киргизами и средне-азійцами, далѣе съ китайцами, монголами и маньжурами. Казаки, солдаты, мѣщане, крестьяне, купцы, даже чиновники и духовенство, даже бабы, дѣвви, ребятишки, всѣ въ дружномъ, общемъ заговорѣ, не только тамъ, гдѣ наблюдаетъ одна лишь кордонная стража, а и у воротъ самой Кяхтинской и Петропавловской таможенъ... Хлѣбъ, желѣзо, кожанный товаръ, красный, казенное браденое золото и серебро съ Урала и изъ сибирскихъ заводовъ, коробочная мелочь и проч., вымѣниваются тутъ на чай, (который провозятъ въ сумѣхъ, перекинутыхъ на сѣдло), шелковыя издѣлія, лакированныя вещи, металлическія издѣлія, китайскій табакъ—однимъ словомъ на все, что можно придумать общеупотребительнаго и выгоднаго для обѣихъ сторонъ. Говорятъ тоже, что идетъ изъ Сибири въ Среднюю Азію и въ Китай много фальшивой золотой и серебряной монеты, или точнѣе сказать вовсе не фальшивой, а высшаго противъ казенной достоинства; потому что она выдѣлывается изъ лучшаго золота и серебра, безъ лигатуры. Большая часть этихъ металловъ, разумѣется, казенная, и эту монету, очень понятно, азійцы берутъ съ жадностью а монетчикамъ тотъ барышъ, что риску мало; золото и серебро скупается ими у горныхъ служащихъ по мелочамъ, почти даромъ...

Въ Мехикѣ (въ Сѣверной Америкѣ) и въ Ассалѣ (въ Остѣ-Индіи) пытались разводить чайное дерево, но чай отъ него тамъ получаемый далеко ниже китайскаго. Одна Японія высвободилась въ этомъ отношеніи изъ подъ зависимости Китая, усвоивъ себѣ вполне чайное

производство, но японская чайная торговля еще незначительна. Въ 1857 году вывезено въ одну Англiю изъ Кантона и Шанхая (который въ десятилѣтiе съ 1847—1857 г. получилъ большое развитiе) 87,741,000 фунтовъ чая. Китайско-европейскiя войны 1858 и 1860 годовъ и междоусобiя въ самомъ Китаѣ, опустошающiя нынѣ самыя богатѣйшия провинцiи въ имперiи и изъ средоточiя мятежниковъ, Нанкина, наводящiя страхъ на китайское правительство, конечно не дали еще развиться вполне торговому движенiю нашему и Европы съ Китаемъ; но нѣтъ сомнѣнiя, что по силѣ трактата, заключеннаго въ 1860 году, успѣхъ чайной и вообще китайской торговли будетъ быстръ и превзойдетъ всѣ ожиданiя.

Въ Россiю же чай идетъ теперь двумя путями чрезъ Кяхту и чрезъ Омскую линiю (Семипалатинскъ и Петропавловскъ). Въ сравненiи съ доставкой чаевъ моремъ въ Англiю, наша главная сухопутная доставка, Кяхтинская, имѣетъ множество неудобствъ, увеличивающихъ произвольно цѣнность чаевъ, нами получаемыхъ. Отъ Шанхая (одного изъ 5 сѣверныхъ портовъ Китая, открытыхъ по прежнимъ трактатамъ до 1860 года западной Европѣ) до центра складки чаевъ, въ провинцiи Тянь-Ганъ-Гюнъ (подъ 28° 43' с. ш. и 114° 47' в. д.), всего только 1000 нашихъ верстъ, которыя кладъ проходитъ въ 24 дня. Перевозка эта не обходится дороже 2 ланъ, т. е. 4 руб. сер. за цибикъ въ 50 русскихъ фунтовъ. Но чай, отправляемый изъ Китая въ Кяхту, идетъ почти исключительно изъ провинцiи Фу-Цзанъ. Тутъ водой, на мулахъ и на верблюдахъ, разстоянiе до Кяхты 5600 верстъ, а провозъ, отъ разныхъ внутреннихъ пошлинъ и путевыхъ затрудненiй, возвышается до 13 р. 50 к. сер. на цибикъ. Вотъ уже громадная разница! Ибо что значитъ океанъ для Англiи, съ ея торгово-пароходнымъ флотомъ? Далѣе,—плаченный еще разъ вышей пошлиной въ Кяхтинской таможнѣ, чай идетъ

до Москвы еще 6000 верстъ и расходы отъ этой страшно далекой перевозки увеличиваются уже до 45 р. сер. еще на цибикъ. И такъ отъ Фу-Цзана до Москвы, на огромномъ протяженіи 11,600 верстъ, цибикъ чая обходится за одну лишь доставку въ 58 р. 50 к. сер., не говоря уже о погубкѣ на мѣстѣ, о кяхтинскихъ расходахъ, о совкахъ и плутняхъ приказчиковъ. Кяхтинскіе оптовые негоціанты, имѣющіе тутъ дѣла на милліоны, говорили намъ откровенно, что они приблизительно и кругло никакъ не могутъ положить меньше 25 р. сер. сверхъ того на цибикъ всѣхъ расходовъ купли, торговли и проч., такъ что цибикъ байховаго чаи (нормальнаго вѣса въ 50 фун.) продается въ Москвѣ по 2 р. с. за фунтъ. Значитъ, вычтя изъ выручки 100 р. сер. расходы 83 р. 50 к., остается купцу 16 р. 30 к. чистаго барыша на цибикъ и этотъ барышъ долженъ покрыть у него столичное житье, содержаніе магазиновъ, проценты на страшно долго затрачиваемый капиталъ (ибо изъ Фу-Цзанской провинціи въ Москву чай идетъ годъ и болѣе). Какъ же это возможно?.. Но тайна просто объясняется. По свидѣтельству нашей Духовной миссіи въ Китаѣ, московскія сукна продавались въ 1857 году въ Пекинѣ дешевле, нежели въ Москвѣ. Наши фабриканты сбываютъ въ Кяхту, а оттуда внутрь Китая, обычное свое гнилье, а Маймаченскіе фузаны („фуза“ торговый домъ) такіе же продувные плуты, какъ и кантонцы (ибо Маймачень можно справедливо назвать русскимъ сухопутнымъ Кантономъ), передаютъ въ Кяхту, для сбыта внутрь Россіи, самые нисшіе качествомъ сорты чая, подмѣшиваемые и подграниваемые, не говоря уже о русскихъ подмѣсахъ. А такъ какъ нашъ купецъ спустилъ дрянное гнилье за двойную цѣну, то онъ очевидно въ барышахъ; да и китаецъ, спустившій дрянной чай за цѣну хорошаго — тоже въ барышахъ. Въ наглядѣ только потребители... Но многіе ли впро-

чемъ и въ Россіи знаютъ толкъ въ чай и пьютъ его съ толкомъ?

Нынѣ въ вѣроятно близкомъ будущемъ, этого уже не будетъ. Волей-неволей русскіе фабриканты примутся за добросовѣстность, потому что Китай наводнится послѣ событій 1860 года европейскими товарами, и, чтобы съ ними соперничать, надо будетъ производить „на совѣсть“. Китайцы лишатся тоже возможности плутовать, потому что покупатели будутъ являться сами на чайныя плантаціи и брать чай у кого имъ угодно. Самые пути доставки чаевъ измѣнятся. Отъ Кульджи, чрезъ Киргизскую степь и Омскъ, до Москвы, всего 4416 вер., или, точнѣе сказать, до Нижняго-Новгорода, съ небольшимъ 4000, потому что Нижній скоро будетъ предмѣстьемъ Москвы. Когда же пароходство по Балхашу и Илѣ устроится и разовьется, когда на сухопутныхъ волокахъ, отъ Балхаша до Омска устроится тоже хорошая колесная дорога (о чемъ много и постоянно заботился генералъ Гасфордъ); когда наконецъ Тюмень и Нижній соединятся желанной желѣзной дорогой, тогда чай, изъ глубины Китая, будутъ поспѣвать уже не въ Москву, а чрезъ Кульджу, Киргизскую степь, Омскъ, Москву, Петербургъ и Варшаву, въ Западную Европу въ два-три мѣсяца; и вся Сибирь можетъ неслыханно развиться. А это очень быточно.

Мѣновой дворъ въ Петропавловскѣ необыкновенно оживленъ въ весеннюю пору. Изъ степи приходятъ азіатскіе караваны, верблюдовъ развьючиваютъ, кипы товаровъ складываютъ грудями. Киргизъ джигитуетъ на своемъ степномъ бѣгуиѣ, важный бухарецъ сидитъ поджавши ноги, суетливый ташкенецъ торгуется съ хитрымъ казанскимъ татаринкомъ, таможенные досмотрщики кричатъ; это и мѣновый дворъ и толкучій рынокъ, самый веселый, самый оживленный, самый пестрый! А Петропавловскъ выдвигается эффектно на крутомъ бе-

регу рѣки. И, когда все это обито широкими лучами полуденнаго солнца, а далеко раскинувшаяся степь начинаетъ зеленѣть яркой майской зеленью; когда воздухъ наноситъ ароматическое дыханіе весны и свѣжести,—сердцу становится такъ легко, мысль такъ радостно объемлетъ будущее—тѣ годы, въ которые вся эта кипучая дѣятельность утысячерится при устройствѣ сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ, разбудивъ цѣлый обширный край и вдвинувъ его въ солидарное нынѣ поступленіе впередъ Россіи съ Европой.

„Торговое Общество“ Сибирскаго линейнаго казачьяго войска, распространяетъ свою похвальную дѣятельность и здѣсь и по всей лѣнѣ, и въ степи Киргизской, и даже въ средне-азійскихъ владѣніяхъ; а смѣлостью, честностью, оборотливостью, добросовѣтностью,—подаетъ собою примѣръ даже и торговому сословію. Оно состоитъ нынѣ изъ 280 служилыхъ казаковъ и 20 резервныхъ урядниковъ, т. е. по 28 казаковъ и по 2 урядника отъ каждаго изъ 10 полковъ войска. Эти торговые казаки платятъ въ войсковую казну за право торговли по 37 р. 30 к. сер. въ годъ. Обязательный срокъ ихъ службы 30 лѣтъ; но они избавлены отъ всѣхъ личныхъ нарядовъ. Торговое Общество принесло не только денежную, но и нравственную пользу войску, развивая въ немъ духъ порядка, труда и предпримчивости, вліяя благотѣльно на все войсковое сословіе примѣромъ, распространяя вокругъ себя благосостояніе въ станицахъ и приохочивая ихъ обывателей къ полезнымъ занятіямъ. Впрочемъ просвѣщенная заботливость генерала Гасфорда, поднявъ города Западной Сибири, распространилась и на войсковыя заселенія Омской линіи. Это иѣмецкія колоніи въ казачьей формѣ. Лучше похвалы и справедливѣй пріискать невозможно. Шегольская чистота, порядокъ, хорошія постройки, палисаднички, чистенькія улицы,—все это весело смотреть. Понимаемъ, что тутъ

есть бдительность и заботливость, умъ и чувство. А не забудемъ, что въ глубинѣ Киргизской степи сдѣлано еще болѣе. Вообще о Сибири, даже и въ отношеніи построекъ, не имѣютъ въ Россіи никакого понятія. Кто привыкъ видѣть русскія курныя избы съ деревянными трубами и землянымъ поломъ, крытыя соломой лачужки, развалившіеся плетни, навозъ и грязь по ступицу въ селеніяхъ, даже на почтовыхъ трактахъ — тотъ съ трудомъ повѣритъ, что — Сибирь русская Германія, страна опрятная и въ домѣ и на человѣкѣ. Вотъ самое лучшее оправданіе того, что нынѣ предпринимаетъ Государь во внутреннихъ губерніяхъ... Если онъ сдѣлаетъ ихъ, не говоримъ похожими на Европу (до этого еще, увы, страшно далѣко!), но хоть похожими на Сибирь нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ простаго народа, опрятностью бѣлья, одежды и обуви, хорошими постройками, прилежаніемъ къ работѣ, порядкомъ и чистотой домашней жизни — Россія уже выиграетъ сто на сто.

Изъ Петропавловска, этого полуазіятскаго города, которому, какъ и всему югу здѣшняго края, предстоитъ такая богатая будущность, свернули мы съ Омской линіи и углубились въ Курганскій округъ, гдѣ радостно встрѣтили великолѣпную майскую ночь, среди этихъ оживленныхъ сельскимъ трудомъ и неслыханнымъ въ Россіи благосостояніемъ и довольствомъ мѣстностей. Изрѣдка на отдаленной окраинѣ зайшимскихъ степей сверкали перебѣгающіе огоньки, какъ бы лижущіе землю. Это остатки „паловъ“, т. е. огней, пускаемыхъ весной по луговой сторонѣ рѣки Ишима для выжиганія сухихъ травъ. На другой день, мы уже были въ Курганѣ.

ГЛАВА III.

КУРГАНЪ. ЯЛУТОРОВСКЪ.

Съ покореніемъ Сибири и съ постепеннымъ увеличеніемъ русскаго населенія въ нынѣшней Тобольской губерніи, представилась настоящая необходимость обезопасить только что возникавшій къ гражданственности край отъ набѣговъ степныхъ хищниковъ, калмыковъ и киргизовъ, которые подобно кавказскимъ горцамъ „снимали“, т. е. похищали съ полевыхъ работъ, мужчинъ, а въ особенности женщинъ, накидывая на нихъ арканъ и мча ихъ въ свои степи, гдѣ продавали бухарцамъ и ташкенцамъ. Для этого въ началѣ XVIII столѣтія была учреждена военная линія по рѣкѣ Тоболу и нынѣшній городъ Курганъ сдѣланъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, сборнымъ пунктомъ тогдашнихъ военныхъ силъ, состоявшихъ изъ только-что сформированныхъ полевыхъ полковъ изъ бѣломѣстныхъ казаковъ (т. е. такихъ, которыхъ земли не подлежали никакому оброку) и даже изъ крестьянъ, которымъ указомъ 1702 года, повелѣно было „имѣть копья, бердыши и пищали.“ Первоначальныя укрѣпленія этой возникавшей линіи состояли изъ бревенчатаго стоячаго тына съ башнями, надолбами и рогатками, окруженными глубокимъ ровомъ и валомъ. Этого было достаточно для удержанія степныхъ хищниковъ. Впослѣдствіи уже около половины того же столѣтія, въ 1737 году, эта военная линія отнесена на рѣку

Ишимъ, служившую тогда государственной границей между Сибирью и Киргизской степью. Основанный, какъ мы видѣли въ 1752 году, Ишимъ получилъ вслѣдствіе этого значеніе важнаго укрѣпленнаго мѣста. Возведеніе крѣпостей на всей этой линіи возложено было, ровно 100 лѣтъ тому назадъ, на инженернаго генерала Людвига. Эта линія, существующая и донинѣ, начинается на юго-западѣ отъ Сибирскаго редута, на границѣ Оренбургской губерніи и продолжается до Омска на пространствѣ 537 верстѣ. Между тѣмъ еще далѣе отъ этой новой границы, была уже заложена, съ 1713 по 1720 годъ по указаніямъ Петра Великаго (геній котораго все зорко провидѣлъ въ будущемъ). Иртышная линія: цѣпь крѣпостей и редутовъ, отъ нынѣшняго Омска до Бухтармы (нынѣ въ Семипалатинской области), гдѣ Иртышъ уклоняется въ китайскія владѣнія, на разстояніи отъ Омска еще на 991 версту, что и составило всей,—до нынѣ называющейся, „Омской линіи“ 1528 верстѣ. Она заселена постепенно Бухгальцомъ, Ступишинымъ, Лихаревымъ, Киндерманомъ, Веймарномъ и Фрауэндорфомъ. Въ 1763 году, генераль-поручикъ Шпрингеръ сдѣланъ начальникомъ всей Сибирской линіи и такимъ образомъ положено прочное основаніе нынѣ существующему управленію военной частью въ Западной Сибири. Наконецъ въ началѣ XIX столѣтія, углубляясь постепенно въ степь, засѣляя ее, выдвигая аванпосты свои все далѣе и далѣе, Россія дошла теперь почти до тѣхъ государственныхъ границъ, за предѣломъ которыхъ уже начинается громадный политическій переворотъ для всего крайняго Востока. Ставъ теперь твердой ногой въ виду Западнаго Китая, Коканда, Бухары и Хивы, отъ предгорій Небеснаго хребта до Каспійскаго моря, она ждетъ лишь державнаго слова своихъ великихъ двигателей (съ Петра такъ изумительно разширившихъ ея предѣлы), чтобы внести мечъ и крестъ, жизненную силу цивили-

заціи и преобразующую силу своего гражданскаго устройства въ эту вѣтхую Азію, уже отжившую свою исторію, пережившую всѣ свои вѣрованія и ждущую нынѣ въ апатическомъ застоѣ „избавителя и творца“, который бы подобно Прометею принесть ей небесный огонь просвѣщенія и вдохнулъ его въ ея хоть недвижимое, но все-таки чудно-художественное, полное дивной поэзіи восточной природы и формъ, тѣло.

Курганскій округъ,—второй въ цѣлой Сибири по числу жителей и богатству, имѣетъ нынѣ, на пространствѣ 20,420 квадр. верстѣ, по 10-й народной переписи уже 178,126 ж. о. п. Всѣхъ волостей въ немъ 27, тоже какъ въ Омскомъ и Ишимскомъ округахъ, исключительно русскихъ государственныхъ крестьянъ, которыхъ числилось обложенныхъ податями и повинностями 76,217 ревиз. душъ. Онъ граничитъ съ сѣвера и востока съ Ялуторовскимъ и Ишимскимъ округами своей губерніи, съ юга съ Киргизской степью, а съ запада съ Челябинскимъ уѣздомъ Оренбургской губерніи и Шадринскимъ—Пермской. Становая жила его Тоболь, выходящій въ Киргизской степи изъ хребта Кара-Адырь. Въ верховьяхъ своихъ онъ то скрывается подъ землю, то опять показывается, доколѣ не приметъ въ себя двухъ рѣкъ—Аэтъ и Убаганъ. На границѣ Ишимской линіи, принявъ еще рѣку Уй, Тоболь входитъ въ Курганскій округъ и течетъ по немъ 275 верстѣ. Въ древности былъ онъ шире и глубже. Теперь ширина его отъ 27 до 70 саж., но средняя глубина уже не болѣе 5 аршинъ, потому что засоряется онъ прибрежными жителями самымъ варварскимъ образомъ! Они пмѣютъ здѣсь такой обычай: вывозятъ зимой навозъ и всякаго рода нечистоты на Тоболь, а весной, когда сломаетъ ледъ, всѣ эти массы погружаются, разумѣется, на дно, ежегодно возвышая его болѣе и болѣе, и даже вредя чистотѣ воды. Это дѣлается не только въ деревняхъ, но даже и въ городахъ; а такъ

какъ полиціи наши не только въ Сибирь, но и въ Россіи, гигиѣнѣ не учились, то и смотрятъ равнодушно на это. Сверхъ-того Тоболь запруженъ огромными крупчатыми мельницами, препятствующими судоходному по немъ плаванію и даже гонкѣ лѣсовъ и дровъ. Еще лѣтъ 15 тому назадъ, не болѣе, ходили по Тоболу барки съ хлѣбомъ, гоняли по немъ плоты строеваго лѣса и дрова, была даже въ Курганѣ маленькая городская верфь, на которой мы сами лично видѣли въ 1848 году двѣ недостроенныя гнѣющія барки... Для эгоистическихъ выгодъ нѣсколькихъ богатыхъ купцовъ (какъ напримѣръ Вагина въ Курганѣ), отъ невѣжества и неращества градскихъ и земскихъ полицій, допущена огромная несправедливость; потому что для южныхъ округовъ, обильныхъ хлѣбомъ, но уже обезлѣсѣвшихъ, совершенное освобожденіе, очищеніе и углубленіе Тобола и Ишима—„жизненный вопросъ“ ихъ развитія и будущаго благосостоянія, настоятельная и вопіющая необходимость. Тогда хлѣбъ получитъ удобный сплавъ въ сѣверные округи Туринскій, Тюменскій, Тобольскій и Березовскій, и удобный обмѣвъ, силою изъ этихъ округовъ въ южные, строеваго лѣса, дровъ, разныхъ деревянныхъ издѣлій. Теперь же огромныя деньги истрачиваются здѣсь совершенно даромъ за гужевой лѣсъ, привозимый за 200 и болѣе верстъ изъ Ялуторовска, такъ что въ Курганѣ и Ишимѣ строевое бревно нельзя уже купить теперь дешевле 2 р. сер. Сажень простыхъ однополѣнныхъ дровъ сосновыхъ ходитъ здѣсь тоже до 1 р. 50 к. сер., т. е. вовсе несообразно съ другими базарными продуктами. И бѣднымъ людямъ приходится очень тяжело, особливо въ длинную зимнюю пору. Да и строиться уже не изъ чего, а оттого нынѣшнія постройки изъ „миндачу“, т. е. изъ мелкаго сосняку, едва годнаго для заплотовъ, промерзаютъ зимой, порождая павальныя горячки. Что купцы-крупчатники могли бы имѣть огромныя заведенія на

мелкихъ рѣчкахъ, это доказывается многими подобными заведеніями, уже на этихъ рѣчкахъ воздвигнутыми и приносящими большіе доходы, при хорошо устроенныхъ плотинахъ и прудахъ. Тамъ онѣ не вредны, даже полезны, образуя обширные резервуары чистой воды для нуждъ окрестныхъ деревень; но къ чему было допускать запраживать Тоболъ, жизненно необходимый для судоходства и лѣсоплавки, и такими громадами, какъ напри- мѣръ крупчатый заводъ Шадринскаго купца Вагина, близъ Кургана? А подобныхъ примѣровъ много. Полезно бы было назначить специальную комиссію для изученія фарватера Тобола и Ишима и изысканія средствъ къ восстановленію по нимъ непрерывнаго судоходства. Не стра- дать же болѣе чѣмъ полмилліону лучшаго и трудолюби- вѣйшаго населенія въ цѣлой Сибири отъ апатіи и жад- ности чиновниковъ, тщательно заслоняющихъ правду отъ генераль-губернаторовъ края, лишь бы имъ была пожива. Что сдѣлали они изъ Тобола и Ишима, то же самое сдѣ- лали и изъ лѣсовъ на югѣ. При назначеніи нынѣ штабъ- офицера Корпуса лѣсничихъ, для устройства лѣснаго хо- зяйства въ Западной Сибири, эта столь же настоятельно- жизненная необходимость для огромнаго большинства жителей Тобольской губерніи, должна быть немедленно обследована для устройства этой части и огражденія здѣш- нихъ лѣсовъ отъ хищничества самихъ крестьянъ, которые, слѣдуя поговоркѣ „на мой вѣкъ хватить“, уже истребили огромную Боровлянскую лѣсную дачу, чуднаго краснаго лѣса, въ Курганскомъ округѣ, вырубил и выжгли ее, тогда какъ при удобномъ хозяйствѣ, достало бы этой дачи еще на столѣтіе для здѣшней мѣстности! Само со- бою разумѣется, могли ли бы крестьяне такъ своеволь- ничать, если бы не отмаливались у земскихъ чиновни- ковъ? Искусственное насажденіе сосны, пихты, кедра, клена, ясеня, ильмы, ели, которыя по качеству грунта, могли бы здѣсь расти всюду—было бы истиннымъ бла-

годвѣніемъ; а учрежденіе учебнаго лѣсничества подобнаго Великоанадальскому (въ Екатеринославской губерніи), среди остатковъ нѣкогда дремучихъ боровъ Боровлянского и Иковского, въ Курганскомъ округѣ, гдѣ земля самой природой предназначена и подготовлена для роста хвойныхъ лѣсовъ—распространяла бы и между крестьянами южныхъ округовъ правильныя понятія о цѣнности лѣсовъ и о сбереженіи ихъ для будущихъ поколѣній. Казаки 3 и 4 казачьихъ полковъ (Сибирскаго линейнаго войска), между станицей Пресновской и городомъ Петропавловскомъ, уже вынуждены нынѣ строить дома свои изъ мелкаго березоваго лѣса, промерзающіе зимой, сырые и вредные для здоровья, а сосѣди ихъ курганцы и ишимцы, какъ мы видѣли выше, — изъ мелкаго сосняка и съ тѣми же послѣдствіями очевиднаго вреда для жизни. Между тѣмъ слѣдуетъ обратить здѣсь особенное вниманіе и поощрять всячески постройку дерновыхъ домовъ, которые въ послѣдніе годы начали уже появляться и въ Петропавловскѣ и въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ Киргизской степи. Подобные дома, — изба съ горенкой изъ дерново-глиняной массы, перемѣшанной съ соломой (а всего этого на югѣ обиліе), въ сухое лѣтнее время строятся въ 10 дней. Будучи оштукатурены и выбѣлены, они сухи, теплы и опытомъ дознано что въ Петропавловскѣ и Семипалатинскѣ могутъ стоять отъ 20 до 30 лѣтъ безъ поврежденій. Войлочные же крыши, при обиліи здѣсь и шерсти, могли бы замѣнить съ пользой дорогія деревянныя.

Курганскій округъ испещренъ, какъ и Ишимскій, множествомъ мелкихъ озеръ, камышей и болотъ. Озера Сасыкуль и Куртанъ, близъ Ишимской границы, Салтасарай и Ачикуль, близъ Пермской, изобилуютъ простыми породами рыбъ, а Ахтабанское (въ Моревской волости) — хорошей ссадкой соли. Крестьяне Курганскаго округа прилежны въ земледѣлію, живутъ зажиточно и

сытно; постройки, не взирая на безлѣсье, опрятны. Последній бѣднякъ лѣзетъ изъ кожи, чтобы срубить избушку поаккуратнѣе. Полы и стѣны вымыты и вышарканы дрсевой каждую субботу, даже потолки моютъ въ праздникамъ. Печь выбѣлена тщательно, а подбѣливается на шесткѣ и около шестка ежедневно. Дворы чисты, одежда опрятна, обувь вездѣ кожаная. Языкъ чисто новгородскій и обращеніе вѣжливое. Это уже не пздлобъ смотрящій мужикъ, апатически чешущій затылокъ. Вообще Омскій, Ишимскій и Курганскій округи можно назвать родными братьями, такъ все въ нихъ схоже мѣстностью, образомъ жизни, занятіями и трудолюбіемъ. Занятія эти по умѣренности климата, совпадающей съ срединной Россіей, и здѣсь распределены такъ же. Сѣять хлѣбъ начинаютъ съ конца апрѣля, косить съ Петрова дня, жать съ Прокопьева дня (8 іюля). Хлѣбъ складываютъ на гумнахъ въ скирды, сѣно на лугахъ въ зароды. Усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ нигдѣ нѣтъ. Соха, плугъ, борона, коса, серпъ, тѣ-же, что и у великороссійскихъ крестьянъ. Пашень не навозятъ, ибо земля много и она безъ того тучный черноземъ и всегда родить хорошо. Урожай самъ —10— очень обыкновененъ. Полезно бы было въ этомъ центрѣ 488,443 д. о. п., столь трудолюбивыхъ и достойныхъ просвѣщеннаго вниманія правительства (ибо они образецъ для всей Сибпри), устроить учебную ферму съ земской конюшней, школамъ пчеловодства, огородничества и даже центральной школой, для распространенія грамотности. Изъ этой последней могли бы выходить волостные писари, ихъ помощники и писари сельскіе изъ мѣстныхъ уроженцевъ; потому что нынѣ почти все сельскіе писари въ губерніи вольнонаемные, изъ мѣщанъ, люди неблагонадежные, и хотя правительство принимаетъ мѣры, но, по недостаточному образованію высшихъ классовъ, полного улучшенія должно ожидать отъ времени.

Мѣста по рѣкѣ Тоболу, отъ самаго Ялutorовска до линіи, какъ издавна удобныя для хлѣбопашества и скотоводства, были обптаемы далеко на юго-западъ, до нынѣшней Киргизской степи. Татарскія названія рѣкѣ, озеръ и урочищъ приводятъ къ мысли, что на всемъ этомъ пространствѣ жили издавна татарскія племена. Вотъ отчего замѣчательно, что нынѣ, наоборотъ, отъ линіи, почти до Ялutorовска, во всѣхъ трехъ собственно южныхъ округахъ—Омскомъ, Ишимскомъ и Курганскомъ,—татаръ, или какихъ-либо иныхъ инородцевъ, вовсе нѣтъ. Всѣ волости русскія и населены чисто русскими,—доказательство, съ какой энергіей и настойчивостью стремились русскіе пришельцы занять эти богатая земли, и какъ быстро вытѣснили они отсюда господствовавшій здѣсь народъ. Заселеніе Курганскихъ земель относится къ началу XVII столѣтія. Уже въ 1613 году основывается здѣсь самая отдаленная тогда на югъ слобода „Царево Городище“. Въ 1782 году, съ открытіемъ Тобольскаго намѣстничества, она дѣлается городомъ и переименовывается въ Курганъ, отъ множества древнихъ кургановъ, идущихъ и теперь отъ нынѣшняго города по направленію къ юго-западу, почти до нынѣшней военной Ишимской линіи. Вѣроятно это были сторожевыя насыпи древнихъ обитателей этого края. Нынѣшній Курганъ—опрятный городокъ, съ прямыми улицами, расположенными вдоль нагорнаго лѣваго берега рѣки Тобола. Въ немъ 2 каменныхъ церкви, 664 дома. 3,552 ж. о. п.; изъ нихъ окладныхъ мѣщанъ 488, ремесленниковъ 133, уѣздное и приходское училища, дѣвичья школа, градская больница, новая каменная окружная тюрьма, хлѣбные и соляные магазины и общественный садъ. Въ городской чертѣ 17 заводовъ, почти все салотопенные, а въ 8 верстахъ отъ города крупчатный заводъ вуща Вагина, огромнѣйшій въ цѣлой Сибири; на этомъ заводѣ бываетъ иногда на складѣ до милліона

пудовъ пшеницы; но онъ много вредитъ краю закрытіемъ судоходства по Тоболу, а самому городу и ближайшимъ селеніямъ—застоемъ Тобола, который лѣтомъ пвѣтеть, плѣснѣеть и убилъ здѣсь прежде обильное рыболовство. Мы уже говорили, что заботливость бывшаго генераль-губернатора Гасфорда много подняла наружный видъ городовъ и ихъ порядковъ въ Западной Сибири... Но все это только личныя дѣйствія одного человѣка, и жаль видѣть, что его добрыя намѣренія часто падали на бесплодную почву городскихъ обществъ, не говоря уже о равнодушій городскихъ полицій. Какъ бы не имѣть городамъ, на примѣръ, Кургану, который въ настоящее время имѣетъ 23,152 р. сер. запаснаго капитала,—своего городского банка, этого жителя и двигателя мелкой торговли, промышленности, ремесленности, даже хорошихъ построекъ? Какъ бы не имѣть и тротуаровъ, чтобы не ходить по колено въ грязи? Какъ бы не имѣть фонарей дѣйствительно свѣтящихъ ночью, а не на показъ, одиночествующихъ, безъ масла и свѣтильни по улицамъ, потому что масло и свѣтильни преобразуются волшебнымъ жезломъ въ цѣлковые, падающіе въ карманы? Какъ бы не имѣть болѣе удобныхъ арестантскихъ, ибо нынѣшнія всюду требуютъ настоятельно исправленія?.. Но тутъ добрая воля генераль-губернаторовъ безсильна предъ рутинной, апатіей и жадностью. Ревизіями, же, какъ известно, ничего не сдѣлаешь!..

Въ городъ Курганъ три ярмарки и всѣ три довольно значительныя: Алексѣевская (17 марта), Дмитровская (26 октября) и Рождественская (25 декабря). Эти ярмарки, по привозу на нихъ товаровъ, имѣютъ почти равные итоги, представляющіе въ сложности сумму 417,030 р. сер. (1858 г.). Но весенняя Алексѣевская ярмарка имѣетъ, кромѣ того, большой стгонъ лошадей не только изъ ближнихъ округовъ губерніи, но и изъ Киргизской степи. Для закупки этихъ лошадей пріѣзжа-

ють нынѣ и изъ внутреннихъ русскихъ губерній: изъ Оренбурга, Самары, Казани, Симбирска, гдѣ послѣ войны 1853—1856 г. чувствуется уже недостатокъ въ хорошихъ лошадяхъ, сильно требующихся въ южный край. Въ округѣ же бываетъ 8 ярмарокъ въ 7 мѣстностяхъ, на сумму 703,878 р. с. (1858 г.). Изъ нихъ замѣчательнѣйшая—въ слободѣ Бѣлозерской, на которую въ этомъ году было привезено на 427,000 р. с. товаровъ. Кромѣ того на субботнихъ курганскихъ базарахъ, въ зимнюю пору, при скупкѣ купцами сала и масла, бываетъ нерѣдко на 10,000 р. сер. сбыта. Эти цифры вполнѣ официальные и, разумѣется, не совершенно-вѣрныя, потому что привоза всегда бываетъ болѣе—краснорѣчивѣйшее доказательство, какъ сильно развито здѣсь общее благосостояніе и какъ оно растетъ прогрессивно. Поистинѣ, проѣзжая изъ Кургана въ Ялуторовскъ, нельзя не порадоваться душевно, глядя на эти богатые села, на ихъ бѣлокаменные церкви съ высокими колокольнями, всюду видѣющіяся изъ-за ленты Тобола, или изъ-за зеленѣющихъ перелѣсковъ. Эти волнующіяся будущими богатѣйшими жатвами поверхности, мягкія линіи сочныхъ луговъ, чистенькія группы вездѣ разбросанныхъ деревушекъ, щегольская одежда крестьянъ, сытый скотъ и лошади, веселыя пѣсни въ полѣ и на деревнѣ,—все это, слитое въ одну гармоническую картину довольства и счастливаго сельскаго быта, представляетъ Россію, какъ она должна быть и будетъ — цвѣтушею и избыточною отъ свободно-разумнаго труда...

Ялуторовскій округъ—третій по населенію въ цѣлой Сибири, имѣетъ площадь въ 18,353 кв. верстѣ и граничитъ съ Тюменскимъ, Тобольскимъ, Ишимскимъ, Курганскимъ округами своей губерніи, и съ Шадринскимъ уѣздомъ Пермской. Населеніе его простирается до 159,726 ж. о. п. по 10-й народной переписи. Всѣхъ водостей въ немъ 27, но изъ нихъ русскихъ государ-

ственныхъ крестьянъ 23, а татаръ 2. Отсюда начинаются жилища инородческихъ племенъ Тобольской губерніи. Во всѣхъ 27 волостяхъ считалось обложенныхъ податями и повинностями 62,381 рев. душа (60,441 рев. д. русскихъ и 2,140 рев. душъ татаръ).

Въ Ялуторовскомъ округѣ хлѣбопашество хотя и сильно развито, но уже уступаетъ первенство другимъ промысламъ. Здѣсь къ сѣверу, т. е. къ границамъ Тобольскаго и Тюменскаго округовъ, есть большіе строевые лѣса, а потому выдѣлка разныхъ деревянныхъ издѣлій, сѣдка смолы и дегтя, занимаютъ много рукъ. И постройки, въ сравненіи съ безлѣсными округами, отлично хороши, — просто не оставляютъ ничего желать лучшаго въ быту сельскомъ! Такихъ прекрасныхъ, свѣтлыхъ, обширныхъ избъ, съ такой, можно сказать, изящной внутренней выдѣлкой нигдѣ въ цѣлой Россіи нѣтъ, кромѣ развѣ Пермской и Вятской губерній. Бревна вытесаны и выстроганы такъ гладко, пригнаны такъ хорошо, лѣсъ подобранъ такъ искусно, что въ избѣ стѣны какъ бы сплошныя, блестятъ и радужатся отъ перелива древесныхъ струй. Полы и лавки—заглядѣнье! Наружныя домашнія пристройки, заплоты, хлѣва, конюшни, сараи, амбары также хороши, и видъ этого довольства въ жильѣ, а сытости внутри жилья, душевно радуютъ патриота—наблюдателя. Какія ложныя понятія имѣютъ Европа и Россія о Сибири, представляя ее себѣ безлюдной, дикою, необтесаной и будто бы совсѣмъ загнанной!.. А между тѣмъ это уголокъ Европы, только на русскій ладъ устроенный.

Здѣсь центръ сельской ярмарочной торговли, или, лучше сказать, круглый годъ непрерывная ярмарка. Всѣхъ ярмарокъ въ округѣ 32 въ 13 мѣстностяхъ, да 4 въ городѣ Ялуторовскѣ, на сумму въ селеніяхъ 2,287,806 р. сер., а въ городѣ 82,749 р. сер. всего 2.370.555 р. сер.;

пзъ этого количества товаровъ продано въ округъ на 1,097,500 р. с., въ городъ же на 36,130 р. с., всего на 1,133,630 р. сер. Цифры изумительныя для такой мѣстности. На этихъ ярмаркахъ, какъ на примѣръ, на Мокроусовскихъ (Троицкой не въ числахъ, 26 юля, 1 октября и 24 ноября, въ селѣ Мокроусовѣ) было привоза въ 1858 г. на 1,340,905 р. сер., а продажи на 747,835 р. с. Крестьяне сбываютъ хлѣбъ, мясо, домашнюю птицу, скотскія кожи, бараньи овчины, шетину, гусиное перо и пухъ, масло коровье и конопляное, сало, шубы бараньи, очень хорошую и тонкую брань (скатерти и салфетки), крестьянскія сукна, ковры съ прекраснѣйшими и яркими цвѣтами краска для которыхъ получается изъ разныхъ мѣстныхъ травъ, пестрядь, которую выдѣлываютъ изъ льняныхъ нитокъ пополамъ съ бумагой разныхъ цвѣтовъ, и которая по прочности цѣнится выше бумажныхъ фабричныхъ тканей, наконецъ отличнo-тонкіе льняные холсты (которые закупаютъ здѣсь во множествѣ для вывоза даже и въ Россію). Деревянной мебели и посуды тоже много расходуется на этихъ ярмаркахъ, равно телѣгъ и саней съ оковкой, потому что Уральскіе заводы близко и желѣзо дешево. Сбруа и всякій кожанный шитый товаръ занимаютъ также много рукъ. Мы съ намѣреніемъ изчислили все это въ подробности, потому что Ялуторовской округъ можно назвать первымъ въ цѣлой Сибири по его торговому духу, сильно развитой мелкой промышленности и его многочисленнымъ ярмаркамъ, негласный оборотъ которыхъ вѣроятно втрое больше гласнаго потому что усчитываютъ официально только приѣзжихъ торговцевъ, а между тѣмъ масса состоитъ не изъ балаганщиковъ и лавочниковъ, а изъ тысячъ возовъ крестьянскихъ издѣлій, усчитать которыхъ нѣтъ возможности и досужему статистикѣ, а не только земскимъ чиновникамъ и волостнымъ писарямъ. Это приливъ и

отливъ непрерывный. Здѣсь, можно сказать, всё торгуютъ. Мужики продають свои издѣлія, бабы и дѣвки свои, даже ребятишекъ пріучаютъ торговать калачами, пряжениками, пирогами, пилменями, пряниками и орѣхами. Однимъ словомъ, Ялutorовскій округъ — суцій муравейникъ! Сверхъ торговли въ разныхъ ея видахъ, ялutorовцы природные механики. Отсюда выходятъ лучшіе мельничные мастера въ цѣлой Сибири, какъ туринцы лучшіе иконописцы и строители церквей. Въ округъ насчитываютъ до 200 водяныхъ и до 700 вѣтряныхъ мельницъ.

Огромный сбытъ сала къ Петербургскому порту поднятъ салотопленіе и въ Ялutorовскомъ округѣ. Издѣсь нынѣ множество салогощенныхъ заводовъ даже у крестьянъ, а нѣкоторые и на большую руку. Кожевенныхъ заводовъ тоже много, но кожи въ выдѣлкѣ ниже тюменскихъ, такъ что одніи лишь потребности многочисленнаго населенія и широкой сбытъ на непрерывныхъ ярмаркахъ въ состояніи поглотить весь этотъ дурной товаръ въ видѣ конской сбруи, обуви и проч. Мыло и здѣсь варятъ, какъ и въ южныхъ округахъ, но оно низкаго качества. Между тѣмъ сало, кожи, мыло, могли бы, при пособіи техники и машиннаго производства, при дешевизнѣ рукъ и средствъ къ содержанію, послужить къ выработкѣ издѣлій высокаго качества.

Только съ Ялutorовскаго округа появляются сибирскіе инородцы и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ — 2140 рев. д., въ 2 татарскихъ волостяхъ Асланинской и Сингульской. Здѣшніе татары живутъ хорошо, трудолюбивы, грамотность у нихъ распространяется даже между женщинами; при каждой мечети есть школа, куда поступаютъ мальчики и дѣвочки. Какъ туземцы здѣшняго края, татары владѣютъ богатыми пахатными и сѣнокосными угодьями, занимаются хлѣбопашествомъ, ры-

боловствомъ и отчасти звѣроловствомъ. Въ сѣверной части округа Юртовскій и Чечкинскій боры богаты прекраснымъ строевымъ лѣсомъ, который вывозится отсюда зимой гужемъ въ Курганскій и Ишимскій округи. Впрочемъ крестьяне мало занимаются лѣсоторговлей (вывозка гужемъ за 200 верстъ бревень и плахъ не представляетъ большой выгоды, даромъ что они идутъ по высокой цѣнѣ), но предпочтительно выдѣлкой всякаго рода деревянной посуды; либаны, кружки, туясы, чашки, сита, кадки, боченки, сундуки, ящики, сани, тележки, столы, стулья, диваны, комоды, шкафы,—все это годъ отъ году возрастаетъ въ количествѣ и улучшается въ качествѣ, такъ что доходитъ уже до сотенъ тысячъ рублей серебромъ оборота, сбываясь не только въглубь Сибири, но и въ Киргизскую степь, даже въ Бухарию и Хиву (гдѣ Ялutorовскія деревянные лакированные чашки высоко цѣнятся). Въ здѣшнемъ округѣ есть стеклянный заводъ, но издѣлія его ниже посредственности. Это происходитъ конечно отъ неразвитости. Тюменскія кожевни, южныя салотопни, мыловарни и свѣчные заводы, ялutorовское стекло, тобольская и туринская писчая бумага, т. е. самое необходимѣйшее въ ежедневномъ быту, и улучшение котораго повлекло бы за собой огромный сбытъ, вытѣснивъ подобный этому русскій товаръ съ Ирбитскаго рынка,—какъ бы кажется не приложить ко всему этому жизни науки техническихъ? А между тѣмъ въ Западной Сибири, гдѣ сыраго матеріала тѣмъ и рабочія руки такъ дешевы, гдѣ цѣлая огромная страна для сбыта—Китай и вся Средняя Азія, нѣтъ донинѣ ни одного хорошо устроеннаго завода, ни одной фабрики, которая бы могла соперничать съ русскими. Поистиннѣ чудное дѣло! Но Сибирь страдаетъ не недостаткомъ капиталовъ, они есть, а недостаткомъ просвѣщенія, науки, умовъ предприимчивыхъ. Вотъ гдѣ болѣзнь! Вотъ гдѣ необходимость сибирскаго

университета, необходимость сознаваемая и желаемая всеми кто только хочет развитія этого богатаго края на началахъ разумныхъ и социальныхъ.

За идилліей Геснера—романтической Исетью, извивающеюся какъ лента по зеленому лугу, съ тѣнистыми рощицами, въ 3 верстахъ отъ ея устья стоитъ городъ Ялуторовскъ, на перекресткѣ дорогъ изъ Тобольска въ Курганъ, Челябину, Уфу и далѣе въ Казань, и изъ Тюмени въ Ишимъ, Омскъ и далѣе въ Сибирь. Онъ построенъ, какъ и сосѣдь его Курганъ, на лѣвомъ нагорномъ берегу Тобола, выше впаденія въ него Исети. Основанный въ 1659 году, стало быть 200 лѣтъ тому назадъ, при поступательномъ движеніи русскаго племени на югъ, выходцами изъ русскихъ, въ особенности изъ поморскихъ городовъ, онъ былъ въ началѣ, какъ и весь городъ здѣшняго края, острожкомъ, т. е. укрѣпленнымъ мѣстомъ, имѣлъ башни съ рублеными стѣнами, рвы и валы затнныые, пищади и пушки. Въ 1782 году, при раздѣленіи Сибири на 3 губерніи—Тобольскую, Колыванскую и Иркутскую, онъ сдѣланъ городомъ. Въ немъ нынѣ 2 каменныхъ церкви, 557 домовъ, 2240 ж. о. п.; изъ нихъ окладныхъ мѣщанъ 257, ремесленниковъ 189, уѣздное и приходское училища, дѣвичья школа, соляные, хлѣбные и запасные магазины, градская больница и только 4 завода салотопенныхъ. Значить—это монотонное повтореніе Ишима и Кургана. Четыре городскія ярмарки ничтожны (82,749 р. с. всего привоза). Можно сказать, что городъ исчезаетъ въ кипучей дѣятельности округа. Здѣсь, оглянувшись назадъ на богатые округи нами пройденные—Омскій, Ишимскій, Курганскій и Ялуторовскій,—цвѣтъ, можно сказать, цѣлой Сибири, съ 600,000 лучшаго въ ней населенія,—нельзя не пожелать учрежденія въ Омскѣ, чрезъ три года періодическаго возраста сельскохозяйственной выставки, потому что сколько здѣсь мѣст-

ностей достойныхъ изученія, извѣстности и щедрого поощренія правительства. Такъ Шаторовская волость (Ялуторовскаго округа) издавна славится отличной выдѣлкой овчинныхъ шубъ, село Каменка (Тюменскаго) — прекраснѣйшими коврами, Фирсовская волость и Абатская слобода (Ишимскаго), а Иковская волость (Курганскаго) — тонкими холстами превосходной отдѣлки, Богандинская, Червишевская, Каменская и Троицкая волости (Тюменскаго), а Логиновская (Тарскаго) — прочными и многообразными деревянными издѣлками, далеко идущими за Уралъ, въ Сибирь, даже въ Среднюю Азію; деревня Завальная (Тобольскаго) — прочной муравленой посудой; Туринскъ — старинной школой живописи, пшестшей изъ Строгоновской и Арзамасской, рѣзными на деревѣ работами, золотощвейнымъ мастерствомъ и желѣзно-слесарными издѣлками высокаго достоинства; Тюмень — кожаными товарами и коврами; Тартасъ (Тарскаго) и Бійскъ — отличными медомъ и хмѣлемъ, не уступающимъ казанскому; Алтайскіе горные заводы — гранильными вешами художественной отдѣлки; самая Киргизская степь — попытками разведенія гаванскаго табаку, индиго, сорго, европейскихъ виноградныхъ лозъ; Семипалатинскъ и Бійскъ же — плантаціями американскаго табаку, успешно распространяющагося; Кузнецкъ — хорошей породой ломовыхъ лошадей, а Киргизская же степь — породистыми скакунами; Курганъ — улучшеніемъ индѣекъ и свиней; Ялуторовскъ — лакированными деревянными чашками; — однимъ словомъ, удивимся, когда вникнемъ по пристальнѣй въ производительность этого обширнаго края и скажемъ простодушно, что для него до сихъ поръ весьма мало сдѣлано. Опытномъ дознано, что наши русскія мѣстныя выставки (такъ называемыя очередныя губернскія), уже тѣмъ приносятъ пользу, что распространяютъ полезныя свѣдѣнія о производительности разныхъ мѣстностей, — какъ же не дать чередной выставки, какъ же не поощрить

щедро такого огромнаго „царства въ царствѣ“ съ двумя милліонами умнаго, дѣятельнаго и трудолюбиваго народа, во многомъ далеко опередившаго своихъ русскихъ сословныхъ собратій? Омскія выставки двинуть впередъ трудъ, дадутъ толчекъ уму и смышлености, разовьютъ охоту къ улучшеніямъ..... А развѣ это не благо?

ГЛАВА IV.

ТЮМЕНЬ.

Южные округа Тобольской губерніи: Омскій, Ишимскій и Курганскій, даже ближайшій къ нимъ изъ среднихъ округовъ — Ялуторовскій, заселялись для сохи и косы мирно, постепенно, безъ потрясеній, безъ столкновеній съ русской исторіей XVI, XVII и XVIII столѣтій. Въ нихъ нѣтъ ничего древняго, ничего шевелящаго душу... Омскъ — городъ бюрократическо-военный; Петропавловскъ — степной караванъ-сарай; Ишимъ, Курганъ и Ялуторовскъ — большія торговыя села — и только. Ни одна историческая слеза не канула на эту счастливую землю. Самая природа ихъ однообразна, какъ однообразна ихъ всегдашняя, будничная жизнь. Легкія холмистыя поверхности, тихія рѣки, освѣяемая койгдѣ рошицами и перелѣсками, монотонная пѣсня косца на лугу и пахаря въ полѣ, весело мычащія тучныя стада, всюду миръ и довольство, легкій и сподручный трудъ, удобныя сухопутныя сообщенія, повсемѣстно пріятное зрѣлище счастливаго сельскаго быта, ни одного памятника минувшей жизни народной, — вотъ что представляетъ все это пространство отъ Омска до Ялуторовска съ болѣе нежели $\frac{2}{3}$ всего числа жителей Тобольской губерніи. Но шагъ за Ялуторовскъ къ сѣверу — и все это быстро измѣняется. Природа дѣлается

суровой и грозной махичой, требующей усиленной деятельности от своих пасынковъ. На всемъ краѣ лежитъ печать меча, а слѣдовательно и горя. Всюду слѣды исторіи (и какой исторіи!): отъ гибели Ермака въ бурныхъ волнахъ Иртыша, до уединенной могилы обрубленной невѣсты императора Петра II въ льдистыхъ пустыняхъ березовскихъ. И природа идетъ здѣсь въ уровень съ страданіями человѣка. Это уже не тотъ Иртышъ, которому въ привольѣ степей Киргизскихъ вѣетъ теплымъ дыханіемъ юга. эта уже не та Обь, которая стелется зеркальной лентой среди бальзамическихъ предгорій Алтая, а громадные рѣки, съ бурными и холодными волнами, среди безпредѣльныхъ лѣсовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на тысячи верстъ непрслѣдованныхъ ногою человѣка, среди столь-же безпредѣльныхъ тундръ сливающихся съ вѣчными льдами Сѣвернаго океана. Здѣсь жизнь уже упорный трудъ и самоотверженіе. Орѣхъ ли добыть на гигантскомъ кедрѣ въ дремучей тайгѣ, звѣря ли выслѣдить на опасныхъ зыбунахъ, рыбы ли наловить среди бурнаго раздолья огромныхъ рѣкъ, — всюду ужасъ пустыни и безконечія — на волнахъ, въ урманахъ, въ трясицахъ! А объ руку съ этой природой — соборы, обители, города, урочища, съ великими историческими воспоминаніями: отъ ссыльнаго Угличскаго колокола въ Тобольскѣ, этого неумолкаемаго обличителя тираніи, до завѣтной шлюпки въ Тюмени, съ драгоценнымъ начертаніемъ руки того, кто этою же державной рукой отверзъ милосердія двери для столькихъ. Омскій, Ишимскій, Курганскій, Ялуторовскій округи и Тюменьскій, Туринскій, Березовскій, Тобольскій, Тарскій округи, — это два міра, ни въ чемъ другъ на друга не похожихъ: ни бытомъ, ни нравами, ни привычками, ни преданіями исторической старины. Тамъ счастье, здѣсь страданіе. Тамъ довольство, здѣсь лишенія. Тамъ все легко достается отъ щедротъ земли и

воды, здѣсь же все надо добыть упорнымъ трудомъ. Вступимъ же въ эту полосу мрачныхъ лѣсовъ и неизмѣримыхъ тундръ. Первый взглядъ на Тюменскій округъ уже подтверждаетъ все, что мы высказали.

Тюменскій округъ, ближайшій къ югу, лѣсной, болотистый и холодный, изъ 5 округовъ сѣверныхъ, лежатъ между Туринскимъ, Тобольскимъ и Ялуторовскимъ округами своей губерніи и между Камышловскимъ и Ирбитскимъ уѣздами Пермской. На пространствѣ 16,230 кв. верст., онъ имѣетъ только 102,299 ж. о. п., по 10 й народной переписи. Всѣхъ волостей въ немъ 21, изъ которыхъ русскихъ государственныхъ крестьянъ 17, татаръ 4; значить число инородцевъ противъ Ялуторовска уже увеличилось здѣсь вдвое. Въ этихъ волостяхъ считалось обложенныхъ податями и повинностями 31,573 рев. души (28,429 р. д. русскихъ, а 3,144 р. д. татаръ).

Важнѣйшія рѣки Тюменскаго округа: Тоболъ, уже не теплый, влистый, зацвѣтшій, узкій Тоболъ Кургана и Ялуторовска, а широкій, бурный, холодный, чующій льдистое дыханіе приплюснутыхъ Иртыша и Оби, Тура— путь чрезъ печальныя сѣверныя пустыни къ Томску, Тавда—тоже пустынная рѣка Пелымскаго края. Весь Тюменскій округъ лѣсистъ и болотистъ, пахотныхъ земель мало, и если онѣ еще сохраняютъ плодородіе, то къ сторонѣ живительнаго юга т. е. къ границъ Ялуторовской. Здѣсь надо было оставить соху и косу, ибо онѣ не вознаграждаютъ труда и прилежанія, а приняться за ремесло, за мелкую промышленность и за извозничество. Населеніе здѣшняго округа рано поняло эту истину и обратилось почти все къ заработкамъ инымъ, нежели хлѣбопашество и скотоводство. Здѣсь, можно сказать, сходбище всей Сибири и всей Россіи. Отсюда Тюменскіе ямщики ходятъ съ обозами до Москвы и до Иркутска. Кто не занимается ямщиной, выдѣлываетъ кожи, строчить кожаный товаръ, пробивается гончар-

нымъ и черепечнымъ мастерствами. Тюменскія чашки, блюда, банки, корчаги, горшки, по прочности и чистотѣ отдѣлки, находятъ себѣ сбытъ не только въ Западной Сибири, но и въ Приуральскихъ губерніяхъ. Глазурь Тюменской посуды очень хороша, не трескается отъ жара и долго сохраняетъ свой блескъ. Женщины твуть сукна, полотна, холсты, ковры, кушаки, вяжутъ чулки и варежки, шьютъ овчинные тулупы, башмаки, перчатки изъ замши. Тюменскіе ковры славятся во всей Сибири. Они дѣлаются изъ овечьей и коровьей шерсти, бывають гладкіе и махровые. Для окраски шерстей употребляются заграничныя и мѣстныя растенія: для краснаго цвѣта — корень марены, для желтаго — серпуха, для зеленаго — зеленица, для синяго — индиго и. т. п. Богатыя лѣса даютъ тоже возможность дѣлать изъ нихъ все. Здѣсь какъ и въ Ялуторовскѣ дѣлають всякаго рода мебель, сита (расходящіяся по всему краю), рѣшета, кованыя телеги и сани (которыя хотя уступаютъ базанскимъ, но лучшія въ цѣлой Сибири), деруть лыко и мочалы, плетуть рогожи и веревки, гоняють смолу и деготь. Кто не привыкъ къ ремеслу, пускается въ мелкую базарную, торговлю по торжкамъ сельскимъ, разъѣздную по деревнямъ, идетъ на пріиски, въ откупа, на рыбопромышленныя заведенія, на пароходы и суда, въ лавочные приказчики. Запмствуя отъ предковъ своихъ сольвычегодцевъ, устюжанъ, вологодцевъ, вятчанъ и новгородцевъ духъ похвальной дѣятельности, коренное племя жителей Тюменскаго округа самое бойкое, расторопное, умное, понятливое, оборотливое и промышленное въ цѣлой Сибири. Это сибирскіе владимірцы и ярославцы. Здѣсь и ребятишекъ не увидишь въ будни на улицѣ. Съ малыхъ лѣтъ пріучають ихъ къ работамъ. Кожевенное производство развито здѣсь въ огромныхъ размѣрахъ. Кожъ и шитаго кожевеннаго товара идетъ отсюда болѣе нежели на 1,500,000 р. сер. во всю Си-

бирь, въ Киргизскую степь, даже въ Западный Китай, Ташкентъ и Бухару. Онъ лучше всего, что выдѣляется въ цѣлой Сибири, но уступаютъ кунгурскимъ и казанскимъ. Желательно, чтобы бойкое Тюменское купечество, всегда такъ умно и практично понимающее свои выгоды, соединило и важное кожевенное производство своей мѣстности съ наукой и техникой.

Подъѣзжая въ прекрасный, жаркій июньскій день къ Тюмени отъ Ялуторовска, сквозь волнистое мѣрево, въ которое окутаны поля и перелѣски, внезапно свергнуть сперва золотыя блески крестовъ и главъ и обрисуются силуэты бѣлокаменныхъ церквей на яхонтовой, дальней полосѣ небосклона. Это нагорная Тюмень, съ ея живописнымъ Троицкимъ монастыремъ, 10 каменными церквами и нѣсколькими же каменными зданіями казенными и частными. Тюмень извѣстна издревле, еще съ татарскаго владычества. Она основана на мѣстѣ, такъ называемой въ лѣтописяхъ, „Великой Тюмени“, центра обладанія татаръ во всемъ Приуральѣ. Подъ именемъ „Чанги-Тура“ она уже существовала въ половинѣ XV столѣтія. Корень ея нынѣшняго названія происходитъ отъ татарскихъ словъ „тю“—достояніе и „мянъ“—я, т. е. „мое достояніе.“ Въ 1470 году Тюменскій ханъ Ивакъ въ грамотѣ къ великому князю Московскому называлъ себя царемъ Туранскимъ и Сибирскимъ отъ города „Сибирь“ или „Искерь“, основаннаго около половины же XV столѣтія, на сѣверо-востокъ отъ Тюменскаго или Туранскаго ханства. Въ 1483 году Іоаннъ III послалъ князя Федора Курбскаго съ ратью на сѣверо-западную Сибирь. Въ 1505 году Пермскій воевода князь Коверъ разбилъ хана Тюменскаго, ходившаго войной на Пермь. Остатки вала и рва, слѣды татарскаго владычества, еще до сихъ поръ примѣтны въ той части нынѣшней Тюмени, которую называютъ „Царевымъ Городищемъ.“ Въ 1581 году, стало быть 75 лѣтъ спустя послѣ похода Пермска-

го воеводы, пришелъ сюда атаманъ донскихъ удалцовъ Ермакъ, постепенно завоевалъ Тюмень и Искеръ и положилъ начало прочному утвержденію русскаго владычества въ Сибири. Посланные въ Сибирь уже послѣ его смерти царскіе воеводы: Василій Сукинъ и Иванъ Мясной достигли Чинги-Туры, основали тутъ первый русскій городъ въ Сибири, наименовавъ его, отъ бывшихъ здѣсь владѣній Тюменскаго хана, Тюменью. Они же построили въ Тюмени первую въ Сибири церковь — Рождества Богородицы. Въ 1595 году воеводы Юрій Бугаковъ и Богданъ Воейковъ укрѣпили новый городъ, а въ 1642 году воевода Григорій Барятинскій устроилъ около Тюмени башни, рвы, валы и рогатки. Первыми высельцами въ Тюмень были пермяки, сольвычегодцы, устюжане. Эти послѣдніе принесли сюда кожевенное и мыловарное производства и ремесло рогожное. Съ 1596 года сталъ уже приходиться въ Тюмень бухарскіе караваны. Въ 1601 году пришли сюда изъ Россіи ямщики и поселились въ нынѣшней затюменской части города. Киргизы, ногайцы, татары, калмыки, даже остяки и вогулы дѣлали въ тѣ времена непрерывные набѣги на возникашіе города сибирскіе; но завоеватели казаки, стрѣльцы, охочіе люди, все-таки энергически отстаивали свои завоеванія, подвигались глубже и глубже въ Сибирь по теченію рѣкъ, строя „остроги“, т. е. укрѣпленныя мѣста и оставляя въ нихъ осадокъ русскаго племени. Такимъ образомъ, къ концу XVII столѣтія Западная Сибирь была уже русскою окончательно. Устройство Омской линіи прекратило киргизскіе набѣги и совершенно вдвинуло Тюмень внутрь завоеваннаго умѣреннаго края.

Тюмень находится нынѣ въ 250 верстахъ на юго-западъ отъ своего губернскаго города Тобольска, въ 2032 верстахъ отъ Москвы и въ самомъ центрѣ всѣхъ обозныхъ, пароходныхъ, торговыхъ, водяныхъ, почтовыхъ

и административныхъ путей между Петербургомъ и Иркутскомъ. Въ оба конца, въ Петербургъ и въ Иркутскъ, по 3000 верстъ. Она построена на обоихъ берегахъ рѣки Туры. Нагорный берегъ имѣетъ здѣсь отъ 10 до 12 сажень высоты. Луговой лѣвый берегъ почти ежегодно подвергается весеннимъ разливамъ рѣки, какъ это было и въ 1839 году. Въ Тюмени въ настоящее время 13 церквей (съ монастырскими и тюремной), 2350 домовъ и уже 13996 ж. о. п., изъ которыхъ окладныхъ мѣщанъ 3127, ремесленниковъ 1418, уѣздное и 2 приходскихъ училища, дѣвичья школа, новый каменный тюремный замокъ съ церковью, градская больница, обширный гостинный дворъ каменный съ 200 лавками, 2 аптеки, прекрасный общественный садъ, соляные и хлѣбные запасные магазины и до 95, большею частію кожевенныхъ, заводовъ. Наконецъ, поговариваютъ и объ учрежденіи гимназіи.

Изъ этого видно, что Тюмень уже не городокъ, подобно Ишиму, Кургану и Ялуторовску, а соперничаетъ съ Омскомъ и Тобольскомъ—населеніемъ, постройками и общественными заведеніями. Торговымъ же сословіемъ онъ первенствуетъ, и что всего важнѣе, духомъ торговаго сословія ушелъ далеко впередъ противъ всѣхъ городовъ сибирскихъ и очень многихъ русскихъ. Тюменское купечество славится не однимъ лишь широкимъ гостепримствомъ и хлѣбосольствомъ, но всегда готово и на всякій добрый и полезный подвигъ. Такъ Тюменскій градскій глава Кондратій Шешуковъ выстроилъ двухъ-этажный каменный домъ, стоившій ему до 16,000 р. сер., подарилъ его Тюменскому уѣздному училищу; а купеческое общество, соревнуя ему, купило за 3000 р. с. и подарило тоже учебному въдомству двухъ-этажный же домъ для Зарѣчнаго (за Турой, въ нижней части города) приходскаго училища. Въ 1854 году Тюменскіе купцы пожертвовали 4000 р. сер. на Омскій дѣтскій пріютъ и 8000 руб. сер. на Тобольскую Маріинскую

женскую школу. Въ 1851 году устроенъ общественный садъ за Турой, а купцы Шешуковъ же и Иконниковъ, съ тою же просвѣщенной готовностью, построили въ этомъ саду двухъ-этажный домъ съ галлереей, еще особую галлереею для танцевъ, домъ для буфета и оранжерею. Въ новой обширной каменной окружной тюрьмѣ устроена купцомъ Иваномъ Рѣшетниковымъ прекрасная церковь, щедро снабженная всѣмъ необходимымъ. Въ 1853—1856 г. Тюменское купеческое общество пожертвовало на военныя надобности 10,000 р. сер., а на государственное ополченіе 7000 р. с. Всѣ Тюменскія церкви замѣчательны богатствомъ иконостасовъ, серебро-позлащенными ризами на св. иконахъ, утварью и ризницей (все дары усердія прихожанъ). Предполагаютъ воздвигнуть новый соборъ. Наконецъ въ 1859 году, 22 іюля, открыта въ Тюмени дѣвичья школа (сея каменный двухъ-этажный домъ тоже—даръ неутомимаго на общую пользу градскаго главы Шешукова) и нынѣ въ ней состоитъ уже болѣе 20 ученицъ; а 15 сентября открыта и градская больница, лучшая теперь во всей Сибири съ 6 палатами, лабораторіей, аптекой, анатомическимъ театромъ и всѣми хозяйственными принадлежностями. Это тоже даръ купеческаго и мѣщанскаго обществъ и обошелся имъ до 6000 р. с. Тюмени недостаетъ только теперь публичной бібліотеки, для украшенія ума и развитія современныхъ идей, городского банка, для пособія торговымъ оборотамъ малокапитальныхъ купцовъ и мѣщанъ, для подачи имъ средствъ къ постройкамъ и вообще для помощи нуждающимся гражданамъ въ ихъ промышленныхъ и ремесленныхъ занятіяхъ, да сберегательной кассы для рабочаго класса людей, столь многочисленнаго въ Тюмени, какъ сходбищъ съ цѣлой Сибири и Россіи;—чтобы породить въ нихъ духъ трезвости бережливости и скромности, такъ меньшимъ братьямъ нашимъ нужный! Мы искренно желаемъ этого

Тюменскому градскому обществу и любимъ думать, что теплое слово наше падеть ему на сердце...

Тюменскій Свято-Троицкій мужской монастырь основанъ въ 1618 году пришедшимъ изъ Казани монахомъ Нифонтомъ. Онъ состоитъ нынѣ въ 3 класса, имѣя архимандрита и 7 монашествующихъ. Обитель эта прекрасно устроена и хотя уступаетъ, конечно, въ благолѣпїи и богатствѣ знаменитому Иркутскому Инокентьевскому монастырю, но послѣ него лучшая въ цѣлой Сибири. Видъ ея очень картиненъ, глядя ли на нее изъ-за Туры, созерцая ли съ крутизны, на которой она воздвигнута все Зарѣчье, далеко усеянное селами, деревнями, вѣтреными мельницами, рошицами и перелѣсками, съ лентой извивающейся рѣки, при послѣднихъ прощальныхъ лучахъ закатывающагося солнца, въ тихій юньскій вечеръ. Богомолецъ и чтитель всего патристически-русскаго не пройдетъ мимо этого священнаго уголка нынѣшней Западной Сибири, не поклонясь могилѣ преспомятаго схимника Феодора (митрополита сибирскаго, — Филофея Лещинскаго, современника Петра Великаго, который душевно уважалъ этого архипастыря и въ 1709 году пожаловалъ ему на устройство Тюменской обители 1000 тогдашнихъ рублей). Митрополитъ Филофей скончался здѣсь 31 мая 1727 года и завѣщалъ положить его близъ той смиренной кельи, изъ которой ояъ дважды восходилъ на святительскую кафедру тогдашней далекой и дикой Сибири. Филофей Лещинскій одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей той богатой энергическими государственными дѣятелями эпохи. Въ 25-лѣтнее пребываніе свое въ сибирскомъ краѣ, ояъ обратилъ въ христіанство до 40000 остяковъ, вогуловъ, татаръ, тунгусовъ, воздвигъ среди нихъ 37 церквей и исполнилъ этотъ апостольскій трудъ не силой принужденія, страха, а евангельской проповѣдью, полной христіанской любви и кротости. „Похороните меня въ Тю-

меньской обители внѣ церкви, на пути, дабы ходящіе поширали ногами прахъ мой!" писалъ онъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи потомству. Воля его была исполнена. Онъ покоится на дворѣ монастырскомъ, прямо у западныхъ дверей Троицкаго собора. На могилѣ его воздвигнутъ подъ желѣзной крышей памятникъ, съ изображеніемъ преставившагося труженика Слова Божія.

Тюменская ярмарка, открытая въ 1843 году, не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ. Съ 3,860,000 р. сер. первоначальнаго тогда привоза, она упала въ 14 лѣтъ на 312,000 р. с. въ 1859 г., т. е. свыше нежели въ семеро менше! Такое быстрое паденіе объясняется очень просто: сосѣдство знаменитой Ирбитской ярмарки, убиваетъ Тюменскую. Въ Тюмени положено нынѣ торговать съ 1 января по 1 февраля, а въ Ирбити съ 1 февраля по 1 марта. Очевидно, что всѣ выгоды на сторонѣ Ирбита, потому что въ Восточной Сибири зимній путь устанавливается поздно и товары, идущіе оттуда въ Тюмень, ни въ какомъ случаѣ къ новому году поспѣть сюда не могутъ. Въ то же время замерзаніе западно-сибирскихъ рѣкъ, въ особенности Иртыша, препятствуетъ подвозу товаровъ средне-азійскихъ, идущихъ чрезъ Киргизскую степь. Наконецъ и пушной товаръ тоже не можетъ поспѣть къ 1 января въ Тюмень, потому что въ это самое время совершается мѣна съ инородцами и происходитъ Обдорская ярмарка.

Между тѣмъ центральность Тюмени на главномъ сибирскомъ трактѣ, удобство ея сухопутныхъ и водяныхъ сообщений, толчекъ, данный нынѣ сибирскому пароходству четырьмя компаніями изъ Тюмени, какъ изъ узла всего торговаго движенія между Россіей и Сибирью изшедшимъ, а именно: Паклевскаго и К^о, для перевозки товаровъ изъ Тюмени въ Томскъ и обратно (Турой Тоболомъ, Иртышемъ, Обью и Томью); Рѣзанова и К^о

для развитія рыбной промышленности по Оби и ея притокамъ; Рѣшетникова и К^о, для развитія торговли съ сѣвернымъ Ураломъ (Турой, Тавдой, Лозвой и Сосвой); и Кузнецова и К^о, для пароходныхъ сообщеній по верхнему Иртышу, озеру Балхашу и рѣкѣ Иль, что свяжетъ Киргизскую степь и Омскую линію съ Западнымъ Китаемъ, значительность Тюмени, какъ большаго торговаго города, уже выгодно извѣстнаго по всей имперіи сильными капиталами его купечества, предпріимчивымъ духомъ его жителей и близостью богатѣйшихъ въ цѣлой Сибири саломъ, масломъ, кожами, щетивой, всякаго рода жизненными припасами кѣжныхъ округовъ Тобольской губерніи; а не менѣе богатыхъ рыбой, дичью, пухомъ, орѣхами, ягодами, пушнымъ товаромъ, среднихъ и сѣверныхъ округовъ ея; сосѣдство Киргизской степи, гдѣ нынѣ сильно развиваются золотопродовольственная и рудное производство мѣди, серебра, цвѣтныхъ камней, каменнаго угля и проч., наконецъ перспектива обширнаго развитія пароходства вверхъ по Иртышу, а прорытіемъ Маковского волока между Обью и Енисеемъ и устройствомъ Тюменьско-Нижегородской желѣзной дороги, связь Сибири Восточной съ Европой и Западнымъ Китаемъ, чрезъ транзитъ Западной Сибири и Тюмени — все это заставляетъ желать, чтобы и жизненный вопросъ для сибирско-русской торговли окончательнаго избранія ярмарочнаго центра между Сибирью и Россіей, былъ рассмотрѣнъ добросовѣстно и рѣшенъ безъ лицепріятій. Если Ирбитъ отжила свое время и осталась въ сторонѣ отъ естественнаго торговаго пути, все склоняющагося къ югу, къ чему упрямиться и отстаивать Ирбитскую ярмарку и смотрѣть на неѣ только какъ на привычку русскаго купечества? Мало-ли къ чему дурному и застоиному оно привыкло? Мало-ли отъ чего у насъ отстать не хотятъ? Уже прошло время смотрѣть на вѣковыя удобства со-

словій, и если онъ не хотятъ прогрессивно идти впередъ сами, можно ихъ повести какъ нѣкогда повелъ ихъ, волей-неволей, Петръ Великій...

Преуспѣяніе основано на наукѣ. Пониманіе своихъ выгодъ основано на искренней любви къ благу общему. Коммерція основана на честности. Заводы и фабрики основаны на рациональномъ производствѣ. Усвоеніе всѣхъ этихъ великихъ истинъ политической экономіи поставитъ умное и предприимчивое Тюменское купечество на высокую степень въ государствѣ, разовьетъ жизненные силы его счастливой мѣстности, поможетъ ему, съ Божіей, конечно, помощію, стать на чреду посредника между Европой и крайнимъ Востокомъ. Это теперь завидное, великое призваніе, достойное и думъ государственнаго человѣка и горячаго сочувствія просвѣщеннаго негоціанта. А просвѣщеніе и настоятельную необходимость его въ нынѣшнее время умѣютъ цѣнить и понимать въ Тюмени. Грамотность считается здѣсь необходимостью. Въ двухъ приходскихъ городскихъ училищахъ учатся почти всѣ дѣти купцовъ и мѣщанъ и цифра ихъ доходитъ до 500 и болѣе. Въ уѣздномъ училищѣ дѣти достаточныхъ родителей проходятъ непремѣнно всѣ классы. И тутъ на долю купцовъ и мѣщанъ приходится до 350 учащихся. Конечно, можно бы пожелать Тюмени еще шага впередъ на этомъ благородномъ поприщѣ, высшаго коммерческаго училища, (теперь предполагается гимназія) прямо приспособленнаго къ будущимъ занятіямъ юношества Тюменскаго, и которое избавило бы гражданъ отъ необходимости посылать своихъ сыновей въ дальнія гимназіи и университеты и отчуждать ихъ такимъ образомъ на долго отъ родительскаго дома и надзора. Вотъ на это мы призываемъ вниманіе истинныхъ ревнителей общаго блага, каковы Шешуковъ, Иконниковъ, Рѣшетниковъ, Гласковъ, Трусовъ и многіе другіе. Это въ

настоящее время лучшая и благороднѣйшая память, какую можетъ оставить по себѣ вполнѣ добрый гражданинъ государству, родинѣ и потомству.

Торговля и промышленность Тюмени стоятъ уже на высокой степени развитія. Важнѣйшая отрасль заводская, это ея обширныя кожевни, которыхъ цифра въ настоящее время возрасла до 95. На нихъ выдѣлывается до 700,000 кожъ: воловьихъ конскихъ, бараньихъ, козловыхъ и опойковыхъ. Тюменская юфта идетъ не только въ Киргизскую степь, но и въ Западный Китай, Кокандъ и Бухарию. Шитый кожевенный товаръ идетъ на золотые прииски Восточной Сибири, а частью и въ Приуралье. Тюменская выдѣлка не можетъ, конечно, сравниться съ кунгурской и казанской; но дубовой коры здѣсь нѣтъ, доставать ее съ Приволжья дорого, а замѣнить въ кожевенномъ дѣлѣ трудно въ Россіи, гдѣ химія еще чужда нашимъ заводчикамъ. Химія дала бы кожевнямъ другіе реактивы; но для заводовъ, основанныхъ на началахъ современной науки, нужны заграничныя техники и другіе аппараты; что подняло бы цѣну кожъ, и онѣ нашли бы обильный сбытъ при неизбежной дороговизнѣ, особливо сравнительно съ кунгурскими и казанскими? Поэтому нельзя обвинять, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ, Тюменскихъ заводчиковъ въ застоѣ. Будутъ желѣзныя дороги, сблизятъ Тюмень съ Европой, и она, конечно, не отстанетъ. Кожъ и кожевеннаго шитаго товара, можно положить приблизительно въ выдѣлкѣ на 1,500,000 р. сер. (потому что это исчислить въ точности трудно, такъ какъ не только въ Тюмени, но и во всемъ Тюменскомъ округѣ, есть много домашнихъ кожевенъ вовсе ускользающихъ отъ учета земскихъ полицій, которыя у насъ, какъ извѣстно, глядятъ на статистику, какъ на казенное дѣло, т. е. было бы сдѣлано „кое-какъ“ да очищено по исходящему). Тканіе ковровъ, мыловарни (но въ этомъ Ка-

зань тоже первенствуетъ), свѣчные заводы, горшечное и гончарное дѣло занимаютъ много рукъ. Многіе занимаются ямщиной, содержа рослыхъ и сильныхъ лошадей, извѣстныхъ подъ названіемъ Тюменскихъ, хотя собственно онѣ не составляютъ особой породы въ сибирскомъ коноводствѣ, а только помѣсь съ русскими обозными лошадьми. Вообще можно положить всю торговую дѣятельность Тюмени до 10,000 сер. и эта цифра конечно бѣ удесятирилась, еслибъ ея ярмарка, замѣнивъ Ирбитскую, открыла ей пути того развитія, какого она во всѣхъ отношеніяхъ достойна. „Ярмарочная торговля шла всюду чрезвычайно успѣшно“ говоритъ Министръ внутреннихъ дѣлъ въ отчетѣ своемъ за 1857 годъ, за исключеніемъ только ярмарки Ирбитской, на которой и въ 1857 году замѣтно было тоже уменьшеніе оборотовъ, какое обнаруживается на ней уже нѣсколько лѣтъ сряду, за послѣднее время“. Стало быть и правительство сознаетъ этотъ начавшійся упадокъ?.. Ясно, что торговля колеблется, ищетъ себѣ новыхъ путей, инстинктивно понимаетъ, что Ирбить устарѣла, неудобна, далека... А разительнѣйшее этому доказательство — быстрое развитіе ярмарки Ишимской.

Жители Тюмени красивѣйшее племя въ цѣлой Сибири. Они вообще крѣпкаго сложенія, бѣлы, съ выразительными черными глазами, стройнымъ станомъ и яркимъ румянцемъ, характера живаго, щеголеваты, трудолюбивы, смышлены и расторопны. Дѣти съ 8-лѣтняго возраста, уже пріучаются къ какому-нибудь ремеслу или рукодѣлю, а 16-лѣтній мальчикъ уже исправный торговецъ, умѣетъ привлечь покупателя, продать, купить и разсчитаться въ большихъ суммахъ. Здѣшніе купцы и мѣщане, даже и молодые, почти все носятъ бороду, но одѣваются по европейски. Въ домашнемъ быту, мѣщанки и даже инныя купчихи носятъ рубашки съ широкими рукавами и узкими запястьями,

сарафаны и подпоясываются шелковымъ поясомъ. Старухи же при выходѣ изъ дома и теперь еще носятъ, по древнему русскому обычаю, большія покрывала „фаты“ ситцевыя, шелковыя, иногда канаватныя съ золотомъ. Но молодыя купчихи усвоили себѣ Петербургскія моды и щеголяютъ богатыми нарядами. Опрятность, эта коренная добродѣтель сибиряковъ, проявляется здѣсь въ полномъ блескѣ. Тюменьцы мастера строить деревянные дома, и вообще постройки въ Тюмени очень хороши и содержатся въ чистотѣ. Остается пожелать городу хорошихъ мостовыхъ и тротуаровъ, хорошаго уличнаго освѣщенія, хорошихъ спусковъ по ея горамъ, и, что всего важнѣе, — хорошей пожарной команды. Въ этомъ она нисколько не подвинулась впередъ, а пора бы перенять благой примѣръ Осташкова. Тюмень ужъ слишкомъ часто горить...

Изъ всѣхъ городовъ цѣлой Сибири, Тюмень сохранила до сихъ поръ типъ чисто-русскаго, стариннаго города. Здѣсь между купцами и мѣщанами много старообрядцевъ; а право, пора бы имъ сбросить съ себя эту смѣшную и отжившую обузу русскаго ума. Всѣ эти пустыя богословскія пренія, всѣ эти утонченныя умствованія нашихъ предковъ страшно какъ неумѣстны въ нашъ торговый, положительный вѣкъ, которому нужно жить, а не заглядывать за предѣлы земной жизни. Можно надѣяться, что ходъ идей и развитіе просвѣщенія разсѣютъ эту жалкую тьму русскаго религіознаго невѣжества. Раскольники еще въ началѣ XVIII столѣтія сожигались добровольно въ Тюмени и въ Тарѣ. Забравшись въ какой-нибудь сарай съ женами и дѣтьми, они обкладывали себя хворостомъ, соломой, поливали все это смолой, масломъ и, распѣвая молитвы, составляли изъ себя ауто-да-фе. Удивительное заблужденіе ума человѣческаго! Потомки этихъ фанатиковъ поразсчитливѣе. Они не только уже не сожигаются, но, по

всему видно, мало думаютъ и объ загробномъ огнѣ адскомъ...

Въ девятое воскресенье по Пасхѣ издавна учреждено въ Тюмени народное гулянье, на, такъ называемомъ, „ключѣ“. Родникъ этотъ на западной сторонѣ города. Начало празднованія на „ключѣ“ относится въ самымъ первымъ годамъ XVII столѣтія. Прежде былъ къ нему крестный ходъ изъ Архангельской церкви, но теперь отмѣненъ. Это гулянье даетъ живое понятіе о Тюмени и ея жителяхъ, да и вообще о Сибири, которую воображаютъ въ Европѣ и въ Россіи таковой дикой и страшной. Богатые экипажи и кровныя лошади купцовъ, пестрыя и нарядныя толпы народа, всюду русскія пѣсни — придаютъ этому гулянью большое одушевленіе. Замѣтимъ при этомъ, что въ цѣлой Сибири племенныхъ и историческихъ сибирскихъ пѣсенъ нѣтъ. Подобно американскимъ колоніямъ Европы, сюда все занесено изъ отечества: языкъ, вѣра, обычаи, нравы, даже пѣсни, даже пословицы и поговорки. Великихъ историческихъ переворотовъ въ Сибири не было, потому и пѣсни ея не самобытные выводы изъ ея мѣстности, а навѣяны ей общей матерью, Русью.

Но Тюмень, этотъ истинно русскій городъ, хранитъ однако до сихъ поръ, какъ святыню, единственное великое историческое воспоминаніе, которымъ украшается его лѣтопись. Это — посѣщеніе далекой Сибири Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году. Вотъ какъ рассказываютъ объ этомъ очевидцы. 31 мая 1837 года, Государь Наслѣдникъ прибылъ въ Тюмень. Проѣзжая мимо церкви Нерукотвореннаго Спаса, Его Высочество изволилъ остановиться, приложился къ св. Кресту и вошелъ въ церковь. Это былъ первый шагъ Его на землѣ Сибирской. По возглашеніи малой эктениі и многолѣтія Императорскому Дому Государь Наслѣдникъ отправился въ домъ градскаго главы, купца Ивана Икон-

никова, гдѣ была назначена квартира. У крыльца Иконниковъ съ почетнѣйшими гражданами поднесъ Августѣйшему Путнику хлѣбъ-соль, а въ залѣ поднесла хлѣбъ-соль же и хозяйка дома. Площадь передъ домомъ была наполнена народомъ, желавшимъ увидѣть будущаго Царя Россіи. и Государь Наслѣдникъ изволилъ нѣсколько разъ подходить къ окнамъ и милостиво привѣтствовалъ народъ. Когда смерклось, Тюмень запылала разноцвѣтными огнями, а густыя толпы всю ночь покрывали площадь и близь лежащія улицы. 1 іюня Его Высочество, изволилъ переправляться въ 6 часовъ утра, чрезъ рѣку Туру, на пути въ Тобольскъ. Для этой переправы Тюменское градское общество построило богатую шлюпку, и 16 почетнѣйшихъ гражданъ имѣли счастье быть на оной гребцами. 4 іюня, въ 8 часовъ вечера, Наслѣдникъ, возвратившись изъ Тобольска, изволилъ вновь имѣть ночлегъ въ домѣ Иконникова; а 5 числа, въ 6 же часовъ утра отбылъ въ Ялуторовскъ, откуда чрезъ Курганъ и Челябину, обратился въ предѣлы внутреннихъ губерній. На шлюпкѣ, хранящейся еще и теперь въ особомъ домикѣ (какъ ботикъ Петра Великаго въ Петербургѣ). Его Высочество изволилъ начертать собственноручно: „Александръ, 1 іюня 1837 года“. Для сохраненія этой надписи, она покрыта лакомъ за стекломъ. По бокамъ шлюпки находятся тоже историческія надписи: „А. Кавелинъ, В. Жуковский, К. Арсеньевъ, С. Юрьевичъ, В. Назимовъ, Энохинъ, А. Адлербергъ, А. Паткуль“. Одни уже сошли въ могилу, сопровождаемые доброй памятью отечества; другіе служатъ ему и до сихъ поръ вѣрой и правдой.

Это путешествіе будущаго Царя Руси, какъ бы въ прозвѣніе 26 августа 1856 года, ознаменовалось милосердіемъ и забвеніемъ прошедшаго для многихъ. 22 іюля того же 1837 года, Императоръ Николай Павловичъ даровалъ многія облегченія и милости нѣкоторымъ ссыльнымъ въ Сибиріи. Изъ 491 ссыльныхъ по двамъ

гражданскимъ, прощенныхъ по Тобольской губерніи, 118 возвратились въ Россію, остальные, получивши права состоянія и обзаведясь въ Сибири хозяйствомъ, сами пожелали въ ней остаться. Милости эти не были впрочемъ исключительнымъ достоинствомъ Тобольской губерніи; онѣ распространились на всѣ губерніи и области Сибири, даже на Нерчинскіе рудники, даже на осужденныхъ къ каторжнымъ работамъ безъ срока. Это было предверіемъ царствованія того Государя, Который ставитъ благодать выше кары, милосердіе выше истязаній, просторъ мысли и слова выше стѣсненій..... Который даетъ жить..... А это великая заслуга человѣчеству въ наше бурное и коловратное время!

ГЛАВА V.

ТУРИНСКЪ. ПЕЛЫМЪ.

Отъ Тюмени мы вступаемъ въ дремучія тайги сибирскія. Тюмень еще отзывается широкимъ раздольемъ жизненнаго движенія великаго государства. Округъ Тюменьскій—еще напоминаетъ людныя и богатыя села омскія, ишимскія, курганскія и ялуторовскія, хлѣбопахатную и скотоводную дѣятельность, промышленную и ремесленную суету ихъ. За Тюменью же, чѣмъ ближе къ Туринску, а следовательно и къ сѣверу, тѣмъ край становится все глуше и диче, лѣса обширнѣе и темнѣе, села и деревушки рѣже и мельче. Еще оставляя Тюмень, дорога пролегаетъ между уже золотящимися нивами, въ виду извивающейся, какъ лента, Туры, среди березовыхъ рощъ, а кой-гдѣ сосняка и ельника; грунтъ земли, хотя глинисто-песчаный, но твердый. Еще кое-гдѣ радуютъ взоръ каменные церкви, съ ихъ далеко бѣляющимися высокими колокольнями; еще есть признаки торговой и промышленной жизни, суета на большой дорогѣ и на поляхъ. Далѣе же—рѣдѣютъ люди, рѣдѣютъ деревни; на всей окраинѣ видимаго горизонта потянулись дремучіе вѣковые лѣса затуринскіе. Тамъ—историческій Пелымъ, драматическій Березовъ. Еще далѣе—плещутъ о пустынные берега хладныя волны Ледовитаго океана.... А еще далѣе?... Чтоже есть еще далѣе, скажи Боже?...

Туринскій округъ простирается между Березовскимъ, Тобольскимъ и Тюменскимъ округами своей губерніи, и между Верхотурскимъ и Ирбитскимъ уѣздами Пермской. Площадь его заключаетъ въ себѣ 70,787 кв. верст., съ населеніемъ по 10-й народной переписи только 34,214 д. о. п., т. е. уже въ половину менѣе Тюменскаго. Всѣхъ волостей въ немъ 16 и 7 инородныхъ управъ, а именно: русскихъ государственныхъ крестьянъ 12, осѣдлыхъ инородцевъ 4 и 7 управъ кочевыхъ инородцевъ. Въ волостяхъ этихъ и управахъ считается обложенныхъ податями и повинностями и ясакомъ 21,306 р. душ. (19,426 р. д. русскихъ государственныхъ крестьянъ, 904 р. д. татаръ и 976 р. д. вогуловъ, а изъ числа вогуловъ-работниковъ, обложенныхъ ясакомъ 460 р. д.).

Рѣки Туринскаго округа: Тура, Тавда, Пелымъ и Конда, текутъ здѣсь вездѣ среди огромныхъ, непроходимыхъ хвойныхъ лѣсовъ и зыбкихъ болотъ, или, точнѣе сказать, трясинъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Туры, по Тавдѣ и Кондѣ. Озеръ много, но онѣ не замѣчательны величиной; однако Самурское, Злиарское и Синтуръ изобилуютъ рыбой, въ особенности послѣднее (въ Пелымскомъ краѣ), котораго караси, по жирности и нѣжности вкуса, идутъ во множествѣ на Уральскіе заводы. Въ Туринскомъ округѣ хлѣбопашество и скотоводство, только какъ дѣло второстепенное въ быту крестьянскомъ; а вогулы всего Пелымскаго края и вовсе не сѣютъ хлѣба, вымѣнивая его на добываемые ими орѣхи, ягоды, рыбу и пушнаго звѣри. Прибыльнѣйшее, а слѣдовательно и почти исключительное занятіе русскихъ и инородцевъ, это звѣропромышленность (добыча бѣлки, соболя, горностага, волка, медвѣдя, лося, изрѣдка бобра, который водится теперь лишь въ дремучихъ тайгахъ Конды), сборъ кедровыхъ орѣховъ (они рождаются впрочемъ не ежегодно; такъ въ 1839 году во всемъ Пелымскомъ краѣ, на пространствѣ свыше 700 верстъ, не собрано

ни одного мѣшка орѣховъ) и рыболовствѣ по Турѣ, Тавдѣ, Лозвѣ, Сосвѣ и въ особенности въ Коидѣ (въ землѣ вогуловъ), гдѣ они запасаютъ столько рыбы, съ начала осеннихъ заморозковъ, что снабжаютъ ею, мѣной на русскій товаръ, ближніе округи Тобольской губерніи и приуральскіе горные заводы. Впрочемъ туринаская промышленность далеко уже не та, какая была въ то время, когда здѣсь чрезъ Верхотурье лежалъ древній торговый путь изъ Москвы и Россіи въ Сибирь. На 8 мелкихъ сельскихъ торжкахъ Туринскаго округа, на Покровской ярмаркѣ въ городѣ Туринскѣ и во всю зиму въ Пельмскомъ краѣ—важнѣйшей мѣстности, откуда вывозится пушной товаръ, орѣхъ и рыба, сумма всѣхъ оборотовъ не составляла въ зиму 1858—1859 годовъ и 80,000 р. сер.

Городъ Туринскъ построенъ на крутомъ правомъ берегу рѣки Туры, въ 60 верстахъ отъ знаменитой Ирбити, почти на самой границѣ Пермской губерніи. Онъ основанъ въ 1600 г. воеводой Иваномъ Лихаревымъ, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ древній татарскій городъ „Епанчинъ“, близъ котораго (у нынѣшняго села Усенинова), шедшій изъ-за Урала Ермакъ разбилъ татаръ. Здѣсь, почти съ самаго завоеванія Сибири, пролегалла дорога изъ Перми въ Сибирь. Естественно, что первыми жителями этого городка были трудолюбивые выходцы изъ Перми, Вятки и Каргополя, ямщики и охочіе люди. И благосостояніе Туринска было все основано на этомъ провѣжемъ пути въ Сибирь изъ Россіи. Когда въ 1597 году проложили эту дорогу чрезъ Соликамскъ и Уральскія горы (ею шель и Ермакъ съ своею дружиной изъ соляныхъ варницъ Строгановыхъ), тогда былъ построенъ при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ городъ Верхотурье, и въ немъ большой гостинный дворъ, для складки товаровъ изъ Сибири и Россіи идущихъ, да учреждена таможня, въ которой очищали эти товары пошлиной.

Таможня эта существовала до 1733 года, когда были уничтожены все внутреннія пошлины. Съ учрежденіемъ таможни въ Верхотурьи населился окрестный край, оживилась сибирская дорога и городъ Туринскъ началъ быстро возвышаться и устроиваться. Но когда рядомъ съ Верхотурьемъ основалась Ирбитская слобода и сибирскіе купцы стали здѣсь сѣзжаться съ русскими купцами, здѣсь же получать средства для очистки пошлиной товаровъ и здѣсь же производить торговые сдѣлки, тогда (и по закрытіи внутреннихъ таможенъ) Ирбитъ по привычкѣ осталась сборнымъ пунктомъ купечества и значеніе ея упрочилось до настоящаго времени. Впослѣдствіи и самая Сибирь нанесла послѣдній ударъ дальнѣйшему развитію Туринска. Сибирская дорога отодвинулась къ юго-западу на Екатеринбургъ и Тюмень, и Туринскъ уже не могъ подняться послѣ этого новаго подрыва его благосостоянію. Но видъ его носить до сихъ поръ печать старины, какой не встрѣтимъ уже ни въ одномъ городѣ Тобольской губерніи. Онъ живо напоминаетъ старинные города пермскіе, забайкальскіе, поморскіе. Высокія крыши, почернѣвшія отъ времени дома, мертвая тишина на улицахъ, много церквей (6 и все каменные), монастырь; среди города никакого торговаго движенія. Была въ немъ встарину школа живописи, отрасль арзамазской и строгановской, но и та теперь въ совершенномъ упадкѣ. Одна у него замѣчательная особенность, это его женскій монастырь, гдѣ стараніями просвѣщенной игуменьи Афинодоры устроена, еще съ 1847 года, очень хорошая школа для дѣвочекъ. Съ 1847 по 1852 годъ включительно перевоспитала она въ этомъ разсадникѣ женъ и матерей до 389 дочерей купцовъ, мѣщанъ и чиновниковъ. Въ настоящее время обучается въ этой школѣ 36 дѣвочекъ. Туринскій женскій монастырь, кромѣ его образцоваго устройства (какъ обители

труда и молитвы), извѣстенъ еще своими золотошвейными работами, расходящимися далеко по Сибири и Приуралью. Въ самомъ Туринскѣ до сихъ поръ сохранилось тоже, и въ замѣчательной степени, слесарное производство, дѣланіе желѣзныхъ подносовъ, шкатулокъ и т. п. мелочей. Въ немъ теперь по 10-й народной переписи 4,029 ж. о. п., 682 дома и 6 каменныхъ церквей, 838 ревиз. душ. окладныхъ мѣшанъ и 312 ремесленниковъ: да 13 свѣчныхъ, мыловаренныхъ заводовъ и писчебумажная фабрика вдовы статсъ-секретаря Панаева (дѣдъ его былъ воеводой въ Туринскѣ); уѣздное и приходское училища. и монастырская женская школа; соляные и хлѣбные запасные магазины и много каменныхъ домовъ—доказательство его прежнего благосостоянія и раннаго развитія, когда кромѣ Тобольска, всѣ другіе города здѣшной губерніи еще едва начали жить. Но время не ждетъ насъ, передвигаетъ пути сообщенія, центры торговли, самое политическое значеніе мѣстностей. Такова была и историческая судьба Туринска.

Шары раннего утренняго тумана еще носились надъ усаувшей и зеркально-прозрачной Турой, когда мы, переправившись чрезъ рѣку, пустились въ Табары, ближайшее село на рѣкѣ Тавдѣ, волокомъ въ 90 верстѣ, сквозь дремучую и непроходимую тайгу, по которой вьется узенькая гать и гдѣ нѣтъ вовсе никакого заселенія, потому что по обѣимъ сторонамъ гати тянутся сплошные „зыбуны“, т. е. болота, подернутые коварнымъ дерномъ, сквозь который проваливаются люди и животныя. Солнце быстро всходило на безоблачное июньское небо. Дремучая тайга оживилась. Птички встрепенулись и зачиликали, стрекозы, шмели, жуки, комары, мошки, бабочки—все пришло въ радостное движеніе. Вѣковья, громадныя, раскидистыя сосны, кедры, лиственницы, пихты, ели, составляли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около дороги широкой полукругъ, сплотившись какъ исполинская

ствѣна дремучей зелени. Поверхность этого полукруга— представляла въ буквальномъ смыслѣ слова, роскошно бархатистый коверъ, испещренный разнообразѣйшими цвѣтами; а среди этого ковра зелени, цвѣтовъ, красокъ и солнечныхъ лучей лежало неподвижно, какъ хрустальное блюдо, крошечное круглое озероо, алмазомъ и изхонтомъ сверкающее тысячами тысячъ радугъ. и на зеркальную поверхность котораго угрюмые лѣсные титаны бросали своими широкими вѣтвями длинныя, дрожащія, перебѣгающія тѣни. У самой окраины дороги, сереброкованный ручеекъ, выбѣжавшій изъ дремучей чаши, нашедши себѣ преграду отъ огромной колоды, (близь самой опушки лѣса свалившейся) сердито подмывался подъ ея изсохшія вѣтви, лепеталъ сквозь слезы, какъ дитя, и вырвавшись на свободу, весело мчался по коврау бархатистой зелени въ объятія милого озера, гдѣ, можетъ быть, лѣсная наядя этой дремучей тайги страстно прижимала его къ высокой груди своей, убаюкивая подъ свои неземныя пѣсни. А кругомъ такая глушь и такая темная тѣнь, что не взирая на ослѣпительные лучи юньскаго солнца, глядя на лѣсную стѣну, не видно было ничего, кромѣ мрачной зелени, непроницаемой, таинственно преграждающей зрѣнію всякую попытку углубиться въ эту чашу, какъ бы святыню!. А кругомъ бальзамическое дыханіе хвойныхъ лѣсовъ, въ особенности пихты, цвѣтовъ, сочныхъ травъ и кустарниковъ, да плачь ручья, которому такъ бы и хотѣлось сказать съ Петраркой «dolce e chiara fresca!», щебетанье птичекъ, веселое жужжаніе насѣкомыхъ.

Этотъ дикій эдемъ, смерть. Это то, что называютъ въ Сибири „зыбунъ.“ Нетолько звѣропромышленникъ, но и лѣсной звѣрь, никогда не отваживается ступить на этотъ обманчивый коверъ цвѣтовъ и такой восхитительно свѣжей зелени. Его сейчасъ, какъ говорится, „всосеть“, потому что подъ дерномъ бездонное болото глубины

необычайной и выкарабкаться изъ него нѣтъ уже возможности. Чѣмъ больше человекъ или звѣрь дѣлаеть отчаянныхъ усилій, тѣмъ болѣе углубляется и смерть неизбежна...

Лѣсная площадь Тобольской губерніи, по даннымъ за истекшее десятилѣтіе (1849—1859 г.), исчисляется приблизительно въ 3,976,002 десятины а именно:

I) Южные округа:	Омскій	30,803	десят.
	Ишимскій	71,087	
	Курганскій	218,000	
Итого въ южныхъ округахъ		319,890	
II) Средніе округа:	Ялуторовскій	424,709	
	Тюменскій	38,840	
	Туринскій	349,346	
Итого въ среднихъ округахъ		1,033,085	
и III) Сѣверные округа:	Березовскій	2,500,000	
	Тобольскій	86,346	
	Тарскій	37,325	
Итого въ сѣвер. округ.		2,623,071	десят.

Когда мы взглянемъ на это исчисленіе, покажется невѣроятнымъ, что въ Тарѣ менѣе лѣсовъ, нежели въ Ишимѣ, а въ Курганѣ болѣе, нежели въ Тобольскѣ и Тюмени въ сложности. Но это объясняется тѣмъ, что безпредѣльные тарскіе урманы, а именно Васьюганъ, вовсе не изслѣдованы, ибо лѣтомъ почти недоступны; а о тюменскихъ и тобольскихъ инородческихъ лѣсахъ нѣтъ еще положительныхъ данныхъ. Что же касается до кажущагося лѣснаго богатства Ишимскаго и Курганскаго округовъ, то въ счетъ ихъ лѣсныхъ угодій вошли тутъ всѣ поросшія какимъ-либо мелкимъ кустарникомъ и березнякомъ мѣстности. Но взявъ сложность округовъ лѣсистыхъ: Тюменскаго, Туринскаго, Березовскаго, Тобольскаго и Тарскаго, съ ихъ инородческими лѣсами, которыхъ можно положить вдвое болѣе,

потому что одна Конда въ Пелымскомъ краѣ простирается на 300 верстѣ сплошнаго дремучаго лѣса), сейчасъ усмотримъ какъ эта губернія обильна на сѣверѣ лѣсомъ, какой тутъ необходимый запасъ для будущаго ея благосостоянія и какъ настоятельно нужно озаботиться нынѣ же удобствомъ сплава по рѣкамъ Ишиму и Тоболу, покуда онѣ незасорены окончательно, чтобы дать южнымъ округамъ возможность пользоваться строевыми лѣсами изъ такой неистощимой кладовой природы. Площадь Тобольской губерніи исчисляется примѣрно въ 132,233,066 десятинъ, а вычислено до сихъ поръ только всего 11,383,299 десят. Вообще межевая часть Сибири еще не вполне удовлетворительна, хотя и далеко лучше противу прежняго.

Покормивъ два раза на Табаринскомъ волокъ (т. е. 90 верстномъ перешейкѣ между системами Туры и Тавды), въ, такъ называемыхъ, „избушкахъ“, и продолжая путь, мы насилу увидали исходъ изъ этой дремучей тайги. Сперва повѣяло живительной свѣжестью, потомъ лѣса начали рѣдѣть и приземиться. Наконецъ открылась зеленая равнина, далеко, верстѣ на 10 отодвинувшая лѣса, а среди ея весело сверкнула намъ широкая полоса пустынной Тавды. Село Табаринское живо напоминаетъ пустыни Чикоя и Хилка, въ Забайкальи. Старинная церковь, угрюмо склонившаяся надъ спицей рѣчкой, крошечное сельцо, десятка три домиковъ, разбросанныхъ около храма божьяго, а вдали дремучая тайга. Широкой мѣсяцъ уже всплылъ надъ серебрящимися водами. Лодка была готова. Отъ Табаровъ до Пелыма, нѣтъ лѣтомъ колесной дороги, по причинѣ непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ; всѣ сообщенія—почтовые, торговые и административныя съ Туринскомъ, производятся въ лодкахъ. Почтовые станціи тоже водяныя и каждый гребецъ на лодкѣ получаетъ прогоны, равняющіеся прогонамъ за одну почтовую лошадь. На этомъ

условіи заключаются и торги. Легкая мачта съ разноцвѣтнымъ флюгеркомъ и позолоченнымъ крестикомъ на вершинѣ распустила свой маленькій парусъ. На носу ярко горѣлъ пукъ лучины, воткнутый въ желѣзный свѣтецъ. Посреди лодки досчатая каютка съ дверцами и двумя оконцами. И вотъ четыре весла мѣрно начали разсѣкать сонныя воды. Огонекъ ложится на недвижную поверхность рѣки. Вотъ завернули за мысъ. Старинная церковь и спящее село скрылись въ лѣсной чащѣ; а тайга, дремучая тайга тавдинская, опять подступила къ берегамъ, опять воздвигла свои непроницаемыя для взора чернозеленыя стѣны. Почтовые гребцы, молодые ребята въ красныхъ рубахахъ и ирбитскихъ картузахъ, испросивши позволенія, дружно грянули извѣстную русскую пѣсню: „Я не думала ни о чемъ въ свѣтъ тужить“—и мы невольно улынулись сближенію этихъ наивныхъ словъ съ нашими свитаніями по дремучимъ пустынямъ и представилось намъ въ туманной дали былого подобное же ночное плаваніе и по этимъ же пустыннымъ волнамъ дяди царя Михайла, несчастнаго Василія Никитича Романова, жертвы Годунова; тирана Россіи, регента имперіи, герцога Бирона Курляндскаго и побѣдителя турокъ и татаръ, грозы Царьграда и Крыма, престарѣлаго фельдмаршала графа Миниха. Какіе великіе уроки коловратности всего земнаго! Пышность дворцовая и пустыни Пелыма! И въ особенности чудная судьба Бирона, изъ ничтожества возведеннаго на престолъ, съ престола низверженнаго въ Пелымъ, изъ Пелыма снова достигшаго престола и умершаго въ томъ самомъ Митавскомъ дворцѣ, гдѣ вослѣдствіи жилъ тоже въ ссылкѣ Людовикъ XVIII... Какія чудныя игры счастья, какія чудныя сближенія!

Изъ села Табаровъ, нѣкогда тоже города, какъ и историческій Пелымъ и одновременно съ нимъ основаннаго въ 1592 году Пелымскимъ воеводой, княземъ Петромъ Гор-

чаковымъ, колесная ѣзда, какъ мы сказали выше, уже прекращается. Но зимой можно попасть въ Пелымъ саяной ѣздой по гладкой ширинкѣ рѣки. Отъ Табаровъ до Целыма 200 верстъ. Тавда глубока и всюду судоходна, но до сихъ поръ по ней ходятъ только Тюменскія суда съ грузами хлѣба на сѣверные Уральскіе заводы. Мѣстные же жители сообщаются между собой лодками. Нынѣ Тюменское товарищество И. Рѣшетникова, Тюфина и К^о испросило себѣ десятилѣтнюю привилегію на пароходство по Тавдѣ, Лозвѣ и Сосвѣ, съ цѣлью доставки хлѣба на сѣверный Уралъ, его частные заводы и золотые прииски, и вывоза оттуда строительнаго камня, извести, желѣза, чугуна, и всего въ чемъ нуждается богатая Тюмень и вообще Тобольская губернія, гдѣ горѣ, каменоломень и извести нигдѣ нѣтъ, а также желѣза и чугуна.

По обѣимъ сторонамъ рѣки дремуція тайга Тавдинскія тянутся какъ бы уступами; чѣмъ далѣе въ глубь чащи, тѣмъ выше, выше и грандіознѣе. Огромныя свилватыя березы, осина, ольха, талины чудовищной толщины,—перепутанныя всякаго рода кустами, багульниковъ, дикимъ хмѣлемъ, спускались къ самой водѣ и такъ низко, такъ низко, что густыя и длинныя вѣтви ихъ, сплетая дерево съ деревомъ, составляли саженой на пять надъ водой непрерывныя аркады зелени—магическій сводъ, сквозь который робко пробивались широкіе лучи мѣсяца, раскидываясь по сиящей рѣкѣ прихотливыми, фантастическими арабесками тѣней и переливовъ. Эти зеленыя аркады тянулись иногда на нѣсколько верстъ, а такъ какъ подъ ними, у окраины береговъ, было гораздо тише, нежели на срединѣ рѣки, гдѣ теченіе довольно быстро, то гребцы предпочитали скользить подъ этими Армидиными садами, едва нарушая плескомъ весель торжественную тишину ночи. Изрѣдка прочилковала во снѣ спрятанная въ густой зелени пташка,

изрѣдка доносился лай сторожевыхъ собакъ и вотъ, изъ-за зеленѣющаго мыска, выступало десятокъ избъ, разбросанныхъ на небольшой полянѣ, виднѣлись лодки, вытасенныя на пологій берегъ, развѣшанныя на кольяхъ сѣти, зеленые огороды, сбѣгающіе къ самой рѣкѣ и все это, облитое луннымъ блескомъ, мирно спало въ этой дикой пустынѣ, не заботясь о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ..... Изрѣдка виднѣлась у воды старинная церковь (какія еще можно видѣть въ пустыняхъ забайкальскихъ и якутскихъ), съ деревянной чешуйчатой главой, съ убогими желѣзными крестами, съ узорчатымъ навѣсомъ, узенькими оконцами и высокимъ на рѣзныхъ столбикахъ крыльцомъ,—вѣроятно современница Бирона и Миниха. Изрѣдка на расчищенной полянѣ золотилась уже поспѣвающая жатва, огороженная крѣпкой изгородью, потому что хлѣбъ достается здѣсь въ потъ лица. У изгороди паслась лошадь съ бубенчиками на шеѣ. А вотъ и еще крохотная деревушка, въ три двора мирно усѣлась у самой воды, замкнутая кругомъ дремучимъ лѣсомъ. Здѣсь еще глуше, еще диче, а можетъ быть и еще счастливѣй!

А чѣмъ далѣе любопытный взоръ проникаетъ въ эту тайгу, тѣмъ деревья растутъ все выше и выше, измѣняя и породы свои, по мѣрѣ удаленія отъ рѣки. Сосна, кедръ, лиственница, пихта, ель, часто достигаютъ въ этихъ дремучихъ лѣсахъ до 4 сажени въ окружности и до 30 сажени высоты, и стоятъ какъ сторожевые исполины этой заколдованной глуши. Рѣдко, очень рѣдко, который либо изъ этихъ лѣсныхъ титановъ удостоитъ приблизиться къ самой рѣкѣ, расширяя свою темную зелень надъ яркой зеленью прирѣчныхъ карликовъ растительнаго царства, хотя эти карлики имѣютъ иногда сами до сажени и болѣе въ обхватъ и до 10 сажени вышины. Мѣстами пожары и бури, а также и старость, даже и смерть, повалили и расщепали огромныя деревья.

Обгорѣлые, или обломанные остовы ихъ заваливаютъ рѣчки и ручьи, образуя природные мосты, пороги и плотины; и вотъ слышится вдали глухой ревъ, нарушающій могильную тишину ночи — и надувшаяся рѣчка съ ропотомъ льется широкимъ водопадомъ, чрезъ преграду нѣсколькихъ громадныхъ и сухихъ кедровъ, свалившихся у берега и загораживающихъ ей дорогу. Льется она—и падаетъ въ объятія спящей Тавды, смѣшивая съ ней свои успокоенныя воды.

Появится ли утро еще на спящемъ востокъ, раскинутся ли широкими пурпуровыми полосами лучи зари по свѣтлующему небу; зазолотится ли дальнѣй лѣсъ, обрисовавъ въ волнахъ пламени контуры зеленой стѣны кедровъ и сосенъ, пихтъ и лиственницъ, кажущихся громадной коллонадой, воздвигнутой надъ дальнимъ лѣсомъ; вырвется ли наконецъ солнце изъ этой дремучей чаши и ударитъ на вздрогнувшія воды,—какая жизнь, какое движеніе проявится всюду, въ этой за мигъ безмолвной лѣсной пустынь! Змѣи и ящерицы быстро переползаютъ и перебѣгаютъ съ вѣтки на вѣтку; зяблчки, жаворонки, перепелки, синички, скворчки засвѣщутъ и зачирикаютъ; бѣлки прыгаютъ съ сучка на сучокъ, а соболь качается въ вѣтвяхъ березы, какъ въ люлькѣ; на зеленой полянѣ, нѣсколько отодвинувшей лѣсъ, съ пятокъ глухарей важно и мирно расхаживаютъ какъ бы ни въ чемъ ни бывало; а вотъ огромная морда дося высунулась изъ зелени, и закинувъ вѣтвистые рога свои на плечи, съ любопытствомъ глядитъ на нашу тихоплывущую лодку. У перекинутой чрезъ ручей сухой лиственницы сидитъ распушивъ хвостъ красная лисица; а чтобы довершить эту картину первобытнаго міра,—медвѣдица съ двумя медвѣжатами вышла изъ лѣса и спускается къ рѣкѣ, флегматически озирая и насъ и окрестность, между тѣмъ какъ медвѣжата кувиркаются и барахтаются на сочной муравѣ, покрытой перлами росы...

А вотъ наконецъ блеснулъ изъ-за льсной чащи, далеко вдавшася въ рѣку мыса, позолоченный крестъ Пелымской церкви. Лодка быстро огибаетъ этотъ мысъ, рѣка и берега уже облиты высоко взошедшимъ юнѣмъ — скимъ солнцемъ и на крутомъ львомъ берегу рѣки, далеко отодвинувши дремучія тайги свои, показался древній Пелымъ, съ двумя десятками почернѣвшихъ старинныхъ домовъ, старинной и упраздненной нынѣ церковью (развалиной временъ Миниха) и новой деревянной церковкой, вовсе не соответствующей святинѣ этого историческаго мѣста. Здѣсь страдалъ въ душной землянкѣ въ цѣпяхъ, здѣсь погибъ и, вѣроятно голодной смертью, мученикъ за правду, братъ свѣтѣйшаго патріарха Филарета и дядя родоначальника Дома Романовыхъ, юный Василій Никитичъ Романовъ. Но Пелымъ нынѣ только мѣстность, только клочекъ земли; прошедшаго и слѣдовъ уже нѣтъ. Все сглажено временемъ и непростительнымъ равнодушіемъ потомства. Ни одного вклада царей, ни одного воспоминанія. Даже отъ политическихъ буръ XVIII столѣтія, (а что такое 150 лѣтъ назадъ для построекъ сибирскихъ, когда есть и теперь еще за Байкаломъ не только деревянные церкви, но и дома частные изъ громадныхъ лиственнныхъ бревенъ, построенные и считающіе себя выше 200 лѣтъ фактической по документамъ жизни?), отъ дома, въ которомъ жилъ здѣсь Регентъ, герцогъ Курляндскій и чертежъ котораго составлялъ собственноручно Минихъ, отъ дома, въ которомъ жилъ впоследствии и самъ фельдмаршалъ, — едва можно признать слѣды мѣстности изрытой погребами, по окладнымъ бревнамъ, глубоко вросшимъ уже въ землю... А кладбища несчастныхъ угличанъ, а святаго памятью исторіи мѣста, гдѣ въ острогѣ, въ душной землянкѣ, томили Василя Романова, и гдѣ его вѣроятно схоронили, никто нынѣ даже и указать не можетъ.

Пелымъ основанъ въ 1592 году воеводой княземъ Петромъ Горчаковымъ и въ то же время заселенъ гражданами несчастнаго Углича, сосланными сюда Борисомъ Годуновымъ за свидѣтельство истины въ дѣлѣ о убіеніи св. царевича Дмитрія. Пелымъ, какъ и всѣ военные пункты тогдашней эпохи, былъ сперва острожкомъ съ рубленой стѣной, башнями, валами и рвомъ. Потомъ, съ усмиреніемъ окрестныхъ вогуловъ, долго былъ городомъ, въ которомъ жили воеводы, правившіе этимъ пустыннымъ краемъ. Въ концѣ XVIII столѣтія онъ упраздненъ, а съ укрѣпленіемъ въ христіанствѣ всѣхъ вогуловъ и съ принятіемъ ими обычаевъ русской осѣдлой жизни, потерялъ свое прежнее административное значеніе и сдѣлался теперь маленькимъ сельцомъ съ убогой деревянной церковкой и 21 обывательскимъ домомъ, изъ которыхъ болѣе половины уже развалились. Жителей въ немъ и постоянныхъ и временныхъ, считалось 1 января 1860 года, только 73 д. о. п. Причины необычайнаго запустѣнія мѣстности, бывшей нѣкогда цвѣтущимъ городомъ (гдѣ жили воеводы, былъ даже соборъ и двѣ приходскія церкви, крѣпость, лавки, жизнь и торговое движеніе), тѣ же самыя, которыя постигли и Туринскъ, съ тою разницей, что такъ какъ въ Пелымѣ каменныхъ построекъ никогда никакихъ не было, то ничего и не сохранилось для потомства. Зимой отсюда до Верхотурья только 130 верстъ, т. е. 15 часовъ ѣзды; а мы уже видѣли, что чрезъ Верхотурье (до половины XVIII столѣтія) шла дорога изъ Москвы въ Сибирь и обратно совершалось все административное и торговое путешествіе, была тутъ складочная таможня и было средоточіе всѣхъ коммерческихъ оборотовъ. Понятно, что, подобно Туринску, процвѣталъ тогда и Пелымъ, вывозя въ Верхотурье всю пушнину, орѣхи, рыбу, ягоды, какъ вывозятъ ихъ до сихъ поръ достаточные крестьяне Пелымскаго края сами, зпнимъ путемъ, въ

февраль, на Ирбитскую ярмарку. Но когда дорога отодвинулась на Екатеринбургъ и Тюмень, когда вогулы были усмирены и всё крестилось, когда воеводство и самый городъ были упразднены (по минованіи надобностей военныхъ и административныхъ), тогда и торговцы разошлись, ибо все населеніе состояло изъ служащихъ и торговцевъ, какъ оно состоитъ въ самомъ Пелымѣ и донынѣ; потому что здѣсь теперь живутъ только служащіе по части земской, волостной, духовной и откупной, да казаки, состоящіе на годичной службѣ. Около Пелыма пашень нѣтъ, а покосы въ 25 верстахъ на рѣкѣ Пелымѣ; значитъ и прежде хозяйничать было нельзя, какъ нельзя и донынѣ. И вотъ, начали исчезать сперва дома, а потомъ и церкви. Съ упраздненіемъ же Пелымскаго воеводства, драгоценный архивъ здѣшняго края, который заключалъ въ себѣ столько историческихъ документовъ былъ перевезенъ въ Туринскъ и сгорѣлъ тамъ съ архивами Туринскими въ большой пожаръ 16 сентября 1813 года, истребившій большую часть города. Какъ жаль! Сколько интереснаго могъ бы онъ передать потомству, начиная съ ссылки сюда угличанъ въ 1598 году, до отъѣзда отсюда фельдмаршала графа Миниха въ 1761 году. Чудныя сближенія! Попытаемся, по крайней мѣрѣ, разказать то, что еще можно намъ было дослѣдить здѣсь на мѣстѣ.

О юномъ и несчастномъ Василіѣ Никитичѣ Романовѣ нѣтъ уже въ Пелымѣ даже и устныхъ преданій народныхъ. Известно, что Романовы пострадали при Годуновѣ (въ іюнѣ 1601 года) по доносу на нихъ ихъ же холопа, „будто они намѣрены отравить царя Бориса.“ Филарета (Феодора) Никитича (будущаго патріарха) и жену его Марѳу Иванову постригли насильно и сослали въ дальніе монастыри; а Михаила Никитича, котораго особенно любили москвитяне и который вѣроятно былъ бы избранъ на царство, еслибъ дожилъ до паде-

нія Годуновыхъ, отвезли въ Пелымъ, гдѣ держали въ душной землянкѣ, въ оковахъ и морили голодомъ. Жители Пелыма, говорятъ лѣтописецъ, сострадая злополучію знаменитаго боярина, научали своихъ ребятишекъ подавать ему сквозь темничное оконце, въ дудочкахъ молоко и пищу, за что, по воцареніи Михаила Феодоровича, и были вознаграждены „объльной“ грамотой. Но нынѣшніе коренные старожилы, крестьяне Пелымской волости, даже и не слыхивали, что они потомки гражданъ древняго Углича, что имъ дана была царемъ Михаиломъ объльная грамота, т. е. льготы отъ всѣхъ повинностей, что прахъ боярина Ромадова былъ выкопанъ съ Пелымскаго кладбища и торжественно перевезенъ отсюда въ усыпальницу его присныхъ, Московскій Новоспасскій монастырь. Въ нынѣшней Пелымской церкви нѣтъ никакихъ древнихъ вкладовъ богослужебныхъ книгъ, св. иконъ, церковной утвари. Гдѣ было древнее кладбище угличанъ? тоже достоверно неизвѣстно; должно полагать, что между нынѣшней и упраздненной церквами, потому что въ старину хоронили при церквахъ, а церкви Пелымскія строились послѣдовательно, почти на одномъ и томъ же мѣстѣ въ районѣ крѣпости, да и строить ихъ здѣсь негдѣ, кромѣ высокаго лѣваго берега Тавды, такъ какъ правый низмень и ежегодно понижается весенними разливами. Нынѣшнее же Пелымское кладбище недавно отведено селенію и находится слишкомъ въ верстѣ отъ церквей и мѣстности, гдѣ была крѣпость. Но непостижимо, почему въ Пелымской церкви нѣтъ ника кихъ царскихъ вкладовъ? Можно ли повѣрить, чтобы святѣйшій патріархъ Филаретъ и царь Михаилъ забыли одарить щедро церкви той мѣстности, гдѣ страдалъ и погибъ мученически братъ и дядя, Василій Никитичъ, гдѣ страдалъ тоже и другой братъ и дядя Иванъ Никитичъ; тогда какъ по древнему благочестивому обычаю, самодержцы русскіе, давали вклады въ

самые отдаленные монастыри и церкви царства, въ мѣстностяхъ не ознаменованныхъ ничѣмъ въ исторіи; и тогда какъ не забыли же она даровать объѣльной грамоты Ныробу, за его преданность къ Михаилу Никитичу и къ дому Романовыхъ? Не вѣроятнѣе ли предположить, что съ упраздненіемъ Пелымскаго собора, его вклады были вывезены изъ здѣшняго края въ другія церкви епархіи, а впоследствии и память къмъ жертвованы они и откуда поступили, сгладилась. Въ наше время, когда признано полезнымъ увѣковѣчивать въ памяти народной великія отечественныя событія минувшаго, мы намѣрены соорудить въ Пелымѣ „историческую часовню“ памяти злополучныхъ Романовыхъ и бѣдныхъ страдальцевъ угличскихъ. Такія благородныя перевершенія несправедливостей достойны благороднаго сердца...

О генералъ-фельдмаршалѣ, графѣ Минихѣ, есть уже достовѣрный устный разсказъ его современника, крестьянина Пелымской волости, деревни Ситихиной Антона Казанцева, умершаго въ 1849 году, 120 лѣтъ отъ роду. Графъ жилъ внутри крѣпости, близь того мѣста, гдѣ нынѣ часовня; и точно, вокругъ часовни не только замѣтны обуглившіеся слѣды окладныхъ бревенъ, но и борозды грядъ. Домъ у него былъ двухъэтажный съ балкономъ, а подлѣ дома садъ и огородъ. Фельдмаршалъ былъ старикъ сухаго сложенія, крѣпкій и бодрый, въ обращеніи привѣтливъ, но нелюдимъ. Изъ дому выходилъ рѣдко, но лѣтомъ любилъ сидѣть на балконѣ. Днемъ писалъ, чертилъ планы; ночами просиживалъ долго, читалъ. Воеводы его боялись, потому что онъ доносилъ на нихъ ко Двору. Такъ прожилъ онъ муредомъ, въ этомъ глухомъ Пелымѣ, съ 1741 по 1761 годъ, ровно 20 лѣтъ, показавши болѣе стоической твердости духа, нежели Наполеонъ въ своемъ шестилѣтнемъ заточеніи. Слѣдовъ крѣпости уже давно нѣтъ, но па-

20*

мять о ней хорошо сохранилась. Что же касается дома герцога Курляндскаго, построеннаго собственно для него по чертежу тогда всемогущаго Миниха, первенствующаго министра правительницы, то домъ этотъ былъ построенъ не на берегу Тавды и не внутри крѣпости, а въ полуверствѣ отъ нея, на дикомъ и пустынномъ берегу Пельма, неподалеку отсюда впадающей въ Тавду. Герцогъ Биронъ, по рассказамъ Казанцева, былъ высокаго роста, строенъ и очень красавъ, но гордъ и недоступенъ. Его держали свободный, нежели въ послѣдствіи Миниха. Онъ имѣлъ верховыхъ лошадей, часто ѣздилъ на охоту въ зеленомъ бархатномъ полукафтанѣ, подбитомъ соболями, держалъ многочисленную прислугу. Воевода стоялъ предъ нимъ безъ шапки. Изъ Пельма перевезли его въ Ярославль, а при воцареніи императора Петра III, онъ и Минихъ были возвращены въ Петербургъ.

Пельмскій край заключаетъ нынѣ въ себѣ 2 волости русскихъ государственныхъ крестьянъ и 7 инородческихъ управъ вогульскихъ. Русскихъ, обложенныхъ податями и повинностями, считается 2031 рев. душа, а вогуловъ обложенныхъ ясакомъ 976, изъ нихъ работниковъ 460. Ясачная подать состоитъ въ Пельмѣ изъ соболей и лисицъ исключительно (остяки и самоѣды Березовскіе вносятъ и бѣлку). Въ 1859 году ясакъ поступило на 2000 р. сер. Казна доставляетъ вогуламъ хлѣбъ (ржаной мукой), порохъ и свинець. Соль покупаютъ они сами изъ Пельмской стойки. Ясакъ ихъ по низкой добротѣ здѣшнихъ мѣховъ неидетъ въ Петербургъ, а продается въ Туринскѣ. Вогулы все крещены и имѣютъ нынѣ въ своихъ паулахъ, т. е. деревняхъ 2 приходскихъ церкви. Русскіе крестьяне промышленяютъ звѣроловствомъ, рыболовствомъ, сборомъ кедровыхъ орѣховъ и ягодъ, живутъ вообще достаточно и недоимокъ въ податяхъ здѣсь никогда не бываетъ. Ро-

гатаго скота, овецъ и свиней держать мало, только какъ подспорье хозяйству, но лошадей много. Хлѣбовъ высѣвають мало, потому что пахатныхъ земель почти совсѣмъ нѣтъ. Вотъ почему было бы необходимо не только воспретить впредь ссылку въ Пелымскій край, но и перевести изъ него всѣхъ ссыльно-поселенцевъ, прочно не водворившихся (а подобныхъ очень много найдется въ обонхъ волостяхъ). Что здѣсь будетъ дѣлать ссыльно-поселенецъ? Земли годной подъ пашню нѣтъ. Чтобы заниматься звѣроловствомъ, надо быть отважнымъ, ловкимъ, мѣткимъ, знающимъ мѣстность этой дремучей тайги. Добывать орѣхъ, — но лазить на 30—саженный кедръ какъ бѣлка, и сидя на такой страшной высотѣ, безопасно сбивать шишки; на это способны только нога и рука туземца: эта гимнастика достигается лишь упражненіемъ съ малолѣтства. Заниматься ремесломъ — здѣсь ни столяровъ, ни слесарей, ни портныхъ, ни сапожниковъ пенужно. Работать — не на кого. Богатый купить все, что душа желаетъ, въ сосѣдней Ирбити, въ Тагилѣ у Демидова, а бѣдному этого не нужно. И ссыльные сдѣлались язвой для Пелымскаго края, непрестанно бѣгая, грабя и вводя въ громадные переписки и безъ того уже обременяющія администрацію. Но впредь ссылка преступниковъ въ Березовскій округъ и Пелымскій край Туринскаго округа уже прекращена генераломъ Гасфордомъ.

По совершенному недостатку пахатныхъ земель (потому что всюду дремучіе лѣса да тундры), крестьяне ограничиваются въ Пелымѣ посѣвомъ ржи, овса, но преимущественно ячменя, такъ какъ онъ не боится холодныхъ и сырыхъ почвъ. Замѣчательно, что пашни обрабатываются здѣсь тщательнѣй, нежели въ Омскѣ, Ишимѣ и Курганѣ, унавоживаются сильно; хлѣбъ здѣсь всегда родится, и хотя его продавать не изъ чего, но для себя у каждаго есть. Ржаного хлѣба здѣсь вѣдятъ мало,

а, такъ называемые, „ярушники“, лепешки изъ ячменной муки. Впрочемъ климатъ въ Пелымѣ, отъ дремучихъ лѣсовъ и влажности почвы, не суровъ. Большихъ холодовъ не бываетъ. Рѣки становятся не ранѣе ноября, вскрываются въ концѣ апрѣля. Осень тянется иногда съ теплыми днями до конца октября, въ концѣ марта уже весенній воздухъ. Всѣ огородные овощи рождаются хорошо, даже огурцы. Но хлѣбопашество и огородничество считается здѣшними крестьянами междулѣемъ. Къ чему въ самомъ дѣлѣ пахать, или думать о капустѣ, когда винтовка можетъ дать однимъ мѣткимъ выстрѣломъ 10 р. с., неводъ нѣсколько пудовъ рыбы, кедрина нѣсколько мѣшковъ орѣховъ? Вотъ почему здѣсь не только крестьяне, но и вогулы, всѣ торговцы. Это очень любопытная особенность Тобольской губернии, нигдѣ не встрѣчаемая въ цѣлой Сибири. Обширный и пустынный край, населенный только 7000 д. об. п. русскихъ и вогуловъ, превращенъ ихъ настойчивой дѣятельностью не только въ огромный базаръ, но и въ замѣчательно цивилизованную и очень избыточную мѣстность. Волшебный жезлъ сосѣдней Ирбитской ярмарки коснулся Пелыма и далъ ему то, чего, конечно, ни туристъ, ни администраторъ никогда не чаяли въ немъ найти:—богатое и очень хорошо живущее населеніе. Съ цѣлаго Пелымскаго края везутъ въ Ирбитъ рыбу, соболей, лисицъ, бѣлку, бобра, медвѣдя, волка, лося, орѣхи, ягоды, рябчиковъ, перо и пухъ. Брусника очень вкусна (кондійская) и есть крестьяне, которые ее сбываютъ въ Тагильскій заводъ Демидова до 500 пудовъ изъ однихъ рукъ. Съ весны всѣ заняты рыбной ловлей, лѣтомъ собираютъ ягоды и обиваютъ орѣхи, зимой охотятся до 6 декабря; въ январѣ, февралѣ и мартѣ (до вскрытія рѣкъ) весь Пелымскій край обращается въ базаръ, на который съѣзжаются купцы и прасолы изъ Тобольска, Тюмени, Верхотурья; являются

спекуляторы даже изъ Казани, для которой они закупаютъ кедровые орѣхи. Въ февралѣ Ирбитъ поглощаетъ все это, а тамъ весна и кругъ тѣхъ же занятій.

Пелымъ, какъ мы видѣли, развалился и годъ отъ году исчезаетъ. Но замѣчательно, что кругомъ Пелыма, даже въ виду его, всѣ окрестныя деревушки прекрасно обстроены. Есть много обширныхъ домовъ, крытыхъ тесомъ, даже начали строить каменные двухъэтажные дома (въ деревнѣ Ереминой). Вогулы щеголяютъ тоже постройками. Есть и инородцы, у которыхъ хорошіе дома, съ чистыми горницами, ковры, часы, ирбитская мебель. Одинъ вогуль выстроилъ для себя на Шаимъ красивую деревянную церковь, снабдивъ ее всѣмъ необходимымъ. Это ему стоило до 2000 р. сер. Но такъ какъ приходъ еще не образовался, то и священника нѣтъ. И вогулы и русскіе одѣваются одинаково, живутъ одинаково, съ тою только разницей, что Русскіе хоть не много, да сѣютъ хлѣба, а вогулы никогда: они все покупаютъ. Торговля тѣмъ что добудутъ въ лѣсу и въ водѣ, — вотъ ихъ исключительное занятіе. Молодое поколѣніе крестьянъ брѣшетъ бороду, начинаетъ носить пальто, картузы. Богатыя крестьянки и жены торговцевъ ходятъ въ сапогахъ съ собольими воротниками. Языкъ здѣсь чисто русскій, безъ всякихъ неправильныхъ удареній. Крестьяне понимаютъ пользу грамотности и охотно учатъ дѣтей, когда представится тому возможность. Прежде была въ Пелымъ приходская школа, но неизвѣстно почему она закрыта.

На Пелымскій край слѣдовало бы правительству обратить вниманіе. Березовъ, Нарымъ, Туруханскъ—двѣ пустыни, которыя всегда такими и останутся. Здѣшній обширный край, населенный умнымъ, честнымъ, трудолюбивымъ и богатымъ русскимъ населеніемъ, представляетъ еще то отрадное и единственное явленіе въ

цѣлой Сибири, что всѣ инородцы, въ немъ живущіе, отъ маля до велика, усвоили себѣ вѣру, языкъ, одежду, образъ жизни, даже обычаи русскіе. Фактъ очень любопытный, что русская цивилизація привилась здѣсь, въ глуши, цѣлому иноплеменному народу, тогда какъ остяки, самоѣды, татары, киргизы, калмыки въ Западной Сибири, тунгусы, буряты, якуты, камчадалы и проч., въ Восточной, изъ которыхъ многіе поставлены географически въ благопріятныя условія мѣстности, и окружены, даже стѣснены русскими, остались дикарями. Въ Пелымскомъ краѣ уже много лѣтъ не было ни одного врача и повивальной бабки, вовсе нѣтъ больницы, аптеки, школы (а здѣсь кромѣ крестьянъ, есть и станица казаковъ). Наконецъ и духовенство его очень отстало отъ духовенства другихъ округовъ губерніи. Двѣ церкви: на Шамѣ и въ Кашмакахъ. общедіемъ прихожанъ выстроенныя, стоятъ безъ священниковъ—штатовъ де не положено⁴. Благочинный, которому слѣдовало-бы жить въ Пелымѣ, какъ центръ края и его гражданской администраціи, (всѣ 7 церквей Пелымскаго края находятся въ стоверстномъ районѣ отъ Пелыма), живетъ за Туринскомъ, т. е. въ 400 верстахъ отъ своего духовенства. Казаки, не имѣя въ своей станицѣ офицера, предоставлены самимъ себѣ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1858 года финляндскій ученый, магистръ Альквистъ, проникъ по слѣдамъ и по картѣ венгерца Рогули (переданной ему Академіей Наукъ) изъ Пелыма, вверхъ по рѣкамъ Пелыму и Кондѣ, въ Кондійское отдѣленіе Березовскаго округа, а оттуда чрезъ Березовъ возвратился въ Тобольскъ. Признавая путь этотъ тоже для насъ удобнымъ, и мы избираемъ его для изученія другой интересной особенности Тобольской губерніи: огромнаго и пустыннаго Березовскаго края, этого пре дверія Сѣвернаго океана, съ устрашающимъ названіемъ котораго соединяется столько

историческихъ страданій... Лодку нашу перевели изъ Тавды въ Целымъ и мы поплыли вверхъ по этой рѣкѣ, на которой тайга еще глуше, пустыня еще безлюднѣе, одиночество еще безотраднѣе.

ГЛАВА VI.

БЕРЕЗОВЪ.

Вогулы, называющіе себя „Мансы“, занимаютъ теперь сѣверную часть Уральскаго хребта, по обѣимъ сторонамъ его, между рѣками Камою, Печерою и Обью, не подвигаясь на сѣверъ выше Усы и не спускаясь къ югу ниже Чусовой. Большая часть ихъ племени живетъ теперь на восточной сторонѣ хребта, въ верховьяхъ большой Сосвы, впадающей въ Обь, а также по рѣкѣ Сыгвѣ, иначе Ляпиной, впадающей въ Сосву уже въ Березовскомъ округѣ. Здѣсь они смѣшались съ остяками, стали извѣстны подъ именемъ сихъ послѣднихъ и отличаются отъ нихъ только языкомъ, называемымъ остяцко-ляпинскимъ нарѣчіемъ. Чердынскіе же вогулы (въ Пермской губерніи) живутъ донинѣ при истокахъ Лозвы, между ею и рѣкою Педель. Кромѣ преданія, сохраненнаго кондинскими остяками (вогулами ляпинскаго нарѣчія) о своемъ происхожденіи отъ Чуди Пермской, есть историческія свидѣтельства, что они въ 15 столѣтіи проникали до рѣки Выми (въ нынѣшнемъ Яренскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи). Сверхъ Сосвенскихъ (Березовскаго округа) вогуловъ, этотъ народецъ разбросанъ то же дробными частями и въ сѣверной части Туринскаго округа, въ верховьяхъ рѣкъ: Туры, Тавды, Лозвы, Пелыма и Конды, раздвѣляясь здѣсь на 7 инород-

ныхъ управъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Пелымскаго и Гаринскаго волостныхъ правленій, потому что у вогуловъ дѣлопроизводства письменнаго въ ихъ паулахъ никакого нѣтъ, а всѣ свѣдѣнія о нихъ сосредоточены въ Пелымѣ и въ Гаряхъ.

Съ половины XV столѣтія, вогулы уже появляются въ нашей исторіи, сперва страшными врагами зырянъ, жившихъ по рѣкѣ Выми и обращенныхъ въ христіанство еще въ XIV столѣтіи св. Стефаномъ, епископомъ Пермскимъ и апостоломъ всей Біарміи. Около 1455 года, при нападеніи на Усть-Вымь (гдѣ уже была тогда епископская кафедра), они захватили четвертаго епископа Пермскаго, св. Питирима и мученически его умертвили. Великій князь Іоаннъ III, покоривъ Новгородъ, обратилъ вниманіе и на племена, жившія по восточную сторону Урала. Въ 1483 году московскіе воеводы, князь Федоръ Бурбскій Черный и Иванъ Салтыковъ-Травинъ ходили, по свидѣтельству лѣтописца, войной на вогуловъ и Югру и на мѣстѣ нынѣшняго Пелыма, при устьѣ рѣки Пелыма, впадающей здѣсь въ Тавду, разбили вогульскаго князя Юшмана. Отсюда московская рать проникла до Югорской земли (нынѣ въ Березовскомъ округѣ). Дикари покорились, послали князя своего въ Москву, обѣщали платить дань. Но, не смотря на эти клятвы, Пелымскіе вогулы, бывшіе, какъ мы видѣли, издавна ужасомъ Пермїи, напали въ 1581 году на Строгоновскіе городки и селенія, жгли, рѣзали и уводили въ плѣнъ. Въ 1582 году они подступили даже подъ городъ Чердынь. Въ 1592 году воевода, князь Петръ Горчаковъ, основавъ Пелымъ, казнилъ Пелымскаго князя Аблегарана съ старшимъ его сыномъ и главными родовичами; семейство же казненнаго отправилъ въ Тобольскъ, къ воеводѣ князю Лобанову-Ростовскому. Одинъ изъ внуковъ Аблегарана, Учетъ, крещенъ въ 1598 году въ Москвѣ и названъ Александромъ. Даже въ началѣ XVII

столбти, Пелымскіе вогулы съ остиками и татарами нѣсколько разъ бунтовались и замыслили, взявъ города Березовъ и Тюмень, истребить всѣхъ русскихъ жителей.

Идолопоклонство Пелымскихъ вогуловъ было схоже съ остяцкимъ. Шаманы имѣли у нихъ большое вліяніе на умы народа. Но что шаманство было вѣрованіе систематическое, это удостовѣряется учеными изслѣдованіями знаменитаго сиолога нашего, монаха Такинѳа Бачурина. Долго вѣрили въ Европѣ, что шаманство—ремесло, основанное на легковѣрїи дикарей; но члены нашей духовной миссіи въ Китаѣ узнали, что уставъ шаманскаго служенія изданъ еще въ 1747 году въ Пекинѣ на манжурскомъ языкѣ и составляетъ религію господствующую при китайскомъ дворѣ. Древніе обряды шаманства, изложенные въ этомъ уставѣ, представляютъ стройную систему, основанную на чисто религіозныхъ вѣрованїяхъ и въ очевидной связи съ астрологіей и семитическими волхвованїями. Главное божество у вогуловъ было „Пума-Торымъ“, невидимый и всемогущій. Ему подчинялись низшія божества. Сверхъ того вогулы, какъ и остяки, боготворили все видимое: ручей, дерево, камень. Золотой идолъ ихъ „Остеръ-Туръ“ стоялъ въ пещерѣ, въ неприступномъ, глухомъ и лѣсистомъ ущельѣ, въ верховьяхъ рѣки Сосвы. Онъ имѣлъ силу умерщвлять и оживлять. Вблизи нынѣшняго Пелыма боготворилась огромная лиственница. Въ 5 верстахъ отъ села Чернавскаго, на Тавдѣ, хранилось священное копые, которымъ закалывали лошадей, приносимыхъ въ жертву идолу. На рѣкѣ Кондѣ, въ глуши непроходимыхъ дебрей, стоялъ главный идолъ всего вогульскаго и остяцкаго народа. Какой онъ имѣлъ видъ, никто этого не зналъ, потому что входъ въ кумирню дозволялся только верховному шаману. Этотъ входъ былъ всегда охраняемъ двумя вооруженными вогулами.

Вогулы увѣряли, что идолъ, требуя жертвы, издавалъ плачь младенца. Вогулы приносили тоже жертвы водянымъ божествамъ, утопя лошадей въ Тавдѣ и Кондѣ. При жертвоприношеніяхъ они пили теплую лошадиную кровь и ѣли жертвенное мясо сырое, завершая свое пиршество мистическими плясками.

Проповѣдь св. Евангелія вогуламъ началась еще съ XV столѣтія. По завоеваніи Пермій, пятый епископъ ея св. Герасимъ, проповѣдывалъ слово Божіе тамошнимъ племенамъ корель, печеръ, югръ и вогуламъ и погибъ мученически у Камскихъ вогуловъ. Послѣ того въ теченіи трехъ столѣтій вогулы оставались безъ распространенія у нихъ христіанства и лишь въ 1714 году, по волѣ императора Петра Великаго, знаменитый Филофей Лещинскій (тогда уже схимникъ Федоръ) митрополитъ Тобольскій и Сибирскій и апостолъ всего сѣвернаго поморья, проникъ въ Пелымъ и началъ проповѣдывать слово Божіе Пелымскимъ вогуламъ. 17 марта, отслуживъ литургію въ Пелымской церкви, онъ окрестилъ 200 вогуловъ съ Лозвы и Конды. Постепенно присоединились къ церкви и остальные вогулы Пелымскаго края. Татары-исламисты, жившіе внизъ по Тавдѣ и около Туринска, намѣревались убить митрополита-схимника, но тронутые его любвеобильнымъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ, тоже крестились въ числѣ 500 душъ. Въ 1715 году ревностный архипастырь проникъ въ глубь Конды. Когда лодка схимника показалась въ виду столпившихся на берегу рѣки вогуловъ, они кричали ему, чтобы онъ удалился и грозили смертью, но то же теплое слово вразумило и ихъ. Кумирни были разрушены, идолы сожжены. Такимъ образомъ съ 1714 по 1722 годъ всѣ вогулы Пелымскаго края окрещены, въ мѣстахъ болѣе доступныхъ построены для нихъ церкви, и вѣра Христова утвердилась на всемъ пространствѣ отъ Туринска до Ляпина. Теперь вогулы всего Пелым-

скаго края кроткіе, мирные, усердные христіане, разумѣется на столько, на сколько хватаетъ на это ихъ разумѣнія. Въ этомъ отношеніи они составляютъ единственное исключеніе изъ всѣхъ инородцевъ въ цѣлой Сибири. Не взирая на ревностные труды миссій, разсѣянныхъ отъ Березова до Камчатки, всѣ сибирскіе дикари: остяки, самоѣды, тунгусы, Саянскіе татары, буряты, камчадалы, въ общности остаются язычниками, и плохо русѣютъ. Вогула же Пелымскаго не отличишь нынѣ отъ русскаго крестьянина: домъ, утварь, одежда, обычай—все русское. Еще языкъ держится, но по-русски всѣ говорятъ, а если не сѣютъ хлѣба, то потому, что мѣстность звѣроловная и рыболовная представляетъ выгоднѣйшее занятіе. Было бы очень полезно дать и имъ (какъ это предположено для инородцевъ Березовскаго округа: остяковъ и самоѣдовъ) здѣсь священниковъ, лекарскихъ учениковъ и приходскихъ учителей изъ ихъ же родичей и учредить для этого (если откроется Пелымское центральное приходское училище, что настоятельно необходимо) особое отдѣленіе вогульское при этомъ училищѣ, а потомъ посылать ихъ для довершенія образованія въ семинарію, въ Омскій военный госпиталь, въ гимназію. Кто лучше родича, духовно, медицински, учебно, можетъ вліять на умы этихъ дѣтей природы? Было бы очень полезно отмѣнить плату ясакомъ, т. е. шкурами соболей, лисенць и бѣлки. Казна назначаетъ нормальную цѣну, но пушнина всегда дороже въ торговлѣ цѣны ясачной. Къ тому же пріемъ ясакъ допускаетъ много безпорядковъ, стѣсненій, злоупотребленій. Наконецъ, всѣ инородцы уже знаютъ употребленіе денегъ, кѣтерыя всюду и здѣсь, и въ Березовѣ, между ними свободно обращаются; платить умѣренную подать съ души девьгами для нихъ проще, неубыточно и легче. Ясакъ былъ послѣдствіемъ необходимости и вѣроятно со временемъ замѣнится денежнымъ взносомъ.

У вогуловъ, какъ и у русскихъ крестьянъ, нѣтъ здѣсь людныхъ селеній, ибо тундра и тайга подступаютъ всюду къ берегамъ рѣкъ и рѣчекъ. Деревушки ихъ почти вездѣ состоятъ изъ пятка, а много что изъ десятка избъ, у достаточныхъ и съ горницами. Вообще вогулы любятъ опрятность (въ чемъ тоже они исключеніе изъ всѣхъ инородцевъ цѣлой Сибири), одѣваются чисто и одинаково съ крестьянами, ведутъ образъ жизни совершенно русской. Съ весны до глубокой осени работаютъ прилежно и усердно, поголовно косить сѣно, ловить рыбу, собираютъ орѣхи и ягоды, охотятся въ лѣсахъ; тогда доступъ въ ихъ паулы не только труденъ, но и невозможенъ. Всюду зыбуны, болота, тундры, дремучіе лѣса. Но пришелъ ноябрь, — сковаль рѣки и мокрины, установилъ санный путь во всѣ стороны, — угрюмый и глухой край оживляется. Сѣзжаются въ Конду — тобольскіе, тюменскіе, туринскіе кушцы, крестьяне съ мукой, холстомъ, сукномъ и прочими деревенскими издѣліями, мѣняютъ все это на пушной товаръ, рыбу, ягоды, орѣхи. До марта, мѣна, торговля и гульба не прекращаются. Къ концу Ирбитской ярмарки Конда пустѣетъ. Вогуль любитъ вино. Это общій порокъ всѣхъ сѣверныхъ дикарей. Но и пьяный, — очень смиренъ. Хотя по закону запрещено ввозить въ ихъ паулы вино, но у насъ, какъ и вездѣ „законъ часто говоритъ одно, а дѣлается совсѣмъ другое.“ Такъ и съ виномъ... Кромѣ того вогулы сами дѣлаютъ сидку хлѣбному вину и откупъ надъ этимъ совершенно безсиленъ. Доступъ въ ихъ землю труденъ, лѣса дремучіе, пространства страшныя, кому придетъ охота прекращать корчемство въ такой мѣстности? Племенныхъ пѣсенъ и у нихъ, какъ и у остяковъ, вовсе нѣтъ, а на все видимое импровизируется — „иду по Кондѣ въ лодкѣ, плыветъ лебедь, красивая птица,“ или „иду по тайгѣ, дремучая тайга, соболь скачетъ съ вѣтки на вѣтку, подстрѣлю его, про-

дамъ купцу, напьюсь вина въ Пельымъ“. Эти импровизаціи распѣваются подѣ звуки „домбры“, родѣ гуслей съ натянутыми мѣдными струнами отъ 3 до 5 и болѣе. Вогулы средняго роста, довольно плотны, но нестройны, широкоплечи, голова у нихъ большая съ приплюснутымъ черепомъ, волосы черные и жесткіе, глаза черные же узкіе, лицо широкое и скулистое, цвѣтъ кожи смуглый. Старики, хотя уже и рѣдко, заплетають до сихъ поръ косу, какъ китайцы и наши буряты. Мѣстами есть бѣлыя и красивыя семейства, вѣроятно отъ примѣси русской крови. Женщины и дѣвки одѣваются какъ и русскія крестьянки, но не ткуть холстовъ и суконъ, вымѣнивая все лишнее на рыбу, орѣхи и ягоды. Вогулу житье лучше русскаго мужика. Живеть онъ далеко отъ всѣхъ почтовыхъ путей, правительство доставляетъ ему по казенной цѣнѣ хлѣбъ, порохъ, свинець; самаго тяжкаго труда полеваго онъ не знаетъ, отъ рекрутства свободенъ. Всю зиму торгуетъ и гуляетъ. Преступленій между ними сроду не слыхано, кражъ тоже. Вообще они живутъ мирно, сыто и счастливо.

Съ невѣроятными затрудненіями, гдѣ на лодкѣ, а гдѣ и пѣшкомъ, по тайгѣ и болотамъ (чтобы пройти по нимъ, подвязываютъ подѣ ноги дранички, иначе пройти невозможно), достигли мы путемъ Регули и Альквиста до сельца Ляпинскаго на рѣкѣ Сыгвѣ (Ляпинѣ), впадающей съ лѣвой стороны въ Сосву. Здѣсь уже Кондійское отдѣленіе Березовскаго округа и отсюда до Березова только 300 верстъ хорошаго воднаго пути внизъ по Сосвѣ. Это сельцо стоитъ въ 27 верстахъ отъ впаденія рѣки Сыгвы въ широкую Сосву. Въ древности былъ тутъ вогульскій городокъ, славившійся своей мѣновой торговлей. Ляпинская волость—инородческаая. Въ ней считается по 10-й народной переписи: остяковъ 682, а самоѣдовъ 74.

Березовскій округъ самый сѣверный, самый обшир-

ный и самый малолюдный изъ всѣхъ округовъ Западной Сибири—граничитъ: на сѣверъ—съ Ледовитымъ океаномъ, на востокъ—съ Енисейской и Томской губерніями, на западъ—съ Уральскимъ хребтомъ, т. е. съ Архангельской, Вологодской и Пермской губерніями, а на югъ—съ Туринскимъ, Тобольскимъ и Тарскимъ округами своей губерніи. Географически онъ простирается между 58° 40' и 70° и 15° сѣв. широт. и между 75° и 97° восточ. долгот., по вычисленію Уральской экспедиціи. Площадь его заключаетъ въ себѣ громадное пространство, т. е. 932,650 квад. верст.,— $\frac{2}{3}$ всей Тобольской губерніи, а населенія по 10-й народной переписи только 26,211 ж. об. п. Вотъ любопытное исчисленіе, по самымъ новѣйшимъ даннымъ, показывающее, что это за страшная пустыня.

Русскихъ обществъ	4
Инородческихъ волостей	19
Русскихъ сель	17
Русскихъ деревень	6
Въ нихъ домовъ	502
Остяцкихъ деревень	548
Въ нихъ юргъ	3049
Самовѣдскихъ чумовъ	1004
Русскихъ жителей	871 рев. душ.
Самовѣдовъ и остяковъ	11,993 ясач. душъ

Округъ представляетъ почти вездѣ равнину и чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ съ значительнѣйшимъ пониженіемъ. Можно сказать, что это ничто иное, какъ громадный скатъ къ Сѣверному океану; однако берега Океана утесисты и гористы тамъ, гдѣ Уральскій хребетъ омываетъ свое подножіе въ оледенѣлыхъ волнахъ и становится какъ бы гранью міру жизни и творчеству.

Горная цѣпь Урала, отдѣляющая Европу отъ Азіи, идетъ здѣсь въ видѣ параллельныхъ, высокихъ, каменныхъ хребтовъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго отъ 5

до 12 верстѣ. Эти стѣны, воздвигнутыя самой природой, прорѣзываются рѣками, протекающими въ глубокихъ и довольно широкихъ лѣсистыхъ долинахъ, раздѣляющихъ горы. Даже самыя отроги этихъ частныхъ хребтовъ, представляютъ то же меридіанное направленіе, какъ бы въ особыхъ кряжахъ. Ширина всего Урала простирается отъ 35 до 50 верстѣ. Пики его обнажены, мѣстами скалисты, покрыты обломками камней, удобопроходимыми розсыпями и лишены почти всякой растительности, кромѣ исландскаго моха. Конусообразныя вершины этихъ горъ достигаютъ до 3000 футовъ надъ уровнемъ океана. Лощины и стоки рѣкъ широки и мокры, мѣстами же обрывисты и составляютъ глубокія ущелья, занесенныя снѣгомъ и залитыя водою небольшихъ озеръ. Снѣгъ почти всегда остается круглый годъ въ ущельяхъ, но въ иные годы таетъ отъ проливныхъ дождей. Горныя долины покрыты большею частью лѣсомъ, который поднимается даже довольно высоко по крутымъ каменнымъ скатамъ хребтовъ. Лѣса эти преимущественно хвойныя: ель, пихта, лиственница, кедръ; сосна попадается рѣдко. Кое-гдѣ по болотамъ растетъ береза и ива. Мѣстами растительность достигаетъ даже самыхъ пиковъ въ видѣ преземистыхъ елокъ и пихточекъ. Линія водораздѣла во многихъ мѣстахъ покрыта густымъ лѣсомъ, особенно при прохожденіи понижающимися сопками. Многочисленныя поперечныя долины, перерѣзывающія Уралъ, образовали кой-гдѣ удобныя сквозь него проходы, посредствомъ которыхъ кочующія племена этихъ пустынь сообщаются между собою, перегоняютъ стада оленей и проходятъ зимой цѣлыми караванами для торговли. Такъ Архангельскіе зыряне приходятъ ежегодно въ Обдорскъ. Около 63° сѣв. шир. находится самая высокая и дикая часть Урала. Далѣе въ Ледовитому океану она принимаетъ до 66° с. ш. главное направленіе на сѣверо-востокъ, но становится

гораздо уже и ниже, не измѣняя однако общаго характера мѣстности и мѣстами выдвигая высокія отдѣльные сопки и кряжи. Отъ 66° с. ш. Уралъ идетъ къ сѣверо-востоку же, довольно высокой и скалистой цѣпью, гдѣ проходъ становится невозможенъ и горы обнажены отъ всякой растительности. На самомъ сѣверномъ Уралѣ, подъ 66°, 42' с. ш. находится высочайшая послѣ Толпоса гора „Пай-Яръ“ „камень-хозяинъ“, имѣющая до 3500 фут. надъ уровнемъ океана. Не доходя 40 верстъ до моря, Уралъ оканчивается хребтомъ „Мина Сей“ или, точнѣе сказать, тремя хребтами: „Арко-Пай“, „Мина-Сей“ и третьимъ самымъ сѣвернымъ подъ 68°, 29' 4" с. ш. и 83°, 37', 5" вост. долг., называемымъ „Константиновскимъ камнемъ.“ Оконечность его „Олений мысъ“ уже омывается Ледовитымъ океаномъ. Въ ясную погоду Уралъ представляетъ чудныя явленія отраженій солнечныхъ лучей на его льдистыхъ вершинахъ. Весной горныя долины служатъ для пастбища оленей, которые сгоняются сюда со всей приморской тундры и остаются тутъ до поздней осени.

Обь—питательница Березовскаго края. Она входитъ въ него подъ 39. с. ш. и 97° в. д. изъ Нарымскаго отдѣленія Томскаго округа и течетъ, направляясь на сѣверо-западъ. Принявъ рѣку Вахъ, Обь устремляется прямо на западъ, и протекши 380 верстъ, соединится съ Иртышемъ, на сѣверной границѣ Тобольскаго округа. Отсюда поворачиваетъ она круто на сѣверъ и на пространствѣ еще 1000 верстъ, впадаетъ въ Обскую губу Ледовитаго океана. Вся длина ея теченія по Тобольской губерніи до 2000 верстъ, ширина русла отъ 450 сажень до 2 верстъ, а гдѣ раздѣляется на протоки, тамъ отъ берега до берега бываетъ и до 40 верстъ. Глубина ея отъ 7 до 10 саженей. Впадая въ Обскую губу двумя главными рукавами: Хаманельскимъ и Нарымскимъ, она раздвигается здѣсь на 60 верстъ. Кругомъ уже безжиз-

ненная тундра, вѣчные льды, вѣчные туманы.. Это царство смерти.

Городъ Березовъ раскинутъ на трехъ холмахъ лѣваго берега рѣки Сосвы, которая въ 20 верстахъ ниже его впадаетъ въ одинъ изъ протоковъ Оби, а на сѣверной сторонѣ города, протекаетъ рѣчка Вогулка. Кругомъ дремучій лѣсъ. Лѣтомъ Березовъ картиненъ, представляясь какъ бы утопающимъ въ зелени. Нынѣ въ немъ 2 каменныхъ церкви, 170 домовъ, 1.335 ж. о. п.; изъ нихъ окладныхъ мѣщанъ только 181 р. д. и 35 ремесленниковъ; уѣздное и приходское училища, градская больница, соляные и хлѣбные запасные магазины. Березовъ нельзя назвать пустыней, какъ это воображаютъ въ Россіи. Въ немъ много служащихъ чиновниковъ, есть врачи, купцы, духовенство. При уѣздномъ училищѣ хорошая библіотека изъ 1200 томовъ, большею частью новѣйшихъ сочиненій. Выписываются русскія газеты и журналы. Купцы, мѣщане и казаки этого гиперборейскаго городка производятъ значительную, по мѣстности, мѣвовую съ инородцами торговлю, весь оборотъ которой простирается до 100,000 руб. сер. Рыбы, пушнаго звѣря, орѣховъ, ягодъ, дичи—здѣсь обиліе. Хлѣбъ не дорогъ, не свыше 50 к. сер. пудъ. Мясо, конечно, дорого: оно привозится зимой, гужемъ, изъ Тобольскаго округа; но изобиліе дичи, рыбы и оленины замѣняетъ недостатокъ мяса. Зима наступаетъ здѣсь съ конца сентября. Въ первыхъ числахъ октябрю становятся вѣтры. Съ ноября до марта сильные морозы, доходящіе до 45° по Реомюру. Ртуть сжимается, стоградусный спиртъ густѣетъ, птицы падаютъ мертвыми, стѣны домовъ издаютъ трескъ, стекла въ окнахъ лопаются, ледъ и земля даютъ глубокія трещины. Но природа дала здѣсь обиліе мѣховъ и горючаго матеріала, и климатъ не вредитъ русскимъ жителямъ. Зимой ночи бываютъ ясныя, звѣзды горятъ ярко, сѣверныя сіянія чисты. Въ декаб-

рѣ. январѣ и февралѣ дневной свѣтъ почти не существуетъ. Въ самый полдень солнце восходитъ не выше какъ на 4°, 15' надъ горизонтомъ и блѣдные лучи его падаютъ косвенно. Безмолвіе пустыни царствуетъ тогда въ полутемномъ городкѣ и взору представляются лишь необозримыя равнины снѣга. Въ это время видъ Березова соотвѣтствуетъ понятіямъ нашимъ о крайнихъ жилищахъ человѣка на сѣверѣ. Только хвойныя деревья: кедръ, ель и сосна, по высокому росту и зелени, оживляютъ нѣсколько угрюмую картину здѣшней зимы...

Въ Березовѣ до 1808 года была крѣпость съ рубленой стѣной, башнями, рвомъ и валомъ, а остяки и самоѣды долго отстаивали свою независимость. Въ 1607 году воевода, князь Петръ Черкасскій, отбилъ многочисленныя скопища вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, подступавшихъ къ городу и повѣсилъ 30 старшинъ. Въ 1665 году воевода Алексѣй Давыдовъ отбилъ ихъ тоже съ помощію не только казаковъ и горожанъ, но и женщинъ, которыя съ крѣпостныхъ воротъ и изъ оконъ въ башняхъ, обливали дикарей кипяткомъ. При этомъ онъ тоже повѣсилъ 20 князьцовъ и старшинъ. Въ 1767 году, почти сто лѣтъ спустя, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, возмущившіеся самоѣды напали опять на Березовъ, но опять такіе мужчины и женщины поголовно отразили врага, за что женщины были щедро награждены императрицей Екатериной. Даже недавно, въ 1851 и 1856 годахъ, самоѣдъ Ваули Пьетоминъ и его сообщники пытались возмутить кочующія племена Березовскаго края, но были схвачены и наказаны. Вообще надо сказать правду—не смотря на заботливость бывшаго генераль-губернатора Гасфорда о возможно лучшемъ устройствѣ Березовскаго края—отдаленность его отъ центра власти въ Омскѣ, отъ губернскаго надзора въ Тобольскѣ, трудность сообщеній, все еще не могутъ положить конца мѣстнымъ беспорядкамъ...

Сверхъ сего, управленіе въ этомъ округѣ вовсе не соразмѣрно съ числомъ населенія. Здѣсь нѣтъ и 30,000 ж. о. п., а между тѣмъ чиновниковъ столько же какъ и въ Ишимѣ съ его 200,000 населеніемъ; Общее Окружное Управление, Окружный Судъ, Градская Полиція, Земскій Судъ, Окружное Казначейство и всѣ прочія части, какія только есть въ многолюдныхъ округахъ губерніи. Отъ множества администрацій разнаго рода происходитъ, конечно, и несоразмѣрное съ цифрой населенія дѣлопроизводство; а извѣстно, что вездѣ дѣлопроизводство не обходится безъ тяжелыхъ расходовъ для мало понимающихъ законы дикарей. Возьмемъ, какъ разительное доказательство, Пелымскій край. Въ немъ по 10-й народной переписи, всего 976 рев. душ. вогуловъ, но они раздроблены на 7 инородныхъ управъ, изъ которыхъ по каждой идетъ особое дѣлопроизводство, каждая имѣетъ голову и прочія сельскія власти. Такъ какъ всѣ эти власти ровно ничего не понимаютъ, то всѣ дѣла производятся волостными писарями Пелымской и Гаринской волостей которые и берутъ за это большія деньги, а иначе нельзя, ибо этимъ фиктивнымъ управамъ, существующимъ только на бумагѣ, пишутъ грозные указы и предписанія всѣ инстанціи и, разумѣется, что они все это читаютъ, понимаютъ и отписываются. Не ближе ли было бы соединить этотъ крошечный народецъ въ одну управу, съ головой и управнымъ писаремъ, въ удобномъ для того центрѣ ихъ населенія? Когда Вогульскій Голова является въ Пелымъ, онъ не можетъ устоять предъ обольщеніями откупа и оставляетъ въ кабакъ все, что только можно. Тоже самое отчасти еще случается и у Березовскихъ инородцевъ. Какъ ни старалось правительство и даже лично генералъ Гасфордъ, самъ въ январь 1853 года объѣхавшій Березовскій край, но ни они, ни военно-окружной начальникъ, при всей его доброй волѣ, не могли совершенно отмѣнить это неудобство. По-

лезно было бы дать и Березовскому и Пелымскому краю съ нимъ смежному, какое-нибудь очень простое устройство, соединивъ, на примѣръ, въ канцеляріи окружнаго начальника управленіе городомъ, судную часть, земскую часть, казначейскую и стряпческую, уменьшивъ число инородныхъ управъ и соединивъ тоже въ одну волость отдѣльныя общества Березовскаго края; и въ одну же волость—обѣ волости Пелымскаго края, которыя, будучи только въ 60 верстахъ одна отъ другой и при томъ при хорошей колесной дорогѣ и заключая въ сложности только 2,301 р. д., совершенно напрасно обременены содержаніемъ двухъ волостныхъ правленій. Подъ ближайшимъ же наблюденіемъ, руководствомъ и начальствомъ окружнаго начальника, —имѣть только комиссаровъ въ Обдорскъ, Сургутъ, Кондійскъ, да помощника для управленія крошечнымъ Березовымъ. Такимъ образомъ изъ всего нынѣшняго громаднаго управленія осталось бы человекъ 7 чиновниковъ, дѣлопроизводство сократилось бы и „кормежей“ было бы меньше. Въ Пелымъ же было бы очень полезно назначить (какъ это уже сдѣлано графомъ Муравьевымъ, для подобныхъ же мѣстностей Забайкалья: въ Баргузинѣ, въ Балазанскѣ и проч.) особаго исправника, съ самой простенькой канцеляріей и самостоятельно зависящаго уже не отъ Туринскаго Земскаго Суда, а прямо отъ губернскихъ учреждений. Въ Восточной Сибири это уже значительно облегчило и отдаленные края, подобные Пелыму, и дѣлопроизводство. Также точно много облегчить оно то и другое здѣсь...

Но перейдемъ теперь къ великимъ историческимъ страданіямъ, которыхъ нѣкогда былъ свидѣтелемъ этотъ пустынный Березовъ и расскажем объ нихъ съ тою подробностью и правдивостью, которыя нынѣ уже возможны потомству.

Свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Менши-

ковъ прибылъ въ заточеніе въ Березовъ 17 декабря 1727 года. Съ нимъ были—сынъ Александръ и дочери: Марія (обрученная невѣста императора Петра II) и Александра. Княгиня Дарья Михайловна умерла въ дороге, близъ Казани, въ деревнѣ Уссонъ въ 1727 году, „ослѣпивъ отъ слезъ“ еще до кончины. Надгробный ея камень до сихъ поръ виденъ подлѣ Уссонской церкви. При Меншиковыхъ состоялъ караулъ изъ 1 офицера и 15 солдатъ. Ихъ посадили въ острогъ, выстроенный въ 1724 году, незадолго предъ смертью Петра Великаго, для содержанія въ немъ государственныхъ преступниковъ. Острогъ этотъ существовалъ до 1790 года. Слѣды свай и фундамента его видны и теперѣ. Онъ стоялъ въ 20 саженьяхъ на западъ отъ нынѣшней каменной Богородице-Рождественской церкви и былъ обнесенъ тыномъ изъ толстыхъ стоячихъ бревенъ. Внутри большаго двора находилось невысокое, длинное, деревянное зданіе, съ закругленными вверху окнами. Оно оставалось отъ упраздненнаго въ 1723 году Березовскаго мужскаго Воскресенскаго монастыря, котораго монахи были тогда же переведены въ Кондійскій монастырь. Церковь же монастырская, тоже деревянная, сгорѣла еще въ 1719 году. Въ этомъ острогѣ послѣ князей Меншиковыхъ содержались князья Долгоруковы, а потомъ графъ Остерманъ. Впослѣдствіи острогъ этотъ былъ заброшенъ, но въ 1790 году, его снесли на другое мѣсто и сдѣлали въ немъ присутственныя мѣста. Наконецъ въ большой березовскій пожаръ 1806 года, онъ сгорѣлъ до основанія и тѣмъ кончилась странная судьба его, постепенно: монастыря, государственной тюрьмы, присутственныхъ мѣстъ. Но еще чуднѣе была коловратная судьба пострадавшихъ въ немъ.

Ученикъ и сподвижникъ Саардамскаго плотника, князь Меншиковъ не остался празднымъ и въ Березовѣ. Онъ соорудилъ своимъ иждивеніемъ и личнымъ участіемъ

въ работахъ, деревянную церковь Рождества Богородицы, съ придѣломъ Или Пророка, подлѣ острога, въ которомъ содержался съ семействомъ. Въ эту церковь ходилъ онъ ежедневно съ дѣтьми молиться. Длѣтомъ, выходя изъ острога ранѣе начала служенія, онъ садился въ бесѣдкѣ, имъ же самимъ построенной, на крутомъ берегу Сосвы и разговаривалъ тутъ съ подходившими къ нему жителями о суетѣ міра и другихъ религіозныхъ предметахъ. (Все это взято изъ мѣстныхъ преданій). Онъ отпустилъ себѣ бороду, носилъ простой халатъ и теплую шапочку. Въ свою церковь, въ приходскую Спасскую и въ Одіитріевскій городской соборъ пожертвовалъ онъ много дорогихъ иконъ, украшенныхъ жемчугомъ, священническихъ облаченій и церковной утвари. Онъ скончался 2 ноября 1729 года и похороненъ близъ алтаря своей церкви. Надъ могилой его была устроена часовня, въ которую дѣти князя приходили ежедневно молиться о успокоеніи души родителя. Впослѣдствіи Меншиковы устроили при своей церкви богадѣльню. Сосва, подмывая и обрывая берегъ въ этомъ мѣстѣ, давно уже сгладила и самый слѣдъ приснопамятной могилы свѣтлѣйшаго князя священной Римской имперіи, генералиссимуса, изъ ничтожества на неслыханную дотоль степенъ восшедшаго, а съ высоты величія въ ничтожество же снова низверженнаго! Послѣ смерти отца дѣтямъ было дозволено жить внѣ острога, въ своемъ собственномъ домѣ. Они могли ходить по городу, но караулъ за ними не отменялъ и имъ запрещено имѣть съ кѣмъ бы то ни было переписку. На содержаніе имъ отпускалось по 2 рубля въ день, деньги очень значительныя въ тогдашнее время. Въ промежутокъ между смертью отца и возвращеніемъ дѣтей, княжна Марія Александровна (обрученная невѣста императора Петра II), тоже по мѣстному преданію, до сихъ поръ сохранившемуся въ Березовѣ, бы-

ла тайно обвинена съ княземъ Федоромъ Долгоруковымъ, который доставши паспортъ за границу и пробравшись въ Березовъ подъ чужимъ именемъ, хотѣлъ попытаться увезти Меньшиковыхъ. Но судьба рѣшила иначе. Покуда дѣло это тянулось, княгиня Долгорукова скончалась отъ родовъ близнецами и похоронена близь Спасской приходской церкви, а вскорѣ умеръ „съ горя“ и князь Федоръ Долгоруковъ. Въ 1731 году дѣти Меньшикова: князь Александръ и княжна Александра, возвращены изъ Березова, и по прибытіи въ Москву, гдѣ находилась тогда императрица Анна Іоанновна, представлены ей въ „изгнаниническомъ платьѣ“ графомъ Левенвальдомъ. Князь Александръ Александровичъ пожалованъ былъ тогда же поручикомъ Преображенскаго полка, а княжна Александра Александровна фрейлиной, и въ 1732 году выдана замужъ за Густава Бирона, брата герцога Бирона Курляндскаго. Въ 1825 году Тобольскій губернаторъ Бантышъ-Каменскій, извѣстный въ русской литературѣ біографіями русскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ и словаремъ достопамятныхъ людей Русской земли, желая дознаться, гдѣ лежитъ знаменитый любимецъ Петра Великаго, приказалъ Березовскому городничему Андрееву удостовѣриться въ этомъ тщательными изысканіями. Но такъ какъ ни Рождественской церкви, построенной княземъ Меньшиковымъ, ни могилы его тогда уже не было (потому что церковь эта съ богадельней и часовней Меньшиковыхъ сгорѣла въ большой березовскій пожаръ 20 февраля 1764 года, а Сосва подмыла и снесла всю эту часть берега), то по мѣстнымъ преданіямъ о томъ, что кто-то изъ семейства князя Меньшикова похороненъ у приходской Спасской церкви и по личнымъ указаніямъ престарѣлаго казака Шахова, отрыли 30 іюня 1825 года могилу княгини Маріи Александровны Долгоруковой. Дѣйствительно въ этой могилѣ докопались сперва до

двухъ младенческихъ гробочковъ и раскрывъ ихъ, увидали косточки и два шелковыхъ головныхъ вѣнчика. Младенцы были покрыты зеленымъ атласомъ. Гробочки ихъ стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ въ видѣ колоды изъ цѣльнаго кедра. Гробъ этотъ, длиною 3 аршина, былъ, какъ и гробочки младенцевъ, обитъ внутри алымъ сукномъ. На крышѣ длинный крестъ изъ серебрянаго позумента. По снятіи крыши, оказалось сверхъ покойника на вершокъ льду. Подо льдомъ нашли сложенное вдвое покрывало изъ зеленого же атласа. Но такъ какъ края его были подложены со всѣхъ сторонъ подъ тѣло, то средину разрѣзали и мертвецъ явился совершенно свѣжий: лице бѣлое и нѣжное съ синеватостью, зубы всѣ сохранившіеся, на головѣ шапочка изъ шелковой алой матеріи, подвязанная подъ подбородкомъ широкой лентой, на лбу шелковый вѣничикъ. Княгиня лежала въ плафорѣ изъ шелковой матеріи красноватаго цвѣта, на ногахъ были башмаки изъ шелковой же махровой матеріи съ высокими каблуками. Пролежавши болѣе сутокъ, въ жаркій лѣтній день на воздухѣ, открытое тѣло почернѣло и начало разрушаться. Какая жестокая игра своенравной судьбы! Думала ли обрученная невѣста императора Петра II, среди обаяній юности, красоты, блеска дворцоваго, съ алмазной короной русскихъ императрицъ на юномъ челѣ, что ей суждено лечь въ ледяную могилу въ дальней и дикой Сибири, что даже и въ этой могилѣ скорбный прахъ ея не найдетъ себѣ успокоенія!..

Но съ смертію князя Меншикова и съ переходомъ дѣтей его въ свой собственный домъ, достопамятный острогъ Березовскій недолго оставался безъ жильцовъ. Въ 1730, году при воцареніи императрицы Анны, прислано было въ Березовъ все семейство князей Долгоруковыхъ, свергшихъ Меншикова, бывшихъ всемогущими въ послѣднее время царствованія императора Пе-

тра II и въ свою очередь сверженныхъ новымъ государственнымъ переворотомъ. Семейство это состояло изъ князя Алексѣя Григорьевича и супруги его, княгини Прасковьи Юрьевны, дѣтей ихъ князя Ивана Алексѣевича (любимца Петра II) и супруги его Натальи Борисовны (дочери знаменитаго генераль-фельдмаршала, графа Бориса Петровича Шереметева) князей Николая, Александра и Алексѣя, княженъ Елены, Анны и Екатерины (второй обрученной невѣсты императора), красавицы, какъ и княжна Марія Меньшикова, но менѣе злополучной потому что она дожила до счастливыхъ дней и до мирной кончины въ родной Москвѣ! Всѣ они были заключены въ тотъ самый острогъ, въ которомъ томились до нихъ князь Меньшиковъ и его семейство...

Жестоки были страданія и этихъ жертвъ властолюбія и дворцовыхъ переворотовъ; жестоки тѣмъ болѣе, что уже надъ судьбой ихъ тяготѣлъ не мгновенный гнѣвъ юнаго императора, добраго душой, по сказанію современниковъ, а злоба тирана Россіи, Бирона, десять лѣтъ терзавшаго народъ русскій. Началось съ того, что престарѣлый князь Алексѣй Григорьевичъ, удрученный годами, горестью и суровымъ климатомъ, скончался въ 1734 году, а вскорѣ и княгиня Прасковья Юрьевна. Дѣти похоронили родителей близъ Рождественской церкви Меньшиковыхъ, въ 7 сажняхъ на сѣверо-западъ отъ крыльца нынѣшней каменной, а въ 10 отъ буерака. Надъ могилой соорудили они часовню, которая сгорѣла впоследствии въ большой пожаръ 20 февраля 1764 года. Но такъ какъ на этомъ мѣстѣ Сосва не роетъ берега, то обуглившіяся и обгорѣлыя окладныя бревна этой часовни, нынѣ уже поросшія густымъ дерномъ, сохранились до нашего времени...

Долгоруковыхъ держали въ Березовѣ строже, нежели Меньшиковыхъ. И не удивительно. Тиранія не дремлетъ. Такъ княжну Елену Алексѣевну, во время утрени

21 мая 1738 года (въ день ея ангела, особо, по просьбѣ ея слушанной ею), окружали въ церкви вооруженный капраль и два солдата. За несвоевременное же служеніе этой утрени, протопопъ Авдей Михайловъ сосланъ въ пустынный Илинскъ (нынѣшней Иркутской губерніи). Но доселѣ это были только отеческія кары Бирона... Когда же въ началѣ этого самаго года (послѣ осьмилѣтняго заточенія Долгоруковыхъ въ Березовскомъ острогѣ) подъячій Тишинъ донесъ на нихъ, о нескромныхъ будтобы рѣчахъ, говоренныхъ ими про императрицу Анну и герцога Курляндскаго, то въ концѣ мая мѣсяца явился въ Березовъ гвардіи капитанъ Ушаковъ, подъ предлогомъ навѣстить изгнанниковъ, а въ сущности, чтобы собрать подтвердительныя улики о ихъ нескромности и о преданныхъ имъ людяхъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Ушакова, князь Иванъ Алексѣевичъ былъ разлученъ съ женою и родными, и заключенъ въ особую тюрьму, или, точнѣе сказать, особую землянку, гдѣ ему давали грубой пищи на столько, чтобы онъ не умеръ отъ голода. Княгиня Наталья Борисовна выплакала у караульнаго маіора Петрова дозволеніе видѣться тайно ночью съ узникомъ съвозъ оконце и сама носила ему пищу... Въ сентябрѣ, въ темную и дождливую ночь подплыло тайно къ Березову судно. На него вызвали, въ глубокой тишинѣ, князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, караульнаго маіора Петрова, Березовскихъ священниковъ, Илью Прохорова, Федора Кузнецова, Андрея, Тимофея и Артемія Васильевыхъ, дьякона Федора Кокоулина и нѣкоторыхъ жителей приверженныхъ къ Долгоруковымъ, всего 31 человекъ. Черезъ два часа судно отплыло отъ Березова. Когда же этихъ несчастныхъ привели въ Tobольскъ въ судъ, они увидѣли предъ собой того же гвардіи капитана Ушакова и чѣмъ? Ихъ судьей. Рѣшеніе не замедлило. Не взирая на личное предстательство митрополита Сибирскаго, Антонія Ста-

ховскаго, были наказаны: священникъ Кузнецовъ кнутомъ, съ вырваніемъ поздрей, а священники Прохоровъ и трое Васильевыхъ,—плетьми, равно и дьяконъ Кокоулинъ, и сосланы: Кузнецовъ съ лишеніемъ сана, а остальные пятеро безъ лишенія сана въ каторжную работу въ Охотскъ. Изъ несчастныхъ Долгоруковыхъ князь Алексѣй сосланъ въ Камчатку матросомъ, князя Николай и Александръ наказаны кнутомъ съ урѣзаніемъ имъ языковъ и сосланы въ каторжную работу, первый въ Охотскъ, а второй въ Камчатку. Княжны Елена, Анна и Екатерина разосланы въ заточеніе въ дальніе монастыри. Наконецъ, князь Иванъ Алексѣевичъ (любимецъ императора Петра II) отправленъ изъ Тобольска въ Новгородъ и послѣ мучительныхъ пытокъ, колесованъ съ отсѣченіемъ головы подъ Новгородомъ, въ 1739 году (указъ Правительствующаго сената, отъ 12 ноября 1739 года). Объ остальныхъ жертвахъ извѣстно только, что „ни одинъ изъ нихъ не возвратился“.

Несчастное семейство князей Долгоруковыхъ возвращено при водареніи императрицы Елисаветы, въ 1741 году. Княгиня Наталья Борисовна (супруга казненнаго князя Ивана Алексѣевича) возвращена тоже изъ Березова, съ двумя малютками Михаиломъ и Димитріемъ, но разочарованная въ счастіи міра сего (и какое ужасное разочарованіе!) она приняла схиму съ именемъ Нектаріи и скончалась въ Кіевскомъ Флоровскомъ монастырѣ 3 іюля 1771 года. Княжна Екатерина (обрученная невѣста императора Петра II) вышла замужъ въ 1745 году за графа Александра Романовича Брюса, а княжна Елена за родственника своего князя Юрія Юрьевича Долгорукова. Княжна Анна осталась въ двѣцахъ. Князя Николай, Александръ и Алексѣй возвращены тоже, равно какъ и Березовскіе священники и дьяконъ. Княжны Долгоруковы, сострадая симъ несчастнымъ, звали ихъ къ себѣ на житье въ Москву и св.

Синодъ на это согласился, но изувѣченные священнослужители отказались и пожелали дожить вѣкъ свой въ Березовѣ. Только Обдорскій священникъ и дьяконъ (тоже изъ-за Долгоруковыхъ жестоко истязанные и сосланные), по приглашенію княжны Елены Алексѣевны, переведены къ ней въ Москву къ домовою церкви, выстроенной ею во имя Всемилоствѣйшаго Спаса. Князья Меншиковы и князья Долгоруковы оставили много прикладовъ къ церквамъ Березовскимъ, но большая часть ихъ приложений сгорѣла въ пожаръ 1764 года. Сохранились донынѣ только двѣ священническихъ ризы, съ звѣздами ордена св. апостола Андрея Первозваннаго на оплечьяхъ, да нѣсколько богослужебныхъ книгъ. На одной изъ нихъ начертано: „1764 года, сентября 1 дня, эту книгу дала вкладу въ церковь Всемилоствѣйшаго Спаса, что въ Сибири, въ Березовскомъ острогѣ, на помпнове-ніе своихъ родителей, преставившихся тамо, княгиня Елена, князя Алексѣева дочь. Долгорукова“ И такъ княгиня Елена Алексѣевна жила еще въ царствованіе императрицы Екaterины II, ровно четверть вѣка послѣ кровавыхъ событій 1739 года. Въ этой же Спасской церкви, хранится и теперь еще золотой медальонъ, осыпанный жемчугомъ, съ прядью тонкихъ, свѣтлорусыхъ волосъ, за стекломъ. По преданію это волосы несчастной княгини Марьи Александровны Долгоруковой, урожденной княжны Меншиковой, обрученной невѣсты императора Петра II...

Березовскій острогъ, съ возвращеніемъ Меншиковыхъ и Долгоруковыхъ, не покончилъ еще своихъ расчетовъ съ земными величіями. Въ 1743 году привезли въ заточеніе въ Березовъ государственнаго канцлера графа Андрея Ивановича Остермана, министра хитраго и пронырливаго, одного изъ умнѣйшихъ дипломатовъ своего времени, пользовавшагося нѣкогда неограниченнымъ довѣріемъ Петра Великаго. Онъ былъ увлеченъ въ паденіе фельдмаршала Мнниха. Остермана сопровождала

супруга его, графиня Марфа Ивановна. Старикъ, измученный многолѣтнимъ государственнымъ поприщемъ, страдалъ кромѣ того жестокой подагрой, ходилъ въ бархатныхъ сапогахъ и съ костьюлемъ. Онъ скончался въ 1747 году и похороненъ прямо противъ острога, въ 22 саженихъ отъ церкви, на сѣверо-западъ. Но его не оставила судьба въ покоѣ за предѣлами земной жизни. 2 юля 1848 года начальникъ Уральской ученой экспедиціи, генераль-маіоръ Гофманъ, желая изслѣдовать на сколько промерзаетъ земля въ Березовѣ, разрылъ нечаянно давно уже забытую могилу графа Остермана. Его нашли въ дубовомъ гробу, обитомъ внутри бѣлой изъ-красна тафтой, а снаружи шелковой матеріей кофейнаго цвѣта, съ золотымъ по краямъ позументомъ. Теперь надъ этой могилой сооруженъ памятникъ. Графиня Марфа Ивановна возвращена изъ Березова въ Москву въ сентябрѣ 1747 года, и умерла въ глубокой старости. Родитель нашъ былъ женатъ (вторымъ бракомъ) на племянницѣ графини Остерманъ, (супруги графа Ѳ. Анд. Остермана) Н. Л. Толстой.

Таковы дивныя злоключенія этихъ трехъ знаменитыхъ семействъ, изъ-за ненасытной алчбы власти дорого заплатившихъ (и какими ужасными страданіями!) за все, къ чему они нѣкогда такъ слѣпо стремились... Но изъ всѣхъ ихъ, всего разительнѣе—превратности жизни престарѣлаго графа Остермана. Хитрый дипломатъ, дальновидный министръ, царедворецъ гибкій и уклончивый, онъ, сынъ нѣмецкаго пастора, пришедшій искать счастья въ тогда преобразявшейся Россіи, обратилъ на себя вниманіе прозорливаго Петра Великаго, быстро возвысился и 40 лѣтъ умѣлъ держаться при Дворѣ, среди всѣхъ государственныхъ переворотовъ того бурнаго времени, уживаясь со всѣми и угождая всѣмъ. Такъ онъ пользовался особымъ расположеніемъ императрицы Екатерины, дружбой князя Меншикова, умѣлъ поладить и съ

Долгоруковыми, даже 10 лѣтъ уживался съ подозрительностью Бирона. Онъ лавировалъ 40 лѣтъ удачно на океанѣ дворцовыхъ интригъ, все предугадывалъ, все предусматривалъ, людей и событія, и — ошибся въ расчетъ, не понявъ шаткости регенства великой княгини Анны Леопольдовны, не уразумѣвъ, что нѣмецкая партія уже отжила свое время. Ослѣпленный призракомъ многолѣтней власти, которую ему сулилъ другой честолюбецъ, великій полководецъ, но и великій интриганъ, фельдмаршалъ Минихъ, — онъ поскользнулся, — и оба жестоко заплатились за свою политическую ошибку — одинъ ледяной могилой въ пустынномъ Березовѣ, другой двадцатилѣтнимъ заточеніемъ въ дремучемъ Целымѣ. Но Минихъ съ ступеней эшафота, на который смѣло взошелъ въ своемъ военномъ плащѣ, окидывая повелительнымъ взглядомъ народъ, до уединеннаго кабинета своего въ Целымѣ, вышелъ изъ борьбы съ судьбой героемъ, которому удивлялись даже враги его. Графъ Остерманъ палъ духомъ еще въ Петербургской крѣпости и не вынесъ бремени ссылки. Миръ ихъ испытанному земными скорбями праху! Графъ Остерманъ не оставилъ потомства. Кульмскій герой, графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой, наследовалъ майоратъ и графство (послѣ обоихъ стариковъ Остермановъ) только по Толстымъ и умеръ бездѣтенъ. Потомки же Целымскихъ заточенныхъ — генералъ-фельдмаршала графа Миниха, есть въ Ольденбургѣ, гдѣ правнукъ его Фридрихъ, графъ фонъ-Минихъ, нынѣ оберъ-камергеромъ при Дворѣ Великаго Герцога; а герцога Бирона Курляндскаго (отъ дочерей старшаго сына его герцога Петра, добровольно отрекшагося отъ короны 16 марта 1793 года и умершаго 1 января 1800 года) — принцы Курляндскіе, есть донынѣ въ Прусской Силезіи и въ Вѣнѣ. Дома же князей Меньшиковыхъ и князей Долгоруковыхъ, до-нынѣ процвѣтаютъ въ Россіи.

ГЛАВА VII.

СЪВЕРНЫЙ ОКЕАНЪ.

Мы отправились изъ Березова 15 юля, внизъ по Сосвѣ, и вскорѣ достигли ея устья, въ 20 верстахъ отъ города. Здѣсь вливается она въ громадную Обь, на которой въ то время, какъ мы на нее выѣхали, при вечернихъ лучахъ великолѣпно заходящаго солнца, мелькали лодочки остяковъ, такъ называемыя „душегубки“. Остяки по мѣстному выраженію „колыданили“, т. е. ловили рыбу сѣткой въ видѣ мѣшка, привязаннаго къ палкѣ. Надо имѣть остяцкое проворство на водѣ, чтобы вилять въ этой узенькой душегубкѣ, грести одной рукой и усиловать другой черпать рыбу. Обь была еще тогда въ разливѣ. Куда ни взглянешь—безотрадная тоска. Неизмѣримая масса водъ, на которыхъ то тамъ, то здѣсь высовывается мелкій тальнякъ. Всюду пустыня. Это однако только начатокъ Оби... Что же ждетъ насъ далѣе?

Дулъ крѣпкій низовой вѣтеръ. Раскинувъ парусъ, лодка наша скользила по полуночнымъ волнамъ, какъ птица. Мѣсяцъ всплылъ, — тотъ же Оссиановъ щигъ, который недавно катился надъ нами въ Омскѣ. Но какая ужасающая бездна между Омскомъ и этой пустыней, на краю обитаемаго міра. Была однако полна дивной поэзіи эта вступительная ночь наша въ плаваніе

по Оби. Широкіе, серебряные лучи мѣсяца ложились коваными пластами на волнующуюся поверхность безпредѣльныхъ водъ. Рѣка кишѣла серебромъ. Гребни валовъ завивались, свивались, развивались и все это подтысячами радужныхъ переливовъ, тѣней и оттѣнковъ. Хороша была водная равнина, хорошо было и ясное небо, усеянное мириадами звѣздъ, которыя въ этихъ широтахъ блестятъ ярче и чаще... Но всюду гробовое молчаніе. Ни одного судна, ни одного парохода, ни одного огонька на берегу, да и гдѣ самый берегъ? Туманная черта, безъ признака жизни и человѣка, царство смерти, могильная тишина и только!

На другой день мы были уже за 200 верстъ отъ Березова, миновавъ село Куноватское, живописно раскинутое на сблизившемся съ нами крутомъ берегу Оби. Чпстенъкая деревянная церковь и опрятные сельскіе домики, — кто бы могъ ожидать за Березовымъ, послѣ проведенной нами ночи, на пути въ Ледовитому океану и въ такой ужасной пустынь, подобнаго оазиса? Но разгадка этого благосостоянія — богатые Куноватскіе „пески“, т. е. рыболовные мѣста. Онѣ лучшія во всемъ Березовскомъ округѣ. Почему жь здѣсь добывается самая цѣннѣйшая рыба? Говорятъ, отъ удобства мѣстности. Можетъ быть. Здѣсь, точно, теченіе замѣтно тише, а слѣдовательно и защиты для рыбы болѣе отъ быстринь и водоворотовъ. Отсюда ясно видны снѣжные зубцы Уральскаго хребта. Они тянутся сплошной стѣной на голубомъ фонѣ неба, оптически измѣняя цвѣта своихъ вершинъ, по мѣрѣ отражающихся на нихъ яркихъ лучей полуденнаго солнца. Прекрасная картина, на которую мы долго любовались. Вечеромъ мы были уже въ Обдорскѣ.

Обдорскѣ, по самоѣдски „Сале - Харатъ“ — мысь-городъ“, находится въ 375 верстахъ отъ Березова, внизъ по теченію Оби и еще глубже на сѣверъ, подь 66°,

34' с. ш. и 84°, 15' в. д., на правомъ и высококомъ берегу рѣки Полуя, которая въ 8 верстахъ отсюда впадаетъ въ Обь. Жителей здѣсь 143 д. о. п., Тобольскихъ и Березовскихъ мелкихъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Насъ поразила особенность Обдорска въ эту лѣтнюю пору. Почти всѣ дома (ихъ 31) были наглухо заперты и все селеніе казалось околдованнымъ непробуднымъ сномъ. Это объясняется тѣмъ, что въ лѣтнюю пору всѣ рыбопромышленники и туземцы уѣзжаютъ съ семействами на дальній сѣверъ, даже до Обской губы и только предъ заморозомъ рѣкъ возвращаются въ Обдорскъ. Онъ основанъ въ 1593 году, имѣлъ прежде деревянное укрѣпленіе съ башнями (уничтоженное въ 1807 г.) и составляетъ нынѣ особое Земское отдѣленіе Березовскаго округа, подобно отдѣленіямъ Кондійскому и Сургутскому. Это гнѣрборейское мѣстечко, съ своей красивой деревянной церковкой и группой хорошо обстроенныхъ домиковъ, очень эффектно, когда на него глядишь съ рѣки. Бывшій генераль-губернаторъ Гасфордъ, которому Березовскій край такъ много обязанъ, посѣтилъ Обдорскъ въ январѣ 1853 года и въ память этой поѣздки, возвратившись въ іюль 1859 года изъ Петербурга въ Омскъ, принесть въ даръ Обдорской церкви св. Апостолъ Петра и Павла св. Евангеліе въ серебряномъ подѣ чернь окладѣ и серебряный же позолоченный крестъ, которые тогда же и доставлены въ Обдорскъ. Кромѣ этой приходской церкви, есть еще здѣсь походная здѣшней Миссіи, для обращенія остяковъ и самоѣдовъ въ христіанство. Съ этою церковью миссіонеры совершаютъ перевѣзды лѣтомъ и зимой, проникая въ самыя отдаленнѣйшія мѣста инородческихъ стойбищъ. Здѣсь есть тоже миссіонерская школа, въ которой обучаются остяцкіе и самоѣдскіе мальчики. Изъ нихъ составленъ хоръ пѣвчихъ. Еще въ Березовѣ держатъ нѣсколько коровъ, собственно для молока. Здѣсь

уже нѣтъ другаго скота, кромѣ оленей. Что верблюдъ для жаркихъ странъ и сыпучихъ песковъ, то олень для снѣжныхъ пустынь. Олень бодръ и веселъ зимой и чѣмъ лютѣ морозы, тѣмъ онъ крѣпче. Лѣтомъ же, напротивъ того, онъ хилъ и болѣетъ. Быстро переносятся на немъ не только остякъ, самоѣдъ, зырянинъ изъ Архангельской губерніи, но и русскій купецъ, казакъ, крестьянинъ. Когда наступитъ ежегодная Обдорская ярмарка (съ 20 декабря до половины января), то невольно изумляешься, откуда могли взяться жизнь и движеніе въ этомъ, вѣчно, казалось, пустынномъ уголкѣ? На Обдорскую ярмарку съѣзжается тогда до 10,000 человекъ: самоѣды и остяки для взноса ясака и для торговли, вогулы изъ Туринскаго и Березовскаго округовъ (изъ Юнды и Ляпина), зыряне изъ Архангельской губерніи, Тобольскіе, Березовскіе и Сургутскіе купцы, мѣщане, крестьяне, казаки. Товары привозятся заблаговременно, лѣтомъ, на судахъ, приплывающихъ въ Обдорскъ изъ Тобольска и состоятъ—въ ржаной мукѣ, табакѣ въ папушахъ, сукнахъ яркихъ цвѣтовъ, красномъ товарѣ, чугунной, желѣзной и мѣдной посудѣ и мелкихъ металлическихъ издѣліяхъ. До 120 амбаровъ бываетъ тогда наполнено русскимъ и туземнымъ товаромъ. Оборотъ этой ярмарки простирается до 100,000 р. сер. (официальныхъ въ 1859 г. 46,900 р. с. привоза и 43,600 р. сер. продажи, но, какъ мы увидимъ ниже, торговля диварей не допускаетъ такихъ абсолютныхъ цифръ). Соболь, лисица, бѣлка, куница, выдра, медвѣдь, волкъ, горностай, оленьи шкуры, мамонтова кость, шитая зимняя одежда здѣшнихъ инородцевъ: малнца, парка, гусь, пимы и проч.—все это вымѣнивается на русскіе товары. Но остяки и самоѣды имѣютъ свою особенную манеру торговать, которая не допускаетъ никакой статистики. Они подходятъ къ амбару купца, оглядываютъ снерева, нѣтъ ли у него кого либо сторонняго, въ

особенности чиновника и удостовѣрясь, что купецъ одинъ, быстро входятъ, заслоняютъ спяной дверь и вынудивъ изъ-подъ полы соболя или лисцу, торгуются условными знаками. Когда мѣхъ спрятанъ за прилавокъ, дикари успокоиваются и начинаютъ забирать, что имъ нужно, или разсчитываться за прежніе долги.

Русскіе жители Березовскаго округа выселились сюда вскорѣ послѣ завоеванія Сибири, изъ нынѣшнихъ Казанской, Вятской и Пермской губерній, подъ именемъ ямщиковъ, и основались частью въ самомъ Березовѣ, а частью въ немногихъ селахъ и деревняхъ, по Оби и по Сосвѣ. Березовскіе крестьяне — красивое племя, рослы, крѣпки, бѣлы, голубоглазы и свѣтлорусы. Живутъ въ хорошихъ домахъ и держатъ ихъ опрятно. Занятія ихъ: лѣтомъ — рыболовство, а зимой — звѣроловство. Почти все достаточны. Многіе брѣютъ бороду и носятъ, какъ въ Целымѣ, одежду, болѣе подходящую къ мѣщанской, нежели къ крестьянской: чекмени и полукафтанья, шаровары, сапоги и картузы. Женщины хорошо одѣваются, а тѣ, которыя по-богаче, носятъ уже платья горожанокъ. Вообще замѣчено, что крестьяне всего крайняго сѣвера цѣлой Сибири: въ Целымѣ, Березовѣ, Нарымѣ, Туруханскѣ и Енисейскѣ и въ селеніяхъ по Ленѣ до Якутска, гораздо образованнѣе, нежели въ среднихъ и южныхъ округахъ всего края, гдѣ отъ непрерывнаго прилива дикихъ переселенцевъ запотниковъ: Псковскихъ, Тамбовскихъ, Воронежскихъ и всякаго сброда ссыльно-поселенцевъ, еще много невѣжества и неряшества. На сѣверъ же Сибири никто добровольно не переселяется изъ Россіи, а ссыльныхъ очень мало, да и ссылка въ Березовъ теперь прекращена вовсе. Во всемъ округѣ ихъ по 10-й народной переписи насчитано только 176 д. о. п., и съ прекращеніемъ теперь ссылки, чрезъ нѣсколько лѣтъ не будетъ уже ни одного. Особенность этого отдаленнаго края — это Березовскіе и

Сургутскіе казаки. Они вошли теперь, въ числѣ 3 офицеровъ, 346 служащихъ и отставныхъ урядниковъ и казаковъ, съ 270 женщинами и дѣтьми, въ составъ поселеннаго Тобольскаго казачьяго пѣшаго баталіона. Какъ и казаки Пелымской станицы, они потомки завоевателей Сибири, пришедшихъ съ Ермакомъ съ Дону и Яика, и оставшихся въ Березовѣ, Сургутѣ, Тобольскѣ, Тарѣ, Туринскѣ и Пелымѣ. Они понатливы, ловки, стройны и очень красивы. Въ Сургутѣ у нихъ школа на 70 мальчиковъ. Въ Воскресенскомъ Березовскомъ соборѣ до настоящаго времени хранятся принесенныя ими въ 1592 году двѣ древнихъ иконы: архангела Михаила и святителя Николая, обѣ уже почернѣвшія отъ времени и въ ризахъ изъ серебро-позолоченаго листа, вычерченнаго рѣзцомъ на оборотѣ. Древнее же знамя ихъ хранится теперь въ Тобольскѣ. И казаки, какъ и крестьяне, живутъ здѣсь хорошо и достаточно и почти всеъ занимаются мѣнковой торговлей съ иноподцами. Они никуда не употребляются на службу внѣ Березовскаго края. Срокъ этой обязательной службы 30 лѣтъ, т. е. годъ на службѣ, а годъ дома.

Въ древности самоѣды населяли самую сѣверную часть Березовскаго края, т. е. обѣ стороны Обской губы. Отъ устья же Оби, вверхъ по рѣкѣ—страна называлась Обдоріей. За ней, къ югу, жили Югры, а за ними Чудь, нынѣшняя Конда Вогульская. Новгородцы, предводимые Умбатовъ, ходили въ Югру еще въ 1030 году. Въ 1093 г. зыряне проложили дорогу съ Урала на Обь, отъ рѣки Вогулки до рѣки Сосвы. Около этого же времени новгородская вольница ходила опять на Югру. Но съ XIII вѣка мы видимъ Новгородъ уже въ постоянныхъ сношеніяхъ съ племенами зауральскими, которыя онъ постепенно облагаетъ данью: соболемъ, кунцей, серебромъ закамскимъ. Въ 1465 году великій князь Московскій, по докореніи Новгорода, простеръ свои

политическіе виды и на Зауралье и съ тѣхъ поръ, до покоренія Сибири Ермакомъ, не перемежаются, въ теченіи свыше столѣтій, походы великокняжеской рати, или набѣги вольныхъ людей русскихъ, уже всюду тогда обсѣвшихъ берега Волги, Камы и Чусовой. Нынѣшній инородческія племена Березовскаго округа—вогулы (ляпинскаго нарѣчія), остяки и самоеды. Но въ древнихъ актахъ, при перечисленія народовъ, населявшихъ обѣ стороны сѣвернаго Урала, нигдѣ не встрѣчается имени остяковъ, между тѣмъ какъ о сопредѣльныхъ имъ самоедахъ, юграхъ и вогулахъ есть историческія свидетельства ранѣе XII столѣтія. Должно полагать, что въ древности остяки разумѣлись у насъ подъ именемъ югровъ, хотя собственно Югорія, между Обдоріей и Кондою, была только серединой остяцкой земли, гдѣ теперь инородныя управы, по рѣкамъ: Сыгвѣ (Ляпину) и Со-свѣ. Съ 1499 года, т. е. съ похода князя Курбскаго, въ нынѣшніе Пелымъ и Конду, великіе князья Московскіе стали именоваться князьями Югорскими. Наименованіе же князя Обдорскаго и Кондійскаго внесено въ царскій титулъ уже при великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ. Остяки говорятъ, что они въ древности назывались „Арьяхи“, но это значитъ по остяцки „много человѣковъ“, отъ „яръ“—много и „хо“—человѣкъ. Впослѣдствіи, когда ихъ покорили татары, они стали называться „Хандихо“, опять производительно отъ „ханъ“ государь и „хо“ человѣкъ, т. е. государевы люди. Татары же называли остяковъ презрительнымъ именемъ „уштяки“, что на языкѣ татарскомъ означаетъ грубыхъ, невѣжественныхъ людей, въ родѣ римскаго „barbares“. Русскіе, покоривъ Сибирь, а вмѣстѣ и татаръ, передѣляли на свой ладъ слово уштякъ и, подъ именемъ остяковъ, внесли это племя въ свои административныя росписи. Но Самоеды называютъ ихъ „тагоми“. Отъ продолжительнаго владычества татаръ, по-остяцки „ха-

тановъ“, этого народецъ перенялъ и усвоилъ себѣ много татарскихъ обычаевъ въ образъ своей жизни. Онъ живетъ теперь уже не въ чумахъ какъ Самоѣды, а деревнями въ юртахъ, или хижинахъ, рубленыхъ въ клѣтку изъ бревенъ съ нарами и чуваломъ; имѣетъ амбары для поклажи и всегда на высокихъ столбахъ. Хлѣбъ называютъ они „нянь“, табакъ „шаръ“, трубку „ханзя“ (манжурское „гализа“). Остячки одѣваются по-татарски, лице завѣшиваются какъ татарки. Остяцкіе князьки получали отъ татарскихъ хановъ почетныя званія мурзъ и тайшей. Нынѣшній Обдорскій князь, Матвѣй Ивановичъ Тайшинъ, очевидно получилъ это прозваніе отъ татаръ.

Верстахъ въ 40 отъ Обдорска и на сѣверъ находится лѣтнее стойбище этого князя Тайшина. Юрты его называются княжескими. Онѣ стоятъ на невысокомъ холмѣ и ничѣмъ не разнятся отъ прочихъ остяцкихъ хижинъ. Но въ Обдорскѣ у него хорошій домъ русской постройки. Князю теперь лѣтъ 40, онъ красивый мужчина и держитъ себя степенно (красота же его, разумѣется относительная, остяцкая). Въ 1834 году ѣздилъ онъ въ Петербургъ, представлялся императору Николаю Павловичу, получилъ золотую медаль на аннинской лентѣ на шею, богатую жалованную одежду и серебряный вызолоченный кубокъ. Тайшинъ и другой остяцкій князь, Семень Артанзіевъ признаны князьями, грамотами императрицы Екатерины II, данными дѣдамъ обоимъ князей 4 января 1768 года. Артанзіевъ управляетъ теперь наследственно Куноватской остяцкой волостью, а Тайшинъ—Обдорской, впрочемъ на правахъ волостнаго головы, не болѣе. Княжество было признано тоже за ихъ предками, грамотами царя Бориса Годунова въ 1601 году, царя Василя Шуйскаго въ 1604 году и царя Федора Алексѣевича 27 іюня 1679 года.

Остяки занимаютъ нынѣ пространство отъ Нарым-

скаго отдѣленія въ Томской губерніи, по рѣкѣ Оби и впадающимъ въ нее рѣкамъ и далѣе въ Обдорскъ и Березовъ, соприкасаясь Кондинскимъ отдѣленіемъ здѣшняго округа къ Вогуламъ Целымскимъ и Приуральскимъ. Остяцкія селенія разбросаны въ 20, а иногда и въ 50 верстахъ одно отъ другаго, отъ 3 до 20 юртъ, или хижинъ. Онѣ всегда строятся въ лѣсахъ, поблизости рѣкъ. Юрта — бревенчатая изба съ сѣнями. Въ углу, близъ двери, битый изъ глины татарскій чуралъ, въ которомъ всегда горитъ огонекъ. Возлѣ стѣнъ татарскія нары, съ настланными на нихъ „тагарами“, т. е. рогожами, довольно искусно сплетаемыми изъ травы; одно окно, — у богатыхъ со стекломъ, у бѣдныхъ пузырчатое, или съ вставленной въ него льдиной. Въ такой хижинѣ живетъ иногда до 5 семействъ и каждому отгорожено на нарахъ особое мѣсто. Для поклажи рыбы и имущества, при хижинѣ амбаръ, на высокихъ столбахъ. Остяки живутъ въ своихъ селеніяхъ только зимой. Едва въ началѣ іюня вскрыется ледъ, остякъ собираетъ все свое имущество, складываетъ его на длинныя и глубокія лодки, но двѣ вмѣстѣ спаромленные, и отправляется на Обь и другія большія рѣки. Тамъ живетъ онъ въ берестяныхъ шалашахъ до сентября, занимаясь рыбной ловлей. Предъ заморозомъ возвращается въ свое селеніе, съ запасомъ рыбы на всю зиму и отправляется въ тайгу звѣровать.

Остяки малаго роста, голова у нихъ большая, глаза узкіе и черные, лобъ сжатый, съ выдавшимися скулами, губы толстыя, носъ приплюснутъ, кожа грязновато-смуглая, грудь широкая и приподнятая, волосы черные, жесткіе и всклооченные. Они очень неопрятны, и по этому черепъ у нихъ почти всегда оголенъ; но нѣкоторые заплетаютъ волосы въ двѣ косы. Отъ врожденной вялости, борода у нихъ рѣдко бываетъ, а если и выступаетъ щетиной, то они ее выдергиваютъ. Остяч-

ки гораздо неопытнѣе мужчинъ. Языкъ остяцкій дѣлится на четыре нарѣчія: обдорское, югорское, кодское и сургутское. Въ обдорскомъ много словъ самоѣдскихъ и зырянскихъ; въ югорскомъ—вогульскихъ; въ кодскомъ—татарскихъ; а въ сургутскомъ—всѣхъ этихъ нарѣчій. Изъ этого видно, какъ языкъ остяцкій бѣденъ. Вотъ нѣсколько словъ остяцкихъ: „юхъ“ дерево, „туть“ огонь, „туть юхъ“ дрова, „кау“ камень, а „туть кау“ кремень, „мись“ корова, „индъ“ вода, а „мись-индъ“ молоко, „тушь“ трава, „середта“ рѣзать, „карты“, желѣзо,—выходитъ „тушь-середта-карты“ т. е. коса. Подобнаго языка не уломаешь въ грамматику, а потому грамоты у остяковъ нѣтъ. Въ дѣлахъ же административныхъ они употребляютъ „тамгу“ вѣроятно заимствованную ими у татаръ. Съ купцами рассчитываются „бирками“, т. е. нарѣзками на палочкѣ. Эту палочку раскалываютъ пополамъ. Одна часть остается у купца, другая у остяка. При расчетахъ на Обдорской ярмаркѣ, обѣ половины складываются и если нарѣзки пришлись къ нарѣзкамъ, остякъ уплачиваетъ долгъ всегда исправно. Обыкновенная пища остяковъ—рыба: сырая, мерзлая, сушеная и вареная; оленина: сырая и вареная. Хлѣбъ ѣдятъ мало. Но изъ ржаной муки, пекутъ въ золѣ прѣвныя лепешки или варятъ „салыкъ“—похлебку, заправленную рыбьимъ жиромъ. Лучшая пища ихъ—„варка“—рыбьи брюшки и кишки, уваренныя догуста въ рыбьемъ жирѣ и „поземы“, т. е. хребты мokusоуновъ, провяленные лѣтомъ на солнцѣ. Сырую рыбу строгаютъ ножомъ и съ жадностью пожираютъ огромное количество этихъ стружекъ.

Остяцкая одежда очень оригинальна и вполне приспособлена къ жестокости климата на крайнемъ сѣверѣ. „Малица“ шьется изъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу, въ видѣ мѣшка и длиною до коленъ, съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами, и съ отверзтiемъ

для головы, внизу опушка изъ собачьяго или волчьяго мѣха. Надѣвается она прямо черезъ голову и подпоясывается широкимъ кожанымъ ремнемъ, унизаннымъ мѣдными пуговками, какъ чешую и съ мѣдной пряжкой. Къ поясу привѣшивается съ боку ножъ въ кожаныхъ ножнахъ и кожаная сумочка съ огнивомъ, кремнемъ и трутомъ. „Парка“ похожа на малицу и тоже изъ оленьихъ шкуръ, но шьется шерстью наружу. Въ большіе морозы надѣваютъ „гусь“ шерстью же вверхъ и съ пришитой къ нему шапкой. Зимняя обувь состоитъ изъ „чижей“, длинныхъ чулковъ изъ молодой олеины, шерстью внизъ, а вверхъ чижей, надѣваютъ „пимы“, сапоги изъ шкурокъ съ оленьихъ ногъ. Лѣтомъ же остяки носятъ русскія рубахи и шаровары, — лѣтній „гусь“ изъ сукна яркихъ цвѣтовъ и „неговой“ — сапоги изъ выдѣланной оленьей кожи. Женщины носятъ холщевыя рубахи, унизанныя стеклярусомъ на груди и вышитыя по подолу разноцвѣтными шерстями, одворядки холщевыя, ситцевыя и шелковыя, голову покрываютъ, какъ татарки, длиннымъ и широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ бахрамами, называемымъ „вокшимъ.“ Имъ окутываютъ и лице. Зимой же носятъ они оленью шубу, шерстью внизъ, съ частыми завязками спереди; эта шуба унизывается кисточками и побрякушками. Обувь та же, какъ и у мужчинъ. Остячки татуируютъ себѣ руки, накалывая на нихъ иглой изображенія птицъ, звѣрей, узоры. Волосы заплетаютъ сзади, въ двѣ косы. У конца каждой привѣшена покретка изъ сукна, длиною до колѣнъ, съ наизанными на ней металлическими кружками, бляхами и побрякушками. Какъ остяки, такъ и остячки страстные любители табаку, а въ особенности вина. Табакъ курятъ, кладутъ за нижнюю губу, нюхаютъ, въ страшномъ количествѣ. Гдѣ попадетъ вино, тамъ пьютъ его поголовно всѣ, даже поятъ дѣтей. Этимъ пользуются, при потворствѣ чиновниковъ, безсовѣстные торговцы, кото-

рые, не взирая на законъ, ввозятъ къ нимъ вино съ одуряющими подмѣсями и продаютъ его по непомѣрнымъ цѣнамъ...

Остяки переняли у татаръ обычай „калыма“, т. е. платы за невѣсту. Пока калымъ не весь уплаченъ, невѣста живетъ у отца, но женихъ можетъ прїѣзжать къ ней тайкомъ ночью. При родахъ остячка переходитъ въ особую юрту и живетъ въ ней пять недѣль. Потомъ разводитъ огонь и бросивши въ него бобровой струи, трижды перескакиваетъ для очищенія, окуривается и тогда уже возвращается къ мужу. Почти каждый остякъ имѣетъ два имени: остяцкое—выражающее что-либо замѣченное при его рожденіи: летѣвшую птицу, камень, лѣсину, другое—русское. Остяки нрава тихаго, скромны, молчаливы; дѣти природы—они добры, услужливы, честны и гостепрїимны, но жены у нихъ въ большомъ небреженіи, даже не считаются за людей. Вся тяжелыя работы, и дома, и въ дорогѣ, возложены на женщинъ. Остякъ въ юртѣ сидитъ цѣлый день поджавши ноги, курить и жуетъ табакъ и глядитъ на огонекъ. Только пьяный остякъ иногда подерется, но воровъ между ними нѣтъ, а убійствъ никогда не бываетъ. Въ Березовѣ нѣтъ даже окружной тюрьмы, а если и случится кой-когда имѣть арестантовъ, то ихъ содержатъ при Градской полиціи. При похоронахъ остяки царапаютъ себѣ лицо до крови, выдергиваютъ свои волосы и бросаютъ ихъ на умершаго, вѣруя, что душа его придетъ чрезъ 6 недѣль узнать, какъ о ней сожалели живые. Съ мертвецомъ кладутъ въ могилу все необходимое для ежедневнаго быта: лукъ со стрѣлами, сѣти, топоръ, ножъ, рогъ съ табакомъ и проч. Нарту же, въ которой привезли покойника, оставляютъ на его могилѣ, а олени закалываютъ. Жена, по смерти мужа, оболванявъ бревешко на подобіе человѣка, одѣваетъ его въ мужицкую одежду, ставитъ на нарахъ на то мѣсто, на которомъ

сядѣлъ покойникъ, подчуеъ его любимымъ кушаньемъ, ночью кладетъ спать съ собой и палуеъ, думая, что душа мужа видитъ все ея ласки и угожденія. Эту куклу держатъ годъ, а иногда и болѣе, и потомъ зарываютъ съ плачемъ и сожалѣніемъ. Изъ остяковъ нѣкоторые крещены, но громадныя разстоянія и кочевая жизнь ихъ дѣломъ много препятствуетъ распространенію между ними христіанства. Однако начало евангельской проповѣди здѣсь очень древнее. Еще при царѣ Федорѣ Иоанновичѣ, Обдорскій князь былъ крещенъ въ Москвѣ и построилъ въ Обдорскѣ церковь во имя св. Василія Великаго. Нѣкоторые изъ потомковъ его остались язычниками, иные крестились впоследствии. Еще въ дѣлахъ 1750 года упоминается некрещеный Обдорскій князь Анда, но дѣлъ и отецъ нынѣшняго князя Матвѣя Тайшина были крещены. Кондійскій князь, Игичей Алачевъ, крещенъ въ Москвѣ въ 1599 году, а въ 1602 г. построилъ у себя въ Кондѣ (нынѣ село Кондійское) церковь во имя св. Савватія и Зосимы, Соловецкихъ чудотворцевъ. Потомки его выѣхали въ Россію, получили помѣстье въ Вологодской губерніи, а княжество ихъ обращено въ казну и образуетъ нынѣ инородческую волость. Нынѣ въ Березовскомъ краѣ только Тайшинъ и Артанзіевъ признаны князьями. Вообще число крещеныхъ остяковъ не свыше 2000 д. о. п. и то въ дремучихъ тайгахъ и на неизмѣримыхъ тундрахъ, при непрерывномъ обращеніи съ язычниками, — они только по имени христіане. Это сознаютъ и миссіонеры. Въ огромномъ Березовскомъ краѣ только 17 церквей (3 каменныхъ: 2 въ Березовѣ, 1 въ Сургутѣ; остальные 14 деревянные) и Кондійскій мужской монастырь при селѣ Кондійскомъ на Оби. Въ этомъ монастырѣ живетъ начальникъ духовныхъ миссій здѣшняго округа архимандритъ Арсеній. При 8 приходскихъ церквахъ и при монастырѣ учреждены школы для крещеныхъ остяцкихъ мальчиковъ. Уча-

щихся нынѣ 73. Этѣхъ мальчиковъ обучаютъ молитвамъ, катихизису, чтенію, письму п церковному пѣнію. Какъ же не дивиться послѣ этого, что обширный Пелымскій край съ 2000 р. д. русскихъ и 1000 р. д. Вогуловъ (которые всѣ крещены безъ изыатія и крещены вотъ уже 100 лѣтъ), въ 350 верстахъ отъ Ирбѣти, въ 150 отъ Верхотурья, въ 250 отъ Туринска,—не имѣеть до сихъ поръ ни одной приходской школы, именно въ такомъ, центрѣ гдѣ это необходимо и не въ такой глуши какъ Березовъ?

Остяки-язычники имѣють верховное божество „торыма“, властителя вселенной, живущаго на небѣ и котораго нельзя утруждать никакими просьбами. Но въ помощь ему придано множество божествъ, добрыхъ и злыхъ. Одни изъ нихъ были въ древніи времена вытесаны изъ дерева, другіе вылиты изъ мѣди, даже изъ золота. Многіе изображаютъ людей, но есть птицы п звѣри. Были идолы, занесенные сюда даже со временъ св. Владиміра, изъ земли Новгородской и изъ Перміи, при крещеніи ея, въ XIV столѣтіи св. Стефаномъ. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ: „золотой мужикъ“, вылитый изъ золота; онъ сидѣлъ въ чашѣ, въ которую наливали воды и пили ее, съ вѣрой, что это отвращаетъ несчастія. „Рача“—идолъ рачевскихъ юртъ. „Большая баба“—деревянный идолъ, сидѣвшій на сѣдалищѣ, подъ древней березой, близъ деревни Бѣлозерской, 35 верстъ ниже села Самаровскаго. „Обскій старикъ“—божество рыбъ, съ безобразнымъ лицомъ и рогами, жестянымъ носомъ п стеклянными глазами. На него было надѣто нѣсколько остяцкихъ малиць, а сверху кафтанъ изъ краснаго сукна. У ногъ лежали лукъ со стрѣлами, копьѣ и кольчуга. Онъ нисходилъ въ водную бездну, имѣя власть отпускать столько рыбы, сколько кто это заслуживалъ. „Главный идолъ“, въ дремучей тайгѣ Пелымскаго края, увезенный туда въ 1712 году изъ остяцкой земли въ началѣ проповѣди св. Евангелія остякамъ. „Мастерко“—близъ села

Троицкаго (въ 30 верстахъ отъ Пелыма) состоялъ изъ мѣшка, набитаго разнаго рода мѣшками, съ привязанной посрединѣ серебряной тарелкой. „Елань“—Меркурій остяцкихъ боговъ, деревянный идолъ съ вырѣзаннымъ лицомъ, обернутый въ красное сукно и въ собачей шапкѣ. „Мейкъ“ — лѣшій, заблудившійся въ тайгѣ, просилъ его помощи. „Обдорская золотая баба“—идолъ, принесенный изъ Пермїи. Есть тоже у остяковъ пенаты, юртовые идолы, которыхъ они мажутъ рыбьимъ жиромъ, приговаривая: „ѣшь, ѣшь.“ Остяки боготворятъ горы, камни, ручьи, большія деревья. Мѣсто около нихъ священно, тоже что „табу“ островитянъ Южнаго океана. Тутъ не смѣютъ напиться воды, коснуться дерева, вырвать травки, чтобы не прогнѣвить божества. Приношеніе жертвъ происходитъ у вогуловъ, ляписко-остяцкаго рода (въ Березовскомъ округѣ), одинаково съ прочими остяками, т. е. убиваютъ оленя стрѣлами и копьями, по знаку данному шаманомъ. Кровь пьютъ теплую, а мясо ѣдятъ сырое. Близъ Бѣлаго острова, на Ледовитомъ океанѣ, есть песчаная отмель, куда Обдорскіе самоѣды и остяки съѣзжаются для отправленія идольскихъ обрядовъ.купаются въ морѣ для общенія съ водными божествами, бросаютъ въ волны кусокъ мѣди, или металлическія деньги, топятъ оленей. Празднество „Элена“ происходитъ всегда ночью, съ предварительнымъ заклянїемъ шамана и сопровождается сладострастными плясками, напоминающими древнїя мистерїи.

Шаманы и шаманки—служители божества и прорикатели его ведѣній, прїобрѣтаютъ этотъ даръ или по наслѣдству, или по способностямъ. Проницательный умъ, твердый характеръ, мечтательное воображеніе, правильность и гибкость тѣла, вотъ что требуется отъ шамана. Постомъ, молитвой, созерцательностью, даромъ слова, знанїемъ народной медицины, шаманы прїобрѣтаютъ вліяніе на народъ. При жертвоприношенїяхъ и за-

клинаніяхъ они носятъ особую одежду длиннаго покрою, до того унизанную металлическими пластинками, бляшками, побрякушками, кольцами, колокольчиками, мѣднолитыми изображеніями птицъ и животныхъ, что нельзя разпознать, изъ чего она сшита. На головѣ желѣзный шишакъ, въ рукѣ бубенъ, въ который они ударяютъ съ монотоннымъ напѣвомъ. Шаманки имѣютъ такую же одежду, но являются всегда съ распущенными волосами. Дѣлая заклинанія, шаманъ начинаетъ кричать, биться, стучать въ бубенъ, кружиться, падаетъ на землю, катается, царапаетъ себѣ лицо, тычетъ себя ножомъ въ грудь, въ животъ, хватается и лижетъ раскаленное желѣзо, забиваетъ себѣ иглы, вывертываетъ суставы,—наконецъ изнемогаетъ. Въ это мгновеніе разгоряченное воображеніе остяковъ представляетъ имъ, что будто изъ рта шамана исходитъ голубоватый дымъ. Это его духовное общеніе съ божествомъ. Пришедши въ себя шаманъ прорицаетъ волю божества.

Самоѣды Березовскаго округа были извѣстны русскимъ еще съ XI столѣтія, по свидѣтельству преподобнаго Нестора. Но ни одно изъ племенъ, окружающихъ самоѣдовъ, не называетъ ихъ, какъ мы. О самихъ себѣ они говорятъ „хазова—арка-я“—„человѣкъ большой земли“. Самоѣды—тѣ людоѣды греческихъ и римскихъ географовъ, которыхъ они помѣщали на самомъ сѣверѣ, въ странѣ гиперборейцевъ. Остяки называютъ ихъ „урьячи“. Еще въ 1720 году самоѣды убивали крещеныхъ остяковъ, вырѣзывали сердца ихъ и ѣли. Даже въ 1744 году они грабили остяковъ и русскихъ, жгли церкви, ругались надъ крестами и св. иконами, увѣчили убитыхъ и ѣли ихъ сердца. Четыре князька ихъ были тогда повѣшены въ Обдорскѣ и въ Ляпинѣ. До сихъ пирь, за малыми исключеніями, они все идолопоклонники. Въ 1832 году отправленъ былъ къ нимъ изъ Тобольска миссіонеръ, іеромонахъ Макарій, но ему уда-

лось окрестить не болѣе 200 человекъ. Нынѣшнія мис-
сіи столь же мало успѣшны.

Самоѣды раздѣляются Обской губой на двѣ половины: Каменную и Низовую. Каменная простирается отъ вер-
шинъ рѣки Соби, вдоль Югорскаго хребта до Карскаго
моря и здѣсь сходитя съ Архангельскими самоѣдами,
Цустозерскаго уѣзда. Низовая—идеть отъ Обской и
Тазовской губъ къ востоку и граничитъ съ Юракскими
самоѣдами Туруханскаго отдѣленія, Енисейской губер-
ніи. Каждая половина состоитъ изъ родовъ. Въ Камен-
ной ихъ 6, въ Низовой 9. Самоѣды роста малаго, но
крѣпки и широкоплечи, короткошеи. Голова большая,
лобъ узкій, лице плоское и широкое, скулы выдавшіяся,
глаза узкіе и черные, волосы тоже черные и жесткіе,
ротъ и уши большіе, губы тонкія, руки и ноги корот-
кія, тѣломъ смуглы. Волосы у мужчинъ подстрижены въ
кружокъ, но бородъ нѣтъ. Женщины — одинаковаго
вида съ мужчинами. Одѣваются онѣ по-остаячки, такъ
какъ это непремѣнное условіе климата, но живутъ въ
чумахъ по-самоѣдски „мякани“. Ставится конусообраз-
но нѣсколько трехъсаженныхъ шестовъ, заостренныхъ
съ одного конца, а съ другаго сведенныхъ въ общее
гнѣздо. Лѣтомъ эта основа покрывается берестомъ, а
зимой оленьими шкурами вдвое, шерстью вверхъ и
внизъ. Внутри чума насланы рогожи изъ прутьевъ, на
нихъ „тагары“, т. е. травяныя циновки, а сверхъ все-
го этого оленьи шкуры. Посреди чума—чугунная доска,
на которой всегда глѣбеть неугасающій огонекъ, а надъ
нимъ виситъ котелъ; дымъ уходитъ въ оставленное
вверху отверстіе. Такъ какъ вблизи Ледовитаго океана
лѣсовъ уже нѣтъ, то самоѣды или перенимають плыву-
щія по морю деревья, или, въ крайности, топятъ мохомъ.

Самоѣды почти не ѣдятъ хлѣба, пища ихъ—рыба и
оленье мясо. Заколоть оленя считается праздникомъ въ
семействѣ. Теплую кровь пьютъ они чашками, а мясо

ѣдятъ сырое, отрѣзывая его съ удивительной ловкостью ножомъ у самаго рта. Женщины не могутъ ѣсть съ мужчинами, но имъ и дѣтямъ оставляютъ оглодки. Каждый родъ имѣетъ своего старосту. Самоѣды нынѣ уже совсѣмъ переродились, кротки и послушны власти, хотя съ виду грубѣе остяковъ. На водѣ и на охотѣ они ловки, сильны и проворны, могутъ имѣть нѣсколько женъ и слѣдуютъ древнему шаманству, признавая верховное божество „Нумъ“, управляющее вселенной, сотворившее небо и землю. Имя его можно произносить только въ крайней нуждѣ, благодаря, или молясь: „Нумъ-арка“— великъ Богъ, „Нумъ-тадь“—дай Богъ. Самоѣды молятся Нумъ, глядя на солнце. Они признаютъ источники зла и добра, и злыхъ духовъ, вліяющихъ на жизнь человѣческую, но идоловъ не имѣютъ. Выдолбивъ на растущемъ деревѣ изображеніе лица, кланяются ему, называя его „Хаа“, намазываютъ ему губы оленьей кровью и приговариваютъ: „ѣшь оленя“. Шаманское ученіе передается у нихъ изустно изъ рода въ родъ и содержитъ въ себѣ много чистыхъ и нравственныхъ истинъ: „Благоговѣй предъ Богомъ, почитай добрыхъ духовъ, уважай родителей и старѣйшихъ, помогай бѣднымъ.“ Шаманъ называется у самоѣдовъ „Тадъ-и-бе“; служеніе его то же, что и у остяковъ, но сопровождается удареніемъ въ „цензеръ“—родъ барабана и крикомъ „гой! гой!“ Самоѣды приносятъ въ жертву Нумъ бѣлыхъ оленей и благоговѣютъ предъ бѣлымъ медвѣдемъ. Островъ Вайгачь, на Ледовитомъ океанѣ, считаютъ они священнымъ, называя его „Хаіадея“—страна кумировъ. Туда съѣзжаются съ Каменной и Низовой стороны приносить жертвы. Женщина, по понятіямъ самоѣда, нечистое существо. Въ чумѣ она не можетъ шагать чрезъ постель, или одежду мужа, въ дорогѣ—чрезъ лежащую вещь. При родахъ она уходитъ въ особый чумъ, называющійся „сямай-мякита“—поганый чумъ. Предъ разрѣшеніемъ отъ

бремени, жена должна открыть мужу, или повивальной бабкѣ о всѣхъ учиненныхъ ею супружескихъ невѣрностяхъ и это признаніе дѣлается всегда чистосердечно, потому что, по понятіямъ самоѣдки, ложь повлечетъ за собой уродливость младенца и смерть родильницы. По выздоровленіи жены, самоѣдъ поколотитъ ее порядкомъ; а съ любовниковъ, сколько ихъ окажется, взыскиваетъ по приговору старѣйшинъ шкуру оленями. Калымъ существуетъ и у самоѣдовъ, простираясь отъ 5 до 100 оленей за невѣсту. Самоѣдская свадьба очень оригинальна. По пріѣздѣ жениха къ будущему тестю, стоящія у чума Самоѣдки не впускаютъ свата „айкуту“, покуда онъ не броситъ имъ на обѣ стороны по доскуту сукна. При входѣ въ чумъ, айкута садится на первое мѣсто, сзади женихъ и поѣзжане. Хозяинъ давитъ оленя, мясо варятъ и начинается угощеніе. Первая чарка вина, а если нѣтъ, то оленьей крови, подается айкутѣ, вторая жениху и невѣстѣ вмѣстѣ, а за тѣмъ и прочимъ гостямъ. Послѣ того принимаются за ѣду. Нѣсколько кусковъ оленины подаются жениху и невѣстѣ тоже вмѣстѣ и они ихъ ѣдятъ въ знакъ любви и согласія. По окончаніи пиршества, гости расходятся, но женихъ остается ночевать у тестя. По утру онъ уѣзжаетъ въ свой чумъ и посылаетъ мать, или старѣйшую въ родѣ за невѣстой. По пріѣздѣ этой старухи, отецъ и мать снаряжаютъ дочь, складываютъ приданое въ нарты и отправляются. Лишь только поѣздъ покажется въ виду женихова чума, родственницы его и знакомки становятся по обѣ стороны рядами, а свекровь, или старѣйшая проѣзжаетъ между ними съ невозможной скоростью. Между тѣмъ самоѣдки бросаются на мчащуюся нарту невѣсты съ криками „Ирдъ-амдію?“ Ягшы-язида! „Нессеръ-ше!“ „Неберъ-пле!“ — Что лежишь? Сиди прямо! Отецъ живъ! Мать жива! Слѣдуетъ замѣтить, что невѣсту везутъ лежащую и „привязанную“ къ нартѣ. Самоѣдки хватаютъ невѣсту

за лицо, приговаривая: „Сета сова“ — пригоже лицо! Это повторяется три раза. Потомъ невѣсту отвязываютъ, приводятъ въ чумъ и отдаютъ жениху. Приданое состоитъ обыкновенно изъ печенаго хлѣба, соли, мяса, посуды, одежды, пушнаго товара, постели и одѣяла. Цѣна приданому бываетъ всегда соразмѣрна цѣнѣ калыма и такъ строго уравнивается, что вещи, накладенныя на одну нарту, всегда равняются цѣнности 10 оленей. Сверхъ того, въ каждую нарту приданого, кромѣ запряженныхъ въ нее оленей тестя, подпригается еще по одному оленю изъ числа отданныхъ женихомъ въ калымъ. Такимъ образомъ сколько нартъ съ приданымъ, столько отдается ему оленей назадъ.

Похороны у самоѣдовъ тоже оригинальны. Мертвеца обмываютъ, одѣваютъ въ лучшее платье и вытаскиваютъ изъ чума не въ дверь, а въ особо сдѣланное для того отверстіе съ боку. Потомъ отвозитъ его на любимомъ оленѣ къ могилѣ, кладутъ въ нее, покрываютъ досками и засыпаютъ землей. Тогда ставятъ оленя задомъ въ головахъ покойника и четыре самоѣда, взявши дубины, въ мигъ поражаютъ животное въ голову. Если олень падетъ внезапно мертвый, самоѣды радуются; если же при паденіи начнетъ биться и подниметъ голову, то они примутся бѣгать съ крикомъ: „васша! васша!“ — горе, горе! — считая движенія оленя признакомъ смерти еще кого-нибудь изъ своего племени. Наконецъ раздуваютъ на могилѣ огонь, бросаютъ въ него соли, муки, табаку, дымомъ отъ этой смѣси окуриваютъ одежды и перескакиваютъ черезъ огонь, тщательно утаптывая землю около могилы. Голову оленя съ рогами и нарту, опрокинутую полозьями къверху, оставляютъ на могилѣ.

Оспа и сифилисъ — два бича самоѣдовъ и остиковъ. Онѣ стали извѣстны въ Березовскомъ краѣ еще съ

начала XVII столѣтія. Хотя есть здѣсь инородческая больница, три лекаря, лекарскіе ученики,—но все это далеко отъ устройства. Вообще,—надо сказать правду,—и миссіонеры наши и врачи наши еще страшно отстали отъ идей и духа Европы. Миссіонеры не согрѣты тою христіанскою любовью и безусловнымъ самоотверженіемъ, съ какими католическія и протестантскія миссіи стремятся во всѣ концы міра проповѣдывать Слово Божіе. Врачи не имѣютъ той любви къ наукѣ, которая стремится тоже всюду безотговорочно и служа человечеству, довершать опытомъ свое образованіе. Отъ Березова и другихъ уголковъ Сибири увертываются сколько можно, а если не возможно, то спѣшать, наживъ денегъ, искать перевода въ другое мѣсто, не готовя себя, по многимъ причинамъ, къ постоянному жительству. Съ этимъ, конечно, не излечишь ни душевно, ни тѣлесно! Отъ того, по сознанію самихъ миссіонеровъ, шаманы и ихъ вліяніе, какъ наставниковъ и врачей, неодолимо. Шаманъ лечитъ многія болѣзни магнетизированіемъ, при чемъ водитъ распростертыми пальцами прямолинейно отъ головы до ногъ, чтобы не касаться кожи больного, лежащаго на спинѣ. Отъ ревматизма—зажигаетъ кусокъ трута, кладетъ его на больное мѣсто и не снимаетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не произведетъ раны и не покажется гной. По выходѣ гноя, рану залечиваютъ рыбьимъ жиромъ. Обыкновенныя раны излечиваютъ древесной сѣрой, сваренной въ рыбьемъ жирѣ. При запорѣ принимаютъ этотъ жиръ, а при коликахъ въ животѣ—медвѣжью желчь. Цингу лечатъ съ большимъ успѣхомъ питьемъ оленьей крови. При ознобахъ прикладываютъ особый родъ раковинъ, собираемыхъ на берегахъ Оби. Ихъ толкутъ въ порошокъ и смѣшиваютъ съ виномъ.

Вооруженіе самоѣдовъ и остяковъ одинаково съ вогульскимъ въ Пелымѣ: лукъ съ разными стрѣлами, смотря по звѣрю, винтовка кремневая, пзрѣдка въ Пелымѣ

нистонная, потому что Ирбѣть близко (и то какъ щегольство, у богатыхъ вогуловъ), копые, рогатина, топоръ, ножъ, а у самоѣдовъ и старинныя шапки. Звѣрей ловятъ капканами, западнями (сланцами), отравой, самострѣлами (большой лукъ, поставленный въ лѣсу, на замѣченномъ слѣдѣ звѣря и стрѣляющій гораздо сильнѣе ручнаго). Бѣлку бьютъ стрѣлкой съ шарикомъ на концѣ, мѣтя въ носъ, чтобы не испортить шкурки. За волкомъ гоняются на легкихъ нартахъ, запряженныхъ оленями, поражая его копыемъ. На медвѣдя же ходятъ съ рогатиной. У самоѣдовъ и остяковъ песецъ замѣняетъ ходячую монету. Птицъ ловятъ силками, перевѣсомъ, сланцами, стрѣляютъ изъ дробовиковъ и изъ лука. По рѣкѣ Сосвѣ и ея многочисленнымъ притокамъ, по мокринамъ тундръ, на побережьи Ледовитаго океана водятся мириады гусей, утокъ, гагаръ, лебедей и до того густыми стаями, что одинъ человекъ можетъ добыть разомъ до 100 штукъ. Перевѣсъ—очень замысловатая ловля. Выбираютъ на рѣкѣ выдающіеся лѣсные мысы, или протоки и заливы, закрытые съ береговъ тальникомъ и дѣлаютъ для пролета птицъ просѣки, шириною не болѣе сажени. Въ этой просѣкѣ ставятъ высокіе шесты съ прикрѣпленными вверху блоками и пропущенными въ нихъ тонкими веревками, привязанными къ сѣти, которая лежитъ на землѣ до пролета птицъ. Спущенная съ рѣки вѣдушимъ по ней человекомъ, стая птицъ, или произвольно перелетающая, поднявшись нѣсколько отъ поверхности воды, стремится въ первую прогалину лѣса, гдѣ видна вода или значительно открытое мѣсто; въ это время ловець вдругъ поднимаетъ сѣть и вся стая въ нее попадаетъ. Эту ловлю производятъ обыкновенно поутру и вечеромъ на зарѣ. Для рыболовства дикари употребляютъ сѣти, невода изъ прутьевъ, остроги; загораживаютъ протоки и ставятъ въ нихъ плетенныя „морды“. Они никогда не солятъ са-

ми рыбу, а только сушатъ на открытомъ воздухѣ и потомъ поджариваютъ, или коптятъ надъ легкимъ огнемъ. Осетровъ, нельмъ, моксуновъ, сырковъ, налимовъ ловятъ неводами саженой въ 40, которые столь легки, что одинъ человекъ можетъ съ ними управиться. Жиръ вытапливаютъ и частью ѣдятъ сами, частью продаютъ русскимъ промышленникамъ. Даже рыбы ксти сушатъ и толченый изъ нихъ порошокъ мѣшаютъ съ мукой. Сами ѣдятъ и кормятъ этимъ своихъ собакъ.

Единственное домашнее богатство у остяковъ и самодовъ—это олени стада. Въ Березовскомъ округѣ насчитывается ихъ, хотя разумѣется приблизительно, до 126000 головъ. Но повальная болѣзнь, которая занесена сюда въ 1848 году изъ-за Урала и отъ которой пало болѣе 20,000 головъ, была очень чувствительна для туземцевъ. Оленеводство тѣмъ хорошо, что оно не сопряжено ни съ какими особыми попеченіями, заботами и трудами. Олень пригоденъ на все. Лѣтомъ и зимой онъ употребляется для трудныхъ и нерѣдко отдаленныхъ поѣздокъ. На немъ дикарь гоняется за звѣремъ, мясо его идетъ въ пищу, шкура на одежду и обувь, на жилище и даже на постель. Былъ бы только бѣлый мохъ, олень доволенъ. Стадо изъ 2000 оленей часто оберегается много двумя, тремя караульными съ 3 или 6 собаками. Олень быстръ на бѣгу, въ домашней жизни дѣлается ручнымъ, смирнымъ и послушнымъ, такъ что дозволяетъ дѣлать съ нимъ, что хочешь. Онъ можетъ везти отъ 8 до 9 пудовъ влады, но спина его слаба и не выноситъ никакой тяжести. Съ грузомъ олень проходитъ до 30 верстъ въ день, на легкѣ можетъ пробѣжать 100 верстъ и болѣе. Въ тундрахъ побережья Ледовитаго океана и въ трясинахъ, зыбунахъ, болотахъ по Оби и ея притокамъ, только широкія и раздвоенныя копыта оленя, простая упряжь и легкость нарточки, скользящей какъ стрѣла и лѣтомъ и зимой, могутъ пролагать себѣ

пути, которые мѣстно называются „оленьими дорогами.“ Дороги эти разрѣзываютъ по всѣмъ направленіямъ Березовскій край и чрезъ Уральскія горы проходятъ въ Россію. Изъ Березова ѣздятъ зимой чрезъ Уральскій хребетъ, по рѣкамъ Сосвѣ и Сычвѣ и близъ береговъ ихъ, въ деревню Оранецъ на Печеръ. На Обдорскую ярмарку прѣвзжаютъ тоже ежегодно изъ за Урала зыряне-ижемцы и самоѣды Архангельской губерніи. Зыряне богаче Сибирскихъ самоѣдовъ, но и здѣсь есть такіе хозяева, которые держатъ до 10000 оленей и болѣе. Остяки же болѣе промышленяютъ рыболовствомъ и звѣроловствомъ. У Пелымскихъ вогуловъ оленей нѣтъ вовсе, потому что тамъ мѣста уже теплыя и способныя для содержанія лошадей.

Увеселенія остяковъ и самоѣдовъ состоятъ въ пляскахъ очень смѣшныхъ и похожихъ на прыганье молодаго оленя, а иногда и сладострастныхъ. Музыка ихъ состоитъ изъ „домбры“ и „хотола“. Домбра похожа на гусли. Но хотола инструментъ совершенно оригинальный. Она имѣетъ видъ лебеди съ длинной шеей, отъ которой протянуто къ спицѣ восемь, или болѣе, мѣдныхъ струнъ. Звукъ хотола не лишенъ гармоніи и есть русскіе, которые выучились играть на ней очень пріятно. Нацѣвы остяцкіе и самоѣдскіе всегда заунывны, къ тому же родовыхъ пѣсенъ у нихъ нѣтъ, а все импровизируется. Это то же, что у Пелымскихъ вогуловъ. „Я сегодня поѣду въ городъ, куплю вина, тому дамъ, этому дамъ, нѣтъ, никому не дамъ, все самъ вышью, мнѣ будетъ весело, буду какъ купецъ.“ Вотъ и другая пѣсня, слышанная нами на устьѣ Оби. „Поѣду въ лодкѣ по большой рѣкѣ, наловлю рыбы, много съѣмъ, жена будетъ ѣсть, ребятишки будутъ ѣсть“. Самоѣды любятъ борьбу, подражаніе звѣрямъ—медвѣдю, лосю, оленю. Есть у нихъ и военныя пляски съ кошьями и саблями, которыми они мѣрно ударяютъ подъ звуки длинной рѣз-

кой трубы, подобной той, какую употребляют пастухи въ Швейцарскихъ альпахъ. Въ дѣлопроизводствѣ они употребляютъ „тамгу“. Замѣтимъ тоже, что у нихъ родовыхъ князьковъ нѣтъ. Каждый родъ управляется избраннымъ всѣми родовичами старостой. Вотъ нѣсколько словъ самоѣдскихъ: „Нумъ“ — Богъ, „Парамода“ — государь, „Эзе“ — деньги, „Неняя“ — серебро „Нуммы“ — звѣзды, „Ябей-я“ — водка, „Ита — Ньяятыня“ — худая вода (Ледовитый океанъ), „Сырь“ — бѣлый, Хапчанда-янку“ — безсмертный.

Отъѣхавши верстъ 20 отъ лѣтняго стойбища князя Тайшина, мы увидѣли бѣдныя деревушки остякѣя, разбросанныя тамъ и самъ, по двѣ по три, рѣдко по десяти бревенчатыхъ хижинъ. Здѣшніе остяки всѣ язычники. Чѣмъ далѣе отъ Обдорска, тѣмъ Уралъ болѣе и болѣе скрывается изъ виду, и наконецъ отплывши верстъ 100, мы уже вовсе его не видали, ибо Обь уклоняется здѣсь къ востоку. Вотъ она становится все шире и шире, а плаваніе наше все труднѣе и труднѣе. Вотъ поднялась и буря. Вѣтеръ реветъ, валы чудовищно вздымаются на расходившейся и необозримой водной равнинѣ. Лодку нашу сильно качаетъ съ боку на бокъ, не взирая на то, что мы нашли себѣ убѣжище въ такъ называемомъ „сору“, т. е. заливѣ, огражденномъ отъ порывовъ вѣтра густымъ кустарникомъ. Признаемся, опасеніе быть разбитыми въ щелы на этой громадной рѣкѣ, набѣги валовъ на лодку, кругомъ пустыни, гдѣ нечего и не отъ кого ждать помощи, — и такая глушь, такая безотрадная даль, — все это сильно щемило сердце. Наконецъ вотъ и всякій земной горизонтъ исчезъ, мы плывемъ по страшному и бурному раздолю. Надъ нами смеркающееся небо. Загорѣлись звѣзды и всплылъ мѣсяцъ, печально озирая всю эту безпредѣльно волнуемую даль... Склонитесь съ благоговѣйной молитвой. Здѣсь высота мыса „Хе“, а безпредѣльно вол-

нусама даль—Ледовитый океанъ. Такъ вотъ это предверіе „царства смерти“! Душа впадаетъ въ страшное уныніе, когда глядишь на эту водную пустыню, взбуровленную неумолчными, холодными волнами. Да! Это точно Дантовъ Адъ, и еслибъ великій пѣвецъ могъ самъ увидѣть его здѣсь, онъ бы устранился этой картины безжизненности природы, этого смертнаго сна... А еще было, какъ говорится красное лѣто. Что же увидимъ здѣсь зимой?.. Отъ Обдорска до мыса Хе только 400 верстъ и въ нынѣшнее время года, внизъ по теченію Оби, можно совершить этотъ путь въ двое сутокъ.

Обская губа и рѣка Обь изумительно богаты, не только всѣми лучшими породами красной рыбы, но и морскимъ звѣремъ. Въ губѣ множество моржей, тюленей, дельфиновъ, называемыхъ здѣсь бѣлугами; они длиною отъ 3 до 4 саженей. На островахъ и пловучихъ льдахъ океана есть и бѣлые медвѣди. Иной бываетъ до 3¹/₂ аршинъ длины. Въ Оби ловятъ здѣсь осетровъ до 4 пудовъ вѣсомъ, стерлядей и нельмъ свыше пуда, двухпудовыхъ шукъ, налимовъ, окуней, карасей и сельдей очень крупныхъ. Кромѣ того есть въ Оби особенность, какой не найдешь въ другихъ водахъ Сибири. Это „муksунъ“—по остяцки, а „скольбунза“—по самоѣдски; остяцкое же названіе муksунъ перешло и въ русскій языкъ. Муksунъ сутуловатъ, верхняя челюсть длиннѣе нижней, мясо бѣлое, нѣжное, вкусное, въ соленьи превосходенъ, крѣпокъ и устойчивъ. Онъ напоминаетъ другую особенность Сибири, байкальскаго „омуля“. Если бы муksуна умѣли готовить здѣсь, какъ голландскую сельдь, онъ бы выгѣснилъ эту послѣднюю съ Ирбитскаго рынка и нашелъ бы огромный сбытъ не только въ Сибири, но и въ Россіи.

Но здѣшніе рыбопромышленники не извлекаютъ изъ этой сокровищницы Оби тѣхъ огромныхъ и существенныхъ выгодъ, которыя бы могли извлекать, конечно,

еслибы опиравсь на науку и технику, разработывали этотъ неистощимый золотой приискъ рыбнаго товара по европейски. Начать съ того, что они не знаютъ цѣны времени. При нынѣшней конструкціи ихъ тяжелоходныхъ судовъ, они идутъ обыкновенно изъ Тобольска до Обдорска отъ 30 до 40 дней, а вверхъ по теченію до 50 и даже болѣе. Такимъ образомъ, на этомъ разстояніи (всего 1616 верстъ), которое пароходно, можно бы было пробѣгать много что въ 3 сутокъ, у нихъ пропадаетъ въ ходѣхъ взадъ и впередъ все лѣто. Часто случается, что суда ихъ, при такомъ медленномъ плаваніи обратно, замерзаютъ, не успѣвъ дойти и 500 верстъ до Тобольска, какъ это было въ 1857 году, когда ни одно судно изъ ушедшихъ на рыбную ловлю не воротилось къ Тобольской пристани,—все замерзли на пути. Сверхъ того, они вынуждены чрезъ это солить рыбу поскорѣй и кое какъ; а отъ небрежнаго соленья и еще небрежнѣйшей укладки, рыбный товаръ, разумѣется, портится. Хотя въ истекшее пятилѣтіе (1855—1859 г.) было вывезено изъ Березовскаго края, приблизительно, до 700,000 пудовъ рыбы, до 1000 пудовъ икры и до 30 пудовъ клею и вязиги,—итоги огромные, но вся эта рыба не пошла далѣе мѣстнаго употребленія, потому что не можетъ соперничать не только съ рыбой и икрой уральской, но и съ рыбой волжской. О голандской сельди и не говоримъ.

Правительство, заботясь объ огражденіи инородцевъ отъ злоупотребленій торгашей и потачки имъ чиновниками, что нерѣдко прежде бывало при покупкѣ у нихъ принадлежащихъ имъ рыболовныхъ мѣстъ, журналомъ Совѣта Главнаго Управленія Западной Сибири, состоявшимся 16 іюня 1857 года, узаконило: "отдавать, такъ называемые, пески или рыболовныя мѣста инородческія съ торговъ въ видѣ опыта на два трехлѣтія, въ Совѣтъ Березовскаго общаго окружнаго управленія." Эта благо-

разумная мѣра отняла у торгашей возможность пользоваться невѣжествомъ дикарей, заключая съ ними увертливыя условія, склоняя ихъ къ безвыгоднымъ уступкамъ, обирая и спаивая ихъ, при равнодушномъ на это воззрѣніи „земскихъ.“ Но отчего промыселъ обской рыбы производится до сихъ поръ на этихъ пескахъ, тогда какъ приморское рыболовство, для всѣхъ открытое, представляетъ большія выгоды, (ибо извѣстно, что красная рыба предпочитаетъ морскія глубины и поднимается въ рѣки только періодически, для метанія икры)? Оттого, что для морскаго рыболовства здѣсь нѣтъ ни судовъ, ни снастей, ни времени; потому что съ нынѣшними судами и ихъ черепашинымъ ходомъ, доведось бы замерзать уже не въ Иртышѣ, а частенько и въ океанѣ. Сельдей здѣсь несчетное множество, и они лучше норвежскихъ, а до сихъ поръ о соленьи ихъ позагранячному и понятія не имѣютъ. Наконецъ не только красная рыба и сельдь, но и моржи, дельфины, тюлени, могли бы здѣсь дать милліоны. Всѣхъ песковъ на Оби, отъ устья Иртыша до Яровъ за Обдорскомъ, гдѣ она дѣлится на два главныхъ рукава:—Хаманейскій и Нарымскій, предъ впаденіемъ въ свою губу, считается нынѣ 97. За Ярама же, до океана, есть еще хорошіе пески, но на нихъ промышленяютъ исключительно самовды. Екатеринбургское товарищество Рязанова и К^о взяло нынѣ съ торговъ большую часть этихъ песковъ на аренду въ первое трехлѣтіе. Частныхъ же рыбопромышленниковъ, дѣйствующихъ каждый отдѣльно, въ настоящее время считается здѣсь, съ порядочными капиталами 6, съ мелкими 30. Они нанимаютъ на свои суда рабочихъ, съ платой каждому отъ 10 до 20 руб. сер. въ лѣто. Суда эти нагружаются мукой, солью, мержиной (рыболовныя сѣти) табакомъ, сукномъ, холстомъ и проч. Муки привозится сюда ежегодно до 70,000 пудовъ. Она раздается самовдамъ и остякамъ въ

долгъ, до Обдорской январской ярмарки. Соль идетъ на соленье рыбы, а прочій товаръ вымѣнивается на рыбу. Съ іюня начинается ловъ рыбы. Іюнь называется по самоѣдски „вонзъ“. Въ это время поднимается въ Обь изъ моря: муксунъ, сырокъ, нельма и осетръ. Промыселъ начинается въ Обдорскомъ отдѣленіи въ началѣ іюня, въ Кондійскомъ—въ половинѣ, въ Сургутскомъ—въ началѣ іюля и позже; покуда вся рыба не разоидется по привычнымъ ей мѣстамъ, гдѣ она мечетъ икру. Рыбы идетъ такое множество, что она лѣзетъ на плавающія льдины и цѣлыми слоями на нихъ издыхаетъ. Ловъ производится большими неводами, отъ 300 до 500 саженой длины, закидываемыми на самый центръ рыболовнаго песку. Мелкіе же промышленники ловятъ рыбу по заливамъ, сорамъ, курьямъ, рѣкамъ и озерамъ: съ-тимп, мѣшками, мордами, перегородками, крючьями. А иногда случается, что рыбы скопляется въ одномъ мѣстѣ такое множество, что ее въ буквальномъ смыслѣ слова берутъ руками. Всю эту массу рыбнаго товара сушатъ на солицѣ и солятъ впрокъ, но очень небрежно, нечисто и пересолено. Соленую рыбу складываютъ въ полубочки, а иногда и просто прямо въ трюмъ на голыя доски, и если судно замедлится на ходу, какъ это не рѣдко и бываетъ, или, жалѣя соли, худо просолятъ рыбу, она чернѣетъ и портится. Въ концѣ августа всѣ рыбопромышленники спѣшатъ въ обратный путь, опасаясь остаться гдѣ нибудь затертыми въ льдахъ. Въ сентябрѣ на островѣ Сямотекѣ, въ 20 верстахъ ниже Обдорска, среди Оби, бываетъ родъ ярмарки. Здѣсь, по обычаю издавна укоренившемуся, дѣлаются окончательные расчеты между торговцами, мѣстными жителями русскими и инородцами. Наконецъ Обь пустѣетъ и зимній ловъ нисшихъ сортовъ рыбы уже идетъ только на мѣстное потребленіе края. Всѣхъ капиталовъ, затрачиваемыхъ на обское рыболовство у 36 хозяевъ, пола-

гается примѣрно только 100,000 р. сер. Рязановъ и Ко предполагаютъ употребить на свои заведенія и на учрежденіе рыболовнаго пароходства до 300,000 р. сер., по что значитъ и милліонъ цѣлковыхъ тамъ, гдѣ нужно все создать, всему научить, все преобразовать? А иначе нельзя будетъ соперничать даже съ Ураломъ и Волгой, не говоря уже о Европѣ!

Таковъ немногосложный процессъ этого знаменитаго обьскаго рыболовства, для котораго намѣревались учредить компанію въ Архангельскѣ, о которомъ были толки даже въ Петербургѣ, и которое дѣйствительно требуетъ иныхъ началъ, живительнаго духа европейскаго просвѣщенія, требуетъ даже особаго, серьезнаго вниманія самаго правительства, потому что безъ рыболововъ, на морскихъ прибрежьяхъ, нѣтъ и морской державы. Это доказала морская война 1854 и 1855 годовъ. Сибирь ли, Архангельское ли прибрежье, Балтійское ли или Черное моря,—какую они принесутъ пользу военному флоту безъ національнаго, коренно-русскаго купческаго флота, а особливо безъ разсадника морскихъ силъ, рыболовнаго флота? Россія же не можетъ пожаловаться на Бога, что Онъ отъказалъ ей въ морскихъ берегахъ, въ морскихъ ловляхъ, въ морской торговлѣ. Но иностранцы все у насъ дѣлаютъ... А потому и два столѣтія усилій государей, съ Петра Великаго, мало еще подвинули впередъ націю. Ибо надо же намъ сказать безъ самообольщенія,—въ 200 лѣтъ Европа далеко ушла и далеко оставила насъ назади. Что такое до сихъ поръ, здѣсь, такъ называемыя, заведенія рыбопромышленниковъ на пескахъ? Мы сами въ плаваніе наше внизъ по Оби видѣли многія и изъ лучшихъ. Простые амбары для складки рыбы, черныя избы, рабочіе по полямъ въ водѣ въ стужу и въ ненастье, никакой предусмотрительности, ничего рациональнаго, много суеты и хлопотъ, много и издержекъ, а рыба портится, чаны и лари

грязны. Даже соль дурного качества, потому что подешевле. И грустно видѣть, что совѣты, указанія и поощренія правительства просвѣщеннаго и неутомимо идущаго нынѣ впередъ, скользятъ какъ по заколдованной бронѣ, по этимъ застойнымъ умамъ и привычкамъ, не извлекая ихъ изъ рутины давно-минувшаго, заглушая все цивилизованное и прогрессивное. Не будемъ обвинять обское промысловое рыболовство исключительно; потому что не то ли же самое встрѣтилъ нынѣ и академикъ Беръ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ? Тамъ, кажется, ближе бы было къ наукѣ, технику, Европѣ, нежели на пустынныхъ берегахъ Ледовитаго океана.

Звѣроловство имѣетъ тоже большое значеніе въ Березовскомъ краѣ, но оно отъ безразсчетнаго истребленія звѣря, жадности торговцевъ, а иногда и корыстолюбія чиновниковъ (не смотря на строгія мѣры, предпринимаемыя начальствомъ къ искорененію этихъ злоупотребленій) не развито надлежащимъ образомъ, не ограждено отъ произвола. За исключеніемъ благо медвѣдя, составляющаго особенность этихъ полярныхъ странъ, пушнина здѣсь та же, что и въ Пелымѣ: соболь, лисица, изрѣдка бобръ, бѣлка, голубой и бѣлый песецъ, розсомаха, куница, горностай. Въ Обдорскомъ отдѣленіи занимаются тоже ловлей моржей и тюленей, добычей мамонтовой кости, но въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Лось и олень водятся и здѣсь всюду. Количество пушного товара столь же трудно опредѣлить и здѣсь, какъ и въ Пелымѣ. Кромѣ январской ярмарки въ Обдорскѣ, здѣсь есть еще торжки: въ селѣ Мужахъ (Обдорскаго отдѣленія) съ 20 октября по 25 ноября, въ селѣ Ларьятскомъ съ 22 по 30 мая и въ селѣ Юганскомъ съ Троицина дня недѣлю. Эти двѣ ярмарки въ Сургутскомъ отдѣленіи. Сложность привоза на эти 4 ярмарки простиралась до 52,650 р. сер., а продажи до 50,440 р. сер.; но это цифры, часто умышленно уменьшаемыя, чтобы

отвратить вниманіе отъ здѣшнихъ продѣлокъ. Вогулы, остяки, самоѣды скрытно торгуютъ съ купцами, а скрытность купцовъ очень понятна: они, весьма натурально, больше дикаря понимаютъ, что дѣлаютъ зло; — потому, въ чемъ сознавались намъ и немвогіе добросовѣстные торговцы, оффиціальныя итоги ничего не значать, приблизительно же мѣховую торговлю Березовскаго округа, можно положить не менѣе какъ на 150,000 р. сер. и это показываетъ, какая и тутъ богатая статья. А если прибавить къ этому кедровыя орѣхи, ягоды, грибы, пухъ и перо, дичь, что все очень значительно, да приложить къ этому 100,000 р. сер. рыболовнаго оборота, и 50000 р. сер., которые даетъ Пелымскій край, то выйдетъ $\frac{1}{3}$ всего торговаго и промышленнаго оборота всей Тобольской губерніи (гласно извѣстнаго). Это показываетъ трудолюбіе березовскихъ и пелымскихъ русскихъ и инородцевъ, и показываетъ тоже, что на этотъ, исключительно поставленный географически, край, слѣдуетъ обратить просвѣщенное вниманіе, дать ему администрацію попроще, выборъ чиновниковъ получше, да чаще „посылать ревизовать“, избирая и для самыхъ ревизій людей съ душой и съ сознаниемъ долга совѣсти... Замѣтимъ, наконецъ, что самоѣды и остяки платятъ здѣсь, какъ и въ Пелымѣ вогулы, ясакъ пушнинею: соболемъ, лисицей, горностаемъ, бѣлкой и песцомъ. Только соболь и лисица отправляются въ Кабинетъ Его Величества, въ Петербургъ; остальное продается съ аукціона на мѣсть. Всего же ясака взимается по овладнымъ книгамъ Комиссіи 1835 года на 20,212 р. 25 к. сер. и справедливость требуетъ замѣтить, что давно пора переложить ясакъ съ природы на деньги, потому что взносъ ясака ведетъ вездѣ къ большимъ злоупотребленіямъ и вовсе невыгоденъ (если не сказать хуже) для инородцевъ.

Много говорено было въ нынѣшнее время, о возмож-

ности соединенія Оби съ Печерой, чтобы открыть сибирской торговлѣ временный путь къ Архангельскому порту. Конечно, рѣка Сось, притокъ Оби и рѣка Уса притокъ Печоры, могли бѣ быть соединены каналомъ. Это проектировали еще въ 1806 году сенаторъ Корниловъ и въ 1830 году генераль Аносовъ; но желѣзныя дороги пересоздали теперь все—мѣръ и людей—по своему. Когда можно будетъ послѣть въ недѣлю изъ Петербурга, чрезъ Москву, Нижній-Новгородъ, Казань и Екатеринбургъ въ Тюмень, во всякое время, зимой и лѣтомъ, по желѣзной дорогѣ и съ самыми громадными тяжестями, (а это сбудется въ непродолжительномъ времени: для науки нѣтъ нынѣ преградъ и препятствій), что значить въ сравненіи съ этимъ драгоценнымъ путемъ быстрого и всегда математически вѣрнаго сообщенія, путь водяной, на крайнемъ сѣверѣ, въ странѣ холодной и пустынной, которой сама природа упорно отказывается въ будущемъ? Вологодскій купецъ Латкинъ давно замышляетъ этотъ сѣверный путь и агенты его проникли въ 1859 году, изъ Пустозерска (въ Архангельской губерніи) въ Обдорскъ (Тобольской), изслѣдовавъ уже всю предполагаемую имъ мѣстность. Но найдетъ ли онъ 45 милліоновъ руб. сер., какъ Московско-Саратовская дорога? Наврядъ! Лучше пожелать всему этому сѣверному краю (отъ Пелыма до Сургута) честныхъ чиновниковъ, добросовѣстныхъ купцовъ, заботливыхъ священниковъ, да при просвѣщенномъ содѣйствіи генераль-губернатора—умныхъ торговыхъ компаній для дѣльныхъ и полезныхъ предпріятій. Это будетъ краю повыгоднѣе.

ГЛАВА VIII.

ТОБОЛЬСКЪ.

Плаваніе вверхъ по Оби и Иртышу, отъ береговъ Ледовитаго океана, хотя и гораздо утомительнѣе, но представляетъ за то любопытную и радостную картину, такъ сказать, возрожденіе природы, творенія міра, общезжитія, цивилизаціи. Какая бездна между пустынями при устьяхъ Оби и площадью предъ Кремлемъ Тобольскимъ. Сперва исчезаютъ безжизненные тундры, потомъ поднимаются постепенно лѣса, далѣе являются людныя деревни, торговыя села, шумныя пристанища, а наконецъ появляется и древній Тобольскъ. Но куда до него еще очень и очень далѣко...

Выѣзжая изъ Тобольска, вступаемъ въ совершенно новый міръ, ни въ чемъ не похожій съ тѣмъ, что за собой оставляемъ. Сзади все шумно, дѣятельно, кипитъ жизнью общественной, торговой, промышленной. Тамъ военный станъ передовой Руси у граней средне-азійскихъ—Омскъ, шумный восточный караванъ-сарай—Петропавловскъ, обширныя торговыя центры: Ишимъ, Курганъ, Ялуторовскъ, богатая и суетящаяся Тюмень, даже Туринскъ (отъ сосѣдства Ирбита, да съ его 6 каменными церквями и 4000 жителей, монастыремъ, судоходствомъ и возникающимъ нынѣ пароходствомъ) еще русскій Приволжскій городокъ. Но едва переправившись

за Туру, если ступишь хоть шагъ въ дремучую тайгу Таборинскаго волока,—прощай Европа, Россія, даже Полуроссія — Западная Сибирь! Въ громадной дугѣ нами очерченной отъ села Таборовъ на Тавдѣ, до села Самаровскаго на Иртышѣ, гдѣ уже начинается Западная Сибирь, Россія, Европа, чрезъ Пелымъ, Конду, Березовъ, Обдорскъ, побережье Ледовитаго океана, вверхъ по Оби и по Иртышу, до Тобольскаго округа, всюду пустыня, дремучіе лѣса, зыбуны, трясины, болота, тундры, крошечныя деревушки и сельца,—одинъ на все это страшное пространство крохотный, полудикій, полутемный городокъ; борьба съ природой, большіе труды чтобы жить съ избыткомъ; историческія заточенія: съ Василія Никитича Романова въ 1602 году, до участниковъ митежа 14 декабря 1825 года... И всюду много поэзи, сердечной, конечно, много высокихъ думъ, поучительныхъ уроковъ, но за то и безотрадная госка одиночества, которая падаетъ свинцомъ на душу... потому что худъ, это правда, человекъ; а безъ него, какъ—то еще хуже!

Оставивъ за собой пустынный Обдорскъ и драматическій Березовъ, достигли мы, послѣ труднаго и утомительнаго плаванія вверхъ по этой громадной Оби, села Кондинскаго, нѣкогда Остяцкаго княжества, принадлежавшаго роду князей Алачевыхъ, крестившихся и выѣхавшихъ отсюда навсегда въ Россію. Здѣсь, по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича и по ходатайствуятаго архіепископа Сибирскаго Симеона, построень въ 1657 году Свято-Троицкій мужской монастырь для проповѣди св. Евангелистовъ остяцкому народу. Каменная церковь этой обители (самой дальней на крайнемъ сѣверѣ, во всей Западной Сибири), живописно высятся надъ Обскою пучиной. Этотъ монастырь находится въ 800 верстахъ отъ Тобольска и въ центрѣ, такъ сказать, всѣхъ инородческихъ племенъ Тобольской губерніи: самоедовъ, остяковъ, вогуловъ и татаръ. Нынѣшній ар-

химандритъ Арсеній устроилъ здѣсь школу, въ которой учатся теперь 10 остяцкихъ, 2 самоѣдскихъ и 3 русскихъ мальчика. Цѣль учрежденія этого училища—приготовленіе инородческихъ дѣтей, для слушанія курса богословскихъ наукъ въ Тобольской духовной семинаріи и для рукоположенія ихъ со временемъ въ священники этого отдаленнаго края. Въ Омскомъ же военномъ госпиталѣ, благодаря просвѣщенной заботливости бывшаго генералъ-губернатора Гасфорда, уже обучаются нынѣ остяцкіе мальчики и для занятія фельдшерскихъ должностей въ Березовскомъ округѣ. Если то и другое предпріятія пойдутъ успѣшно, если сверхъ того возможно будетъ дать туземнымъ племенамъ и хорошихъ приходскихъ учителей (особенно вогулямъ Целымскимъ, которые всѣ уже крещены и живутъ по русски), то изъ соединенія подобныхъ руководителей и изъ ихъ дружныхъ дѣйствій выйдетъ, конечно, много благихъ послѣдствій. Архимандритъ Арсеній говорилъ намъ, что если шаманы сохранили до сихъ поръ большое вліяніе на туземцевъ, то не по однимъ лишь религіознымъ убѣжденіямъ, но и потому, что самоѣды и остяки вѣрятъ въ нихъ, какъ въ знатоковъ врачебнаго искусства. Это мы уже имѣли случай наблюдать въ Обдорскомъ отдѣленіи и это же замѣчено у тунгусовъ и у Забайкальскихъ бурятъ, гдѣ отъ вліянія ламъ и какъ лицъ духовныхъ, и какъ врачей, даже англійскіе протестантскіе миссіонеры, при всей ихъ просвѣщенной опытности, не имѣли никакого успѣха.

Кондійская природа, уже болѣе благосклонна, нежели Березовская. Здѣсь много прекрасныхъ луговъ и богатаго строеваго лѣса. Здѣшніе рыболовные пески изобилуютъ тоже отличной красной рыбой. Въ Кондійскомъ отдѣленіи водятся и рѣчные бобры, но они низкой доброты противъ камчатскихъ; сборъ кедровыхъ орѣховъ, звѣроловство и рыболовство,—вотъ исключительныя занятія жите-

лей. Однако здѣсь достаточно коровъ и лошадей. Кондійская брусника славится на всѣхъ ярмаркахъ Тобольской губерніи и ее вывозятъ даже далеко въ Зауралье. Птицы тоже много, а драгоценный гагачій и лебяжій пухъ добывается въ большомъ количествѣ. Но огородничество и въ особенности хлѣбопашество, здѣсь только попытки. Въ Пелымѣ можетъ расти въ огородахъ все, а при тщательномъ уходѣ и покрывшѣ, даже арбузы; но въ Березовѣ и рѣпа съ капустой плохо родятся, другаго же овоща нѣтъ. Въ Сургутѣ занимаются земледѣіемъ священникъ и казачій офицеръ, а въ селѣ Юганскомъ священникъ; но неистощимыя богатства рыбы, дичи, звѣря, орѣховъ, ягодъ, отвлекаютъ, какъ и въ Пелымѣ, здѣшнихъ жителей отъ труда сельскаго. Однако гиммалайскій ячмень, какъ это и было въ якутской области, хорошо выдерживающій ранніе холода, могъ бы быть разводимъ съ успѣхомъ въ возможныхъ для него мѣстностяхъ Березовскаго округа, особливо въ Сургутѣ; а въ особенности полезно бы было поощрить къ этому жителей Пелымскаго края, которые большею частью ѣдятъ ячменный хлѣбъ и много продаютъ его вогуламъ.

Но вотъ и старый омскій знакомецъ нашъ, бурный Иртышъ! Вотъ и шумное село Самаровское (въ 550 верстахъ отъ Тобольска), единственная, сколько нибудь важная пристань всей водной системы Западной Сибири. Сюда сходятся нынѣ пароходы Тюменско-Томской системы и суда всѣхъ рыбопромышленниковъ Березовскаго края; здѣсь тоже складочные амбары купцовъ и здѣсь же наконецъ наемъ рабочихъ на Обское судоходство. Эта пристань очень похожа на известную Каччужскую, на Ленѣ, въ 270 верстахъ отъ Иркутска, гдѣ, какъ и здѣсь центръ, торговли, рыбопромышленности и всякаго рода судоваго движенія Ленской системы. Село Самаровское прекрасно обстроено, съ бо-

гатовой каменной церковью. Замѣчательно, что лишь только переступишь Обскую черту и границу Березовскаго округа, русская привольная жизнь уже опять вступает во всѣ свои права. Быстро и весело поднимались мы Иртышемъ. Вотъ наконецъ и развалины Искера при устьѣ рѣчки Сибирки, въ 19 верстахъ отъ Тобольска; гряда камней, поросшихъ дерномъ и раскидистыми деревьями. По всему видно, что царство Кучума было только тѣнью Казани, Астрахани—грозныхъ нѣкогда царствъ татарскихъ. Почти же благодарнымъ воспоминаніемъ отважнаго витязя, наступившаго здѣсь пятой на послѣдній, постыдный слѣдъ монгольскаго рабства. Завоеваніе Амура и Или сгладило нынѣ это тяжкое прошедшее и мирно довершить покореніе всѣхъ монгольскихъ племенъ великому царству Русскому.

Тобольскій округъ находится между Березовскимъ, Туринскимъ, Тюменскимъ, Ялуторовскимъ, Ишимскимъ и Тарскимъ округами своей губерніи; значитъ, онъ соприкасается почти всѣмъ округамъ. Площадь его заключаетъ въ себѣ 93,534 кв. верст. съ населеніемъ по 10-й народной переписи въ 97,238 ж. о. п. Всѣхъ волостей въ немъ: русскихъ 13, татарскихъ 9, остяцкихъ 11. Въ этихъ волостяхъ по 10 й народной переписи, считается нынѣ обложенныхъ податями, повинностями и ясакомъ 36,777 р. д. (27,436 рев. д. русскихъ, 7,326 р. д. татаръ и 1,945 р. д. остяковъ, изъ коихъ работниковъ, т. е. обложенныхъ ясакомъ 905 человекъ).

Округъ этотъ достаточно населенъ только около Тобольска и отъ него по рѣкѣ Иртышу въ обѣ стороны, также по Тоболу и Вагаю. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но главное ихъ занятіе—рыболовство и звѣроловство. Большая часть округа покрыта дремучими лѣсами и болотами. Становая жила его Иртышъ, который входитъ сюда изъ Тарскаго округа, а замѣчательнѣйшія послѣ него рѣки: Тоболь, Вагай,

Туртасъ и Демьянъ. Есть тоже нѣсколько рыболовныхъ озеръ: Уватское, на границѣ Тарскаго округа, Андреевское въ вершинѣ рѣки Носки, Шишкаринское, между Вагаемъ и Тоболомъ, Мушинское и Язъ-Туръ, извѣстныя вкусными карасями, налимами и ершами. Русскіе крестьяне живутъ достаточно. Татары въ образѣ жизни тоже ничѣмъ не разнятся отъ татаръ внутреннихъ губерній: хорошія деревни съ мечетями и школами, трудолюбіе, избыточность; но остяки бѣднѣе Березовскихъ.

Тобольскъ, губернской городъ Тобольской губерніи находится подъ 58° , $12'$ с. ш. и 85° , 44 в. д., противъ устья рѣки Тобола, на правомъ берегу Иртыша, отъ Петербурга въ 2959 верстахъ, отъ Москвы 2286. Онъ основанъ въ 1587 году псыменнымъ головой Данилой Чулковымъ и съ 1708 года сдѣланъ губернскимъ городомъ, при первомъ раздѣленіи Россіи на 8 губерній. Мѣстность Тобольска, во всѣхъ отношеніяхъ, неудобна въ гигиеническомъ отношеніи — онъ почти весь стоитъ на болотѣ, ежегодно заливаемомъ весенними наводненіями Иртыша. Верхній посадъ его, гдѣ находятся всѣ губернскія учрежденія, соборы, архіерейскій домъ, губернская тюрьма и проч., стоитъ на крутизнѣ, которая сообщается съ нижнимъ посадомъ очень затруднительными подъемами. Въ административномъ же, торговомъ, обозномъ и почтовомъ отношеніяхъ, — онъ вдвинутъ далеко на сѣверъ, вѣсь всѣхъ нынѣшнихъ путей сообщенія, вѣсь самой большой, населеннѣйшей и богатѣйшей части своей губерніи. Торговля его, нѣкогда цвѣтушая, нынѣ совсѣмъ упала; значительныхъ капиталовъ нѣтъ, пожары и наводненія, періодически его посѣщающія, не даютъ ему поправиться и не представляютъ никакихъ надеждъ на будущее. Торговое и промышленное развитіе все болѣе и болѣе стремится нынѣ къ югу, въ центръ богатыхъ округовъ Прилинейныхъ; а со временемъ желѣзная дорога Нижегородско-Сибирская, окончательно упрочить, конечно, это стремленіе. Наконецъ кли-

мать въ Тобольскѣ холодный, лѣто сырое и туманное, жить въ немъ дороже, нежели на югѣ. Но Тобольскъ— нѣкогда „царствующій градъ“ всей Сибири, еще сохраняетъ слѣды своего прежняго историческаго значенія. Когда подплываешь къ нему Иртышемъ, въ тихій лѣтній вечеръ, онъ представляется очень эффектно, со своими 21 каменными церквами (съ домовыми 23), кремлемъ, соборами, старинными архіерейскими палатами на крутизнѣ горы, обелискомъ Ермака, съ разрастающимся вокругъ садомъ, огромнымъ зданіемъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, громаднымъ тюремнымъ замкомъ, съ приставью полной движенія, при колокольномъ звонѣ всѣхъ его церквей, сзывающихъ ко всеобщей и при прощальныхъ лучахъ великолѣпно заходящаго солнца, обливающего городъ, обѣ рѣки, окрестность, злато-пурпуровымъ, чудно-магическимъ свѣтомъ. Мало въ Россіи мѣстностей столь картинныхъ и будь онъ придвинуть на 400 верстъ ближе къ югу, расположись онъ на сухомъ и твердомъ грунтѣ, внѣ раззорительныхъ разлитій Иртыша, онъ бы былъ конечно однимъ изъ богатѣйшихъ и красивѣйшихъ губернскихъ городовъ въ имперіи. Нынѣ въ немъ 21 каменная церковь (въ томъ числѣ 2 собора), 2,428 домовъ и 17,036 ж. о. п.; изъ нихъ окладныхъ мѣщанъ 2638, а ремесленниковъ 597, фабрикъ и заводовъ 24 (въ томъ числѣ 1 стеклянный и 1 писчебумажный). Учебныя заведенія—духовная семинарія съ духовнымъ уѣзднымъ училищемъ, гимназія съ благороднымъ при ней пансіономъ, уѣзднымъ и 2 приходскими училищами, военное, почтовое и казачье училища; татарская школа, Маріинская женская школа и при ней дѣтскій пріютъ и пріютъ для дѣтей арестантовъ, публичная бібліотека, благородное собраніе, общественный садъ, огромная губернская тюрьма (одна изъ лучшеустроенныхъ въ имперіи) съ церковью, обширной больницей и сиротопитательнымъ пріютомъ, арестантская рота гражданскаго вѣдом-

ства и мужской Знаменскій монастырь, въ коемъ помѣщается семинарія, штабы: 24-й пѣхотной дивизіи, сибирскаго линейнаго баталіона № 1-го, татарскаго коннаго полка и Тобольскаго казачьяго пѣшаго баталіона. Изъ этого видно, что Тобольскъ имѣетъ всѣ данныя, чтобы быть значительнымъ городомъ, — но въ сущности, его поддерживаетъ только административное значеніе. Отнимите у него губернскія учрежденія, штабъ 24-й пѣхотной дивизіи, архіерейскую кафедру, комиссаріатскую комиссію, войска, какъ уже переведено изъ него мѣстопробываніе генераль-губернатора Западной Сибири и Главнаго Управленія въ Омскѣ, а въ 1859 году переведено и почтовое управленіе нынѣшняго почтоваго округа здѣшняго края, — онъ тотчасъ сизойдетъ на чреду тѣхъ городовъ внутренней Россіи, гдѣ много церквей, много старинныхъ домовъ и памятниковъ исторической жизни, но мертвая тишина на улицахъ, крапива въ оградахъ церковныхъ, сонныя рѣки, и заброшенные почтовые пути. И это съ нимъ сбудется. И теперь уже въ немъ осѣдлыхъ жителей, приписанныхъ къ приходамъ, только 9927 (4705 муж. и 5222 женщ.), т. е. 7000 меньше показаннаго выше общаго населенія. И какихъ жителей! Самая большая часть нижняго посада и всего города (1300 домовъ) въ огромное наводненіе 1859 года раззорилась, бѣдность запускаетъ свои когти все глубже и глубже — и пора правительству рѣшиться. Пора и для надзора, и для удобства — разграничить Западную Сибирь: открыть губерніи въ Омскѣ и въ Тюмени, на что указываютъ природа и мѣстность; перевести Ирбитскую ярмарку въ Тюмень и дать толчекъ дремлющему, еще апатически улучшающемуся краю... Замѣтимъ, что Тобольскъ, обращенный въ окружный городъ, гигиенически болѣе отъ сего выиграетъ, нынѣшніе перестанутъ льпиться на нижнемъ посадѣ. Верхній посадъ устроится хорошо и удобно. А что казна много

строила въ Тобольскѣ, не сообразивъ будущаго развитія Сибири и будущихъ требованій управленія, тогда какъ должна была видѣть, что, по естественному закону природы, русское племя стремится на югъ, и что сѣверъ будетъ пустѣть годъ отъ году... Ну! Тобольскъ не первый и не послѣдній городъ, отжившій и историческую и административную жизнь.

Тобольскій соборъ св. Софїи напоминаетъ въ этой дальней сторонѣ родное и причесное имя св. Софїи Новгородской и Кіевской и бѣдную св. Софїю Византійскую. Ирғышъ и очаровательные берега Босфора—какое сближеніе! Тобольскіе соборы Успенскій и Софійскій воздвигнуты оба въ концѣ XVII столѣтія вторымъ митрополитомъ Сибирскимъ Павломъ (1686 — 1694). Онъ же соорудилъ и архіерейскія палаты съ крестовой церковью, старинной и массивной архитектуры, живописно возвышающіяся на окраинѣ горы и окаймленныя зелеными садами. Оба собора богатой отдѣлки. Въ Софійскомъ замѣчателенъ престолъ сребро-кованой работы знаменитаго Сазикова, икона св. Софїи, Премудрости Божіей, время четвертаго архіепископа Сибирскаго Герасима (1640—1650), сходная съ иконой св. Софїи Новгородской, и другая икона св. Софїи же, съ оригинальной отливной отъ всѣхъ донинѣ извѣстныхъ тѣмъ, что Премудрость Слова Божія изображена на деревѣ, при корени котораго стоятъ царь Іоаннъ IV Грозный съ Московскимъ митрополитомъ Діонисіемъ, а на вѣтвяхъ изображены 6 первыхъ сибирскихъ архіепископовъ: Кяпріянъ, Макарій, Нектарій, Герасимъ, Симеонъ и Корнилій. Историческая же икона св. Николая чудотворца (походная Ермака) увезена въ 1826 году въ Москву архіепископомъ Евгеніемъ и поднесена императору Николаю Павловичу. Особенность Тобольскихъ соборовъ состоитъ въ томъ, что въ недѣлю православія, по древнему установленію перваго архіепископа Си-

бирскаго Кипріяна (1621—1624 г.), заставшаго еще въ живыхъ многихъ товарищей Ермака и лично ихъ спрашивавшаго, возглашается здѣсь вѣчная память Ермаку и его казакамъ, убитымъ при завоеваніи Сибири, и которыхъ имена были вписаны тогда же въ синодикъ соборный.

Въ Успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Іоанна Златоустаго, покоится блаженный Іоаннъ Максимовичъ, митрополитъ Сибирскій, современникъ Петра Великаго, просвѣтитель этихъ далекихъ странъ свѣтомъ своихъ добродѣтелей, благоговѣнно чтимый цѣлой Сибирью за его истинно святую жизнь и чудно—святую кончину. До сихъ поръ совершаются на его могилѣ панихиды и заупокойныя литургіи, подобно тому, какъ это происходитъ на другой оконечности Сибири, въ часовнѣ, сооруженной на Верхнеудинскомъ кладбищѣ (за Байкаломъ), надъ могилой другаго святаго труженика и страдальца, Ростовскаго митрополита Арсенія, сосланнаго въ заточеніе въ Нерчинскій край, во второй половинѣ XVIII столѣтія, съ честью потомъ возвращенаго и скончавшагося столь же чудной кончиной праведника на дорогѣ. Іоаннъ Максимовичъ родился въ городѣ Нѣжинѣ (нынѣшней Черниговской губерніи) въ 1653 году, учился въ Кіевской духовной академіи (долго бывшей единственнымъ разсадникомъ духовнаго и гражданскаго просвѣщенія для всей Россіи XVI, XVII и XVIII столѣтій) и, окончивъ курсъ богословскихъ наукъ подъ руководствомъ знаменитыхъ наставниковъ и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ того времени Варлаама Ясинскаго и Инокентія Гизеля, поступилъ самъ наставникомъ въ эту академію, постриженъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, и еще въ скромномъ санѣ іеромонаха удостоился въ 1677 году, 24 лѣтъ отъ роду, избранія въ послы отъ малороссійскаго народа къ царю Феодору Алексѣевичу. Юный и краснорѣчивый посолъ обратилъ на себя въ Москвѣ

особое вниманіе царя и патріарха, быстро восходилъ съ степени на степень духовную и въ 1697 году, по ходатайству гетмана Мазены, хиротонисанъ въ архіепископы Червняговскіе. Когда въ 1709 году Карлъ XII двинулся изъ Польши въ Россію, архіепископъ Іоаннъ привѣтствовалъ сѣвшившаго къ русской арміи Петра Великаго, при встрѣчѣ его въ нынѣшней Городнѣ (уездный городъ Черниговской губерніи, въ 54 верстахъ отъ Чернигова) этими пророческими словами: „Благословенъ ты, егда входиши и благословенъ егда исходиши. Предастъ бо Господь Богъ враги твоя. Сопротивляющіеся тебѣ, путемъ единымъ прійдутъ къ тебѣ и седмю путіи побѣгутъ отъ лица твоего.“ 27 іюня, въ великій день Полтавской битвы, это свыше вдохновенное прорицаніе исполнилось.

Въ 1711 году Петръ Великій, желая дать достойнаго архипастыря Сибирскому краю, послѣ двухъ приспопаятныхъ іерарховъ, изъ которыхъ одинъ, назначенный митрополитомъ Сибирскимъ, св. Дмитрій, Ростовскій чудотворецъ, за болѣзнію не могъ предпринять путешествія въ далекую Сибирь, а другой Филофей Лещинскій, долго святительствовалъ здѣсь, принялъ схиму и посвятилъ себя апостольству среди языческихъ и исламическихъ племенъ сибирскихъ, — избралъ въ митрополиты сибирскіе Іоанна Максимовича, и краснорѣчивый витія вполне оправдалъ державный выборъ Полтавскаго героя. Прибывъ въ Тобольскъ въ томъ же году, онъ немедленно далъ сильное движеніе дѣлу проповѣди евангельской между остяками, самоѣдами, вогулами, татарами и тунгусами (которыхъ схимникъ Феодоръ, бывшій митрополитъ Филофей, окрестилъ до 40,000 человекъ), и снарядилъ, по мысли Петра Великаго, первую духовную миссію въ Китай. Миссія эта достигла Пекина 20 апрѣля 1716 года. Императоръ Кан-Си принялъ ее благосклонно, приказалъ соорудить для нея монастырь

(нынѣшній Срѣтенскій) и назначилъ ей достаточное содержаніе. Съ этихъ поръ духовная миссія наша пребываетъ въ Пекинѣ. Наконецъ митрополитъ Іоаннъ много способствовалъ не только духовному, но и гражданскому просвѣщенію тогдашней Сибири, чрезъ привезенныхъ имъ ученыхъ монаховъ. Глубокій знатокъ классической древности, онъ любилъ поэзію и занимался ею въ часы отдохновенія. Но подвизаясь столь просвѣщенно на государственномъ и мірскомъ поприщѣ, онъ не престаивалъ устраивать и храмъ благочестивой души своей. Часто, переодѣвшись простымъ монахомъ, выходилъ онъ ночью тайкомъ изъ архіерейскихъ палатъ, и постучавшись въ оконцо какого нибудь бѣдняка, приговаривалъ, подавая обильную милостыню: „прими во имя Іисуса Христа!“ Самъ же поспѣшно удалялся. Часто тоже ходилъ онъ по тюрьмамъ, утѣшалъ и подкрѣплялъ заключенныхъ. Если самъ не могъ идти для подачи милостыни, то посылалъ людей довѣренныхъ, запрещая разглашать о даятелѣ. Онъ былъ всегда занятъ чтеніемъ, письмомъ, молитвой. Въ библіотекѣ Софійскаго собора хранится до сихъ поръ рукопись, составленнаго имъ „Феатра нравоучительнаго, или нравственнаго зеркала для царей, князей и деспотовъ“, объясняющая обязанности разнаго рода властей. Часто его приближенные слышали, что запершись въ кельѣ, нѣ ночное время, онъ молился со слезами и воздыханіями. Такъ протекли четыре года. 10 іюня 1715 года онъ совершилъ божественную литургію и пріобщился св. Таинъ. По возвращеніи изъ собора въ палаты, онъ принималъ духовенство и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, долго бесѣдовалъ съ ними, съ прискорбіемъ говорилъ имъ о разлукѣ и близкомъ свиданіи, къ непонятному для всѣхъ удивленію, прощался со всѣми и просилъ о немъ молиться. Когда всѣ ушли, онъ оставилъ при себѣ только одного изъ особенно любимыхъ приближенныхъ, еще бесѣдовалъ съ нимъ, наконецъ отпу-

стиль и его... Наступило время вечера. Очередной соборный священникъ пришелъ по обычаю къ архипастырю принять его благословеніе на благовѣсть, но келья была заперта. Обождавъ довольно времени, священникъ чрезъ дверь просилъ благословенія, но отвѣта не было. Наступилъ вечеръ, дали знать духовенству и Сибирскому губернатору, князю Гагарину. Пріѣхавъ немедленно, Гагаринъ просилъ владыку допустить хоть его, но все безмолствовало въ запертой кельѣ. Тогда рѣшились выломать двери. Митрополитъ Іоаннъ стоялъ на кофѣнахъ предъ иконами. Смерть уже запечатлѣла уста его и благій духъ воспарилъ къ Богу. Что можетъ быть величественнѣе и назидательнѣе подобной кончины?..

Но есть еще, въ виду этихъ древнихъ соборовъ, у самага преддверія этихъ старинныхъ палатъ архіепископовъ Тобольскихъ, другое трогательное воспоминаніе давноминувшаго, другая историческая святыня: знаменитый „сыльный Угличскій колоколъ“, перевезенный въ 1593 году, по приказанію Бориса Годунова, въ Тобольскъ за то, что обличительно ударилъ въ набатъ, при убіеніи св. царевича Димитрія въ Угличъ, въ роковой день 15 мая 1591 года, когда св. отрокъ палъ закланный, обливаясь въ невинной крови своей... Соборный сторожъ Угличскаго придворнаго собора Максимъ Кузнецовъ, да вдовый священникъ Федотъ, по прозванію Огурецъ, бросились тогда на колокольню, заперлись въ ней изнутри и ударили въ этотъ колоколъ въ набатъ. Извѣстно, что сбѣжавшіеся граждане убили злодѣевъ. Страшныя кары постигли несчастный Угличъ за этотъ невольный бунтъ. Борисъ Годуновъ (тогда еще шуринъ царя, не болѣе, но уже въ сущности, безотчетный властитель государства) казнилъ до 200 именитѣйшихъ гражданъ угличскихъ, множество погибло тоже во время сыскаго дѣла отъ лютыхъ пытокъ и въ душныхъ темницахъ московскихъ; а оставшіеся въ жи-

выхъ сосланы въ Сибирь, въ нынѣшній Целимъ. Колоколь-обличитель былъ, по народному преданію, „битъ кнutomъ съ вырваніемъ уха“ (тогда у осужденныхъ къ кнуту рвали ноздри) и тоже сосланъ, но въ Тобольскъ. Его повѣсили сперва на Спасской колокольнѣ, потомъ на соборной, гдѣ между 1762 и 1802 годами, по приказанію Тобольскаго архіепископа Варлаама, вырѣзана на немъ по краямъ слѣдующая достопамятная надпись: „Сей „колоколь, въ который били въ набать при убіеніи „благовѣрнаго царевича Дмитрія, въ 1593 году, при- „сланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку, въ „городъ Тобольскъ, къ церкви Всемиловствивѣйшаго Спаса, „что на торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ „часобитный“. Въ началъ 1837 года, по волѣ архіепископа Афанасія, онъ снятъ съ соборной колокольни и повѣшенъ подлѣ архіерейскаго дома, при крестовой архіерейской Свято-Троицкой церкви, подъ небольшимъ деревяннымъ навѣсомъ, гдѣ его и показываютъ донинѣ. Покуда онъ висѣлъ на соборной колокольнѣ, въ него отбивали часы, а при пожарахъ били въ набать. Звукъ его рѣзкій и громкій, такъ что его слышно по всему городу. Вѣсу въ немъ 19 пудовъ и 20 фунтовъ. Онъ дѣйствительно съ отсѣченнымъ ухомъ; цвѣтъ мѣди сѣрый, толщина стѣнокъ $1\frac{1}{2}$ вершка, а окружность по нижнимъ краямъ 3 аршина и $\frac{3}{4}$. Итакъ вотъ уже 266 лѣтъ, какъ этотъ неумолчный обличитель краснорѣчиво свидѣтельствуесть о царубійствѣ, о казни цѣлаго невиннаго города, „засвятость права и правды“ нѣкогда возставшаго. Какой высокій урокъ для земнаго властолюбія! Желательно бы было, чтобы этотъ колоколь возвратили изъ ссылки, отдали древнему Угличу и поставили на монументальномъ подножіи, увѣнчанный крестомъ спасенія, на площади среди этого, нѣкогда „опальнаго города“. Такія благородныя примиренія съ прошедшимъ имѣютъ

великое нравственное значеніе и желательно бы было тоже, чтобы и бѣдному Пельму, гдѣ погибли головой за свою трогательную преданность къ державному Дому Рюрика именитые и столь несчастные граждане Углича, дарованы были какія нибудь льготы и милости.

И въ Tobольскѣ, какъ во многихъ древнихъ городахъ русскихъ, въ подражаніе царствующему граду Москвѣ, былъ тоже пѣкогда свой каменный кремль, воздвигнутый однако уже во времена Петра Великаго, при первомъ Сибирскомъ губернаторѣ, князѣ Гагаринѣ. Строителями этого кремля были плѣнные шведы, послѣ Полтавской битвы разосланные по Сибири. Хотя стѣны его разобраны за ветхостью еще въ концѣ XVIII столѣтія, но каменная стѣна и арка надъ „Прянскимъ взвозомъ“ уцѣлѣли до сихъ поръ. И въ этой безмолвной громадѣ—какое краснорѣчивое обличеніе суетности земнаго величія! Думали ли солдаты Шведскаго короля, упоенные Нарвской „вигторіей“, покорители Польши и Германіи, раздаватели коронъ, что имъ придется въ далекой Сибири сооружать въ потѣ лица, въ нлѣну и въ ссылкѣ крѣпости для ихъ враговъ? Плѣнные шведы, между которыми было много и нѣмецкихъ офицеровъ, людей образованныхъ, принесли большую пользу тогдашней Сибири. Такъ капитанъ Альбедильскаго драгунскаго полка, Фридрихъ фонъ-Врехъ (нѣмецъ родомъ, изъ секты піетистовъ), адъютантъ Михаэлисъ Шлегель и пасторъ Іоганъ Габерманъ основали въ 1715 году въ Tobольскѣ школу, не только для дѣтей своихъ единовѣрцевъ, но и для дѣтей русскихъ. Инспекторомъ этой школы избранъ былъ шведами пасторъ Біернбергскаго пѣхотнаго полка Лауреусъ; въ 1719 году, въ этой школѣ обучалось уже 96 мальчиковъ. Подобное отрадное явленіе, въ далекой и страшной тогда Сибири, чрезъ переписку плѣнныхъ съ ихъ отечествомъ, возбудило общее сочувствіе въ Швеціи, Даніи и Гер-

маніи. Знаменитый профессор Франке въ Галлѣ открылъ для этой школы подписку и собралъ до 5000 р. тогдашнихъ денегъ; сумма очень значительная, въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ. По Ништадскому миру съ Швеціей, всѣ плѣнные получили разрѣшеніе возвратиться въ отечество, а въ томъ числѣ и капитанъ фонъ-Врехъ. Закрывъ въ 1722 году свою школу, онъ выѣхалъ въ Германію и издалъ объ этомъ метеорѣ, блеснувшемъ въ гиперборейскихъ странахъ, куда его забросила судьба, любопытную книгу въ 1725 году. Умеръ въ Пруссіи въ глубокой старости.

Арка, построенная шведами и въ которой и теперь еще помѣщается губернской архивъ, носитъ въ народѣ названіе „шведскихъ воротъ“. Подъ эту арку идетъ въ крутую гору обширная лѣстница, служащая для пѣшеходовъ и въ особенности для непрерывныхъ сообщеній нижняго посада съ верхнимъ, гдѣ помѣщаются теперь губернска прісутственныя мѣста, въ, такъ называемомъ, „Чичеринскомъ домѣ“,—тоже другое историческое воспоминаніе столѣтней старины. Въ этихъ громаднхъ палатахъ, долго стоявшихъ запустѣлыми, и лишь въ XIX столѣтіи устроенныхъ для ихъ нынѣшняго назначенія, — жилъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, вельможа блестящаго вѣка Екатерины II, управляя тогдашней Сибирью, одинъ изъ лучшихъ и благонамѣреннѣйшихъ правителей сибирскихъ въ XVIII столѣтіи. Чичеринскій домъ — лучшее и обширнѣйшее зданіе въ Тобольскѣ, эффектно возвышающееся на самомъ обрывѣ крутой горы. Видъ изъ оконъ залы губернскаго Совѣта истинно восхитителенъ!

Тобольскъ былъ нѣкогда обширнымъ цвѣтущимъ городомъ, первымъ въ Сибири и изъ лучшихъ въ Россіи XVII и XVIII столѣтій; но пожары, наводненія, отодвинутый на югъ путь изъ Россіи въ Сибирь, перемѣщеніе центрального управленія краемъ въ Омскъ,

сдѣлавшійся стратегически, политически и административно необходимымъ при расширеніи имперіи до Западнаго Китая и Средней Азіи, наконецъ — самое перемѣщеніе торговли, которая теперь отъ Ирбита и Тюмени тоже стремится къ югу какъ средоточію всѣхъ производительныхъ силъ Западной Сибири,—лишили его всякой надежды на будущность. Начнемъ съ историческихъ пожаровъ. Рядъ ихъ тянется непрерывно до нашего времени, съ самаго основанія города въ 1587 году. Въ 1643 году, онъ сгараетъ до тла: соборъ, архіерейскій домъ, гостинный дворъ, церкви, деревянное рубленое укрѣпленіе съ башнями,—все пожрано пламенемъ, остается только 20 домовъ. Въ 1652 году — опять пожаръ; сгараетъ 265 домовъ. Въ 1659 году—сгараетъ Знаменскій монастырь, въ которомъ теперь духовная семинарія. Въ 1677 г.—общій пожаръ: сгараетъ опять Знаменскій монастырь, 3 церкви внизу, крѣпость, соборъ, 4 церкви на горѣ, архіерейскій и воеводскій дома, гостинный дворъ и 105 домовъ на посадѣ. Въ 1678 г.—горитъ 300 домовъ. Въ 1680 г.—опять общій пожаръ: горятъ весь городъ, крѣпость, 3 церкви, воеводскій домъ, приказъ и до 500 домовъ. Въ 1686 г.—сгараютъ 1 церковь, торговые ряды, посольскій дворъ, 600 русскихъ домовъ, татарская и бухарская слободы. Въ 1690 г. — опять пожаръ: горятъ эти слободы, 200 русскихъ домовъ, государственный житный дворъ (хлѣбные магазины) и базаръ. 6 и 7 іюня 1701 года—общій пожаръ: весь городъ сгараетъ до тла, остается только 28 домовъ. Въ 1757 г. вновь огромный пожаръ: сгараетъ до 400—купеческихъ лавокъ (это уже не нынѣшняя Тобольская торговля) и 817 домовъ. Въ 1788 г.—окончательный ударъ: 27 апрѣля начинается пожаръ подъ горой, а 28 числа къ 10 часамъ вечера Тобольска не стало. Сгорѣли всѣ казенныя и общественныя зданія, монастырь, соборы,

церкви, лавки и 1800 домовъ; даже сгорѣли всѣ хлѣбные запасы казенной муки, осталось на лицо только 57 четвертей. Наконецъ въ 1839 году—сгараеть весь гостинный дворъ, со всѣми товарами и даже со всѣми деньгами, въ немъ хранившимися.

Преслѣдуя огнемъ, тотъ же самый чудный фатализмъ преслѣдуетъ несчастный Тобольскъ и водой, и тоже съ самаго основанія города. Иртышъ топить его периодически, вотъ уже почти триста лѣтъ до весны 1859 г. включительно. Въ 1789 году размыло и разрушило весь нижній городъ; тоже повторилось и въ 1854 году. Наконецъ въ 1859 году залило 1500 домовъ, исковеркало мосты и мостовыя, размыло фундаменты, забросало иломъ канавы, разорило, какъ говорится, „въ корень“, такъ что тысячи остались безъ пристанища и средствъ поправиться. Какими тутъ щедротами правительства и безъ того въ 1854 г. уже помогшаго, какими жертвами народа пособишь такой мѣстности, гдѣ громадная рѣка—всегдашняя угроза разореніемъ и гибелью, при низкой притомъ и болотистой мѣстности? Поговариваютъ о перенесеніи города на верхъ и даже уже переносятъ. Но къ чему? Въ Тобольскѣ лучшая часть жителей — служащіе; отнимите этихъ служащихъ и некому будетъ переходить на гору. Въ наше время можно и должно употреблять деньги съ бѣльшей пользой, нежели какую дадутъ невозвратно падшіе города. Эти отсталыя понятія привязанности къ старинѣ не клеятся съ идеей прогресса и движенія впередъ! Къ тому же самая, если такъ выразиться, „сѣстная жизнь“ въ Тобольскѣ уже не то, чѣмъ была она во времена этой блаженной и блаженной старины. Вотъ любопытная „сравнительная вѣдомость“ цѣнъ на жизненные припасы въ 1759 и 1859 годахъ. Разница не утѣшительная!

	1759 года.	1859 года.
пудъ пшеничной муки 1 сортъ	13 коп. асс.	60 к. сер.
2 сортъ	13 " " . .	50 " "
пудъ ржаной муки базарной. .	5 " " . .	48 " "
гороховой. .	10 " " . .	80 " "
солоду	8 " " . .	70 " "
толокна. . . .	16 " " . .	60 " "
крупъ: ячныхъ. . . .	13 " " . .	80 " "
гречневыхъ .	30 " " 1 р. 40 к. сер.	
просяныхъ. .	35 " " 2 р. 20 " "	
1 фунтъ байховаго чаю . .	50 " " 2 р. . .	" "
1 ведро пѣннаго вина 1 р. . .	20 " " 3 р. . .	" "
1 сажень березовыхъ дровъ	30 " " 1 р. 55 к. сер.	

Въ началѣ XVIII столѣтiя быкъ продавался въ Тобольскѣ по 2 р. 50 к. ассиг., свинья стоила 35 коп., пудовой осетръ 6 коп.; еще въ 1755 году пудъ сахару стоилъ 7 р. асс., а цибикъ чаю въ 140 фунт. вѣсу — только 70 руб. Известный путешественникъ Гмелинъ, посѣтившій въ 1734 году Тобольскъ, говоритъ, что „на 10 руб. асс. простолюдинъ могъ прокормиться цѣлый годъ.“ Но 1 января 1860 года, по такъ продавались уже въ Тобольскѣ: пудъ мяса 1 р. 20 к. сер., телятины — 1 р. сер. баранины — тоже 1 р. 20 к. сер. Въ Тобольскѣ, окруженномъ дремучими лѣсами и стоящемъ на двухъ большихъ рѣкахъ, сажень дровъ уже продается по 1 р. 55 к. сер. Можно вообразить послѣ этого, во что обходится содержанiе, потому что вездѣ у насъ такса одно, а произвольная цѣна — совсѣмъ другое.

Поднявшись по лѣстницѣ Прианскаго взвоза, неизвѣстно съ чего такъ названной, потому что тутъ ѣзда невозможна, подъ арку шведскихъ воротъ, неволью остановишься при взглядѣ на громаду губернской тюрьмы, одной изъ лучшеустроенныхъ въ цѣлой имперiи,

съ церковью, обширной больницей и дѣтскимъ приютомъ для осиротѣвшихъ дѣтей пересылаемыхъ въ Сибирь арестантовъ,—учрежденіе евангельское, достойное душевнаго сочувствія. Мысль этой образцовой тюрьмы принадлежитъ самому Государю. Въ бытность свою въ Тобольскъ въ 1837 году, Его Величество обратилъ особое вниманіе на тогдашнюю старую тюрьму, вовсе не соответствовавшую просвѣщеннымъ идеямъ нашего вѣка о мѣстахъ заключенія, и пожелалъ, чтобы была сооружена лучшая. Въ 1838 году громадная нынѣшняя тюрьма проектирована архитекторомъ Вайгелемъ, а 23 ноября 1855 года освященъ ея храмъ и окончательно размѣщены въ ней заключенные. Она выстроена на обширной нагорной площади, близъ соборовъ и присутственныхъ мѣстъ, занимаетъ пространство въ 3000 квадр. сажень, и стоила казны 121,819 р. сер. Во время скопленія партій ссыльныхъ (идушихъ изъ всей Россіи на Тобольскъ, гдѣ, какъ мы видѣли, для распределенія ихъ существуетъ единственное въ имперіи специальное учрежденіе—Приказъ о ссыльныхъ), т. е. весной и осенью, при разливіи и замерзаніи рѣкъ,—въ этой огромной тюрьмѣ, кромѣ подсудимыхъ и другихъ постоянныхъ арестантовъ, содержится иногда до 2000 д. о. п. арестантовъ и пересыльныхъ и не чувствуется особой тѣсноты. По этому можно судить о ея обширныхъ размѣрахъ. Изъ-подъ арки, въ стѣнахъ которой находится гаубтвахта, а на верху помещеніе для зрителя, входимъ на первый дворъ, среди котораго возвышается трехэтажный госпитальный корпусъ итальянской архитектуры. Онъ состоитъ изъ 10 палатъ, изъ которыхъ нижнія назначены для кухонь и другихъ службъ, среднія и верхнія—для больницы, аптеки, фельдшеровъ и больничной прислуги. По обѣимъ сторонамъ госпиталя, во все продолженіе сѣверной и южной стѣнъ, тянутся одноэтажные корпуса, изъ четырехъ огромныхъ палатъ каждый. Тутъ

помѣщаются пересыльные. Къ этимъ корпусамъ, тоже съ обѣихъ сторонъ, примыкають 16 камеръ для слѣдственныхъ арестантовъ. Наконецъ во внутреннемъ дворѣ возвышается двухъэтажное готическое зданіе изъ 20 палатъ и 28 камеръ, въ которыхъ содержатся подсудимые и осужденные, а посрединѣ церковь съ хорами, поддерживаемыми іоническими колоннами. Этотъ храмъ во имя св. великаго князя Александра Невскаго. Краснорѣчивое сближеніе съ именемъ державнаго Предначертателя этой тюрьмы и царствованію котораго Россія уже столь много обязана улучшениями во всемъ! Надо отдать справедливость Тобольскому губернскому Попечительному о тюрьмахъ Комитету и въ особенности его женскому отдѣленію; они дѣлають, что могутъ и даже болѣе, нежели могутъ. Примѣръ, достойный поставить въ образецъ губернскимъ Комитетамъ русскимъ..

Не взирая на малолюдство Тобольска, въ которомъ, какъ мы уже сказали, осѣдлыхъ жителей, приписанныхъ къ приходамъ только 9927 об. п., въ немъ много учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, есть охота къ образованію, и съ 1858 года учреждена публичная библіотека; явленіе отрадное въ такомъ краѣ, гдѣ, если взять отъ Казани до Амура, то на страшномъ пространствѣ 8000 верстъ въ длину, только двѣ книжныхъ лавки: въ Перми да въ Иркутскѣ и ни одной вольной типографіи. Въ Тобольскѣ есть духовная семинарія съ духовнымъ уѣзднымъ училищемъ, древнѣйшій разсадникъ духовнаго и гражданскаго просвѣщенія въ Сибири, обязанный своимъ началомъ еще первымъ архипастырямъ сибирскимъ начатыи учеными монахами архіерейскаго дома въ XVII столѣтіи, преобразованный въ славяно-русскую школу, блаженнымъ Іоанномъ Максимовичемъ, митрополитомъ Сибирскимъ въ первые года XVIII столѣтія, переименованный въ „латино-русскую школу“ митрополитомъ Антошемъ Наросченицкимъ, а съ 1770 года

въ „духовную семинарію“ и перемѣщенный изъ архіерейскаго дома въ Знаменскій мужской монастырь, на берегу Иртыша, въ нижней части города.—Въ немъ теперь до 500 учениковъ. Тобольская семинарія принесла и приноситъ до сихъ поръ, какъ и Иркутская, много пользы Сибири. Во всемъ этомъ огромномъ краѣ, въ настоящее время, только 3 гимназіи (въ Тобольскѣ, Томскѣ и Иркутскѣ), 23 уѣздныхъ училища (съ двумя вновь открытыми по ходатайству генерала Гасфорда въ Омскѣ и Семиполатинскѣ), 24 приходскихъ училища и 3 частныхъ пансіона; всего только 83 учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, съ 256 учащими и 4171 учащимися (къ 1 января 1860 г.), при населеніи почти въ 4,000,000 ж. о. п. Очевидно, что средствъ къ воспитанію дѣтей вовсе недостаточно. Вотъ этому-то недостатку пособляютъ издавна старинныя семинаріи Тобольская и Иркутская, въ особенности первая, считающая свое фактическое существованіе уже цѣлымъ столѣтіемъ (съ 1747 г.). Изъ нихъ выходили и выходятъ въ гражданскую службу чиновники образованные болѣе или менѣе, это правда, но все-таки достаточно для того, чтобы удовлетворить покуда потребностямъ мѣстной администраціи и общества.

Тобольская губернская гимназія—второе значительное учебное заведеніе свѣтское (послѣ Сибирскаго кадетскаго корпуса въ Омскѣ) во всей Западной Сибири,—открыта 24 ноября 1789 года, подъ именемъ „главнаго народнаго училища“ и болѣе полувѣка была единственною гимназіей во всей Западной Сибири. Въ гимназію же преобразована 12 марта 1810 года. Она состоитъ изъ 7 классовъ по годичному курсу въ каждомъ. При ней открытъ съ 1838 г. благородный пансіонъ; въ немъ содержатся 10 пансіонеровъ на проценты съ демидовскаго капитала (пожертвованнаго въ 1803 году Павломъ Григорьевичемъ Демидовымъ, въ количествѣ 50,000

тогдашнихъ рублей, и который теперь—основа для будущаго сибирскаго университета) и 20 на счетъ казны, для приготовленія къ гражданской службѣ по Сибири. Въ 1845 году прибавлено на проценты съ капитала Демидова еще 4 пансіонера, для занятія учительскихъ должностей въ Сибири. Съ 1 января 1837 года, по 1 января 1858, въ теченіи 21 года, Тобольская гимназія перевоспитала 2400 дѣтей съ слѣдующими раздѣленіями по сословіямъ:

Дѣтей дворянъ и чиновниковъ	2030
— канцелярскихъ служителей	50
— духовнаго званія	10
— городскихъ сословій	245
— сельскихъ обывателей	53
Почтовыхъ, аптекарск. и разночинц.	12
<hr/>	
Итого въ 21 годъ	2400 дѣтей.

Итакъ изъ этой любопытной вѣдомости видно, что дѣти чиновниковъ (помѣстнаго дворянства въ Сибири нѣтъ, а подъ именемъ дворянъ разумѣются дѣти выслужившихся въ дворяне мѣстныхъ чиновниковъ) составляли почти все число учащихся: изъ 2400, ихъ было 2030. Но удивительно мало дѣтей горожанъ, т. е. купцовъ и мѣщанъ, всего 245, т. е. съ небольшимъ по 11 въ годъ на 10 городовъ. Значить, городскія сословія еще не понимаютъ нужды хотя въ среднемъ образованіи, а это таблица по 1858 годъ. Какими тутъ законодательными мѣрами Ликурга и Солона направить на путь чести, честности и истины такія невѣжественныя массы?..

Съ 1840 года Тобольская гимназія отправляетъ лучшихъ своихъ учениковъ въ русскіе университеты и эта полезная мѣра уже доставила Сибири нѣсколько просвѣщенныхъ чиновниковъ, понимающихъ время и его призваніе. Въ теченіи 16 лѣтъ по 1 января 1857 года отправлено на казенный счетъ 22, на собственный счетъ 21, всего 43 воспитанника. Въ 1842 году открыта

Томская гимназія и такимъ образомъ усилены средства образованія въ Западной Сибири; а въ настоящее время предположена гимназія и въ Омскѣ, и даже гимназія въ Тюмени. Но всего этого недостаточно для 4,000,000 населенія, быстро отъ переселеній умножающагося годъ отъ году и для администраціи, во всѣхъ ея видахъ, въ такомъ огромномъ краѣ и тоже быстро развивающейся и усиливающейся—и вообще для всѣхъ нуждъ общестія. Потому что за что ни хватись, куда ни взгляни въ Сибири, отъ Тюмени до Амура—всюду страшный недочетъ въ людяхъ специальныхъ: лекаряхъ, фармацевтахъ, повивальныхъ бабкахъ, юристахъ, учителяхъ, технологахъ, негоціантахъ, даже въ ученыхъ и литераторахъ; потому что Сибирь, въ 279 лѣтъ (съ 1581 г.), не дала ни одного замѣчательнаго челоуѣка государству; всѣ, имена которыхъ связаны съ ея исторіей—люди завѣжіе, русскіе. Пора дать ей самостоятельное развитіе, т. е. свой сибирскій университетъ, и, конечно, въ Томскѣ, какъ нынѣшнемъ центрѣ между Казанью и Амуромъ. Неужели у сибирскихъ богачей, которые всѣмъ обязаны Сибири, не хватаетъ на это ума, если не патріотизма; потому что наука дастъ имъ удешитеренныя богатства, когда приложить къ нему умъ! Пусть они объ этомъ серьезно подумаютъ...

Послѣ этихъ разсадниковъ духовнаго и гражданскаго образованія въ здѣшней губерніи, пріятно указать и на замѣчательный разсадникъ образованія женщины и матери, и отнести мысль его къ посѣщенію Сибири Государемъ Императоромъ въ 1837 году. Еще тогда Тобольское градское общество предполагало, въ память такого великаго для Сибирскаго края событія, учредить женскую школу въ Тобольскѣ. Впослѣдствіи пожертвовало оно собственно на этотъ предметъ 7500 р. сер., а извѣстные тюменскіе богачи, купцы Иванъ Трусовъ и Кондратій Шешуковъ, (которыхъ мы уже видѣли на дѣлѣ въ благотворительныхъ подвигахъ, говоря о Тю-

мени) принесли въ даръ: Трусовъ 4500 р. сер., Шешуковъ 2000. На эти-то и на нѣкоторыя другія средства открыта 22 іюля 1854 года Тобольская Маріинская женская школа изъ 2 отдѣленій съ 103 воспитанницами, а 1 іюля 1858 г. дѣтскій пріютъ. Въ настоящее время комплектъ ученицъ положенъ 132 дѣвицы. Это дочери чяновниковъ, купцовъ (очень мало) и мѣщанъ, все разумѣется людей недостаточныхъ, и дочери всякаго рода разночинцевъ. Казенныхъ воспитанницъ 10. За полное содержаніе пансіонерки назначено 75 р. сер. въ годъ, плата очень умѣренная, если вспомнимъ сколько стараній и заботъ стоитъ она родителямъ. Остальныя ученицы—вольно-приходящія, число которыхъ возрасло уже до 100. Значить, недостаточные люди поняли важность образованія своихъ дочерей и спѣшатъ пользоваться благодѣяніемъ, имъ, такъ разумно, и что еще лучше, такъ скромно предлагаемымъ; потому что Совѣтъ школы дѣлаетъ очень много, говоритъ о себѣ очень мало. Тобольская Маріинская школа 1 и 2 отдѣленій, состоитъ во II разрядѣ женскихъ учебныхъ заведеній, учрежденій Императрицы Маріи, стало быть образованіе дается въ ней то же самое, какъ и въ Иркутскомъ дѣвичьемъ институтѣ Восточной Сибири. До открытія въ Томскѣ предполагаемаго „Сибирскаго Маріинскаго института“, который со временемъ съ Сибирской духовной академіей (что тоже необходимость для Сибири) и съ сибирскимъ университетомъ въ Томскѣ же, дополнитъ циклъ образованія сибирскаго народа, Маріинская школа — единственное покуда высшее женское учебное заведеніе въ Западной Сибири.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ разсадниковъ просвѣщенія духовнаго, гражданскаго и женскаго, есть еще въ Тобольскѣ: училище военнаго вѣдомства на 250 воспитанниковъ и почтовое на 50, баталіонная казачья школа, уѣздное и 2 приходскихъ училища и татарская школа. 1 января 1859 г. открыта въ Тобольскѣ публич-

ная библіотека, первоначально изъ 1000 томовъ и съ выпиской до 20 лучшихъ русскихъ газетъ и журналовъ, съ годичной платой 11 р. сер. съ подписчика, что очень и очень умѣренно. Однимъ словомъ, кто прочтетъ эти строки не только въ Европѣ, но и въ Россіи, тотъ пріятно изумится, что въ страшной и далекой Сибири, въ Тобольскѣ, у преддверія Ледовитаго океана и въ странѣ ссылки, является такое замѣчательное стремленіе къ образованію, такое сочувствіе прогрессу идей, такое сознание необходимости учить не только дѣтей, но и себя. Но это имѣетъ историческую связь съ прошедшимъ. Мы уже видѣли, что еще съ начала XVIII столѣтія была основана капитаномъ фонъ-Врехомъ замѣчательная, по тогдашнему времени, шведская школа; что въ 1747 году Сибирскій митрополитъ уже образовалъ латинскую школу. Въ царствованіе Екатерины II, при свободѣ открытія вольныхъ типографій и толчекъ, даномъ уму самой императрицей, даже журналистика проникла въ Сибирь, въ Тобольскъ. Здѣсь въ 1783 году и послѣдовавшихъ, издавался ежемѣсячный журналъ, подъ затѣйливымъ названіемъ „Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену“, даже издано было въ Тобольской вольной типографіи нѣсколько книгъ. Теперь здѣсь издаются только (да и то съ 1857 года) Тобольскія губернскія вѣдомости, разъ въ недѣлю, небольшими тетрадами, да есть одна только губернская типографія, и то вѣдомости губернскія много приносятъ пользы, пробуждая умы отъ застоя, возбуждая охоту къ чтенію хоть своего, распространяя интересныя свѣдѣнія о краѣ, столь мало извѣстномъ. Въ Иркутскѣ есть, правда, отдѣлъ Русскаго географическаго общества, но его труды появляются рѣдко и въ Петербургѣ. Сибири необходима хорошая мѣстная политическая и литературная газета, какъ кавказская. Это бы развило умы, пріучило разсуждать и мыслить. Здѣсь даже не было до 1860 года „Памят-

ной книжки⁴, тогда какъ при огромныхъ средствахъ края, множествѣ служащихъ чиновниковъ, богатыхъ купцовъ и золотопромышленниковъ, все это необходимо и могло бы поддержать и улучшать себя своими же выручками.

Въ Tobольскѣ только два историческо-народныхъ праздника: 2 іюня и 8 іюля. Въ оба эти дня весь городъ на ногахъ, въ нарядѣ и радостенъ. 2 іюня,—день посѣщенія Tobольска Государемъ Императоромъ въ 1837 году. Онъ празднуется ежегодно съ такимъ же увлеченіемъ душевнымъ и здѣсь, какъ 31 мая въ Тюмени. По окончаніи божественной литургіи, поднимаютъ съ крестнымъ ходомъ икону Владимірской Божіей Матери и приносятъ ее въ гимназію, гдѣ и совершается благодарственное молебствіе, гдѣ молятся усердно и нелицемѣрно о благоденствіи Того, Кто и на разсадники отечественнаго просвѣщенія обратилъ нынѣ Свое особенное вниманіе, желая, чтобы свѣтъ образованія проникалъ и въ тьму избы селянина. 8 же іюля приносится ежегодно въ Tobольскѣ изъ Абалакскаго мужскаго монастыря (въ 25 верстахъ отъ Tobольска) чтимая всею Сибирью чудотворная икона Абалакскаго Божіей Матери и остается въ городѣ до 23 числа. Этотъ праздникъ не только религіозный, но и вполнѣ народный. Благопріятствуемый жаркимъ временемъ года, онъ вызываетъ на улицы и въ поле провожать и встрѣчать „Царицу ангеловъ“ не только все населеніе Tobольска и его окрестностей, но и богомольцевъ издалека, даже изъ другихъ губерній.

Но покончимъ съ этимъ стариннымъ и такъ энергически борющимся съ фаталистической судьбой пожаровъ, наводненій, упадка торговли, передвиженія путей административныхъ, коммерческихъ и почтовыхъ, Tobольскомъ, покончимъobeliskомъ, воздвигнутымъ въ 1839 году, завоевателю Сибири, Ермаку. Obeliskъ этотъ изъ сбраго уральскаго мрамора, обнесенъ чугуной рѣшеткой и поставленъ на крутомъ выступѣ горы,

на которомъ (въ 1857 году) разведенъ публичный садъ, устроены цвѣтники и оранжерея. Раскроемъ здѣсь Сибирскую лѣтопись и посмотримъ, какъ она повѣствуетъ о Ермакѣ и его дѣяніяхъ: „Ермакъ разбойничалъ въ 1577 году на Волгѣ съ удалцами всѣхъ племенъ, нарѣчій, состояній, какъ свазалъ поэтъ Пушкинъ. Тутъ были и казаки съ Дона и Яика, и охочіе люди съ Волги и Камы. Василій Тимофеевичъ былъ душой этой дружины, кошеваромъ, а „кошъ“ и у запорожцевъ XVIII столѣтія, сохранившихъ уставы военнаго братства, былъ духовной и вещественной связью и скрѣпой вѣязей и въ походѣ и въ становищѣ. Глава запорожцевъ назывался кошевымъ атаманомъ; самое же прозвище „Ермакъ“ означало на языкѣ волжскихъ разбойниковъ „котель“. Извѣстно, что у волжскихъ разбойниковъ былъ совершенно особенный языкъ, подобный тому, какой составили и употребляютъ до сихъ поръ озеи, т. е. визниковцы и суздальцы. 10 октября 1577 года послано было царское войско съ стольникомъ Иваномъ Мурашкинымъ противу волжскихъ разбойниковъ, грабившихъ не только суда купеческія, но и цѣлые караваны, даже и пословъ царскихъ, если имъ случалось слѣдовать на Востокъ, въ Персію, или въ Бухару, или въ Калмыцкую землю. Ермакъ, разбитый на голову, бѣжалъ съ товарищами вверхъ по Камѣ, до устья рѣки Чусовой, по которой добрался до городка Максима Строганова. „Именитые люди Строгановы“ имѣли тогда соляныя варницы по Камѣ и Чусовой; а такъ какъ край былъ еще безлюденъ и руки для работъ и защиты отъ сосѣднихъ дикарей были необходимы, то они принимали охотно всякаго рода людей. Ермакъ и его витязи прожили у Максима Строганова до сентября слѣдующаго года. Наслышавшись здѣсь отъ зырянъ о далекой и богатой Сибири, Ермакъ задумалъ идти воевать ее и 26 сентября 1578 года, вспомошествоваемый предприним-

чивыми и дальновидными Строгановыми, знавшими по опыту своей торговли, какую пользу извлечетъ Россія изъ этого завоеванія, если оно удастся, пошелъ на сругахъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой и своротилъ потомъ вправо, по рѣкѣ Силвѣ. Тутъ застала его зима, почему онъ и вынужденъ былъ воротиться къ Строгановымъ. Приготовясь въ походъ уже пораньше, онъ поплылъ 12 июня 1579 года опять вверхъ по рѣкѣ Чусовой; но по незнанію водораздѣловъ Оби и Зауралья, провелъ все это лѣто въ тщетныхъ поискахъ и попыткахъ достигнуть Туры, гдѣ по слухамъ, до него доходившимъ, было богатое ханство Туранское (нынѣшняя Тюмень). Но онъ не воротился къ Строгановымъ, а зазимовалъ около рѣки Тагили. Многіе изъ его дружины были убиты въ этотъ походъ окрестными вогулами и татарами. 1 мая 1580 года направился онъ, въ третій уже разъ, къ недоступной Сибири; и теченіемъ рѣкъ, послѣ немовѣрныхъ трудностей, выбрался — таки на Туру. Тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Туринскъ, жилъ татарскій князь Японча. Ермакъ разбилъ его близъ нынѣшняго села Усенинова 1 августа, достигъ Чинги-Туры (нынѣшней Тюмени) и овладѣлъ ею. Исторія должна отдать справедливость великой и доселѣ непонятой личности Ермака. Онъ дѣйствовалъ стратегически-умно, подвигаясь постепенно впередъ, разузнавая страну, упрочивая шагъ за шагомъ свои завоеванія и показавъ болѣе государственныхъ способностей, нежели воеводы Іоанна III, сто лѣтъ назадъ дѣлавшія съ большимъ войскомъ безплодныя набѣги даже на пустынную Селымъ. А съ какой пользой? Ермакъ же и послѣ успѣха не пошелъ далѣе Тюмени, но зазимовалъ въ ней. Лишь 9 мая 1581 года, въ день св. Николая чудотворца (икона котораго, его сопровождавшая, сохранилась до сихъ поръ и въ 1826 году вывезена изъ Тобольска въ Москву), поплылъ на судахъ внизъ по рѣкѣ Турѣ; при устьѣ

рѣки Туры, гдѣ она впадаетъ въ Тоболъ, разбилъ трехъ татарскихъ князей; а 8 іюня, у Березовскаго яра встрѣтился и съ полчищами сибирскаго хана Кучума. Татары сибирскіе, потомки нѣкогда грозныхъ монголовъ, вытѣснивъ съ юга на крайній сѣверъ давно уже (еще съ XIII столѣтія) слабыя племена чудскія и финскія и поработивъ ихъ, простирали тогда свое владычество отъ Амура до Оренбурга. Казань и Астрахань были уже покорены царемъ Іоанномъ IV, оставались Крымъ и Сибирь. Явился великій человекъ, съ гениемъ Кортеса и Пизарро и сдѣлалъ то, чего не могъ сдѣлать Іоаннъ III и его воеводы,—покорилъ окончательно Сибирскій край. Послѣ разныхъ встрѣчъ, подвигаясь все впередъ и изъ Тобола вышедши въ Иртышъ, Ермакъ 26 октября 1581 года разбилъ самого хана Кучума, бѣжавшаго на югъ и взялъ его городъ Искеръ, на устьѣ рѣки Сибирки, впадающей въ Иртышъ, въ 19 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. Эта рѣка передала свое имя и всей странѣ до устья Амура и до Средней Азіи. Понимая (и это тоже доказываетъ его гений), что такое завоеваніе непрочно, если его не поддержитъ отечество, Ермакъ возвалъ къ царю. Россія приняла этотъ драгоценный даръ, царь достойно наградилъ благороднаго витязя, такъ славно искупившаго свои прегрѣшенія, но Ермакъ не дожилъ до смиренныхъ дней чтимой старости! Выдерживая непрерывные натиски татаръ, трудясь мечемъ и умомъ, онъ въ внезапной ночной битвѣ съ Кучумомъ, бросившись вплавъ въ кольчугѣ, чтобы достигъ своихъ судовъ, утонулъ въ Иртышѣ 5 августа 1584 года. Три года спустя основанъ Тобольскъ и Сибирь упрочена окончательно Россіи.

Миръ великому человеку, тѣнь котораго давно ждетъ статуи на площадяхъ сибирскихъ, а не жалкаго обелиска, ему здѣсь воздвигнутаго! Заслуги его тѣмъ болѣе приснопамятны, что онъ никогда не имѣлъ рати,

въ настоящемъ значеніи этого слова. Изъ свода всѣхъ сибирскихъ лѣтописцевъ, изъ разсказовъ казаковъ его дружины (изъ которыхъ многихъ засталъ еще въ живыхъ первый архіепископъ Сибирскій Кипріяпъ, самъ лично разспрашивавшій и по ихъ показаніямъ положившій начало первой сибирской лѣтописи около 1626 г.) видно, что при покореніи Сибири Ермакъ имѣлъ всего 1636 человѣкъ и 3 маленькихъ пушки. Но онъ приучилъ свою дружину къ безусловному повиновенію, умѣлъ внушить ей вѣру въ себя и свои дѣйствія, далъ ей строгое воинское устройство; однимъ словомъ—поступалъ какъ стратегъ и какъ администраторъ. Нравственное явленіе, удивительное въ тѣ темные времена и въ такомъ человѣкѣ, изъ простаго народа вышедшамъ. Одаренный самороднымъ гениемъ смѣлостью, настойчивостью онъ въ семь лѣтъ задумалъ завоеваніе огромнаго и страшно далекаго края, только по темнымъ слухамъ ему извѣстнаго; и мало того, что привелъ это въ исполненіе съ горстью удалцовъ, но и провидѣлъ государственную его политическую важность, умѣлъ удержать его за собой и далъ этимъ Россіи—возможность осмотрѣться, придти ему на помощь, понять тоже его плодотворную мысль и въ 71 годъ довершить его великое дѣло, покоривъ всю Сибирь отъ Тюмени до Албазина. Въ 1585 году, черезъ годъ послѣ смерти Ермака, основана Тюмень. Въ 1656 году основанъ Албазинъ на Амурѣ. Свершено то, чего Россія достигла только теперь, на зенитѣ своего могущества, ровно 200 лѣтъ спустя, въ 1856 году. Миръ Ермаку! Достоинно и праведно узаконено на вѣчныя времена поминать его въ недѣлю православія въ Софійскомъ Тобольскомъ соборѣ. Это—„статуя нерукотворная“, славная награда славному подвигу, и мы отъ всей полноты души восклицаемъ теперь тоже: „вѣчная память“!

ГЛАВА IX.

ТАРА.

Чудотворная икона Абалакской Божіей Матери—благотворно читается всею Сибирью. Она написана въ 1637 году, по видѣнію жившей на Абалакскомъ погостѣ, въ 25 верстахъ отъ Тобольска, богобоязненной вдовицы Маріи. „Узрѣла она“, говоритъ преданіе, „стоящую на воздухѣ икону Знаменія Пресвятой Богородицы, съ изображеніемъ по сторонамъ святителя Николая чудотворца и преподобной Маріи Египетской и услышала исходящій отъ образа гласъ: „Марія объяви свое видѣніе народу и скажи, чтобы построили въ Абалакскомъ погостѣ, по правую сторону ветхой Преображенской, новую деревянную церковь, во имя Знаменія Пресвятой Богородицы, что въ древнемъ Новогородѣ съ придѣлами святителя Николая и Преподобной Маріи Египетской.“ После того видѣніе скрылось. По человеческой робости, она не посмѣла исполнить даннаго ей велѣнія. Тогда видѣніе это повторилось ей въ полѣ, потомъ въ ея хижинѣ, наконецъ на дорогѣ изъ Абалака въ Тобольскъ. Утвержденная въ вѣрѣ, она стала уже всѣмъ рассказывать о своихъ видѣніяхъ и по благословенію архіепископа Нектарія и усердіемъ Абалакскихъ и Тобольскихъ жителей была сооружена новая деревянная церковь въ Абалакѣ. Въ это время богатый крестьянинъ Павелъ Кока, много

уже лѣтъ лежавшій въ разслабленіи, далъ обѣтъ написать икону Знаменія Пресвятой Богородицы, съ предстоящими по сторонамъ св. Николаемъ и преподобною Маріей Египетскою, и съ соизволенія преосвященнаго Нектарія, заказалъ эту работу протодіакону Софійскаго собора Матфею, искуснѣйшему въ тогдашней Сибири иконописцу. Обѣтъ, отъ чистаго сердца простымъ селяниномъ данный, былъ услышанъ свыше и Кока исцѣлился. Впослѣдствіи времени, чудеса отъ богодарованной иконы Абалакской истекавшія, привели къ мысли устроить здѣсь мужской монастырь, что однако воспослѣдовало не ранѣе 1783 года, при переводѣ сюда монастырской братіи изъ Певьянской обители. Абалакской монастырь стоитъ въ живописной мѣстности и хорошо устроенъ. Ежегодно, 8 іюля, приносятъ чудотворную Абалакскую икону въ Тобольскъ, гдѣ она и остается до 23 числа. Въ это время стеченіе народа, даже изъ другихъ губерній, бываетъ огромное. На пути же въ Абалакъ и по той же Тарской дорогѣ находится Ивановскій мужской же монастырь. Онъ какъ бы укрытъ среди зеленѣющихъ горъ, а чрезъ разрывъ ихъ виднѣтъ широкій Иртышъ. На монастырскомъ дворѣ есть нѣсколько кедровъ, очень древнихъ и огромнаго объема. Вообще путь изъ Тобольска въ Тару представляетъ въ лѣтнюю пору прекрасные пейзажи. Дремучіе, вѣковые лѣса, которыми онъ окаймленъ, зеленѣющіе зыбуны, кристальные рѣчки и ручьи, съ трудомъ пробивающіеся среди этой непроходимой чащи; зажиточныя и хорошо обстроенныя селенія, мертвая тишина этой дикой природы, изрѣдка только оживляемой трудомъ человѣка, дѣлаютъ странствованія по этимъ мѣстностямъ весьма пріятнымъ, послѣ мертвенности приполюсныхъ странъ и однообразія южной части губерній; потому-что Тарскій округъ, есть счастливое соединеніе всѣхъ достоинствъ этого интереснаго края. Въ немъ есть дремучія тайги,

какъ въ Туринскѣ; громадныя массы водъ, какъ въ Березовѣ; шумныя людныя хлѣбопахатныя и скотоводныя пространства, какъ въ Курганѣ и Ишимѣ; есть соболь и пшеничная мука, красная рыба въ Иртышѣ и медъ на Тартаѣ; лось и быкъ, олень и могучая обозная лошадь; однимъ словомъ—это отраженіе всей Тобольской губерніи и съ этой точки зрѣнія мѣстность эта очень и очень интересна.

Тарскій округъ граничитъ съ округами Березовскимъ, Тобольскимъ, Ишимскимъ и Омскимъ своей губерніи и съ Каинскимъ и Томскимъ, губерніи Томской; значить самый странный, самый разнообразный, по образу жизни жителей, по мѣстностямъ, по занятіямъ. Площадь его исчисляется въ 83,592 кв. верст., съ населеніемъ по 10-й народной переписи 84,216 д. о. п. Всѣхъ волостей въ немъ—русскихъ 11, инородческихъ 6. Въ этихъ волостяхъ считается обложенныхъ податями и повинностями всего 28,616 рев. душ. (25,089 р. д. русскихъ и 3,527 р. д. татаръ и бухарцевъ). Иртышъ протекаетъ по всему округу, раздѣляя его почти на двѣ равныя части: сѣверную и южную. Послѣ Березовскаго округа Тарскій—самый богатый рыбой во всей Западной Сибири. Такъ называемыя здѣсь „старицы“, т. е. старыя русла Иртыша, иногда въ 10 сажень глубины и не проточныя, кишатъ рыбой, которая въ мѣрзломъ и солѣномъ видѣ вывозится отсюда во множествѣ на всѣ торжки и ярмарки южныхъ округовъ губерніи. Не говоря уже о громадныхъ хвойныхъ лѣсахъ сосенъ, кедровъ и лиственницъ, имѣющихъ часто и здѣсь, какъ въ тайгахъ Пелымскихъ, до 25 саж. высоты и до 2 и болѣе въ окружности; особенность Тарскаго округа—богатыя липовыя лѣса. На рѣкѣ Тартаѣ уже завелось нынѣ, и успѣшно, пчеловодство и всё болѣе и болѣе развивается. Звѣриные промыслы въ здѣшнихъ урманахъ и въ лѣсистой мѣстности Васьюганскихъ болотъ, тоже очень бо-

гаты. Однимъ словомъ—рыба красная и простая, пушвина, кедровый орѣхъ, дичь, ягоды—всё это здѣсь въ изумительномъ обиліи, какъ въ Березовско-Пелымскомъ краѣ; но сверхъ всего этого, здѣсь тоже сильно развито хлѣбопашество и скотоводство въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Омскому, Ишимскому и Каинскому округамъ и развито, что достойно особеннаго вниманія, разумнѣе и рациональнѣе, нежели на югѣ, съ тщательнымъ уходомъ за скотомъ, съ расчетливымъ воспитаніемъ лошадей и съ заимками, представляющими нѣчто въ родѣ европейской фермы, чего не встрѣтимъ нигдѣ въ Россіи и Сибири. Богатый Тарскій крестьянинъ имѣетъ обыкновенно домъ, а часто и двухъ-этажный, въ своемъ селѣ; но за 10, 20, даже иногда за 40 верстъ отъ села, у него вблизи скирдовъ сѣна и расчищенныхъ новей есть „запѣка“, т. е. огромная ферма, съ глухими крытыми скотными дворами, теплыми избами для работниковъ и работницъ и домомъ для пріѣзда хозяина. Тутъ, кромѣ не многихъ дойныхъ коровъ и лошадей, которыхъ держатъ на сѣнѣ при домѣ, живетъ весь скотъ хозяйскій, иногда до 150 лошадей, съ выписными изъ Россіи заводскими жеребцами, для прилода. Прилегающія къ главному Сибирскому тракту волости, кромѣ рыболовства, хлѣбопашества и скотоводства, занимаются и обозной ямщиной. Изъ озера Норъ-Зайсана рыба подымается для метанія икры въ Иртышъ, куда стремится и рыба изъ Оби и рыба изъ громадной сѣти Васьюганскихъ болотъ. Осетры и нельмы попадаютъ здѣсь иногда отъ 3 до 4 пудовъ вѣсомъ, стерляди—пудовыя и болѣе. Васьюганскіе остяки поэтически выражаются, что въ Васьюганѣ столько рыбы, сколько звѣздъ на небѣ. И точно, случается, что при убыли весеннихъ водъ изъ мелкихъ рѣчекъ и озеръ, рыбу, въ буквальномъ смыслѣ слова, ребяташки таскаютъ руками. Самый обильный ловъ производится въ ноябрѣ, когда ста-

нутъ рѣки и затянутся льдомъ озера, болота и старицы. Тогда долбятъ во льду проруби и пропускаютъ въ нихъ невода, иногда отъ 300 и до 500 сажень длины и до 2 сажень ширины. Такъ какъ невода эти скоро портятся отъ морозовъ и дорого стоятъ (иногда до 400 р. сер.), то ловъ зимней рыбы производится товариществомъ изъ богатыхъ крестьянъ, которые поняли здѣсь, что ассоціація—единственно возможное примѣненіе къ рыболовству въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Добытую рыбу сваливаютъ, послѣ разсортировки, въ большія кучи, въ которыхъ она тотчасъ замерзаетъ, а потомъ развозятъ по ближайшимъ округамъ на торжки, или сдаютъ оптовымъ торговцамъ. Важнѣйшій сбытъ Тарской рыбы производится на Ишимской Никольской ярмаркѣ (въ декабрѣ) и на Крещенской въ богатой Абатской слободѣ, въ 60 верстахъ отъ Ишима. Рыба эта идетъ въ Оренбургскую и Пермскую губерніи, а частью и въ Москву (осетры и стерляди). Икрыной осетръ, до 2 пудовъ вѣсу, стоятъ на мѣстѣ 3 руб. сереб. за пудъ; а пудовая и болѣе стерлядь 4 р. сер., простыя же породы рыбы почти ничемъ.

Но два бича даны Тарскому округу въ замѣнъ такихъ богатствъ и такого общаго благосостоянія: насѣкомыя и сибирская язва. Лѣтомъ—мошка, комаръ, паукъ и строка буквально потемняютъ воздухъ; ни днемъ ни ночью не даютъ покоя ни людямъ, ни животнымъ, безъ дегтя и курева. Надо влѣтъ это ежедневное терзаніе, эти непрерывныя хлопоты, чтобы имѣть понятіе о мукахъ, какихъ и Данте въ своемъ Адѣ не придумалъ. Скотъ и лошадей не иначе выгоняютъ на пастбище, какъ обмазанныхъ дегтемъ; люди вынуждены, хоть задыхаясь, работать въ пропитанныхъ дегтемъ рубашкахъ, въ сѣткѣ, съ тщательно укрытыми руками и ногами. Ночью скотъ стоитъ спокойно, только среди густаго курева, которое раскладываютъ по направленію вѣтра; а люди

не могут спать иначе, какъ выкуривъ предварительно жильё, при плотно запертыхъ дверяхъ и окнахъ. Другой бичъ—сибирская язва, карбункулъ, обращающійся въ антоновъ огонь, если его не захватятъ вовремя. Крестьяне разрѣзываютъ его крестообразно и натираютъ табакомъ съ солью. Сибирская язва прилипчива и можетъ сообщаться людямъ, при неосторожномъ уходѣ за скотомъ; но смертность между людьми никогда не бываетъ значительна. Лѣтомъ 1839 года пало въ волостяхъ: Вакуловской, Аевской, Бутаковской, Логиновской и Рыбинской здѣшняго округа, отъ сибирской язвы, административно дозволенныхъ:

лошадей.	1,472 голов.
рогат. скота	178 штук.
овець	29 штук.
<hr/>	
Всего.	1,679.

А эта цифра, какъ и всѣ наши данныя отъ градскихъ и земскихъ полицій проптекающія, разумѣется, очень далека отъ истины. Крестьяне (и это очень понятно) боятся всякаго рода вмѣшательства чиновниковъ... Поэтскому падежи тщательно скрываютъ, тихонько зарываютъ павшій скотъ въ землю и дѣйствуютъ такъ до тѣхъ поръ, пока валежъ не сдѣлается общій, и волей не волей приходится доносить объ этомъ въ городъ. Ветеринарные же врачи и земскіе чиновники, пріѣзжая въ мѣсто заразы, дѣйствуютъ болѣе для своихъ выгодъ... Да и къ чему бы послужила имъ прямота дѣйствій? На самоотверженіе казенное никто не смотритъ; а если и удастся самому прекратить заразу, въ своей мѣстности — ближайшій земскій чиновникъ, городничій, лекарь, ветеринаръ не будутъ такъ совѣстливы пропустить цѣлый обозъ зачумленныхъ, съ палаго скота содранныхъ кожъ, съ свидѣтельствомъ „о благополучіи“, лишь бы у приказчика были деньги. На это жалуются нынѣ печатно и гласно не только въ Сибири, но и въ

Россіи. Такимъ образомъ надежи ежегодны и цифры потерь, да разстройства крестьянскаго хозяйства, огромны. Здѣсь же въ этомъ Тарскомъ округѣ, лѣсистая и болотистая мѣстность, обиліе дравъ, при сравнительно мягкомъ климатѣ, противу Березова и Пельма (гдѣ мошви и паука очень мало, а сибирская язва вовсе неизвѣстна), суть главныя причины ежегоднаго возвращенія скотской чумы; къ тому и сами крестьяне, по ихъ лѣности и безпечности и невѣжеству, не принимаютъ никакихъ предохранительныхъ мѣръ; да и врядъ ли онѣ возможны, при такихъ административныхъ злоупотребленіяхъ. Что же до опытовъ чумопрививанія, въ настоящее время производимыхъ въ Россіи, — это росвошь ветеринарной науки на громадныхъ сибирскихъ пространствахъ, гдѣ и оспопрививаніе дѣтямъ еще въ очень и очень неудовлетворительномъ положеніи.

Городъ Тара, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Сибири, основанъ въ 1594 году воеводой княземъ Андреемъ Елецкимъ. Первоначальное заселеніе этого города состояло изъ татаръ, плѣнныхъ поляковъ и литовцевъ (потомки которыхъ живутъ тутъ и донинѣ), изъ черкасовъ (т. е. запорожцевъ), казаковъ и стрѣльцовъ московскихъ. Вслѣдствіе ли такого пестраго сложенія народностей, или большей склонности къ умышленіямъ, но только Тара, послѣ исправленія церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ, сдѣлалась вдругъ гнѣздомъ самыхъ фанатическихъ раскольниковъ, которые отсюда расходились по цѣлой Сибири. Когда же Петръ Великій (во всемъ безпримѣрный), не взирая на заботы сѣверной войны и тяжкихъ внутреннихъ реформъ, обратилъ на Тару свое особенное вниманіе и захотѣлъ искоренить въ ней зло раскола, городъ и его окрестности взбунтовались. Только послѣ усмиренія ихъ въ 1722 году и жестокихъ казней они покорились. До сихъ поръ, въ

окрестностяхъ города стоятъ уединенно нѣсколько древнихъ деревянныхъ крестовъ безъ надписей и видны обширныя насыпи... Тутъ зарыты казенныя. Отъ этой страшной кары осталось до сихъ поръ жителямъ тары народное прозвище „коловичей“, потому что ихъ въ 1722 году „сажали на колъ“. Замѣтимъ же притомъ, что въ Тобольской губерніи не однимъ тарцамъ дано прозвище. Тюменцевъ называютъ „корчажниками“, по обширности гончарнаго производства въ ихъ округѣ, ялutorовцевъ — „кошкодерешками“ отъ распространенной между ними выдѣлки кошачьихъ шкуръ; курганцевъ „конокрадами“, что и не требуетъ поясненія; ишимцевъ „блинниками“, потому что въ просторѣчьи „стряпать блины“ значитъ дѣлать фальшивыя кредитныя билеты; а это чаще бываетъ въ Ишимѣ, нежели въ другихъ округахъ, потому что чрезъ Ишимъ пробираются въ Россію все бѣглые изъ глубины Сибири; туринцевъ — „самосадочниками“ отъ курки ими хлѣбнаго вина въ своихъ дремучихъ тайгахъ. Но нынѣшняя Тара, забывъ свои религіозныя бунты и расколы, усердно занимается торговлей. Уже съ начала XVII столѣтія сосредоточилась въ Тарѣ почти вся тогдашняя торговля съ Калмыцкими землями, Бухарой и Ташкентомъ. Азіятскіе караваны приходили въ Тару и для прочнаго поддержанія своихъ торговыхъ связей, бухарцы, первые изъ среднеазійскихъ иноземцевъ, начали въ ней селиться. Потомки ихъ, состоя изъ людей торговыхъ и промышленныхъ, донинѣ сосредоточены въ особой волости въ числѣ 1731 рев. души. Изъ Тары почти до половины XVIII столѣтія еще снаряжали военныя экспедиціи въ среднюю Азію, отправляли туда посольства, и только съ окончательнымъ устройствомъ Омской линіи и съ сосредоточеніемъ высшаго управленія въ рукахъ главнаго начальника оной, политическо-военное значеніе Тары миновалось. Нынѣ въ ней 6 каменныхъ церквей и каменная

мечеть, 978 домовъ и 5,298 ж. о. п. (изъ нихъ окладныхъ мѣщанъ 1495 р. д., а ремесленниковъ 231), уѣздное и приходское училища и женская школа, 14 кожевенныхъ и салотопенныхъ заводовъ, соляные и хлѣбные запасные магазины. Тара хорошо обстроена и расположена при устьѣ рѣчки Архарки, на лѣвой сторонѣ Иртыша. Тарскіе купцы занимаются салотопленіемъ, кожевеннымъ производствомъ, скупомъ сала и масла, отправляемыхъ къ Петербургскому порту, и хотя имѣютъ хорошіе капиталы, но тарская торговля уже далеко не та, какою она была въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Всѣ эти сѣверные города: Туринскъ, Тобольскъ, Тара, Енисейскъ и Якутскъ, съ уклоненіемъ административныхъ, почтовыхъ и торговыхъ путей на югъ, съ развитіемъ значенія Ирбита, Тюмени, Томска, Иркутска, потеряли прежнюю самостоятельность; и только по числу церквей ихъ, свидѣтелей древняго благочестія и богатства, по числу старинныхъ каменныхъ домовъ, вообще по обстройкѣ самыхъ городовъ,—еще показываютъ и прежнюю ихъ обширность и прежнее довольство и прежнюю дѣятельность. Въ Тарѣ есть даже церковная особенность, которой рѣшительно нигдѣ не встрѣтишь въ цѣломъ государствѣ. Это „золоченые колокола“. Ихъ 6, вѣсу въ нихъ 87 пуд. 14 фунт., висятъ они на колокольномъ приходской церкви Казанской Божіей Матери и вызолочены въ старинные годы церковнымъ старостой Семеномъ Можантиновымъ, изъ усердія къ благолѣпію ввѣреннаго ему храма Божьяго. Дѣвичья школа открыта въ Тарѣ въ 1858 году. Изъ этого видно, что и Тара не отстаетъ отъ другихъ городковъ своей губерніи и думаетъ о постепенныхъ улучшеніяхъ.

Начинался жаркій августъ. Дни стояли чудные; оставалось, до выхода на главный сибирскій трактъ, заглянуть еще въ одну изъ особенностей Тобольской губерніи, какой нигдѣ нѣтъ въ цѣлой Сибири, нѣтъ

ни въ Россіи, ни въ Европѣ—на знаменитыя „Васьюганскія болота.“ Они находятся на возвышенности, среди вѣковыхъ, дремучихъ, непроходимыхъ урмановъ, между Иртышемъ, Обью и притоками Енисея, отъ вершинъ рѣки Тартаса до вершинъ рѣки Демьяна, т. е. длиной въ 600 верстъ; шириной же нигдѣ не менѣе 30, а мѣстами и до 100 верстъ. Васьюганъ, по остячки „уалусязъ“, не составляетъ одного сплошнаго бассейна водъ, а состоитъ изъ безчисленнаго множества озеръ, болотъ и зыбуновъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перерѣзанныхъ сухими перешейками, островами, холмами, густо поросшими лѣсами, кустами и великолѣпными коврами восхитительнѣйшей яркой зелени и разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ. Берега всей этой массы водъ—зыбкія и кочковатыя болота, съ мелкимъ лѣсомъ, едва проходимыя и то при помощи постилаемыхъ подъ ноги шестовъ и драницъ. Кочки эти называются по остячки „томары“. Онѣ состоятъ изъ сухаго бурьяна и изъ засохшихъ стволовъ такихъ растеній, которыя въ свѣжемъ видѣ уже не попадаютъ въ тундрѣ, не прикрѣплены къ почвѣ и отдѣляются свободно; внутри ихъ попадаются окаменѣлости роговъ и древесныхъ стволовъ. Не смотря на то, что тундра колеблется подъ ногой, она устойчивѣе зыбуновъ туринскихъ; поверхность ея суха, однако при большомъ давленіи просачивается тотчасъ вода. Люди и олени проходятъ по этимъ зыбунамъ безопасно, но лось проваливается. Медвѣдь же, охотникъ до малины, которой здѣсь множество, употребляетъ любопытный способъ переходить чрезъ эти тундры: онъ таскаетъ съ собой чурбанъ и предварительно утробываетъ имъ кочки. Можно себѣ вообразить, сколько труда и времени стоятъ ему переходы и небольшихъ пространствъ. Кромѣ драницъ и шестовъ, люди употребляютъ здѣсь какъ въ „ландахъ“ (landes) во Франціи, около Бордо, высокіе костыли съ оставленными на концѣ

сучьями. Иногда попадаются здѣсь и оазисы изъ сыпучаго песку отъ 3 до 10 верстѣ длиною, покрытые сосновымъ лѣсомъ, огромной толщины. Главная тундра Улу-сязъ раздѣляется параллельно системамъ рѣкъ на частныя, такъ что каждыя двѣ рѣчки поросли у береговъ болѣе или менѣе широкимъ лѣсомъ, а въ срединѣ болото, соединяющееся съ главной тундрой. Вѣтви главной тундры называются „култыкъ-сучь“, а каждый култыкъ называется еще по рѣчкѣ, которая изъ него исходитъ.

Вся эта огромная страна между Обью, Иртышемъ, Енисеемъ, Тобольской, Томской и Енисейской губерніями—необитаемая, въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя это не холодная тундра, какъ Обдорскъ, Березовъ, Туруханскъ. Совсѣмъ нѣтъ! Васьюганъ можно назвать „дикимъ раемъ!“ Неисчислимыя и громадныя лѣса, изумительное обиліемъ рыболовство и звѣроловство; неисчерпаемая сокровищница дичи, орѣховъ, ягодъ, грибовъ; множество сочныхъ луговъ, и даже тучныхъ пахатныхъ земель; вѣроятное обиліе золота въ лабиринтъ этихъ рѣчекъ, которыхъ родникъ — Алтай; и привсемъ этомъ—мягкій климатъ, отзывающійся близостью южныхъ округовъ, такъ что на Тартасѣ, гдѣ есть богатые липовыя лѣса, пчеловодство начало сильно развиваться у окрестныхъ русскихъ крестьянъ... Все въ этой сибирской Австраліи есть для жизни, для труда, для богатства, но какъ и срединная Австралія, это покуда таинственная область, гдѣ съ сотворенія міра не бывала нога человѣческая потому что Васьюганъ соединяется съ тайгами березовскими, томскими и енисейскими, и только собственно по бассейну своихъ водъ сколько нибудь приблизительно извѣстенъ; но въ связи съ сосѣдними урманами тянется непрерывнымъ дремучимъ лѣсомъ отъ предгорій Урала до Камчатки. Изрѣдка лѣтомъ отваживается сюда тарскій татаринъ да русскій торговецъ, скупающіе орѣхи и сушоную малину, блѣ-

ку и соболя, лосину и оленину у здѣшнихъ жителей. Все населеніе, всѣ „жители“ этой пустыни, (разумеется, на ея окраинахъ) не простирается нынѣ и до 470 д. о. п. остяковъ Нарымскихъ и тунгусовъ Енисейскихъ. Остяцкія юрты разбросаны здѣсь верстъ на 70, иногда на 100. Какъ и въ Березовскомъ краѣ, остяки здѣсь съ апрѣля уже повидаютъ юрту и идутъ охотиться на лося; съ вскрытіемъ же рѣкъ, озеръ и болотъ ловить рыбу и живутъ въ берестяныхъ шалашахъ. Осенью собираютъ они орѣхи и сушатъ малину; а зимой питаются лосинымъ мясомъ и оленьей. Въ продолженіи зимы Васьюганъ мертвъ; только табуны лосей и дикихъ оленей пасутся на немъ, питаются бѣлымъ мохомъ...

Въ зрительную трубу Васьюганъ (съ его островами, холмами, лѣсами и разнообразной зеленью, растущей даже на водахъ, съ пестрыми коврами цвѣтовъ, постоянно освѣжаемыхъ вѣчной влажностью почвы) представляетъ безпредѣльную и очаровательную картину какихъ-то волшебныхъ армидиныхъ садовъ. Возвышенный пунктъ, близъ начала рѣки Шяша, котораго мы достигли послѣ неимоверныхъ усилій, былъ полонъ вокругъ насъ, верстъ на 20, подобныхъ разнообразнѣйшихъ ландшафтовъ, достойныхъ кисти Каллама. Вдали, къ сѣверовостоку, сливалась съ горизонтомъ безпредѣльная масса водъ, волнуема тихимъ вѣтеркомъ, точно морскіе рейды, какъ они представляются съ Одесской набережной, либо съ дальнихъ Кронштадтскихъ фортовъ. По разсказамъ бывшихъ съ нами прииртышскихъ крестьянъ и встрѣтившихся намъ Нарымскихъ остяковъ, Васьюганъ простирается еще отсюда верстъ на 400, и чѣмъ далѣе, тѣмъ богаче рыбой. О величинѣ и глубинѣ главнаго озера и частей его, соединяющихся съ нимъ проливами, никто ничего не знаетъ! Известно только, что вовремя сильныхъ осеннихъ дождей, совпадающихъ со временемъ начала звѣропромышленности,

Васьюганъ становится еще обширѣй, многія сухія части его покрываются водой и образуютъ какъ бы внутреннее въ этихъ дремучихъ урманахъ море. Весною же въ глубь этихъ таинственныхъ дебрей никто не отваживается ходить; да и зимой звѣропромышленники ходятъ въ него на лыжахъ, не отдаляясь однако отъ рѣчныхъ системъ; иначе гибель неизбежна.

Слѣдуя по теченію рѣки Шиша, сначала верховъ, потомъ дѣшкоть, а потомъ и по драницамъ, да кой-гдѣ и на ходуляхъ — достигли мы собственно „Васьюганъ-моря“, примѣрно въ 250 верстахъ отъ Иртыша, гдѣ сходятся вершины Шиша, Туя и Уя. Разстояніе это измѣрили мы часами, полагая однако ходу въ часъ только по 3 версты, — бѣльшая скорость здѣсь невозможна. Верстъ за 100 отъ Иртыша страна примѣтно возвышается, такъ что на многіе увалы и холмы мы вынуждены были подниматься по крайней мѣрѣ часа два. Впечатлѣніе, какое производитъ здѣшняя мѣстность, вовсе не похоже на то, которое мы испытали нынѣ за Обдорскомъ и на побережьи Ледовитаго океана, и какое испытывали некогда между Якутскомъ и Нижнеколымскомъ въ Восточной Сибири — впечатлѣніе пустыни, раздражающее невольное чувство страха и унынія... Живо сознавали мы тогда свое одиночество, жаждали общества, движенія, проявленія людскости. Но пустыни здѣшняго „дикаго рая“, полныя свойственной дѣсамъ гармоніи, ихъ роскошная растительность, великолѣпные ковры цвѣтовъ и влажно-бархатистой, густо-сочной и шелковисто-мягкой зелени, кристальныя воды озеръ, ропоть рѣкъ и рѣчекъ съ усиліемъ пробивающихся сквозь эти дремучія дебри, наконецъ жизненная сила во всемъ и на всемъ: звѣри, птицы, насекомыя пресмыкающіяся: — все это, такъ сказать, кишашее въ этомъ первобытномъ мѣрѣ, именно какъ бы онъ только что вышелъ изъ рукъ Творца всяческихъ... Тутъ нѣтъ

мѣста унынію и страху, не тяготитъ человѣка одиночество. Благоговѣйное умиленіе, какая-то тихая радость, вотъ что наполняетъ сердце. Воображаемъ себѣ таинственную седмицу мірозданія, когда все получило жизнь и голосъ и невольно спрашиваемъ себя: „гдѣ перво-данный человѣкъ этого эдема?“ Ибо все благоухаетъ, все цвѣтеть, все радостно движется; а недостаетъ только его, вѣнца божественнаго творчества, его, въ первобытной чистотѣ и невинности.

Однажды остановились мы для ночлега среди едва проходимой дебри гигантскихъ лѣсовъ, на берегу безыменной и быстрой рѣчки, съ крутыми подъемами, шириной всего сажени въ двѣ, вблизи неглубокаго обрываистаго оврага съ одной стороны, и кристальнаго озера съ другой. Было только шесть часовъ; но въ лѣсу уже становилось замѣтно тѣмно. Разложивши яркіе огни и навѣсивши на желѣзные треноги походные котелки, принялись мы кипятить воду. Между тѣмъ охотники рассыпались по окрестности, чтобы настрѣлять дичи къ ужину. Не прошло получаса—они натащили глухарей, куропатокъ, утокъ, и приволокли двухъ жирныхъ возуль. Такое обиліе разсыпано въ этой дремучей тайгѣ! Послѣ сытаго ужина составили мы кружки около пылающихъ огней. Пѣсни, смѣхъ, говоръ раскатывались по этимъ безпредѣльнымъ лѣсамъ какимъ-то громовымъ эхомъ, распрыскивались тысячами разнороднѣйшихъ голосовъ и звуковъ. Медвѣди, волки, гуси, утки, пѣвчія птицы, даже лягушки, пробужденныя этими, можетъ быть отъ сотворенія міра, неслыханными у нихъ хозяйничаньями человѣка — заревѣли, завывли, закричали, засвистали, завакали. При трескѣ пылающихъ костровъ всё это вторилось по дебри какой-то ужасающей мелодіей. Между тѣмъ заревѣлъ вѣтеръ, начали раскачиваться верхи громадныхъ кедровъ, лиственницъ, елей, сосенъ; разыгралась быстрая рѣчка и всё это слилось своими

голосами съ тѣми звуками, которые уже наполнили окрестность. Яркое же пламя, озаряя всю эту окрестность, представляло намъ громадные деревья какими-то багрово-зелеными чудовищами, принимающими непрерывно новые виды и новыя формы. Всплылъ мѣсяць, ударилъ широкими лучами на озеро и разбрызнулись они купиною драгоцѣнныхъ камней въ этихъ свѣтлыхъ водахъ, какъ въ хрустальной чашѣ.

Долго наслаждались мы этой дивной картиной. Въ четыре часа утра, кромѣ насъ, все мирно спало... Вѣтеръ утихъ, замолкъ и дремучій лѣсъ. Даже журчанія рѣчки мы уже не слышали. Торжественная тишина и спокойствіе, насъ окружившія, были до того поразительны, что мы отошли отъ угасавшихъ огней нѣмого въ сторону и усѣвшись на огромной колодѣ, долго еще мечтали, не могли оторваться окомъ, слухомъ, душой и чувствами отъ этого высокаго поэтическаго зрѣлища. И вотъ на вершинѣ деревъ и на открытой лѣсной полянѣ около озерка показался сперва тусклый свѣтъ, какъ бы носящійся по воздуху полубѣлыя полосы... Вотъ и заалѣлъ востокъ... И вдругъ все живо пробудилось. Казалось, что самыя деревья, цвѣты, травки ожили, закачавъ тихо своими вѣтвями и стебельками. Солодовый корень, алая сарана, морковникъ, папоротникъ, земляной ладанъ, бѣлоголовникъ, чемерица, лабазникъ, сибирская пурпуровая и бѣлая лилія, чудныя незабудки, колокольчики, фіалки, оживленныя сыростью почвы, свѣжестью воздуха, — наполняли окрестность своими роскошными испареніями. Насѣкомыя и гады первые нарушили спокойствіе пустыни. Расправивъ крылышки и ножки, онѣ полетѣли, поскакали, поползли, зажужжали, засвистѣли, зашипѣли въ травѣ и въ кустарникахъ. На этихъ возвышенностяхъ нѣтъ тарскаго и бараблискаго бича — комаровъ, пауковъ, микроскопической мошки; воздухъ былъ чудно чистъ, невыразимо благоухающъ, упонительно

свѣжъ. Змѣи и ящерицы, быстро переползая и перебѣгая съ вѣтки на вѣтку, съ сучка на сучокъ, устремили любопытные глаза на красные угли угасавшихъ огней, на спящихъ людей, на насъ и нашъ таборъ. Мы видѣли, какъ они отворяли пасти, нюхали, какъ бы старааясь разгадать, что это за предметы, невиданные ими до-толѣ. И вдругъ, какъ бы понявъ, что тутъ „люди“, опрометью, съ пискомъ и шишнѣемъ скрылись въ лѣсной чащѣ. Между тѣмъ зачирикали, засвистали, запѣли чижи, зяблики, перепелки, жаворонки, скворцы, соловьи и вся семья пернатыхъ. Озерко и ближайшія болота огласились смѣсью голосовъ водныхъ птицъ. „Ронжа“ (птица принадлежащая къ породѣ дятла) и бѣлка залетали по кедрамъ и принялись ѣсть орѣхи. Шумно и весело бѣгали и прыгали дикія козы, зайцы, лисицы, соболы, горностаи. Два волка показались за озеркомъ, у опушки лѣса; а на противоположной сторонѣ рѣчки высунулась изъ чаши огромная морда лося. Хозяинъ этой дремучей пустыни, черный медвѣдь, съ какимъ-то веселымъ хрипнѣемъ и тихимъ ревомъ вылѣзъ изъ оврага, и съ трескомъ ломая молодые древесныя пѣросли, пришелъ нить къ рѣчкѣ. Но проснулись наши спутники, зашумѣли, засуетились, начали разводитъ опять огни, наставлятъ котелки и чайники... И вдругъ вся эта лѣсная семья остановилась, какъ вкопаная; начала вглядываться, прислушиваться, робко поднимать голову, озирааясь; чрезъ нѣсколько минутъ все скрылось въ глубинѣ лѣса.

На возвратномъ пути изъ этой пустыни, близъ береговъ р. Туя, были мы застигнуты бурей. Страшные раскаты грома, проливной дождь съ градомъ, молніи, такъ сказать, бьющія непрерывно въ гигантскіе кедры и сосны, заставили насъ пріостановиться на широкой полянѣ, или, точнѣе сказать, полосѣ песку, безъ всякой растительности, тянущейся на нѣсколько верстъ и какъ

бы перерывающей дремучую тайгу, по которой мы пробирались къ главному сибирскому тракту. Тутъ, по крайней мѣрѣ, мы были безопасны. Вдругъ, при страшномъ трескѣ сильнаго громоваго удара, молнія упала стрѣлой на огромный кедръ, рашепала его до основанія, зажгла и охватила огненными языками, лижущими сучья. Валится пылающій кедръ, разметываетъ пламя полукругомъ, вѣтеръ сыплетъ между тѣмъ искры; и вотъ. запылала предъ нами вся опушка тайги, насылая на небо какъ бы балдахинъ густаго дыма и далеко разнося бальзамическій запахъ горящихъ хвойныхъ лѣсинъ. Какая грозная и дивная картина! Рѣвъ, трескъ, громовые удары, блескъ молній, густо застланное дымомъ небо; огненная стѣна пылающихъ кедровъ, лиственницъ, пихтъ, елей, сосенъ; всюду волны пламени, а вмѣстѣ съ тѣмъ крикъ звѣрей и птицъ, шипѣнье и пискъ всякихъ гадовъ. И вдругъ изъ охваченнаго огнемъ лѣса вырвались медвѣди, волки, лисицы, козы, лоси, олени, бѣлки, зайцы, соболи; помчались птицы, поползли змѣи и ящерицы, даже поскакала лягушка; и все это въ адской смѣси, въ одномъ чудовищномъ круговоротѣ, прямо на насъ—несется, скачетъ, ползетъ, охватывая насъ, представляя намъ истинный хаосъ послѣдняго дня міра, дня гибели и разрушенія земли, нами обитаемой. Въ ужасѣ мы пали ницъ. Когда же пришли въ себя—все исчезло. Только лѣсной пожаръ усиливался въ тайгѣ, уже раскинувшись далеко по видимому горизонту, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ и давая намъ ясное понятіе о страшныхъ сибирскихъ лѣсныхъ пожарахъ. Такъ въ 1829 году, на берегахъ Оби (между Сургутомъ, Тобольской губерніи и Нарымомъ—Томской) выгорѣли въ одно лѣто всѣ урманы, приблизительно на 300 верстъ въ длину и по меньшей мѣрѣ на 200 верстъ внутрь края. Но столь велика сила растительности въ этой могучей Сибири, что чрезъ 30 лѣтъ, въ 1859 году, вся

эта громадная пустыня сдѣлалась опять не проходимою дремучей тайгой, наполнилась опять звѣремъ, птицей и дичью, устлала опять лѣса густыми коврами цвѣтовъ и зелени. Въ Сибири часто встрѣчаемъ огромныя пространства, съ почвой пепельнаго цвѣта и безъ признака травки. Всюду торчатъ обгорѣлыя деревья и обожженные пеньки мелкаго лѣса. Это называется „гари“. Въ подобныхъ гаряхъ царствуетъ всегда мертвая тишина. Кажется, что небесное проклятіе поразило эти необъятныя пустыни потому что нигдѣ ни признака растительной жизни, ни рева звѣрей, ни веселаго чпликанья птичекъ, ни жужжанія насѣкомыхъ. А глядишь—черезъ нѣсколько лѣтъ это опять зеленый урманъ, со всѣми чудесами его внутренней жизни!

ГЛАВА X.

КОРЯКОВЪ. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сибирскій крестьянинъ—совсѣмъ другое, нежели крестьянинъ русскихъ губерній. Принадлежа казнѣ, исправляя повинности, платя подати, онъ во всемъ остальномъ совершенно свободенъ. О „барщинѣ“ онъ и понятія не имѣетъ. Устройство государственныхъ имуществъ, какъ оно существуетъ въ Россіи, онъ знаетъ только по слуху, и въ образцовыхъ волостяхъ его оно прививается очень туго. Земель, лѣсовъ, луговъ, водъ у него вездѣ приволье. Гдѣ же нѣтъ земледѣлія и скотоводства, тамъ все-таки есть звѣрь, рыба, орѣхъ, ягода, дичь и пухъ. Постройки во всей Сибири очень хороши. Одежда и обувь приличныя, сытость повсемѣстная. Подати и всякаго рода повинности, легко взимаются, недоимки — рѣдкость. Бобыльство и тунеядство вовсе неизвѣстны старожиламъ. Грамотность въ массѣ болѣе распространена, нежели въ Россіи. Учивость, общительность гораздо болѣе развиты, чувство независимости—тоже. Двѣ только язвы терзаютъ эту счастливую и привольную жизнь: „ссылка“ и „взяточничество.“ Отъ ссылки избавить Сибирь нельзя. У Россіи Австралія нѣтъ, да и ссылка имѣетъ свою хоть, далекую, но несомнѣнную пользу. Во первыхъ, отсутствіе смертной казни, драгоценный даръ, которымъ Россія можетъ справедливо гордиться предъ

просвѣщенной Европой. Столѣтній опытъ доказалъ, „что и изъ разбойника, силой времени и раскаяніа, дѣлается полезный въ своемъ кругу человѣкъ; а дѣти его уже полезные граждане.“ Въ Нерчинской каторгѣ это увидимъ, сплошь да рядомъ. Во вторыхъ, ссыльно-поселенцы увеличиваютъ населеніе Сибири, а перерождаясь въ новыхъ поколѣніяхъ, уже прямо люди какъ люди.

Но взяточничество къ несчастью не перерождается и столѣтіа историческаго развитія Россіи надъ нимъ явно безсильны. Сибирь со времени Ермака (съ 1581 года) устроилась и развилась. Цвѣтушіе города, богатые села, достаточно образованное городское сословіе, сытый, довольный народъ,—она все это имѣетъ; даже въ житіѣ бытѣ мѣщанина и крестьянина далеко оставила за собой Россію и приблизилась къ житію нѣмцевъ аккуратностью, опрятностью на себѣ и въ домѣ, разумнымъ трудолюбіемъ. Но взяточничество, хоть оно и облечено нынѣ не въ такія грубые приемы, какъ нѣкогда, а все-таки—зла много. Ни личныя, энергическія дѣйствія генераль-губернаторовъ обѣихъ частей края, ни слѣдствія, суды, кары, да законы, ничто неможетъ истребить въ нисней сибирской администраціи ея алчности къ прибытку „quand même“...

Выбравшись изъ Васьюгана на главный сибирскій трактатъ и въѣжая въ богатое село съ прекрасной каменной церковью, мы увидали партію ссыльныхъ, идущую изъ Тобольска вглубь Сибири. Впереди шель конвойный офицеръ съ старшимъ унтеръ-офицеромъ и барабанщикомъ. По обѣимъ сторонамъ солдаты съ зарп-женными ружьями, въ авангардѣ и въ арьергардѣ ѣхали казаки. Сперва шли ссыльно-каторжные, назначенные въ работы въ рудникахъ и на заводахъ. Все они закованы въ ножныя цѣпи и сверхъ того на рукѣ у нихъ гайка, сквозъ которую продѣта желѣзная цѣпь, запирающаяся на объ-

ихъ окончностяхъ висячими замками. Эта предосторожность существенно необходима въ здѣшнихъ лѣсистыхъ и еще рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ, потому что чуть оплошай конвой, каторжный бросится въ лѣсъ; а извѣстно, что такое сибирскіе лѣса. За каторжными идутъ ссыльно-поселенцы, которые хотя и въ цѣняхъ, но не на ручной цѣпи. Эти рѣдко бѣгаютъ. За ними переселенные и ссылаемые на житье. Эти послѣдніе безъ цѣпей. Все это заключается длиннымъ рядомъ повозовъ, на которыхъ сидятъ больные, старики, дѣти. Среднимъ числомъ каждая партія (еженедѣльно изъ Тобольска отправляемая, состоитъ отъ 100—200 д. о. п., и её ведутъ по этапамъ такимъ образомъ: два дня сряду она идетъ, дѣлая суточные переходы, не выше 30 верстъ, а третій день отдыхаетъ. Этапы сквозь всю Сибирь отъ Тугалыма (Тюменскаго округа, на границѣ Пермской губерніи) до Нерчинскаго завода, выше 4000 верстъ, обширны, хорошо построены и удобно расположены. Они всѣ деревянные на каменномъ фундаментѣ. Въ улицу плаць-форма, для караула и казарма, съ наружнымъ крыльцомъ и сквознымъ корридормъ, направо—помѣщеніе для нижнихъ чиновъ, налево—квартира для начальника этапа и для его канцеляріи. За этою казармой, внутри двора, обнесеннаго высокимъ тыномъ, тюрьма для пересыльныхъ арестантовъ съ мужскимъ и женскимъ отдѣленіемъ. Этапныя команды живутъ осѣдло. Подобныя обширныя зданія выстроены только на тѣхъ станціяхъ, гдѣ по росписанію назначены дневки; но между двумя подобными этапами—ночлежный полуэтапъ, хоть по тому же образцу, однако въ уменьшенномъ размѣрѣ, т. е. только гауптвахта для конвоя, да ночлежная тюрьма. Русское правительство водить ссыльныхъ человѣколюбиво, обуваетъ и одѣваетъ ихъ, женъ и дѣтей ихъ, въ зимнее или лѣтнее платье, кормитъ достаточно, соображая плакатъ (кормовыя деньги) съ существующими на

жизненные припасы цѣнами; но — и тутъ, какъ и вездѣ, вкравлись тяжкія злоупотребленія и безпорядки. Полезнѣе было бы возить ссыльныхъ на подводахъ, съ конными этапными командами. Тутъ и казна выиграетъ и нравственность и здоровье арестантовъ тоже много выиграютъ. Сибирь же выиграетъ еще больше, не получая какъ теперь или людей больныхъ и слабыхъ, или людей привыкшихъ къ бродяжничеству, и для которыхъ каждый трудъ та же каторга. Правительство же должно само придти теперь къ убѣжденію, что и „драконовскіе законы“ имъ для обузданія ссыльныхъ составленные, не очень ихъ страшатъ...

Вотъ сравнительная таблица стоимости ссылаемыхъ въ Сибирь арестантовъ съ препровожденіемъ ихъ пѣшкомъ по нынѣшнему, и по предполагаемой возкѣ ихъ на подводахъ, расчисленная на разстояніе 1044¹/₂ верстъ, по Тобольской губерніи и составленная нынѣ по самымъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ и смѣтамъ:

Пѣшее препровожденіе.	Рубли.	Копѣйки.	Конное препровожденіе.	Рубли.	Копѣйки.
Отъ Тугальсенскаго этапа на границѣ Пермской и Тобольской губерній до Мурановскаго этапа на границѣ Томской губерній, считается 18 этап. 20 полуэтап. и 3 городскихъ тюрьмы.	”	”	Уничтожить на разстояніи 1044 ¹ / ₂ верстъ 12 этапныхъ командъ и всѣ 20 полуэтаповъ на семь пространствъ, оставить только 9 этапныхъ командъ.. На прогоны арестантамъ, примѣрно 9000 человекъ (по 4	”	”

Пѣшее препровожденіе.	Рубли.	Копѣйки.	Конное препровожденіе.	Рубли.	Копѣйки.
<p>Для перевозкн арестантскихъ тяжестей и слабыхъ арестантовъ, содержится 200 конныхъ подводъ (въ 1 лошадь каждая) за плату...</p>	12,540	”	<p>человѣка на 1 подводу) 2250 подв. по 1¹/₂ коп. сер. вер. за подводу, всего будетъ платы за 1044¹/₂ верст. до Томской границы.....</p>	35,251	87 ¹ / ₂
<p>Для препровожденія партій состоитъ на лицо 21 офицеръ, жалованье имъ, да же по чину прапорщика (т. е. 267 р. с.).</p>	5,796	”	<p>Съжалованьемъ 9-ти офицерамъ по тому же окладу.....</p>	2,484	”
<p>Жалованья 21 командъ, каждая состоитъ изъ 28 солдатъ и 11 казаковъ.</p>	7,032	90	<p>Съжалованьемъ 9 этапнымъ командамъ по тому же окладу..</p>	3,054	”
<p>Наградныхъ по 503 и 508 ст. XIV том. св. зак. уст. о ссыльныхъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ.....</p>	7,788	90	<p>Наградныхъ по уменьшенному числу офицеровъ и командъ.</p>	3,331	”
<p>Кормовыхъ арестантамъ на 62 дня по 3¹/₂ коп. сер., среднимъ числомъ на 9000 человѣкъ.</p>	19,530	”	<p>Кормовыхъ на 20 дней по 3¹/₂ коп. сер. въ сутки на 9000 человѣкъ.....</p>	6,300	”
<p>На содержаніе больныхъ въ 3 этапныхъ и 3 городскихъ лазаретахъ въ 3 лѣтней сложности на 90 челов.</p>			<p>На содержаніе въ 3 только городскихъ лазаретахъ по 50 человѣкъ въ сутки и по 23 коп.</p>		

Пѣшее препро- вожденіе.	Рубли.	Копѣйки.	Конное пре- провожденіе.	Рубли.	Копѣйки.
въ сутки по 23 коп. сер. каждому.....	7,535	50	серебромъ на каждаго.....	4,197	50
На заготовленіе арестантской оде- жды въ Тобольскѣ по 3 лѣтней слож- ности идетъ въ годъ.....	15,231	„	Уменьшеніе одежды по смѣ- тѣ на окружные города.....	4,189	„
Посылается въ ок- ружные города еже- годно одежды на...	4,189	„			
Всего расхода на 9000 человѣкъ.	79,663	30	Всего расхода на 9000 человѣкъ.	58,807	37 1/2

И такъ по одной Тобольской губерніи расходы уже уменьшаются до 20,000 р. сереб. Результатъ очень значительный, если сообразить громадное разстояніе хотя отъ Нижняго-Новгорода (гдѣ покуда кончается теперь сѣтъ желѣзныхъ дорогъ) до Иерчинскаго завода. А ремонтъ становъ и полуэтановъ, на всемъ этомъ пространствѣ? Потому-что отъ небрежности и злоупотребленій служебныхъ, извѣстно, что все наши казенныя зданія, даже самыя массивныя, быстро разрушаются и приходятъ въ ветхость. А содержаніе этапныхъ командъ, которыя сами развращаются около арестантовъ, и которымъ можно найти лучшее и полезнѣйшее для службы употребленіе? Сверхъ того, при быстрой перевозкѣ, арестанты будутъ менѣе знакомиться съ мѣстностями, ибо теперь, идучи годъ по Сибири, они ее хорошо изучаютъ, а это способствуетъ имъ къ побѣгамъ. Побѣги же наполняютъ тюрьмы, увеличиваютъ число судныхъ дѣлъ, расширяютъ дѣлопроизводство. Конецъ концовъ—

1 миллионъ вѣрныхъ цѣлковыхъ останется у казны въ сундукѣ, нравственность выиграетъ, Сибирь получитъ людей свѣжихъ и здоровыхъ, а правительство будетъ въ возможности употреблять людей этихъ на прямую пользу краю. Теперь и при новомъ распорядкѣ, т. е. при обращеніи поселенцевъ на 4 года въ казенныя работы, мало будетъ пользы и чуть ли не болѣе вреда. Поселенцы будутъ бѣгать толпами—это математически вѣрно...

«L'Empereur Alexandre», говоритъ историкъ Россіи, столь добросовѣстно излагающій ежегодно въ *Annuaire des Deux Mondes* все, что у насъ нынѣ происходитъ, «n'ignore pas combien il y aurait d'abus à faire cesser, dans l'administration russe; et combien de reformes réclame un état social si différent dureste de l'Europe et disons le, si manifestement imparfait!» Проходя шагъ за шагомъ по Тобольской губерніи, мы уже могли даже по ней, не касаясь Россіи, видѣть: „сколь дѣйствительно настоятельно необходимы коренныя реформы въ администраціи“, но есть однако въ Европѣ и въ Россіи ложныя понятія, которыя полезно и справедливо разсвѣять. Къ числу такихъ понятій, укоренившихся не только за границей, но и у насъ, принадлежитъ общепринятое мнѣніе: „что Сибирь ничто иное, какъ громадная тюрьма, страна дикая и безлюдная, гдѣ бродятъ жалкіе ссыльно—преступники, подвергаясь безчисленнымъ казнямъ и мученіямъ, какъ тѣни въ Дантовомъ „Адѣ“! Въ особенности въ Россіи понятіе это укоренилось потому болѣе, что съ словами „преступленіе“ и „наказаніе“ непременно соединяють слово „Сибирь“. Мы видѣли тоже, проходя шагъ за шагомъ Тобольскую губернію, что въ Сибири вовсе не худо никому жить, даже во многомъ матеріальномъ лучше, нежели въ переполненныхъ населеніемъ русскихъ губерніяхъ. Разсмотримъ же теперь столь же внимательно и добросовѣстно, и систему русской ссылки.

До завоеванія Сибири эта страна была населена Монголами, Татарами, Калмыками и разными бродячими народами финскаго и чудскаго племени, оттѣсненными племенами монгольскими на крайній сѣверъ. Чтобы упрочить за Россіей новооткрытую и такъ быстро завоеванную страну, московское правительство еще съ начала XVI столѣтія стало посылать въ Сибирь, сперва казаковъ и стрѣльцовъ (составившихъ въ строившихся городкахъ постоянно охранную и осѣдную стражу) и „охочихъ людей“ (т. е. промышленниковъ, земледѣльцевъ, ямщиковъ). Въ XVII столѣтіи стали отправлять сюда и цѣльныхъ Поляковъ, Литовцевъ, Чербасовъ (Запорожцевъ) и проч. Въ XVIII столѣтіи—большая часть шведской арміи Карла XII была тоже удалена въ Сибирь и послѣ Ништадскаго мира многіе добровольно вступили здѣсь въ русскую службу. Но ссылка (какъ ее понимаетъ нынѣ русское законодательство) не прилагалась тогда постоянно хотя при императрицѣ Елизаветѣ, по уничтоженіи смертной казни въ Россіи, чаще начали ссылать въ Сибирь. Лишь съ 1823 года, послѣ ревизіи сибирскаго края знаменитымъ графомъ Сперанскимъ, ссылка получила не только правильную организацію, но и систематическій учетъ.

До 1823 года, т. е. до учрежденія, по мысли Сперанскаго, въ Тобольскѣ Приказа о ссыльныхъ, правительство не вело систематическаго учета ссыльнымъ, и въ дѣлахъ того времени не было положительныхъ свѣдѣній: „куда какое лицо назначено на житье.“ Поэтому часто было не только затруднительно, но и невозможно, сославши когонибудь въ ссылку, отыскать его потомъ въ Сибири. Но съ учрежденія „Приказа о ссыльныхъ“ имъ ведется ежедневный, точный, вѣрный, систематическій учетъ; и теперь самаго послѣдняго мужика, сосланнаго въ Сибирь—можно тотчасъ отыскать по „алфавиту“: въ какой губерніи, области, округѣ,

волости, даже деревнѣ онъ на жительство приписанъ. Вотъ какъ это теперь дѣлается. Всякое судебное мѣсто въ Имперіи, осудивъ преступника и приговоривъ его къ ссылке въ Сибирь, тотчасъ увѣдомляетъ объ этомъ Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ, единственное учрежденіе въ цѣломъ государствѣ, которое исключительно завѣдуетъ ссылкой. Приказъ о ссыльныхъ, получивъ это увѣдомленіе, вноситъ имя преступника съ прочими о немъ свѣдѣніями въ списокъ, называемый „алфавитомъ предварительнымъ“ и по этому списку ожидаетъ прибытія преступника въ Тобольскъ, или увѣдомленія о причинахъ, почему онъ не прибылъ, т. е. „по болѣзни ли, или умеръ дорогой.“ Если преступникъ прибудетъ въ Тобольскъ, то сперва повѣряютъ его примѣты и онъ вносится въ другой списокъ, называемый „алфавитомъ распределительнымъ“, гдѣ означено: въ какую губернію или область сибирскую онъ назначенъ Приказомъ на житье. Потомъ ссыльный передается, при „статейномъ спискѣ“, въ которомъ означены: „имя, отечество, фамилія, лѣта, примѣты, происхожденіе, прежнее званіе, преступленіе и наказаніе“ въ вѣдѣніе экспедиціи о ссыльныхъ той губерніи, въ которую онъ ссылается. Если жъ онъ слѣдуетъ въ Тобольскую экспедицію, то его передаютъ тутъ же. А если въ одну изъ сибирскихъ, то его отправляютъ по этапамъ въ партіи, до его губернскаго города. Такихъ экспедицій въ Сибири 4: въ Тобольскъ, Томскъ, Красноярскъ и Иркутскъ. Каждая состоитъ при мѣстномъ губернскомъ правленіи и управляется особымъ совѣтникомъ. Эти экспедиціи обязаны уже сами распредѣлять переданныхъ имъ ссыльныхъ по округамъ и волостямъ. Распредивъ ихъ, онъ даютъ знать о томъ Приказу, для внесенія въ „алфавитъ окончательный“. Эти „алфавиты“ для большаго удобства ведутся по каждой губерніи особо и за каждый годъ отдѣльно. При такомъ ясномъ и точномъ распорядкѣ ни

одниъ ссыльный не можетъ быть упущенъ пзъ виду, а тѣмъ болѣе утерянъ, какъ это бывало въ старину. По тому, если кто либо въ Россіи захочетъ узнать: „гдѣ находится сосланный въ Сибирь его родственникъ или знакомый“ онъ можетъ обратиться съ просьбой о томъ въ Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ формальнымъ порядкомъ, на узаконенной гербовой бумагѣ, и желаемое имъ свѣдѣніе будетъ ему выслано немедленно чрезъ полицію того мѣста, гдѣ онъ живетъ или откуда подавалъ прошеніе. Наконецъ — губернская экспедиція о ссыльныхъ, назначивъ ссыльнаго по принадлежности, отсылаетъ его чрезъ внутреннюю стражу тому вѣдомству, которому онъ подчиняется: заводскому, городскому, земскому, и проч. Ссыльные съ цѣлой Имперіи сходятся предварительно въ Казани, гдѣ есть тоже при губернскомъ правленіи экспедиція о ссыльныхъ, изъ Казани отправляютъ еженедѣльно всю эту массу ссыльныхъ въ Пермь, единственный губернсій городъ между Казанью и Тобольскомъ на главномъ сибирскомъ трактѣ. И здѣсь — тоже при губернскомъ правленіи — есть экспедиція о ссыльныхъ, которая пересылаетъ ихъ окончательно въ Тобольскъ. Такимъ образомъ эти двѣ русскихъ экспедиціи — одна принимаетъ всѣхъ ссыльныхъ со всего государства, другая контролируетъ прохожденіе ихъ. Приказъ о ссыльныхъ распредѣляетъ ихъ по сибирскимъ губерніямъ и областямъ, а сибирскія экспедиціи назначаютъ ихъ по округамъ и волостямъ, по рудникамъ и заводамъ; по городамъ, тюрьмамъ и поселенческимъ ротамъ, смотря по приговору суда и по роду наказанія.

Государь Императоръ, приступая нынѣ къ великимъ преобразованіямъ, Имъ предначертаннымъ, для всѣхъ частей государственнаго управленія и благоустройства, изволилъ признать справедливымъ дать лучшія начала и ссылкѣ въ Сибирь — начала, такъ сказать „нравственныя“. Ибо и ссыльно-каторжные въ каторжной работѣ

и ссыльно-поселенцы по городамъ да по деревнямъ, широко пользуясь милосердіемъ правительства и мягкостью закона, обращались, можно сказать „въ балованныхъ дѣтей суда и наказанія.“ Они бродяжили непрерывно взадъ и впередъ, не только по Сибири, но даже и по Россіи, пробирались даже и въ столицы, умножая дѣлопроизводство, увеличивая число преступленій; не говоря уже о наполненіи тюремъ и объ огромныхъ издержкахъ казны, чтобы ихъ пересуживать и пересылать. Нынѣ этого не будетъ, по крайней мѣрѣ законно; ибо трудно, если даже не невозможно, придумать такія дѣйствительныя мѣры, чтобы удержать ихъ и при новомъ порядкѣ вещей въ казенныхъ работахъ или на поселеніи. Они все будутъ бѣгать, если даже не болѣе, чѣмъ прежде... Лишь опытъ и время покажутъ можетъ быть основательность нашего мнѣнія. Но такъ или иначе, а Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 15 іюня 1859 г. положены болѣе твердыя, болѣе практическія и болѣе сообразныя съ идеями нашего времени „о преступленіи и наказаніи“ начала ссылки въ Сибирь. Отнынѣ—Тобольскій Привазъ о ссыльныхъ долженъ раздѣлять всѣхъ ссыльныхъ на IV разряда: 1) ссыльно-каторжныхъ, 2) ссыльно-поселенцевъ, 3) сосланныхъ на житье и 4) переселенныхъ въ Сибирь въ порядкѣ административномъ. I Западная Сибирь избавлена отнынѣ отъ ссыльно-каторжныхъ; за исключеніемъ тѣхъ, которые слѣдуютъ въ крѣпостную работу (въ Омскъ и въ другихъ крѣпостяхъ края), всѣ остальные будутъ проходить въ Восточную Сибирь и распредѣляться тамъ по рудникамъ и заводамъ. Вотъ уже большое облегченіе нравственное, для Тобольской и Томской губерній. II ссыльно-поселенцы, вмѣсто нынѣшней праздности и бродяжества, будутъ поступать въ казенныя работы по Западной Сибири—мысль плодотворная, если ея практическое примѣненіе удастся, ибо здѣшній край ближе къ

Россіи и болѣе Восточной Сибири нуждается: а) въ ремесленныхъ ротахъ для городовъ, б) въ дорожныхъ ротахъ для устройства путей сообщенія: дорогъ, мостовъ, гатей, просѣкъ въ лѣсахъ, болѣе прямого направленія тракторовъ и проч. и с) въ образцовыхъ казенныхъ фабрикахъ и заводахъ, напримѣръ, стеклянныхъ (подобно бывшей, Иркутской Тальминской), фаянсовыхъ, суконныхъ, мыловаренныхъ, даже свѣчныхъ и стеариновыхъ и проч. на что на все огромное требованіе всюду. III. Сосланные на житье впредь до окончательнаго устройства сибирскихъ поселеній и центральныхъ тюремъ оставлены покуда на прежнихъ правлахъ, и IV переселенные въ порядкѣ административномъ, которыхъ свобода практически можетъ быть полезна для Сибири, получаютъ отъ нынѣ право жить исключительно въ Западной Сибири (если сами не пожелаютъ водвориться въ Восточной), могутъ записываться въ городскія и сельскія сословія и при хорошемъ образѣ жизни возвращаться даже на жительство въ Россію, только не въ ту губернію, изъ которой удалены и не въ сосѣднія съ нею. Такимъ образомъ самая вредная часть ссыльныхъ — каторжные и поселенцы, очерчена кругомъ болѣе тѣснымъ, а людямъ менѣе виновнымъ, предоставлено болѣе льготъ и даже дана перспектива возвращенія въ Россію. Строго, по сущей справедливости; практически полезно, по требованіямъ времени и общества; великодушно, какъ и должно было ожидать этого отъ нынѣшняго Государя. Остается пожелать успѣха этимъ новымъ предначертаніямъ и въ особенности примѣненія казенныхъ работъ не къ винокуреннымъ заводамъ, а къ государственному сибирскому шоссе—этой настоятельной нуждѣ Западной Сибири, да и съ хорошими станціонными домами; ибо нынѣшніе путевые дворцы: сквозятъ, дуютъ, промерзаютъ, угарны... Въ Сибири—шоссе и путевые дворцы, по громадности

разстояній, климату, отсутствію удобствъ для проѣзжаго, настоятельная необходимость; лучше брать вдвое, а держать хорошо.

Въ Европѣ и Россіи есть другое ошибочное понятіе о Сибири, что Сибирь набиваютъ ссыльными и въ особенности ссыльными политическими. Мы уже раскрыли въ „Общемъ Вступленіи“ какъ сравнительно съ бурями и тревогами истекшаго тридцатилѣтія, было мало политическихъ ссыльныхъ въ Сибири, къ 26 августа 1856 года. Скажемъ, что и простая сбѣлка въ Сибирь уменьшается; хотя конечно у насъ еще наказанія не всегда соразмѣрны съ преступленіемъ. Вотъ крайне интересная „вѣдомость“ о числѣ сосланныхъ въ Сибирь мужчинъ и женщинъ всѣхъ сословій въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ, т. е. съ 1-го января 1854 года по 1-е января 1859 года. Эта „вѣдомость“ болѣе посвящаетъ Россію для философа и государственнаго челоѣка, нежели цѣлые фоліанты ученыхъ....

Въ 1854 году:	мужчинъ	5,649	}	Всего 6,783 д. о. п.
	женщинъ	1,134		
Изъ нихъ дворянъ:	мужчинъ	72	}	81. д. о. п.
	женщинъ	9		
Въ 1855 году:	мужчинъ	9,201	}	Всего 10,614 д. о. п.
	женщинъ	1,413		
Изъ нихъ дворянъ:	мужчинъ	64	}	70 д. о. п. изъ нихъ по дѣламъ политическимъ 9 мужчинъ.
	женщинъ	6		
Въ 1856 году:	мужчинъ	7,281	}	Всего 8,678 д. о. п.
	женщинъ	1,397		
Изъ нихъ дворянъ:	мужчинъ	33	}	37 д. о. п.
	женщинъ	4		
Въ 1857 году:	мужчинъ	7,664	}	Всего 9,504 д. о. п.
	женщинъ	1,840		
Изъ нихъ дворянъ:	мужчинъ	34	}	40. д. о. п.
	женщинъ	6		

И въ 1858 году:	мущинъ	6,303	} Всего 8,045 д. о. п.
	женщинъ	1,742	
Изъ нихъ дворянъ:	мущинъ	71	} 75 д. о. п., по дѣламъ политическихъ 3 мущины.
	женщинъ	4	
<hr/>			
А всего:	мущинъ	36,098	} Всего 43,624 д. о. п.
	женщинъ	7,526	
Изъ нихъ дворянъ:	мущинъ	374	} 403 д. о. п. изъ нихъ, по дѣламъ политическимъ 18 мущинъ.
	женщинъ	29	

А съ добровольно пришедшими женами и дѣтьми въ 5 лѣтъ 47842 д. о. п., т. е. выходитъ среднимъ числомъ 9000 д. о. п. какъ мы это уже и выставили за нормальную цифру, говоря о этапахъ. Или если положить число жителей Имперіи съ Польшей и Финляндіей (ибо и изъ нихъ ссылаютъ въ Сибирь) по X народной переписи въ 72,000,000 д. о. п. 1: 8000. Выводъ очень умѣренный, если принять въ соображеніе: неразвитость народа, грубость нравовъ, жесткость обычаевъ и понятій, повсемѣстную страсть къ пьянству, незваніе закона и всѣ недостатки нашей цивилизаціи. Посмотримъ теперь, за что были посланы всѣ эти люди:

	мущ.	женщ.
I. За преступленія государственныя	12	11
II. Противъ вѣры	681	228
III. Порядка управленія	3403	42
IV. Службы коренной и общественной (по выборамъ)	78	7
V. Законовъ о повинностяхъ	288	4
VI. Имуществъ и доходовъ казны	427	19
VII. Общественнаго устройства и благоч.	10,690	1,134
VIII. Законовъ о состояніяхъ	155	20
IX. Жизни здравія, свободы и чести.	2,428	655
X. Правъ семейныхъ	55	29
XI. Частной собственности	9,374	939
<hr/>		
Итого . .	27,591	3,081
<hr/>		
А всего.	30,672	д. о. п.

Изъ остальныхъ 17,181 д. о. п. часть приходится на долю пришедшихъ добровольно женщинъ и дѣтей, а часть не на ссыльныхъ собственно, а на переселенныхъ и удаленныхъ на житье, которые и въ Сибири сохраняютъ права своего состоянія, съ нѣкоторыми ограниченіями. Стало быть, среднее число собственно ссыльныхъ будетъ еще менѣе, т. е. 6000 д. о. п. или при населеніи въ 72,000,000 ж. о. п. 1: 12,000—выводъ еще умѣреннѣе.

Но отвлечемъ взоръ свой отъ ссылки. Мы старались дать о ней ясное и правильное понятіе, коснулись даже „ссылки политической“, о которой до сихъ поръ вовсе не имѣли правдиваго понятія ни въ Европѣ ни въ Россіи. Взглянемъ же теперь на веселый сельскій торжокъ, происходящій въ томъ самомъ селѣ, въ которомъ мы встрѣтили партію ссыльныхъ. Около каменной церкви, изящной архитектуры, наставлены многочисленныя балаганы изъ сыраго березника, крытые соломой для защиты отъ дождя и солнца, пріѣзжихъ не прихотливыхъ торговашей. Плата за мѣста (какъ это большею частію въ селахъ бываетъ) идетъ въ церковный доходъ. Съездъ былъ очень большой, въ особенности было много крестьянъ съ ихъ разнообразными сельскими произведеніями. Коровье масло, сушеная рыба, мука, крупа, соль, холсты, пестрядь, деготь, смола, коженый товаръ шитый и въ кожахъ, стекло, посуда, красный, желѣзный и чугунный товаръ, хмѣль, медъ и воскъ, сахаръ и чай, азійскіе халаты, армяки, чембары (кожаные штаны изъ желтой замши, которые въ общемъ употребленіи и между крестьянами), выбойка, шелкъ, верблюжья шерсть, кошмы и войлока—таковъ обиходъ всѣхъ этихъ ярмарокъ съ намѣреніемъ нами исчисленный, чтобы дать о нихъ ясное понятіе. Здѣсь, въ Тарскомъ округѣ, въ особенности замѣчательна щегольская конская сбруя, наборная съ мѣдной насѣчкой. Такая сбруя стоитъ отъ 15 до 25 р. сер. на одну лошадь. Медъ съ рѣки Тартаса

(у окраинъ Васьюгана), гдѣ пчеловодство начинаетъ замѣчательно развиваться, доказываетъ, что Тобольской губерніи предстоитъ и эта важная статья сбыта. Медъ этотъ бѣль, зернистъ и не хуже Бійскаго. Въ здѣшнемъ округѣ много липовыхъ дѣсовъ, богатство цвѣтовъ и душистыхъ кустарниковъ и если крестьяне пріохотятся къ разведенію пчелъ, этому нельзя не порадоваться. Вообще—сельское хозяйство рациональнѣе здѣсь, нежели въ южныхъ округахъ губерній, имъ занимаются не потому только, что земли много и хлѣбъ хорошо на ней родится, а и съ любовью къ дѣлу; уходъ за скотомъ и за лошадьми здѣсь тоже попечительнѣй и будь у здѣшняго умнаго населенія примѣръ учебной формы, оно бы конечно переняло многое и тотчасъ приспособило къ своему быту. Уже не первую сельскую и городскую ярмарку встрѣчаемъ мы въ Тобольской губерніи и потому, разставаясь съ нею, должны ей высказать еще нѣсколько истинъ. Начать съ того, что всюду, даже на богатой Ишимской, на Курганскихъ, Тюменской и другихъ значительныхъ по оборотамъ ярмаркахъ сельскихъ, съ удивленіемъ и печалью видимъ тучи нищихъ, просто раздирающихъ воздухъ своими воплями. Тобольской ли губерніи имѣтъ нищихъ? когда въ южныхъ округахъ и дворовыя собаки не ѣдятъ ржанаго хлѣба, потому что привыкли къ пшеничному... Значить—это потачка тунеядству и тѣмъ болѣе не извинительная, что эти нищіе здоровѣе Геркулеса, а прикидываются разбитыми параличемъ, или одержимыми падучей. Далѣе—поражаютъ единосложныя жалобы торговцевъ и связжающихся на конокрадство и разныя кражи, производимыя на ярмаркахъ, въ городахъ и селахъ и на которыя нѣтъ этимъ пріѣзжимъ суда у полицейскихъ чиновниковъ...

А вотъ мы и опять въ Омскомъ округѣ. Онъ богатъ большими рыболовными озерами, какъ то „Чаны“ и многочисленныя другія меньшаго размѣра. Но онъ

богаче еще озерами съ хорошей поваренной солью. этой, съ хлѣбомъ, первой необходимостью нашей. Знаменитое Коряковское озеро тоже для Западной Сибири, что Илецкія соляныя копи для Оренбургскаго края: лучшая поваренная соль въ хозяйствѣ. Мы не хотѣли возвращаться въ Омскъ, не посѣтивъ предварительно этой любопытной мѣстности. Это озеро находится въ 396 верстахъ отъ Омска и въ 20 къ сѣверо-западу отъ станицы Коряковской, на Иртышѣ, которую нынѣ предположено сдѣлать окружнымъ городомъ. Оно снабжаетъ солью не только Западную Сибирь, но и часть губерній Оренбургской и Пермской, по эту сторону Уральскихъ горъ. Коряковская соль придаетъ соленю мяса, рыбы, овощей и грибовъ, отличную устойчивость въ засолѣ. Озеро длиною 10 верстъ, шириною 2 версты. Издревле было оно извѣстно азіятцамъ, а съ самаго основанія Тобольска уже обратило на себя вниманіе русскихъ. Въ 1747 году оно было тщательно изслѣдовано генералъ-майоромъ Киндерманомъ, — а три года спустя въ 1750 году уже началась на немъ практичная добыча соли. Въ прежнія времена соль добывалась нарядомъ служилыхъ людей, т. е. казаковъ, которые вмѣстѣ съ симъ охраняли и Коряковской форпостъ. До 1812 года озеро отдавалось въ арендное содержаніе, а нынѣ вся соляная операція на немъ состоитъ въ хозяйственномъ распоряженіи Тобольской Казенной Палаты и совершается вольнымъ наймомъ, преимущественно работниками изъ Киргизовъ, которые пріохотились ходить сюда цѣлыми артелями. Въ старину добыча соли производилась выносомъ ее на рукахъ изъ озера. Можно вообразить, что работа шла очень медленно; но нынѣ прежній способъ оставленъ и съ 1845 года соль накладываютъ въ самомъ озерѣ въ мѣрные казенные ящики,двигающіеся лошадиной силой, по наклонной плоскости въ воду и по накладѣ соли вывозящіе свой грузъ на берегъ, для складки въ кучи.

Для этого соледомщикъ входитъ въ озеро въ длинныхъ сапогахъ, подвязанныхъ ремнемъ выше колѣна и кмѣя въ рукахъ деревянный 3 аршинный домъ съ заостренной на концѣ лапою. Онъ приподнимаетъ верхніе пласты соли, размѣшиваетъ ихъ и валить съ помощію фурмана въ ящикъ. Соли входитъ въ этотъ ящикъ до 30 пудовъ. Такимъ умно придуманнымъ и легкимъ способомъ, два рабочихъ могутъ въ лѣтній день нагрести и вывезти до 500 пудовъ соли. Въ 1836 году добыча соли производилась съ 20 іюня по 9 іюля и въ 20 дней ее добыли съ вывозомъ на берегъ въ кучи 560,000 пудовъ. На Коряковской пристани еще съ 1765 года были уже построены складочные деревянные магазины. Нынѣ предпочли складывать соль прямо на берегъ Иртыша, въ бугры отъ 200 до 400 тысячъ пудовъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ее удобно потомъ прямо грузить на суда. Съ 1835 года доставка соли изъ Корякова въ Тобольскъ обходилась по 13 и болѣе коп. сер. съ пуда, пбо доставляли ее на казенныхъ коноводкахъ. Опытъ и тутъ показалъ, что доставка на вольныхъ пароходахъ соединить всѣ условія дешевизны и быстроты и съ 1839 года она предпочтена коноводкамъ казеннымъ.

Въ истекшее двухъ-лѣтіе (1837—1839 г.) было добыто Коряковской соли свыше милліона пудовъ, а продано какъ ее, такъ и заграничной киргизской во всѣхъ оптовыхъ магазинахъ и стойкахъ Тобольской губерніи:

въ 1838 г. 563,919 пуд. 15 фун.	}	Всего 1,232,744 пуд. 9 1/2 ф.
въ 1839 г. 668,824 — 34 1/2 —		

Но такъ какъ населеніе Тобольской губерніи по X народной переписи простирается нынѣ до 1,013,438 д. о. п., которыми и для себя и для скота и для соленья необходимо до 2 1/2 милліоновъ соли; и то по меньшей мѣрѣ, принимая въ соображеніе обиліе мяса, грибовъ, овощей, огромный засоль рыбы, дачу въ кормъ скоту, (что здѣсь въ общемъ употребленіи), то очевидно, что

солекорчемство развито и донинѣ: Соляная операція въ западной Сибири требуетъ радикальной реформы... Ибо справедливо сказалъ знаменитый химикъ Либихъ: „расходъ соли показываетъ степень благосостоянія народа и развитія его сельскаго хозяйства.“ Корчемная соль грязна, песчана, горьковата, неустойна въ засолъ; но простой народъ гонится за дешевизной и потому гласная продажа соли Коряковской и очищенной таможенной пошлиной соли степной, въ прежнее время вовсе не соразмѣрна была съ потребностями населенія, ибо не одно сельское и домашнее хозяйство, а и кожевенные и мыловаренные заводы (которыхъ такъ много въ здѣшной губерніи) требуютъ и поглощаютъ большія пропорціи соли. Но въ настоящее время цѣны на соль въ казенныхъ магазинахъ понижены до такой степени, что и контробандная уже не существуетъ, и даже оказался недостатокъ въ магазинахъ, что и доказываетъ справедливый взглядъ главнаго начальства Западной Сибири, ходатайствовавшего объ уменьшеніи цѣны казенной соли, для того, чтобы ее сдѣлать доступной простому народу и увеличить доходъ казны.

Коряковская станица предназначенная быть окружнымъ городомъ и гдѣ нынѣ по заботливому ходатайству бывшаго генераль-губернатора Гасфорда, уже дозволено селиться купцамъ и мѣщанамъ и теперь очень хорошенкій городокъ, лучшая изъ всѣхъ казачьихъ станицъ этой части Омской линіи. Жителей въ ней до 2000 д. о. п. зажиточныхъ и трудолюбивыхъ. Вообще Омская линія хорошо устроена и внѣшне и хозяйственно. Казачьи станицы—постройками, чистотой, порядкомъ, видимымъ благосостояніемъ, истинно радуютъ сердце и нельзя достойнѣй заключить это популярное описаніе Тобольской губерніи, какъ этими очевидными доказательствами попечительности и просвѣщенной администраціи бывшаго генераль-губернатора Западной Сибири. О гене-

ралъ Гасфордъ (принимая въ соображеніе отдаленность края отъ центра государственнаго управленія, недостатокъ благонадежныхъ чиновниковъ, разноплеменность жителей, особенности законовъ и мѣстностей, наконецъ неразвитость всѣхъ сословій умомъ, воспитаніемъ, идеями, стремленіемъ) можно сказать справедливо и безпристрастно: „онъ дѣлалъ все что могъ... а если въ чемъ и ошибался, то въ Сибири это чуть ли не неизбежно.“

Въ концѣ сентября возвратились мы въ Омскъ.

Прямодушно, честно, откровенно, безпристрастно, изложили мы въ этомъ I-мъ томѣ нашего „Описанія Сибири“ все, что видѣли, даже что мыслили. Конечно много еще остается здѣсь сдѣлать хорошаго, а много искоренить дурнаго въ административномъ быту народа:—дать лучшее понятіе о долгѣ службы чиновнику, просвѣтить и подвинуть застойные умы купцовъ, указать городамъ источники разумной жизни, бросить лучъ свѣта въ жалкую тьму избы, обратить на пользу государству бесплодную ссылку, улучшить плп, точнѣе сказать, создать пути сообщенія, развить столь необходимое здѣшнему краю судоходство;—дать университетъ, образцовыя фермы, земскія конюшни, сельскія выставки; учредить приходскія школы, городскіе банки, сберегательныя кассы, женскія училища;—все оживить, все поощрить, всему дать смѣлый ходъ: людямъ и учрежденіямъ, мыслямъ и стремленіямъ. Конечно много еще надо трудиться, учиться, возиться; отъ многаго отвыкнуть, а многое вычеркнуть изъ привычекъ своей обыденной жизни: самообольщеніе, что всё хорошо и смѣшной страхъ правды; боязнь умныхъ людей и боязнь рѣзкихъ мнѣній.. Но нѣтъ свѣта безъ тѣней, нѣтъ общественнаго быта безъ недостатковъ, нѣтъ человѣческихъ дѣйствій, что бы въ нихъ не вкрались безпорядки и злоупотребленія. Въ нынѣшнее время у всѣхъ сословій должно быть од-

но чувство: „безпредѣльнаго довѣрія къ Государю, такъ благородно и такъ самоотверженно, идущему впередъ“. Съ симъ благороднымъ русскимъ чувствомъ — всё преобразуется на добро, пользу и честь нашей славной Россіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ТАБЛИЦЫ И ВѢДОМОСТИ.

I.

ТАБЛИЦА

Городовъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ
Западной Сиббири.

Съ показаніемъ ихъ географическаго положенія и разстоянія отъ столицъ, губернскихъ и областныхъ городовъ по почтовымъ дорогамъ, ярмарокъ, таможенъ, мѣновыхъ дворовъ для азійской торговли, пристаней, пунктовъ административныхъ, торговыхъ, промышленныхъ, также и числа жителей обоюбого пола по X народной переписи.

Названіе городовъ и мѣстъ	Губерніи или области.	Число жителей обоюбого пола.	Отъ Петер- бурга.	Отъ Москвы.	Губернскаго города.	Сѣверная широта.	Восточная долгота.
1. Абалакское село, мужскій монастырь, чудотв. икон. Аб. Бож. Матери	Тобольск.	147	»	»	25	»	»
2. Абатская слобода, ярмарка.	Тобольск.	784	»	»	»	»	»
3. Акмоменская ста- нция, окружный при- казъ.	Обл. сиб. киргиз.	»	»	»	»	»	»

Названіе городовъ и мѣстъ.	Губерніи или области.	Число жите- лей обоего пола.	Отъ Пете- р- бурга.	Отъ Москвы.	Губернскаго города.	Сѣверная широта.	Восточная долгота.
4. Алматы, укрѣпле- ніе Вѣрное, Алатав- скій военный окруж- ной приказъ	Обл. Семип.	”	”	”	”	”	”
5. Атбасарская ста- ница, окруж. приказъ.	Об. сиб. кир.	”	”	”	”	”	”
6. Аяузь городъ, ок- ружный приказъ . .	Обл. Семип.	4065	”	”	”	4750 ⁰ / ₁	9741 ⁰ / ₁
7. Барнауль горы. го- родъ, центръ управл. Алтайскими заводами: серебро, золото, мѣдь, жельзо, гранильная фабрика, сплавъ золо- та съ частныхъ золо- тыхъ прѣисковъ	Томской.	10922	4267	3594	387	5320 ⁰ / ₁	101,29 ⁰ / ₁
8. Балиль аульское укрѣпленіе, окруж- ный приказъ.	Об. сиб. кир.	”	”	”	”	5050 ⁰ / ₁	9328 ⁰ / ₁
9. Березовъ окруж. городъ, военно окруж. управленіе	Тобольск.	1159	4030	3357	1066	6356 ⁰ / ₁	8243 ⁰ / ₁
10. Бійскъ окруж. го- родъ, частное окруж- ное управленіе	Томской.	3140	4419	3746	539	”	”
11. Бѣлозерская сло- бода ярморка	Тобольск.	”	”	”	”	”	”
12 Жельзницкая крѣ- постна Омской линіи.	Обл. Семип.	”	3546	2873	810	5352 ⁰ / ₁	9258 ⁰ / ₁

Названіе городовъ и мѣстъ.	Губерніи или области.	Число жите- лей обоего пола.	Отъ Петер- бурга.	Отъ Москвы.	Губернскаго города.	Сѣверная широта.	Восточная долгота.
3. Чеминогорскій удникъ, серебро-свин- новый вѣдомст. Алт. орныхъ заводовъ. . .	Томской.	14,904	4220	3547	663	51,9 ⁰	100,0 ⁰
4. Ишимъ окружный городъ Оби; окр. упр., главная ярморка въ Западной Сибири. . .	Тобольск.	2483	3009	2336	405	56,6 ⁰	87,5 ⁰
5. Кабанья крѣпость на Омской линіи. . . .	Тобольск.	2483	3009	2221	713	"	"
6. Кайинскъ окруж гор., общ. окр. упра- вленіе.	Томской.	2676	3727	3054	529	55,27 ⁰	95,57 ⁰
7. Каркаралинское укрѣпленіе, окруж. приказъ.	об. сиб. кир.	235	"	"	"	49,25 ⁰	93,27 ⁰
8. Кокбекты окр. го- родъ, окруж. приказъ.	семип. обл.	2137	"	"	"	48,45 ⁰	100,5 ⁰
9. Кокчетавская ста- ница, окруж. приказъ.	Об. сиб. кир.	1263	"	"	"	"	"
10. Колыванъ заш- татный городъ. . . .	Томской,	2469	4043	3370	213	55,21 ⁰	100,26 ⁰
11. Капалъ окр. город., Воен. окруж. приказъ	Семип. обл.	1831	"	"	"	"	"
12. Коряковская ста- ница на Иртышѣ, складъ коряков. соли, соляная пристань. . .	Тобольск.	"	3723	3050	981	"	"
13. Кузнецкъ окр. город., част. окр. упр.,							

Название городов и мѣстъ.	Губерніи или области.	Число жителей обоихъ пола.	Отъ Петер- бурга.	Отъ Москвы.	Губернскаго города.	Сѣверная широта.	Восточная долгота.
Ярморка, пышнина, золот. пріиск.	Томской.	1670	4516	3843	636	53,46 ⁰ / ₁	104,53 ⁰ / ₁
24. Курганъ окруж. городъ, частн. окр. управленіе, центръ салотопен. заводовъ, три ярморки.	Тобольск.	2925	2977	2304	531	55,26 ⁰ / ₁	83,4 ⁰ / ₁
25. Лебяжья крѣ- пость на Омск. линіи.	Тобольск.	"	3212	2539	687	"	"
26. Маріинскъ (боль- шая Кііская слобода) окр. гор., част. окр. упр., ярмор., центръ найма рабочихъ на золотые пріиски, Том- ской губерніи.	Томской.	"	"	"	"	"	"
27. Нарымъ заштат. городъ на Оби, при- стань.	Томской.	1008	4726	4053	471	"	"
28. Николаевская крѣпость на Омской линіи	Тобольск.	"	3257	2585	732	"	"
29. Обдорское село на Оби, пристань, яр- морка, центръ рыбо- промышленности и торговли пушнымъ звѣремъ въ Березов- скомъ округѣ.	Тобольск.	173	"	"	1616	66,31 ⁰ / ₁	84,15 ⁰ / ₁
30. Омскъ крѣпость и городъ, окр. лѣс. об-							

Названіе городовъ и мѣстъ.	Губерніи или области.	Число жителей обоего пола.	Отъ Петер- бурга.	Отъ Москвы.	Губернскаго города.	Сѣверная широта.	Восточная долгота.
дее окруж. управ., пристань на Иртышѣ, гаможенная застава, центръ главной адми- нистраціи всей Запад- ной Сибири, мѣсто пре- бываніе генераль-гу- бернатора, главнаго управленія, корпус- наго штаба войскова- го казачьяго правле- нія, областного прав- ленія, области сибир- скихъ киргизовъ, на- чальника 8 округа корпуса жандармовъ, Сибирскій кадетскій корпусъ.	Тобольскъ.	17,773	3337	2664	602	54° 50'	91° 3'
31. Павловскій за- водъ мѣди плавильный казен. вѣдомст. Алт. горныхъ заводовъ . .	Томской.	4927	4541	3864	449	"	"
32. Пелымское село въ землѣ Вогуловъ, центръ звѣропромы- шленности Пелымска- го края	Тобольскъ.	73	"	"	724	"	"
33. Петропавловскъ штатный городъ, гаможня, мѣновый дворъ, центръ торго- вли съ средней Азіей							

Названіе городовъ и мѣстъ.	Губерніи или области.	Число жите- лей обого поля.	Отъ Петер- бурга.	Отъ Москвы.	Губерискаго города.	Съверная широта.	Восточная долгота
и закупа рогатаго скота и барановъ въ киргиз. степи, мѣсто- пробыван. начальни- ка сибирскаго тамо- женнаго округа	Тобольск.	6,764	3089	2416	564	54 ⁰ ,53'	86 ⁰ ,50'
34. Покровская крѣ- пость на Омской ли- нии	Тобольск.	„	3266	2593	673	„	„
35. Полуденная крѣ- пость на Омской ли- нии	Тобольск.	„	3114	2471	619	„	„
36. Прѣсновская крѣ- пость на Омской ли- нии	Тобольск.	„	2990	2306	691	„	„
37. Прѣсногорьков- ская крѣпость на Ом- ской линии	Тобольск.	„	2783	2110	665	54 ⁰ ,30'	83 ⁰ ,19'
38. Самаровское се- ло, рыбопромышлен- ная пристань на Ир- тышѣ	Тобольск.	678	„	„	560	„	„
39. Семипалатинскъ областный городъ, та- можня, мѣнновой дворъ пристань на Иртышѣ, центръ торговли съ Запад. Китаемъ, мѣ- стопробываніе воен- наго губернат. Семи- палат. области и об- ласт. правленіе	„	6849	4028	3355	„	50 ⁰ ,24'	97 ⁰ ,56'

Имя городовъ и мѣстъ.	Губерніи или области.	Число жите- лей обоего пола.	Отъ Петер- бурга.	Отъ Москвы.	Губернскаго города.	Сѣверная широта.	Восточная долгота.
40. Семіярская ста- нція на Омской линіи.	Семип. обл.	"	3888	3215	140	50 ⁰ ,53 ¹	95 ⁰ ,59 ¹
41. Становая крѣ- пость на Омской ли- ніи	Тобольск.	"	3014	2341	639	"	"
42. Сузунскій заводъ, мѣдиц. завилън. казен. зѣдомет. Алтайскихъ горныхъ заводоѡ, мо- нет. дворъ для чекана мѣдн. монеты	Томской.	4489	4620	3942	528	"	"
43. Сургутъ село, пристань на Оби . . .	Тобольск.	114	3829	3156	865	"	"
44. Песра окружный городъ, общ. окруж. управ., пристань на Иртышѣ, ярмарка . .	Тобольск.	5192	3461	2788	575	56 ⁰ ,54 ¹	92 ⁰ ,2 ¹
45. Тобольскъ губ. городъ, мѣстопре- быв. гражд. губер. и архіерея, пристань на Иртышѣ, гимназія, Маріинская женская школа, штабъ 24 флот. дивизіи, ком- иссаріатъ	Тобольск.	17,560	2959	2286	"	58 ⁰ ,12 ¹	85 ⁰ ,59 ¹
46. Томскъ губ. го- родъ, мѣстопребыв- гражданскаго губер- атора и главнаго на- чальника Алтайскихъ							

Названіе городовъ и мѣстъ.	Губерніи или области.	Числи жителей обоюго пола.	Отъ Петербурга.	Отъ Москвы.	Губернскаго города.	Сѣверная широта.	Восточная долгота.
горныхъ заводовъ, центръ почтоваго управлен. Сиб. почт. округа, золотопромышленности Западной Сибири, транзита между Кяхтой и Тюменью, сибирскій общественный банкъ, гимназія, пароходная и судоходная пристань на Поми, богатѣйшее въ Западной Сибири купечество и богатѣйшіе золотопромышленники, главныя конторы всѣхъ золотыхъ частныхъ пріисковъ въ Западной Сибири, частныя золотыя пріиски по системѣ рѣки Томи .	Томской.	20,209	4240	3567	„	56 ⁰ 30'	102 ⁰ 3
47. Туринскъ окруж. городъ, част. окруж. управл., пристань на Турѣ, женскій монастырь, школа живописи.	Тобольск.	4029	2870	2197	424	58 ⁰ 3'	81 ⁰ 2
48. Туринская слобода, ярморка	Тобольск.	270	„	„	„	„	„

Названіе городовъ и мѣсть.	Губерніи или области.	Число жителей обоихъ пола.	Отъ Петербурга.	Отъ Москвы.	Губернскаго города.	Сѣверная широта.	Восточная долгота.
9. Тюкалинскъ заштатный городъ, арторка	Тобольск.	1457	3199	2526	464	55,52 ⁰ / ₁	89,51 ⁰ / ₁
10. Тюмень окруж. управ., центръ кокевенныхъ заводовъ, безная ямщина, арторка пароходная, пристань на Турѣ, богатѣйшее купечество въ Тоб. губ., мужск. монастырь	Тобольск.	13,996	2705	2032	259	57,10 ⁰ / ₁	83,11 ⁰ / ₁
11. Усть-Бухтарминская крѣпость на Омской линіи	Семиц. об.	"	4328	3655	990	49,36 ⁰ / ₁	101,13 ⁰ / ₁
12. Усть-Каменогорскъ заштатный городъ и крѣпость на Омской линіи	Семиц. об.	3311	4226	3553	887	49,51 ⁰ / ₁	100,19 ⁰ / ₁
13. Ялуторовскъ окруж. городъ, части. окруж. управ., центръ приморочной сельской торговли и ремесленности въ Тобольской губерніи	Тобольск.	2240	2787	2114	341	56,32 ⁰ / ₁	83,59 ⁰ / ₁

II.
ТАБЛИЦА

Доходовъ, расходовъ, каппатловъ, недоимокъ, долговъ и невыполненныхъ расходовъ городовъ.
Западной Сибири за 1857 г.

Названіе губ. и областей.	Названіе городовъ.	Доходовъ.		Расходовъ.		Остатка+ или дефицита—		Капиталовъ.				Недоимокъ на городахъ.		Долговъ на горо- дахъ.		Невыпол- ненныхъ расхо- довъ.	
								Запасныхъ или оста- точныхъ.		Неприко- сновен.							
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Тобольская губернія.	1. Губерн. городъ Тобольскъ	16,125	3/4	14,943	59	+ 1,181	41 ³ / ₄	15,078	76 ¹ / ₄	889	76 ¹ / ₂	49,357	4 ¹ / ₂	229	19 ¹ / ₄	"	"
	2. Окруж. городъ Тюмень	10,025	61 ³ / ₄	8,010	88 ¹ / ₄	+ 2,014	73 ¹ / ₂	10,560	11 ¹ / ₄	710	"	6,606	36 ¹ / ₄	"	"	"	"
	3. Окруж. городъ Турунскъ	1,622	99 ¹ / ₄	1,461	86	+ 161	13 ¹ / ₄	600	"	122	89 ¹ / ₄	871	22 ¹ / ₄	"	"	"	"
	4. Окруж. городъ Тара	2,966	28 ¹ / ₄	2,809	85 ¹ / ₄	+ 156	43	809	50	283	69 ¹ / ₂	4,630	50 ¹ / ₂	"	"	48	66 ³ / ₄
	5. Таштат. городъ Петропавловскъ.	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"
	6. Запшат. городъ Тюкалинскъ	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"
	7. Окруж. городъ Омскъ	5,897	58	5,703	71 ¹ / ₂	+ 193	86 ¹ / ₂	4,279	71 ³ / ₄	205	66 ¹ / ₂	11,835	64	"	"	"	"
	8. Окруж. городъ Ишимъ	5,625	26	4,739	94 ³ / ₄	+ 885	31 ¹ / ₄	27,746	77 ¹ / ₄	"	"	1,562	58 ¹ / ₂	"	"	2,883	10
	9. Окруж. городъ Курганъ	8,336	41 ¹ / ₂	7,969	95 ¹ / ₂	+ 336	46	23,152	"	28	21 ¹ / ₄	3,282	73 ¹ / ₄	"	"	244	19 ¹ / ₂
	10. Окруж. городъ Березовъ	872	81 ¹ / ₂	785	24 ¹ / ₄	+ 87	56 ¹ / ₄	529	61	3	84 ¹ / ₄	382	32 ¹ / ₄	"	"	99	3 ¹ / ₄
	11. Окруж. городъ Якутловскъ	1,912	33 ¹ / ₄	1,808	31	+ 104	2 ¹ / ₄	2,061	4	2	11 ³ / ₄	1,467	92 ³ / ₄	"	"	110	66 ¹ / ₄

ТАБЛИЦА.

Оборотовъ и дѣйствій приказовъ общественнаго призрѣнія въ Западной Сибири въ 1857 году.

Названіе Приказовъ.	Собствен-ныхъ капи-таловъ.		На предна-значенное употребле-ніе.		Суммъ апелляціон-ныхъ.		Вкладовъ судебныхъ мѣстъ.		Частныхъ вкладовъ.		Суммъ пересылоч-ныхъ.		А всего.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
По оборотамъ:														
Тобольскаго	214,201	2 ¹ / ₄	98,654	9 ¹ / ₄	5,440	83	87,296	54	1,556,322	26	2,545	76 ¹ / ₂	1,964,460	51
и														
Томскаго	47,937	83 ¹ / ₄	292,050	13 ³ / ₄	1,608	6	63,741	44 ¹ / ₂	871,867	20 ¹ / ₄	2,348	50 ¹ / ₄	1,378,553	18

386

Названіе Приказовъ.	Больницы губ. и обл.				Больницы уѣзди.				Больницы тюрем.				Богадѣльни приказ.	Воспитател. домъ.	Дома умали-шенныхъ.
	Состояло.	Выздор.	Умерло.	Осталось.	Состояло.	Выздор.	Умерло.	Осталось.	Состояло.	Выздор.	Умерло.	Осталось.	Призрѣваем. о. п.	Младенцевъ о. п.	Содержа-щихся о. п.
Тобольскаго	369	277	48	41	1262	1113	89	60	3237	2852	161	224	42	94	48
Томскаго	346	260	55	31	606	522	43	41	764	624	40	82	30	12	15

IV.

ТАБЛИЦА.

О числѣ ссыльныхъ, поступившихъ въ Сибирь съ 1-го января 1823 года, по 1-е января 1858 года, въ теченіи 35 лѣтъ, съ начатія дѣйствій Тобольскаго Приказа о ссыльныхъ.

№	Названіе года.	С с ы л ь н ы х ъ.		Пришедшихъ по во- лѣ мужей женъ и дѣ- тей.	Всего.
		Мужчинъ.	Жен- щинъ		
1	1823	6,144	655	145	6,944
2	1824	11,085	965	471	12,521
3	1825	10,267	1,178	401	11,846
4	1826	10,203	1,320	295	11,818
5	1827	10,311	1,243	337	11,891
6	1828	9,388	1,279	457	11,124
7	1829	6,763	1,291	435	8,489
8	1830	6,192	1,235	415	7,842
9	1831	6,971	1,300	500	8,771
10	1832	5,972	964	543	7,479
11	1833	6,026	1,036	474	7,536
12	1834	5,926	1,392	475	7,793
13	1835	6,549	1,659	631	8,839
14	1836	8,452	1,459	652	10,573
15	1837	7,615	1,351	731	9,697
16	1838	6,216	1,263	583	8,062
17	1839	7,114	1,233	711	9,058
18	1840	7,150	1,368	563	9,081
19	1841	6,907	1,222	760	8,889

№	Название года.	С е ѣ л ь н ы х ъ.		Пришедшихъ по во- лѣ мужей женъ и дѣ- тей.	Всего.
		Мужчинъ.	Жен- щинъ.		
20	1842	5,276	1,154	592	7,022
21	1843	7,434	1,297	847	9,578
22	1844	7,305	1,395	926	9,626
23	1845	6,645	1,337	880	8,862
24	1846	6,029	1,221	800	8,050
25	1847	3,968	854	615	5,437
26	1848	3,050	620	440	4,110
27	1849	3,830	676	536	5,042
28	1850	4,030	872	672	5,574
29	1851	4,510	1,005	842	6,357
30	1852	4,928	1,286	914	7,128
31	1853	6,233	2,306	1,180	9,719
32	1854	5,781	1,106	862	7,749
33	1855	9,508	1,263	1,038	11,809
34	1856	7,042	1,397	1,177	96,116
35	1857	7,672	1,632	1,385	10,689

А всего въ 35 лѣтъ сослано 238,489 мужчинъ, 42,844 женщины, 23,285 добровольно пришедшихъ, а вообще 304,618 д. о. п.

V.

ВѢДОМОСТЬ

ОЧИСЛѢ РЕВИЖСКИХЪ ДУШЪ ПО X НАРОДНОЙ ПЕРЕПИСИ ВЪ
ТОВОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Города, округа и во- лости.	Число душъ по X ревизіи.	Число инород- ческихъ работни- ковъ.	Города, округа и во- лости.	Число душъ по X ревизіи.	Число инород- ческихъ работи- ковъ.
А.			Окр. гор. Тарь:		
Мѣщане и цѣховые.			Христіанъ . . .	1,493	„
			Евреевъ . . .	2	„
Губ. гор. Тобольскѣ:			Окр. гор. Березовѣ:		
Христіанъ . . .	2,612	„	Христіанъ . . .	180	„
Евреевъ . . .	46	„	Магометанъ . . .	1	„
Окр. гор. Тюмени:			Зашт. гор. Тюкалѣ:		
Христіанъ . . .	3,116	„	Христіанъ . . .	201	„
Евреевъ . . .	11	„	Зашт. гор. Петропа- вловскѣ:		
Окр. гор. Туринскѣ:			Христіанъ . . .	587	„
Христіанъ . . .	838	„	Евреевъ . . .	1	„
Окр. гор. Курганѣ:			Магометанъ . . .	84	„
Христіанъ . . .	488	„			
Окр. гор. Омскѣ:			Б.		
Христіанъ . . .	1,160	„	И. Тобольскій округъ:		
Ваш. гор. Сургутѣ:			а) волости:		
Христіанъ . . .	87	„	Абалакская . . .	1,734	„
Окруж. гор. Ялуто- ровскѣ:			Адбалская . . .	1,865	„
Христіанъ . . .	252	„	Ашлыкская . . .	2,149	„
Евреевъ . . .	5	„	Байкаловская . . .	1,691	„
Окр. гор. Ишимѣ:			Бѣгишевская . . .	1,712	„
Христіанъ . . .	368	„			
Евреевъ . . .	11	„			

Округа и волости.	Число душъ по X ревизіи.	Число инородческихъ работниковъ.	Округа и волости.	Число душъ по X ревизіи.	Число инородческихъ работниковъ.
Бронниковская . . .	2,827	"	Тарханской . . .	284	138
Демьянская . . .	1,279	"	Меньше-Юкандинской	418	198
Дубровная . . .	2,580	"	Больше-Юкандинской	179	82
Куларовская . . .	1,908	"	Кондинской . . .	266	107
Кугаевская . . .	1,850	"	Ландинской . . .	64	35
Деньщиковская . .	1,172	"	Темлячевской . .	201	75
Самаровская . . .	1,022	"	Леушинской . . .	103	56
Уватская	2,031	"	д) Помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей		
Худяковская . . .	1,987	"	Во всемъ округѣ.	341	"
Юровская	1,359	"	II. Тюменскій округъ.		
в) Осѣдлые инородцы:			а) Русскія волости:		
Экскальбинской: по 80 к. съ д.	705	"	Антипинская . . .	1,592	"
по 3 р. 15 к. с. . .	260	"	Антроповская . . .	1,643	"
Чистятской	371	"	Богандинская . . .	1,522	"
Карагайской	1,004	"	Гилеволиповская .	1,773	"
Надинской	187	"	Еланская	1,575	"
Отдѣльно Баба-санской	209	"	Каменская	1,756	"
Оброчныхъ чувальщиковъ	497	"	Липчинская	1,733	"
Уватской	1,186	"	Покровская	1,077	"
Вагайской	1,859	"	Созоновская	1,166	"
Подгородной	1,118	"	Троицкая	1,783	"
с) кочующіе инородцы:			Тавдинская	1,531	"
Таргамской	51	27	Тугулымская	1,354	"
Назымской	108	53	Устьицынская . . .	1,473	"
Верхъ - Демьянской	114	47			
Нарымской	147	68			

Округа и волости.	Число душъ по X ревизии.	Число инородческихъ работниковъ.	Округа и волости.	Число душъ по X ревизии.	Число инородческихъ работниковъ.
Успенская	3,011	„	б) Осѣдлые ино-		
Фоминская	1,330	„	родцы:		
Червишевская . . .	1,823	„	Куртумовская . . .	111	
Яровская	1,188	„	Кошукская	491	
б) Осѣдлые ино-			Нижне - Табарин-		
родцы:			ская	86	
Калышская	305	„	Верхне - Табарин-		
Нординская	447	„	ская	216	
Кречестинская . . .	487	„	с) Кочующіе ино-		
Категальская	1,905	„	родцы:		
с) Помѣщичьихъ			Усть-Кондинская . .	60	28
крестьянъ и дворо-			Верхне - Пельме-		
выхъ людей			ская	118	56
Во всемъ округѣ.	319	„	Сосвинская	61	26
III. Туринскій			Тарханская	145	72
округъ.			Вагайская	72	33
а) Русскія воло-			Верхне - Кондин-		
сти:			ская	191	84
Благовѣщенская . .	1,871	„	Больше - Кондин-		
Гаринская	745	„	ская	329	161
Жуковская	1,551	„	Помѣщичьихъ		
Коркинская	2,132	„	крестьянъ и дворо-		
Куминовская	2,748	„	выхъ людей		
Кошукская	940	„	Во всемъ округѣ.	234	„
Пельмская	1,286	„	IV. Ялуторовскій		
Туринская	2,571	„	округъ.		
Табарицкая	831	„	а) Русскія воло-		
Усениновская	1,790	„	сти:		
Чукрѣвская	1,307	„	Архангельская . . .	3,195	„
Шухруповская . . .	1,654	„	Агаракская	2,143	„

Округа и волости.	Число душъ по Х ревизиѣ.	Число инород- ческихъ работни- ковъ.	Округа и волости.	Число душъ по Х ревизиѣ.	Число инород- ческихъ работни- ковъ.
Бобылевская . . .	2,294	„	У. Курганскій округъ.		
Верхсуерская . . .	2,505	„			
Ермутлинская . . .	2,043	„			
Заводоуковская . . .	2,137	„	а) Русскія воло- сти:		
Исетская	1,818	„	Арлагульская . . .	2,996	„
Ипгалинская	1,541	„	Бѣлозерская	2,432	„
Кизакская	3,047	„	Веденская	2,357	„
Красногорская	1,927	„	Ивовская	1,975	„
Камышевская	4,022	„	Курейнская	1,877	„
Лыбаевская	2,086	„	Кривинская	3,194	„
Мостовская	1,818	„	Лебяжьевская	2,253	„
Новозаимская	1,959	„	Мостовская	3,321	„
Томиловская	3,980	„	Моршихинская	4,021	„
Омутницкая	3,120	„	Морайская	2,390	„
Поляковская	1,047	„	Мендерская	2,438	„
Пятковская	2,676	„	Меньшиковская	2,492	„
Суерская	2,502	„	Моревская	2,667	„
Соловьевская	2,251	„	Нижне-Алабулин- ская	5,548	„
Рафаиловская	1,272	„	Падеринская	2,067	„
Шороковская	1,921	„	Салтасарайская	2,762	„
Шатровская	3,063	„	Смолинская	2,868	„
Юргинская	3,332	„	Сычевская	2,953	„
h) Осѣдлые ино- родцы:			Тебенятекая	2,455	„
Асланинская	1,236	„	Утячская	3,588	„
Сингульская	904	„	Утятская	2,404	„
с) Помѣщичьихъ крестьянъ и дворо- выхъ людей:			Усть-суерская	1,662	„
Во всемъ округѣ.	161	„	Чимѣвская	2,173	„
			Черемуховская	3,472	„
			Чернавская	6,077	„
			Шмаковская	2,156	„

Округа и волости.	Число душъ по X ревизіи.	Число инород- ческихъ работни- ковъ.	Округа и волости.	Число душъ по X ревизіи.	Число инород- ческихъ работни- ковъ.
Ялымская	1,838	"	Утчанской	2,344	"
б) Помѣщичьихъ крестьянъ и дворо- выхъ людей			Усть-Ламенской	2,794	"
Во всемъ округѣ.	240	"	Уктуской	2,012	"
VI. Ишимскій округъ.			Фирсофской	2,977	"
а) Русскія воло- сти:			Частоозерской	2,423	"
Армизанской	2,412	"	Челноковской	1,705	"
Абатской	2,605	"	Черемшанской	2,217	"
Арамашевской	3,681	"	б) Помѣщичьихъ крестьянъ и дворо- выхъ людей		
Бердюжеской	3,301	"	Во всемъ округѣ.	35	"
Беровской	3,374	"	VII. Тарскій округъ.		
Гогоцуповской	3,650	"	а) Русскія воло- сти:		
Гагарьевской	1,504	"	Аевская	1,560	"
Жиляковской	2,376	"	Бергаматская	4,012	"
Ильинской	2,640	"	Бутаковская	1,466	"
Казанской	1,690	"	Виколовская	2,328	"
Красноярской	2,529	"	Логиновская	2,126	"
Каменской	1,637	"	Карташевская	2,967	"
Ларихинской	3,564	"	Каргалинская	2,011	"
Локтинской	1,563	"	Ниже - Колосов- ская	2,545	"
Медвѣдеской	2,385	"	Рыбинская	1,616	"
Мальшевской	3,559	"	Слободчиковская	2,103	"
Пѣтуховской	2,014	"	Такмыцкая	2,355	"
Соколовской	2,112	307	б) Осѣдлые ино- родцы:		
Сладковской	2,547	"	Ялымская	470	"
Тоболовской	2,944	"	Коурдатская	546	"
Теплодубровской	1,665	"			

Округа и волости.	Число душъ по X ревизиі.	Число инород- ческихъ работни- ковъ.	Округа и волости.	Число душъ по X ревизиі.	Число инород- ческихъ работни- ковъ.
Перушная	138	„	Юдинская	6,346	„
Подпородная . . .	1,233	„	б) Помѣщичьихъ		
Саргатская	745	„	крестьянъ и дворо- выхъ людей		
Тавско-Унгуская.	395		Во всемъ округѣ.	62	„
с) Помѣщичьихъ крестьянъ и дворо- выхъ людей			IX. Березовск. округъ.		
Во всемъ округѣ.	34		а) Русскія обще- ства:		
VIII. Омскій округъ.			Городовое	81	„
а) Русскія воло- сти:			Кондійское	247	„
Баженовская . . .	2,262	„	Сургутское	185	„
Бетеинская	1,388	„	Елизаровское . . .	368	„
Больше - Песчан- ская	818	„	б) Кочевые ино- родцы:		
Драгунская	1,030	„	Аганской	68	21
Еланская	2,471	„	Пимской	124	67
Крутинская	2,729	„	Семіярской	33	18
Кобырдатская . . .	3,231	„	Салымской	155	82
Калмаковская . . .	3,522	„	Шарчинской	230	120
Карасутская	1,827	„	Трехъ-юганской . .	202	91
Крупянская	1,535	„	Лумпокельской . . .	615	270
Камышенская	1,665	„	Больше-юганской . .	300	136
Кулачинская	1,076	„	Салтыковской . . .	321	140
Лузинская	1,238	„	Мало-юганской . . .	144	61
Пановская	1,732	„	Валаховской	421	204
Сыропятекая	2,885	„	Подгородно-юган- ской	197	94
Серебрянская	1,551	„	Котской	1,449	630
Чернолуцкая	1,643	„	Подгородной	217	113

Округа и водости.	Число душъ по X ревизіи.	Число инородческихъ работниковъ.	Округа и водости.	Число душъ по X ревизіи.	Число инородческихъ работниковъ.
Ляинской . . .	682	356	по 2 р. 86 к. с. съ дому). Тобольскаго округа 1812, Тюменскаго 1545, Туринскаго 7, Ялуторовскаго 86, Ишимскаго 26 и Тарскаго 1731, а всего. .		
Сосвинской . . .	507	284			
Казымской . . .	998	444			
Обдорской . . .	1,600	863			
Куноватской . .	949	488			
е) Бродячихъ Са- моѣдовъ	2,677	1,348			
в) Подымныхъ Бу- гарцевъ(платящихъ				5,207	”

VI.

ВѢДОМОСТЬ,

О ЯРМОРЕХАХЪ И ТОРЖЕКАХЪ ВЪ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ

(1858 г.).

Города и селенія.	Привезено на:		Продано на:		Осталось на:	
	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
ГОРОДА.						
Губ. гор. Тобольскъ (съ 20 мая по 20 іюня)	25,000	”	10,500	”	14,500	”
Окр. гор. Тюмень (съ 1 янв. по 1 февр)	199,500	”	74,500	”	125,000	”
Окр. гор. Тара (съ 20 апрѣл. по 20 мая)	привоза	”	товаровъ	”	не бы	”
съ 20 нояб. 5 декаб.	34,050	”	20,356	”	13,694	”
Заш. гор. Тюкала (съ 25 сент. по 10 окт.)	42,470	”	19,800	”	22,670	”
съ 8—12 ноября.	43,855	”	30,150	”	13,705	”
Окр. гор. Омскъ: Троицкая . . .	3,000	”	1,500	”	1,500	”
съ 20 нояб. по 5 декаб.	74,200	”	30,000	”	44,200	”
Окр. гор. Туринскъ: 1 октября.	350	”	290	75	59	25
Окр. гор. Ишимъ: съ 9—12 мая.	27,890	”	12,425	”	15,465	”
съ 4—19 декабря	2,661,065	”	2,417,780	”	243,285	”
Сборное воскресенье.	14,615	”	11,670	”	2,945	”
Окр. гор. Курганъ: съ 12—19 мар.	111,380	”	67,310	”	44,070	”
съ 23—26 октября	152,780	”	92,830	”	59,950	”
съ 21—28 декабря	152,870	”	93,470	”	59,400	”

Города и селенія.	Привезено на:		Продано на:		Осталось на:	
	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
кр. гор. Ялуторовскъ: 2 фев.	25,096	н	13,252	н	11,844	н
25 марта.	С ъ ѣ	з	да	н	б	ы
25 сентября.	5,598	н	1,820	н	3,778	н
6 декабря.	52,152	н	21,058	н	31,097	н
Итого въ 9 городахъ на 19 ярмор.	3,625,874	н	2,918,711	75	707,162	25
ПО ОКРУГАМЪ:						
1. Тюменскому:						
въ селѣ Каменскомъ 8 юля. . .	18,000	н	7,500	н	10,500	н
въ слободѣ Устьянцкой: 9 мая.	5,300	н	1,700	н	3,600	н
6 декабря.	2,700	н	800	н	1,900	н
Итого, въ 2 селахъ Тюм. окр.						
на 3 яр.	26,000	н	10,000	н	16,000	н
2. Туринскому:						
въ слободѣ Туринской: 17 марта.	4,500	н	520	н	3,980	н
8 ноября.	3,000	н	259	н	2,741	н
Итого въ 1 селѣ Турин. окр.						
на 2 яр.	7,500	н	779	н	6,721	н
3. Тарскому:						
въ селѣ Викуловскомъ 6 января.	14,000	н	3,600	н	10,400	н
Троицкая.	35,000	н	6,700	н	28,300	н
1 августа.	20,000	н	7,000	н	13,000	н
1 октября.	45,000	н	9,300	н	35,700	н
въ слободѣ Табмацкой (съ 26 по 29 октяб.)	35,600	н	6,500	н	29,100	н
Итого въ 2 селахъ Тарск. окр.						
на 5 ярмар.	149,600	н	33,100	н	116,500	н
4. Ишимскому:						
въ селѣ Абатскомъ 6 января. .	62,280	н	35,002	н	27,278	н
съ 29 юня по 9 юля.	81,000	н	9,000	н	22,000	н

Города и селенія.	Привезено на:		Продано на:		Остатокъ на:	
	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
Усть-Ламинскомъ: 9 пятница . .	47,782	„	39,372	„	8,410	„
1 ноября	57,886	„	42,227	„	15,659	„
Итого въ 2 селахъ Ишим. окр. 4 ярм.	248,948	„	175,601	„	73,347	„
5. Курганскому:						
Въ селѣ Иковскомъ 23 июня . .	98,250	„	26,120	„	72,130	„
— — Морайскомъ 28 июня. .	11,729	„	4,703	„	7,026	„
Въ слободѣ Моршихинской						
1—4 феврал.	40,000	„	10,000	„	30,000	„
съ 4—8 октяб.	50,000	„	15,000	„	35,000	„
Въ селѣ Чернавскомъ						
18—20 января	25,899	„	12,760	„	13,139	„
„ — Бѣлозерскомъ						
28—30 октября	427,000	„	27,000	„	400,000	„
— „ Шмаковскомъ 24 мар.	36,000	„	15,600	„	20,400	„
„ — Лебяжьевскомъ 4 нояб.	15,000	„	8,010	„	6,990	„
Итого въ 7 селахъ Кург. окр. 8 ярм.	703,878	„	119,193	„	584,655	„
6. Ялуторовскому:						
Въ селѣ Архангельскомъ 29 июня.	4,000	„	2,200	„	1,800	„
8 ноября	4,250	„	3,000	„	1,250	„
— — Заводоуковскомъ 9 мая.	29,600	„	7,000	„	22,600	„
26 октября	151,060	„	95,060	„	56,000	„
— — Омутинскомъ						
27—30 сентяб.	12,000	„	3,000	„	9,000	„
— — Исетскомъ 9 пятница. .	7,500	„	4,000	„	3,500	„
22 октября.	7,000	„	3,670	„	3,330	„
— — Котскомъ 6 января . . .	5,198	„	3,650	„	1,548	„
8 июля	111,953	„	10,258	„	101,695	„
— — Красногорскомъ 23 апр.	1,400	„	130	„	1,270	„
1 августа.	1,280	„	100	„	1,180	„

Горога и селенія.	Привезено на:		Продано на:		Осталось на:	
	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
26 ноября	5,000	н	510	н	2,490	н
— — Мостовскомъ Вознесен.	150,000	н	50,000	н	100,000	н
21 ноября	200,000	н	80,000	н	120,000	н
— — Новозашяск.						
съ 27—30 ноябр.	4,000	н	1,180	н	1,220	н
— — Мокроусовск. Троицкая.	328,725	н	215,650	н	113,125	н
26 июля.	310,715	н	170,735	н	139,980	н
1 октября	345,250	н	180,150	н	165,100	н
24 ноября	356,215	н	180,300	н	183,915	н
— — Бѣшкильск. 20 июня . .	2,400	н	1,500	н	900	н
— — Шатровскомъ 20 июля .	4,000	н	2,000	н	2,000	н
12 декабря.	10,000	н	4,000	н	6,000	н
Коркинскомъ: 8 июля	4,000	н	2,800	н	1,200	н
6 ноября	6,000	н	3,300	н	2,700	н
Бобылевскомъ 30 января	20,990	н	3,060	н	17,930	н
1 октября	17,080	н	2,500	н	14,580	н
Суерской слободѣ:						
съ 16—22 январ.	48,700	н	22,172	н	26,528	н
9 пятниц.	2,500	н	1,020	н	1,480	н
38 июля.	7,900	н	3,050	н	4,850	н
21 сентябр.	27,090	н	8,205	н	18,885	н
Рафанловскомъ 17 марта.	98,000	н	32,000	н	66,000	н
13 ноября	6,000	н	300	н	5,700	н
Итого въ 15 сел. ал. ок. 32 яр.	2,287,806	н	1,097,500	н	1,190,306	н
7, Березовскому:						
Въ селѣ Обдорскомъ: съ 15 дек.						
по 25 января	46,000	н	45,600	н	1,300	н
На 3 торжкахъ мѣстныхъ.	5,750	н	4,840	н	910	н
Всего по губерніи.	7,332,688	н	4,559,902	75	2,772,785	25

VII

СВОДЪ

Вѣдомостей, о происшествiяхъ по Тобольской губернии,
въ 1860 году.

1. *Пожары.* Пожаровъ было 133, а именно: въ городахъ — 18 въ Тобольскѣ, 10 въ Тюмени, 4 въ Петропавловскѣ, по 3 въ Тарѣ и въ Курганѣ, по 2 въ Ишимѣ и въ Туринскѣ и 1 въ Омскѣ; да въ округахъ — 19 въ Курганскомъ, 15 въ Тюменскомъ, 13 въ Ишимскомъ, 12 въ Омскомъ, 11 въ Тобольскомъ, 8 въ Тарскомъ, 6 въ Ялуторовскомъ, и 1 въ Березовскомъ.

Сгорѣли: 2 православныя церкви, 1 мечеть, 112 домовъ, гостинный дворъ съ товарами, салотопенный заводъ, 5 водяныхъ мукомольныхъ мельницъ, 24 холостыхъ строенiй при домахъ и 5 кирпичныхъ сараевъ. Убытку понесено было всего на 171,149 р. 30¹/₄ к. сер. Самая тяжкая доля въ этихъ бѣдствiяхъ припала окружному городу Кургану, гдѣ 1 iюня сгорѣлъ весь гостинный дворъ съ товарами и деньгами (на свѣше 80,000 р. с. по приблизительнымъ разчетамъ, а въ сущности гораздо болѣе), при чѣмъ погибъ въ огнѣ купецъ Поповъ. Изъ числа сихъ пожаровъ: 19 произошли отъ неосторожнаго обращенiя съ огнемъ, 6 отъ неисправности и ветхости печей, 1 отъ молнiи, 5 отъ неисправности трубъ, 14 отъ поджоговъ, а причины остальныхъ 88 неизвѣстны.

Пожаровъ болѣе было въ городахъ Тобольскѣ и Тюмени, многочислѣннѣйшихъ въ губерніи и тѣснѣе другихъ построенныхъ; менѣе же всего въ Омскѣ (1 случай). Вовсе не было пожаровъ въ Ялуторовскѣ и Березовѣ. Въ округахъ, болѣе пожаровъ было въ Курганскомъ и Тюменскомъ, а менѣе въ Березовскомъ. А какъ въ городахъ Тобольской губерніи, считается по новѣйшимъ счисленіямъ 12,326 домовъ, а въ округахъ 164,720 дворовъ, стало быть на каждыя 286 домовъ въ городахъ и на каждыя 1,830 дворовъ въ округахъ приходится по 1 пожару и количество пожаровъ въ городахъ почти въ семь разъ больше, чѣмъ въ округахъ. Большая часть пожаровъ была въ началѣ весны и осени, именно: въ апрѣлѣ 15, въ маѣ 13, сентябрѣ 15 и октябрѣ 24. Въ лѣто и зиму, число пожаровъ уменьшилось. Хотя причины большей части пожаровъ показываются „неизвѣстными“ но почти всѣ они происходятъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ и виновные въ этомъ, изъ боязни упрековъ или даже наказанія не высказываются.

2. *Бури и наводненія.* Хотя Обь и Иртышъ, разливались въ маѣ, равно какъ и значительнѣйшіе притоки ихъ: Тоболь, Тура, Тавда, и проч., но несчастій подобныхъ бывшимъ въ 1859 году, нигдѣ не случилось бромъ порчи луговъ и низменныхъ полей. Бури тоже не сопровождались особенными опустошеніями.

3. *Градобитія.* Въ теченіи іюня, іюли и августа, выбито градомъ разнаго роду хлѣба, наиболѣе въ южныхъ округахъ, 3401 десятина, что при сильно развившемся хлѣбопашествѣ не составляетъ важнаго процента.

4. *Черви.* Появившейся на поляхъ въ Омскомъ и Тарскомъ округахъ хлѣбной молью (*Galaena noctua tritici*, совиголовка, ночница, сумеречница) поведено хлѣба 1,628 десятинъ.

5. *Скотскіе падежи.* Падежъ былъ довольно силенъ. Отъ „сибирской язвы“ чумы и другихъ скотскихъ болѣзней пало 13,747 штукъ, именно — въ городахъ: Тобольскѣ 251, Омскѣ 845, Курганѣ 340, Ялуторовскѣ 136, Тарѣ 122, Тюмени 27; да въ округахъ: Ишимскомъ 5,319, Тарскомъ 1,720, Курганскомъ 772, Омскомъ 3,811, Тюменскомъ 392, Ялуторовскомъ 9 и Туринскомъ 3. Самый большой падежъ былъ въ г. Омскѣ и въ округахъ Ишимскомъ и Омскомъ. Самый меньшій въ Ялуторовскомъ и Туринскомъ округахъ. Въ сильной степени болѣзнь свирѣпствовала съ апрѣля по августъ. Падежъ скота по губерніи простирался въ маѣ до 2,631 шт. и вообще въ апрѣль, іюнь и іюль, постоянно простирался до 2,000. Самый меньшій упадокъ былъ въ ноябрѣ, только 181 штука. Въ Ишимскомъ округѣ, падежъ на скотъ существовалъ весь годъ, но въ другихъ мѣстностяхъ начинался съ весны, прекращался къ зимѣ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, считается скота въ губерніи 559,359 шт., стало быть потеря относится какъ 1: 0,024.

6. *Печальные смертные случаи.* Ихъ было по всей губерніи 297, а именно въ городахъ: по 7 въ Тобольскѣ, Тюмени и Омскѣ, по 6 въ Курганѣ и Петропавловскѣ, 4 въ Туринскѣ и 2 въ Ялуторовскѣ. Въ округахъ: Ишимскомъ 51, Курганскомъ 46, Тарскомъ 30, Ялуторовскомъ 29, Тобольскомъ 28, Омскомъ 25, Туринскомъ 22, Тюменскомъ 17 и Березовскомъ 6. Изъ сего числа умерло скоропостижно 129, утонуло 93, запислось вина 11, задавлено тяжестими 10, убиты лошадьми 11, угорѣло 5, убито мельничнымъ колесомъ 3, громомъ 7, упало съ высоты 7, сгорѣло во время пожаровъ 6, печально застрѣлилось 3, замерзло тоже 3 и 1 умеръ отъ побоевъ. Сихъ смертныхъ случаевъ (изъ 297) было въ городахъ 47, а въ округахъ 250. По X ревизіи, считается въ Тобольской губерніи — въ горо-

дахъ 73,570 д., а въ округахъ 910,831 д., стало быть отношеніе въ городахъ 1:0,0006 съ долями, а въ округахъ 1:0,0002 съ дол. же, т. е. смертныхъ случаевъ бываетъ въ городахъ въ 3 раза болѣе, нежели въ деревняхъ. Наибольшее число сихъ случаевъ было въ іюнѣ и въ іюлѣ, въ первомъ 50, и во второмъ 39; наименьшее въ сентябрѣ 12 и въ мартѣ 13. Лѣтомъ болѣею частью тонуть, именно въ іюлѣ было 33 утопшихъ и болѣе всего тонуть тогда дѣти въ деревняхъ купаясь въ рѣчкахъ, при полномъ недосмотрѣ родителей. Замерзло только 3 человека, не взирая на непримѣрный „сибирскій холодъ“, но здѣсь привыкли къ холоду и одѣваются тепло. Наибольшее число нечаянныхъ смертныхъ случаевъ было въ г. Тобольскѣ, Омскѣ и Тюмени, да въ округахъ Ишимскомъ и Курганскомъ, что объясняется болѣею населенностью сихъ городовъ и округовъ. Наименьшее въ г. Ялуторовскѣ и Березовскомъ округѣ. Вовсе не было въ г. Тарѣ и Березовѣ.

7. *Мертвая тѣла.* Мертвыхъ тѣлъ найдено 113, именно въ городахъ: Тобольскѣ 5, Тюмени, Туринскѣ и Омскѣ по 4, Ишимѣ, Петропавловскѣ и Березовѣ по 1. Въ округахъ: Ялуторовскомъ 16, Омскомъ 18, Тобольскомъ 14, Курганскомъ 13, Ишимскомъ 12, Тюменскомъ 9, Тарскомъ 7, Туринскомъ 5 и Березовскомъ 1. Наибольшее число найдено въ іюлѣ (17), наименьшее въ октябрѣ (5). Большая часть тѣлъ не имѣли на себѣ знаковъ насильственной смерти и принадлежали скоропостижно умершимъ.

8. *Подкидыши.* Младенцевъ подбинуто въ теченіи года 7. Въ городахъ: Тюмени 2, и по одному въ Тобольскѣ, Курганѣ и Ишимѣ. По 1 же въ округахъ Омскомъ и Тюменскомъ. Число подкидышей относится къ числу жителей — въ городахъ какъ 1:0,0006, а въ округахъ какъ 1:0,00002.

9. *Самоубійства*. Ихъ было въ теченіи года 26. Въ Омскѣ 4, въ Туринскѣ 2 и по 1 въ Тобольскѣ, Тюмени, Тарѣ и Ялуторовскѣ. Въ округахъ—въ Омскомъ и Тарскомъ по 4, въ Тюменскомъ 3, Ишимская 2 и по 1 въ Тобольскомъ, Туринскомъ и Курганскомъ. Изъ числа самоубійць: удавилось 17, застрѣлилось 5 и отравилось 4. Въ городахъ было ихъ 10, въ округахъ 16. Наибольшее число приходится на г. Омскъ и его округъ, да на округъ Тарскій. Отношеніе въ городахъ какъ 1:0,00013, а въ округахъ какъ 1:0,000017, т. е. въ городахъ самоубійць было почти въ десятеро болѣе, нежели въ деревняхъ. Большая часть происходила отъ пьянства и умопомѣшательства и приходилась на июнь и сентябрь (въ каждомъ по 5 случаевъ).

10. *Убійства*. Въ теченіи года ихъ было 51. Въ Тобольскѣ 2 и по 1 въ Тюмени и Петропавловскѣ. Въ округахъ: Тарскомъ 11, Тюменскомъ и Омскомъ по 9, Ишимскомъ 8, Курганскомъ и Ялуторовскомъ по 4 и 2 въ Туринскомъ. То есть наибольшее число находится на г. Тобольскѣ и на Тарскій округъ. Причиною убійствъ было болѣею частью намѣреніе похитить у убитаго деньги или имущество. Въ городахъ убійствъ было 4, а въ округахъ 47. То есть, въ городахъ какъ 1:0,0005, а въ округахъ какъ 1:0,00004³/₄. Болѣе всего убійствъ совершено въ июль (10), менѣе въ январь и декабрь (1 по случаю).

11. *Воровство-мошенничество*. Болѣе значительныхъ по суммѣ покраденаго было 39. Въ городахъ: Ишимѣ 12, Тобольскѣ 5, Туринскѣ 3, Тюмени 2 и Березовѣ 1. Въ округахъ: Тюменскомъ 9, Туринскомъ, и Ишимскомъ по 2, Тарскомъ, Тобольскомъ и Курганскомъ по 1. Болѣе всего случалось въ г. Ишимѣ и Тюменскомъ округѣ. На долю городовъ приходится 20 случаевъ а на долю округовъ 19. По числу жителей—города относятся какъ 1:0,00027, а округа какъ 1:0,00002, т. е. въ

городахъ слишкомъ въ 13 разъ больше подобныхъ случаевъ, нежели въ деревняхъ. Большое число кражъ происходило въ августѣ.

12. *Бродяжество*. Бѣглыхъ и бродягъ поймано въ теченіи года 303 человека. Въ городахъ: Тюмени 7, Ишимѣ 1 и по 1 въ Ялуторовскѣ и Курганѣ. Въ округахъ: Омскомъ 174, Тюменскомъ 50, Тарскомъ 53, Ишимскомъ 10 и Туринскомъ 5. Огромное количество бродягъ, пойманныхъ въ Омскомъ округѣ обуславливается привычкой Нерчинскихъ и Сибирскихъ (изъ дальней Сибири) бѣглыхъ направляться преимущественно на южные округа Тобольской губерніи какъ сосѣдніе съ Оренбургской и Пермской губерніями (Чембинской и Шадринскій уѣзды). Наибольшее число бѣглыхъ поймано въ октябрѣ (когда наступаютъ холода); наименьшее въ декабрѣ (14) когда бродяжество почти вовсе прекращается.

ДОПОЛНЕНИЯ:

КЪ I-й ГЛАВѢ

По любопытнымъ, недавно обнаруженнымъ свидѣніямъ, содержалось подъ судомъ въ Tob. губ. Тюремномъ Замкѣ:

Въ 1859 г. . . . 139 л. о. п. (муш. 110, женщ. 29).

Въ 1860 г. . . . 136 л. о. п. (муш. 119, женщ. 17).

Между чиновниками замѣчательнѣйшія преступленія были въ 1860 году:

За похищеніе дѣлъ и бумагъ изъ присутственныхъ мѣстъ.	3 (чиновники).
За разстрату казенныхъ суммъ.	2 (чиновники).
По подозрѣнію въ зажигательствѣ	1 (чиновникъ).
За воровство-кражу	2 (1 дворянинъ и 1 чиновникъ).
За покушеніе на убійство.	1 (канцелярскій служит. еще не получившій чина).

Итого дворянъ и чиновниковъ 9 чел.

Примѣчаніе. Это относится собственно къ городу Тобольску, не считая тѣхъ, которые содержались и судились въ окружныхъ тюрьмахъ.

Въ Тобольской полиціи содержалось въ 1860 году:

	Мущ.	Женщ.	
Чинovníковъ.	33	3	
Прочихъ разныхъ простыхъ сословій	965	222	
	Всего 998	225	} 1223 л. о. п.

Изъ числа чиновниковъ содержались:

За пьянство	12	1
Буйство въ пьян. видѣ.	18	„
Кражу и мошенничеств.	2	1
Драку и ссору	1	1

Примѣчаніе. Сверхъ сего въ общемъ итогѣ взятыхъ въ Полицію, 9 лицъ духовнаго званія взяты „за пьянство и буйство“. Изъ числа чиновниковъ: 23 мужчины и 3 женщины, содержались одиѣ сутки, то есть вѣроятно „для протрезвленія.“ Всѣхъ наказанныхъ розгами (изъ 1223 л. о. п.) отъ 3 до 60 ударовъ было: мужчинъ 72, женщинъ 19, всего 91 л. о. п.

Просвѣщеніе и въ особенности распространеніе охоты къ чтенію, еще туго прививаются къ Тоб. губ. По свѣдѣніямъ, недавно обнаруженнымъ губериск. Почт. Конторой—въ 1860 году выписывалось во всей губерніи только 101 періодич. изд. на русскомъ и другихъ языкахъ въ числѣ 1270 экземпляровъ; а между тѣмъ на покупку игральныхъ картъ истрачено въ 1860 г. по губерніи 9,437 р. 50 к. сер. Въ этомъ очень почтенномъ итогѣ, одинъ Омскъ внесъ свою лепту на 3,926 р. 55 к. с.

Нынѣ въ Омскѣ православныхъ церквей (съ домовыми) 7, лютеранская кирка 1, мечеть 1, еврейскій молитвенный домъ 1. Домовъ 2046, изъ коихъ каменныхъ только 28. Мостовъ 2 (оба деревянные чрезъ р. Омь). Гостинный дворъ, нѣсколько богатыхъ магазиновъ по улицамъ, и кожевенные, мыловаренные, гончарные.

кирпичные, свѣчные, салотопенные заводы. Одинъ паточный и одинъ пивоваренный и папиросная фабрика.

Кромѣ кадетскаго корпуса въ Омскѣ находятся: 1 уѣздное училище съ публичной библіотекой открытой въ 1860 году. 1 училище лѣснаго вѣдомства, 1 духовное училище, сиротскій дѣвичій пріютъ, „Надежда“ училище 6-го казачьяго полка и 1 магометанская школа при мечети. Приходская школа. Въ прошломъ же году открыта и „Воскресная школа“ Нынѣ Высочайше утверждено устройство въ Омскѣ и гимназіи, въ чемъ давно уже чувствовалась настоящая потребность. Извѣстно, что въ 1803 году, статскій совѣтникъ Демидовъ пожертвовалъ капиталъ въ 50,000 р. асс. на учрежденіе университета въ Тобольскѣ. Нынѣ капиталъ сей увеличился до 75,000 р. с. и нѣтъ сомнѣнія, что устройство и сибирскаго университета (конечно въ Томскѣ, какъ средоточіи торговомъ, золотопромышленномъ, судоходномъ, почтовомъ и транзитномъ всей Сибири) тоже столь настоящае для развитія края не замедлитъ.

Цѣны на съѣстные припасы въ 1856 и 1860 гг. въ Омскѣ были слѣдующіе:

	1856	1860
Муки ржаной пудъ . . .	12 к. с.	45 в. с.
Пшеничной	25	70
Говядины фунтъ (филе).	2 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂
Сѣна пудъ	3	6
Дровъ березовыхъ одно послѣн. саж.	1 р. 30	1 р. 65

Изъ сравненія нарочно нами присоединеннаго между 1856 и 1860 гг. видно, какъ цѣны поднялись здѣсь на всё. Тоже можно сказать и о прочихъ округахъ Тобольской губерніи. Но что они значатъ въ сравненіи съ нынѣшней дороговизной въ Россіи.

О лекціяхъ. Въ 1860 г. читались въ штабѣ отд. Сиб. корпуса и лекціи „о Военномъ искусствѣ“ Муравлева и „о русской словесности“ Лабадовскаго.

КЪ IV-й ГЛАВѢ.

„Въ 1860 г. по всемъ рѣкамъ Западной Сибири (Обь, Иртышу и ихъ притокамъ) ходило 9 пароходовъ. Всѣ они частныя, принадлежащія разнымъ компаніямъ. Но съ устройствомъ въ Тюмени англійскими механиками Гуллетомъ и К^о. пароходнаго завода (въ Екатеринбургѣ они уже имѣютъ подобное механическое завѣденіе) число пароходовъ конечно возрастетъ, да и притомъ они будутъ тщательнѣе сооружаемы, чѣмъ до сихъ поръ далеко похвалиться не могутъ. Такъ, напримѣръ, знаменитая компанія Екатеринбургскаго богача и золотопромышленника И. Рязанова, получившаго привилегію (8 августа 1858 г.) на пароходство между Тобольскимъ Березовымъ и на рыбосаленіе обѣщавшее заткнуть за поясъ Голландію разразилась въ 1860 г. пароходомъ „Іоаннъ“ въ 36 силъ, такой допотопной конструкціи, что онъ отъ Тюмени до Тобольска (260 верстъ) теченіемъ Туры и Тобола шель бездѣлицу, ровно „мѣсяцъ“ починаваясь на каждомъ шагу! Мы сами видѣли и осматривали этотъ злополучный параходъ въ Туринскѣ. Результатомъ такого умнаго соображенія, было то, что И. Рязановъ издержалъ на параходъ въ 36 силъ, деревянный и съ дубянной машиной 71,000 р. сер., а получилъ барыша 3 тысячи сельдей, да 5 пуд. сележыго жиру. Этимъ чуднымъ подвигомъ кончился единственный рейсъ парохода „Іоаннъ“ изъ Туринска въ Березовъ въ 1860 году, послѣ двухлѣтнихъ приготовленій. Удивительно ли, что при такомъ дивномъ невѣжествѣ, ибирское пароходство не процвѣтаетъ.

КЪ VI-й ГЛАВѢ.

ДОКУМЕНТЫ О ССЫЛКѢ МЕНЬШИКОВА.

№ 1.

Инструкція лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку, лейтенанту Степану Крюковскому.

Понеже его императорское величество указалъ: Меньшикова, обобравъ все его пожитки, послать въ Сибирь, въ городъ Березовъ съ женою, съ сыномъ и съ дочерьми и дать ему изъ людей его мужеска и женска поза 10 человекъ изъ поддыхъ, а въ приставахъ быть тебѣ; того ради взявъ тебѣ его Меньшикова съ женою и съ дѣтьми и опредѣленное число людей вхать изъ Аранибурга *) въ Тобольскъ и везти его до Казани и до Соликамской водою, а отъ Соликамской до Тобольска сухимъ путемъ и будучи въ дорогѣ поступать п сему:

1.

Имѣть надъ нимъ крѣпкое смотрѣніе, чтобъ ни онъ ни къ кому, и ни къ нему никто писемъ не писалъ и никакой пересылки ни съ кѣмъ не имѣлъ.

2.

А ежели какія письма отъ кого явятся, тѣ брать тебѣ къ себѣ и присланныхъ къ нему и отъ него посланныхъ держать за карауломъ и о томъ писать, и тѣ письма присылать въ Верховный Тайный Совѣтъ безъ умедленія.

3.

Будучи дорогою гдѣ случится вхать сухимъ путемъ, то брать подводы ямскія сколько будетъ потребно; а

*) Раненбургъ, нынѣ узднй городъ Ризанской губерніи, въ 337 верстахъ отъ Москвы. Здѣсь содержался предварительно Меньшиковъ съ семействомъ, до ссылки въ Сибирь.

гдѣ ямскихъ нѣтъ—уѣздныя, за которыя ямщикамъ прогонныя, а уѣздныя поверстныя деньги платить по указу, а когда понадобится водою суды, то брать въ городахъ у воеводъ или у магистратовъ за настоящую цѣну и платить деньги, такожъ брать на тѣ суды работниковъ, которымъ платить заработныя деньги по указу.

4.

Что чиниться будетъ въ дорогѣ, о томъ, изъ которыхъ мѣстъ надлежитъ, рапортовать тебѣ въ Верховный Тайный Совѣтъ почасту.

5.

На нынѣшній годъ съ того времени какъ онъ повезенъ будетъ, на дачу ему, и женѣ его, и сыну, и дочерямъ корму по рублю, да на людей по рублю жъ, всего по шести рублей на день взять тебѣ изъ отписныхъ его Меньшикова денегъ отъ капитана Мельгунова.

6.

Сверхъ того, въ дорогу на прогоны и на наемъ судовъ и на прочіе дорожныя расходы взять тебѣ еще 1000 рублей изъ тѣхъ отписныхъ его Меньшикова денегъ и тѣмъ деньгамъ расходъ держать съ запискою.

7.

Для провожанія до Тобольска, взять тебѣ съ собою солдатъ 20 человекъ изъ отставныхъ батальонныхъ Преображенскаго, которые нынѣ въ Аранибурхѣ.

8.

Пріѣхавъ въ Тобольскъ его Меньшикова съ женою, и съ дѣтьми, и съ будущими при немъ людьми отдать губернатору и взявъ отъ него о томъ рапортъ ѣхать тебѣ и съ будущими при тебѣ солдатами къ Москвѣ, а пріѣхавъ явиться въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

Что данныхъ тебѣ денегъ за расходы въ остаткѣ будетъ, тѣ остаточныя деньги привезть тебѣ съ собою и потому жъ объявить.

Апрѣля въ 8 день 1728 году.

Такова инструкція къ лейтенанту Крюковскому писана гвардіи Преображенскаго полку съ сержантомъ Яковомъ Батюшковымъ.

„Апрѣля въ 26 день 1728 году Преображенскаго полку лейтенантъ Степанъ Крюковской доношеніемъ объявляетъ: что Указъ и инструкцію онъ получилъ и посланный къ Сибирскому губернатору указъ, и Меншикова, и жену его, и дѣтей Апрѣля 16 дня лейбъ-гвардіи отъ капитана Петра Мельгунова онъ прінялъ и въ путь отправился, и со всеми ими пріѣхалъ въ городъ Переславль Рязанской Апрѣля 21 дня сухимъ путемъ, а оттуда отправится 22 дня тогожъ Апрѣля на суднѣ водою, и что надлежитъ исполнять будетъ“.

№ 2.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ.

Изъ Сибирской губерніи

Всеподданѣйшее доношеніе.

Въ указъ вашего императорскаго величества изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, писанномъ Апрѣля 8, а въ Тобольску полученномъ іюля 13 чиселъ сего 728 года подъ № 107 написано: велено лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка у поручика Степана Крюковскаго, посланнаго съ нимъ Меншикова съ женою и съ дѣтьми и съ людьми въ Тобольску принять и послать въ городъ Березовъ, и выбрать добраго офицера и придать солдатъ и жить при немъ Меншиковъ, и тамъ будучи имѣть надъ нимъ крѣпкое надсмотреніе, чтобъ ни онъ

нигдѣ и нѣкому, и ни къ нему писемъ никто не писалъ и никакой переписки ни съ кѣмъ не имѣлъ.

И оный поручикъ Крюковскій прибылъ къ Тобольску сего іюля 15 дня и онаго Меньшикова намъ съ двумя дочерьми * и людьми 10 человеками объявилъ, а жена онаго Меньшикова умерла мая 10 и погребена того же 11 дня Базанскаго уезда въ селѣ Услонѣ, и намъ 728 году объявилъ на кормъ оному Меньшикову сыну, и дочерямъ и людямъ его сего іюля съ 14 дня оставшихъ денегъ 840 рублей, и оный Меньшиковъ и съ дѣтьми, и съ людьми, и оставшія деньги онаго поручика Крюковскаго въ Тобольскѣ приняты, и отправленъ онъ Меньшиковъ въ городъ Березовъ сибирскаго гарнизона съ капитаномъ Михаиломъ Миклашевскимъ сего же іюля 17 дня, да съ нимъ послано урядниковъ двое, солдатъ 20 человекъ и дама оному капитану Миклашевскому послѣ онаго вашего императорскаго величества указа о содержаніи его Меньшикова и о дачѣ ему и дѣтямъ корму инструкція. Къ поданію въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

Князь Михаилъ Долгоруковъ.
Иванъ Болтинъ.

Іюля 17 дня 1722 года.

Секретарь Козьма Бажановъ.

№ 3.

Въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Тобольскаго губернатора.

Донесеніе.

Сего 1729 года, ноября 23 въ донесеніи въ Тобольскую губернскую канцелярію изъ Березова, сибирскаго

* Здѣсь сынъ пропущенъ, конечно по ошибкѣ, ибо далѣе упоминается.

гарнизона отъ капитана Миклашевскаго записано: сего де Ноября 12 дня Меншиковъ въ Березовѣ умре. Къ подацію въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Иванъ Болтинъ.

Ноября 25 дня 1729 года.

Секретарь Яковъ Андрѣевъ.

№ 4.

Въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Тобольской губернской
канцеляріи.

Донесеніе.

Сего 1730 г. генваря 1 дня въ отпискѣ въ Тобольскую канцелярію изъ Березова, сибирскаго гарнизона отъ капитана Миклашевскаго, написано: Декабря 26 дня прошлаго 1729 года, Меншикова дочь Марья * въ Березовѣ умре. Къ подацію въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Иванъ Болтинъ

Генваря 13 дня 1730 года.

Секретарь Козьма Бажановъ.

* Обрученная невѣста императора Петра II.

Примѣчанія. Общее вступленіе стр. 93 строка 34.
Надпись надъ дверьми Ада, взятая изъ Божественной
Комедіи Данта, *lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*, т. е.
входящіе сюда, оставьте всякую надежду.

Глава X стр. 360 строка 10.—переводъ французска-
го текста.—„Императоръ Александръ“⁴, говоритъ исто-
рикъ Россіи столь добросовѣстно излагающій во фран-
цузскомъ изданіи: *сборникъ обоихъ полушарій* все что
у насъ происходитъ, „хорошо знаетъ сколько потре-
буется искоренить злоупотребленій въ русскомъ управ-
леніи и сколько преобразованій требуетъ общественный
бытъ столь различный отъ остальной Европы и можно
сказать, столь явно несовершенный“⁴.

ЗАМѢТКА ОТЪ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА.

Предлагаемый трудъ полученъ обществомъ отъ автора живущаго въ Сибири, при посредствѣ М. П. Погодина и Н. В. Сушкова. Выпускаемая нынѣ книга заключаетъ въ себѣ, по плану, излагаемому авторомъ, первый томъ предпринятаго имъ полнаго описанія этой обширной и столь еще мало извѣстной у насъ страны. Надѣмся со временемъ предложить публикѣ и остальные части труда г. Завалишина, отличающагося живостью изложенія, основательностью и оригинальностью взгляда. Рукопись мы напечатали безъ перемѣнъ, не имѣя на то полномочія автора, хотя съ нѣкоторыми отдѣльными мыслями и приемами изложенія мы, можетъ быть, и не совсѣмъ согласны; при томъ мы желали передать во всей полнотѣ личнаго его воззрѣнія, всегда заслуживающія полнаго вниманія.

Письмо Д.И. Завалишина

Г. издателю «Русской старины» М.И. Семевскому
Москва, 11 декабря 1880 г.

Милостивый государь Михаил Иванович.

На последнее письмо Ваше имею честь ответить Вам, что если я полагаю, что многое, сказанное мною, не прежде может сделаться достоянием публичности как после моей смерти, то это отнюдь не потому, чтоб я избегал ответственности за свое слово; я доказал противное и борьбою своею в Сибири, и действиями своими здесь, в Москве, по возвращении в Россию. Вместо того чтобы сначала обезопасить себя выездом в Россию, я стал лицом к лицу с враждебною силою именно в то самое время, когда она достигла своего апогея, и показал пример истинной гласности, начав борьбу на месте и находясь во власти людей, способных на всякое посягательство против меня, как то и подтвердилось на деле (в меня стреляли, мой дом поджигали, чтоб выжить из Читы докучного свидетеля и обличителя, и, наконец, прибегли к тайному наговору пред правительством, не смея преследовать меня законным, судебным порядком, хотя все суды находились в их власти). Точно так же и в Москве я не задумался, напр., в публичном заседании бичевать и в речи своей, и в письменном протесте, открыто в лицо им, и безграмотного председателя комитета грамотности Шатилова, и самозванца и интригана, самозванно втершегося в комитет Дмитрия Самарина, осмелившегося шарлатанством своим и видами личного тщеславия исказить святое дело народного образования. (С выходом моим рушился и комитет). Но ни тот, ни другой не решились ни требовать от меня удовлетворения на основании правил чести, ни преследовать меня судебным порядком. Но я и этим не ограничился. Написав отчет о деле, я потребовал от издателей «**Московских ведомостей**», чтоб они напеча-

тали в газете и мой отчет, и мой протест, но они уклонились, несмотря на то, что имели собственного репортера в том бурном заседании, и что отчет их репортера был вполне согласен с моим; они и его не напечатали, а между тем из самых сторонников Шатилова впоследствии многие, и в том числе согласившийся занять место секретаря, когда после двойного выбора я сложил с себя это звание, являлись ко мне с повинною и сознались, что я был проникательнее их и верно указал на те причины, которые и искажали дело народного образования и должны были неминуемо разрушить комитет. Леонтьев же оправдывался тем, что мой отчет должен был поднять бурю во всей Москве, так как я изобличал в нем шарлатанство и личные виды во всякой общественной деятельности (не щадя и казенной), ученой, учебной и благотворительной, которые изведаль, будучи выбираем без всякого желания с своей стороны в разные общества. Я никогда не боялся сказать открыто правду о других из опасения, чтоб не сказали неблагоприятную правду и обо мне, потому что знал, что такой правды нет и что нет клеветы, которую я не был бы в состоянии опровергнуть; я не боялся поэтому никогда и ответственности за свое слово. Но как я писал Вам и прежде, что считаю полезною только полную, а не одностороннюю правду, то и не считаю возможным, чтоб то, что я могу сказать, могло быть вполне напечатано в настоящее время, а лета мои не позволяют мне надеяться, чтоб это сделалось возможным еще при жизни моей.

Что же касается до предлагаемого Вами гонорария, то вот что я могу сказать Вам на этот счет: я всегда более заботился о напечатании того, что, по моему мнению, должно было сделаться достоянием гласности, чем о гонорарии, а потому в борьбе, напр., по сибирским делам я не только не хлопотал о получении гонорария, но и не принимал его, чтобы не было и тени того, чтобы я тут извлекал себе какую-либо выгоду; напротив, с моей стороны было в этой борьбе премного пожертвований на одно писание всего и высылку в дубликатах и страховыми, на переписывание и пр.; в доказательство этого могу привести выписку из письма покойного Ф.В. Чижова

(подлинное письмо цело). Вот что написал он мне по поводу отказа от гонорария, когда я написал ему, что мне нужен не гонорарий, а нужно напечатание того, что я сообщаю (прилагая и документы), и что готов доказать и пред судом: «труд, и такой почтенный уважительный труд, как Ваш, по крайней мере, не должен Вас вводить в лишние издержки*. Если бы Вам было угодно вместо денег приказать что-нибудь купить, то будьте уверены, что с моей стороны это слово: **приказать** (подчеркнуто в подлиннике) никак не пустая фраза; я буду смотреть на Ваши поручения как на приказание человека, глубоко мною уважаемого. (Письмо 1860 г., сентября 14). Конечно, я не был обязан трудиться даром для журналов, извлекавших выгоду из моих трудов (а появлением моих статей в «Морском сборнике» и в «Вестнике промышленности» — эти журналы, которых едва было по одному экземпляру, и то **случайно**, как писал мне содержатель библиотеки в Иркутске, стали вдруг выписываться сотнями экземпляров, даже и за истекший год, когда статья, напр., появлялась в исходе года), но это показывает Вам, что гонорарий никогда не был ни моею целью, ни моею заботою. И поэтому предлагаемый Вами ныне мне гонорарий за статьи, еще не напечатанные, будет иметь и для меня, и для Вас только то значение, что даст мне возможность несколько уменьшить те занятия, которые, будучи необходимы для обеспечения моего существования, поглощают у меня лучшее время, а, уменьшив эти занятия, я буду иметь более досуга заняться изложением тех вещей, пояснения которых Вы желаете, следовательно, для Вас ускорится значительно получение оногo, а по моим летам представится больше обеспечения и вероятности, что я буду в состоянии до смерти своей сообщать Вам немало любопытного, сохранение чего, думаю, важно для истории. По всему этому я и не нахожу основания для определения гонорария с моей стороны, а предоставляю это Вам самим, думаю только, что не останусь в долгу. Конечно, для общей пользы было бы лучше, если бы я мог посвящать свое время на такой труд, который не беспo-

* Я должен был все посылать страховыми письмами и дубликатами и переписывать на свой счет в Москве.

лезен был и для истории, и для решения современных общественных вопросов, но семейная несправедливость лишила меня обеспеченного существования. Старший брат получил выделенный капитал и относительно меня, пользуясь лишением меня прав, переменили завешание так, что все отдано было сестре, вследствие предположения, что она сделает сама все, что будет нужно для моего обеспечения; но, к несчастью, она как истая московская барыня не могла обойтись без воспитанницы, пристрастившись к которой (хотя у той живы еще и теперь, и притом богатые, родители), все посадила на нее, так что не дала мне средств выехать сюда и не уплатила мне и тех 300 р. годичной пенсии, которая назначена была мне по завещанию, а при смерти сестры, когда я мог ожидать, что мне хоть что-нибудь достанется и облегчит тяжесть моего положения, оказалось, что ее так обобрали (воспитанница залучила ее жить у ней), что сестру не на что было и похоронить, и я насилу мог выручить только фамильные бумаги и кое-какие вещи, имеющие для семейства историческое значение (портрет отца и матери, Суворовскую Георгиевскую звезду, часы, бывшие с отцом в походах, и т.п.). Таким образом, я остался предоставленным тем средствам, какие заключались лично во мне. Правда, за мои статьи, особенно за передовые, платили дорого, но они были всегда так самостоятельны и независимы, что редко попадали в печать; я ничего не боялся говорить, а партиям не льстить, ни служить им орудием никогда не соглашался; и вот у меня накопилось немало статей, которые, даже будучи приняты редакциями и набраны, и проверены мною в корректуре, не печатались или по препятствиям и боязни цензуры, или по возникшим колебаниям в редакциях. Поневоле пришлось заниматься таким трудом, который не зависит от убеждений, напр., составление фактических извлечений, переводы и составление телеграмм на иностранных языках, которых знаю немало, и т.п.; занятие, конечно, для меня скучное и поглощающее у меня самое лучшее время, все утро, а при свечах я писать не могу частью потому, что должен беречь зрение (хотя и пишу, и читаю без очков), частью потому, что вечер посвящен обучению старшей дочери,

обширному чтению и живой беседе, чтоб собственным наблюдением иметь критериум, который помогал бы разбираться в нынешнем хаосе противоречивых и пристрастных мнений, не отступающих пред искажением и самих фактов, а не только толкований оных. Между тем задерживаемые статьи вредят задержанием и в другом отношении, кроме потери труда; они лишают значения и обезцвечивают и то, что печатается как остающееся без связи с наиболее существенным и поясняющим их.

При этом письме я посылаю Вам ответ на вопрос Ваш об Ипполите, где я соединил все главное, что касается до него, чтобы избежать впоследствии вводных эпизодов, когда придется упомянуть о нем в рассказах о том, что относится ко мне.

Вы изъявили желание иметь исчисление моих статей, с официальной просьбою о том же обращалось ко мне и какое-то историческое общество в Казани, но вот в чем оказывается затруднение: статей моих немало, и они разбросаны в разных журналах и газетах, для разыскания их требуется много времени, а у меня его вовсе нет лишнего; но главное то, что самые важные статьи, передовые, составляют, как, конечно, и Вам известно, тайну, принадлежащую редакциям, без разрешения которых никто не имеет права объявлять, кто автор той или другой передовой статьи. Наконец, то, что печаталось, далеко не даст понять ни о количестве, ни о характере моей общественной и политической литературной деятельности. Есть даже много таких статей, которые, как я сказал выше, были набраны, и которых корректуры хранятся у меня, но которые не получили публичности независимо от редакции или вследствие возникшего со стороны их опасения. Такова, напр., обширная статья, направленная против учения (разумеется, в том, что есть в нем ошибочного) славянофилов, и которая, не менее того, должна была появиться в газете «День» (у меня хранится и рукопись с надписью редакции: «набрать немедленно», и самый набор); такова статья относительно ошибочного мнения, что свободу можно дать, и ребяческого желания «получить свободу не только с позволения полиции, но даже по формальному ее приказанию, чтобы на случай пере-

мены направления иметь детское оправдание, что ведь вы сами же приказали нам быть свободными» и пр. Есть много статей, отчасти также набранных, относящихся к моей общественной деятельности здесь, в Москве (по возвращении из Сибири), где все ученые, учебные, благотворительные общества, общественные учреждения старались привлечь мое содействие, и где, к несчастью, я открывал везде или фальшь и шарлатанство, или преступную уклончивость, искажавшие дело, но такая же уклончивость и редакций, чтобы не задеть высокопоставленных лиц или громких имен, ставила препятствия к оглашению моих статей, хотя я и подписывал их своим именем. Есть, наконец, и целые сочинения, одобренные редакциями, которым даже назначен был положительный срок для начатия печатания, но которые редакции печатать заколебались, увидя в сочинении документы, относящиеся к высокопоставленным знаменитостям. А между тем одно из этих сочинений с массою подлинных документов прочитывалось и одобрялось редакцией журнала, для которого предназначалось, по мере того, как было написано и даже отдано было уже редакцией для переписывания и приготовления к печати!

Сверх того, у меня сохранились дубликаты страховых писем (цены и почтовые расписки) в Совет Министров, в Сибирский комитет, в Главное управление цензуры, к разным министрам, к Филарету и другим лицам, по разным общественным и политическим вопросам, а когда я прибыл в Москву, то меня, как сказал я, без моего ведома избирали в разные общества. Городской голова при форменном отношении присылал мне отчеты по городскому управлению; по просьбе попечителя осматривал все учебные заведения, я учредил общество гувернанток, положил начало учреждению женских училищ от города; как уполномоченный на этнографической выставке был на ней руководителем всех учебных заведений; как член общества акклиматизации доставил бесплатное посещение зоологического сада всем учебным заведениям от институтов до начальных школ; везде я являлся доброжелательным критиком и помощником и, чтоб показать пример и на деле и привлечь участие других в то время,

когда на народное образование обращали мало еще внимания, я полтора года сам преподавал в пяти начальных школах в самых отдаленных частях города, куда никто не шел, пока не поставил начальное учение на твердую почву в Москве, и без меня не обходился ни один экзамен ни в общественных, ни в частных училищах. В низших школах я отыскивал способных детей и помещал мальчиков в Ломоносовскую семинарию (я поместил даже в самый лицей к Леонтьеву одного крестьянского мальчика, и он теперь в лицее же учителем и тьютором) и девочек в земскую женскую семинарию и в гимназии (иных и на свой счет, когда, не будучи еще женат, имел достаточные средства). Я посещал постоянно богословские круги у Леонида и священника Сергиевского, круги профессоров, круги славянофилов у Аксакова и западников у Леонтьева, коммерческие и деловые у Чижова. Я сносился с IV отделением и содействовал к преобразованию ремесленного училища в техническое и к разделению Николаевского института на два отделения, и пр., и пр. Везде делал я наблюдения, на все существует масса документов, не говоря уже о деятельности по комитету грамотности, где, кроме звания секретаря, я был членом всех комиссий, без исключения, и руководил первыми педагогическими курсами по всей России. Разобрать всю массу собранных мною сведений и документов и составить отчет о моей деятельности, извлечь, что должно, на общую пользу я предоставлял моему сыну, но теперь не знаю, в чьи руки все это попадет, но, во всяком случае, увидят, что я не сидел сложа руки и не зарыл таланта в землю, не искал себе ничего.

В следующем письме начну объяснение об ордене восстановления и об участии моем в Северном тайном обществе. Всегда готовый к услугам Вашим и Ваш покорный слуга Дмитрий Завалишин.

Ипполит Завалишин

Отец наш, овдовев в молодых еще годах (первая жена его и наша мать была Марья Никитична, урожденная Черняева, родная сестра Григория Никитича, отца изве-

стного Михаила Григорьевича), остался с четырьмя малолетними детьми, из которых только старший, 9 лет, мог быть помещен в пансион в Петербурге, остальные же по возрасту должны были оставаться при отце; сестре был 7-й год, мне — 6-й, Ипполиту — 2-й. Между тем новая должность отца требовала по званию генерал-инспектора путей сообщения постоянных разъездов. В таких обстоятельствах отец наш задумал вновь жениться, но не для себя уже, а чтоб иметь мать его детям; поэтому, отклонив предложения многих желавших породниться с ним семейств, где были молодые и красивые девицы, он выбрал себе в жены девицу пожилую, некрасивую и небогатую, хотя из аристократического рода Толстых, в предположении, что по всем этим условиям она будет заниматься исключительно воспитанием детей, но, к сожалению, очень ошибся в этом предположении. При некоторых хороших качествах это был тип московской аристократки, вполне преданная, несмотря на внешнее богомолье, самой пустой светской жизни, картам с утра до поздней ночи и приему гостей, которые жили с тех пор в нашем доме почти безвыходно.

Мачеха отдала сестру в Москву на воспитание своей сестре Тютчевой (матери поэта), а моих учителей распустила под предлогом, что будет сама учить меня всему, чего никогда, по образу жизни ее, не могла делать, что и заставило меня, десятилетнего еще мальчика, усиленно требовать от отца, чтоб меня отвезли скорее в Морской корпус. Но зато, оскорбившись отзывом нашей родной тетки Юлии Никитичны, бывшей замужем за генералом Хитрово, что мачеха никогда не может заменить родную мать, и предлагавшей отцу нашему взять к себе на воспитание его детей, мачеха вздумала доказать противное по отношению к Ипполиту и сделала его вывескою своего тщеславия. Она баловала его донельзя, возила беспрестанно из Твери в Москву, где его баловали не меньше ее родные, а когда отец вышел в отставку, то мачеха вместо того, чтоб оставить Ипполита в Морском корпусе, куда он был записан и приготовлен и где мог находиться под моим наблюдением, увезла его в деревню, хотя ему было уже 12 лет (старший брат поступил в корпус на 11-м, я на

12-м году возраста). В деревне и в Москве Ипполит ничему уже не учился, и, когда отец наш скончался на другой год после отставки, мачеха поспешила по предложению великого князя Михаила Павловича поместить Ипполита в новооснованное великим князем Артиллерийское училище вместо Морского корпуса, как назначал наш отец. Надзор в училище был тогда крайне слаб; ученики шатались, где хотели (это я сказал и великому князю, когда он мне жаловался на Ипполита), Ипполит мотал, требовал от мачехи беспрестанно денег, и когда она вынуждена была, наконец, ему отказывать, стал писать ей дерзкие письма, не называя уже ее матерью (одно из этих писем сохранилось в бумагах мачехи, перешедших ко мне по смерти сестры в нынешнем году), а по привычке к мотовству стал добывать деньги разными путями, так что когда я приехал в Петербург, то директор артиллерийского училища сказал мне, что необходимо заплатить значительную сумму, чтоб выпутать Ипполита из очень дурной истории, которая иначе может окончиться для него судом и, по меньшей мере, выключкою из училища. Я заплатил, имея тогда достаточные средства от похода кругом света. Ипполит обещал исправиться, но после осуждения моего вздумал выслужиться ложным доносом на меня же. Воспользовавшись тем, что, прибежав ко мне в день отправления моего в отпуск (прибежав без спросу и вопреки запрещению моему ходить ко мне), он нашел у меня огромное число людей, собравшихся провожать меня; тут были и члены Северного общества (с Рылевым во главе), по поручению которого я отъезжал; тут были почти все офицеры гвардейского экипажа и многие знакомые, и даже иностранцы. Ипполит, не видя в числе осужденных многих, кого видел на проводидах, донес, что я скрыл многих, особенно иностранцев, что я получал огромные деньги из-за границы (по невежеству своему он выдал консульские счета якобы за документы, доказывающие получение этих денег), и пр. Нелепость его доноса (он по легкомыслию воображал, что все будет принято без проверки) была немедленно обнаружена, и он «за ложный донос на родного брата и благодетеля», сделанный по самым дурным побуждениям, был осуж-

ден к лишению всех прав и к ссылке в Сибирь. Но я, хотя человек уже осужденный, обратился чрез посредство Левашева к государю с письменною просьбою смягчить Ипполиту наказание не ради его самого, а чтоб наше семейство не было поражено вдруг гибелью двух членов зараз. Вот почему Ипполита разжаловали только в рядовые и без лишения дворянства, послали при партии в Оренбург на выслугу. Но он, пользуясь тогдашнею безгласностью, в объяснение своего осуждения придумал такую историю, что будто бы он был осужден за попытку освободить меня из крепости, а мачеха и сестра, частью по самолюбию, частью из сострадания, имели слабость подтверждать рассказ Ипполита, хотя и знали всю правду чрез мужа сестры мачехи, которого Ипполит также запутал в своих показаниях. Следствием этого было то, что по прибытии партии в Москву князь Дмитрий Владимирович Голицын, главнокомандующий и друг нашего семейства, дозволил Ипполиту отделиться от партии, пожить в Москве, а там догнать партию на почтовых по частной подорожной. Под влиянием ложного объяснения причин его осуждения его как жертву будто бы любви к брату и родные, и знакомые в Москве носили на руках и дали ему значительные средства. Ту же льготу относительно проезда дали ему все знакомые нам губернаторы во Владимире, Нижнем Новгороде и Казани, а вследствие этого и он даже предупредил свою партию в Оренбурге и тот же час по какой-то глупой истории обратил внимание на то, что прибыл ранее партии. Начались расследования, и он выдал всех, оказавших ему снисхождение. Кн. Д.К. Голицыну, разумеется, не сказали ничего, но владимирский губернатор получил выговор.

В Оренбурге Ипполит выдал себя за декабриста, завлек несколько прапорщиков и юнкеров в сохранившиеся будто бы отрасли тайного общества и затем донес сам же и о них, узнав будто бы (как опять-таки по слабости к нему и по фамильному самолюбию, уверяла в извинение его сестра), что хотят донести на него. Однако же, когда дело разъяснилось, он был приговорен и сослан в каторжную работу в Нерчинские заводы. Я помогал ему и там, и у меня сохранился за подписью Лепорского (комен-

данта) список вещей, посланных мною Ипполиту. Когда произошла история Сухонина, то горное начальство с испугу всех, кто был в работе из дворян, отослало к Лепорскому в Читу; таким образом, и Ипполит попал в каземат и был как бы зачислен в декабристы. В каземате он вел себя дурно, то писал ко мне письма раскаяния, то делался орудием клеветников. Затем, будучи отправлен на поселение, везде считался и выдавал себя за декабриста, везде втирался в круг чиновничества, везде сначала дружился с ними, затем ссорился и переводим был из места в место, умел, однако же, вкрасться в доверенность и генерал-губернаторов Дюгамеля и Гасфорта, которые дали ему дозволение разъезжать по Западной Сибири. Наконец, вследствие обширных связей нашего семейства ему возвращено было дворянство и дано позволение возвратиться в Россию и даже год пробыть в Москве. В последнее время он жил в Самаре и в то время, как сестра не уплатила мне и того, что была должна, он умел вытягивать из нее и сверх положения. Кроме того, по ее протекции печатались здесь его сочинения обществом распространения полезных книг чрез Погодина, который был в числе учителей его.

Это внешнее сходство с историей декабристов в Сибири и было причиною, что он сделался моим злым двойником, так как внешние события подавали нередко повод к тому, что его смешивали со мной. Он имел литературный талант, но всегда худо учился и не любил ничем заниматься основательно. Кроме французского языка (полумосковского), других языков не знает. Теперь ему 71-й год.

ИРЛИ. Ф. 625. Оп. 2.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Ю. Мандрика. «...он ознакомит Россию с Сибирью...».
Ипполит Завалишин — историк, публицист
и большой мастер эпистолярного жанра 5—80

Нѣсколько словъ читателю 1
Общее Вступленіе 7

Глава I. Вступленіе, Омскъ. 139
Глава II. Ишимъ, Петропавловскъ 167
Глава III. Курганъ, Ялуторовскъ 190
Глава IV. Тюмень 207
Глава V. Туринскъ, Пелымъ 225
Глава VI. Березовъ. 248
Глава VII. Сѣверный океанъ 272
Глава VIII. Тобольскъ. 305
Глава IX. Тара 336
Глава X. Коряковъ, Заключеніе 354

Таблицы и Ведомости 375

Приложение

Письмо Д.И. Завалишина 499—505
Д.И. Завалишин. Ипполит Завалишин 505—509

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

Хрестоматія выпускъ 1-й	30 к.
— — выпускъ 2-й	30 к.
Елизавета Фрей. Соч. Е. Туръ	15 к.
Магдалина, повѣсть Юліи Кавана	50 к.
Сестра Розалія	50 к.
Азбука и чтеніе для перваго возраста, г-жи Вельтманъ въ 2-хъ частяхъ	60 к.
Дѣлатели золота, повѣсть Цшокке	25 к.
Описаніе Западной Сибири. Г. Завальшина	70 к.

въ печати:

Разказы о греческихъ герояхъ. Нибура.
Плутарховы жизнеописанія.
Путешествіе вокругъ свѣта г-жи Пфейферъ.

приготавливаются къ печати.

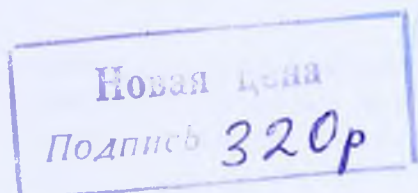
Учебникъ Русской Исторіи г. Хандрикова.
Американскіе очерки Дилца.
Листки изъ книги природы. Генриха Консіенса.
Разказы изъ Русской исторіи. г. Суворина.
{The Daisy Chain.} Семейная Хроника г-жи Юнгъ.

Иногородные, выписывающіе книгъ на 25 руб. сер. за пересылку не платятъ. Съ требованіями адресоваться къ комиссіонеру Общества Василью Андреевичу Естрединову, въ Москву, на Срѣтенку въ домъ Быкова.

ЗАВАЛИШИН Ипполит Иринархович

Описание Западной Сибири

Репринтное издание

Операторы ПЭВМ: Д. Никифоров и Н. Нохрина
Корректор М. Кремлева

Подписано в печать 20.02.2005 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл.-печ. л. 24,96. Тираж 400. Заказ №544.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106

370

